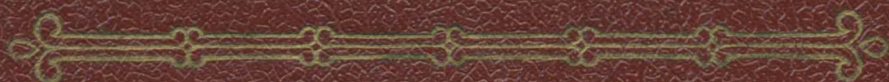

Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Николай Карамзин.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

В двенадцати томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1989

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1989

ББК 63.3(2)41
К21

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Н. САХАРОВ

Подготовка текста:
В. Ю. АФИАНИ, В. М. ЖИВОВ, В. П. КОЗЛОВ

Авторы статей:
В. Ю. АФИАНИ, А. В. ГУЛЫГА, В. М. ЖИВОВ,
Л. Г. КИСЛЯГИНА, В. П. КОЗЛОВ,
А. Н. САХАРОВ, М. Б. СВЕРДЛОВ

Комментарии к „Примечаниям“
Н. М. Карамзина:
В. Ю. АФИАНИ, М. И. АФАНАСЬЕВА,
В. П. КОЗЛОВ, Г. А. КОСМОЛИНСКАЯ

Переводы иноязычных текстов
подготовлены
М. И. АФАНАСЬЕВОЙ

Указатели составлены
И. В. ЛЕДОВСКОЙ

К $\frac{0503020200-074}{042(02)-89}$ подписное

ISBN 5-02-009550-8

Вступительная статья,
приложения и комментарии.
© Издательство «Наука», 1989

ОТ РЕДАКТОРА

В истории человечества, его культурном наследии есть имена, значение которых непреходяще. Это такие величины, как, скажем, создатели Библии, Аристотель, Авиценна, Конфуций, Шекспир, Монтень, Толстой, Достоевский, Вернадский и многие другие. В то же время нередко бывало так, что труды, основанные на глобальных идеях и блестящих предвидениях, произведения, талантливо обобщающие человеческие характеры и выражающие основные свойства человеческой природы, по разным причинам преданные забвению или уходившие в тень, переживали века и вновь возвращались к людям уже в иные эпохи.

Происходило это потому, что люди во все времена как в прошлом, так и в настоящем, соприкасаясь с великими проявлениями человеческого духа, находили и находят в них каждый для себя нечто созвучное своим исканиям, размышлениям, переживаниям. Думаю, что это относится не только к отдельным личностям, но и к целым поколениям. Вдруг в тот или иной период, в той или иной стране выходили из забвения и обретали новую жизнь старые философские трактаты, остроумные научные гипотезы, проникновенные размышления, литературные шедевры, отодвинутые и затертые новыми открытиями и откровениями. Но и забвение, и возрождение высоких созданий человеческого духа порой оказывалось связанным не столько с их сутью, сколько с движением общества, его новым пониманием научных, общественных, культурных, эстетических задач. Рано или поздно происходило их возвращение, пусть в другом масштабе и качестве, пусть порой в виде уважения к таланту, прекрасной реминисценции, забытого откровения, но происходило — потому, что люди вдруг ощущали в этом возвращении острейшую потребность. Талант сам ставит себе памятник в вечности, несмотря на все повороты общественных судеб.

Кажется, нечто подобное свершилось с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, которая сегодня

пя становится прочным культурным достоянием ныне живущих поколений.

Когда-то А. С. Пушкин написал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Поэт образно выразил впечатление русского общества об «Истории» Н. М. Карамзина после ее выхода в свет.

Это вовсе не значило, что российский читатель прежде не знал древней истории своей страны. Уже были известны такие шедевры русского летописания как «Несторова летопись», уже появились в свет обобщающие труды В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера. И все же открытие древней России для читателя XIX в. оказалось связанным именно с научным творчеством Н. М. Карамзина. Он сумел как никто другой полнокровно, масштабно, талантливо представить историю России от древнейших времен до начала XVII в.

Читатели получили от Карамзина грандиозный запас исторических знаний. И не случайно поколение за поколением, отворачиваясь порой от архаических концепций Карамзина, вновь и вновь открывали его «Историю», поражаясь ее полнотой, основательностью, фактической и источниковой аргументированностью.

Н. М. Карамзин помогал читателям силой своего исследовательского дара, художественной интуиции независимо от их общественных настроений и привязанностей увидеть Россию в самом различном обличьи, Россию, которую можно было любить и которой можно было гордиться, Россию, которую следовало осуждать и ненавидеть, Россию, за которую можно было страдать душой.

Вся эта гамма разнообразных, противоречивых чувств, вызываемая «Историей» Карамзина, и сделала ее источником притяжения и отталкивания, одобрения и осуждения, подражания и отрицания.

Перед читающей публикой Россия с самых первых шагов своего исторического существования предстала не изолированной от мира восточной окраиной, какой рисовали ее в XVIII — начале XIX в. западные, да и некоторые отечественные авторы, а полноправным членом семьи европейских народов и государств. Он как бы вдохнул новую жизнь в ветхозаветную концепцию первой русской летописи, отметившей, что Русь «сидит», «в Афетове же

части», среди «полуночных» и «западных» стран, среди других европейских народов и государств.

Н. М. Карамзин в силу возможностей науки своего времени попытался сопоставить некоторые и прежде всего политические процессы, протекавшие в России, с явлениями, происходящими во всем евразийском регионе, выявил их общность и закономерность. Эти же попытки дали ему редкую для того времени возможность сопоставить стремительный прогресс европейских народов и печальное топтание на месте в течение нескольких столетий милой его сердцу родины, которое он объясняет лишь тяготами татаро-монгольского нашествия и последующего ига. Н. М. Карамзин не видит пагубного влияния крепостничества, а тем более самодержавия. Но картина, которую рисует историк, настолько выразительна, что заставляет задумываться над трагическими социально-экономическими судьбами страны любого, кто вглядывается в нее непредубежденным взглядом.

Впервые в отечественной историографии Н. М. Карамзин представил читателям историю страны в образном ее видении, в попытках раскрыть человеческие характеры «действующих лиц», выступающих на исторической авансцене.

Его яркое беллетристическое перо, казалось, постоянно вырывалось из плена сковывающих его жестких и порой утомительных исторических реалий, но аналитический ум ученого умело использовал эти реалии для создания неожиданного синтеза — истории и человека. По существу он первым обдуманно, ярко, увлекательно заселил нашу историю людьми.

Этот сплав придал «Истории» тот неповторимый колорит, который был так дорог поколениям прошлым и который, оказалось, стал дорог и для поколений ныне живущих.

С годами беспокойный интерес к «Истории» Н. М. Карамзина в нашем обществе нарастал. Мы интуитивно чувствовали, что оставляя в небрежении этот памятник отечественной культуры, мы лишаем себя чего-то большого и значительного. И это лишение не восполнялось, увы, ничем из того, чем общество располагало, обращаясь к отечественной истории. Возникал определенный разлад между духовными потребностями общества в исторических знаниях и мерой их реализации. Нам не хватало

многого из того, что как раз и составляло кровь и плоть карамзинской «Истории».

Активно не принимающие его монархических привязанностей, равнодушные к его просветительским иллюзиям, понимающие всю временную методологическую ограниченность Карамзина как ученого, мы тем не менее трепетно прикасаемся к страницам его труда, от которых веет мощью знания, силой трагедийных ситуаций, высотами духа наших предков, их великими успехами и тяжкими поражениями и утратами; мы прикасаемся к реальной жизни, к ушедшим, но таким живым людям.

Н. М. Карамзин помогает обществу устранить этот существующий разлад, обрести во многом утраченную историю, и нынешние поколения могут вслед за А. С. Пушкиным благодарно произнести, что и на их долю досталось открытие того удивительного историко-художественного мира, который поразил Россию в пору своего появления.

А. Н. Сахаров

Н. М. Карамзин

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

*Государю Императору
Александру Павловичу
Самодержцу Всея России*

Всемиловитвейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалясь ревностию и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно-минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно Царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом Природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердце-
ведец читает мысли, История предаёт деяния велико-
душных Царей, и в самое отдаленное потомство все-
ляет любовь к их священной памяти. Примите ми-
лостиво книгу, служащую тому доказательством.
История народа принадлежит Царю.

Всемиловитвейший Государь!
Вашего Императорского Величества

верноподданный
Николай Карамзин

1*- Декабря 8₂
1815 -1*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как ископимые страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деписанию; омраченный густою сению

невежества народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы правятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками, и немые предметы красноречивыми. Тени минувших столетий веде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами не-

проходимыми, хладными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмою ^{1*} частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для Истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов достойный своего счастья и несчастья, странный лже-Димитрий, и за сонмом доблественых Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Перво-святитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во

тме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии оDescriptions Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? голый рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты как у нас за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудем, что сии полу-тигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов.— Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государст-

ва, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени, или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготовили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории; но добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых*, *целых* образов, представлял единственно *тени*, в *отрывках*: то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, на пример Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века *. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Деесписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*,

* Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екatherine I, Петре II, Анне, Елисавете, многое, чего нет в книгах.

не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: не лзя прибавить ни одной черты к известному; не лзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право неогценное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус оставил неизменные правила и навсегда отлучил Дееписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом мннувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости правоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не мог-

ло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерова, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо *: оба суть достойные совместники Древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило Геня. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*, уподобиться Тациту? не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывають для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* Бытописателя, а хорошая отдельная мысль *дар*: Читатель требует первого, и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше*, оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке: так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

* Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить с том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупаю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, сучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою: то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено —

надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя; слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батюга до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною, 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастием, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее История наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой* эпохи, Единовластие *второй*, изменение гражданских обычаев *третьей*. Впрочем нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться оуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство, служили мне руководством, поручаю

себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

1) *Летописи*. Нестор, инок Монастыря Киево-печерского, прозванный *отцем* Российской Истории, жил в XI веке *: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные **, и сделался *первым* Летописцем нашего отечества ***.

* См. сей *Истории* Т. II, примеч. 213. В разных списках Нестора (*Пушкинском, Кенигсбергском*) находятся слова: «к нему жь (Феодосию) и аз приидох худый, и прият мя, лет ми сущу *семнати* от роженя моего». Игумен Феодосий скончался в 1074 году: и так Летописец наш родился около 1050 года.— ^{1*} В заглавии *Хлебниковского* списка ^{1*} (см. ниже) поставлено имя Нестора: в других Автор назван просто Черноризцем Феодосиева монастыря Печерского. Житие Нестора в печатном Патерике есть новейшее сочинение: его нет в древнем рукописном (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 213).

** См. сей *Истории* Т. II, примеч. 64 и 213. Вероятно, что по запискам церковным Нестор означал *дни* преставления некоторых древних Князей.

*** Мы должны упомянуть о *мнимом древнейшем Летописце* Иоакиме, первом Новгородском Епископе, приехавшим в Россию с Царевною Анною, супругою Св. Владимира. Татищев рассказывает следующее: «Архимандрит Мельхиседек доставил ему, как любителю древностей, три тетради, полученные им от Монаха Вениамина и выписанные из старой книги, с которою Вениамин сам ехал к Татищеву, но умер дорогою. В тетрадях написано, что Нестор худо знал происшества Новгородские, гораздо лучше известные Иоакиму; что Славен, внук Иафефов, по сказанию сего Епископа, основал город Славянск в России; что после господствовал там Князь Вандал, коего родственниками были Князь Гардорик и Гунигар, завоеватели многих стран; что сыновья Вандаловы назывались Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде; что от Владимира произошел Буривой, отец Гостомысла, который изгнал Варягов из России и построил Выборг; что Рюрик ему внук, Ольга Прекраса также родственница; что Святослав мучил Христиан; что Св. Владимир крестился не в Херсоне, а в Болгарии»;

Второй, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния юго-западной ^{2*} России *. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: на пример, один в Новгороде, Иерей посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Кяеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове **. К сожалению,

что его сыновья, Борис и Глеб, родились от Царевны Анны, не *Греческой* (изъясняет Татищев), а *Болгарской*», и проч. См. его *Рос. Истории* Т. I, стр. 29—51.

Сию *шутку* многие приняли за истину и начали с важности говорить о *Летописце* Иоакиме: Но слова Татищева: *Вениамин Монах токмо для закрытия вымыслен* (стр. 42), доказывают, что здесь дело идет о *вымыслах*. Басня о Князе *Словене*, *Изборе* и проч., давно известна (см. нашей *Истории* Т. I, примеч. 70 и 91). Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат той же Категории. Слог их есть новой. Иоаким в X веке мог ли написать: *Святослав имел три сына, им же тако области раздели — Ярополк, известяся о сем, печален бысть — победиша не силою, ни храбростию, но предательством — мы же* (Иоаким в Новгороде) *ходихом по торжищем и улицам, и учухом; но гиблющим в нечестии слово Крестное явися безумием и обманом*, и проч. Всего решительнее следующее замечание: доказано ли, что Анна, супруга Владимира, была Греческая Царевна, родная сестра Императоров Василия и Константина? Без сомнения: не только Нестор, не только современные Немцы, Арабские, но и Византийские Летописцы единогласно то утверждают. Как же Иоаким, приехавший с Анною в Россию, мог считать ее Княжною Болгарскою? Видим причину сего вымысла: не зная, что Кедрин и Зонара именуют Владимира зятем своих Императоров; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищев сомневался в истине Несторова повествования и хотел исправить мнимую его ошибку, говоря: *сие ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен История сыскаться может* (см. Татищ. *Рос. Истории* Т. I, стр. 51). Повторяю, что он не мыслил обманывать: это затейливая, хотя и неудачная догадка.

* См. Т. II, примеч. 184.

** См. Т. II, примеч. 288, Т. III, примеч. 24, 36, 153, год 1198, и Т. IV, примеч. 175. Подробный *Псковский Летописец*, доныне неизданный, начинается около 1303 года; а древнейшие в нем известия взяты из Нестора и Новгородской летописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники: один Архивский Н. Н. Бантыша-Каменского, другой Архивский А. Ф. Малиновского, третий Синодальный, четвертый Графа Ф. А. Толстого. Первый из библиотеки Столыка Василья Никифоровича Собакина, коего отец

они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними.— Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государственоваия Алексия Михайловича *. Некоторые донны еще не изда ны или напечатаны весьма неисправно **. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV века ***. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кенигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский* ****. В каждом из них

в 1648 году был Воеводою Псковским; писан Дьячком Андреем Козою, и доходит до 1650 года. Другие три гораздо старше сего времени, и заключают в себе некоторые особенные известия.

* Два перерыва заметнее пных: в княжение ^{3*} Василия Дмитриевича и в царствование ^{4*} Иоанна IV Грозного: чему, как надобно думать, в пню была смерть двух Московских современных Летописцев.

** На пример, Нестор по Кенигсбергскому списку. Исправнее всех напечатана Новгородская Летопись в Москве с харатейного Синодального списка, а в Петербурге с бумажного старого в *Продолжении Древней Рос. Вивлиофики*. Второй список идет далее; в нем именует себя *Поп Иван*, без сомнения не Автор, а переписчик ^{5*}: ибо тут же в харатейном Синодальном и теми же словами говорит о себе *Пономарь Тимофей*.— *Особенные* сказания сей летописи начинаются со времен Ярослава Великого; предыдущее взято из Нестора.— Новгородские известия простираются в краткой летописи, отданной в Архив Иностр. Коллегии А. Ф. Малиновским, до самого 1570 года.

*** Первый поднесен Императору Графом А. И. Мусиным-Пушкиным; второй найден мною в библиотеке Троицкой Лавры, отдан после *Обществу Истории и Древностей*, и сгорел в нашествие Французов.

**** В 1809 году, осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: *Летопись Киевскую*, известную единственно Татищеву, и *Волинскую*, прежде никому неизвестную (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 175). Через несколько месяцев достал я и другой список их: принадлежав некогда Ипатьевскому монастырю, он скрывался в библиотеке С. Петербургской Академии наук между Дефектами ^{6*}— Хлебниковский список должен быть XV или XVI, Ипатьевский XIV века; оба начинаются Нестором ^{6*}.— Список *Кенигсбергский*, *завоеванный* Россиянами в 1760 году, не старше XVI века.— *Ростовский*, зарученный Св. Димитрием, содержит в себе любопытные прибавления, писан в XVII веке, идет до времен Петра Великого, и хранится в Архиве Иностр. Коллегии.— Так называемый *Воскресенский* (напечатанный) есть Софийский Новгородский список Нестора и Продолжателей его; в нем не мало важных *древних* прибавлений: о Старейшине Гостомысле, о Варягах Киевских,

есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками, или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжестве; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности,— на пример, *Архивскому*.

II) *Степенная Книга* *, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени* или поколения Государей.

III) Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже

о характере первых Князей (см. сей *Истории* Т. I, примеч. 71, 274 и Т. III, примеч. 276).— *Львовский*, изданный в С. Петербурге 1792 г. в V Томах под именем *Летописца Русского*, замечает телен некоторыми особенными известиями о государствовании Иоанна III.— *Архивским* (в библиотеке Архива Иностр. Коллегии) назвал я список XVII века, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, от времен Василия Димитриевича до 1560 года.— Многие и ныне думают, что Патриарх Никон составлял *Никоновскую* летопись: она только принадлежала ему, отдана им в библиотеку Воскресенского монастыря и надписана его рукою: вот для чего назвали ее сим именем. — Я говорю здесь о главных, лучших, по крайней мере известнейших списках: их находится, может быть, около тысячи в России, сверх многих сокращений, писанных обыкновенно в четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу Историю, первая указала печатать летописи. Издержали не мало денег, но не сделали нужнейшего: исправного ученого *свода* летописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список, и только означить важные отмены, прибавления других? В десяти больших томах мы поместили бы все летописи от XI до XVII века, со включением и Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской. Имеем еще *Летописца Архангельского, Двинского, Нижегородского, Соловецкого, Устюжского, Вятского*; последние два еще не изданы; каждый из них содержит в себе материалы для Историки.

* Татищев сказал несправедливо, что Митрополиты Киприан и Макарий сочиняли ее: Автор именно говорит (в печатн. стр. 76), что Макарий велел ему описать житие Св. Владимира, и проч. Киприановых сочинений там два: житие Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558).— Многие *новейшие* сокращения летописей также расположены по *степеням Государей* до самого Царя Алексия.

много подробных *современных* известий которых нет в летописях *.

IV) *Жития Святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые однако ж, на пример Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке **.

5 V) *Особенные дееписания*: на пример, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI) *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII) *Письменные Каталоги Митрополитов и Епископов*.— Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX) *Послания Святителей* к Князьям, Духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного ***.

X) *Древние монеты, медали, надписи ****, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

* Доныне еще не издано ни одного Хронографа; они разных сочинителей, и тем любопытнее.

** Симоном и Поликарпом (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 171). Списки Прологов имеем XIV и 7* XIII века. Минея писана в XVI, а исправлена в XVII. Митрополит Макарий собирал для нее жития Российских Святых, сокращенные после Св. Димитрием Ростовским. Макариева Минея хранится в Синодальной библиотеке.

*** Любопытны послания древних Митрополитов, Иоанна и Никифора, Епископа Нифонта, и многих Святителей XIII, XIV и XV века, найденные мною в Патриаршей или Синодальной библиотеке.

**** К сожалению, на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена, за то в харатейных Евангелиях, Апостолах и других церковных книгах встречаются подписи исторические; на пример: «писано при таком-то Князе, и в таких-то обстоятельствах Государства».

XI) *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года *. Архивские Новгородские грамоты и *Душевные записи* Князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть

XII) Собрание так называемых *Статейных Списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка.— К сей нашей собственности присовокупляются

XIII) *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские; Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV) *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского **.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

* См. сей *Истории* Т. II, примеч. 256, и Т. IV, примеч. 206.

** См. сей *Истории* Т. III, примеч. 112, и Т. IV, примеч. 268

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Том I

Глава I

О НАРОДАХ ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения Греков о России. Путешествие Аргонавтов. Тавры и Киммериане. Гипербореи. Поселенцы Греческие. Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полунощных. Описание Скифии. Реки известные Грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, Геты, Сарматы, Алане, Готфы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: их подвиги. Авары, Турки, Огоры. Расселение Славян. Падение Аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов Славянских

<Древние сведения о России>. Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками: Только в повествовании Греков и Римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. <Путешествие Аргонавтов>. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оногo, веков за XII до Рождества Христова¹. <Тавры и Киммериане>. В сем любопытном стихотворении, основанном по крайней мере на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Миотисское или Азовское море, Воспор, народ Каспийский, Тавры и Киммериане, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь»². Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков,

и Черное море, как вероятно, получило от того свое название ³. <Гипербореи>. Цветущее воображение Греков, любя приятные мечты, изобрело Гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих ^{1*} далее на Север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков, и насыщая жизнью, бросаются в волны морские ⁴.

Наконец сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. <Поселенцы Греческие>. Веков за пять или более до Рождества Христова Греки завели селения на берегах Черноморских. <Ольвия>. Ольвия, в 40 верстах от устья Днепровского, построена выходцами Милетскими еще в славные времена Мидийской Империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона, и зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. <Пантикапея и Фанагория>. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого Царства Воспорского, основанного Азиатскими Греками в окрестностях Киммерийского Пролыва. <Танаис, Херсон>. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему Царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых ⁵. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождения Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

<Скифы и другие народы>. Киммериане, древнейшие обитатели нынешних Губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с Германскими Цимбрами ⁶ — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества Скифами или Сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но вытесненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и наконец утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный Царь Персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии, и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло

се его многочисленное войско ⁷. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизам или Калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «везде достигать неприятелей, и везде от них скрываться» ⁸; однако ж терпели Греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и Царь кифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и грифов. — Саллипиды, смесь диких Скифов и Греков, жили близ Ольвии к Западу; Алазоны в окрестностях Гипаниса или Буга; так называемые *Скифы-земледельцы* далее к Северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже еяли хлеб, и торговали им. На левой стороне Днепра, 14 днях пути от его устья, (вероятно, близ Киева) между *Скифами-земледельцами* и кочующими было их Царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная Орда, или *Царственная*, коевала на Восток до самого Азовского моря, Дона и Таврыма, где жили Тавры, может быть единоплеменники ревенных Киммериан: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице*, τῆ Παρθένῳ, и мыслевостопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον⁹. Геродот пишет еще о многих других народах *не-Скифского* племени: Агафирсах в Седмиградской области или Трансильвании, Неврах в Польше, Андрофагах и Меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях или в 800 верстах от Черного моря к Северу, в ближнем соседстве с Андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Евры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть, зимою покрывались волчьими кожами. — На Доном, на степях Астраханских, обитали Сарматы или Савроматы; далее, среди густых лесов, Будины, Телоны (народ Греческого происхождения, имевший деревянную крепость), — Ирки ¹⁰, Фиссагеты (славные вероловством), а на Восток от них Скифские беглецы *Юрды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна Агрипеев, людей *плосконосых* (вероятно, Калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов Черноморских: следственно места были известны, также и народы,

которые говорили *семью* разными языками. <Слух о землях полунощных>. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. — На Восток от Агриппеев (в Великой Татарии) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко от них *грифы стрегут золото*¹¹: сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истинною, и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных Ордах, кочевавших на Восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних Киргизских степей, сильных Массагетах, победивших Кира¹², и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами Скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы, и не зная железа, ни серебра, делали палицы и копыя из меди.

<Описание Скифии>. Что касается собственно до Скифии Российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и Днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единосемцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам Скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть, снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на саях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом. — <Реки известные Грекам>. Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера¹³, сей Историк именует еще реку Днестр, (Τύρης, при устье коего жили Греки, называемые Тиритами), Прут (Ποράτα), Серет (Ορθησός), и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и не известен Скифам. Таким образом Север восточной Европы, огражденный

пустынями и свирепостию варваров, которые на них скигались, оставался еще землею таинственною для Истории. Хотя Скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя Андрофаги, Меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но Греки называли всю нынешнюю Азиатскую и Европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же, как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индию, ссылаясь на Историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова ¹⁴.

<Нравы Скифов>. Не смотря на долговременное общение с образованными Греками, Скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единокровец их, Философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотел дать им законы Афинские, был жертвою сего несчастного опыта ¹⁵. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

<Их падение>. Могущество Скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего Историка ¹⁶, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев.

<Митридат>. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским Царством, утеснил и Скифов ¹⁷: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним Кавказским странам России.

<Геты>. Геты, народ Фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у Скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром ¹⁸.

<Сарматы>. Наконец Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию, и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так, что особенное бытие Скифов исчезло для Истории; осталось только их славное имя, коим несведущие Греки и Римляне долго еще называли все наро-

ды мало известные и живущие в странах отдаленных ¹⁹.

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале Христианского летосчисления, когда Римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими Легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени Историки Римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, Роксолан и Язигов ²⁰; но Географы, весьма не к стати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины Севера, обратили имя Сарматов (подобно как прежде Скифское) в общее для всех народов полуночных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а Язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная ²¹. Дерзнув первые тревожить Римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелью последнего. Роксолане одержали верх над Когортами Римскими в Дакии: Язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрерывных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный роскошью, вместе с гражданскою свободою утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу Сарматов. Тацит именует Язигов союзниками своего народа, и Сенат, решив прежде судьбу великих Государей и мира, с уважением встречал Послов ^{2*} народа кочующего ²².— Хотя война Маркоманнская, в коей Сарматы присоединились к Германцам, имела несчастные для них следствия; хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска или Тисы, долго еще беспокоили набегами Римские владения.

<Алане>. Почти в одно время с Язигами и Роксоланами узнаем мы и других — вероятно, единоплеменных с ними — обитателей юго-восточной России, Алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние Массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем ²³. Они, равно как и все Азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и

детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, Аорсы и Сираки, о коих в первом веке Христианского летосчисления упоминают разные Историки, и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками Римлян ²⁴. Алане, вытеснив Сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

<Готфы>. В третьем веке приблизились от Балтийского к Черному морю Готфы и другие народы Германские, овладели Дакиєю, Римскою провинциєю со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами Империи ²⁵. Переплыв на судах в Азию, Готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии, и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги Греческие, там найденные; но приняли совет одного умного единоплеменца, который сказал им: «оставьте Грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами» ²⁶. Ужасные свирепостию и мужеством, Готфы основали сильную Империю, которая разделялась на Восточную и Западную, и в IV столетии, при Царе их Эрманарихе, заключала в себе не малую часть России Европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

<Венеды>. Готфский Историк VI века, Иорнанд, пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и Венедов, которые, обитая в соседстве с Эстами и Герулами, жителями берегов Балтийских ²⁷, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *Славян*, предков народа Российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный Океан ²⁸, и где живут Венеды. Вероятно, что Финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших об ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии,

богатых янтарем, и там покупали его у Венедов²⁹. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, Венеды жили близ Вислы, и граничили к Югу с Дакиею³⁰. Птолемей Астроном и Географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Бальтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*³¹. Следственно ежели Славяне и Венеды составляли один народ, то предки наши были известны и Грекам и Римлянам, обитая на Юг от моря Бальтийского. Из Азии ли они пришли туда, и в какое время, не знаем³². Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо согласно с преданиями Священными, и все языки Европейские, не смотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними Азиатскими³³; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами, и считаем Венедов Европейцами, когда История находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от Азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах*³⁴, и только на конях сражались: Тацитовы же Венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

<Гунны>. Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от лунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на Алан, Готфов, владения Римские, истребляя все огнем и мечем³⁵. Современные Историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия Гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний Герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольною смертию спешил избавиться от рабства. Восточные Готфы должны были покориться, а Западные искали убежища во Фракии, где Римляне, к несчастью своему, дозволили им поселиться: ибо Готфы, соединясь с другими мужественными Германцами, скоро овладел большую частью Империи.

<Анты>. История сего времени упоминает об *Антах*, которые, по известию Иорнанда и Византийских Летописцев, принадлежали вместе с Венедами к народу Славянскому³⁶. Винитар, наследник Эрманариха, Царя Готф-

ского, был уже данником Гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну Антов, которые обитали на Север от Черного моря (следственно в России), и жестоким образом умертвил их Князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими Боярами³⁷. Царь Гуннский, Баламбер, вступился за утесненных, и победив Винитара, освободил их от ига Готфов.— Нет сомнения, что Анты и Венеды признавали над собою власть Гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного Царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря³⁸. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости Дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*.— С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество Гуннов. Народы, поработанные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные Немцами-Гепидами из Паннонии или Венгрии, Гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их назвалась Гунниваром³⁹; другие рассеялись по Дунайским областям Империи — и скоро изгладились следы ужасного бытия Гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и как грозное привидение исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные Готфы большею частию удалились в Паннонию; о Роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с Гуннами, или, под общим названием Сарматов, вместе с Язигами были расселены Императором Маркианом в Иллирике и в других Римских провинциях, где, составив один народ с Готфами, утратили имя свое⁴⁰: ибо в конце V века История уже молчит о Сарматах. Множество Алан, соединясь с Немецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португаллию.— <Угры и Болгары>. Но скоро Угры и Болгары, по сказанию Греков единоплеменные с Гуннами, и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного

моря и Тавридою (где еще обитали некоторые Готфы, принявшие Веру Христианскую), и с 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия Константинопольские ⁴¹.

<Славяне>. С другой стороны выходят на ^{3*} феатр Истории *Славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы* ⁴²,— и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из Славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях Империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удались к Югу и Западу искать счастья. На берегах Черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные Орды, которые сопутствовали Гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили Немцы-Лонгобарды и Гепиды; от Днепра к морю Каспийскому Угры и Болгары: за ними к Северу от Понта Эвксинского и Дуная ⁴³, явились Анты и Славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них Историки Византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы Славян, отличные от характера Немецких и Сарматских племен ⁴⁴: доказательство, что сей народ был прежде мало известен Грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства ⁴⁵.

Уже в конце пятого века летописи Византийские упоминают о Славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли Немцев-Герулов, разбитых Лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому ⁴⁶; но только со времен Юстиниановых, с 527 году, утвердись в северной Дакии, начинают они действовать против Империи, вместе с Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые в окрестностях

Черного моря граничили с Болгарами. Ни Сарматы, ни Готфы, ни самые Гунны не были для Империи ужаснее Славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою ⁴⁷; только Хильвуд, смелый Вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но Славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на Греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так, что южные берега Дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. <Их подвиги>. Ни Легионы Римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева ⁴⁸, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать Славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, Совет Верховный и знатнейшие Вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа Славян и Болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, посевший в доблести ^{4*}, осмелился выйти к ним на встречу; но более казною Императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовавали в Империи как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо Гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности ⁴⁹. Между тем Юстиниан с гордостью величал себя *Антическим* или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали Империю, или заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных Славян, и Римский Полководец Туллиан вверил Антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили Готфского Короля Тотилу.

Уже лет 30 Славяне свирепствовали в Европе, когда новый Азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. <Авары>. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуще-

ством в степях Татарии; но в шестом веке побежденные Турками, ушли из земли своей ⁵⁰. <Турки>. Сии Турки, по свидетельству Историков Китайских, были остатком Гуннов, древних полунощных соседей Китайской Империи; в течение времени соединились с другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в Византийских летописях Дизавулом ⁵¹, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских, в шатре украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал Византийских Послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с Персами. Известно, что Россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных ⁵²: вероятно, что они принадлежали сим Алтайским Туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и Греками.

<Огоры>. Вместе с другими Ордами зависели от Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры ⁵³. Быв прежде данниками Аваров и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем Аваров, некогда могущественных, и предложили союз Императору Византийскому. Народ Греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их Послов: одежда сих людей напоминала ему страшных Гуннов Аттилы, от коих мнимые Авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшаемые лентами. Главный Посол сказал Юстиниану, что Авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан Аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил Посла, знаменитого Князя Мезамира ⁵⁴; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали Чехи и другие Славяне; победил Сигеберта, Короля Франков, и возвратился на Дунай, где Лангобарды вели кровопролитную войну с Гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу Гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннониею или Венгриею, которую

Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область Аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя Турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала⁵⁵ — тревожа набегами Китая и Персию — около 580 года распространили-было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Воспор, осаждали Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли Черноморские в подданстве Аваров.

Уже Апты, Богемские Чехи, Моравы служили Хану; но собственно так называемые Дунайские Славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения Имперские до самой Эллады или Греции⁵⁶. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить Славян и склонил Хана отмстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия, и хотел даже быть Римским Патрицием: он исполнил желание Императора тем охотнее, что давно уже ненавидел Славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают Византийские Историки следующим образом. Смирив Антов, Хан требовал от Славян подданства; но Лавритас и другие Вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол Ханский раздражил их своими надменными речами, и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление, и надеялся собрать великое богатство в земле Славян, которые, более пятидесяти лет громив Империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестидесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения*, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения. — С того времени ослабело могущество Славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро Хан Аварский совершенно овладел Дакциею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; должныствовали первые гибнуть в битвах, и когда Хан, нарушив мир с Грециею, в 626 году осадил Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу

Империи, если бы измена не открыла их тайного намерения Грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслись, и в знак благодарности были казнены Ханом ⁵⁷.

Между тем не все народы Славянские повиновались сему Хану: обитавшие за Вислою, и далее к Северу, спаслись от рабства. Так в исходе шестого века на берегах моря Бальтийского жили мирные и счастливые Славяне, коих он напрасно хотел вооружить против Греков, и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный Византийскими Историками ⁵⁸, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших, вместо оружия, кифары или гусли. Император спросил, кто они? Мы Славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного Океана (моря Бальтийского). Хан Аварский, прислал дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против Греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к Хану с извинением, что не могут за великою отдаленностью дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, не взирая на святость Посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии Греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслиях. Нет железа в стране ^{5*} нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем ^{5*} жизнь мирную и спокойную.— Император дивился тихому праву сих людей, великому росту и крепости их; угостил Послов, и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство Бальтийских Славян во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие Византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами Севера, где Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германские народы удалились к Югу, и когда разрушилось владычество Гуннов.

Наконец *Богемские* Славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость Аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы поведствуют, что некто, именем Само, был тогда смелым Вождем их: благодарные и вольные Славяне избрали его

в Цари ⁵⁹. Он сражался с Дагобертом, Королем Франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения Славян умножились новыми приобретениями: еще в шестом веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале седьмого столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию, изгнали оттуда Аваров и основали новые области, под именем Крoации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации ⁶⁰. Императоры охотно позволяли им селиться в Греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров — и в седьмом веке находим Славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество Наук и славы. — Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии ⁶¹.

^{62*} <Падение Аваров> ^{63*}. <Болгария>. Но между тем, когда Чехи и другие Славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, Дунайские находились еще, кажется, под игом Аваров; хотя могущество сего достопамятного Азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, Князь Болгарский, данник Хана, в 635 году свергнул с себя иго Аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов ⁶², они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с Баварцами и Славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. — Куврат, союзник и друг Римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию или Венгрию к Аварам; пятый в Италию ⁶³; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году завоевав и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное Государство Болгарское.

<Судьба народов Славянских>. Представив Читателю расселение народов Славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Морей и Азии, скажем,

что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлеченія сил и несогласія, почти вездѣ утратили независимость, и только один изъ нихъ, искушенный бедствіями, удивляетъ нынѣ миръ величиємъ ⁶⁴. Другіе, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Иллиріи, въ Мизіи, повинуются Властителямъ чужеземнымъ; а некоторые забыли и самый языкъ отечественный.

Теперь обратимся къ Исторіи Государства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Летописца.

Глава II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение Славян Российских. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древляне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Северяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или Чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия^{1*} Славян Российских. Господство и гибель Обров. Козары. Варяги. Русь

<Происхождение Славян Российских>. Нестор пишет, что Славяне *издревле обитали* в странах Дунайских, и вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии) перешли в Россию, в Польшу и другие земли⁶⁵. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей — проповедаю в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах Киевских, еще пенаселенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там Славян⁶⁶: следовательно они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились в Мизии⁶⁷. Но вероятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единосемцам; вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готфам, Гуннам и другим народам, искали убежище в горах, и видя наконец слабость Аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где Славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем Венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть Андрoфаги, Мелап-

хлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным ⁶⁸. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного Императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов ⁶⁹. Но Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. И так, оставляя без утвердительного решения вопрос: «откуда и когда Славяне пришли в Россию?» опишем, как они жили в ней за долго до того времени, в которое образовалось наше Государство.

<Поляне>. Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской Губернии и назвались *Полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. <Радимичи и Вятичи>. От сего же племени Славян были два брата, Радим и Вятко, Главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. <Древляне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты. Северяне. Дреговичи. Кривичи, Полочане. Славяне Новгородские>. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседы Полян на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород ⁷⁰.

<Киев>. К тому же времени Летописец относит и

начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянми на трех горах, из коих две слывут, по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевом*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь, и приял великую честь от Царя Греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем^{2*}; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться и донныне именуют сие место *городищем Киевцом*.^{3*} Он скончался в Киеве^{3*}, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали, и что вымысл народный обратил названия мест, неизвестно от чего произошедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр, не далеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в Греческих и Северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые Истории и Биографии⁷¹. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще за долго до походов Россиян в Грецию. Дулебы, Поляне Днепровские, Лутичи и Тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах Славян Дунайских, столь ужасных для Империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

<Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов>.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие Славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны Кривичами и были уже в девятом веке, а последние в самом начале десятого; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области Северян ⁷².

<Финские или Чудские народы в России>. Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине или Переславском; *Мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, на Юговосток от Мери; *Ливь* в Ливонии; *Чудь* в Эстонии и на Восток к Ладожскому озеру; *Нарова* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь* в Финляндии; *Весь* на Белеозере; *Пермь* в Губернии сего имени; *Югра*, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосве; *Печора* на реке Печоре ⁷³. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена, или смешались с Россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и Лапландцев, Зырян, Остяков Обских, Чуваш, Вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими* ⁷⁴. Уже Тацит, в первом столетии, говорит о соседственных с Венедами Финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие Шведские Историки согласны думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена Финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобитнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и Азии, не имел Историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии Готфам, а в России, может быть, Славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями» ⁷⁵. В Тацитовом описании древних Финнов мы узнаем отчасти и нынеш-

них, особенно же Лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый Историк) они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их Римский Историк: имели не только постоянные жилища, но и города: Весь Белоозеро ⁷⁶, Меря Ростов, Муром Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены.— Древняя История Скандинавов (Датчан, Норвежцев, Шведов) часто говорит о двух особенных странах Финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себя нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губернии; ^{4*} граничила на Восток с Биармиею ^{-4*}, а на Северозапад с Квенландиею или Каяаниею ⁷⁷. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные, и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармиею* называли Скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за коею они воображали Иогунгейм, отчизну ужасов Природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой Финской области ⁷⁸; но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое, действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии Норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Нордкап, doplывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но рассказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с Финнами ⁷⁹.

<Латышские народы>. Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссами составляют народ Латышский ⁸⁰. В языке его

находится множество Славянских, довольно Готфских и Финских слов: из чего основательно заключают Историки, что Латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с Готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами или *обитателями земель расчищенных*: ибо *лата* знаменует на языке Литовском *расчищение*. Их, кажется, называет Иорнанд Видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов ⁸¹: с чем согласно и древнее предание Латышей, уверяющих, что их первый Государь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы, и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию, и Летландию, где он и доньше находится, и где, до самого введения Христианской Веры, управлял им северный Далай-Лама, главный судия и Священник Криве, живший в Прусском местечке Ромове ⁸².

⟨Междоусобия Славян Российских⟩. Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками Россиян: должно разуметь, что Летописец говорит о своем времени, то есть, о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении, и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского, и могли быть предметом зависти ⁸³. Люди грубые, полудикие, не знают духа народного, и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. ⟨Господство и гибель Обров⟩. Обры или Авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве

от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею на земле Русской ⁸⁴.— Скоро явились другие завоеватели: на Юге Козары, Варяги на Севере.

<Козары> ^{5*}. Козары или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в Географиях Восточных ⁸⁵. Еще с третьего столетия они известны по Армянским летописям: Европа же узнала их в четвертом веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Атилл властвовал над ними: Болгары также, в исходе V века; но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь Персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской, и донныне еще удивительною в своих развалинах ⁸⁶. В VII веке они являются в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору (который из благодарности надел Диадиму Царскую на их Кагапа или Хакана ⁸⁷, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ос абленых разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорню, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею* ⁸⁸. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители Киевские, Северяне, Радимичи и Вятичи признали над собою власть Каганову. «Киевляне—пишет Нестор — дали своим завоевателям по мечу с дыма, и мудрые старцы Козарские в горестном предчувствии сказали: *мы будем данниками сих людей: ибо мечи их ост-*

ры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие». Басня изобретенная уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили Славяниною данию, и брали, как говорит сам Летописец, по белке с дома ⁸⁹: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека, и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы ^{6*} еще не были ^{-6*} в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии, и получали его в дар от Императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями Натуры, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян: по крайней мере Летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости Обров, не говорит ничего подобного о Козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре или Ателе (богатой и многолюдной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купеческом Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище*, близ Харькова, и другие, называемые *Козарскими*, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 Христианскую ⁹⁰.... Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов, и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, поработенные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную Державу.

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 859 года. <Варяги. Русь> ^{7*}. Тогда — заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе —

какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Бальтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от племени Русского, которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве, и по которым оно стало именоваться Русью⁹¹.— Сие происшествие важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Бальтийское море издревле называлось в России *Варяжским*⁹²: кто же в сие время — то есть, в девятом веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств, Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или *Северных людей*, громили тогда Европу⁹³. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии⁹⁴: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги Скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего Монарха, который с досадою видел, что Норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец основали Королевство Неаполитанское, и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Нордкапа или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями⁹⁵. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Не лъзя, конечно, верить Датскому Исторiku Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с Королями Скандинавскими⁹⁶: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубо-

кой древности, и заменял оные вымыслами своего воображения; не лъзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и не редко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но Рунические камни, находямые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia, Grikiä* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение ⁹⁷. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Бальтийского моря до Ростова (жилища Мери): то мы уже с великою вероятности заключить можем, что Летописец наш разумет их под именем Варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

I. Имена трех Князей Варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: так в летописях Франкских около 850 года — что достойно замечания — упоминается о трех *Рориках*: один назван Вождем Датчан, другой Королем (Rex) Норманским, третий просто Норманом ⁹⁸; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях*, между именами Князей и Витязей Скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Сню, Синя*. — II. Русские Славяне, будучи под владением Князей Варяжских, назывались в Европе *Норманами*: что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонского Епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и Норманами» ⁹⁹. — III. Цари Греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *Варягами*; *Βαράγγοι*, а по своему *Wäringar*, и состояли большею частию из Норманов ^{100, 8*}. Слово *Vaere, Vaga*, есть древнее Готфское и значит союз: толпы Скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастья, могли именовать себя Варягами в смысле союзников или товарищей ¹⁰¹, Сие нарицательное имя обратилось в соб-

ственное.— IV. Константин Багрянородный, царствовавший в десятом веке, описывая соседственные с Империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *Славянском* и *Русском* языке. Русские имена кажутся Скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе ¹⁰².— V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны с Норманскими. Слова *Туун*, *Вири* и прочие, которые находятся в *Русской Правде*, суть древние Скандинавские или Немецкие (о чем будем говорить в своем месте).— VI. Сам Нестор повествует, что Варяги живут на море Балтийском к Западу ¹⁰³, и что они разных народов: Урмяне, Свие, Англяне, Готы. Первое имя в особенности означает Норвежцев, второе Шведов, а под Готами Нестор понимает жителей Шведской Готии. Англяне же причислены им к Варягам для того, что они вместе с Норманами составляли Варяжскую дружину в Константинополе ¹⁰⁴. И так сказание нашего собственного Летописца подтверждает истину, что Варяги были Скандинавы ¹⁰⁵.

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов, не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью*, дал отечеству нашему и первых Государей и самое имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами ¹⁰⁶; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen* ¹⁰⁷. Жители ее могли в VII, VIII и IX веке быть известны, в землях соседственных, под особым названием, так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов ¹⁰⁸. Финны, имея некогда с *Рос-лагеном* более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют *всех* ее жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами* ¹⁰⁹.— Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом,

В Бертинских Летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие ¹¹⁰: «Греческий Император Феофил прислал Послов к Императору Франков, Людовику *Благонравному*, и с ними людей, которые называли себя *Россами* (Rhos),

а Короля своего Хаканом (или Гаханом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с Империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, распрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *Шведскому*.— Гахан был конечно одним из Владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и сведав о славе Императора Греческого, вздумал отправить к нему Послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной Книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немена или Мемеля *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известием древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, от чего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство Географа Равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан*¹¹¹: думают, наших Россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы.— Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *Шведский* в 839 году, следственно еще до пришествия Князей Варяжских в землю Новгородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *Россами*¹¹².

Предложив ответ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* в особенности¹¹³? скажем мнение свое о Несторовой Хронологии. Не скоро Варяги могли овладеть всею обширною странюю от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ Меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех жителей данию;

не вдруг могли Чудь и Славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, немедленно захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но Летописец объявляет, что Варяги пришли от Балтийского моря в 859 году, и что в 862 Варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полуночной ¹¹⁴!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления; но не зная иного в течение многих столетий, уже ли в несколько месяцев они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и правам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и права не могли перемениться в два года Варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих ¹¹⁵. Что вооружило их против Норманских завоевателей? любовь ^{9*} к независимости — и вдруг сей народ требует уже Властителей?.. Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятную мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что Норманы ранее 859 года брали дань с Чуди и Славян ¹¹⁶. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв ¹¹⁷: следственно он не имел никаких письменных памятников для нашей древней Истории, и считает годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое нашествие Россиян на Константинополь к Михайлову царствованию ¹¹⁸. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего Летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России; но вероятно ли, чтобы

старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие Славяне, замечая лета какими нибудь знаками, имели верную Хронологию ¹¹⁹: одно ее соображение с Хронологию Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в ошибку?— Впрочем мы не можем заменить летосчисления Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть ¹²⁰, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года.

Но прежде должно иметь понятие о *древнем* характере народа Славянского *вообще*, чтобы История Славян Российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных Византийских и других не менее достоверных Летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших в *особенности*.

Глава III

О ФИЗИЧЕСКОМ И ПРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы Славян Российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и в способностях ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший Писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно ^{1*} справедливее и сообразнее с нашими Священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от одного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах: то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха, и терпением укрепляется. <Сложение>. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с необычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в раселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие

реки. Думая без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде, являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту ¹²¹, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загарая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми, и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам.— Сие изображение Славян и Антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке ¹²².

<Храбрость>. Известие Иорнанда о Венетах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных Славян Балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым ¹²³; но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством, и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. ^{2*}— Несколько времени Славяне убегали сражений ^{-2*} в открытых полях и боялись крепостей ¹²⁴; но узнав, как ряды Легионов Римских могут быть разрываемы ^{3*} нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы, и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян: ^{4*}— они имели Вождей только частных ^{-4*}; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными, и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, ^{5*}— а внушению ^{-5*} своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых Аваров, гибли с отчаянием.— Византийские Историки пишут, что Славяне, сверх их обыкновенной храбрости, имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так знаменитый Велисарий, при осаде Авксима, избрал

в войске своем Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды.— Древнее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах ¹²⁵.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славобии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие Государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должны были открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса Послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость ¹²⁶; но что могло сначала вооружить их против Римлян? <Хищность>. Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались Готфы, Гунны и другие народы: ей жертвовали Славяне своею жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне Римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли дома ^{6*} и спасались бегством в Константинополь со всем имением; туда же спешили и Священники с драгоценною утварию церковною ¹²⁷. Иногда, гонимые сильнейшими Легионами Империи, и не имея надежды спасти добычу, Славяне бросали ее в пламя, и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска Римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников ¹²⁸.— <Жестокость>. Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков ¹²⁹; но сия жестокость, свойственная впрочем народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки, и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью, без вопля и стона; умирали в муках и не отвечали ни слова на распросы врага о числе и замыслах войска их ¹³⁰.— Таким образом Славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной

крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они — вместо того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали их в землю ¹³¹.

<Добродушие>. Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный Историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости ¹³²; хранили древнюю простоту нравов, неизвестную тогдашним Грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю, или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

<Гостеприимство>. Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех Славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякой путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседы за сие оскорбление как за собственное ¹³³. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Кушцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников ¹³⁴; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Не лъзя видеть без удивления сию кроткую добродетель — можно сказать — *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайские Славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что Славяне были некогда облагодетворены иностранцами; что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные Финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с Бальтийскими

Венедами, и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского ¹³⁵.

<Брачное целомудрие>. Древние Писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам ¹³⁶. Славянки ^{7*} не хотели переживать мужей, и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было Славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! <Жены>. Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, от того, что мужья обыкновенно покупали их: обычай доньше соблюдаемый в Иллирии ¹³⁷. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы ¹³⁸. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь ¹³⁹.

<Дети>. Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, ^{8*} скажем еще ^{-8*}, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству ¹⁴⁰. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам ¹⁴¹. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокой-

пою совестью могут ужасать Природу своими делами, и превосходить зверей в люлости! Сии дети, следуя общему примеру как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям, и всегда пеклись об их благосостоянии ¹⁴².

<Нравы Славян Российских>. К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностью между ими; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаюсь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. — Северяне, Радимичи и Вятичи ^{9*} уподоблялись нравами Древлянам ^{10*}; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест, и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении ¹⁴³!

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали в глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли ¹⁴⁴. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. <Жилища>. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так, что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность ^{10*}: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было, в случае нападения, тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

<Скотоводство и земледелие>. Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей ¹⁴⁵: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись, и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевого состояния: ибо сие благоде-

тельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и наконец самую любовь к отечеству.— Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть Латинское, следственно заимствованное ими от жителей сей земли, где язык Римлян был в употреблении ¹⁴⁶; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Венеды или Славяне должныствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия.— Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. <Пища>. В VI веке Славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для вселого угощения друзей, и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством Славянским. Мед был их любимым питием: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их ¹⁴⁷.— <Одежда>. Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т. е. едва закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных ¹⁴⁸.

<Торговля>. Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу.— В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в Немецких городах особенному надзиранию своих чиновников ¹⁴⁹. В средних веках цвели уже некоторые торговые города Славянские: Виннета или Юлин ¹⁵⁰ при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Поммерании, и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Бальтийское, славилась некогда

Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходил величием все иные города Европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но должны были таить Христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что Король Датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания; но и ныне — т. е. в XII веке — существуют остатки сего древнего города». Впрочем торговля Славян, до введения Христианства в их землях, состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар ¹⁵¹.

<Искусства>. Быв в Империи, и видев собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели ^{11*} некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей, и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов, и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою ¹⁵². Чехи за долго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием ¹⁵³, и в Герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников, которые впрочем не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы, и весьма грубо ¹⁵⁴. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму. — Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на коих выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

<Зодчество>. Любя воинскую деятельность и подвигая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки

наши мало успевали в водчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы ¹⁵⁵. Венеды называли их *Гонти-на́ми*, от слова *гонт*, донныне означающего на Русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

<Музыка>. Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых Искусств Изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая удовольствие — и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка, и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные ¹⁵⁶. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы Славянские донныне ^{12*} любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность. Так Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение Греческого Вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни Славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации, кажутся древними ¹⁵⁷: также и старинные припевы Русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастье. Вероятно, сии песни, мирные в первобытном отечестве Венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приблизился к Империи, и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия, и были в некотором смысле древнейшею Историею Славянскою. Так везде рождалось

Стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних Кроатов более всего славят мужество и память великих предков: но другие, любимые Немецкими Вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым Русским; нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

<Пляска>. Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается *пляска*, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян, которую они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи ¹⁵⁸: она состоит в том, чтобы, в сильном напряжении мышц, взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых.—

<Игры>. Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски, остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. <Счисление>. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10 000, есть древнее Славянское. <Имена месяцев>. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из оных дали название согласное с временными явлениями или действиями Природы: Генварю *Просинец* (вероятно, от *синеты* неба), Февралю *Сечень*, Марту *Сухий*, Апрелью *Березозол* (думаю, от золы березовой), Маию *Траный*, Июню *Изок* ^{13*} (так называлась у Славян какая-то певчая птица) ^{-13*}, Июлю *Червен* ^{14*} (не от красных ли плодов или ягод?) ^{-14*}, Августу *Зарев* ^{15*} (от зари или зарницы) ^{-15*}, Сентябрю *Рюен* ^{16*} (или *Ревун*, как толкуют: от *рева* зверей) ^{-16*}, Октябрю *Листопад*, Ноябрью *Груден* ^{17*} (от *груд* снега или мерзлой грязи?) ^{-17*}, Декабрю *Студеный* ¹⁵⁹. Столетие называлось *веком*, то есть, жизнью человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные креп-

ким сложением и здравые физической деятельностью. — **〈Правление〉**. Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей, и думал, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человека ¹⁶⁰. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякой строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле, составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимую Республикою; но общие древние обычаи служили между ими некоторою гражданской связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких ¹⁶¹; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их, и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякой опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя Империю, где царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизились жилищами и завели селения ¹⁶²; другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою; перешли в Греческие владения и согласились зависеть от Императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть Славян Немецких; но своевольство ^{18*} неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельства им благоприятствовали, они свергали с себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощение, так, что одна Вера Христианская могла наконец смирить их ¹⁶³.

Многочисленные области Славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, Хан Ава-

ров, зная сей тесный союз племен Славянских и покорив многие из них в Дакии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от Славян Бальтийских ¹⁶⁴. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, ответствуя устами идола, не редко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями ¹⁶⁵.

Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастьем Героев, он искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных распрях своих отдавались на суд знаменитым согражданам ¹⁶⁶; а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностию повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у Славян именами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля или Краля*, и другими. Первое без сомнения происходит от *боя*, и в начале своем могло знаменовать война отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о Боярах, Вельможах или главных чиновниках Славян Болгарских.— Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемских и Саксон-

ских Вендов, в Крайне Государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию ¹⁶⁷.— Слово *Князь* родилось едва ли не от *коня*, хотя многие Ученые производят его от Восточного имени *Каган* ^{19*} и Немецкого *König* ^{19*}. В Славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у Поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяин коня назывался *Князем*, *nobilis capitaneus et Princeps* ¹⁶⁸. В Кроации и Сервии именовались так братья Королей; в Далмации главный судья имел титул *Великого Князя*.— *Пан* Славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами, и председательствовал на сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя *Панов*, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на Польском языке и ныне значит *Господина* ¹⁶⁹.— Округи в Славянских землях назывались *Жупанствами*, а Правители их *Жупанами* или *Старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного ¹⁷⁰; древнее слово *Жупа* означало *селение*. Главною должностью сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии Славянские поселяне доныне называют так судей своих; но в средних веках достоинство Жупанов уважалось более Княжеского. В разборе тяжёбных дел помогали им *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых Славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою Короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанам ¹⁷¹.— Наконец в Сервии, в Далмации, в Богемии, Владетели стали именоваться *Кралями* или *Королями*, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара* или *наказание* ¹⁷².

И так первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, пезависимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали Полководцев. В теснейших связях общежития Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей; но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностью в делах войны и мира.— История Славян подобна Истории всех народов,

выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долго-временная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые не редко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, ^{20*} иногда без всякой вины ^{-20*}, единственно по легкомыслию, клевете, или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять Правителей, если они не умеют отворотить бедствий от Государства. Сих примеров довольно в Истории языческих, даже и Христианских Славян ¹⁷³. Они вообще не любили наследственной власти, и более принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершего Воеводы или Князя. — Избрание Герцога, то есть Воеводы, в Славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледelec сидел на престоле, или на большом диком камне. Новый Властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледelec уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние Славяне выбрали первого Властелина для защиты их от насилия и злодейства ¹⁷⁴.

Однако ж многие Князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В Западной Сервии был пример, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество Уделами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сии примеры бывали редки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддались ¹⁷⁵.

Главный Начальник или Правитель судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что Бог суда, *Прове*, живет в тени древних, густых дубов ¹⁷⁶. Сии места и дома Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою

ратных сил: но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего Славяне бросали камень в море¹⁷⁷, клали оружие и золото к ногам идола, или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клочок волосов своих вместе с горстью травы). Народ платил Властителям дань, однако ж произвольную¹⁷⁸.

Так Славяне в разные веки и в разных землях управлялись гражданскою властью. О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали Единовластия, наблюдая закон отцев своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает Греческий Историк¹⁷⁹, и которые имели для них силу законов писанных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя Летописец наш не говорит о том, но Российские Славяне конечно имели Властителей, с правами ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с Греками,^{21*} в 911 году^{-21*}, упоминается уже о *Великих Боярах Русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно не Варягами было введено в России, ибо оно есть древнее Славянское¹⁸⁰. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.—

<Вера>. Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в Истории не находим народа совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою,— хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно^{22*}, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для

гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцев семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии*, Богу вселенных ¹⁸¹. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего, и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством Вер языческих.— Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя ¹⁸²: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умиловать обетами; приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, Нимф, Демонов, и гадали будущее.— В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного, и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не образом, но телом богов, ими одушевляемым ¹⁸³, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж Славяне, в самом безрассудном суеверии, имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему ^{23*}, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом, и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом*, и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных ¹⁸⁴.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умиловать жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают,

что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к Саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных Вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного¹⁸⁵. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами*, и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно Сибирским Шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гусях и для того именовались в некоторых землях Славянских *Гусярами*¹⁸⁶.

Между богами добрыми славился более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висели узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле Христианского Святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от Корбейских Монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достоин замечания, что Иллирические Славяне доныне празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами¹⁸⁷. Впрочем Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из Христианских Князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не преставал обожать Святовида¹⁸⁸. Привязанность не только Балтийских, но и других Славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оногo.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах

на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками ¹⁸⁹, которые вили на нем свои гнезда); *второму* Поревиту, коего значение неизвестно, и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия;— *третьему* Поренуту ^{24*} о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правою рукою за бороду, а левою за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст*, бог странноприимства, как некоторые думают: ибо Славяне были всегда *рады гостям*. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи Ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста ¹⁹⁰; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей Историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота*.

Сива — может быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Ратцебурге ¹⁹¹. Она представлялась одетою; держала на голове пагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские Славяне поклонялись доброй *Фрихии*, богине Германских народов; но как в Исландских древностях Фрихия или *прекрасная Фрея* называется *Ванадис* или Венедскою, то вероятно, что Готфы заимствовали от Славян понятие о сей богине, и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т. е. Латышские и даже Греческие идолы. Бальтийские Славяне поклонялись Водану или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии, и которые были еще издревле их соседями ¹⁹². Венды Мекленбургские донныне сохранили некоторые обряды Веры Одиновой.— Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстукков или Берстукков ¹⁹³, доказывают, что они были Латышские идолы; но Славяне молились им в Ретрском храме, так же, как и Греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в

Греции. — Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибога* или *Зембога*, и *Немизы*¹⁹⁴. Первый изображался в виде женщины с луною, и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось исчисление времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли*. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав*¹⁹⁵. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала*, означал, кажется, любовь: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом; а третий *Геровит* или *Яровид*, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте, и подле которого висел на стене золотый^{25*} щит. — Жители Вагрии¹⁹⁶ особенно чтили *Прова*, бога правосудия, и *Подагу*, бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградой с двумя воротами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертью, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож¹⁹⁷. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира о *двух лицах*, найденного в числе Ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя.^{26*} Другие признают^{26*} в нем бога ясных дней, который у Сербов назывался *Погодою*: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и ведро¹⁹⁸. — Мерзебургские Венды обожали идола *Гениля*, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте¹⁹⁹.

О Вере Славян Иллирических не имеем никаких известий; но как *Морлахи*²⁰⁰ на свадебных пиршествах своих

доныне славят *Давора, Дамора, Добрую Фризию, Яра и Пика*: то с вероятностью заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами.— Сказание Польских Историков ²⁰¹ о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Ниш*, Славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса* или Ясна; Рямского Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; Дзидзилию, богиню любви и деторождения; *Зивонию* или *Зиванну*, Диану; *Зиваго* или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческих близнецов Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясных дней и сильного ветра. «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена».

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимал *Перун* ²⁰², бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Мироправителя* ^{27*}. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми усами. Летописец именует еще идолов *Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла* ²⁰³ и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имел к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства.— Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синописе ²⁰⁴. Хотя они выбраны отчасти из Польских ненадежных Историков, но будучи согласны с древними обыкновениями народа Русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо*; ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога Латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 Мая до 25 Июня, отцы и мужья в гостинницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, ди-*

дис Ладо, то есть *великий Ладо* ²⁰⁵. Такое же обыкновение доныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах *Лада*, *ди-ди-Лада*. Мы уже заметили, что Славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам ²⁰⁶: следственно имели одних богов с Латышами, ежели не все, то хотя некоторые Славянские племена в России — вероятно, Кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали Латышского Первосвященника *Криве* Главою Веры своей. Впрочем *Ладо* мог быть и древним Славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доныне твердят имя Лада ²⁰⁷.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 Июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе *Купальницею*. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала*. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому ²⁰⁸. В Архангельской Губернии многие поселяне 23 Июня топят бани, настилают в них траву *Купальницу* (лютик, *galunculus acris*) и после купаются в реке. Сербы на кануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки*, вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых Духов ^{28*} от своего жилища.

24 Декабря язычники Русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, на кануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег ²⁰⁹. Святошные игрища и гадания кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: доныне простые люди говорят у нас о *Леших*, которые видом подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травою, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о *Русалках*, или Нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами,

особенно перед Троицыным ²¹⁰ днем), о благодетельных и злых *Домовых*, о ночных *Кижимрах*, и проч.

Таким образом грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства, и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность богов, Славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческого стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц, и проч. ²¹¹ Кроме идолов, Немецкие Славяне, подобно Дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса ²¹², и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах ²¹³. Мы знаем, что и Российские Славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою много-целебных источников, и бросали в них серебряные монеты ²¹⁴. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню ^{29*} в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия. — У многих народов Славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался, и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители Штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем ^{30*} находился особенный жрец, и дубу, а Юлиньские богу обитавшему в дереве обсеченном ²¹⁵, и весною плясали вокруг его с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревьям, особенно *дупловатым*, обвязывая их ветви убрисами или платами ²¹⁶. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами, и гадали, заколоть ли обреченных ему жи-

вых птиц, или пустить на волю ²¹⁷. Празднование Семика и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении Христианства, так, что Герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа ²¹⁸. Славяне обожали еще знамена, и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город.— В числе Ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями ²¹⁹. Хитрость Полководцев ввела без сомнения сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах, или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной ²²⁰. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения олтареи камни в несколько саженой мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые веки и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом Славяне, не зная изобретенных Механикою способов, воздвигали такие громады ²²¹. Жрецы, в присутствии и в глазах народа, совершали обряды Веры на сих величественных олтарах; но в течение времен, желая еще сильнее действовать на воображение людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов, и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль, сделать его достойным жилищем богов, требовала величия; но Славяне не умели подражать Грекам и Римлянам в гордой высоте зданий, и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные Ис-

торики описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностью. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о Штетинском следующее ²²²: «Там было четыре храма, и главный из них отличался своим искусством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с Природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли. — Следуя древнему обычаю предков, Штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим искусством и богатством. В трех иных *гонтинах* ^{31*} или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо Славяне, в некоторые часы и дни, веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах*» ^{32*}. — Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни ворота служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешенными между четырьмя столпами, и находился под одною с ним кровлею ²²³. В святилище стоял идол, а конь его в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности. — Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена ²²⁴. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достоинно примечания, что Славяне Балтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов, и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках ²²⁵; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения,

что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных, в маленьких хижинах, и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое нибудь счастливое предприятие, и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так Первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого Короля, правил многими Славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцев чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бороною, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закалали, в честь Богу невидимому, одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагрjali свои требища кровию Христиан, выбранных по жребию из пленников, или купленных у морских разбойников ²²⁶. Жрецы думали, что идол увеселяется Хри-

стианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества.— В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных, опаснейших неприятелей ²²⁷.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копы: если он шагал сперва не левою, а правую ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной, и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копыт. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах, и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины Рюгенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела ²²⁸.

Любя народные торжества, языческие Славяне установили в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: Первосвященник на кануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовидова рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог, длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастья для острова; наконец объявлял всем благословение Святовидова, обещая воинам победу и добычу ²²⁹. Другие Славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам, и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней ²³⁰. В Богемии славился Майский *праздник источников*.— Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решили судьбу граждан, были также днями общего

веселия ²³¹. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки доньше празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды*.— Во многих землях Славянских сохранились также следы ^{33*} *праздника в честь мертвых*: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше, народ 1 Марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим ²³².— В сей день Немецкие Славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти; сожигают ее или бросают в реку, и славят лето песнями.— В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что Славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, Историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концем бытия человеческого ²³³?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие — более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных Авторов — описывают оное следующим образом: Старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины, в белой одежде, лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием ^{34*}; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами ²³⁴. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою* и было еще в VI веке причиною великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и на голову пбили их войско ²³⁵.

Славяне Российские — Кривичи, Северяне, Вятичи, Радимичи — *творили* над умершими *тризну*: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре, и заключив пепел в урну, ставили ее на

столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный Вя-тичами и Кривичами до времен Нестора, изъясняет воин-ственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но Славяне Киевские и Волын-ские издревле погребали мертвых; некоторые имели обык-новение, вместе с трупом, зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы*; ближние умершего язвили лица свѣи, и закалали на могиле любимого коня его ²³⁶.

Все народы любят Веру отцев своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и века-ми утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностью в течение многих столетий отвергали благо-дать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив мно-гих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедывать ее святое учение и в землях Славян; но устрашен-ный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества, и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, Славяне отлично ненавидели его, и принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтий-ские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, по-корив Вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные наконец упорством сих язычников в идоло-поклонстве и в древних обычаях вольности ^{35*}, разру-шили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили ²³⁷: что случилось уже гораздо после того вре-мени, как Владимир просветил Россию учением Христиан-ским. — —

<Язык и грамота>. Собрав исторические достопа-мятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым ²³⁸. Выражая первые мысли и потребности людей необразо-ванных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком Греческим, смягчен-ным долговременною жизнью в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памя-

ников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нём только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их ²³⁹. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами, и нередко ими покоряемые ^{36*}, Славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное, и менее всех других смешенное с чужеземными словами ²⁴⁰. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом Писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы Государства....

2) *Польское*, смешенное со многими Латинскими и Немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, Дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера ²⁴¹.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других Богемских Ученых среднее между Кроатским и Польским. Венгерское наречие именуется *Славакским*, но разнится от Чешского большею частию только в выговоре, хотя Авторы *Многоязычного Словаря* признают его *особенным*. Впрочем и другие Славянские наречия употребляются в Венгрии ²⁴².

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое из всех Славянских — Боснийское, Сербское — самое приятнейшее для слуха, как многие находят — Славонское и Далматское ²⁴³.

5) *Кроатское*, сходное с Виндским в Сиирии, Каринтии, Крайне, также с Лаузицским, Котбузским, Кашубским и Люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Поммерании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда Славянский язык был народным, он уже заменен Немецким ²⁴⁴.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа,

и любопытство Историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения Славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам Азиатским²⁴⁵; но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство^{37*} ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которые находятся и в других языках Европейских, свидетельствуя единственно их общее Азиатское происхождение; и что Славянский имеет с Греческим, Латинским, Немецким гораздо более связи, нежели с Еврейским и с другими Восточными. Сие великое, явное сходство²⁴⁶ встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими — ибо названия *грома*, *журчания* вод, *крика* птиц, *рева* зверей, могут на всех языках сходствовать между собою от подражания Естеству²⁴⁷ — но и в выражении самых первых мыслей человека, в означении главных нужд жизни домашней²⁴⁸, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что Венеды издревле жили в соседстве с Немцами и долгое время в Дакии (где язык Латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в Империи и служили Императорам Греческим²⁴⁹; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык Славянский только некоторые особенные Немецкие, Латинские или Греческие слова, и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть, в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким^{250?} неизвестно, но без сомнения древнейшим в Европе, где *История находит их*: ибо Греция, а после и часть Италии, населена *Пеласгами*, *Фракийскими* жителями, которые прежде Елленов утвердились в Морее, и могли быть единоплеменны с Германцами и Славянами²⁵¹. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова, или присвоивали чужие, и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство, немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки, свела Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена, и без сомнения от Финикиян, или непосредственно, или чрез Пеласгов и Ел-

ленов. Нельзя вообразить, чтобы древние обитатели Пелопоннеса, Лацнума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума, и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из Христианских Философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире ²⁵². К тому же все буквы народов Европейских: Греческие, Мальтийские, так называемые Пеласгские в Италии, Этрурийские (донныне видимые на монументах сего народа), Гальские, изображенные на памятнике Мученика Гордиана ²⁵³, Улфиловы или Готфские, Кельтиберские, Бетские, Турдетанские в Испании, Руны Скандинавов и Германцев более или менее сходствуют с Финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня ²⁵⁴. Пеласги и Аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним Галлам. Испанцы могли научиться письму от самих Финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова ²⁵⁵. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, Историю и Стихотворения ²⁵⁶. Каким образом Европейский Север получил буквы, мы не знаем: от Финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом Британским и янтарем Прусским? или от народов Южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо Руническое и Готфское письмо сходнее с Греческим и Латинским, нежели с Финикийским ²⁵⁷. Оно могло в течение веков, чрез Германию или Паннонию, дойти от Средиземного моря до Бальтийского с некоторыми переменами знаков ²⁵⁸.

Как бы то ни было, но Венеды или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в Рунах, заимствованных Венедями от Готфских народов. Сии Руны, числом 16, подобно древним Финикийским ²⁵⁹, весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года ²⁶⁰,

когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит ²⁶¹, образованный по Греческому, с прибавлением новых букв: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. ъ. Ю. Я. ѿ ²⁶². Сия азбука, называемая *Кирилловскою*, донныне употребляется, с некоторыми переменами, в России ²⁶³, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно: ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было Славян в Римских владениях ²⁶⁴. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века ²⁶⁵; но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 году ²⁶⁶; надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия Глагольская азбука явно составлена по нашей ²⁶⁷; отличается кудрявостию знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские Христиане, пристав к Римскому Исповеданию ²⁶⁸, вместе с Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные Папою Иоанном XIII ²⁶⁹. Епископы Салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а писмена Славянские изобретением Арианских Готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого нибудь Далматского Монаха выдумать новые, то есть Глагольские буквы, и защитить их от нападения Римских суеверов именем Св. Иеронима. — Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии, употребляются Немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше Латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там Греческую азбуку ²⁷⁰.

И так предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностию, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей — изобретения, которое, подобно утренней ^{38*} заре, в веках мрачных предвещало уже ^{39*} Науки и просвещение ^{39*}.

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР.

Г. 862—879

Призвание Князей Варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение Россиян на Империю. Начало Христианства в Киеве. Смерть Рюрика

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление, и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец — и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки, с Швециєю и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество, и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года ²⁷¹, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что Варяги, овладевшие странами Чуди и Славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы, — где на развалинах колосса Римского основались новые Государства, и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом Христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской ²⁷² — Варяги или Норманы должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре

Славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, оболестили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастье, не умели восстановить древних законов и свергнули отечество в бездну зол междоусобия ²⁷³. <Призвание Князей Варяжских в Россию>. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении Норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и Славяне, *убежденные* — так говорит предание — *советом Новгородского старейшины Гостомысла*, потребовали Властителей от Варягов ²⁷⁴. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике*; но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей Истории.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финских племен, вместе с ними плативших дань Варягам: имел несколько лет одну долю, и повинаясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. <Г. 862>. Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, *Весь и Чудь* отправили посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им ²⁷⁵: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами* ²⁷⁶. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик ²⁷⁷, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умея сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечем права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество ²⁷⁸. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно Держава трех Владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерний была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русских ^{1*}. — Более не

знаем никаких достоверных подробностей; не знаем; благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? наслаждался ли счастливо тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие Летописцы говорят ²⁷⁹, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *если* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

<Г.864. Основание Монархии>. Чрез два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на Восток до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Муром и Полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв Единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белоозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать ²⁸⁰. Таким образом вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России, кажется, и Система *Феодальная, Поместная* или *Удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали Вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как Государи в своих Уделах ²⁸¹: система сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной Державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность Государей к верности Вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

<Аскольд и Дир>. К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из едино-

земцев Рюриковых, именован Аскольд и Дир, может быть недовольные сим Князем ²⁸², отправились с товарищами из Новгорода в Константинополь искать счастья; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок, и спросили: чей он? Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих Варягов из Новгорода; начали под именем Россиян властвовать как Государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном Норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить Императору: тогда, ободренные своим успехом и многочисленностью войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. <Г.866. Первое нападение Россиян на Империю>. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечем берега его, и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной Империю в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя Россиян, Рѡс. Молва народная возвестила их Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами ²⁸³. Узнав от Эпарха или Наместника Цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностью пробрался сквозь суда Российские, и не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной Императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий ²⁸⁴. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с Византийскими Историками описывает сей случай; но некоторые из них прибавляют, что

язычники Российские, уstraшенные Небесным гневом, немедленно отправили Послов в Константинополь, и требовали святого крещения. Окружная грамота Патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к Восточным Епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия ²⁸⁵. «Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *не-давно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому». Константин Багрянородный и другие Греческие Историки пишут, что Россы крестились во время Царя Василия Македонского и Патриарха Игнатия, то есть, не ранее 867 года ²⁸⁶. «Император (говорят они), не имея возможности победить Россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним Епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в Христианство». — Сии два известия не противоречат одно другому. <Начало Христианства в Киеве>. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной: ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игореве время было уже много Христиан в Киеве ²⁸⁷. Вероятно, что проповедники, для лучшего успеха в деле своем, тогда же ввели в употребление между Киевскими Христианами и новые письмена Славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху: Славяне исповедывали одну Веру, а Варяги другую ²⁸⁸; в последствии увидим, что древние Государи Киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успехам новой Веры, соединявшей их подданных, Славян, и надежных товарищей, Варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге.

Не вероятно, чтобы Козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его Варягам, хотя Летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах Днепровских ²⁸⁹: оружие без сомнения решило, кому начальствовать над миролюбивыми Полями; и ежели Варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути: ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новгороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбием, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать*, и Государя Скандинавские, единосемцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялись, именем Одиновым, быть завоевателями ²⁹⁰. Спокойствие Государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу Царей; но Князья Русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки должныствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных. — <Смерть Рюрика>. Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории, и главным действием его княжения ^{2*} было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так, что Весь, Меря, Мурома, наконец обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру ²⁹¹.

ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ.

Г. 879—912

Завоевания Олеговы. Нашествие Угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с Греками. Договор с Империею. Кончина Олега

<Г.879>. Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, ^{1*} благоразумием, любовью ^{-1*} подданных.

<Г. 882. Завоевания Олеговы>. Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях, и надежда обогатиться, без сомнения привлекла многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число Новгородцев, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и в 882 году пошел к странам Днепровским ²⁹². Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления: чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоплеменниками, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев ²⁹³; скрыл вооруженных ратников в ладиях, и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новгородским в Грецию, хотят видеть их как

друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *вы не Князья и не знаменитого роду, но я Князь* — и показав Игоря, примолвил: *вот сын Рюриков* ²⁹⁴! Сии словом осужденные на казнь, Аскольд и Дир, под мечами убийц, пали мертвые к ногам Олеговым... Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом Владетелей Киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. — Тела несчастных Князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор ²⁹⁵; кости Диropy покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Киевские донны указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где вырастает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, уstraшенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного Государя. Бессловное местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей Князь сказал: *да будет Киев материю городов Российских* ²⁹⁶! Монархи народов образованных желают иметь столицу среди Государства, во первых для того, чтоб лучше надзирать над общим его правлением, а во вторых и для своей ^{2*} безопасности: Олег ^{-2*}, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. — Он поручил дальние области Вельможам ²⁹⁷; велел строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозой и внешних неприятелей и внутренних мятежников; оставил также налоги общие. Славяне, Кривичи и другие народы должны были платить дань Варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнюю ходячую монетою Российскою ²⁹⁸: что представляло цену ста-пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали Варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой; с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России ²⁹⁹.

Обширные владения Российские еще не имели твердой связи. Ильменские Славяне граничили с Весью, Весь с Мерею, Меря с Муромою и с Кривичами³⁰⁰; но сильные, от Россиян независимые народы обитали между Новым-городом и Киевом. <Г.883>. Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припети: там, среди лесов мрачных, Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием; но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. <Г. 884—885>. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров, и сказав: *я враг им, а не вам!* удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать Россиянам то же, что Козарам: по *цлягу* или мелкой монете с каждой сохи. Таким образом, соединив цепью завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии. Сей Хан дремал, кажется, в приятностях Восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в Козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне, единоплеменные с Черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию: ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тивирцев и Хорватов, там обитавших³⁰¹.

<Нашествие Угров>. Но между тем, как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные *вежи* или шатры Угров (Маджаров или нынешних Венгерцев), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на Восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть в Харьковской Губернии, где город Лебедин

напоминает сие имя. Вытесненные Печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на Запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским* ³⁰². Олег пропустил ли их дружелюбно, или отразил силою, неизвестно; сии беглецы переправились чрез Днепр и завладели Молдавиєю, Бессарабиєю, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года ³⁰³; знаем только, что он правил еще Государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить Государство. <Супружество Игоря>. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонаравием. Ее привезли в Киев из Плескова или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду, и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность, и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен конечно дозволяли Князю искать для себя супруги в самом низком состоянии людей: ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу: иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине, или в знак Игоревой к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы ^{3*} идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, Священников от Патриарха и дары от Императора,

верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостью Христианства. Мы знаем по Византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым Архиепископством* в списке Епархий, зависевших от Главы Константинопольского Духовенства; <Россияне служат в Греции> знаем также, что в 902 году 700 Россов, или Киевских Варягов, служили во флоте Греческом, и что им платили из казны 100 литр золота ³⁰⁴. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров: Греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. <Г.906. Олег идет на Царьград>. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царьграда, и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы ему подвластные: Новгородцы, Финские жители Белоозера, Ростовская Меря, Кривичи, Северяне, Поляне Киевские, Радимичи, Дулебы, Хорваты и Тивирцы соединились с Варягами под его знаменами ³⁰⁵. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и Природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы утратить самую дерзкую предприимчивость нашего времени, и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий и наконец искусство людей разрушили некоторые из сих преград ^{4*} каменных ³⁰⁶: в IX и X веке ^{4*} они должны были быть несравненно опаснее. Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз сильнеешим. Константин Багрянородный описал нам, как Россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна, и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля ³⁰⁷. Доплыв благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы,

рули; входили в море, и держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное, конное войско: жители Бессарабии и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепию гавань ³⁰⁸, и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали Гунны и народы Германские в областях Империи; так в сие же самое время, Норманы, единосемцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями.... Сии Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но Князь Российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским ³⁰⁹; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, утраченные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино: Князь отвергнул то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо: то не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и Греки согласились, с тем условием, чтобы он, ^{5*} прекратив неприятельские действия, мирно ^{-5*} возвратился в отечество. Войско Российское отступило далее от города, и Князь отправил Послов к Императору.

Летопись сохранила Норманские имена сих Вельмож: Карла, Фарлафа, Веремиды, Рулава, Стемида. <Мир с Греками>. Они заключили с Константинополем, следующий договор:

I. «Греки дают по 12 гривен на человека ³¹⁰, сверх того *уклады* на города Киев, Чернигов, *Переяславль*, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные». Война была в силе времена народным промыслом: Олег, соблюдая обычай Скандинавов и всех народов Германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и Полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской ³¹¹. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани ³¹², и получают на возвратный путь съестные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания.— II. Да запретит Князь Послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих.— III. Россияне могут жить только у Св. Мамы ³¹³, и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: Киевским, Черниговским, Переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с Императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе, и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом ³¹⁴. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым или волхвом ³¹⁵.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие Историки молчат о сем важном случае ³¹⁶; но когда Летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен: то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? мог ли с дерзостью уверять современников в истине оногo, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олега, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые, с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царюграду и возвратился с успехом*, кажется достоверным.

<Г.911>. Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора ³¹⁷; но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империею договор *письменный, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи*. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОР РУССКИХ С ГРЕКАМИ.

<Договор с Империею>. «Мы от роду Русского, Карл Ингелот, Фарлов, Веремид ³¹⁸, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидульфост, Стемид, посланные Олегом, *Великим Князем Русским, и всеми сущими под рукою его* ³¹⁹, Светлыми Боярами, к вам, Льву, Александру и Константину (брату и сыну первого) Великим Царям Греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшая любви между Христианами и Русью, по воле наших Князей и всех сущих под рукою Олега, следующими *главами* уже не *словесно*, как *прежде*, но *письменно* утвердили сию любовь, и клялися в том по закону Русскому своим оружием.

I. Первым словом да *умиримся* с вами, Греки! да любим друг друга от всея души, и не дадим никому из сущих под рукою наших Светлых Князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Также и вы, Греки, да храните всегда лю-

бовь *неподвижную* к нашим Светлым Князьям Русским и всем сущим под рукою Светлого Олега ³²⁰. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — и *каждый да клянется по Вере* своей». Взаимные обиды и ссоры Греков с Россиянами в Константинополе заставили, как надобно думать, Императоров и Князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. «Русин ли убьет Христианина или Христианин Русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого, но жена убийцы не лишается своей законной части ³²¹. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом ³²², доколе найдут его и казнят смертью.

IV. Кто ударит другого мечем, или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; немовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда Русин украдет что-либо у Христианина или Христианин у Русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если Русин или Христианин, под видом обыска ³²³, войдет в чей дом и силою возмет там чужое, вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет Греческую ладью на землю чуждую, где случимся мы, Русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю Греческую, и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного*. Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурей или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладью до ближней пристани Русской. Товары и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши Послы к Царю, или гости для купли, они с честью приведут туда ладью и в целости отдадут, что выручено за ее товары, Если же кто из Рус-

ских убьет человека на сей ладии, или что нибудь украдет, да примет виновный казнь вышеозначенную ^{6*}.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками Россияне или в Руси Греки ³²⁴, то их освободить и взять за них, чего они купцам сто́яли, или настоящую, известную цену невольников; пленные также да будут возвращены в отечество, и за каждого да внесется окупу 20 *златых*. Но Русские воины, которые из чести придут служить Царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле Греческой.

VIII. Ежели невольник Русский уйдет, будет украден или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним* ³²⁵; а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми Русскими в Греции будут виновные, и ежели потребуют их в отечество для наказания, то Царь Христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и Русские в отношении к Грекам ^{326!}

Для верного исполнения сих условий между нами, Русью и Греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь Греческий скрепил их своею рукою, клялся Святым Крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога, и дал хартию нашей Светлости; а мы, Послы Русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех Русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира...» ³²⁷.

Договор мог быть писан на Греческом и Славянском языке. Уже Варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, ^{7*} без сомнения говорили ^{7*} языком их лучше, нежели Скандинавским. Дети Варягов, принявших Христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и Славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны при Дворе и в

войске Греческом находились издавна многие Славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях Императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане Патриарха, Церковию; и в самое то время, когда Император Александр подписывал мир с Олегом, первым любимцами его были два Славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником ³²⁸. Условия мирные надлежало разуметь и Грекам и Варягам: первые ^{8*} не знали ^{-8*} языка Норманов, но Славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают — и Константин Багрянородный то же свидетельствует ³²⁹ — что купцы Российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. — Надобно также заметить, что между именами четырнадцати Вельмож, употребленных Великим Князем для заключения мирных условий с Греками, нет ни одного Славянского. Только Варяги, кажется, окружали наших первых Государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив Послов золотом, драгоценными одеждами и тканями ³³⁰, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить воображению грубых людей величие Бога Христианского) и с честью отпустил их в Киев, где они дали отчет Князю в успехе посольства.

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром ³³¹. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. <Кончина Олега>. Он совершил на земле дело свое — и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы — так говорит Летописец — предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на

нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила Князя, и Герой скончался»... Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его ³³²; но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что Летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стенал, и проливал слезы*. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего? И так Олег не только ужасал врагов: он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника.— Присоединив к Державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей Князь был истинным основателем ее величия. Рюрик владел от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова; Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских ³³³. Мудростию Правителя цветут Государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным Властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? и права наследственные, еще неутвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными ³³⁴?... Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители Киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*.

Глава VI

КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Г. 912—945

Бунт Древлян. Явление Печенегов.
Нападение Игоря на Грецию.
Договор с Греками. Убиение Игоря

<Г. 912—913>. Игорь в зрелом возрасте мужа при-
ял власть опасную: ибо современники и потомство тре-
буют величия от наследников Государя великого, или пре-
зирают недостойных.

<Г. 913—914. Бунт Древлян>. Смерть победителя
ободрила побежденных, и Древляне отложились от Кие-
ва. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов;
смирил их и наказал прибавлением дани ³³⁵. — <Г. 914—
915. Явление Печенегов>. Но скоро новые враги, силь-
ные числом, страшные дерзостью и грабительством, яви-
лись в пределах России. Они под именем *Печенегов* так
славны в летописях наших, Византийских и Венгерских
от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на
феатр Истории, сказать несколько слов о свойстве и древ-
нем отечестве сего народа ³³⁶.

Восточная страна чынешней Российской Монархии,
где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолже-
ние многих столетий ужасала Европу грозным явлением
народов, которые один за другим выходили из ее степей
обширных, различные, может быть, языком, но сходные
характером, образом жизни и свирепостию. Все были
кочующие; все питались скотоводством и звериною лов-
лею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и все они
исчезли в Европе, кроме Угров и Турков. К сим народам
принадлежали Узы и Печенеги, единоплеменники Турко-
манов: первые, обитая между Волгою и Доном, в соседст-
ве с Печенегами, вытеснили их из степей Саратовских:
изгнанники устремились к Западу; овладели Лебедиею;
через несколько лет ³³⁷ опустошили Бессарабию, Молда-
вию, Валахию; принудили Угров переселиться отсюда
в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до са-
мой Алуты, составив 8 разных областей, из коих 4 были

на Восток от Днепра, между Россиянами и Козарами; а другие на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами Славянскими, подвластными Киевским Государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках или вежах, Печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседей для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили Персидскую одежду, и ^{1*} лица их изображали свирепость ³³⁸, -1*.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отвесть счастья в битве, и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию, где уже господствовали тогда их единосемцы ³³⁹. Там народ сей сделался ужасом и бичем соседей; служил орудием взаимной их ненависти, и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания Угров и Болгаров, особенно же Россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем: ибо Днепровские пороги и Дунайское устье были заняты Печенегами ³⁴⁰. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей, или, в случае союза, подкреплять Государей Киевских наемным войском своим. Сия несчастная Политика позволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Предание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с Византийскими Историками, описывает войну Игореву с Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с Греческим флотом в Италию ³⁴¹. <Г. 941. Нападение Игоря на Грецию>. Если верить Летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное мо-

ре. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить Воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя Византийским Историкам, с новым ужасом говорит о свирепости Россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках бесчеловечно убитых ³⁴², и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но Государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана Протовестиария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ Фара или маяка ³⁴³, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем Греческим*, которым Феофан зажег многие суда их, и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным Азиатским войском напали на толпы Россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и ^{2*} войском Греческим ^{-2*}, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам Фракийским, сразились еще с Греками на море, и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них Империею в течение трех месяцев ³⁴⁴, остались надолго незабвенными в ее Азиатских и Европейских областях.

О сем несчастном Игоревом походе говорят не только Византийские, но и другие Историки: Арабский Эльмакин и Кремонский Епископ Лиутпранд ³⁴⁵; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи Послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоревых воинов, взятых тогда в плен Греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства.

<Г. 943—944>. Игорь не уныл, но хотел отмстить Грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал Варягов из-за моря, нанял Печенегов — которые дали ему аманатов в доказательство верности своей — и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Российскими. Лакапин,

не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил Послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели Князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых Печенегов. Игорь остановился, и созвав дружину свою, объявил ей желание Греков. «Когда Царь — ответствовали верные товарищи Князя Российского — без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет? мы ли? они ли? и с морем кто *советен*? Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям». Игорь принял их совет, взял дары у Греков на всех воинов своих, велел наемным Печенегам разорять соседственную Болгарию, и возвратился в Киев.

<Г. 944 ^{3*}. Договор с Греками>. В следующий год Лакапин отправил Послов к Игорю, а Князь Российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир на таких условиях:

I. Начало подобное Олегову договору: «Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы» и проч. Следует около пятидесяти Норманских имен, кроме двух или трех Славянских ³⁴⁶. Но достойно замечания, что здесь в особенности говорится о Послах и чиновниках Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двух *нетцев* Игоревых, то есть, племянников или детей сестриных, Улеба, Акуна, и супруги Улебовой, Передславы ³⁴⁷. Далее: «Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого Княжения, от всех людей Русския земли, обновить *ветхий* мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном ³⁴⁸, со всем *Боярством* и со всеми людьми Греческими, вопреки Дьяволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имут помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от *собственных* мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как *было уставлено*, носили печати серебряные, а

Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да не взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно».

III. Начало статьи есть повторение условий, заключенных Олегом под стенами Константинополя, о том, как вести себя Послам и гостям Русским в Греции, где жить, чего требовать ³⁴⁹, и проч.— Далее: «Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает споры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 *золотников* (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою ³⁵⁰. Отправляясь из Царьграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением.

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, *как прежде уставлено* ³⁵¹, по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к Россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека, или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда Русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица *добрая*, за середовича восемь, за старца и младенца пять ³⁵². Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупу десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страню Херсонскою и городами ее. Когда же он,

воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы дадим ему, сколько будет надобно ³⁵³.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому ³⁵⁴.

IX. Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; ^{4*} да не зимуют ^{-4*} там, ни в Белобережье, ни у Св. *Ефферия* ³⁵⁵; но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает *Черных* Болгаров воевать в стране Херсонской». — *Черною* называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству Болгаров ³⁵⁶.

XI. «Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет Князь власти наказывать их; но да примут они сию казнь в Царстве Греческом.

XII. Когда Христианин умертвит Русина, или Русин Христианина, ближние убиенного, задержав убийцу, да умертвят его». — Далее то же, что в III статье прежнего договора ³⁵⁷.

XIII. Сия статья о побоях есть повторение IV статьи Олегова условия.

XIV. «Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидит чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью.

Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христиане в Соборной церкви Св. Илии *предлежащим честным Крестом* и сею хартиєю ³⁵⁸, а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные».

Историк должен в целости сохранить сии дипломатические памятники России, в коих изображается ум предков наших и самые их обычаи. Государственные договоры X века, столь подробные, весьма редки в летописях: они любопытны не только для ученого Дипломатика, но и для всех внимательных читателей Истории, которые желают иметь ясное понятие о тогдашнем гражданском состоянии народов. Хотя Византийские Летописцы не упо-

минают о сем договоре, ни о прежнем, заключенном в Олегово время; но содержание оных так верно представляет нам взаимные отношения Греков и Россиян X века, так сообразно с обстоятельствами времени, что мы не можем усомниться в их истине...

Клятвенно утвердив союз, Император отправил новых Послов в Киев, чтобы вручить Князю Русскому *хартию мира*. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с Империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее и драгоценнее для Русских язычников. Христиане Варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть древнейшей в Киеве ³⁵⁹. Летописец именно говорит, что многие Варяги были тогда уже Христианами.

Игорь, одарив Послов Греческих мехами драгоценными, воском и пленниками ³⁶⁰, отпустил их к Императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. «Мы босы и наги, говорили воины Игорю: а Свенельдовы Отроки богаты оружием и всякою одеждою. *Поди в дань* с нами, да и мы, вместе с тобою, будем довольны». *Ходить в дань* значило тогда объезжать Россию и собирать налоги. Древние Государи наши, по известию Константина Багрянородного, всякой год в Ноябре месяце отправлялись с войском из Киева для объезда городов своих и возвращались в столицу не прежде Апреля ³⁶¹. Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народ и чиновников в зависимости от Великих Князей. Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, Вельмож и Бояр, особенно Свенельда, знаменитого Воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться, вместе с *Отроками* своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими ³⁶². Им завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступлении осени, исполнил ее желание; отправился в землю Древлян, и забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его — пользуясь, может быть, слабостию Князя престарелого — также хотела богатства и грабила це-

счастливых данников, усмирённых только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия. Ещё недовольный взятою им данью, он вздумал отпустить войско в Киев, и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути, и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Слепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. <Убиение Игоря>. Тогда отчаянные Древляне, видя — по словам Летописца — что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою*, вооружились под начальством Князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли ^{5*} недалеко отсюда. Византийский Историк повествует, что они, привязав сего несчастного Князя ^{5*} к двум деревьям, разорвали надвое ³⁶³.

Игорь ^{6*} в войне с Греками не имел успехов Олега ^{6*}; не имел, кажется, и великих свойств его: но сохранил целость Российской Державы, устроенной Олегом; сохранил честь и выгоды ее в договорах с Империею; был язычником, но позволял новообращенным Россиянам славить торжественно Бога Христианского, и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным Печенегам утвердиться в соседстве с Россиею, и не довольствуясь справедливою, то есть, умеренною данью народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил Древлянам за прежний их мятеж; но Государь унижается местию долговременною: он наказывает преступника только однажды. — Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего более в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года.

^{7*} К сему княжению относится любопытное известие современного Арабского Историка Массуди. Он пишет, что *Россияне* идолопоклонники, вместе с Славянами, обитали тогда в Козарской столице Ателе и служили Кагану; что с его дозволения, около 912 года, войско их, приплыв на судах в Каспийское море, разорило Дагестан, Ширван, но было наконец истреблено Магометанами ^{7*}. ^{8*} Другой Арабский Повествователь, Абульфёда, рассказывает, что Россияне в 944 году взяли Барду, столицу Арран-

скую (верстах в семидесяти от Ганджи) и возвратились в свою землю рекою Куром и морем Каспийским. Третий Историк Восточный, Абульфарах, приписывает сие нападение Аланам, Лезгам и Славянам, бывшим Кагановым данникам в южных странах нашего древнего отечества ³⁶⁴. Россияне могли прийти в Ширван Днепром, морями Черным, Азовским, реками Доном, Волгою (чрез малую переволоку в нынешней Качалинской Станице) — путем дальним, многотрудным; но прелесть добычи давала им смелость, мужество и терпение, которые, в самом начале государственного бытия России, ославили имя ее в Европе и в Азии ^{-8*,9*}.

Глава VII

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ.

Г. 945—972

Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие Печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые Уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с Греками. Наружность Святослава. Кончина его

Святослав, сын Игорев, первый Князь Славянского имени, был еще отроком ³⁶⁵. Бедственный конец родителя, новость Державы, только мечем основанной и хранимой; бунт Древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие Полководцев Варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость Державы и власть Государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

<Правление Ольги>. Юный Князь воспитывался Боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском ³⁶⁶. Ольга — вероятно, с помощью сих двух знаменитых мужей — овладела кормилом Государства, и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

<Хитрая месть>. Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь Летописец сообщает нам *многие подробности*, отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, и с важностию Истории, и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*; но как истинное происшествие должно быть их *основанием*, и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычай и дух времени ³⁶⁷: то мы повторим Несторовы простые сказания о *мести и хитростях Ольгиных*.

«Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом, и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря: ибо они, платя дань Государям Киевским, имели еще Князей собственных. Двадцать знамени-

тых Послов Древлянских приплыли в ладии к Киеву ³⁶⁵ и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князя Древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала.* Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга ³⁶⁹! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках...* Между тем Ольга приказала на дворе теремом ископать глубокую яму, и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: *не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *что делать! мы невольники; Игоря нет, а Княгиня наша хочет быть супругою вашего Князя* — и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древляне гордились и величались ³⁷⁰, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная Княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честью?* Несчастные изъявили воплем раскаяние в убийнии Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею, и чрез гонца объявила Древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ Киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного Посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан ³⁷¹ и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню, и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже идет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою — донныне видимый, как уверяют, близ сего места ³⁷² — и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* Княгинины угощали знаменитейших Древлян, которые вздумали наконец спросить о своих Послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоровою* дружиною ³⁷³. — Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим — и 5000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоровой могилы.

<Г. 946>. Ольга, возвратясь в Киев, собрала много-

численное войско и выступила с ним против Древлян, уже наказанных хитростью, но еще непокоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Кошия, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя, и с восклицанием: *друзья! станем за Князя!* устремились в битву. Древляне бежали с поля, и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* велела она сказать Древлянам: *все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщениа: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего.* Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостью исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско Киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома, их. ... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам³⁷⁴ и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе^{1*}. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данью».

Так рассказывает Летописец... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Героях Истории по обычаям и правам их времени. Но вероятна ли оплошность Древлян? вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию Русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря³⁷⁵; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрика.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вместе с юным Святославом объехала всю Древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена должныствовали третью часть дани своей посылать к самой Ольге, в ее *собственный Удел*, в Вышегород, основанный, может быть, Героем Олегом и данный ей в вено, как невесте или супруге Великого Князя ³⁷⁶: чему увидим и другие примеры в нашей древней Истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на высоком берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения.— <Мудрость Ольгина>. Ольга, кажется, утешила Древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники — ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних Героев, забавлялась ловлею зверей — долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства ³⁷⁷.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новгородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты* или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России, и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрез 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия Княгиня, рожденная во Пскове, какими нибудь особенными выгодами, данными ею гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новымгородом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовью своего признательного сына и не менее признательного народа.— Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ея государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей Церковной Истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлет-

горив главным побуждением земной деятельности, видит близкий конец ее пред собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когданибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница; но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями, и будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. <Г. 955. Крещение Ольги>. Плененная лучем сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою, и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой, чтобы очерпнуть его в самом источнике ³⁷⁸. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить Княгиню народа знаменитого, и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления ³⁷⁹. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы Княжеские*, ее свойственницы, многие знатные госпожи, Послы Российские и купцы, обыкновенно жившие в Цареграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встретили Ольгу: после чего Император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила Царица. В сей первый день, 9 Сентября, был великолепный обед в огромной, так называемой *храмине Юстиниановой*, где Императрица сидела на троне, и где Княгиня Российская, в знак почтения к супруге великого Царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными господами. В час обеда играла музыка, певцы славляли величие Царского Дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы Российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *милиаризий* ^{2*} — или $2\frac{1}{2}$ червонца ³⁸⁰, — каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати Послов 12, каждому из сорока-трех купцов то же, Священнику или Духовнику Ольгину, именем Григорию, 8, — двум переводчикам $2\frac{1}{4}$, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику Княгини 15 милиаризий ^{3*}. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с Императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями та-

релке поднесли ей в дар 500 миллиарзий ^{4*}, шести ее родственницам каждой 20 и осмьнадцати ^{5*} служительницам каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с Императрицею, ее невесткою, Романовою супругою, и с детьми его; сам Император обедал в другой зале со всеми Россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 миллиарзий ^{6*}, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние Государи Российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость*, без сомнения, заставила Великую Княгиню принять в дар шестнадцать червонцев ³⁸¹.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что Император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святом крещении Еленою — отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону Христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых Константин имел супругу; во-вторых Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою ³⁸².

Наставленная в святых правилах Христианства самим Патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам Летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев Греческие Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обещание, и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда Царь ваш постоит у меня на Почайне ³⁸³ столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани Константинопольской): тогда пришлю ему дары и войско» — с чем Послы и возвратились к Императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу в город, и что обыкновенная надменность Двора Византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

<Россияне в Сицилии>. Однако ж Россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и

Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грецією: служили при Дворе Императоров, в их флоте, войсках, и в 964 году, по сказанию Арабского Историка Новайри, сражались в Сицилии, как наемники Греков, с Аль-Гассаном, Вождем Сарацинским. Константин не редко посылал так называемые *золотые буллы*, или грамоты с золотою печатью ³⁸⁴, к Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивых Императоров Греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю*.

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастье быть Христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав ответственвал ей: «могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к Христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к Христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Российского и сына ³⁸⁵.

<Г. 964—966. Характер и подвиги Святослава>. Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное, и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровою жизнью он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей, и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненасть северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был Военачальник, таковы и воины. — Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести,

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорил Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарского³⁸⁶, и грозное свое оружие обратил против сего, некогда могущественного Владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. <Взятие Белой Вежи>. Сам Каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял Козарскую *Белую Вежу*, или Саркел, как именуют ее Византийские Историки, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством³⁸⁷. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *Ясов* и *Касогов*: первые — вероятно, нынешние Оссы или Оссетинцы — будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахнею: Оссетинцы и теперь называют их Касахами³⁸⁸. — Тогда же, как надобно думать, завоевали Россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Воспорского, названная потом Княжеством Тмутороканским³⁸⁹, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областю Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества Каганов³⁹⁰.

<Г. 967. Завоевание Болгарии>. Неудовольствие Императора Никифора Фоки на Болгарского Царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить Болгарам за то, что они не хотели препятствовать Венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника Херсонского, ехать Послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному Князю Российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора, взяв с Греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60 000 воинов явился в ладиях на Дунае³⁹¹. Тщетно Болгары хотели отразить их: Россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдались победителю, Царь Болгарский

умер от горести. Удовлетворив мести Греков, богатый добычею, гордый славою, Князь Российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от Императора, и жил весело в Болгарском Переяславце ³⁹², не думая о том, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности.

<Г. 968. Нашествие Печенегов>. Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго Князя, и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял Воевода Российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, Киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с *удбою* из города, прямо в толпу неприятелей, и говоря языком Печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Тут неприятели, узнав свою ошибку, начали ^{7*} стрелять в него; а Россияне ^{-7*} с другого берега выехали на встречу и взяли отрока в лодку. Слыша от сего посланного, что изнуренные Киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святославова, Воевода решился спасти хотя семейство Княжеское — и Печенеги, на рассвете, увидели лодки Российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители Киевские ответствовали громкими восклицаниями. ^{8*} Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись ^{-8*} в ужасе, и Великая Княгиня Ольга могла, вместе со внуками безопасно встретить своих избавителей за стенами города. Князь Печенежский увидел их малое число, но все еще не смел сразиться: требовал дружелюбного свидания с предводителем Российским, и спросил у него, Князь ли он? Хитрый Воевода объявил себя начальником передовой дружины Святославовай, уверяя, что сей Герой со многочисленным войском идет в след за ним. Обманутый Печенег предложил мир: они подали руку один другому и в знак союза обменялись оружием. Князь дал Воеводе саблю, стрелы и коня: Воевода Князю щит, броню и меч. Тогда Печенеги немедленно удалились от города ³⁹³.

Освобожденные Киевляне отправили гонца к Святославу, сказать ему, что он для завоевания чуждых земель

жертвует собственною; что свирепые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствие Государя и защитника может снова подвергнуть их той же опасности, и чтобы он сжалился над бедствием отечества, престарелой матери и юных детей своих. Тронутый Князь с великою поспешностью возвратился в Киев. Шум воинский, любезный его сердцу, не заглушил в нем нежной чувствительности сына и родителя: летопись говорит, что он с горячностью лобызал мать и детей, радуясь их спасению. — Дерзость Печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России, и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце Героя стремилось к берегам Дунайским. <Г. 969>. Собрав Бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства и Природы³⁹⁴: Греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россияне меха, воск, мед и невольников». Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. «Погреби меня — сказала она — и тогда иди, куда хочешь». <Кончина Ольги>. Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась. — Она запретила отправлять по себе языческую тризну, и была погребена Христианским Священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, История *Мудрою*. Отмстив Дrevлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святослава; с деятельностью великого мужа учреждала порядок в Государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие Князья до времен Ольгиных *воевали*: она *правила* Государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы. — При Ольге Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы.

<Посольство Российское в Германию>. Летописцы Немецкие говорят о Посольстве ее в Германию к Императору Оттону I ³⁹⁵. Может быть, Княгиня Российская, узнав о славе и победах Оттоновых, хотела, чтобы он также сведал о знаменитости ее народа, и предлагала ему дружественный союз чрез Послов своих. — Наконец, сделавшись ревностною Христианкою, Ольга — по выражению Нестора, *денница и луна спасения* — служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве.

По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть, перенести столицу Государства на берега Дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие Государство, сопредельное с Империею, превосходило Россию и в гражданском образовании: но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавиею и Валахию, то есть, выгнать оттуда Печенегов, чтобы непрерывною цепью завоеваний соединить Болгарию с Российскими владениями. Но сей Князь излишне надеялся на счастье оружия и на грозное имя победителя Козаров.

<Г. 970>. Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу ³⁹⁶, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные Князья. В то же время Новгородцы, недовольные, может быть, властью Княжеских Наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в Правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного Князя. Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери Любчанина Малька ³⁹⁷: Новгородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в Князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. — <Первые Уделы в России>. И так Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные Уделы*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

⟨Вторичное завоевание Болгарии⟩. Святослав, отпустив Владимира с Добрыней в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областью, но где народ встретил его как неприятеля ³⁹⁸. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на Россиян. Долговременное, кровопролитное сражение клонилось уже в пользу Болгаров; но воины Святославовы, ободренные его речью: *братья и дружина! умрем, но умрем с твердостью и мужеством!* напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел Царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный Грек, именем Калокир ³⁹⁹, самый тот, который от Императора Никифора был Послом у Святослава. Калокир с помощью Россиян надеялся свергнуть Государя своего с престола и царствовать в Константинополе: за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары.— Между тем Святослав, довольствуясь властью над сею землею, позволял сыну умершего ее Царя, именем Борису, украшаться знаками Царского достоинства ⁴⁰⁰.

Греки, призвавшие Россиян на берега Дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее Болгаров. Иоанн Цимиский ⁴⁰¹, тогдашний Император, предлагая сему Князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы Россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать Послов, и с гордостью отвечивал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит Греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и Византийские Историки несогласны: первый отдает честь и славу победы Князю Российскому, вторые Императору — и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстью воинов, итти назад в Россию: следствия весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же Греческие Историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

〈Война с Цимискием〉. Великий Князь (говорят они), к Русской дружине присоединив Болгаров, новых своих подданных, — Венгров и Печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения ⁴⁰². Варда Склир, Полководец Империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе, и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить Печенегов: тогда Греки, ободренные успехом, сразились с Князем Святославом. Россияне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин Патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *Скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать число его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий Князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили Россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем^{9*} здесь костями^{-9*}* ⁴⁰³: *мертвым нестыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смелого, единодушно ответствовали: *наши головы лягут вместе с твоею!* вступили в кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения».... Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальнейшее его повествование гораздо менее вероятно. «Цимиский (пишет он) в страхе, в недоумении призвал Вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и павлоками драгоценными; отправил их с человеком хитрым, и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей Князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал Отрокам своим: *возмите*. Тогда Император послал к нему в дар оружие: Герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимиский, не смея ратоборствовать с таким

неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их ^{10*}родственников. Гордый ^{-10*}Святослав с торжеством возвратился в Болгарию». Греки не имели нужды *искушать* Великого Князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

<Г. 971>. В следующий год, по известиям Византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к Дунайскому устью, без сомнения для того, чтобы пресечь сообщение Россиян водою с Киевом. Сей император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив Царя Никифора, но правил Государством благоразумно, и был Героем. Избирая Полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых воинов, строго наказывая малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее Римское славолюбие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственное его мужество было примером для тех и других.— На пути встретили Императора Послы Российские, которые хотели единственно узнать силу Греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан Греческий, и возвратиться к своему Князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, Император с отборными ратниками, с Легионом так называемых *Бессмертных*, с 13 000 конницы, 10 500 пехоты ⁴⁰⁴, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 Россиян, которые спокойно занимались там воинским учением. Они изумились, но храбро вступили в бой с Греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила Грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. ^{11*}Как скоро оно пришло ^{-11*}, Греки со всех сторон окружили город, где начал ствовать Российский Полководец Сфенкал. Сам Князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам Греческих Летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав Россия-

нам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именован Царь Болгарский, достался Грекам в плен, со многими его знаменитыми единоземцами: Император обошелся с ними благосклонно, уверяя — как бывает в таких случаях — что он вооружился единственно для освобождения их от неволи, и что признает врагами своими одних Россиян ⁴⁰⁵.

Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в Царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно Император ободрял Греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и Россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии Болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения, и спешил только встретить Цимиския, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав — два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе — каждый, ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара Греков поколебались ряды Святославовы; но вновь устроенные Князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастье ласкало ту и другую сторону; двенадцать раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя Империи; был везде, где была опасность; махом копия своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город ⁴⁰⁶.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот Греческий, который пресек свободное плавание Россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих Болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан Греков. Россияне (пишут Византийские Историки) оказывали чудесное остервенение, и думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастись: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни ⁴⁰⁷. Самые жены их ополчались и как древние Амазонки мужест-

вовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды, в счастливой вылазке, приняв Магистра Иоанна, свойственника Цимискиева, за самого Императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Не редко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостью, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалали пленников над ними, и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию Византийцев, а доблестию Вельможа) пали в рядах неприятельских. Сверх того Россияне, стесненные в Доростоле и лишены всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел Греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россияне вышли из лодок, напали из лесу на Греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. — Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка Русская не могла выплыть из Доростола.

Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастье совсем оставило Россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону Греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того Греки имели во всем изобилие, и новые Легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастись бегством в ночное время; другие советовали просить мира у Греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец все думали, что войско Российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но Великий Князь не согласился с ними, и хотел еще испытать счастье оружия, «Погибнет — ска-

зал он с тяжким вздохом — погибнет слава Россиян, если ныне устранимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? и не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем Русским⁴⁰⁸? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим Греков, или падем с честью, совершив дела великие!» Тронутые сею речью, достойные его сподвижники громкими восклицаниями изъявили решительность геройства — и на другой день все войско Российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началось утром: в полдень Греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благоприятствуют малочисленным Россиянам, велел Полководцам своим заманить их на обширное поле притворным бегством; но и сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь развела воинство без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с Князем Святославом, и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав отвечив: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!» За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти Героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел Великого Князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый Грек пал от мечей дружины Княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая Природа ошолчилась на Святослава: страшный ветер поднялся с Юга, и дуя прямо в лице Россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так, что они должны были прекратить битву, оставив на месте 15 500 мертвых и 20 000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказы-

вали друг другу, будто бы Св. Феодор Стратилат явился впереди их войска, и разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки Российские ⁴⁰⁹.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частью раненных, и сам уязвленный, решился наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. «Возмем их, сказал Великий Князь дружине своей: когда же будем недовольны Греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду». Так повествует наш Летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах Греческого оружия ⁴¹⁰. Византийские Историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам Российским торговать в Константинополе, примолвил с великодушею гордостию: «Мы Греки любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями». Императорский Вельможа Феофан Синкел и Российский Воевода Свенельд именем Государей своих заключили следующий договор, который находится в Несторовой летописи, и также ясно доказывает, что успех войны был на стороне Греков: ибо Святослав, торжественно обязываясь на все полезное для Империи, не требует в нем никаких выгод для Россиян ⁴¹¹.

<Договор с Греками>. «Месяца Июля, Индикта XIV, в лето 6479, я Святослав, Князь Русской, по данной мною клятве, хочу иметь *до конца века* мир и любовь совершенную с Цимискием, Великим Царем Греческим, с Василием и Константином, Боговдохновенными Царями ⁴¹², и со всеми людьми вашими, обещаюсь именем всех сущих *подо мною* Россиян, Бояр и прочих, никогда *не помышлять на вас*, не собирать моего войска и не приводить чужеземного на Грецию, область Херсонскую и Болгарию. Когда же иные враги *помыслят на Грецию*, да буду их врагом и да борюсь с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят сих *правых* условий, да *имеем* клятву от Бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты как золото*, и собственным нашим оружием *иссечены* ⁴¹³. В удостоверение чего написали мы договор на сей хартии и своими печатями запечатали». Утвердив мир, Император снабдил Россиян съестными припасами ⁴¹⁴; а Князь Российский желал свидания с Цимискием. Си два Героя, знакомые только по славным делам своим, име-

ли, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде, и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. <Наружность Святославова>. По их сказанию, он был среднего роста, и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волосов, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили — и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский в тоже время отправил к Печенегам Послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили Россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на Россиян за то, что они примирились с Греками. Так пишут Византийские Историки; но с большею вероятностью можно думать совсем противное. Тогдашняя политика Императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их на-долго в покое, едва ли не сами Греки наставили Печенегов воспользоваться слабостию Российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать Печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали Россиян. Святослав знал о сей опасности. <Г. 972>. Свенельд, знаменитый Воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: Князь не принял его совета, и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где Россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так, что они давали полгривны за лошадиную голову⁴¹⁵. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. <Кончина Святослава>. Не смотря на малое число изнуренных вои-

нов, надлежало сразиться с Печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из её черепа сделал чашу⁴¹⁶. Только немногие Россияне спаслись с Воеводою Свенельдом, и принесли в Киев горестную весть о погибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней Истории, который столь мужественно боролся и с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера, и снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка.

Если Святослав в 946 году, — как пишет Нестор — был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

Глава VIII
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК.
Г. 972—980

Междоусобие Князей. Первые деяния Владимировы.
Брак Владимиров. Братоубийство.
Послы Российские в Германии

<Г. 973>. По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новгороде. Единодержавие пресеклось в Государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над Уделами своих братьев⁴¹⁷. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

<Г. 975>. Виновником сей вражды был славный Воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в *своем владении*: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства, Свенельд, желая отомстить ему, убедил Ярополка идти войною на Древлянского Князя и соединить область его с Киевскою.

<Г. 977. Междоусобие Князей>. Олег, узнав о намерении своего брата, также собрал войско и вышел к нему на встречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в Древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот, и столкнули своего Князя в глубокий ров⁴¹⁸. Ярополк вступил в город и хотел видеть брата: сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с мосту. Победитель, видя бездушный, окровавленный труп Олегов, лежащий на ковре пред его глазами, забыл свое торжество, слезами изъясил раскаяние, и с горестию указывая на мертвого, сказал Свенельду: *того ли хотелось тебе?*.. Могила Олегова в Несторово время была видима близ Овруча, где и ныне показывают оную любопытным путешественникам. Поле служило тогда кладбищем и для самых Князей Владетельных, а высокий бугор над могилою единственным Мавзолеем.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной. Владимир, Князь Новгородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, утратившись Ярополкова властолюбия, и бежал за море к Варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих Наместников или Посадников, и таким образом сделался Государем Единодержавным в России ⁴¹⁹.

⟨Первые деяния Владимировы⟩. Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях Норманов, которых флаги развеялись на всех морях Европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; ⟨Г.980⟩ прибыл с сею надежною дружиною в Новгород, сменил Посадников Ярополковых, и сказал им с гордостью: «идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

В области Полоцкой, в земле Кривичей, господствовал тогда Варяг Рогволод, который *пришел из-за моря*, вероятно, для того, чтобы служить великому Князю Российскому, и получил от него в Удел сию область ⁴²⁰. Он имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять Державу у брата, хотел лишить его и невесты, и чрез Послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы ⁴²¹: ибо мать Владимирова, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. ⟨Брак Владимиров⟩. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его, и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины Варяжской, Славян Новгородских, *Чуди и Кривичей*: сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их Государю. Ярополк не дерзнул на битву, и затворился в городе. Окружив стан свой окопами ⁴²², Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному Воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. «Желаю твоей помощи, велел сказать ему Владимир: ты будешь мне вторым отцем, ко-

гда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей». Гнусный любимец не усомнился предать Государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удалиться от битвы. Страшась верности добрых Киевлян, он уверил Князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр ⁴²³. Киевляне, оставленные Государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне*. Изменник Блуд склонял сего Князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответственал наконец: «да будет по твоему совету! возьму, что уступит мне брат». Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится, и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, Государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они и верных, добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит История память его!), который говорил ему: «не ходи, Государь, к брату; ты погибнешь. Оставь Россию на время, и собери войско в земле Печенегов». Но Ярополк слушал только изверга Блуда, и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. <Братоубийство>. Предатель ввел легковерного Государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени Варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову... Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к Печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку ⁴²⁴.

Таким образом старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года Киевским Владетелем и 3 года Главою всей России, оставил для Истории одну память добродушного, но слабого человека. Слезы его о смерти Олеговой свидетельствуют, что он не хотел братоубийства, и желание

снова присоединить к Киеву область Древлянскую казалось согласным с государственною пользою. Самая доверенность Ярополкова к чести Владимировой изъясляет доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть Героем, достоин сожаления, а не власти.

Ярополк оставил беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, пленницу Святославу. Он был женат еще при отце своем ⁴²⁵, но сватался за Рогнеду: следственно многоженство и прежде Владимира не считалось беззаконием в России языческой.

<Послы Российские в Германии>. В княжение Ярополка, в 973 году, по известию Летописца Немецкого ⁴²⁶, находились в Кведлинбурге, при Дворе Императора Оттона, *Послы Российские*: за каким делом? неизвестно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ. Г. 980—1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые Христианские мученики в Киеве. Бунт Радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение Государства. Строение городов. Война с Хорватами и Печенегами. Церковь Десятинная. Набег Печенегов. Пирь Владимировь. Милосердие. Осада Белогорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимировь. Свойства сго. Сказки народныя. Богатыри

<Г.980>. Владимир с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим.

<Хитрость Владимира>. Сии гордые Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско Российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостию отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них, и роздал им многие города в управление ⁴²⁷. Между тем Послы его предупредомили Императора, чтобы он не оставлял мятежных Варягов в столице, но разослал по городам, и ни в каком случае не позволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

<Усердие к идолопоклонству>. Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою, и поставил его, близ *теремного двора*, на священном холме, вместе с иными кумирами ⁴²⁸. Там, говорит Летописец, стекался народ ослепленный и земля осквер-

нялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодеяний.... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил, на берегу Волхова, богатый кумир Перунов.

<Женолюбие>. Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка ⁴²⁹; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева), и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, Летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. <Г. 981>. Польские Славяне ⁴³⁰, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к Государству Польскому. <Завоевание Галиции>. Он взял города *Червень* (близ Хелма), *Перемышль* и другие, которые, с сего времени будучи собственностью России, назывались *Червенскими* ⁴³¹. <Г. 982—983>. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт Вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну Ятвягов, дикого, но мужественного народа Латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря: ибо Ливония, по свидетельству Стурлезона, Летописца Исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать

дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом ⁴³².

⟨Первые Христианские мученики в Киеве⟩. Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам, и кровию человеческою обогреть олтари. Исполняя совет *Бояр* и *старцев*, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов — и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином ⁴³³. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастии: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву, вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели Христианство; но торжественное хуление Веры их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна ⁴³⁴.

⟨Г.984. Бунт Радимичей⟩. Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны*, и на-голову побил мятежников ⁴³⁵; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: *Радимичи волчья хвоста бегают*.

⟨Г.985. Камская Болгария. Торки⟩. На берегах Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться Хану Козарскому ⁴³⁶. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с Севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми Азиатскими странами. Владимир, желая за-

владеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *Торки*, союзники или наемники Россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами⁴³⁷: он кочевал в степях на юговосточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников, и видя их в *сапогах*, сказал Владимиру: «они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников!*» Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с Россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде»⁴³⁸.— Ежели не с данию, то по крайней мере с честью и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

<Отчаяние Гориславы>. К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою*, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо Великий Князь уже предпочитал ей других жен, и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди — близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино* — заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца, Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою, и сидя на богатом ложе, в светлой храmine, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «ты не один, о родитель мой! сын будет свидетелем»⁴³⁹. Владимир, бросив меч на землю, отвечивал: «кто знал, что ты здесь!»... удалился, собрал Бояр и требовал их совета. «Государь! сказали они: прости виновную для сего младенца, и дай им в Удел

бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской Губернии, и назвав его *Изяславлем*, отправил туда мать и сына ⁴⁴⁰.

<Супружество Владимира и крещение России>. Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимира, которое всего более прославило его в Истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало по малу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседственными: Венгриєю, Польшею, Швециєю, Норвегиєю и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо Главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников, склонять Владимира к принятию Веры своей, и что Великий Князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы Государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедывал одного Бога с ними, и Владимир мог также — увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества — искать истины в разных Верах.

Первые Послы были от Волжских или Камских Болгаров ⁴⁴¹. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих Гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино уставом безрассудным. *Вино, сказал он, есть веселие для Русских; не можем быть без него.* — Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь отвечал им: *идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы* ⁴⁴². Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, отвечали проповедники: но Бог во гневе Своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?* сказал Владимир: *мы не*

хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.— Наконец безыменный Философ⁴⁴³, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда, с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку⁴⁴⁴. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «благо добродетельным и горе злым!» *Крестися*, отвечивал Философ — *и будешь в раю с первыми.*

Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер должныствовали говорить с Владимиром; но ежели Греческий Философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. Вера Славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей и не редко увеселялись их кровию. Хотя Славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того Христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенныя, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям, и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тмою временной смерти, блаженством вечной жизни — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

<Г. 987>. Владимир, отпустив Философа с дарами и с великою честью, собрал Бояр и *градских старцев*; объявил им предложения Магометан, Иудеев, Католиков, Греков, и требовал их совета. «Государь! сказали Бояре и старцы: всякой человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли, испытать, который народ достойнее покланяется

Божеству» — и Великий Князь отправил *десять* благо-разумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране Болгаров храмы скудные ⁴⁴⁵, моление унылое, лица печальные; в земле Немецких Католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты*; наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* сказал Император, и зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести Послов в Софийскую церковь, где сам Патриарх ⁴⁴⁶, облаченный в Святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого Духовенства Греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение Клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили Россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется.... Возвратясь в Киев, Послы говорили Князю с презрением о богослужении Магометан, с неуважением о Католическом и с восторгом о Византийском, заключив словами: «всякой человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру Греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение Бояр и старцев. «Когда бы Закон Греческий — сказали они — не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий Князь решился быть Христианином.

Так повествует наш Летописец, который ^{1*} мог еще знать ^{-1*} современников Владимира, и по тому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего Российского Посольства в страну Католиков и в Царьград, для испытания Закона Христианского, утверждается также известиями одной Греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего Царя Византийского, названного в ней *Македонским*, вместо *Багрянородного* ⁴⁴⁷.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские ⁴⁴⁸; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его

народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

<Г.988>. Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины доныне видимы в Тавриде, близ Севастополя ⁴⁴⁹. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, не смотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых Скифов до Козаров и Печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием.— Владимир, остановясь в гавани или заливе Херсонском, высадил на берег войско, и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергли его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожить все работы осаждающих, и сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую Россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом, по древнему обыкновению военного искусства ⁴⁵⁰. К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к Россиянам стрелу, с надписью: *за вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий Князь спешил воспользоваться советом ⁴⁵¹, и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием, и чрез Послов объявил Императорам, Василию

и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь ⁴⁵². Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия: Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о державе. Сии обстоятельства принуждали Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам ⁴⁵³. Василий и Константин, надеясь помощью сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* ⁴⁵⁴ и ненавистнее смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься, и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку ⁴⁵⁵. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его). Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи ⁴⁵⁶.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завое-

вания, и соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим ^{2*} в изъявление ^{-2*} благодарности за руку сестры их ⁴⁵⁷. Вместо пленников, он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных ⁴⁵⁸, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего Искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр ⁴⁵⁹. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины Княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ не смел заступиться своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься ⁴⁶⁰ — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцев своих. Там явился Владимир, провождаемый собором Греческих Священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку ⁴⁶¹: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; Иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда Священный Собор нарек всех граждан Киевских Христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного; утверди в них Веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхва-

лю достойно святое имя Твое!»... *В сей великий день, говорит Летописец, земля и небо ликовали.*

<Г. 988—990>. Скоро знамения Веры Христианской, принятой Государем, детьми его ⁴⁶², Вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских трестиц. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия ⁴⁶³, на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери; там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Между тем ревностные служители оларей, Священники, проповедывали Христа в разных областях Государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане Киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить Россиян.* Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостью, и жены знаменитые, у коих неволею брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

<Разделение Государства>. Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков ⁴⁶⁴. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав, родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца, или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области, и дал в Удел Вышеславу Новгород ⁴⁶⁵, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский ⁴⁶⁶, Мстиславу Тмуторакань или Греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который донныне существует в Минской Губернии и назван

так от имени Варяга Тура, повелевавшего некогда сею областью ⁴⁶⁷. Владимир отправил малолетних Князей в назначенный для каждого Удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он без сомнения не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинаясь отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть, брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

<Строение городов>. Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства Печенегов, Великий Князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне, и населил их Новгородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами ⁴⁶⁸. <Г.990>. Укрепив Киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его, и часто жил в оном.

<Г.993. Война с Хорватами и Печенегами>. Война с Хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции ⁴⁶⁹, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набегах Печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий Князь встретился с ними на берегах Трубежа: при чем Летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско Печенегов стояло за рекою: Князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. Ежели Русской убьет Печенега, сказал он, то обязываемся три года не воевать с вами; а ежели наши победит, то мы вольны три года опустошать твою землю. Владимир согласился, и велел Бирючам или Герольдам в стане своем кликнуть охотников для поединка ⁴⁷⁰: не сыскалось ни одного, и Князь Российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в серд-

це на меня, он разорвал на-двое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться с Печенегом. Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши; сей богатырь одною рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился Печенег, великан страшный, и видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими давил Печенега, и мертвого ударил об землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнув победу, бросилась на уstraшенное войско Печенегов, которое едва могло спастись бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город, и назвал его *Переяславлем*: ибо юноша Русской *перяля* у врагов *славу* ⁴⁷¹. Великий Князь, наградив витязя и старца, отца его, саном Боярским, возвратился с торжеством в Киев. Поединок может быть истинною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с Греками в 906 году ⁴⁷².

<Г. 994—996. Церковь Десятинная>. Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершенные каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери, и художеством Греков украшенного. Там, исполненный веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: «Господи! в сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам добрых Россиян!» и в знак сердечной радости угостил во дворце Княжеском Бояр и градских старцев, не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам.— Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней Херсонским Иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; оставил брать ему десятую часть из собственных доходов Княжеских, и клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме ⁴⁷³. Следственно, Анастас был Священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною*) находилась под его особенным ведением. Новейшие Летописцы утвердительно повествуют о Киевских Митрополитах сего времени, но, именуя их, проти-

воречат друг другу ⁴⁷⁴. Нестор совсем не упоминает о Митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о Епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения Греках или Славянах Греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить Россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего Князя в чувствах набожности. <Набег Печенегов>. Печенеги, снова напав на области Российские, приступили к Василеву, городу построенному им на реке Стугне ⁴⁷⁵. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и Великий Князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир Вельмож, Посадников, старейшин из других городов. <Пирьы Владимировы>. Желая изобразить его роскошь, Летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду*, и восемь дней праздновал с Боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только Вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого Государя. С того времени сей Князь всякую неделю угощал в *Гриднице*, или в прихожей дворца своего, Бояр, *Гридней* (меченосцев Княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или *нарочитых* ⁴⁷⁶. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды — как рассказывает Летописец — гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого Государя Русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий Князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, он был истинным отцем бедных, которые всегда могли приходиться

на двор Княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги ⁴⁷⁷. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* — и велел развозить по улицам хлеба, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» спрашивали люди Княжеские, и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию Христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете*, вселили в душу Великого Князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. <Милосердие>. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *Вирую*, или денежною пенею ⁴⁷⁸: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные Пастыри Церкви вывели набожного Князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» спросили они. *Боюсь гнева Небесного*, отвечивал Владимир. «Нет, сказали Епископы: ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий Князь, приняв их совет, отменил *Виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными Государями: Польским, Венгерским и Богемским ⁴⁷⁹; но хищные Печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних врагов — и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве ⁴⁸⁰.

<Г.997. Осада Белгорода>. Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения Печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *Вече* или совет ⁴⁸¹, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, говорил он: Пече-

неги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная*, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую с тестом, и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу и возвратились к своим Князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах ^{3*}! Печенеги сняли осаду ⁴⁸².

<Г. 997—1014. Кончина Анны>. Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере Летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 году. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора, и в течение *семнадцати лет* он сказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида — одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать — и знаменитая несчастьем Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в Киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна ⁴⁸³, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

<Война с Эриком Норвежским>. В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с Норвежским Принцем Эриком, о коей повествует Исландский Летописец Стурлезон ⁴⁸⁴. Гонимый судьбою, малолетный Принц Норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из Вельмож Владимировых, с матерью, вдовствующею Королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при Дворе, осыпавый милостями Великой Княгини, и ревностно служил Государю; но оклеветанный завистливыми Боярами, должен был оставить его службу. Через несколько лет — может быть, с помощью России — он сделался Королем Норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город Российский *Альдейгабург*, или, как *вероятно*, нынешнюю Старую Ладугу ⁴⁸⁵, где обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавские, и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый Норвежский Принц

четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концем своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

<Г. 1014. Бунт Владимирова сына, Ярослава>. Наместники Новгородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням или телохранителям Княжеским⁴⁸⁶. Ярослав, тогдашний Правитель Новгорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. <Г. 1015. Кончина Владимира>. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника, и оставив кормило Государства на волю рока....

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев⁴⁸⁷; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно, рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного⁴⁸⁸.

<Свойства его>. Сей Князь, названный Церковию *Равноапостольным*, заслужил и в Истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святине Христианства, или, как

повествует знаменитый Арабский Историк XIII века ⁴⁸⁹, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с Государями Византийскими решило его креститься? известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбом ⁴⁹⁰, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит конечно в том, что он поставил Россию на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей Князь, похитив Единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; ^{4*} выслав мятежных Варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу ^{4*}, смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ Ятвяжский; расширил пределы Государства на Западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе Восточных Императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми Боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только Иереев, но и художников; наконец был нежным отцем народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в Политике, за назначение особенных Уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние Скандинавские, Немецкие, Византийские, Арабские летописи говорят о нем. <Сказки народные. Богатыри>. Кроме преданий Церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре с *золотою гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвече, грозе Печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях ⁴⁹¹. Сказки не История; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслу-

жив бессмертие в летописях своими победами, усердием к Христианству, любовью к Наукам, живут донныи и в сказках богатырских.

Владимир, не смотря на слабое от природы здоровье ⁴⁹², дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новгороде, под руководством дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого Монарха, дополним Историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных Летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы. Правление. Законы гражданские. Воинское искусство. Флоты. Чинопочаение и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные искусства.
Нравы

<Пределы>. В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние Государства Европейские ⁴⁹³. Завоевания Олеговы, Свято-славовы, Владимировы, распространили ее владения от Новагорода и Киева к Западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к Югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к Северу и Востоку граничила она с Финляндиею и с Чудскими народами, обитателями нынешних Губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с Мордвою и с Казанскими Болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили Хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (по чему сие море называлось тогда Хвалынским или Хвалиским).

<Правление>. Слова Новгородцев и союзных с ними народов, преданные нам Летописцем: «хотим Князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть, Монархического.

Но Князья привели с собою многих независимых Варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели Государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии Варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совет, с коим Государь делился властью. Мы видели, что Послы Российские заключали договор с Грециею от имени Князя и Бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с Императором, и что вся дружина Княжеская должна была вместе с ним присягать на священном холме ⁴⁹⁴.

Самый народ Славянский хотя и покорился Князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности, и в делах важных, или в опасностях государственных, схо-

дился на общий совет. Белгородцы, теснимые Печенегами, рассуждали на Вече, что им делать ⁴⁹⁵.— Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в Державах строгого, неограниченного Единовластия. Так Новгородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в Правители, или, в случае отказа, изберут себе особенного Князя.

На войне права Государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с Греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю ⁴⁹⁶. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемую с народов уже подвластных России, Князья делились с воинами.

Впрочем вся земля Русская была, так сказать, законною собственностью Великих Князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие Варяги получили Уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, княжил в Полоцке ⁴⁹⁷.

Варяги, на условиях *Поместной Системы* владевшие городами, имели титул Князей: о сих-то *многих* Князьях Российских упоминается в Олеговом договоре с Греческим Императором ⁴⁹⁸. Дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же Уделы: Бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием или отчиною ⁴⁹⁹. Но Великий Князь как Государь располагал сими частными Княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых Уделами Вельмож Норманских.— Другие города и волости непосредственно зависели от Великого Князя: он управлял ими чрез своих Посадников или Наместников ⁵⁰⁰.

Образ сего внутреннего правления отвечал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною ⁵⁰¹. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова усталил смерт-

ную казнь.— Нестор упоминает еще о *градских старейшинах*, которые летами, разумом и честью заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

<Законы гражданские>. Во времена независимости Российских Славян гражданское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности ⁵⁰²; но Варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам Великих Князей с Греками, и во всем согласные с древними законами Скандинавскими. На пример: и в тех и других было уставлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки; что за каждый удар мечем, копием или другим орудием, надлежало платить денежную пеню ⁵⁰³. Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною, и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих ⁵⁰⁴.— Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мере Варяги Российские могли иметь в IX и X веке *законы писанные*: ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление Рунических письмен было известно до времен Христианства ⁵⁰⁵.

<Церковный устав Владимиров>. Мы имеем еще древний, так называемый *Владимиров устав*, по коему, сообразно с Греческими Номоканонами, отчуждены от мирского ведомства Монахи и церковники, богадельни, гостинницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним Епископам: также весы и мерилы городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба, снятие одежды с мертвеца, и проч. и проч. Нет сомнения, что Духовенство Российское в пер-

вые времена Христианства решило не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести и нравственным правилам новой Веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом): но сей *Устав* есть подложный — и вот доказательство: там Владимир пишет, что Патриарх *Фотий* дал ему *первого* Митрополита Леона; а *Фотий* умер за 90 лет до сего Великого Князя ⁵⁰⁶.

<Воинское искусство>. Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как Славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые, и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности ⁵⁰⁷.

<Флоты>. Подобно другим Славянам мужественные на суше, они заимствовали от Варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь Греческий* мог спасти Царьград от флота Игорева: для того Великие Князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые Греки уверяли их, что Ангел Небесный вручил оный Императору Константину, и что одни Христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли Российские были не что иное, как гребные, с помощью больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек ⁵⁰⁸.

<Чинопочинение и внутреннее образование войска>. О древнем чинопочинении и внутреннем образовании войска известно нам следующее: Князь был его Главою на воде и суше; под ним начальствовали Воеводы, Тысячские,

Сотники, Десятские ⁵⁰⁹. Дружину первого составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гридни, которые служили при Князе: первые считались знаменитее вторых ⁵¹⁰. Главнѣе Воеводы имели также своих Отроков, как Свенельд, Воевода Игорев.— Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и Гридни, или *Мечники*, брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче ⁵¹¹.

<Торговля>. Народы, из коих составилось Государство Российское, и до пришествия Варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые Древляне жили отчасти в городах; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам Варяжских Князей: договоры их с Греками свидетельствуют, что в X веке жило множество Россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец: к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды ⁵¹². Ежегодное путешествие Российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россам Славяне, Кривичи, Лучане и другие, зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые *моцоѡла*: ибо они делаются из *одного дерева*. По вскрытии Днепра Славяне приплывают в Киев и продают оные Россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В Апреле месяце собирается весь Российский флот в городке Витичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого

и самого опасного, то есть, *Неясытя*, купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где Херсонцы, *возвращаясь из России*, переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников, и доплыв до острова Св. Григория, Россияне приносят богам своим жертву благодарности, и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с Печенегами, и наконец, миновав Конопу, Константию, также устье Болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого Греческого города»⁵¹³. Сия торговля без сомнения весьма обогащала Россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов, и когда она была предметом всякого их мирного договора с Империею.— Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию⁵¹⁴: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским*⁵¹⁵. Но Цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни, кажется, Херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним Киргизам и Калмыкам, они продавали Россиянам множество Азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого.— Волжские Болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, Арабского Географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или Скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иностранцев⁵¹⁶.

О торговле древних Россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в Скандинавских и Немецких Летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие Варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там Скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, Царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием

наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали Новгородцы еще в Олеговы времена. В славной Виннете и других Бальтийских городах находились купцы Российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною Норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на Севере, что Летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страню *изобильною всеми благами, omnibus bonis affluentem* ⁵¹⁷.

Вероятно, что Великие Князья, следуя примеру Скандинавских Владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах*, нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом и шкурами*, или с оброком Княжеским — что называлось: *возить повоз*. Следственно казна изобиловала *товарами* и могла отпускать их в чужие земли ⁵¹⁸.

Россияне, подобно Норманам, соединяли торговлю с грабежем. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского озера, и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм ^{1*}) не могли их удерживать ⁵¹⁹. Требование Греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы Российские предъявляли от своего Князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело без сомнения важную причину: ту, кажется, что некоторые Россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников.

<Пышность и роскошь>. Счастливые войны и торговля Россиян, служив к обогащению народа, должныствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность Двора Константинопольского, Великие Князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники, имели своих особенных придворных чиновников ⁵²⁰. Не редко Послы Российские, именем Государя, требовали в дар от Греков Царской одежды и вещей: чего Императоры, желая отличаться от *варваров* хо-

тя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками Ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедавая у Князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов Славянских, был еще душею славных пиров его; но Киевляне в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди послали одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные поясы, сафьянные сапоги ⁵²¹, и проч.

<Состояние городов>. Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий Летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде*, находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных Христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением* России и даже *вторым Константинополем* ⁵²². Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу Днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою ⁵²³. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицей Великого Князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

<Деньги>. Народ торговый не может обойтись без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: донныне, вместо их, жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и Славяне Российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, *куниц* и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бельими ⁵²⁴. Надобно думать, что Правительство клеймило их, и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с Империею сказано, что Грек, ударив мечем Россиянина, или Россиянин Грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра*. Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника Греческого 20 *золотников*, т. е. Византийских червонцев, *номисм* или

солидов ⁵²⁵. Нет сомнения, что и внутри Государства ходило серебро в монетах: Радимичи вносили в казну щяги или шиллинги, без сомнения полученные ими от Козаров ⁵²⁶. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун*, некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так, что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен Новгородскими кунами ⁵²⁷.

⟨Успехи разума⟩. Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России Христианскою Верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие, и назвал Олега *вещим*, ибо сей великодушный, смелый Князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: *погибоша аки Обри — беда аки в Родне — Пищанцы волчьа хвоста бегают* ⁵²⁸, и конечно многие другие, хранили также память важных случаев. В государственных договорах Великих Князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии Россиян; на пример: *дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятя щиты своими — да будем золоты аки золото*, и проч. Краткая сильная речь Святослава есть достойный памятник сего Героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление Рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и Россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка Славянского. Хотя Кирилловские письма могли быть известны в России еще до вре-

мец Владимировых (ибо самые первые Христиане Киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было конечно не велико: Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл Россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются....

Здесь должно ответствовать на вопрос любопытный: какие Священные книги были тогда употребляемы Христианами Российскими? те ли самые, коими донныне пользуется наша Церковь, или *иного, древнейшего перевода?* Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною Московскою или Киевскою Библиею, всякой уверится, что Россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее ⁵²⁹. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема: при Константине, Волынском Князе, в XVI веке; при Царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, не смотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди учение справедливо признают оный древнейшим памятником языка Славянского ⁵³⁰. Библия Чешская или Богемская переведена с Латинской Иеронимовой в XIII или XIV веке; Польская, Краинская, Лаузицкая, еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? при Великом ли Князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной ⁵³¹, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом Российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая преложены книги (т. е. Библия) в Мораве, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть в Руси* ⁵³², он ясно дает знать, что Российские Христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка Славянского на Греческой Грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть, Иллирического или Сербского, в коем и теперь видим сходство с нашим Церковным.

Впрочем все тогдашние наречия должепствовали менее нынешнего разниться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе Моравскую Библию. Слог ее сделался образцем для новейших книг Христианских, и сам Нестор подражал ему; но Русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке Славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о Полку Игореве*, о коем будем говорить в примечаниях на Российскую Словесность XII века.

⟨Механические и свободные художества⟩. Нужнейшие Искусства механические, равно как и Свободные, были известны древним Россиянам. И ныне селянин Русской делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее общались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь, мало по малу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все Немецкие Славяне торговали полотнами: Русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями* ⁵³³. Народ составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения пользовался искусством ковать железо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечях, будто бы предложенных Киевлянами в дань Козарам.— Христианская Вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви, и призвал художников Греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: на пример, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитою, но и самым украшением ⁵³⁴. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых, и проч. *Клетки*, или горницы, ^{2*}-с обеих сторон ^{-2*} дома разделялись *помостом* или сенями; ^{3*}-спальни

пазывались *одринами* ^{-3*}. На дворах строились вышки для ^{4*}-голубей: ибо Россияне искони любили сих птиц ⁵³⁵, ^{-4*}, — Несторово описание. Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить Русских.— Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь Россиян к искусству мусикийскому.

<Нравы>. Что касается собственно до нравов сего времени, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. Россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостию; но Императоры Византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет Греков коварными ⁵³⁶. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри Государства: еще более увидим их; но чем же иным богата История Европы в средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель Христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства умножились.... Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого Вождя: *станем крепко, не посрамям земли Русския*, вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах ⁵³⁷.— Дома, и в мирное время, они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры, и сказал Магометанским Болгарам: *Руси есть веселие пити* ⁵³⁸. Между достопамятными чертами древних Русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских Вечах они имели первенство ⁵³⁹. Наконец сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых Государей: плакал над телом Великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира, и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени Русскому.

ПРИМЕЧАНИЯ К I ТОМУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

¹ Сия мнимая Орфеева Поэма состоит из 1373 стихов. Вероятнее, что она есть произведение Стихотворца Ономакрита, Ксерксова современника. См. ее географическое изъяснение в Маннерт. *Geographie der Griechen und Römer*, Т. IV, стр. 27 и след. Не говорю еще о новейшей Поэме Аргонавтов, сочиненной Аполлоном Родосским.

² См. Одис. XI, 13.

³ Нынешние Греки и Турки называют его также *Μαυρο θάλασσα*, ^{1*}—*Kara Degniz* или *Denghiz* ^{-1*} (Баер. *Opuscula, de Cimmeriis* стр. 127).

⁴ Понт Эвксинский (или Черное море) назывался прежде *Αἴθνος*, то есть *негостеприимным*; а после дали ему имя *Ευξείνος*, то есть *гостеприимного* (Страбон. *Geographia cum notis Casauboni*, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458).— Греки именовали ^{2*} сперва Гипербореями всех людей живших за Фракию, откуда веял к ним северный ветер (См. Маннерт. *Geographie der Griechen*, Т. IV, стр. 48); а после Стихотворцы в воображении своем отдалили сих мнимосчастливых смертных — коих Гомер в Илиаде называет Авиями, а мнимый Орфей Макровиями — к самым полунощным границам мира, где возвышаются Рифейские горы, подобно Гиперборейам баснословные (см. Страбона кн. VII, стр. 452, 458): ибо сомнительно, чтобы Греки разумели под сим именем наши Уральские горы, как думал Герберштейн, а за ним Штраленберг и другие Географы. Помпоний Мела, Плиний, Солин, таким образом говорят о славных Гиперборейях: «Земля у них плодоносная, воздух чистый и благообразенный. Они живут долее и счастливее всех иных людей: ибо не знают болезней, ни злобы, ни войны, и проводят дни свои в невинной, беспечной веселости и в гордом спокойствии. Жилища их суть прекрасные леса и дубравы, а плоды древесные служат им пищею; они умирают равнодушно и единственно тогда, как жизнь уже теряет для них все прелести: дают пир друзьям и родственникам; украшают венками свою голову и бросаются в волны морские». Сие описание, основанное на баснословии Греков, пленило воображение некоторых ученых мужей Севера, и всякой из них хотел быть единомземцем счастливых Гипербореев. Олав или Олоф Верелий, Шведский Профессор, доказывал, что Гиперборей обитали в его отечестве. Рудбек, также Швед, утверждал, что самое имя их есть Скандинавское: *Yfwehbogen*, люди *высокого роду* (*Atlantica*, Т. I, стр. 367). Торфей хотел обратить Норвегию в страну Гиперборейскую. Мы, Русские, могли бы также объявить права свои на сию честь и славу! — Петербургские Академики, Баер и Фишер, писали о Гиперборейях. Любопытные найдут еще в *Mém. de l'Acad. des Inscr.* Т. X, стр. 176 и 198, два рассуждения о том же предмете.

⁵ См. о городе Ольвии Страбон. Geograph., стр. 470. ^{3*} Недавно, по разным памятникам, открытым в земле, узнали мы его место: на Бугском Лимане, близ деревни Ильинской, принадлежащей Графу Кушелеву. Ученый Келер занимается описанием сих важных древностей ^{-3*}. — Дион Хризостом, славный Оратор Траянова времени, говорит ^{4*} в Orat. Borysthenit. ^{5*} о своем путешествии ^{-5*} в Ольвию. Дион произнес ^{6*} там, в Юпитеровом храме, высокопарную речь, и пленил народ своим красноречием. — Диодор Сицилийский (XII, 31) рассказывает ^{7*}, что в течение 85 Олимпиады (которая началась за 440 лет до Рождества Христова) Воспорское Царство уже существовало. Г. Келер издал описание двух статуи, посвященных Воспорскою Царицею Комосариею богиням Пергесе и Астаре лет за 200 до Р. X. и найденных ^{8*} в Таврической Губернии (см. Dissertation sur le monument de la Reine Comosarie). Г. Буле весьма удовлетворительно ^{9*} изъяснил надпись сего памятника (см. Москов. Учен. Ведомости, 1805, № 28). — См. о Херсоне Страбона Geogr. стр. 474.

⁶ Киммеряне, изгнанные Скифами (за 650 лет до Р. X.) удалились отчасти в Малую Азию, отчасти в Германию, откуда они чрез несколько веков, под именем Цимбров, ворвались в Римские владения. Сие мнение есть общее; но Гаттерер думает, что Цимбры, побежденные Марием, за 114 лет до Р. X. вышли прямо из Крыма, будучи снова вытеснены Скифами: см. Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis, Т. XII, стр. 146. — Геродот пишет (кн. IV), что в его время были еще в Скифии *Киммерийские стены*, *Киммерийский пролив* и страна *Киммерия*. Всем известно название Воспора Киммерийского, соединяющего Азовское море с Черным.

⁷ Геродот пишет, что Скифы, известные Персам под именем Саков, сами себя называли Сколотами. — Баер доказывает, что Геродотов Аракс есть Волга (Opuscula, стр. 68—71). О Скифах в южной Азии см. Диодора Сиц. кн. II.

⁸ Герод. кн. IV.

⁹ См. Страбон. Geograph. стр. 474. Геродот измеряет так называемыми *Олимпийскими* стадиями: в каждой из них считалось 600 Греческих или 569 Парижских футов (см. Commentationes Societ. Scient. Gottingensis, Т. II, стр. 123). Вопреки расстоянию, означенному Геродотом, Рудбек искал Меланхленов близ Ладоги и Онеги, ибо Греческий Историк рассказывает, что за Меланхленами находились *озера*!

¹⁰ Гаттерер под именем Ирков разумеет Аорсов; но Помпоний Мела и Плиний, следуя Геродоту в описании народов северных, называют их Турками.

¹¹ Агриппей рассказывали еще о других людях с козьими ногами, а Исседоны о Циклопах-Аримаспах. О Сибир. рудниках см. сей *Истории* Т. III, примеч. 88. Уже во времена Авраамовы было много серебра и золота в Азии и в Египте.

¹² См. Геродота кн. I, в конце. Тогда была у Массагетов Царица Томира или Томирис.

¹³ Известно, что Дон в Тульской Губернии действительно вытекает из Ивановского *озера*: чего Страбон и другие новейшие Географы не знали.

¹⁴ Баеров. Opuscula, стр. 215—217.

¹⁵ Герод. кн. IV.

¹⁶ Трога Помпея, сокращенного Юстином. Филипп вывел из Скифии 20 000 женщин и детей.

¹⁷ Страбон пишет, что Воспорский Царь Парисад добровольно подался Митридату. О победах Александра Великого см. Арриан. Геродот называет Гетов *бессмертными*, ибо они верили, что смерть переводит человека в другую жизнь. Римляне обыкновенно именовали их Даками. Они по смерти Беребиста начали утеснять Гетов; но в царствование Домициана явился в Дакии новый Герой, Децебал, который принял к себе многих Римских воинов, основал крепости, и старался образовать народ свой. Счастливым во всех воинских предприятиях до времен Траяна, Децебал уступил наконец победу сему знаменитому Императору, и гнушаясь рабством, умертвил себя добровольно (см. Диона Кас. LXVIII, 14). В Страбово время Дакии еще имели до 40 000 воинов.

¹⁸ См. Диона Хризост. Orat. Boristh.

¹⁹ Вот слова Диодоровы (кн. II) по Латинскому переводу: *Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, inter necatione sublatis, maximam regionis partem desolavere* [они савроматы], за много лет увеличив и число свое, и силы, разорили большую часть Скифии и опустошили почти всю эту землю, так как истребили всех, кого победили]. Географы первых веков все еще твердили о Каллипидах и других Скифских народах, повторяя Геродотовы известия о Черноморской Скифии, и мешая их с новейшими, то есть, бывшее с настоящим. Слова Плиниева (IV, 25): *Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas atque Germanos: nec aliis prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt* [имя же скифов перешло к сарматам и германцам, и закрепилось это древнее название только для тех из этих народов, кто живет дальше всех и неизвестен прочим смертным].

²⁰ См. Тунмана *Gesch. der Völker am Schwarz. Meere*, стр. 10, также Маннерт. *Geogr. IV*, 139. Некоторые причисляют Роксолан к Скифским народам; но Римляне, по сказанию Плиния, называли Скифами и Сарматов. Тацит, не только красноречивейший Историк, но и лучший Географ своего времени, именует Роксолан Сарматами (кн. I, § 79), а не Германцами, как желает доказать Гаттерер. К сему прибавим еще два обстоятельства: 1) Страбон говорит, что Роксолане жили на колесницах (в кибитках), подобно Сарматским и другим Азиатским народам (кн. VII); 2) Язиги в договоре с Римлянами требовали для себя невозбранного сообщения с Роксоланами (см. Диона Касс. кн. LXXI): чем также подтверждается их народное братство. Помпоний Мела пишет, что Сарматы разделялись на множество племен (*una gens, aliquot populi et aliquot nomina*) [один народ, но несколько племен и несколько названий], из коих всякое имело особенное имя свое, но все говорили одним языком: каким? не знаем, вопреки Татищеву, который беспрестанно толкует нам слова *Сарматские*, воображая, что сей язык и Финский есть один. Миллер скромным образом заметил ошибку; но Русские Историки не послушались его, и Болтин также говорит о языке Сарматском, неизвестном никому в ученом свете.— Геродот (кн. IV) рассказывает, что Савроматы произошли от смешения Амазонок с юношами Скифскими: по тому жены первых всегда ходили воевать вместе с мужьями, и всякая девица долженствовала убить

неприятеля прежде своего супружества. Плиний называет Сарматов народом Мидийским. Гаттерер ясно доказывает, что они пришли из Азии в Европу лет за 80 до Р. X. (см. Comment. Societ. Scient. Gottingensis, T. XII, 157—159).

Обширная Птолемея Сарматия, изображаемая на всех картах древнего мира, действительно существовала только, по выражению ученого Тунмана (Gesch. der Ost. Völk. 12) в голове сего Александрийского Математика и Географа. Впрочем Птолемею не хотелось расстаться с именем Скифии, которое со времен Геродотовых было в общем употреблении: и для того он сохранил оную в своем землеописании, назначив ей пределами всю страну от северо-восточных берегов моря Каспийского до Имая (Альтайских гор в Тобольской Губернии, как думают), и далее к Серике или к границам Китайским.

²¹ См. Плиния кн. IV, гл. 12. Греки и Римляне называли их *Метанастами* или *переселенцами*. Вероятно, что некоторые из них остались в нынешней России, в окрестностях Азовского и Черного моря (см. ниже); но об них не упоминается в Истории. Один Птолемей говорит во втором веке о Язигах Меотисских (Cl. Ptol. Geographia, кн. III).

²² См. Диона Хр. Orat. Boristh.

²³ См. Штрит. Memog. populorum. T. IV, стр. 332, и Тунмана Gesch. Ostl. Völk. стр. 17. Дионисий Харакский упоминает об Аланах еще в первом веке, называя их сильным народом и богатым конями, обитающим от нынешнего Кинбурна на Север между Доном и Днепром, в соседстве с Роксоланами, *единоплеменными* с ними, по сказанию Плиния (кн. IV, 25). Моисей Хоренский полагает Алан близ Кавказа. Всех подробнее говорит об них Аммиан Марцеллин, Историк IV века (кн. XXXI, гл. 2). — Прокопий Кес. называет Алан Готфским народом, ибо они считались Массагетами, то есть, *Великими Гетами*: в его же время не различали Гетов, народа Фракийского, и Готфов, во первых по сходству имени, а во вторых и по тому, что Готфы, завоевав Дакию, смешались с древними ее жителями, Гетами. Дегин думает (см. Histoire des Huns), что Алане обитали некогда среди гор Уральских, и что название их произошло от слова *Алин*, которое означает гору. — Аммиан Марцеллин пишет, что *меч* был единственным божеством Алан: воткнув его в землю, они поклонялись ему как идолу (см. выше о Скифах). Сей Историк прибавляет, что Алане вообще сходились обычаями с Гуннами.

²⁴ Об них говорят Страбон, Плиний, Тацит (см. Тунмана Gesch. der Ostl. Völk. 17—20).

²⁵ Дакию составляли Молдавия, Валахия, Трансильвания, даже часть Венгрии и Баннат Темесварский (см. Маннерт. Geographie, IV, 172). — О Готфах см. Штрит. Memog. popul. I, 37—240. Здесь можем упомянуть о гипотезе более остроумной, нежели вероятной, кою изъясняют ужасное остервенение народов Германских против Рима. Утверждают, что Готфы жили некогда в Скифии на Черном море, имели участие в войнах Митридата, и побежденные Легионами Республики (уже во время Траяново, как думает Далин) искали убежища в странах полуночных, с вождем своим *Одином*, который оружием и мудростию покорил себе знатную часть Севера и вселил в народы его ненависть к Риму. В одной Греческой, так называемой *Пасхальной летописи* действительно ска-

вано, что Траян в 106 году воевал с Персами и Готфами: следственно последние обитали тогда близ Персий? Но Готфы в третьем веке пришли в Дакию из Скандинавии, как пишет их Историк VI столетия, Иорнанд (см. его сочинение de rebus Geticis, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще века за три до Христианского летосчисления славный Пифеас, Марсельский уроженец, имел случай видеть отдаленные северные земли, в окрестностях моря Балтийского нашел Готфов, которых он и Плиний называют Гуттонами, Тацит Готонами, Птолемей Гитонами. Впрочем Пифеас слыл великим лжецом, ибо хотел уверить современников, что на Севере Европы нет уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и стихии, перемешанные между собою, образуют какое-то непроницаемое вещество (см. Страбона, стр. 163). По его словам, он доезжал от Испании до реки Дона и полуострова острова Туле за Британию. Что касается до Истории Одина, Скандинавского Магомета, то она принадлежит вообще более к баснословию Скальдов, нежели к достоверной Истории. По сказанию Эдды, он вышел из Азгарда; а как Страбон упоминает о Скифском народе Азиях (стр. 779), известных также Плинию и Птолемию, то Северные Повествователи (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, стр. 2) без всякого сомнения выводят Одина из окрестностей Дона. Некоторые уверены даже, что баснословный Азгард есть наш Азов. Маллет говорит (Histoire de Dannemarck, I, 54), что древнее Кельтское слово *Аз* знаменовало *Господина* и *Бога*: может быть, Исландские Стихотворцы хотели сказать только, что Один родился в *стране богов*.

²⁶ См. Мемор. popul. I, 42.— Иорнанд (de rebus Geticis стр. 103) говорит, что Готфам повиновались и *Меря* и *Мордва*, Merens, Morgens. Линней пишет, что многие огородные травы, растущие единственно в степях Азиатской России, сделались известны в Европе тогда, как Готфы заняли Италию. В числе сих трав он именует шпинат, лебеду, чернобыльник, дикий хмель (см. Шлецер. Probe Russ. Annal., стр. 45).

²⁷ Скандинавы издревле называли *Эстландию* все восточные берега моря Балтийского (см. Далина Gesch. des Schwedisch. Reichs, I, 297) от устья Вислы до залива Финского.

Иорнанд de rebus Geticis, стр. 103: Post Herulorum cadem idem Germanicus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis desperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur.... Nam hi, ut initio expositionis, vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi, qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Hermanrici imperii serviere. Haestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentiae virtute subegit. То есть: «Победив Герулов (обитавших в сие время еще при Балтийском море) Германрик пошел войною на Венетов, которые были в деле ратном неискусны, но многочисленны и старались сперва обороняться. Хотя Венеты, Анты, Славяне, называются ныне сими тремя разными именами, однако ж происходят от одного племени. Теперь они за грехи наши везде свирепствуют, но прежде все повиновались Германриковой власти. Он также покорил Эстов на берегах Германского Океана», и проч.

²⁸ См. Геродота, кн. III, и Баера de numo Rhodio в его Opuscul. ad Historiam Antiquam, стр. 500. Зная единственно Адриати-

ческих Венетов, Греки искали Эридана в Италии, и думали, что он есть река По. Но Диодор Сицилийский (кн. V) и Плиний (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) ясно говорят, что янтарь собирается в Северной Европе, и что там, а не в Италии, течет славная река Эридан. Баер понимает под сим именем Западную Двину (Opuscula, стр. 527, 528).

Некоторые считают Славянами и Венетов Италианских, будто бы пришедших с Антенором из Фригии после разрушения Трои, и говорят: «Венсты назывались и Генетами, коих имя без сомнения произошло от Греческого слова *Ανωσ*, «хвала» — см. Иорнанда de reb. Get. гл. 29, и Павла Диак. de gest. Longobard., кн. II, гл. 14 — *хвала* то же, что и *слава*, от которой происходит имя Славян: и так Венеты были Славяне!» Но Страбон, которому надлежало знать Италианских Венетов, признает их (стр. 298) за один народ с Белгическими Галлами-Венетами, побежденными Цесарем в морском сражении: *Nos ego Venetos (Белгических) existimo Venetiagarum in Adriatico sinu esse auctores* [этих венетов(...) я считаю родоначальниками венетов: на Адриатическом побережье]. — Гомеров Поэма столь прославила Трою, что все народы хотели быть Троянами. Эней вышел из Трои: Один Скандинавский также (см. предисловие к Исландской *Эдде*): следственно и Славянам надлежало дать право гражданства в Илионе.

Доньше в Германии именем Вендов означают Славян: думают, что Немцы назвали их так от глагола *sich wenden*, *обращаться*, *переходить с места на место*. Финны и всех Русских именуют *Венналенами*.

²⁹ См. Шлецер. Nord. Gesch. 10—34 и Геснер. de Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis. В Азии цвели уже государства, когда в Европе жили одни дикие люди. Кадму и Финикиянам, основателям Кадикса, принадлежит честь и слава Европейского образования. Мореходцы их года по три не возвращались в отечество (см. Шлецер. Versuch einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt in den ältesten Zeiten). К сожалению, все книги Финикиян пропали, и только некоторые их географические сведения дошли до нас посредством Греков. Стихотворец Авиен говорит о путешествии Карфагенца Имилькона в северную часть мира еще за 150 лет до Пифеаса (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckungen стр. 57).

Янтарь и олово, привозимое Финикиянами из Британии, были уже известны Гомеру. Страбон (кн. III) рассказывает, что Финикияне ходили к островам Касситерским, или Британским, для купли олова, и таили сию торговлю от других народов. Какой-то Финикиянин, видя, что один Римский мореплаватель не отстает от него (в надежде узнать путь к упомянутым островам) поставил на мель корабль свой и Римский: за что сограждане наградили его деньгами из казны общественной. — Однако ж мы не хотим говорить утвердительно о *непосредственном* сношении Венетов с Финикиянами, которым и Германцы, соседы первых, могли доставлять янтарь. В Тацитово время он шел единственно из земли Эстов (Descr. German. XLV), куда в царствованье Нерона ездил для того один Всадник Римский (см. Плиния, кн. XXXVII, гл. 3). Сии Эсты были народом Германским, называли янтарь *Glesum* (*Glas*), и говорили языком сходным с Британским. Тунман заключает (*Untersuchungen über d. ält. Gesch. Nordisch. Völk.* стр. 9) что они, завладев берегами Бальтийскими, принудили Венетов удалиться в Литву, Россию,

и проч. Гарткнох того же мнения (Alt-und Neues Preussen. гл. I, стр. 10, 23). Он думает, что имя Прусской Шалавонии (Schalauen), Вендена, Виндау, Ушевенде в Ливонии и Курляндии произошло от Славян и Венедов, которые жили там прежде Эстов. Германские Эсты могли вместе с Готфами переселиться в Дакию.

Прибавим однако ж, что некоторые изъяснители древностей считают не Пруссию, а Ютландию тою землею, где Финикияне и Римляне искали янтаря: см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeckun.* 51 и 114.

³⁰ Тацит пишет (*Descr. Germ.* XLI), что они жили в соседстве с Певками Дакийскими, а Плиний (кн. IV, гл. 13): *quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hiris tradunt* [говорят, что она населена вплоть до реки Вислы сарматами, венедями, скиррами, гиррами].— Если верить известию Космографа Эфика (*Aethici Cosmographia*, стр. 26 в изд. 1685 года), то Юлий Цезарь посылал трех ученых мужей для измерения мира и для его описания: Зенодокса в страны восточные, Феодота в северные, Поликлита в южные. Эфик жил после времен Константина Великого (см. Дю-Канж. *Constantinop. Christ. I*, 62) ^{10*}.

³¹ Птолемей *Geograph.* кн. III, стр. 73: *Tenent autem Sarmatiam maxime gentes Venedae per totum Venedicum sinum* [Сарматией же владеют венедские племена по всему Венедскому заливу] (Бальт. море). Тунман (*Untersuch. ü. d. Gesch. nord. Völk.* стр. 9) думает, что в Птолемеево время уже не было Венедов в землях приморских, и что сей Географ сообщает древнейшие и новые известия без всякого разбора.— Не ссылаемся на Пеутингерскую карту: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была в III веке, как прежде полагали Ученые. Маннерт (утверждая сие мнение в его рассуждении *de Tabulae Peutingerianae aetate*), должен был согласиться, что в ней есть по крайней мере некоторые вставки монашеские новейших времен: на пример, имя *Константинополя*; слова под Римом: *ad Stum Petrum* [у святого Петра]; надпись пустыни между Египтом и Палестиною: *Desertum ubi quadraginta annis erraverunt filii Israel ducente Moyse* [пустыня, где сорок лет скитались сыны Израиля, ведомые Моисеем], и проч.— Гаттерер считает Птолемеевых Венедов Немцами, т. е. Вандалами, воображая, что Славяне назвались их именем, заняв после берега моря Бальтийского (см. его *Weltgesch.* и *Comment. Societ. Gottingensis*, XII, 263).

Преторий (см. его *Orb. Goth.*) думал, что Бальтское море получило имя свое от *белых* ^{11*} берегов. *Бальтас* значит на Латышском языке *белить*. Рыцари Немецкого Ордена, завоеватели Пруссии, называли ее берега, где находился янтарь, *Витландиею*, или *Белою землею* (Баер. *Coniectura de nomine Balthici maris*, в *Комент. С. Петербургск. Академии*, V, 359). Шенинг говорит, что слово *Бальте* или *Бельте* на древнем северном языке знаменует *пояс*. Готфы могли так назвать море свое, воображая, что оно как пояс окружает землю (см. Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 24). В Плиниевой Истории уже находим имя северного острова Бальтии: Пифеас называет его *Базилею*.

³² «Мы должны — говорит ученый Гейне — искать древнейших свидетельств о народе, и время их считать первою эпохою бытия его для Истории. Где он был прежде? или откуда вышел? узнаем разве за пределами сего мира, *extra anni solisque vias*».

Некоторые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинах, Раичах и подобных Историках) доказывают, что Венеды-Славяне были Скифы. «Филипп Македонский, по их мнению, разрушил Монархию Скифскую; из остатков ее, кажется, произошли другие народы, а в числе их и Венеды: ибо некоторые Скифские имена, сохраненные Историками, могут быть изъяснены языком Славян» (см. Allg. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray, Т. III, или в Гебгарди Gesch. der Wenden, I, в предисл. стр. 21). Но 1) Филипп не истребил Скифов: через 250 лет по его кончине они жили в окрестностях Черного моря, сражались с Митридатом, с Римлянами и с Гетами. 2) Венеды еще до времен Филипповых были уже известны на берегах моря Балтийского. 3) Нравы Венедов, изображенные Тацитом, ни мало не сходствовали с обычаями Скифов. 4) Слова языка Скифского, приводимые Геродотом, так мало подходят к Славянским, что ими скорее можно доказать несходство сих двух языков. На пример (кн. IV): Эксампеос, *горький источник*; Арима, *один*; Спу, *глаз, око*; Оиор, *муж*; Апия, *земля*; Пата, *умертвить, задавить*.— Если же мы, согласно с Эфором, назовем всех полунощных жителей Скифами, в таком случае конечно и Славяне будут Скифы; но сие *общее* имя народов различных объяснит ли для нас их происхождение ^{12*}?

³³ См. в творениях Жебленевых, sur la grammaire comparative, о связи Европейских языков с Восточными.— Сию вероятность Азиатского происхождения всех народов подтверждает славный Линней замечанием весьма любопытным. Он говорит: «Первые люди, созданные Богом, жили между Тропиками: не только Св. Писание, но самая нагота человека свидетельствует, что мы некогда существовали там, где находим животных без шерсти: слонов, носорогов, Индейских собак, и где *всегдашние* древесные плоды служили ему вкусно и самую естественную пищу. Потоп истребил людей, и ковчег Ноев, как сказано в Св. Писании, остановился на горе Араратской, откуда цепь гор идет к Сибири и Татарии, странам *высочайшим*, из коих текут многие реки в море Ледовитое, Каспийское, Океан Восточный и во все земли окружные. Сии места должныствовали казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснейшими для обитания, и Бог произвел там хлеб, которым более всего питается человек вне Тропиков, и который (что известно Ботаникам) растет *дикий* в одной России восточной. Гейнцельманн нашел в степях Башкирских пшеницу и ячмень. Жители Сибирские пекут хлебы из дикой ржи. Следственно можно заключить, что Сибирь была первым отечеством Ноевых потомков», и проч. (см. Шлецер. Probe Russisch. Annal. стр. 45—46). Шлецер, напечатав сие место из Линнеевой рукописной Диссертации, прибавляет: «Мысль новая и прекрасная! она разительным образом доказывает пользу Естественной Истории для Истории народов». Г. Озерецковский (см. его Путешествие по озерам Ладож. и Онежск. стр. 34), говорит, что в Сибири называют дикою рожью и траву колосник (*Elymus agnapius*).

Антон (см. его Versuch über der alten Slaven Ursprung) замечает, что в языке нашем есть имя слона, вельблюда, обезьяны, которых нет в Европе. Другие считают названия некоторых древних городов в Азии Славянскими: на пример, Смирны. Но это не доказательство, чтобы Славяне уже *как народ особенный* существовали в Азии.

³⁴ Для того назывались они *Гамаксобиями* (quia pro sedibus

plaustra habent dicti Намахобии [Они прозваны гамаксобиями *, ибо вместо жилищ у них повозки], пишет Мела, кн. II, стр. 39).— Слова Тацитовы о Венедах: domos figunt et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plastro equoqu^o viventibus [Сооружают дома и охотно пользуются быстрогою ног; все это отличает их от сарматов, проводящих жизнь в повозке и на это] .

³⁵ См. Memor. popul. I, 452. Так описывает их Аммиан Марцелин (XXX, 2): «Гунны, прежде едва известные, имеют отвратительные лица и щеки изрезанные ножом, для того, чтобы не росла борода. Они все безобразны, толстошеи, сутулы и кажутся не людьми, а грубыми болванами; едят траву, корни и сырое мясо, согретое на седле под собою; не знают домов, убегая их как могил; скитаются всегда по горам и лесам, привыкают терпеть холод и зной, жажду и голод; носят одежду из полотна или кож звериных, и гноят ее на своем теле; на лошадях ездят и спят; не сходят с них и во время народных советов; говорят нескладно и темно; живут без Веры и законов; не имеют понятия о чести и нравственности; свирепы, лживы, хищны», и проч.— Иорнанд, ненавидя Гуннов за порабощение единоплеменника его, рассказывает нелепую басню о происхождении сего народа. «В войске Готфского Царя Филимера (говорит он) завелась волшебница или ведьма; будущи им высланы из стана, они ушли в степь и прижили там с Фаунами (quos Faunos Ficaeos vocant) [(которых называют фíговыми фавнами)] безобразных Гуннов, которые долго обитали на восточных берегах Азовского моря, и наконец перешли на другую сторону, в след за ланию, указавшею им путь через сие море». Византийские Историки говорят только, что Гунны пришли из Азии чрез реку Дон. Дегин, по Китайским летописям, определяет их древнее жилище между рекою Иртышем и Китаем. Они беспрестанно опустошали сию Империю, и славная стена Китайская построена века за три до Христианского летоисчисления для защиты от их набегов. Гунны, около Рождества Христова, разделились на Южных и Северных: первые смешались с Китайцами и Татарами; вторые, основав разные области в Татарии, явлением своим устрашили Европу (см. Histoire Générale des Huns). Следственно один из народов Сибирских уже в IV веке сделался нам известен по Истории.— Гунны по общему мнению были Калмыки. Гаттерер причисляет к ним Массаретов, Саков, Хоразов или древних жителей Хивы (см. Comment. Soc. Göttingens. T. XIV, стр. 24).

Иорнанд. de rebus Geticis, стр. 105: Hermanricus (уязвленный двумя изменниками) tam vulneris dolorem, quam etiam incursiones Hunnorum non ferens, grandaeuus et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est [Эрманарих, обремененный годами, окончил жизнь в возрасте ста десяти лет, не вынеся скорби не столько от ран, сколько от набегов гуннов]. Ам. Марц. сказывает, что он умертвил сам себя.

³⁶ См. выше; примеч. 27. Прокопий (de bell. Goth. кн. III, гл. 4): Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat... Una est lingua [Некогда у антов и славян даже имя было общее... Теперь у них общий язык]. Там же, кн. IV, гл. 4: ulteriora ad Sep-

* ἄμαξα — повозка † βίους — живущий (прим. пер.).

tentrionem (страны дальнейшие от Черного моря к Северу) habent Antarum populi infiniti (заняты многочисленными племенами Антов).

³⁷ Иорнанд. de rebus Geticis, стр. 130. Все они были распяты на кресте: in exemplo terroris cruci adfixit (Винитар). [Винитар распял их на кресте для устрашения других].

³⁸ См. Присково описание посольства от Императора к Аттиле (Memoriae populorum T. I, стр. 513), где Ромул исчисляет Аттилы завоевания. Приск рассказывает весьма любопытные подробности об Аттиле, у которого он сам был несколько дней. Греческие послы нашли его в стане воинском. Аттила, приняв их и дары Императорские с великою гордостью, велел им ехать за собою в одно местечко, где он жил обыкновенно в мирное время. Там встретили его молодые девицы, в длинном белом платье, и пели в честь ему песни на языке Скифском. Деревянная стена окружала дворец, также деревянный, построенный на возвышении. Аттила, в утренние часы выходя из дому, садился у дверей и решил тяжбы народные; в день принимал послов из разных частей мира, а ввечеру ужинал с ними. Все другие ели с блюд серебряных и пили из золотых стаканов: Аттиле подавали только деревянные. В конце ужина являлись Гунские Стихотворцы, петь и славить великие победы Царя. Друзья и товарищи его, оживленные воспоминанием битв, изъявляли удовольствие; старцы, летами обезоруженные, плакали от умиления. Аттила, всегда мрачный и задумчивый, безмолвствовал, лаская рукою маленького сына своего, которому волхвы Гунские обещали успехи и славу отца. Одежда, мечи и кони вождей его блистали золотом и драгоценными камнями: сам Аттила презирал наружные украшения. — Не только Гунны, но и другие народы, им подвластные, любили сего удивительного человека за его великие свойства и правосудие. Многие Греки и Римляне добровольно служили ему. Один из них сказал Приску: «Я люблю Скифские нравы. Мы часто воюем; но за то в мирное время наслаждаемся совершенным покоем, и не боимся утратить любезной собственности. В бывшем моем отечестве, в Римской Империи, властвуют тираны, а малодушные рабы не смеют обороняться. Там нет правосудия, ни равенства в государственных податях, и сильные угнетают слабых». — В числе послов Императорских был человек, который взялся умертвить грозного Царя Гуннов: Аттила знал о сем умысле, но великодушно презрел его. Воинское счастье вскружило ему голову, так же, как и Герою Македонскому. Александр хотел называться Юпитеровым сыном: Аттила говорил о себе, что он бич Небесный и млат вселенная; что звезды падают и земля трепещет от его взора. — Мы привыкли воображать Гуннов чудовищами: надобно думать, что Аттила был не очень безобразен, ибо Гопория, сестра Императора Валентина, предлагала ему руку свою.

³⁹ См. Иорнанд. de reb. Get. стр. 135. — Гепиды в след за Готфами пришли с берегов моря Балтийского.

⁴⁰ Иорнанд. de reb. Get. стр. 134: Sauromatae vero, quos Sarmatas diximus... et quidam ex Hunnis in parte Illyrici ad castrum Martenam sedes sibi datas colluere [савроматы, которых мы назвали сарматами, и некоторые из гуннов населяли данные им земли в Иллирике у Марсова лагеря]. Алапе владели в Испании Лузитанскою и Карфагенскою провинциями; но многие из них остались между Каспийским и Черным морем, где они жили и в 557 году (см. Мемор.

popul. I, 644). В Эрбелотовой *Восточной Библиотеке* упоминается сб Аланском Князе, обитавшем в IX веке близ Дербента; Чингисхан воевал там с Аланами (см. Hist. des Tatars d'Abulgasi, стр. 309). Карпин (в Бержерон. Voyages стр. 58) и Рубруквис, или Руброк^{13*} (стр. 24), Монахи и путешественники XIII века, также говорят о Кавказских Аланах, сказывая, что они назывались и Ясами (Asses, Acias), о коих упоминается в наших летописях; были Христиане, искусные кузнецы и слесари; делали прекрасное оружие и хранили свою независимость. Полковник Гербер описывает в горах Кавказских деревню Кубеша, где всякой житель есть оружейный мастер или серебряник. Миллер (Sammlung Rus. Gesch.) признает сих людей, говорящих совсем особенным языком, потомками древних Алан. Стриковский мечтает, что Алане перешли в Литву (см. ниже, примеч. 388).

⁴¹ Memoriae popul. T. I, 545—568 и T. II, 495. Первое известие сб Уграх находится в Приске (Memor. popul. I, 642): он называет их Гуногурами, Урогами, Сарагурами — Агафия Унугурами, Теофилакт Гуногурами, Огорами — Менандер Унигурами и Унгурами — Иорнанд Гуногурами, прибавляя, что они торгуют мехами — Прокопий Унигурами и Кутригурами (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk. стр. 30 и Гебгарди Gesch. des R. Hungarn, I, 321). Штраленберг, а за ним Татищев и Болтин говорят, что имя Угры есть Славянское, означая людей живущих *у гор*; но Греки называли их сим или подобным именем еще прежде, нежели узнали Славян (Memor. popul. I, 570). Нынешнюю Башкирию считают древним отечеством Угорских народов (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk. стр. 30); может быть, они жили и гораздо далее на Восток. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 91—98) пишет о многочисленном народе Азиатском, Угурах и Уйгурах, которые долгое время обитали в Великой Татарии и разделились на две части: одни остались в первобытном отечестве, имея там селения и города; другие же удалились к Иртышу, вели там жизнь кочевую и ловили зверей, бобров, куниц, соболей, белок. Сии Угуры могли распространиться оттуда до Уфимской Губернии. Юговосточные единоземцы их были гораздо просвещеннее: знали хорошо Турецкий язык и служили писарями в канцелярии Чингисхана. См. ниже примеч. 302.

Болгары называются также разными именами в Византийской Истории (см. Memor. popul. II, 441). Вопреки Нестору (в печат. стр. 145) многие считали их Славянами, для того, что сей народ, завоевав после ту часть Мизии, где жили Славяне, смешался с ними и в течение времени принял язык их; но Болгары говорили прежде особым языком. Древнейшие собственные имена их совсем не Славянские, а подобны Турецким (см. роспись Болгарских Царей в Memor. popul. II, 457), равно как и самые обычаи (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk. стр. 36). Историки Византийские именуют Угров и Болгаров Гуннами (Memor. popul. I, 451 и II, 441). Болгары, по Восточным летописям, обитали издревле на берегу Волги, где найдем их и в X веке. Византийцы полагают *Великую* или *Старую Болгарию* между Волгою и Доном (Memor. popul. II, 441). Диоклеас (в Швандтнер. издании Script. rerum Hung. etc. III, 478) и Никифор Григора, Историк XIV века, пишут, что они названы так от реки Волги, обитав некогда в окрестностях ее: в чем Миллер сомневается — «ибо Греки и Римляне (говорит он) именovali ее *Ра*, а Восточные народы *Атель* или *Этель*». Но Арабские Исто-

рики (см. Эрбелот. *Biblioth. Orient.* под словом *Bulgar*) называют Волгу *Булгаром*. Остается знать, народ ли от реки, или река от народа получила свое имя? Моисей Хоренский, Армянский Историк, первый упоминает о Болгарах, сказывая, что еще за 100 лет до Рожд. Хр. многие из них вышли из своего древнего отечества, изгнанные внутренним мятежем, и поселились в Армении (*Mos. Chor. Hist. Arm.* стр. 90 и 100).

Угры и Болгары вытеснены были из Азиатской России Савирами, народом мужественным и беспоконным, который скоро перешел к горам Кавказским, и воевал там с Римлянами и с Персами до 578 года. С сего времени нет уже об нем ни слова в летописях ^{14*}.

Готфы, оставшиеся в Тавриде, назывались Готфами-Тетракситами: см. ниже, примеч. 88.

⁴² *Можно*: но в самом деле Историк не поручится за истину сей этимологии. По крайней мере Русские Славяне совсем не думали изъяснять своего имени *славю*, ибо писались *Словенами*; в Венгрии и Польше называются *Словаками*, в Богемии Слованами (см. Гебгарди *Geschichte der Wendisch-Slavischen Staaten*, Т. I). Утверждаясь на том, многие производят имя их от *слова*, говоря, что сей народ, не разумев языка других, назвал их Немцами, то есть *немыли*, а себя *словесным* или Словенами. Предки наши действительно разумели всех иноплеменных под именем Немцев (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 64) и мысль, что оно произошло от Германских Неметов, кажется неосновательною; однако ж многие собственные имена Славян — на пример: *Святослав*, *Ростислав*, *Мстислав* — заставляют думать, что и в народном имени был у них А, а не О. Византийские Историки писали всегда *Склавини*, *Склави*; Готфский Иорнанд так же; а Моисей Хоренский, сочинитель Армянской *Истории*, *Скалаваци* (*Mos. Chor. Geograph.* 347). Говорить ли о других толкованиях, совсем невероятных и даже смешных? Думают, что первый Славянин на вопрос иностранца, кто он? отвечивал: *человек* или *члоек*. Иностранцу послышалось: *Словец* — из сего вышло *Словак* и Словени. Некоторые производят сие имя от Склова или Шклова, известного городка на Днепре — от реки Лабы или Эльбы — от *Салавы*, означающей на Литовском языке *мыс*, и проч. и проч. (см. Гебгарди *Gesch. der Wenden*, Т. I, стр. 64—66). Мы видели, что самое древнее в летописях имя Славян было Венеды (см. выше, примеч. 27). Византийский Историк Прокопий сказывает нам еще, что Анты и Славяне именовались некогда *Спорами*, от того, что жили в рассеянии (*спораδην*): но никакие летописи не упоминают о *Спорах*. Добровский думает, что Прокопий, слыша об имени Славянских Сербов, обратил его в *Спори*. — Заметим еще, что Славяне назывались в Германии *Соланами* (см. Гебг. Т. I, стр. 65); а наконец заключим тем, что малейший случай, малейшее обстоятельство, совсем неизвестное по летописям, рождает иногда народное имя, которого никакая историческая ученость изъяснить не может.

⁴³ См. выше, примеч. 36. В другом месте (*de Bel. Goth.* кн. III, гл. 43), Прокопий говорит, что Анты к Западу граничили с Славянами, которые жили отчасти близ Дуная, отчасти на самых полуночных берегах его (*Memor. popul.* II, 29 и 31). Иорнанд пишет так (*de rebus Geticis*, стр. 85): «На северной стороне гор Карпатских, от источников Вислы, на пространствах неизмеримых обитает многочисленный народ Венедов, который по разным племенам и местам

называется разными именами, но известен под двумя главными: Славян и Антов. Славяне живут (à civitate nova et Sclavino Rumunpense, et lacu qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Viscla tenus) от Нового города, Румунненской области и Музианского озера до самого Днестра, а на Север до Вислы; болота и леса служат им вместо крепостей. Анты же, храбрейшие (или сильнейшие) из обитателей Черноморского берега, занимают всю страну от Днестра до реки Дуная». Сей *Новый-город*, по-Гречески *Неа*, по-Латини *Нове*, существовал в Мизии, не далеко от болот Эссекских или Мурсийских, которые Иорнанд мог назвать Lacus Musianus вместо Mursianus (см. Бишинг. Erdbeschr. Т. II, стр. 481, Гамбург. изд. 1788). Христофор Иордан (см. его de originibus Slavicis, Т. II, стр. 157, 158) столь же вероятно полагает, что в Иорнанде надобно читать lacus Mursianus, а не Musianus, и что его Румунненская область есть нынешний Волоцкий округ Ромунаци, Romunazzi, на западном берегу Алуты. Другие же читают сие место в Иорнанде так: a civitate Novietunense et lacu, думая, что имя Scлавинорум стояло в древней рукописи только для объяснения вверху над Novietunense, а переписчики вставили оное в строку между Noviet и unense. См. Дуриха Bibl. Slav. II, и Добровск. Slavin. 294—297.

Мы не можем *точно* определить времени, в которое Славяне овладели тою частию Германии, где прежде обитали Тацитовы Свевы (см. Versuch in der ältest. Gesch. der Slav. in Teutsch. von Gercken). Гаттерер думает, что они утвердились в Богемии, Моравии, Саксонии и Турингии в 534 году, а в Стирии и Поммерании от 569 до 588. Шлецер (Nord. Gesch. 23), именует 33 народа из обитавших в Германии Славян: Тунман замечает, что к сему числу можно еще прибавить несколько имен. Знатнейшие были, кроме Чехов Богемских и Моравов; Сорабы или Сербы в Верхней Саксонии, Лутичи в Лауцице, Вильцы или Поморяне в нынешней Поммерании, Оботриты в Мекленбурге, Укры в Браденбурге. Шлецер утверждал, что некоторые народы Славянские издревле могли обитать в Германии. Тунман другого мнения (см. его Anmerk. über die Nord. Gesch. стр. 100—134).

В 590 году Славяне жили, по известиям Византийским (Memog. роруl. II, 54) на самом краю *Западного Океана* или моря Бальтийского. Верю, что Тацитовы Эсты (см. выше примеч. 29) были Германцы; но быть может, что некоторые Славяне-Венеды и в первом и в следующих столетиях все еще обитали в древнем своем отечестве при Бальтийском море, то есть, в соседстве с народами Готфскими или Немецкими.

⁴⁴ Славян можно назвать Сарматами *так же, как* и Скифами: то и другое имя давалось часто всем народам северным и неизвестным. Ни Готфский Историк Иорнанд, ни Византийский не называют Антов, Венедов и Славян Сарматами, которые были Азиатским кочевым народом.

Гиббон (History of the decl. and fall of the Rom. Emp. Т. V, гл. XLII) объявляет нам, что Славяне около VI века имели 4600 деревень в России и Польше. Он ссылается на географический отрывок 550 года, напечатанный в Histoire des Peuples Графа Бюата (Т. II, стр. 145) и хранимый в библиотеке ^{15*} Миланской ^{15*}. Сие любопытное известие заставило меня выписать из Парижа Бюатову забытую Историю. Что же вышло? Сей отрывок, переведен-

ный с Латинского на Французский, писан *единственно* по мнению нашего ученого Графа в X веке, а сочинен, *только по его же мнению*, около 550 года. Правда, что именованные там народы суть большею частью Славяне; однако ж не одни Польские и Российские, но и Немецкие. На пример: Vuilces, Вильцы; Linaa, Лины; Surbi, Сорбы; Nord-Abtrezi, Oster-Abtrezes, Северные и Восточные Оботриты; Hebfeldes, Гевельды; Bethemares, Поморяне (думаю); Miloxes, Мильцы; Sitices, Ситины; Marbariens, Марваны (Моравы); Lendizes, Лютичи; Prissans, Бризаны; Smeldingon, Смелдинги, Эльбские жители, о коих упоминается в Истории Карла Великого; Lunsitzes, жители Лаузица, и проч. Только следующие имена могут означать Славян Российских и Польских: Zerivars, может быть Хорваты (*grand royaume, d'où sont venues toutes les nations des Slaves comme elles l'assurent*) [большое царство, откуда, как они утверждают, вышли все славянские народы], Wuislane, Висляне; Sleenzane, Силезийцы; Opolines, Поляне; Busans, Бужане; Sebbirozi, Северяне; Unlize, Угличи, или Суличи; Nerivans, не Древляне ли? Именуются еще Bruzes, Пруссы; Seravices, жители Сэрви; Chazirozes, Хазары или Козары; Vulgari, Болгары; Thalaminzes, Далматы; Ungare, Венгры — и наконец самые Россияне, Ruzzes: сильнейшее доказательство, что сей отрывок сочинен не в VI веке, а гораздо после! Автор дает каждому народу по несколько городов (*cités*): Гиббон счел их и называет *деревнями* (*villages*), отчасти Российскими, отчасти *Польскими!* — В начале отрывка сказано (так переводит Бюат): *Description des cités et régions, situées au coté septentrional du Danube. Ceux-ci sont ceux qui habitent le plus près des frontieres des Danaens* [описание городов и областей, расположенных на северном берегу Дуная. Это те, кто живет ближе всего к границам даненов]: т. е. Греков, толкует Бюат; но гораздо вероятнее, что сочинитель набывает сим именем Датчан. Некоторые имена так испорчены, что не лзя отгадать их значения; на пример: Phesnuzes, Thadeses, Gloréans, Zuyréans, Attarozes, Eptaradices и проч. Вообще кажется, что и сам Автор писал на-обум, не имея верного географического сведения о сих народах.

⁴⁵ Птолемей Александрийский во II веке описал все страны от моря Бальтийского до Черного, Азовского, и до глубины северной Азии; но поверим ли, чтобы он, живучи в Египте, действительно имел сведение о местах столь отдаленных, и чтобы его *terra incognita* [неизвестная земля] начиналась только за шестьдесят-первым градусом широты? Ни купцы, приезжавшие в Александрию из разных земель, ни славная тамошняя библиотека (см. Гаттерер в *Comment. Societ. Gotting.* XII, 210, и Маннерт. *Geograph.* IV, 132) не могли открыть ему, какие народы жили тогда в России северной. Что значат пустые народные имена, щедрою рукою разбросанные на его картах Сарматии, и совсем неизвестные для Истории: Карвоны, Оспи, Салы, Кареоты, Пагириты, Офлоны, и проч.? Пусть Гаттерер решит, кого из них должно считать Финнами, кого Немцами; пусть Добнер (см. его *Annales Bohemogum* или примечания на Гагека) старается уверить себя, что они все были Славяне; что имя Птолемеевых Сулан происходит от *соли*, Биссов от *пеших*, Бастарнов от *пастыря*, Пиеннатов от *пены*, Ставан от *стою*, Судинов от суда или *сосуда*; но где исторические доказательства? Понимаю, что Римляне I и II века могли знать приморских жителей Севера и соседей Дакии: для того нахожу любопытным, что пишет об них

Тацит или Плиний; замечаю и сказание Птолемея о Вепедах, ибо они уже были известны двум вышеупомянутым Историкам-Географам, и чрез несколько лет выходят на феатр Истории. Птолемей знал ли внутренность России, объявляя нам, что Дон вытекает из гор Рифейских, и что Азовское море простирается к Северу от 48 градуса широты до 54? К тому же в Географии его видны многие прибавления новейших времен (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 176). Мог ли он знать Гуинов (Хунов) между Азовским морем и Днепром, Аваров (Авариннов) и Прусских Галиндов? Одним словом, Птолемея сочинение любопытно и важно описанием тогдашних известных земель, а не северной России. Он первый из древних Географов означает течение Волги или Ра от баснословных гор Гиперборейских к морю Каспийскому; но кто поручится, чтобы и сия река не была вставлена в Птолемея творение новейшими Географами?

⁴⁶ (См. Мемог. popul. Т. II, 24—78). Если действительно Моисей Хоренский, живший в V веке, был сочинителем Армянской Истории (в чем Тунман сомневается), то он ранее всех говорит о Славянах. В Географии Птолемея (см. выше, примеч. 44) есть имя северного народа *Ставани*: некоторые думают, что надобно читать *Славяне*.

⁴⁷ Славяне разорили славный в Далмации город Эпидавр, и почти всех его жителей умертвили; только немногие укрылись на крутой неприступной скале, начали обрабатывать ее и мало по малу основали город Рагузу. Прокопий говорит, что Славяне в своих нашествиях всякой раз убивали или пленяли до 200 000 человек.

⁴⁸ Построенная Анастасием между Селивриею и Черным морем для удержания Болгаров в их набегах.— Славяне и Болгары приближались к Царюграду в 559 году.

⁴⁹ Славяне платили им за перевоз по червонцу с человека (см. Прокопия в Мемог. popul. Т. II, 40).

⁵⁰ В Таугаст Туркестанский и к соседственным Мукритам: см. Мемог. popul. I, 719, и Дегина Histoire des Huns, кн. V, 368, и след.

⁵¹ См. Мемог. popul. III, 44, и след. Посол от Дизавула прибыл в Константинополь в 568 году. Менандер называет Турков Саками, а Феофан Массажетами. Восточные Историки говорят, что старший Иафефов сын именовался Турком, от коего произошел сей народ (см. Эрбелот. Bibl. Orient.), единоплеменный с Татарамп.

Император послал к Хану Турецкому Земарха (см. Дегин. кн. V, 386, и Мемог. popul. III, 50—52). Хан, за неимением вина (ибо в сей стране, по словам Византийских Летописцев, нет винограда) потчивал Греков каким-то особенным питьем, вероятно кумысом. Земарх переехал через реки Волгу, Яик или Урал, и проч.

⁵² Сии золотые и серебряные вещи, хранимые в нашей Кунсткамере, большею частью найдены близ Иртыша и Тобола, а в могилах степей Енисейских одни стрелы, кинжалы, ножи из красной меди: следственно народ, там обитавший, еще не употреблял железа (см. в *Ежемеслч. Сочинениях* 1764 г. Изъяснение Сибирских Древностей, стр. 483 и след.). Сии могилы должны быть по тому гораздо древнее времен Чингисхановых.— Алтайские Турки славялись богатством, делая из чистого золота столы, сепалища, конские приборы (см. Мемог. popul. III, 65 и Дегин. Histoire des Huns, кн. V, 388).

⁵³ Хан подарил Земарху одну молодую женщину народа *Киргизского*, *Херхис* (см. *Мемор. popul.* III, 52), а не *Черкесского*, как думал Дегин. И так Киргизы в 569 году сделались известны в летописях. — Мы называем Огоров или Аваров Гуннами, следуя Византийским Историкам, сказывающим, что Огоры жили прежде на Восток от Волги: см. *Мемор. popul.* I, 625 и 643. Сии Авары-самозванцы именуются *Pseudabares*,

⁵⁴ См. Менадра в *Мемор. popul.* I, 647.

⁵⁵ Когда посол Тибериев в 580 году приехал к Хану Турецкому с дружескими уверениями, сей Хан сказал ему: «Не вы ли, Римляне, говорите десятью языками, и на всех равно обманываете людей? ... Мы Турки не знаем обмана, ни лжи: да будет же вам известно, что я найду способ отместить вашему Государю. Он уверяет меня в своем благорасположении, и в то же время дружится с Аварами, нашими беглыми рабами. Вы говорите, что чрез один Кавказ можно достигнуть вашей страны: но я ведаю течение Днепра и Дуная; знаю, где и как вступили Авары в Римскую Империю; знаю и силы ваши. Вся земля от Востока до Запада мне повицуется, и проч. В 581 году область Турецкая разделялась на восточную и западную; но скоро та и другая ослабела. Китайцы, Персы, Аравитяне утесняли их, до самого того времени, как Турки прославились во времена Калифов (см. древнюю их Историю в Дегине и в Штрит. *Мемор. popul.* Т. III).

⁵⁶ Менад. в *Мемор. popul.* Т. II, 47 и след.—Гебгарди хочет под сими Славянами разуместь Антов; но если бы Лавритас был Князем Антским, то он не мог бы отвечать Аварам, что никто еще не отнимал вольности у Славян: ибо Анты за несколько лет пред тем были уже поработочены Ханом; и Византийские Летописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожил Славян в собственной земле их (*Мемор. popul.* Т. II, стр. 49). С 602 году летописи уже не говорят об Антах.

Иоанн, начальник городов Иллирических, был отправлен Тиберием к Аварам со множеством судов, на которых он перевез войско их в Греческое владение. Баян шел через Иллирию, и снова переправился за Дунай к Славянам. Мы не знаем, для чего он, владея страной Гепидов, не хотел прямо оттуда напасть на Славян, которые также обитали в Дакии к Востоку и Северу.

⁵⁷ Фредегарий Схоластик, Летописец VIII века (см. его *Chron.* гл. 48, стр. 135) рассказывает, что Авары, приезжая на зиму к Славянам, оскорбляли целомудрие их жен и дочерей; брали с народа тягостную дань и всячески его угнетали (см. ниже, примеч. 84). Гебгарди пишет, что Авары презирали Славян за их хлебопашество и называли буйволами (у Фредегария *bifulcus*, но в другом смысле): имя, которое доньше считается оскорбительнейшею бранью в землях Славянских (см. *Gesch. der Wenden*, Т. I, стр. 95).

Греческий Полководец, узнав от переметчика, когда и где Славяне хотят сделать нападение, взял меры для лучшей обороны (*Мемор. popul.* II, 72).

⁵⁸ Феофилактом, Анастасием и Феофаном (см. *Memoriae populorum*, Т. II, стр. 53—54 в описании 590 году).

⁵⁹ См. Геркена *Versuch in der Gesch. der Slaven*, § 11, 12, и Фредегария в Дюшен. собрании Франкских летописей, гл. 48. Фредегарий говорит об нем: *negotians, natione Francus* [торговец, родом франк]; но сочинитель Хроники *de conversione* Важагориум, жив-

ший в половине IX века, называет его Славянином: *quidam Slavus*, *Sermo nomine* [некий славянин, по имени Само]. Г. Пельцель (в *Abhandl. einer Privatgesell. in Böhm.*, Т. I, стр. 226) доказывает, что Фредегарий употребляет имя *negotians* в смысле война, а не купца.

⁶⁰ Константин в книге своей о *Правлении* говорит, что Славяне пришли в Далмацию из Великой или Белой Хрватии и Великой или Белой Сервлии — то есть, по мнению лучших Историков (Геллазия, Бандури, Гатгерера, Геркена), с берегов Эльбы, Моравы и Вислы, где жили прежде Сербы или Сорабы, и Хорваты или нынешние Кроаты. Сие случилось во время Ираклия, который царствовал от 610 до 641 года.— Тогда же, или скоро после, Славяне заняли Крайн, Каринтию, Стирию, Фриуль (см. *Герк. Versuch* и проч. стр. 49).

⁶¹ Штриттер замечает, что Византийские Историки не объявляют времени, в которое Славяне поселились на южной стороне Дуная. Они завладели Пелопоннесом при Константине Копрониме в 746 году (*Метог. popul. II*, 78). Следы их сохранились в Морее: *начальники* донные именуются там *Воеводами*. Шатобриан считает Майнотов потомками Славянского народа (см. его *Путешествие*, Т. I).— 5000 Славян удалились в 665 году с Абдерахманом, Князем Сарацинским, в Сирию. Юстиниан II в 688 году отправил многих Славян из Фракии за Геллеспонт в Опсициум; 30 000 из них составили Легион его телохранителей, которых он считал непобедимыми. Через 70 лет после того 208 000 Славян перешли за Черное море, в Вифинию, и на берегах Артанаса основали свои жилища. *Метог. populogum*, Т. II.

⁶² Один из них занимал в длину 50 верст. В горах Кавказских, между Грузиею и Черкесами, донные живет народ Аварский, говорит особенным языком и повинуетя разным маленьким Князькам. Главный из сих Князей, Усмей-Авар, в 1727 году приезжал в стан к Русским, и сказал, что «славные дела их возбудили в нем любопытство видеть таких Героев; что один из его предков, изгнанный из отечества, помощию Россиян был снова возведен на Княжескую степень свою, и что он хранит еще грамоту, данную Русским Государем сему предку». Начальник войска желал видеть сию грамоту: вышло, что она Татарская и подписана славным Батыем, завоевателем России в XIII веке (см. в Миллер. *Sammlung Russ. Geschichte* известия нашего Артиллерийского Полковника Гербера).— Авары Кавказские могут быть остатком тех древних, истинных Аваров, которых победили Турки Альтайские, и которых именем назвались Огоры, т. е. Лжеавары.

⁶³ См. *Метог. popul. II*, 501—510.

⁶⁴ Говорим о Российских Славянах.

⁶⁵ В одном месте пишет Нестор (стр. 6): «по мнозех же временах (после Потопа) сели суть Словени по Дунаеви, где есть Угорская земля и Болгарская, и от тех Словен разыдошась по земли.... *Волохом* бо нашедшим на Словени на Дунайские и насильщим им, Словены же ови пришедше седоша на Висле», и проч. В другом месте (стр. 10): «Словенску же языку, яко же рекохом, живушу на Дунаю, придоша от Скиф, рекше от Козар, рекомии *Болгаре*, седоша по Дунаеви, *насельницы* (не *насилъницы*) Словеном быша». Тунман заключил из сих двух сказаний, что Нестор под именем Волохов разумеет Болгаров, ибо тому и другому народу приписы-

вает одно действие. Нет: Летописец говорит, что Славяне изгнаны из *Болгарии Болгарами*, а из *Венгрии Волохами*: «приидоша Угры Белии и наследиша землю Словенску, прогнавши *Волохи*, иже беша прияли землю Словенску» (Нест. стр. 10) — то есть, Венгрию, где Угры или Венгры в конце IX века действительно нашли *Волохов*, по известию Летописца Венгерского (Anonymi Hist. Ducum Hung. гл. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки (см. выше, примеч. 41), а вторые остаток древних Гетов или Фраков (см. Тунмана Über die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смешенных в Дакии с Римскими поселенцами (см. выше примеч. 17); но как многие Волохи обитали и на южных берегах Дуная, переходя с места на место, то Анна Комнина пишет, что в просторечии назывались Волохами Болгары, которые вели жизнь пастырскую или кочевую (Memor. popul. II, 670). Обыкновенные союзы тех и других в воинских делах были причиною, что летописец Никита Хониатский и новейшие иногда разумели Болгаров под именем Волохов (Memor. popul. II, 673, 678, 686). Так Рубруквис, путешественник XIII века, говорит: ces Bulgares sortirent aussi de la grande Bulgarie, de même que ceux qui sont au-delà du Danube près de Constantinople, qu'on appelle Flac [эти болгары также вышли из великой Болгарии, как и те, что живут за Дунаем у Константинополя, и их называют влахи] (см. в Бергерон. Voyages en Asie, стр. 47). И в Татарской Истории Абульгази Хана (стр. 45) Болгары именованы Влахами, когда он пишет о войне Огус-Хана с Россиянами, Башкирцами и *Влахами* (ибо в соседстве с Башкириею жили Болгары).

Именем Волошской земли (у Немцев Wälschland) наши предки означали всегда Италию: Wloch на Польском языке Италиянец. Нестор говорит (стр. 5): «по сему же морю седять (Варяги) к Западу до земли *Аглянския* и до *Волошския*»: здесь разумеется Италия. Славяне назвали нынешних жителей Дакии Волохами по сходству их языка с Италианским, и для того, что Волохи сами себя, отчасти справедливо, именуют *Румунье* или Римлянами. Уже во время Киннама они считались переселенцами Италийскими (Memor. popul. II, 904). Половина их языка состоит из Латинских слов (см. Тунман. Über die Gesch. der Wlachen, стр. 339). Тунманово мнение, что имя Волохов происходит от Славянского глагола *влеку*, достойно ли опровержения? — В какое время, буде сказание Нестора справедливо, они пришли в Венгрию и вытеснили оттуда Славян? вероятно в VII или в VIII веке, когда сила Аваров ослабела.

Нестор говорит выше (стр. 5, 6): «смеси Бог языки (по разрушении Столпа Вавилонского) и раздели на 72 языка, и рассея по всей земли... От сих же 72 языку бысть язык Словенск от племени Афетова, *Норици*, еже есть Словени». То есть, Летописец утверждает, что в исчислении семидесяти-двух народов под именем Нориков разумеются Славяне. Сии Норики сделались известны во время Римлян, и жили в Австрии, Сирии, Каринтии, Крайне (см. Маннерт. Geograph. der Griechen und Römer, III, 616), где в Несторово время уже обитали Славяне: по тому он не различает их. Но древние Норики считаются Кельтами или Галлами.

⁶⁶ В печатн. *Нест.* стр. 7, 8. Впрочем люди знающие сомневаются в истине сего Андреева путешествия, и сам Нестор пишет о том единственно по слуху и народным рассказам: «Андрею ушачу

в Синопе, *яко же рекоша*, и пришедшу ему», и проч. Ипполит, ученик Ирины, и славный Ориген повествуют, что Св. Апостол Андрей был в Скифии: заключили из сего, что он мог быть и в северной России (см. Баеров. *Origines Russicae*, в Комментар. нашей Академии Т. VIII, стр. 390 и след.). Митрополит Платон (*Церк. Ист.* I, 12) благоразумно замечает, что в Апостольские времена едва ли существовало обыкновение *ставить кресты где-нибудь*. Автор *Степен. Книги* прибавляет, что Св. Андрей *водрузил* жезл свой в селе Друзине близ Новагорода, и что на сем месте сооружена церковь во имя *Андрея Первозванного*.

Нестор при сем случае описывает Славянские бани таким образом: «Приде (Св. Апостол) в Словенп, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють, хвощутся, и дивися... И рече (в Риме): видех (у Славян) бани древени, и пережгут каменные румяно, и разволокутся нази и облекутся *квасом* усниющим (щелоком) и возмут на ся прутье младое, бьются сами, тольма, едва слезуть ли живы, и облекутся водою студеною, и тако оживуть. И то творять по вся дни, не мучима никим же, но сами ся мучать; а то творять *мовенье*, а не *мученье*». Летописец хотел представить сие древнее обыкновение странным.

⁶⁷ Сим опровергается мнение Тунмана и Гаттерера, полагавших, что Славяне Дунайские, утесненные Кувратом и сыном его, населили Россию в VII веке. Тунман утверждал сию вероятность сказанием Никифора Патриарха (Мемог. popul. II, 504), что Куврат, восстав против Аваров, выгнал из отечества весь народ, данный ему их Ханом: *Subratus contra Avarorum Chaganum rebellat, populumque omnem, quem ab ipso acceperat, contumeliose habitum patriis sedibus expellit* [Куврат восстал против хана аварского и весь народ, который от него принял, с позором изгнал из родных мест]. Известие темное: какой народ? откуда изгнан? Может быть, здесь говорится о какой-нибудь маловажной Орде. Никифор умел бы назвать Славян именем их, столь известным.— Болгары завладели Мизиєю около 678 года (Мемог. popul. II, 506—509). Аспарух нашел там Славян, именуемых *Северами*: в России также увидим *Северян*. Но быть может, что они перешли не из Болгарии к нам, а от нас в Болгарию.

⁶⁸ См. выше стр. 33 и 38. Вероятно, что древние жилища Славян простирались от берегов Пруссии на Восток до Губернии Смоленской и Черниговской. Гаттерер считает Андрофагов и Меланхленов Германцами.

⁶⁹ См. выше, примеч. 17; см. также Маннерт. *Res Traiani ad Danubium gestae*.

В *Слове о полку Игореве*, произведении XII века (см. сей *Истории* Т. III, в статье о нашей древней словесности), говорится о *сечах* (а не *вечах*, как напечатано) Траяновых, о *тропе* его и *седлом* *веке Траяновом*, в котором жил Полоцкий Князь Всеслав (см. в сей напечатанной повести стр. 6, 14, 35). Известна *via Traiani*, изображенная на Сульцеровой карте Валахии: сия *via*, дорога или *тропа*, простирается от берегов Дуная до Прута, и далее на Восток по южной России (см. Кантемир. *Описание Молдавии* и Бишинг. *Erdbeschr.* II, 770). От времен Траяна до Всеслава прошло гораздо более *семи* веков; но 1) летосчисление народа безграмотного не бывает верно; 2) сочинитель *Слова о полку Игореве* мог также ошибиться, или 3) число *семь* есть описка.

Об Александре Великом см. ниже примеч. 70, также Станислав Сарницк. *Annales Polonorum*, кн. II, стр. 877.— Мавра Урбина *Историографию народа Славянского*, стр. 3, и Раича *Историю разных Славянских народов*, изд. Венского I, 3. Феофилакт, Визант. Историк, именно называет Славян древними Гетами (Метог. рору. II, 3); но не для того ли, что первые заняли в VI веке отечество последних? Самые древние жители Иллирика и Паннонии могли быть единоплеменники Славян. Думают, что древнейшие обитатели Венгрии гордо называли себя *Паннами*, т. е. господами, и что от сего родилось имя Паннонии. Немецкий Писатель Антон замечает, что имена древних Иллирических городов кажутся Славянскими. Впрочем останемся при одном чаянии.

⁷⁰ «И от тех Ляхов прозвашась Поляне», и проч. Добнер (см. его *Annales Bohemorum* или примечания на Гагека ^{16*}) думал, что имя Поляков составлено из предлога *по* и народного имени *Влахи!*

«Бяста бо два брата в Лясах, Радим, а другой Вятко», и проч. Татищев думает, что Нестор ошибся, и что Вятичи были не Славяне, а Сарматы! «Имя их (говорит он) есть Сарматское и знаменует на сем языке (никому в мире неизвестном) людей *грубых, беспокойных*, каковы они и в самом деле были. Чуваши доньше именуются на Мордовском языке *Ветке*: следственно они Вятичи!» Миллер в своей речи о происхождении народа Российского повторяет слова Татищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видел Вятичей!

Летописец не означает области Древляне: но мы увидим далее в Российской Истории, что Овруч и Коростен им принадлежали: первый есть и ныне город, а второй местечко Искорость в Волынской Губернии на реке Уше, между Овручем и Житомиром. Автор *Степенной Книги* признается, что в его время уже не знали, где было отечество Древлян, и что некоторые искали оного в Новгородской области, в которой одна Пятина (или округа) называлась Деревскою, а другие в земле Северян!

«Бужане, зане седоша по Бугу, после же Вельняне» (т. е. они после назывались Волынцами, от старинного города Волыни, бывшего между Владимиром и Львовым: см. *Воскресенск. Лет.* I, 24).— «Дулеби живяху по Бугу, где ныне Вельняне». Следственно под общим именем Волынцев разумелись в новейшие времена и Бужане и Дулебы. Читателям известно, что есть два Буга: один впадает с Днепром в Лиман, а другой в Вислу. Дулебы жили в западной Волынии.

«Лутичи (в некоторых списках *Луцаци*) и Тивирцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви; бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря. Суть грады их и до сего дне; да то ся зваху от Грек Великая Скифь». Следственно часть Молдавии и Бессарабия принадлежали Российским Славянам. Нынешний Акерман назывался Белымгородом (*Воскресенск. Лет.* I, 20) и едва ли не ими основан. От Ушицы до устья Днестра могли издревле существовать и другие города Княжения Галицкого. От имени Лутичей и Тивирцев, кажется, названы там города Лутовиска и Тирава. Баер производит оное от реки Тибиска или Тисы: для чего же не от древнего Тираса, или Днестра? Древнейшие Польские Историки, Кадлубек или Кадлубко (*Hist. Polon.* стр. 787) и Богуфал упоминают о Тивинцах, обитавших близ Днестра и служивших Князю Галицкому во XII веке: название сходно с Тивирцами; однако ж не оспориваю

Тунмана, думающего, что Кадлубек говорит о Волохах, называемых по-Турецки *Тьубан*. Некоторые Волохи могли и тогда обитать в Молдавии. — Гельмольд, Историк XII века, пишет о Балтийских Славянах Лутичах (Chron. Slav. гл. II), бывших, как вероятно, одного племени с Днестровскими.

Нестор говорит о Белых Хорватах и Хорутанах (в печати, стр. 6), называя иногда и тех и других просто Хорватами. Одни были нынешние Кроаты, победившие Болгарского Царя Симеона в 942 году (см. печать. *Нест.* стр. 36, и Мемог. popul. II, 602); а Белые Хорваты сбитали гораздо ближе к Киеву — думаю, в окрестности гор Карпатских, едва ли не от их имени так названных — служили Олегу, воевали против Владимира, и с X века утратили свое имя в наших летописях. Константин Багрянородный (de Adm. Imp. гл. 30 и 31) пишет также о двух Хорватиях: Иллирической и Белой или Великой, за Турциею, т. е. Венгрию; и ultra Bagibaream [за Вагиварией] (см. Ансельма Бандури Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp. стр. 91—92, и в начале сих примечаний Делилевы Adnotationes in tab. geograph. ex Const. Porph.). По мнению Бандури *Вагивария* есть испорченное Славянское имя Карпатских или *бабых гор*, как их некоторые называют (а Добнер утверждает, что Константин разумеет здесь Баварию). Делиль говорит: quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatos porrectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet [что касается Белой Хорватии, то она, по словам Константина, простиралась до Хорватских гор; близость названий убеждает, что это те самые горы, которые местные жители называют Карпатами]. Нарушевич именует Червенную Россню или Галицию *Chrobascya Czerwona* (см. его Hist. Narodu Polsk. II, 53, 55, 69). — Константин Багрянородный таким образом называет Славян Российских в X веке: Деррβλενιοι, Древляне; Σερβιοι, Северяне; Κριβιταινοι, Кривичи; Δρογουβιτοι, Дреговичи; Λευσαννοι, Вербянои, Ουλτινοι: последние три народа не суть ли *Лучане* Волынские, (от коих Луцк получил свое имя), *Тивирцы* и *Лутичи*? — Миллер думал, что Дорогобуж назван от имени Дреговичей. Нарушевич (Hist. Nar. Polsk. II, 416) искал их близ Дрогоичина Хельмского в Галиции. — В Греческой Империи, в окрестностях Фессалоники, одно место называлось *Другувитами* (см. Мемог. popul. II, 95): там обитали Славяне, однородцы, как вероятно, наших Дреговичей.

Татищев опять толкует нам, что Кривичи были не Славяне, а Сарматы: «ибо слово *Криве* на Сарматском языке значит *верховье рек*». А мы опять поверим Нестору, который причисляет их к Славянам. Об имени Кривичей скажем свое мнение в другом месте. Владение сего народа было весьма обширно, так, что Литовцы всю Россню называли *Krewen-Zemla*, или землю Кривичей.

«Речки ради, яже течеть в Двину, именем Полота, от сего прозвашася Полочане... *От них же* Кривичи; сядеть наверх Волги», и проч. См. ниже, примеч. 72.

Одни Ильменские поселенцы, как говорит Нестор, назывались в России Славянами; все другие приняли имена особенные, или от места или от вождей своих. Ильмень в древнейших рукописях называется везде Ильмером. — Я говорю, что Новгород основан после Рождества Христова: ибо его не было еще в то время, как Святой Андрей, по словам Несторовым, приходил в Россню: «и прииде

в Словены, идеже ныне Новгород» (в печатн. стр. 8).— Миллер думал, что Готфский Историк, Иорнанд, под именем Civitas Nova (см. выше, примеч. 43) разумеет Новгород: à Civitate Nova — et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum, et in Boream Viscla tenus [от Нового города — и озера, которое называется Музианским, до Днестра; а на севере до Вислы]. Если бы Иорнанд говорил о Российском Новгороде и хотел описывать землю Славян от Севера к Югу, то он не мог бы сказать: «до реки Днестра, а на Севере до Вислы», ибо Висла гораздо южнее Новгорода.— Восточный Историк X века, Массуди, упоминает о земле *Нукбард* или *Нукирад*, соседственной с Славянскою. Дегин думал, что сие имя означает Новгород. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi, I, 4.

Древний Летописец не сообщает никаких обстоятельных известий о построении Новгорода: за то находим их множество в сказках, сочиненных большею частию в XVII веке, и внесенных невеждами в летописи. Предлагаем здесь выписку из оных для любопытных: «От правнука Иафеева, Скифа, произошли пять братьев и Князей, именем Словен, Рус (самые мудрейшие и храбрые), Болгар, Коман, Истер. Все они жили на берегах Черного моря до 3099 году от С. М. В сие время Словен и Рус с народом своим оставили древнюю отчизну, ходили по странам вселенных, обзревали безмолвные пустыни как орлы быстрокрылатые, 14 лет искали селения по сердцу своему, и наконец пришли к озеру *Мойску*. Тогда волхование открыло им, что сие место должно быть для них отечеством. Словен поселился на реке *Мутной*, основал город *Словенск*, и назвал реку *Мутную Волховом*, проток ее *Волховцем* (по имени двух сыновей), другую реку *Шелоною*, а озеро *Ильмером* (в честь жены своей *Шелоны* и сестры *Ильмеры*). Старший сын был *лютый чародей*, принимал на себя образ крокодила, скрывался в реке, топил и пожирал людей, не хотевших обожать его как *Перуна*. Он жил в особенном городке на берегу реки, в том месте, которое именуется *Перыню*, и где язычники поклонялись ему. Они уверяли, что *Волхов сел в боги*; но мы знаем, что бесы утопили его в реке. Над телом злого чародея, волнами изверженном в *Перыни*, злостивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая через три дни провалилась в ад.— Именем *Волховцева* сына, *Жилотуга*, назван особенный проток реки Волхова, где он утонул младенцем» (подобно как *Тибери* в *Тибре*: см. Т. Ливия, кн. I, отдел 3).— «Брат Словенов, Рус, основал город *Русу* и назвал там одну реку *Порусью*, а другую *Полистою*: так именовались жена и дочь его. Потомки сих Князей обогатились и прославились мечем своим, завладев всеми странами северными до *Ледовитого моря* и *желтовидных вод*, и за высокими каменными горами в земле *Сибири* до *Оби*, и до устья *беловидных*, млечных реки, где ловят зверя *дынку* или *соболя*. Они воевали в Египте, в странах Иерусалимских, Еллинских и варварских; мир ужасался их храбрости. Во время *Александра Македонского* управляли Словенами и Руссами Князья *Великосан*, *Асан*, *Авехасап*. Сей *Монарх*, слыша всеобщие жалобы на их жестокость, сказал: что мне делать с такими сыродяцами, обитающими за морями и горами непроходимыми? и написал к ним, слово в слово, грамоту следующую: *Александр, Царь Царств, бич Божий и предвезный Рыцарь, всего света обладатель, и всех иже под солнцем грозный повелитель, покорным мне милосердый поща-*

датель, а непокорным же яростный меч, в далеком, расстоятельном и незнаемом крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам, храбросердому народу, славнейшему колену Русскому, Князем и Влабыком от моря Варяжского до Хвалижского, великолепным и милым моим, храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авехасану, вечно радоваться, яко самех вас любезно целую, яко други по сердцу моему. Да будете данницы нашему величеству, и сию милость даю вашему владычеству: аще каковый народ вселится во пределы ваших, да будет вам и по вас сродству вашему подлежим вечней работе; во иные же пределы отнюд да не вступит нога ваша. Сиз же достохвальное дело затвержено сим нашим листом и подписано моею Царскою высокодержавною десницею, и запечатано нашим перстнем, и дано вашей честности на веки бесконечные. Аминь. Писана же сия наша грамота в месте нашего предела, в велицей Александрии, месяца Примуса, начальнейшего дня.— Приписъ Царские руки золотопернатыми буквами: мы Александр, сын великих богов Юпитера и Венусы в небе, земских же Филиппа и Олимпиады, высокодержавною правицею утвердих вечно.— Словено-Русские Князья, одобренные такою грамотою, повесили оную в своем капище с правой стороны идола Велеса, уставив великий праздник в день ее написания.— Чрез несколько времени восстали от их рода два Князя, Лях (Мамох, Лалох) и Лахерн, воевали землю Греческую и ходили под самый царствующий град: там, близ моря, положи свою голову Князь Лахерн (где создан был после монастырь Влахернский), а товарищ его с глубокою язвою и с великим богатством возвратился в отечество. В Сидерех же (σίδρα?), или в Мордве и в Черемисе, княжили тогда два брата, Диюлель и Дидилад, которых язычники назвали богами, за то, что они научили их пчеловодству. Скоро ужасный мор опустошил землю Словенскую; остальные жители ушли на Белые воды, т. е. Белоозеро, или Тинное озеро, и назвались Восью; другие на Дунай, к древним племенам своим; а в Словенске и в Русе обитали тогда одни дикие звери. Чрез некоторое время Словени возвратились на берега Волхова и привели с собою многих Скифов и Болгаров; но скоро Белые Угры явились в стране их и разорили оную до конца. Тогда Словени Черноморские, услышав о запустении отечественной земли своей, опять пришли туда с бесчисленным множеством Скифов, Болгаров и всяких иноплеменников, поставили новый город, от старого Словенска вниз по Волхову с версту, дали ему имя Великого Новаграда, и выбрали старейшину, Князя Гостомысла. Некоторые из них назвались Полянами, другие Кривичами, Сербами, Волгарами, Чудью, Мерью, Лопью, Мордвою; земля Русская, свергнув с себя ризы сетования, облеклась в порфиру и виссон, уже не вдвостея, но опочивая много лет с мудрым Гостомыслом. Сын его, Словен, построил в земле Чудской город Словенск, и через 3 года умер; а внук Гостомыслов, Избор, переименовал сей город Изборским, и также в юности умер от жала змий». Конец басни увидим в другом месте (ниже, примеч. 91). И многие верили сим нелепостям! Верили (умалчивая о другом), что на берегах Волхова был у Славян город за 4200 лет до нашего века! Не только в древней Несторовой летописи, но и в самой Никоповской, в самых Хронографах и в Степенной Книге XVI века не упоминается еще о Словенске: сей вымысел принадлежит, кажется, седьмому-надесяти столетию. «Но близ Новагорода есть место именуемое Городище», замечает Миллер: оно доказывает только, что

там был прежде застроен *сей* город, названный *новым*, когда его перенесли на другое место. Гебгарди думает, что Ильменские поселения пришли из окрестностей Неи или Нови, и в память *сей* крепости основали Новгород.

⁷¹ Летописец рассказывает единственно, что Киев, подобно Новгороду, еще не существовал во время Апостола Андрея: «слезе (Св. Андрей) с горы, идеже *после* бысть Киев»^{17*} (в печатн. стр. 8). Стриковский пишет (кн. XI, гл. 3), что Киев основан, по мнению некоторых, в 430 году.— Псковская Синодальная Летопись XV или XVI века (которая хранится в Патриаршей Библиотеке под № 349, л. 154) начинается так: «В лето 6362 бяху три брата; единому имя Кий... И поставиша град на горе и нарекоша имя граду тому Киев»: и так он будто бы основан уже в 854 году? Но сие новое известие не достойно уважения (см. еще новейшую сказку о строителях Киева, ниже, примеч. 282). В *Пушкин. и Кенигсберг.* списке: «бяху (Кий с братьями) мужи мудри и смыслени»; а в *Троицк.*: «знатливы (знающие) и разумни».— В *Кенигсберг.* сказано, что Летописец не знает, к которому Царю приходил Кий; но в хараейных находятся только слова: «приходившую ему ко Царю, яко же сказуют, великую честь приял от Царя». — Шлецер думает (его Nest. I, 103), что древнее сказание о Кии-перевозчике, опровергаемое нашим Летописцем, могло быть справедливо. «Франкфурт (говорит он), Охсенфурт и другие города произошли таким же образом. На Днепре еще не было моста, но уже было сообщение между обитателями его восточного и западного берега. Некто, именем Кий, перевозил людей в лодке: тут, мало по малу, завелось селение; селение обратилось наконец в город», и проч. Князь Щербатов, оставив достоверного Нестора и последовав Автору Синописа, выписанного большею частию из Польских Историков, Длугоша и Стриковского, рассказывает, что Щек создал город Щековицу, Хорив Хоривицу или Вышгород, а сестра их город Лыбедь: совершенная басня! таких городов не бывало в России; и Нестор пишет, что все три брата построили один Киев. Польские Историки от недоразумения сочли *горы* за *города*.— Татищев думает, что имя Киева или Киви есть Сарматское и значит *горы*: он, кажется, не верит сказанию о трех братьях. Щербатов находит имена их Арабскими и Персидскими, и заключает из того, что Киев построен не Славянами, а Гуннами, хотя Гунны разрушали города, а не строили их, и говорили без сомнения не Арабским и не Персидским языком. Рейнегс утверждает, что «сей город основан *Готфами*, ибо имя его есть *Финико-Арабское* и значит место *любимое, радостное*» (см. Reineggs Beschreibung des Kaukasus, II, 200). Болтин признает Аваров строителями Киева, и говорит, что «*Киев* по-Венгерски есть веселый, *Горог* кривой, *Сцег* кормило, *Лебегес* трепетание: следственно Кий, Хорив, Щек и Лыбедь были Авары, которые говорили одним языком с Венграми!» Но мы не видим нужды отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева Славянским Полянам (следственно, не *Варяги*, как сказано в Софийской Новгородской и в некоторых новейших летописях, а Славяне были первыми жителями сего города). Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим: из чего не следует, чтобы они произошли от иного языка. К тому же Славянское местоимение *кий*, слова *щека*, *щекотать*, *гора*, *лебедь* и многие другие столь же близки к именам Киевских братьев и сестры, как и Персидские или Венгерские *Кея*, *Хурех*, *Горог*, *Лебегес*, и

проч. Болтин думал, что гора, где жил Кий, есть та самая, на коей построена Киевская старая крепость.— На речке Лыбеди стоит загородный дом нынешнего Киевского Митрополита. Сие место называется Шулявшино, окружено рощею и служит гуляньем для Киевских жителей. См. *Известие о погребенных в Киеве Князях*, стр. 1.

Баер, желая утвердить истину Несторова сказания, искал нашего Кия в Готфском Короле *Книге*, воевавшем в Паннонии с Императором Децием. Миллер, не находя в Византийских летописях никакого известия о походе Кия в Царьград, думал, что сей Князь служил в войске тех Гуннов, которые при Феодосии II разоряли Империю. Баер излишно уважал сходство имен, недостойное замечания, если оно не утверждено другими историческими доводами. Что ни будь одно: или верить в сем случае Нестору, или не верить; если верить, то Кий был Славянский Князь, а не Готфский. Миллер же напрасно думал, будто Нестор говорит о *войне* Кия с Императором: во всех старинных списках летописи его сказано единственно то, что Кий ходил в Константинополь и был с честью принят Царем Греческим; Византийские Историки могли умолчать о таком неважном происшествии.

⁷² Миллер в речи своей о *происхождении народа Российского* несправедливо говорит, что Летописец наш нигде не именует основателей Полоцка Кривичами. В Несторе (стр. 17): «первые насельники в Новгороде Словени, в Полоцку Кривичи». В *Архангел. Лет.*, стр. 4, назван Изборск городом Кривичей. Константин Багрянородный пишет о Новгороде, Киеве, Вышегороде, Смоленске, Любече, называя их *Немоград, Киова, Вусград, Чернигова, Миллииска, Телиуца* (Метог. popul. II, 981). Киев, по его известию, назывался еще *Самватас*. Не хотел ли Константин написать: *сама мать*, ибо Киев назывался в древности *материю* городов Русских? см. в печати. *Несторе*, стр. 19.^{18*}— Граф И. Потоцкий толковал, что *Самватас* происходит от слова *бот*, на котором Кий перевозил людей; а Добровский (Slovanka 246) сказывает нам, что это Шведское имя; что Sam значит *вместе*, а bot *лодка* или *бот*; что в Киеве собирались Варяжские суда, и для того сие место названо Варягами *Самботом*, или *сборным местом лодок*^{-18*}.— Арабский Географ XV века, Бакуй (доныне еще не пзданный) упоминает о знаменитом Славянском городе Maschphat близ Козария: см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeck.* 160.

⁷³ О Переславском озере см. *Никон. Лет.* II, 229. Оно же называется и Плещеево. Иорнанд упоминает о Мери (Merens) в числе народов покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманарихом (см. выше, примеч. 26). Мордва и Черемисы сами себя именуют *Мари*; однако ж из того не следует, чтобы Нестор под именем Мери разумел их, ибо говорит о тех и других в особенности.

Народ Муррома, обитавший в Губернии Нижегородской, оставил памятник бытия своего в пазвании города Муррома.

Нестор не означает земли Черемисской, Мещерской, Мордовской, а только полагает оную в соседстве с Мерею. Мордва (Иорнандовы Mordens: см. выше, примеч. 26) и Черемисы издревле жили там, где живут и ныне: первые наиболее в Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской Губерниях; а вторые от Нижнего на левом берегу Волги. В летописях средних времен именованы Мещерсю нынешние Мокшане, род Мордвы, обитающие в Пензен-

ской и Тамбовской Губерниях, в окрестностях реки Мокши (см. сей *Истории* Т. V, примеч. 86). Мещеряками называются ныне Татары, живущие в земле Башкирской. Они там пришельцы, равно как и Тептери, смесь Черемисов с Вотяками, Чувашиами и Татарами, которые в XVI веке, по разрушении Казанского Царства, ушли к Башкирцам.

Ливония получила имя свое от Ливи, народа Финского, которого остатки существуют ныне в Курляндии, от Ангерского озера и берегов залива Рижского до Виндавской границы, а в Ливонии (или Губернии Лифляндской) в окрестностях реки Салиса и на острове Руне. Другие Ливонцы принадлежат к народу Латышей (о которых см. ниже, примеч. 80). Имя Ливонии сделалось известно в Европе не прежде XII века.

Не только Эстонцы или Эстляндцы, Вожане или Водь (в нынешней Ораниенбаумской округе: см. *Новгород. Лет.* 134) Ижорцы, Корелы, но и первобытные жители Двинской земли или Архангельской Губернии, Вологодской, Вятской, Пермской назывались Чудью (см. *Двинск. Лет.* в Трудах Вольн. Росс. Собрания, *Журнал Путешествия Рычкова* и ^{19*} *Казанск. Историю*, стр. 190 и след.). Миллер в *Речи* своей о происхождении народа *Российского* пишет: «Чудь знаменует на Русском языке вообще первобытных жителей (не лучше ли сказать: иноплеменников, или чуждых?): ибо ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей: кто соорудил их? то они вам ответствуют: Чудь, народ, который обитал здесь прежде Русских». — Иорнанд называет Чудь Thuidos. Баер думал, что имя Скифы и Чудь есть одно.

Имя города Нарвы происходит от имени *Наровской* Чуди.

Шлецер (см. его *Nest.* I, 50) несправедливо считал Емь Ижорцами; они в наших летописях обыкновенно именуются Ижерянами; были издревле подданными Новгородцев и сами воевали с Емью (см. *Новгород. Лет.* 106 и 107). Татищев и Болтин столь же несправедливо полагали сей народ между Ладожским озером и Белым морем, в Двинской земле, со XII века (если не ранее) провинции Новгородской (см. *Новгород. Лет.* 59). Что Емью именовались Финляндцы, ясно доказывается следующими известиями *Летописца Новгородского*: 1) Сумь (*Суома*, как называют себя Финляндцы) и Емь в 1240 году шли на кораблях против Новгорода и хотели взять *Ладогу*: Князь Александр встретил их (стр. 132, 133) на реке *Неве*: следственно они жили не между Ладожским озером и Белым морем. 2) В 1256 году Князь Александр шел из Новгорода на Емь чрез *Копорье* (стр. 142, 143). 3) В 1228 году Ладожане побили Емь: неприятель, спасаясь от них бегством в землю свою, был истреблен Ижорцами и Корелами (стр. 107): пусть Читатель взглянет на карту. 4) В 1311 году Новгородцы воевали за морем, т. е. за Финским заливом, с Емью, и взяв их город *Ванай*, на Черной реке, опустошили берега Перны: мы знаем в Новой Финляндии *Ванакиле* и *Перно* (см. Бишинг. *Erdbeschr.*). Черною именуется в наших летописях ^{20*} — одна из рек западно-южной Финляндии ^{-20*}. — Местечко *Емсе* в Тавастландском Графстве также напоминает *Емь*. Один из моих приятелей, знакомый с сими местами, писал ко мне, что тамошние жители донные называют себя *Häiti*, и что имя Суми или Суоми в особенности принадлежит Финляндцам северным. — Адам Бременский, по мнению Шлецера, называет Ямь *Lami*,

а: Гервазий, Автор XIII века, Jarmenses, вместо Jamenses.— Иорнанд именует Весь Vas^{21*}.

В *Больш. Чертеже*, стр. 317: «Те города по Сысве и по Сосве Югра». Герберштейн на карте России полагает Югру за Обью. Доселе Историки и Географы наши искали Югры на берегах Юга, Двины и Мезени. Описание похода Россиян в землю Югорскую около 1500 года ясно доказывает, что она была за Каменным Поясом: см. сей *Истории* Т. VI. Имя Остяков есть новое Татарское: покорив часть Сибири в XIII веке, Татары назвали ее жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуют Березовских Остяков *Мансами*: так называются и сами Вогуличи.

Теперь нет особенного народа Печорского. Думаю, что так назывались нынешние Зыряне (см. ниже), а не Самоеды, которые в Несторовой летописи именуются особенно Самоядью.

⁷⁴ Меря, Мурома, Весь, уже давно обратились в Россиян. Зыряне или Сыряне живут на берегах Выми, Сычолы, Вычегды, и проч. Они принадлежали ко многочисленному народу Пермскому и говорят с ним почти одним языком, которого словарь напечатан Миллером в его *Sammlung Russ. Gesch.* Болтин, не зная того, пишет, что Зыряне утратили язык свой и сделались совершенно Русскими: см. *Путешествия Академика Лепехина*, т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибирск. Историю*, стр. 81, 99, 100, и в Миллер. *Sammlung Russ. Gesch.* словари Чудских народов. Жив долго между Татарами, Чуваши заимствовали от них множество слов; но язык их в основании есть также Финский.

⁷⁵ См. Тацит. *Descript. Germaniae* гл. 46. Венеды, по его словам, граничили к Северу с Финнами. Гаттерер думает, что Финны жили тогда в Курляндии, Самогитии, северной Литве. Fenni, de quibus Plinius [Финны, о которых говорит Плиний] (ибо толкуют, что его Eningia есть описка вместо Feningia) Tacitusque loquuntur, mortalium omnium pauperrimi Tacito visi, Curlandiam, Samogitiam et maxime septentrionalia Lituaniae tenuerunt [и Тацит, казавшиеся Тациту беднейшими из всех смертных, владели Курляндией, Самогитией и всем севером Литвы] (см. *Commentationes Societ. Gottingensis*, Т. XII, стр. 208, и Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 438). Может быть, в глубокой древности Финны пришли из северной Азии в Европу; по крайней мере язык их весьма отличен от коренных языков Европейских, а **сходен** с Венгерским (см. D. Gyarmathi *Affinit. ling. Hungaricae cum linguis Finnicae originis*). Баер (а за ним и Гаттерер) производит Финнов от Скифов; но образ жизни первых, описанный Тацитом, не представляет ничего Скифского. Non arma, non equi; victui herba, vestitui pelles, cubile humus [ни оружия, ни коней; трава для пропитания, шкуры вместо одежды, вместо ложа — земля]: можно ли отнести такое описание к Геродотовым Скифам, сходным с нашими Киргизами или Татарами?

⁷⁶ Кажется, нет сомнения, что Весь, Меря и Мурома были единоплеменниками Мордвы и других Финских народов.

⁷⁷ Так означает Торфей границы ее (*Historia Norveg.* Т. I, стр. 102, и Шлецер. *Nord. Gesch.* 500). В древних Скандинавских известиях Белое море называется Гандвик (*Hist. Norveg.* I, 163).— Квенландия значит *женская земля*. Сие имя заставило Адама Бременского баснословить о северных Амазонках (в Линденброг. издании стр. 59).—Финские чародейства подробно описываются в се-

верных сказках (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 437, и его Nestor, Ч. II, стр. 45; также Torff. Hist. Norveg. Т. II, стр. 165).

⁷⁸ Исландия, остров необитаемый до 874 года, и в сие время населенный Норвежцами, не хотевшими повиноваться Гаральду, первому Деспоту северному, прославилась своими летописями, которые служат главным источником для Скандинавских Историков. Лучший Исландский Летописец есть Снорро или Снорри Стурлезон или Стурлузон, бывший в XIII веке Лагманом острова, то есть, блюстителем законов. От летописей, достойных уважения, надобно отличать Исландские *Sagu*, или сказки, весьма недостоверные. Лейбниц, Ире, Миллет, Шлецер, признают их более романами, нежели Историею, хотя Шперлинг и самый ученый Бринг другого мнения, считая Поэзию Скальдов историческою драгоценностию. В *Sagas*, как и во всех народных сказках, есть конечно истинные древние предания: только они сочинены уже гораздо после десятого века — и кто отличит в них ложь от истины?

⁷⁹ См. Отерово путешествие в Форстеровой *Geschichte der Entdeckungen in Norden*.

⁸⁰ Нет нужды спорить с теми, которые производят Латышей от Римлян, Македонян, Евреев, Сарацинов, и проч. Большая половина языка их есть Славянская (см. Тунмана *Über Nordl. Völker*); но упомянем о мнении ученого Гаттерера. Он признает сей народ Сарматами, говоря: «Ежели Финны Скифы, а Славяне Дако-Геты, то не можно ли Латышей произвести от Азиатских Сарматов?» (см. его *Weltgeschichte*, стр. 737, особенно же *Commentationes Societ. Gottingensis*, Т. XI и XII). Но кто *доказал*, что Финны Скифы, а Дако-Геты Славяне? см. выше, примеч. 69, 75. Нравы Латышей, известные нам с IX века по описанию Вульфстанову, не имели и не имеют никакого сходства со нравами Сарматов. Вся Гаттерерова система народов основана на слове *если!*

⁸¹ *De reb. Geticis*, стр. 85: *Ad littus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluente Vistulae fluminis ebibuntur, Vidioarii resident, ex diversis nationibus aggregati* на [берегу океана, где воды Вислы образуют три устья, живут видварии, собравшиеся из разных народов]. Сие мнение ученого Тунмана кажется мне вероятным. Многие Готфы и Славяне, бывшие в Дакии, могли возвратиться к Латышам и сообщить им некоторые слова Латинские, находящиеся в языке последних. Стриковский и Преторий рассказывают, что Видвут, оскорбленный междоусобием народным, говорил так своим единоземцам: «Если бы вы имели хотя разум пчел, то ссоры ваши давно бы прекратились. Знаете, что рой повинуется одной матке, и что она для каждой пчелы определяет особенную работу, выгоняя ленивых из улья. Воспользуйтесь сим примером; изберите Государя, и вручите ему судьбу вашу, да судит распри граждан, отвращает убийства, злоупотребление силы, и печется о всеобщей безопасности! — Народ единодушно избрал его в Цари: ибо Видвут был знаменит как в своем отечестве, так и в чужих землях, умом и богатством. Более кроткими наставлениями, нежели строгостию, он приучил своих подданных к трудолюбию, земледелию, скотоводству». — Вот народная сказка, которая может иметь некоторое историческое основание.

Леттландию называлась южная часть Ливонии, где жили Латыши (а не Ливь).

⁸² В нынешнем Натангене, где село Гросвальден.

⁸³ Нестор говорит: *почаша держати род их* (Кия и братьев его) *Княжение в Полях, а в Деревех свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новегороде, и проч.* — Полян обижали (пишет Нестор) Древяне с иными окольными.

⁸⁴ Нестор (стр. 11): «в сии же времена (Ираклиевы, или в начале VII века) быша Обри, иже воеваша на Царя Ираклия и мало его не яша». Хан Аварский в 619 году действительно едва не схватил Ираклия (см. Мемог. popul. I, 743). Но Авары (чего не знал Русский Летописец) были известны Грекам гораздо ранее времен Ираклиевых (Мемог. popul. I, 642). — Далее: «Сии же Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам Дулебским: аще поехати бяше Обрину, не дадыше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пять ли жен в телегу и повезти Обрина; ^{22*} и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един Обрин ^{22*}... И есть притча в Руси и до сего дне: *погибоша аки Обри, их же несть племени, ни наследка*».

⁸⁵ См. Мемог. popul. III, 549 и след. Некоторые Арабские Писатели считают Козаров за один народ с Грузинами (см. Эрбелот. Biblioth. Orient. под словом *Khazar*). Тунман и Шлецер думали, что Нестор Белыми Уграми называет также Козаров, говоря: «Си бо Угры почаша быти при Ираклии Цари, иже находиша на Хоздроя, Царя Перскаго». Византийская История в самом деле начинает много говорить о Козарах с 626 года, когда Ираклий ввел их в войну с Персиею; однако ж известие Несторово (стр. 10), что Белые Угры завладели после землю Славянскую (см. выше, примеч. 65), может относиться только к действительному Уграм: ибо Летописец наш, как он сказал выше (стр. 6), означает сим именем Венгрию, ими завоеванную. Греческие Историки называют и Венгров и Козаров Турками (Мемог. popul. III, 543, 607): не вообразил ли Нестор, что мнимые Турки, помогавшие Ираклию в войне Персидской, были Венгры? Впрочем Угры могли вместе с ними участвовать в сей войне. Надобно также знать, что Венгрия в средних веках называлась *Белюю*: *Alba Ungaria* (см. Гебгарди *Gesch. des R. Ungarn*, I, 362, Пестского издания 1802). — Татищев и Болтин несправедливо думали, что Козары и Хвалисы один народ (см. ниже примеч. 493). — Моисей Хоренский (*Hist. Arm.* кн. II, стр. 183) называет Козаров Хазирами, а некоторые Византийцы Аказирами.

⁸⁶ Петр Великий и храброе войско его, взявшее Дербент, с удивлением видели остатки сей стены, проведенной чрез горы и пустыни от Каспийского моря к Черному. Князь Димитрий Кантемир, муж просвещенный и любопытный, описал ее развалины. «В долинах, говорит он, стоят еще многие башни с воротами, похожие на башни Московские. Стены в толщину более сажени; огромные камни, из коих она сделана, без железа и без извести, сплочены весьма крепко» (см. Баера *de muro Caucaseo* в *Коммент. Академии Наук*, Т. I, или в его *Opusc.* стр. 94; см. также Эрбелот. *Bibl. Orient.* под словом *Khazar*).

⁸⁷ Д'Анвиль пишет, что в начале V века Татарский Князь, именем Тулун или Турун, первый назвался Каганом или Ханом (см. его *Mémoire sur les peuples de la Dace*, в *Mém. de l'Acad. des Inscript.* Т. LII).

⁸⁸ См. *Voyage de Rubriquis*, в Бержерон. изд. стр. 1. Кроме принадлежавшего Греческим Императорам Херсона и юго-западной приморской области Дори, где жили 3000 независимых Готфов

Христианской Веры, остаток тех, которые в IV веке, при Эрманирихе, господствовали над всею восточною Европою. Сии малочисленные Готфы, верные союзники Константинополя, славились храбростию и гостеприимством, любили земледелие, жизнь сельскую и не терпели городов в стране своей. Иустиниан I, для их защиты, оградил Дори, в некоторых опасных местах, каменной стеною (см. Прокон. de Aedif. кн. III, гл. 7). Они уже в конце IX века были покорены Ханом Козарским (см. Мемог. popul. I, 245 и след.).

Юстиниан II, свергнутый с престола Тиверием, ушел к Хану Козаров и женился на его дочери, которую он после венчал царским венцем в Константинополе. Филиппик также искал их защиты. Император Лев женил сына своего, Константина, на Княжне Козарской; от сего брака родился сын, который царствовал под именем Льва Козарского.

⁸⁹ Нестор, описывая сие происшествие, еще не определяет лет,

В *Пушкинск.* списке: «И реша старци Козарстии: не добра дань, Княже, мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекоша саблями, а сих оружие обоуду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на нас и на инех странах. Се же сбься все; не от своая воля рекоша ^{23*}, но от Божия повеленья, яко при Фараоне: еда приведоша Моисея пред Фараона и реша старейшины: се хочеть смирити область Египетскую; яко же и бысть... яко же бысть владеют Козары Русские до нынешняго дне». — После о дани Козарской сказано в *Кенигсберг.* списке: «имаху Козаре на Полах и на Севере и на Вятичех по белой девици», ошибку вместо *веверицы*; в *Пушкин.* и в печатном *Никонов.*: «по белой веверице»; в *Троицк.*: «по беле и по веверице». Но то и другое имя значит одно. — Шлецер (см. его *Nestor.* Ч. III, стр. 64) спрашивает: «для чего Козары брали дань с Киевских Славян белками, а не медведями?» и заключает, что Русские Славяне не имели оружия, потребного для медвежьей ловли! Козары брали дань кожами зверей самых обыкновенных, и веверицы могли им быть нужнее медведей для одежды.

⁹⁰ См. *Абульфеду*, в Бишин. *Historisch. Magaz.* T. V, стр. 365, Эрбелот. *Bibliothèque Orientale* при имени *Khosar, Balangiar*, и *Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century*, translated by W. Ousely, стр. 185—190. Переведем здесь любопытные известия о Козарах из последней книги и *Chrégstomathie Arabe, par Silvestre de Sacy*:

«Каган (или Хакан) должен быть всегда Императорского поколения. Только в важнейших делах можно иметь к нему доступ; входящие падают ниц и ждут, чтобы он велел им встать, приблизиться и говорить. Никто не смеет ехать верхом мимо Кагановой могилы: надобно сойти с коня, поклониться гробу, итти пешком и сесть на лошадь единственно тогда, как могила уже сокроется от глаз. Если Каган скажет знатному чиновнику: *поди, умри*, то чиновник немедленно идет домой и убивает себя. Иногда самые бедные люди Каганского поколения восходят на трон в свою очередь. Я слышал, что один молодой человек сидел в лавке, торгуя безделицами, и что народ говорил об нем: *по смерти нынешнего Кагана он сядет на престол!* Но сей человек был Мусульманин, а Каган должен быть всегда Иудейской Веры» (которую, по сказанию Восточного Историка, Массуди, жившего в X веке, принял в 740 году Козарский Владетель Була: см. ниже). «С Царем судят дваять чиновников, которые могут быть Мусульмане, Евреи, Хрис-

тиане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей Иудейского закона, а большая Магометанского и Христианского.... Город Атель окружен верст на семьдесят плодородными полями... Главная пища жителей есть рыба и пшено; мед и воск привозят к ним из России. Знатнейшие граждане Ательские суть Мусульмане и купцы; язык их Турецкий... В земле Козарской есть город Асмид, весьма богатый садами. Дорога от Дербента к Сериру вся окружена ими; тут родится и виноград» (*Oriental Geography*)^{24*}, ^{25*}.

Массуди около 947 года пишет следующее: «По реке, разделяющей столицу Козарскую на две части, ходят вверх большие суда, нагруженные товарами Ховарезмскими. На других судах из земли Бергас привозят шкуры черных лисиц, самые славные и дорогие. Есть и ^{26*}— красные, пестрые, белые ^{-26*}. Так называемые Арабские малоценнее всех иных. Черные идут единственно из сей земли или соседственных с нею. Цари народов варварских покупают оные весьма дорогою ценою для шапок и шуб. Из Козарии отправляют их не только в Дербент, в Берду и другие места в Хорасане, но и в страны Франков, в Испанию». (*Chrétomathie Arabe par S. de Sacy*).

Хотя в Козарии было много городов, из коих Нубийский Географ (Шериф аль-Эдризиди, писавший около 1153 года) именует Куран, Гадран, Сегесан, Самандар, Альбаиду, Садил и Феруз-Капад: но многие люди жили там еще в шатрах или в кибитках. Дворец Каганов, на западном берегу Волги, был кирпичный; а другие жилища все мазанки. Обыкновенная воинская дружина сих Государей состояла из 12 000 человек (*Oriental Geogr.*).— По другим Восточным известиям Каганская столица находилась ближе к Дербенту.

^{27*}— Массуди пишет (см. Клапрота *Russland's Vergrößerungen*, стр. 182—201), что Козары имели в особенности и Царя и Кагана; что последний жил во дворце у первого, был весьма уважаем, но не вмешивался ни в какие дела и скрывался от людей; что в случае бедствия народ приходил к Царю и говорил ему: «нынешний Каган несчастлив; умертви его или выдай нам». Царь тогда убивал или спасал Кагана. «Не знаю (говорит Массуди), таков ли всегда был обычай у Козар, или введен не давно». Другие Историки молчат о разности между Царем и Каганом. Эбн-Гаукаль прибавляет только следующую странность: «Избрав Кагана, Вельможи надевают ему шелковую петлю на шею, дают его и спрашивают: сколько лет он хочет царствовать? Каган означает лета, и тогда снимают петлю; но если сей Царь переживет определенный им срок, то его убивают!»^{-27*}.

Константин Багрянородный, описывая в X веке только южные области Козарские на берегах Азовского и Черного моря, не упоминает об их Волжских или Каспийских владениях; но в его время Каганы еще господствовали в нынешней Астраханской Губернии по Восточным известиям (см. нашей *Истории* год 1021), хотя Узы, народ Турецкого племени, уже кочевали тогда между Волгою и Доном, или с согласия или против воли Козаров (см. *Конст. Багрянород. в Бандури Т. I, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту там же, стр. 32, 33*). Узы (*Ουζοι, Ουζ*) называются в Византийских летописях Гуннами и Скифами. Один повейший Глика причисляет их именно к Печенегам (*Метог. рор.*). Баер без всякого основания считал Узов и Половцев или Команов за одни

народ: Скилидий и Анна Компина говорят особенно о том и другом. Ученый Прай (см. его Dissert. VI, стр. 111), ссылаясь на Дегина, несправедливо пишет: *Abulfedha et Benschunach Uzoz pro Comanis et vicissim usurpant* [Абульфедха и Беншунах считают узоз комами и наоборот]. Дегин говорит о Туркоманах, а Туркоманы не Половцы, хотя и не сомневаюсь в их сродстве: ибо, кроме Глики, сам Нестор прибавляет (*Рос. Библиот.* 145): «Измаилов же род двенадцати сынов, от них же суть Торкмани, Печенеги, Торки и Половцы». Дегин рассказывает, что Арабские Историки называют Узоз *Gozz*. Если не ошибаюсь, то они в летописи Несторовой именуется Торкмаи (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 112).

Имя города Саркела, по толкованию Константина Багрянородного и Продолжателя его, значило на языке Козаров *белую гостиницу* или *белый дом* (*Мемог. popul.* Т. III, стр. 567). На Турецком языке оно значит *белый город* (Баер. *Geographia Russ. ex Const. Porph.* в Комментар. Академии, Т. IX, стр. 399). По тому ученый Делиль (см. в начале Бандури *Animadvers. in Const. Porph. libros de Themat.*) вообразил, что Саркел есть нынешний Белгород в Курской Губернии, и что Константин назвал Танаисом не Дон, а Донец. Баер, д'Анвиль (в *Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace*: см. *Mém. de l'Acad. des Inscr.* год 1758—1760) и другие поверили ему; по сие мнение кажется несправедливым. Белгород Курский известен только с XVI века (см. сей *Истории* год 1502, в примеч.) и назван *Белым* от своего положения на меловой горе, с которой перенесли его в долину (см. *Большой Чертеж*). Люди, отправленные Императором Феофилом, приплыли на судах к тому месту, где надлежало им строить Саркел (*Мемог. popul.* Т. III, стр. 567—568): а Донец в окрестностях Белгорода не удобен для судоходства (см. *Записки* В. Зуева, стр. 170). Козары, овладев Тавридою, желали иметь Саркел для защиты от Печенегов (см. Кедрина в *Мемог. popul.* Т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по известию Константинову, на берегах Яика и Волги: не Донец, но Дон мог быть границею между ими и Козарами. Делиль и Баер напрасно также говорят, будто Константин полагает Саркел в верховье реки Танаиса: он, Продолжатель его и Кедрин пишут только, что сей город стоял на берегу ее (см. *Мемог. popul.* Т. III, стр. 567—568). В другом месте говорит Император (Бандури Т. I, стр. 113), что Дон течет от Саркела: *Tanaïs qui à Sarcel venit*. В Астрахани можно сказать, что Волга течет от Царицына: следует ли, чтобы Царицын находился в верховье Волги? Константин не знал никаких мест на Дону выше Саркела, и для того употребил сие выражение. В *Хождении Митрополита Пимена к Царюграду*, писанному в исходе XIV века, сказано, что на Дону, в двух днях плаванья вниз от устья Медведицы, находились развалины древнего города *Серклии* (см. нашей *Истории* Т. V, примеч. 133): вот место *Саркела*, если не ошибаюсь.

О Кагановом и других *городищах* см. в *Описании Харькова*, стр. 101; также в *Географ. Словаре Рос. Госуд.* под именем *Воронезж*. В *Большом Чертеже* упоминается о многих *городищах* на берегах Донца (стр. 47—50). Имена: *Колодезь Каганской*, *Перевоз Каганской*, свидетельствуют, что сии места принадлежали Козарам.

Греческий Царь Михаил отправил в Козарию Философа Константина, обратившего ее жителей в Христианство. Они из благодарности хотели осыпать его дарам; но Константин требовал

только освобождения Греческих невольников: что ими с радостью было исполнено (см. *Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in Act. Sanct.* 9 марта, *Ассемани Kalend. Eccl. univers.* III, 4; см. также нашу Мннею, в житии Святых Константина и Мефодия). Между тем Каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оставались в Иудейском Законе (см. нашей *Истории* Т. II, примеч. 24, в описании 1021 года). Св. Константин или Кирилл чрез несколько лет прославился изобретением букв Славянских и переводом церковных книг с Греческого (см. ниже статью *о языке и грамоте Славян*).

⁹¹ Нестор пишет: *имаху дань Варязи на Словенех... а Козаре на Полех... по белой веверице от дыма*: не вероятно, чтобы два народа брали совершенно одинаковую дань. Летописец, кажется, не знал, чем Варяги обложили Ильменских Славян; а говорит только, что Поляне давали Козарам.

В некоторых новых списках Нестора сказано, что Славяне, изгнав Варягов, начали ставить города: в древних нет сего прибавления.

Сообщаем здесь конец сказки, внесенной нами в примечание 70: «Когда Гостомысл дожил до глубокой старости и не мог уже править такими многочисленными, беспокойными народами: тогда сей великий муж, седый умом и власами, призвав начальников Русской земли, увещавал их итти, по смерти его, за море в Прусскую и Варяжскую землю, к тамошним *Самодержцам*, от рода *Августа Кесаря*, и предложить им власть над землею Славянскою. Гостомысл скоро умер, в Новогородцы погребли его с великою честью на месте именуемом *Волотово*, но долго не хотели Самодержавия и выбирали только *Посадников*; наконец беспорядки и междоусобие заставили их отправиться в *Варяжскую землю* и в *Пруссию* к тамошнему *Курфирсту* Рюрику, потомку Августову в XIV колене, который согласился управлять ими». Сии сказочники объявляют нам, что Цесарь Август имел братьев: *Прусса*, Августула, Кирина, *Иллирика*, Ипиона, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными историческими баснями отличался у нас какой-то Диакон Холоцкого монастыря (донец существующего при устье реки Мологи), именем Тимофей Каменевич Рвовский. Он жил и писал около 1699 году. Я нашел его сочинения в Синодальной библиотеке, в рукописной книге, названной *о древностях Российского Государства*, № 529, Т. II; мы упомянем об нем в других примечаниях.

Вышшем слова Несторовы о Руси: «Идоша за море к Варягом к Руси: сице бо ся зваху ти Варязи, яко сии друзии зовутся Урмяне», и проч. (см. ниже, примеч. 103). Далее: «и от тех прозвася Русьская земля, а Новогородцы от рода Варяжска, преже бо беша Словени» (а в других списках: «и суть Новогородстия людие и до нынешняго дни от рода Варяжска: преже бо беша Словени»). То есть, Нестор говорит, что древние Новогородские Славяне от времен Рюрика смешались с племенем Варяжским. — Следственно пмя нынешней России происходит от Варягов-Руси, а не от *расеяния*, как думали некоторые, согласно с известием Прокоция о Спорах, ибо Варяги не были Славянами. В древние времена писали у нас *Русь*, после *Руси*, а наконец обратили букву У в О. Татищев думал, что Митрополит Макарий первый ввел сию новость: но во всех древнейших списках *Степенной*, так называемой *Макариевой Книги*, во всех рукописях XVI века, сколько мне случалось

их видеть, употребляется название *Русь* и *Русиа*. Болтин несправедливо также говорит, что *со времен Макариевых начали производить имя Россов от рассяния*: нет, гораздо прежде: ибо Герберштейн пишет, что в его время сие мнение было уже общим в России (см. *Regum Moscoviticarum Comment.* стр. 1).

Некоторые новейшие Летописцы, вопреки Несторову сказанию, производили имя Руси от реки Порусья, говоря (см. *Воскресенск. Лет.* I, 61): «и пришедше Словени с Дуная и седше у *езера Ладожьскаго* (чего нет в древней летописи) и оттоле пришедше седоша около *езера Ильменя*, и нарекошася Русь, реки ради Руссы, еже впадает в *езеро Ильмень*» (в Полисту).

⁹² «Ляхове же и Прусь и Чудь приседают к морю Варяжскому» — говорит Нестор. Достойно примечания, что один Арабский Географ упоминает о *Варанжском море*, как о заливе Северного, и сказывает, что *Варанк* есть имя народа, обитающего на его берегах: *Mare Warank exit ex ambiente mari Septentrionali versus meridiem, habetque longitudinis et latitudinis, quot satis sit. Warank est nomen gentis, quae litora eius obsidet* [Варанкское море выходит к югу из окружающего Северного моря и имеет достаточную ширину и длину. Варанк — это имя народа, который живет на его берегах] (см. Абульфеду в Бишинг. *Hist. Magaz.* T. IV, стр. 151).

⁹³ Гельмольд пишет: *Exercitus Northmannorum collectus de fortissimis Danorum, Sveonum, Norvegorum* [войско норманнов составлено из храбрейших датчан, свеонов, норвежцев].

⁹⁴ В 516 году, по известию Григория Турского. Долго читали в церквах молитву: *à furore Normannorum libera nos, Domine* — то есть: *сохрани нас, Господи, от свирепства Норманов*.

⁹⁵ См. Форстерово сочинение *Von den Entdeckungen in Norden*. Они в 1001 году были занесены бурей к Американским берегам; после несколько раз ездили туда из Гренландии, и назвали сию новую землю Винландию. Адам Бременский упоминает об ней.

⁹⁶ Саксон, Автор XIII века, прозванный Грамматиком по его чистому Латинскому слогу, дозволил себе выдумать всю начальную Историю Скандинавии, основываясь будто бы на древних стихотворениях и надписях, неизвестных ни одному человеку, кроме его. Не только благоразумные Критики — Маллет, Шлецер — но и сам Шведский повествователь Далин, весьма склонный к баснословию, отвергает древнюю Историю Саксонову. Не смотря на то, Миллер в своей Академической речи с важностию повторил сказки сего Датчанина о России, заметив, что Саксон пишет о Русской Царевне Ринде, с которою *Один* прижил сына *Боуса*, и что у нас есть также сказка о Бове Королевиче, сыне *Додона*: «имена Боус и Бова, Один и Додон, сходны: следственно не должно отвергать сказаний Грамматика!» (см. Миллерово сочинение *о народах в России обитавших*, в статье о *Готфрах*).

Для читателей любопытных предложим здесь сии весьма недостоверные известия о древней России.

Фротон I, Король Датский, по мнению Торфееву современник Христа, в морском сражении победил Российского Царя или Тирана (Сакс. Граммат. *Hist. Dan.* кн. II, стр. 21), именем Траннона: взял город его Роталу в Ливонии (см. Грубер. *Liefländ. Chronik.*) и *Пелтиск* или Полоцк, столицу Веспазия, другого Царя Российского; завоевал еще дальнейшую страну какого-то Царя Гандувана и женился на его дочери. — В I веке Норвежский Владелец

Галфдан воевал в землях Востока, России и Ливонии, убил на поединке славного Царя Сигтригга и женился на дочери Российского Государя Эймунда, именем Альмвейге или Альфнии (Торф. Hist. Norveg. I, 173).— Шведский Король Готброд также счастливо воевал в России (Сакс. Грам. стр. 28). Наследник его Готер погиб в стражени с Боем, сыном Отина (или славного Одина) и Российской Царевны Ринды. Колдун Финский предсказал Отину сей случай; но мужественный Бой, сам раненный в битве, умер на третий день и погребен с великою честью Российскими воинами, которые насыпали высокий курган над его могилою, да служит долговременным памятником славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 44, 46).— Сын Готеров и преемники его имели многие войны с Россиянами в течение II века.

Фротон III, Король Датский, в III веке по исчислению Торфееву, женился на дочери какого-то Царя Гуннов, приворотил ее к себе волшебным питием, и развелся с нею: за что тесть его объявил ему войну и соединился с Россиянами, но был побежден (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фротон отдал Гольмгардскую (или Новгородскую) область Царю Олимару, Эстию (Эстонию) другому Царю, а третьему Коногардию, также Российскую землю. — В Исландских повестях упоминается о знаменитом Российском Государе Зигурламе, который, по мнению Торфея (Hist. Norv. I, 420), жил в III веке. Гейррида, дочь Русского богатыря и Владетеля Гейрравда, вышла за Норвежца Аумунда, и не малая часть России была ее приданым или наследием (Торф. Hist. Norv. I, 273). Одн, другой витязь Норвежский, женатый на Силкизифе, Царевне Российской, также господствовал в отечестве ее. Более всех Российских Государей славился тогда могуществом и богатством Гроллавг; а супруга его Герборг, сын Герлавл, дочь Гергерда, не менее славились красотою. Норвежец Гейдрик (Торф. Hist. Norv. I, 432) совокупил ся браком с Гергердою, и взял за нею в приданое Виндландию (или Финляндию, как толкуют).

Одна пристань или город в России назывался Альдейгабургом или Альдейгабургом (см. ниже, примеч. 485). Тамошний Владетель Ингварь был умерщвлен Стурлавлгом Трудолюбивым, который, на его дочери Ингигерде женив Фрамора, отдал ему сию область (Торф. Hist. Norv. I, 204). Трандийский Король Эистейн, осадив Альдейгабург, убил его Владетеля, именем Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Биартмар, Граф (Comes) Альдейгабургский, не уступал в силе Королям (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сии происшествия Торфея относят ко II или III веку.

Сын Фротона III, Фридлев, был воспитан в России (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. VI, стр. 96) и с помощью тамошнего Царя восшел на престол отеческий.— Старкатер, витязь Датский, обратив в бегство Российского Князя (Principem) Флокка, овладел его несметными сокровищами, множеством серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, стр. 104, 105), и на поединке одолел Визинна, богатыря нашего, в царствование Фротона IV, т. е. в IV веке по хронологии Торфеевой. —^{28*}— Лет через сто или более —^{28*} Гальдан, Король Датский, помогал Россиянам против Шведского (Сакс. Грам. кн. VII, стр. 135); и Король Ярмерик воевал с ними.

Знаменитый Король Северный, Ивар Видфадме, покорив Швецию, Данию, завоевал и часть Государства нашего. Дочь его Авдура Диулаудга (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (praedives),

овдовев, ушла в Россию с малолетним сыном Гаральдом и сочелась браком с тамошним Владетелем Радбардом. Ивар, посадив на зятя, хотел мстить ему, но утонул в море, и Гаральд с помощью своего вотчина сделался Королем Датским, в начале VII века по Торфееву летосчислению. Сын Радбардов, мужественный Рандвер, не довольный своим наследственным Российским Царством, отправился в Норвегию и Англию, где погиб в сражении. Род его долго царствовал в Швеции, Дании и Норвегии. Внук Радбардов, Регнальд, господствуя в нашем отечестве, ходил в Скандинавию помогать сыну Рандверову, Спгурту, который в 735 году лишил жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великого жил славный Датский Король, Ренер Лотброк, и завоевал Ливонию. Сыновья убитого Короля ее, Диана, женатыя на Российских Царевнах, с помощью своего тестя сражались мужественно; но Ренер, победив их и завладев Россиею, Финляндиею, Биармиею, отдал сии земли сыну своему, Витсерку. Царствование его было не долговременно: сын Ливонского Короля, именем Даксон, взял Витсерка и сжег на костре (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. IX, стр. 174).

Сим заключаем выписку из Саксона и повестей Исландских о древней России.

⁹⁷ *Гард* знаменует не только город, но и страну. Датчане именовали Россию Острогардом ^{22*}, т. е. *восточную страну*: ибо она лежит от них к Востоку. Гардерик означает или просто *государство*, или *землю*, в которой *есть города*; Гольмгард *землю островов*, *insularum regio*, или *город на острове*. Бангер думал, что Скандинавы называли Россию Грециею от Веры, принятой Славянами от Греков, вместе с их азбукою; но так именовалась она в Скандинавии еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiae ex Script. Septentr. в Комент. Академии, Т. X, стр. 371, и *рассуждение* ученого Ире о *путешествии Скандинавов в Грецию*, в Шлец. Nord. Gesch. 549—556), вероятно для того, что Норманы ездили в Грецию обыкновенно через Россию, и в мыслях своих как бы соединяли сии две страны. Северные Писатели именовали Россию и Хунцгардом, то есть, по изъяснению Гельмольдова, *страною Гуниов*. Гуны конечно могли в IV и V веке владеть частию России; но вероятнее, что имя Chunigard произошло от испорченного имени Чива, называемого Северными Авторами Chive, Cuicua, Koenugardia.

Рунами именуются старые письма Скандинавские. Ученые долго спорили о их древности. По крайней мере известно, что сии буквы употреблялись в Скандинавии уже около VII или VIII века; их находят еще на камешках и гробах языческих, хотя, кроме сих надписей, не имеем иных *древних* и важных для Истории монументов Рунических (см. в Шлецер. *Север. Ист.* Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарлии доныне употребляют Рунические знаки (см. Далинову Gesch. des Schwed. R. Т. I, стр. 180).

⁹⁸ Дюшен. Historiae Francorum Scriptores Т. II, 339, 524, 850: Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, Ducibus Rorico et Godefrido (г. 850)... Northmannorum Rex Roricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit (г. 845)... Roric, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadam jure beneficium tenuit, post obitum Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium,

qui patri successit in regno, proditionis crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, Regis Orientalium Francorum veniens... collecta Danigenarum non modica manu, coepit piraticam exercere... venitque (г. 850) per ostia Rheni fluminis Dorestadam [Датский флот приплыл в царство Клотария под предводительством Рорика и Готфрида (...)] ... Рорик, король норманнов, отправил в Германию по реке Эльбе шестьсот кораблей против Людовика (...) ... Рорик, родом нормандец, который при императоре Людовике владел селением Дорштадом вместе с братом Хариольдом по праву бенефиция, после смерти брата, во время правления Лотария, который наследовал власть отца, был схвачен по ложному обвинению в предательстве и отправлен в темницу. Спасшись оттуда бегством, он перешел к Людовику, королю восточных франков и, собрав большую дружину из датчан, стал промышлять пиратством... Он добрался (...) через устье реки Рейна до Дорштада], и проч.— Другие имена см. в Баеровом сочинении de Varagis в Коммент. Академии, Т. IV, или в его Opusc. стр. 339. В договорах первых Князей Русских с Греческою Имперію называются многие Боляре их также Скандинавскими именами; на пример: «Мы от роду Русьского Карл Инегельд, Веремунд, Рулав, Руальд, и проч. посланы от Ольга, Великого Князя Русьского», и проч. (см. печатн. *Нестора*, стр. 26).

⁹⁹ Russios, quos alio nomine Nordmannus vocamus [Руссов, которых мы по-другому называем норманнами] (стр. 92); и в другом месте (стр. 144) он тоже повторяет.

¹⁰⁰ Анна Комнина пишет, что Варяги (или, по Греческому произношению, *Варанги*) были из Туле, т. е. из Скандинавии. Кедрич также признает их Скандинавами. Когда Эрик, Датский Король, приехал в Царьград, то Варяги получили дозволение идти к нему: ибо он был Государем их народа. Норвежского Принца Гаральда избрали Константинопольские Варяги, как *своего единовемца*, в начальники их дружины (см. *рассуждение* Баера de Varagis, в Коммент. Академии, Т. IV). Впрочем между Константинопольскими Варягами были другие чужеземные воины: Англы, Франки (см. Метог. popul. Т. IV, стр. 431 и след.).

¹⁰¹ См. ученого Ире Reise der Normänner im Mittel-Alter, в Шлецер, Nord. Gesch. стр. 546. Еще от времени Константина Великого Римляне называли Готфскую дружину Foederati, или *союзники*. Шведы уже в половине IX века имели сообщение с Царемградом (см. ниже, примеч. 110). Константин Багрянородный называет Варягов Фарганами (см. Метог. popul. IV, 433).— Упомянем еще о трех толкованиях Варяжского имени. Некоторые хотели производить его от Финского слова *Varas*, т. е. *вор*: ибо не только Скандинавские вятизи, но и самые Короли их не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эстонию. На пример: «Король Гейдерих с сильным войском разбойничал на восточных берегах моря Бальтийского», сказано в Невгарга Saga, гл. XIII. Финны конечно могли так назвать их; но трудно вообразить, чтобы сами Норманы приняли сие бранное, чужеземное имя и назвались им в России, где Князья их властвовали, и в Константинополе, где они хранили дворец Императоров.— Вот другое толкование: «В Нормандии донныне называется Varesch то, что выбрасывается морскими волнами на берег, а *береговое право* жителей на все, что они спасают от кораблекрушения, droit de varech. Сие слово конечно введено

там Скандинавами, когда они овладели Нормандиею, и должно значить *морское*, *maritimus*, *marinus*. Норманы, приставая к берегам чужеземным, назывались, может быть, Варягами в смысле *мореплавателей*; а Финны и Славяне обратили сие имя в собственное». Так говорит Миллер в *Sammlung. R. G.*; но вероятно ли, чтобы телохранители Императорские в Константинополе, служившие не на кораблях, а стоявшие на карауле в спальне Царя и проводившие его в церковь, именовались *морскими людьми*? К тому же *Vagesh* значит собственно *кораблекрушение*: всякие разбитые, потонувшие суда называются по-Французски *vagesh*.—Третье изъяснение гораздо вероятнее: «Имя *Варяг* могло произойти от древнего Немецкого *Wag*, *война*, и знаменоватъ *воина*; оно сохранилось в языке Английском». Заметим, что в Германских законах IX века упоминается о *Варгенгах*, или наших Варягах, как надобно думать; на пример: *si quis Wargengum occiderit, solidos sexcentos in domino componat* (см. изданный Петром Георгишем *Corpus iuris Germanici antiqui*, стр. 782); то есть: «кто убьет *Варгенга*, платит в казну 600 солидов». Здесь сие имя употреблено, кажется, в смысле *военного человека*, а может быть и *союзника*.

¹⁰² Первый, как говорит Константин в книге о *правлении* (Мемор. Popul. T. II, стр. 982), назывался по-Славянски *Нессуни* (так надобно читать вместо *Эссуни*), то есть, *не спи*; второй *Островуни праг* (островный праг); третий *Геландри*; четвертый *Неасит* (птица неясать, или пеликан); пятый *Вульнипраг* (вольный праг); шестый *Веручи* (*Βερουτζη*, quasi dicas aquae scaturigo [так сказать, водоворот]: *ручей* или *вертящий?*); седьмый *Напрези*; а по-Русски: первый также *Нессуни*, второй *Ульворси*, четвертый *Азифар* ^{30*}, пятый *Баруфорос*, шестый *Леанти*, седьмый *Струвун*. Константин толкует Славянские имена справедливо, кроме третьего и седьмого: *Геландри* не есть *шумный*, а *Напрези* не *малый праг*, как он говорит; первое слово не имеет никакого значения в языке Славянском, а второе может происходить от старинного глагола *прягу* или *связываю*. Вероятно, что сей *малый* водопад не мешал действию парусов, и что его назвали так от крика лодошников: «напрягай или навязывай парусы!» — Баеру казались Русские имена совсем непонятными; но Струбе и Тунман признают их Скандинавскими. 1. *Нессуни* и на сем языке может значить *не спи*: не есть отрицание; *sof* или *suef spi*; розница между Славянским и Норманским именем так мала, что Константин не хотел и заметить ее.— 2. *Ульворси* или *Гульворси* составлено из *гольм*, т. е. остров, и *форс*, т. е. порог: смысл выходит тот же, что и на Славянском.— 3. *Геландри* по-Исландски *шумящий*: вероятно, что переписчики Константиновой книги выгустили Славянское имя сего порога и назвали Норманское Славянским.— 4. ^{31*} *Азифар* или *Азивар* *Aeifar* ^{-31*}, на древнем Немецком языке означает аиста: сие имя (говорит Струбе) находится во всех Голландских лексиконах ^{32*}— (*Ouevaer*) ^{-32*}. Скандинавы, не зная пеликанов в северных странах своих, назвали их аистами.— 5. *Варуфорос* на Скандинавском языке почти тоже, что *вольный праг*: *vag тихий*, *смирный*, а *fors порог*.— 6. *Леанти* происходит от глагола *lain, lein*, *течь сильно* или *кипеть*: что отвечает смыслу имени Славянского *вертящий*.— 7. *Струвун* значит по-Готфски *навязывай*, *Stroup-on* (см. Тунмана *Über einige Gegenstände der Russ. Geschichte* и Струбе *Dissertation sur les anciens Russes*, также Лерберг. *Untersuchungen*, стр. 350 и след. Последний

не соглашается с двумя первыми в некоторых изъяснениях, но согласен в главном).— И так сие важное место в Коистантиновом сочинении доказывает: 1) что около половины X века говорили в России двумя языками, и что 2) Русским назывался Скандинавский, бывший конечно несколько времени в употреблении между нашими Князьями и Вельможами Норманского происхождения, но мало по малу оставленный ими, подобно как Болгары забыли свой язык между Славянами, а Франки между Галлами. Сие ни мало не удивительно: Скандинавы приходили в Россию большею частию без семейств, и женились на Славянках; дети, воспитываемые матерями, должны были знать лучше язык их, нежели отцовский, которому надлежало совсем исчезнуть в третьем или четвертом колене. Однако ж некоторые Скандинавские и Шведские слова донныне остались в языке Русском; на пример: *Besman безмен*, *Grus грус*, и проч.

¹⁰³ В печатн. *Нест.*, стр. 5: «Ляхове же и Пруси и Чудь присеять к морю Варяжскому. Посему же сеять Варяги семо к Вьстоку предела Симова; *по тому же морю сеять* (Варяги) *к Западу до земли Англянския и до Волошския* (Италия): то есть, Шведы к Востоку или пределу Симову, Норвежцы и Датчане к Западу. Далее: «Идоша за море к Варягом к Руси; сице бо ся зваху ти Варязи, яко се друзии зовуться Свие, друзии же Урмяне, Англяне, друзии Готе». Часть Лапландии, которою владели Норвежцы, называлась по-Русски Мурманским Лопорьем. Струбе, в *Dissertation sur les anciens Russes*, пишет, что Финны называют Датчан Йотами.

¹⁰⁴ См. Штритгерovy Мемор. *ropul.* Т. IV, стр. 431, *об имени, отечестве и роде Варягов*.— Англяне, *Angli*, уже известные Тациту в числе Свевских народов, обитали прежде на северных берегах Эльбы, и вместе с Саксонами в V веке овладели Англиею; они, подобно Скандинавам, издревле славились морскими разбоями.

¹⁰⁵ В чем согласны все ученые Историки, кроме Татищева и Ломоносова. Первый хотел непременно сделать Русских Варягов Финляндцами, не думая о том, что сии последние называются в наших летописях Емью (см. выше, примеч. 73); что имена Варяжские, сохраненные Нестором, не Финские, а Скандинавские; что из России, как говорит Нестор, ходили к Варягам по Западной Двине (см. печатн. *Нест.* стр. 7); что они жили на море к *Англии* (*Нест.* стр. 5). Он должен был опровергнуть еще другое возражение: Летописец говорит, что Варяги пришли ^{33*}*из-за моря* ^{-33*}; а Финны и Славяне обитали на одной стороне Бальтийского. Татищев отвечает: «Финны жили за Ладожским озером, которое на их языке называется *(будто бы)* Русским морем: следственно Нестор мст приводит Варягов Русь или Финнов ^{34*}*из-за моря* ^{-34*}!» Так не заключают Историки: ему надлежало бы доказать, что и Славяне имели Ладожское озеро морем; но древняя летопись наша говорит, что сие озеро всегда называлось (*Нест.* стр. 7) *озером Невом*. Для чего он не подумал лучше о Финском заливе? Любопытно знать главную причину, которая заставила Татищева признавать Финнов Варягами-Русью: «В Финляндии есть гора, называемая *Русскою*, и жители имеют по большей части *русые* волосы: следственно Финны суть Руссы» (*История Татищ.* Т. I, стр. 390). Можно ли вообразить, чтобы в земле *Русской* одну гору преимущественно назвали *Русскою*? Что же принадлежит до цвета волос, то и Славяне казались Грекам по большей части русыми (см. Мемор. *ropul.*

II, 29), вопреки Болтину, который, не справясь с известиями современных Византийских Историков, называет древних Славян *черноволосыми*, утверждая тем их мнимое Азиатское происхождение. — В *Степенной Книге* сказано, что Рюрик вышел из Пруссии (см. ниже, примеч. 111): по сему Ломоносов утверждал, что Варяги-Русь были Прусы, то есть, Латыши, единоплеменники Славян: Новгород без великого стыда мог требовать от них Владетелей; гораздо оскорбительнее повиноваться Князьям иноплеменным. К тому же Польские Историки — Длугош, Кромер, Стриковский — нашли знаменитых Римлян между Латышами; следственно Варяги наши могли быть родственниками Цесарей: чем в Герберштейново время уже хвалились Русские: *hosce fratres originem à Romanis traxisse gloriantur Rutheni* [рутены хвалятся, что эти-то братья вели род от римлян] (*Regum Mosc. Com.* стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказывает, что Рюрик именно происходит от Августа! Но если мы захотим соображать Историю с пользою народного тщеславия, то она утратит главное свое достоинство, истину, и будет скучным романом. Собственные имена Варягов не Латышские, не Славянские: следственно они не древние Прусы, не Славяне. Нестор же весьма ясно отличает их от Прусов, говоря (стр. 5): «*Прусь и Чудь приседают к морю Варяжскому; по сему же морю седеят Варязи*».

¹⁰⁶ Сии молчанием Ломоносов хотел опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрик и братья его были Скандинавы; но Шведы и Датчане имеют ли собственную подробную, верную Историю сего времени? Нет: Саксон Грамматик выдумывал, Торфей угадывал, Далин обратил сказки древних о Гетах и Скифах в Шведские летописи! Ссылаемся на благоразумного Маллета, который весьма основательно доказывает ненадежность всех источников древней Скандинавской Истории. Многие смелые предприятия Норманов в VIII и в IX веке известны нам единственно по тому, что память их сохранилась в иностранных летописях, которые служили источником для новейших Историков Скандинавии. Таким образом и Далин, узнав из Нестора о Рюрике, пишет, что сей Князь был Шведский Принц Эрик Бизерсон (Т. I, стр. 410 в Нем. переводе его Истории)! Не считаю за пужное говорить здесь о всех нелепостях ученого Далина, который объявляет нам, что около Рождества Христова большая часть Швеции скрывалась еще под водою; что северная Россия в глубокой древности состояла из одних островов и была Шведскою провинциею от Новгорода до Киева! — Шлецер замечает в своем *Несторе*, что в *Исландских повестях*, *Heitgauds* и *Bose Sage*, упоминается о трех славных Упландских горских разбойниках, которых имена похожи на имя Рюрика, Синеуса и Трувора (*Röerkr, Siggeir, Tuages*), но которые, по сим сказкам, жили не в то время.

¹⁰⁷ Далин замечает, что Стурлезон именует сию область *Sialand*; но сие не доказывает, чтобы она в то же время не называлась и Рос-лагеном. *Sialand* означает вообще приморскую землю. — Далин производит имя Рос-лагена от Шведского глагола *го*, т. е. *грести веслом* (*Schw. Gesch.* I, 306).

¹⁰⁸ Даже и в летописях XIII века Готландцы не именуются у нас Шведами. В Швеции, в Норвегии каждый уголок земли составлял некогда особое Королевство или Графство (см. Далина I, 306). Потому Нестор мог говорить в особенности о Варягах-

Свиях или Шведах, и Варягах-Руси, едва ли знав, что последние вышли из той страны, которая в его время составляла часть общей Державы Шведской.— Тунман, Гаттерер (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлецер признают Рюрика и братьев его Шведами.— По известию Видекинда, описавшего войну Шведскую с Русскими в бедственные времена Лжедмитриев, Архимандрит Киприан, Депутат Новгорода, убеждая Бояр Московских избрать в Цари Шведского Принца Карла, сказал, что и первый Князь наш был из Швеции (см. Шлецер. *Нестора* I, 184): «следственно (заключает Шлецер) в начале XVII века сами Русские были уверены, что Нестор именовал Варягами-Русью Шведов». Но справедливо ли сие обстоятельство? Видекинд мог выдумать его.

¹⁰⁹ См. *Finnisches Lexicon* и Гупелеву *Estische Grammatik*; также Далин. *Gesch. des Reichs. Schw. I*, 306.

¹¹⁰ Т. III, стр. 195: Misit Theophilus Imp. cum eis [Император Феофил отправил с ними] (с послами к Людовику Благочестивому или Добродушному) quosdam, qui se, id est gentem suam *Rhos* vocari dicebant: quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, caussa direxerat: petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate Imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per Imperium suum tutum habere possent: quoniam itinera, per quae ad eum Constantinopolin venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit: quorum adventus causam Imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse *Sueonum*, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo nec ne pervenerint: idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod illius, amore libenter susceperit, ac, si fideles inuenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos: sin alias, una cum missis nostris ad eius praesentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret [неких людей, которые себя, то есть род свой, называли рось. По их словам, они были посланы к императору с дружескими целями их правителем, называемым хаканом. Император Феофил в письме просил, чтобы они могли беспрепятственно получать помощь на всей территории империи, поскольку возвращаются по его воле. Так как пути, которыми они прибыли в Константинополь, лежали через варварские племена, свирепые и дикие, он не желал, чтобы они теми же путями возвращались, рискуя случайно подвергнуться опасности. Император Людовик, тщательно расспросив прибывших, узнал, что они из рода свеонов, и решив, что они скорее разведчики, чем искатели дружбы, счел нужным задержать их у себя, пока доподлинно не узнает, какое из двух предположений верно. Он не преминул сообщить об этом Феофилу и через послов и в письме, и также, в поддержание взаимной любви, предложил, если они окажутся верными, оказать им помощь и дать возможность без опасности вернуться на родину; в противном случае он отправит их к Феофилу со своими послами, чтобы тот сам решил, как следует поступить с такими людьми].

Гакан (Накан) есть собственное, весьма обыкновенное имя Скандинавское (см. Историю Далинову). Сходство его с именем Хакана, которым назывались Цари Козарские, заставило некоторых

думать, что мнимые Послы Русские были Козары: так мыслил не только Болтин, но и Шлецер в своих *Proben Russ. Annal.* Но Козары в конце седьмого века, в осьмом и девятом имели беспрестанное сношение с Константинополем: мог ли Император Феофил говорить о друзьях и союзниках как о народе ему неизвестном? мог ли назвать их чуждым именем и отправить в Германию, чтобы они удобнее возвратились оттуда в землю свою, *сопредельную* с его Таврическими владениями? — Миллер воображал сих Послов Варягами-Русью, которые будто бы еще прежде Рюрика утвердились в Киеве, приезжали оттуда в Константинополь, и называли своего Князя Каганом для того, что сие имя было в великом почтении у Греков. Если бы Миллер видел *Житие Владимира*, характерную рукопись XIII или XV века, хранимую в библиотеке Графа А. И. Мусина-Пушкина, то мог бы доказать, что самые Русские или Киевские Государи именовались Каганами: ибо так называется Владимир в *Житии* его. Однако ж сии послы народа Россов были конечно не из Киева, куда Греческий Император не мог отправить их чрез немецкую землю. Киев принадлежал тогда Козарам: сообщение между ими и Грецією было свободно морем или сухим путем чрез Болгарию: где тут *многие варварские* земли, о которых Феофил говорит в письме своем к Людовику? Но если Послы (что всего вероятнее) приезжали из Швеции, то они в самом деле могли возвратиться в свое отечество чрез Германию удобнее, нежели чрез владения многочисленных Славянских и Финских народов, еще полудиких в IX веке. — Шведы были уже известны при дворе Людовика, который в 829 году сам отправлял к ним посольство (см. Далина).

¹¹¹ В *Степен. Книге* I, 7 и 79: «Рюрик, иже прииде из Варяг... Бе от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется, и егда живяху за морем, Варяги именовашухся». В некоторых списках сокращенного Нестора сказано также: «прииде Рюрик из *Прусс*».

О *Руссе* и *Русне* см. Гарткноха *Alt. und Neu. Preuss.* стр. 9. Имя *Pruzzi* сделалось известно в 997 году: в первый раз употребил его безыменный сочинитель жизни Св. Адальберта (*Acta Borussica* Т. II, стр. 1). Всего вероятнее, что оно произошло от реки Русы или Русны, а не от соседства с Россиею, как многие толковали. Так *Поволожье*м назывались окрестности Волги, *Поморьем* окрестности моря, и проч.; никогда же не бывало *Погреции* или *Почудья* или *Понемечья*.

О переселении Скандинавов в Пруссию см. *Lucas David's Preussische Chronik.* I, стр. 14, 15, 18. Славный Видвут был из числа их, также и Первосвященник Криве или Криво. — Летописцы Пруссские говорят о частых войнах *Россиян* с Прусссами в VI веке (*Lucas Dav. Chr.* 41, 45, 53, 55). Князь первых, союзник Мазовского, именовался Чимбах или Чинбег. Или сии Летописцы смешивают новейшие деяния с древними, или повествование их доказывает, что Россияне прежде Рюриковых времен жили где нибудь в ближайшем соседстве с ^{35*} Прусссами.

О *Прусской* улице в Новгороде см. сей *Истории* Т. II, примеч. 108; и во многих местах *Новгород. Лет.* об ней упоминается.

Географ Равенский, изданный в 1688 году Монахом Першероном, говорит (стр. 140): *Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum, per quam patriam inter ce-*

tera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur *Vistula*, quia nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur *Lutta* [также вблизи океана есть отечество роксолан, свариков, савроматов, через которое, среди прочих, течет самая большая река, называемая Висла, очень бурная при впадении в океан, и река, называемая Лутта] (по мнению Гаттерера *Ritma* или Руca). В другом месте (стр. 293) он пишет, что Северный Океан есть полунощная граница мира, обтекая землю Роксолан, Сарматов, Скифов, Ререфеннов, Скридефеннов и Германию, где обитают Датчане, Саксоны, Фризы. Сей Географ обезображен переписчиками: однако ж достоин внимания, и Лейбниц, изъясняя происхождение Франков, ссылается на его свидетельство.

Летописцы средних веков любили давать народам имена древние, сходные: так и Лука Давид в своей Хронике называет Россиян Роксоланами. Миллер в речи своей о древностях нашего отечества, вместе с Баером признав Варягов Скандинавами, справедливо доказал ошибку тех, которые единственно по сходству имени считают Варягов-Русь *древними* Роксоланами: ибо первые жили на Севере, а другие в окрестностях Азовского моря. Ныне трудно поверить гонению, претерпенному Автором за сию Диссертацию в 1749 году. Академики по Указу судили ее: Ломоносов, Попов, Крашенинников, Струбе, Фишер на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства, и Диссертацию, уже напечатанную, запретили. Наконец Миллер согласился, что Варяги-Русь могли быть Роксолане в смысле Географа Равенского, а не *древние*.

Варяги-Русь, по словам Нестора, были *из-за моря*, а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Балтийского: сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским; так о Любекских и других Немецких кораблях говорится в *Новгород. Лет.*, что они приходили к нам *из-за моря*.

¹¹² И так Бертинские летописи первые упоминают о Россах: по Византийским сделались они известны уже за половину IX века. Хотя Никифор Григора, Писатель XIV века, уверяет, что еще при Дворе Константина Великого один *Росский* Князь был Стольником; однако ж все благоразумные Историки считают сие известие ложным: ибо никто из *древнейших* Византийских Летописцев не говорит до IX века о Россах (см. Штриттеровы *Memoriae populiogum*, Т. II, стр. 956). В описании Антиохийского Собора 363 году упоминается о *Росском* Епископе; но сей Епископ именовался так от города Росса (*Ρωσος*) в Киликии: не оттуда ли был и Стольник Константинов, о котором пишет Никифор? (см. Баер, *Origines Russiae* в *Коммент. Академии*, Т. VIII, стр. 392). Другой город во Фракии назывался Русион.— Многих также ввел в заблуждение Латинский Феофанов переводчик, который из слов *ρουσα χελανδια*, т. е. *красные ладии*, сделал *Russorum chelandia*, т. е. *Русские ладии*: чем хотели доказать мнимую известность народа Русского в Греции около 774 году (см. Штр. *Memoriae* Т. II, стр. 957).

¹¹³ Говорить ли о мнимом происхождении Русских от Роса, о котором будто бы упоминается в главе 38 и 39 Пророка Иезекииля? Татищев уже доказал сию ошибку: Еврейское слово *Рос* означает *главу* или *начальника*; оно не есть собственное имя ^{36*}. Некоторые Византийские Писатели также произвели Руссов от Рос-

са, какого-то знаменитого мужа, будто бы избавившего сограждан от ига тиранов (см. Штритт. Мемор. popul. Т. II, стр. 939).

Мы должны упомянуть здесь о Dissertation sur les anciens Russes, сочинения Г. Струбе, в коем он силится доказывать, что Несторовы Варяги-Русь были Готфы Роксолане, будто бы жившие между Бальтийским и Ледовитым морем, в земле, которая в Исландских сказках именуется Ризаландиею, Risaland или *страною Великанов*. Струбе говорит, что Роксолане, по Географии Страбоновой, обитали в самой глубине Севера! Можно ли Академику таким образом изъяснять Страбона, не имевшего идеи о Северной Европе? Сей Географ сам признается, что ему известны только земли Черноморские, а Германия до реки Эльбы; что описания Севера основаны единственно на догадках, и никто не знает, есть ли народы между Восточными Германцами и Океаном (an aliud genus hominum orientalibus Germanis et Oceano sit interjectum: см. Страбон. Geograph. стр. 452). Роксолане, по его словам, жили *севернее Атмонов, Сидонян, Певков*, и кочевали летом между реками Доном и Днепром, а зимою в окрестных болотах Азовского моря (кн. VII, стр. 471, 472): Peucini, qui insulam Istri Peucen occuparunt, et Roxolani maxime septentrionales, qui campos inter Tanain et Borysthenem incolunt... Ныне in paludibus Moeotidi propinquis, aestate etiam in campis [певки, которые занимали остров Певк на Дунае, и роксоланы самые северные, которые живут в степях между Доном и Днепром... Зимой — в ближайших Меотийских болотах, летом же в степях]. Как еще далеко отсюда Ледовитое море! Ризаландия, земля Великанов, или Йотунгейм, принадлежит к баснословию Исландскому: там обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища (см. Samsonfagre Saga) или, как воображает Далин, древние Готфы, которые, будучи велики ростом, прозвались Великанами (см. его Gesch. des R. Schw. I, 61).

¹¹⁴ Штриттер в своей Российской Истории пишет, что Славяне в 859 году изгнали Варягов: так сказано единственно в *Никонов. Лет.*; но во всех древних списках Нестора: «в лето 6367 (то есть, в 859 году) *имаху дань Варяги из заморья*». Славяне отказались платить сию дань уже в следующие годы. Слова Несторовы: «в лето 6368, 6369, 6370, *быша Варяги из заморья, и не даша им дани, и почаша сами себе володети*». Откуда взял Штриттер, что Варяги, обложив данию Славян, «частью возвратились домой, частью остались в земле побежденных, чтобы властвовать над ними?»

¹¹⁵ «Имаху бо обычаи свои и закон отцев своих», говорит Летописец.

¹¹⁶ Гаттерер думает, что Норманы овладели Россиею при Короле Иваре Видфадме, который в конце VI века (по летосчислению Торфееву, а по Далинову уже в VIII) соединил Данию со Швециею; завоевал часть Саксонии, Нортумберланд в южной Британнии и *многие земли* на восточных берегах Бальтийских (см. Гаттер. Allgem. Weltgeschichte). Миллер приписывает сие завоевание потомку его, славному Рангару Лодброку, современнику Карла Великого (см. Мил. Origines gentis et nominis Russozum), а Тунман Эрику Рефильсону, умершему в 852 году (см. Тун. сочинение Über einige Gegenstände der Russ. Gesch.).

¹¹⁷ См. в печатном *Несторе* о изобретении Славянских письмен, стр. 21.

¹¹⁸ В древнем *Пушкин*, и во многих других полных списках Не-

стора сказано: «Наченшу Михаилу царствовати, начаша прозыва-
тися Русьская земля. О сем бо уведехом, яко при сем Царе прихо-
диша Русь на Царьгород, яко пишется в летописаньи Гречестем.
Тем же отसेде почнем и числа положим».

¹¹⁹ См. ниже, примеч. 260.

¹²⁰ Того, разумею, которое относится собственно к нашим внут-
ренним происшествиям: не говорю о Византийском, иногда явно не-
справедливым в показаниях Нестора; не говорю также о противоре-
чии в годах, о ложных соображениях *Никонов. Летописца, Архан-
гельского* и других новых. Шлецер думает, что Государство Россий-
ское основалось в *середине IX века* (см. его Nestor, Ч. III, стр. 12):
может быть; но как *доказать*, что древний Летописец ошибся, и что
Юрик пришел ранее 862 года?

¹²¹ Мемог. popul. II, 29. Некоторые пишут, что Славяне омы-
вались три раза во всю жизнь свою: в день рождения, женидьбы и
смерти (см. в Раичевой *Истории Славян. народов* кн. I, гл. V).

¹²² Мемог. popul. Т. II, стр. 28—29, и Маврик. *Strategicum*
Упсальского издания, кн. II, гл. 5. Император Маврикий сочинил
XII книг о военном искусстве, изданных Шеффером в 1664 году:
для нас всего любопытнее в них описание Славянских нравов, ко-
торое читатель найдет в Масков. *Gesch. der Deutschen*, Т. II, в при-
меч. стр. 211, 212. ^{37*} — Император Лев Мудрый в своей *Тактике*
повторяет сказания Маврикиевы о Славянах ^{-37*}.

¹²³ Выше, стр. 44

¹²⁴ Мемог. popul. II, 36.

¹²⁵ См. Маврик. *Strateg.* — кн. II, гл. 5. — Тацита о Венедах,
Прокопия в Мемог. popul. II, 29, 33, и Фредегария *Chron.* гл. 48.
Маврикий пишет, что яд, коим Славяне намазывали стрелы, был
весьма действителен и мог заразить все тело уязвленного, ежели не
давали ему принять Фериака, либо других лекарств, или не выре-
зывали мяса вокруг раны. — Луки у Славян были деревянные.
Ни Прокопий, ни Маврикий не говорят о мечях; но предки наши без
сомнения употребляли их, ибо Лавритас, вождь Славянский, в от-
вет Аварскому послу сказал: «никто не покорит нас, доколе будут
война и мечи в свете» (см. выше, стр. 43).

¹²⁶ См. выше, стр. 43

¹²⁷ См. в Мемог. popul. II, 34, 43.

¹²⁸ *Vita S. Severini*; гл. II — в Гебгарди *Gesch. der Wenden*,
Т. I, стр. 12. Греческие поселяне называли их *Скамарами*. Добнер
думает, что сие имя есть Славянское и происходит от слова *кама*,
означающего *яму* или *пещеру*.

¹²⁹ Мемог. popul. II, 37. Славяне сажали пленников на кол, за-
пирали в хлвы и сжигали вместе с скотом, которого не могли увес-
ти с собою.

¹³⁰ Мемог. popul. Т. II, стр. 59.

¹³¹ Маврикий говорит, что они скрывают свое имя как
воры. — Поморяне (пишет Гельмольд), отправляясь на войну, также
зарывали все драгоценное в землю. И в наши времена нигде простые
люди не говорят столько о *кладах* и тайных сокровищах, как в
землях Славянских.

¹³² Слова Прокопиевы: *ingenium ipsis nec malignum, nec fra-
udulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos in multis retinent*
[нрав их не злобен и не лукав, во многом они с простотою сохраняют
гуннские обычаи]. Маврикиевы: *Qui sunt in captivitate apud eos,*

non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici [те, кто находится в плену у них, не навсегда, как у других народов, остаются в рабстве, но для них определяется точный срок, и они сами решают, вернуться ли к своим, заплатив выкуп, или остаться у славян жить свободными и друзьями].

¹³³ Адам Бременский: Moribus et hospitalitate — ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri [обычаями и гостеприимством — никакой народ не мог бы быть честнее и радушнее] (кн. II, гл. 12). Маврикий: Sunt quoque aduersus peregrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per uncuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum [также и к иноплеменцам они радушны и старательно охраняют их, невредимыми проводят, куда тем нужно, так что, если из-за небрежения того, кто должен охранять гостя, случится, что чужой понесет ущерб, с тем начинается войну его сосед, ибо считает справедливым отомстить за иноплеменца].

¹³⁴ Козма Прагский в Менкен. Script. rer. Germ. I, 1970, и Vita Ottonis, стр. 690. Далее см. Гельмольда Chron. Slavorum, кн. I, гл. 83.

¹³⁵ См. выше, стр. 37.

¹³⁶ См. Маврик. Strateg. Св. Воиифатий, живший в половине VIII века, в письме своем к Королю Английскому так говорит о Немедких Славянах или Вендах: Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo [венды, худший и отвратительнейший из всех народов, хранят взаимную любовь с такою супружескою ревностью, что жена после смерти мужа отказывается жить, и достойнейшей похвалы считается та женщина, которая убила себя своею рукой, чтобы сгореть на одном костре с мужем]. См. Abhandl. Böhmischer Gesellsch. Ч. III, стр. 158; также Дитмара Chron. стр. 419, и Д. Антона Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. стр. 125. Г. Добровский (Abhandl. der Böhm. Gesellsch. год 1787, стр. 159) находит в имени *свадьбы* и *свата* доказательство, что Славяне отменно уважали брак: ибо сии имена, как он думает, происходят от *святости*. Доктор Антон оспаривает мнение Добровского, и толкует, что *сват* есть *свидетель*. Оба не правы. *Свататься* значило прежде *сговариваться, соглашаться*: так в Нестор. летописи сказано (в печатн. стр. 123): «Изяслав *сватается* со Всеславом, мысля на *наю*» (нас двух). — Прелюбодеяние наказывалось у Польских Славян весьма жестоко. Виновному отдавали на выбор, быть евнухом или умереть (см. Дитм. Chron. кн. VIII в начале).

¹³⁷ См. Abhandlung von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden, Гебгарди в Geschichte der Slaven, Т. I, стр. 8, и Аптона Versuch, стр. 127. Вено означало у древних Славян плату, которую жених давал за невесту отцу или сродникам ее.

¹³⁸ Memor. popul. II, 72.

¹³⁹ Антон Versuch, стр. 54.

¹⁴⁰ Vita S. Ottonis, стр. 682.

¹⁴¹ Гебгарди Gesch. der Wenden, I, 9. Другие народы языческие, Пруссy, Герулы, поступали так же (см. Гарткнох. Antiqu. Pruss. Dissert. XIII, стр. 188, и Масков. Geschichte der Deutschen, кн. XI, гл. 24). Вообще находим великое сходство между нравами Славян и народов Германских.

¹⁴² Chron. Slavorum, в издан. Лиденброг. стр. 202.

¹⁴³ См. печат. Нестора, стр. 12. Увидим после, что и Князья Российские дозволяли себе многоженство. Козма Прагский говорит, что древние Богемцы, подобно нашим Северянам, Радмичам и Вятичам, не знали брака.

¹⁴⁴ В точности ли справедливо сие описание нравов? Не излишне ли Нестор хвалит Киевлян, между которыми он сам жил? Не излишне ли чернит других Славян, может быть, для того, что они и в его время не хотели еще совсем оставить идолопоклонства? О свойстве же Новгородцев, отдаленных от Киева, не говорит ни слова: видно, что их древние обычаи и предания были ему мало известны.— О жилищах Славян см. в Memor. popul. II, 29. Иорнауд (de reb. Get. стр. 85): hi paludes sylvasque pro civitatibus habent [вместо городов у них болота и леса]. Древнее Славянское обыкновение, зарывать хлеб в землю, доныне существует в Молдавии и Валахии. См. выше, примеч. 131.

¹⁴⁵ Маврикий: Abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium quae comportant in cumulum; praecipue vero milii (просо) et panici (гречиха?) [У них множество зверей всякого рода и плодов земли, которые они собирают в груды, особенно просо и гречиху] (см. Плин. Н. Н. XVIII, 7).

¹⁴⁶ См. Гебгарди Gesch. der Slaven T. I, стр. 42. После будем говорить о сходстве многих Латинских и Славянских слов.

¹⁴⁷ См. выше, примеч. 134.— Mem. popul. II, 29, и Гельмольд. Chron. Slavog. кн. I, гл. 83. Древние Латыши и северные Немцы также любили мед. Вульфстан, который жил во время Английского Короля Альфреда, т. е. в IX веке, говорит, что Пруссия изобилует пчеловодством; что самые бедные люди пьют мед, а богатые кобылье молоко (см. Форстер. Entdeckungen in Norden стр. 99).— Эдда называет Miöd божественным питьем. Жители Дакии в V веке, по словам Приска, употребляли вместо вина Мёдоу (Memor. popul. I, 504). Сие имя не есть только Славянское, как некоторые думали: на древнем языке Греческом Μέθυ значит пьянство, Μέθo чистое вино, Μέθoδoтiс Бахус.

¹⁴⁸ Memor. popul. II, 29, и в Машев. Alterthümer der Obotriten изображение 16 и 20.

¹⁴⁹ Гебг. Gesch. der W. u. der Slav. T. I. стр. 44—45.

¹⁵⁰ Адам Бременский называет сей город Юлином, а Гельмольд Виннегою (см. первого Hist. Eccl. стр. 19 и Chron. Slav. второго, кн. I, гл. 2). Баер думал, что имя Юлина есть описка (см. Шлецер. Nordische Geschichte. стр. 505); но многие утверждали, что оно происходит от Юлия Цесаря, так же как Волгаст значит Iulia-Augusta, а Демина Domina mundi [Госпожа вселенной] (см. Вандалию Альберта Кранца кн. II, гл. 33). Ни Юлий Цесарь, ни Римские войска никогда в сих местах не бывали.

¹⁵¹ Гебгарди Gesch. der Slaven T. I, стр. 45.— Мы не имеем никаких известий о торговле Славян Российских до времен Рюриковых.

¹⁵² Vita S. Ottonis, в описании Славянских храмов в Штетине,

и Бекман. Beschreibung der Mark Brandenburg стр. 392 и 398. Карл Великий оставил, чтобы никто не смел в Германии продавать оружия Славянам (*Гегбарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 45*): «следственно — говорят некоторые — они не умели сами делать его». Заключение не весьма убедительное. Англичане, ведя войну с Французами, не хотят, чтобы Шведы или Немцы возили морем оружие в Руан или в Брест; но у Французов есть Версальская фабрика и другие.

¹⁵³ См. Тунмана Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotriten стр. 262. Многие Немецкие слова рудокопного искусства могут быть изъяснены только Славянскими. Тунман заключает, что Немцы заимствовали оное от Богемских Вендов.

¹⁵⁴ См. Hofpredigers Masch Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten и Voyage en Basse Saxe Графа Потоцкого. Сии любопытные древности хранились в Раецбургской библиотеке и в Нейбранденбурге ^{38*} — в Шпонгольцском кабинете ^{38*}. См. также Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, T. II, стр. 376.

¹⁵⁵ Гельмольд в Chron. Slavorum: casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias [они сплетают хижины из ветвей, делая это только для защиты от бурь и дождей]. О городах и храмах Гегбарди в Gesch. der Slav. T. I, стр. 41, и Vita S. Ottonis, стр. 680.

¹⁵⁶ См. выше, стр. 44. Доктор Антон толкует, что имя *гусли* происходит от *гусля*! См. его Erste Linien стр. 142—146. Между Славянскими древностями нашли изображение воина, играющего на вольтке (см. Маш. Gottesdienstl. Alterthümer der Obotriten).

¹⁵⁷ Мемор. popul. II, 61. Прокопий называет сии песни Аварскими единственно для того, что Греки считали Аваров и Славян как бы за один народ. См. еще Гегбарди в Gesch. der Slav. T. I, стр. 6.

¹⁵⁸ Д. Антона Versuch etc. стр. 33 и 143, Гегбарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 7, и Vita S. Ottonis (см. ниже).

¹⁵⁹ Я выписал сии древние *Русские* имена из харатейного Евангелия 1144 года (см. ниже, примеч. 529): они употреблялись всеми племенами Славянскими, с некоторою разностию по климатам. Вот Малороссийские и Польские для сравнения:

	Малорос.	Польск.
Генварь	Сечень	^{39*} Styczeń.
Февраль	Лютый	Luty.
Март	Березозоль	Marzec.
Апрель	Цветань	Kwiecień.
Май	Травень	May.
Июнь	Червец	Czerwiec.
Июль	Липец	Lipiec.
Август	Серпень	Sierpień.
Сентябрь	Вресень	Wrzesień.
Октябрь	Паздерник	Pazdziernik.
Ноябрь	Листопад	Listopad.
Декабрь	Студень	Grudzień ^{33*} , 40*.

^{41*} Добровский (Slovanka, стр. 71) изъясняет, что *Просинец* есть Beth-Monath, от глагола *просить*! Он не вспомнил о *проге*, коим издревле питались Славяне: это было бы вероятнее. — *Сечень* от

секу: или в смысле жестоких морозов, которые еще бывают у нас в Феврале, или Славяне что нибудь *секали, рубили* в сем месяце. — У нас есть слово *подзол* от *зола*: думаю, что Славяне жгли *березовую золу* для щелока в Апреле ^{42*}. — Г. Калайдович, служащий в Москов. Архиве Иностран. Коллегии, по своей благосклонности сообщил мне следующее о месяце *Изоке*: «Сие имя дано ему, как вероятно, от певчей птицы, которая, может быть, появляется в Июне: доказательство отыскано мною в Шестодневе Василия Великого, книге переведенной, думаю, Иоанном Экзархом Болгарским в конце IX или в начале X века: она поднесена Князю Болгарскому Симеону, и списана в Сербском монастыре Преображения на Афонской горе, в 1263 году, при Сербском Короле Стефане Уроше. Сочинитель предисловия, описывая красоты весны и лета, говорит о соловьях, соях, иволгах, желнях, шурах, ласточках, скворцах, *изоках*, таким образом: *Егда же видим в годы часы приступающе и дождь земли даемь и сию растуцу и тревою (травую) покрываему и нивы, волнующеся дубравы и обростше горы и обродивша овоца, пустим на хвалу язык (язык); рѣцем с блаженным Давидом и с тем въспоим, рекуще, яко возвеличишася дела Твоя, Господи; вси премудростию сътвори. Егда слышим песнивые птице, различными гласы поюще песни красны: славие же поюще, косы же и сое, влѣгы и жлѣны, щоры же и изокы, ластовицы же и сквораньце, и ины птице», и проч. Теперь остается нам узнать, какая именно птица называлась *изоком* ^{43*}. — В первом издании сей *Истории* я сказал, что *Рюен*, как дождливый месяц, мог быть так назван от глагола *рюмьтв*, *плакать, слезить*: мы обыкновенно воображаем Сентябрь печальным и говорим в пословицу: *смотреть Сентябрьем*. Но изъяснение Г. Добровского, от глагола *реву*, не вероятнее ли? «Тогда, пишет он (*Slovanka* 72), бывают олени в течке, бегаются и *ревут*». В Сентябре *ревут* и другие звери; *ревут* и ветры. В старом переводе одной Византийской летописи, находящейся в Императорской публичной Библиотеке, Автор, описывая царствование Михаила Дуки, говорит: «По сих же проседошася нашествия варварская, и паки дохнувша *вихри* отвсюду и шумы воспущаху и *руяния* творяху; не бяше бо корабника, на сих помогающаго». *Руяние* близко к *Рюену*. — В нашей древнейшей летописи (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 182): «пойдоша на колех, *А по грудну* пути: бе бо месяц *Груден*» (следственно в *России* употреблялись сии древние названия месяцев). Союз *А* означает всегда какую-то противность, или чрезвычайность; не лзя сказать: «ехали на колесах, *а по земле*»; но можно: «ехали на колесах, *а по снегу*». Вероятно, что *грудный* назывался первый зимний путь, еще мало-снежный, шероховатый, бойкий: ибо в летописи XVI века (см. Т. VIII, примеч. 504) сказано: «а зима была гола, и ход конем был нужно *грудовато*». Не Южные, но Северные Славяне могли так именовать месяцы. Богемцы назвали *Груднем* Генварь, а после Февраль (см. *Slovanka* 72) ^{-41*}.*

¹⁶⁰ Memor. popul. II, 28. Маврикий говорит: *neminem ferant imperantem* [не терпят никакого правителя].

¹⁶¹ Вот причина великого к ним уважения во времена глубокой древности, когда письмо и типографии были неизвестны! Ныне учатся из книг; а прежде учились только у старцев: они давали советы, и лучше других могли удовлетворять самому любопытству.

¹⁶² Византийские Летописцы говорят, что Баян в конце VI века опустошал и жег селения Дунайских Славян (Мемог. popul. II, 48).

¹⁶³ Шурцфлейш de rebus Slavicis 468.

¹⁶⁴ См. выше, стр. 43—44, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 49.

¹⁶⁵ Гельмольд в Chron. Slavor. (кн. I, гл. 16) пишет, что Мекленбургский Князь Мистивой, в 1013 году оскорбленный Саксонским Герцогом, собрал в Ретре старейшин из всех областей Славянских, и требовал от них мести. См. Chron. Дитмара Мерзебургского (писавшего в самом начале XI века) кн. VI, Мама Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit. и Тунмана рассуждение о сем предмете.

¹⁶⁶ Козма Прагский, кн. I, стр. 1972, в изд. Менкен.

¹⁶⁷ Паган, Владетель Болгарский, приходил к Императору с своими *Бойлядами* (Μετα των Βοιλαδων αυτου); сим именем означались без сомнения Бояре. Никифор Патриарх толкует, что оно знаменовало Вельможу или начальника (Мемог. popul. II, 525).—^{44*} В древнейших списках Нестора везде стоит *Бояре*: но в *Сборнике*, не давно найденном в Воскресенском монастыре и писанном в 1073 году для В. К. Святослава (см. Т. II, примеч. 132) два раза встречается имя *Бояр*: так писали у нас и в новейшие времена, производя его от слова *большой*, *более* (но не от глагола *болеть*, как некоторые толкуют) ^{-44*}. — ^{45*} О Воеводе ^{-45*} см. Гебгарди Gesch. der Slav. I, 52. Немецкое слово Герцог и Латинское Дух имеют тот же смысл и тоже происхождение.— Польский Воевода был предводителем Дворян на войне, а в мирное время начальствовал в их собраниях и в судах. Воеводы Российские имели также воинскую и судебную власть.

¹⁶⁸ Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди в Gesch. der Slav. Т. I, стр. 52, ^{46*} Добровский (Slovanka 219) производит Князя от слова *кон*, в смысле *начала*, как у Греков Ἄρχων произошел от ἀρχή ^{-46*}.— В Лаузице из учтивости называют всякого *Князем*, т. е. господином, хозяйку *Княгиней*, а Священника *Князем духовным* (см. Шлецер. Russische Annalen Ч. I, стр. 174).

¹⁶⁹ Мемог. popul. Т. II, стр. 395.— Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 52, и Добнер ad Hagesium Т. II, стр. 56. Поляки говорят: *Пан Бог*, так же, как мы говорим *Господь-Бог*. *Наш Пан* есть Христос.

¹⁷⁰ Мемог. popul. Т. II, стр. 89 и 395. Константин говорит всегда *Жупаны-старейшины*, οἱ γερωντες, senes. Иоанн Луций пишет, что сие имя происходит от древнего слова Zupa, которое означало *народ* или *населенную страну*: Zupania a Zupa deducitur, quod populum vel regionem aliquam populatam significat (см. ego de regno Dalm. et Croat. кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазий Добнер не верит его толкованию: nam meo quidem iudicio contrarium prorsus sentiendum est, Zupasque seu *Zupanias à Zupanis* nomen suum traxisse, nam qua radice Slavica id oriatur, ut Zupa habitata terram significet, nusquam reperio [по моему же мнению, следует считать наоборот,— и Жупа, и Жупания произошли от жупанов, ведь от какого славянского корня происходит, что Жупа означает обитаемую землю, я совершенно не знаю] (в примеч. на Гагек. летопись, Ч. II). Но в *Уставе* Стефана, Царя Сербского, сочиненном в 1349 ^{47*} году, действительно употреблено слова *Жупа* в смысле *жительства* или *селения*. В статье 54, о *смертоубийстве*, сказано так: «Аще бьет Властелин Себра у граду или у *жупы*» (см. Раичеву *Историю Славянск. народов*, IV, 242 и 255). Собственное Добнерово изъяснение, что Zupan есть *сопан* или *товарищ Панов* совсем несправедливо: ибо Славяне говорили и

писали *Жупан*. Дурих (Bibliotheca Slavica T. I, 125) видел одно весьма древнее Славянское Евангелие, на котором подписано: *аз Жупан Ханъшь Бегнер от Брашев* (т. е. из Брасковии, Трансильванского города Кронштата) *написах сию книгу четвероблаговестие*. В нашей Кормчей Книге, гл. 46, сказано: *довлет бо Жупаном часть Княжа*. Сим опровергается и мнение Д. Антона, что *Zupan* есть *Судпан* или *Пан судящий*. Греческие и Латинские Историки, не имея в своей азбуке Ж, писали *Σουπανος, Zupanus*. — На Польском языке *Zura* значит *соляную варницу, соляной анбар и рудокопню; Zupan полукафтанье*.

¹⁷¹ Гебгарди в *Gesch. der Slav. T. I, стр. 52—57*. В XI веке начальствовали в Боснии два Жупана, а другие слабейшие Князья не смели так именоваться. Король Далматский Мунимир в 892 году пожаловал главных своих придворных чиновников в Жупаны. В XI и XII веке самые Короли Славянские в Сервии и Далмации гордились именем *Великих Жупанов*.

¹⁷² Д. Антон *Versuch etc. стр. 90*. Другие утверждают, что слово *Краль* произошло от имени Карла Великого (см. в *Neuern Abhandl. der Böhm. Gesellsch. der Wissenschaft. Dobrovsk. Историю Богемск. языка, Т. I, стр. 324*). На языке Арменском *Король* есть *сильный, могущественный* (Bibliotheca Slavica T. I, стр. 302).

¹⁷³ Гебг. *Gesch. der Slav. I, 53, 54*.

¹⁷⁴ Шреттер. III *Abhandlung aus dem Österreichischen Staatsrechte стр. 116*, и Гебгард. I, 54. История сохранила нам пример еще страннейшего обыкновения в Богемии: Король, отправляясь к Немецкому Императору, мог на пути своем жечь деревни (Добнер. *Monumenta Historica Boemiae IV, 54*, и Гебгарди *Gesch. der Slav. I, 54*).

¹⁷⁵ Гебг. *Gesch. der Slav. T. I, стр. 54*.

¹⁷⁶ Гельмольд. *Chron. Slav. кн. I, гл. 84, стр. 68*; также *Vita S. Ottonis стр. 670*. Имя *Прова* значило *правый* или *права*.

¹⁷⁷ См. Саксон. Граммат. *Hist. Dan. стр. 291*, изд. 1644 года, и Дитм. Мерзебург. *Chron. кн. VI*. Обряд класть оружие и золото, при заключении мира, к ногам идолов, был соблюдаем Российскими Славянами (см. в сей *Истории* описание времен Игоря I).

¹⁷⁸ Гебгарди *Gesch. der Slav. T. I, стр. 57*. Сня дань называлась в землях Немецких Славян *Воеводскою трагою*.

¹⁷⁹ См. *Нест. стр. 11, 12*, и Прокопия в *Memor. popul. II, 28*.

¹⁸⁰ См. выше, примеч. 167. — Увидим после, что Древляне до самого Святослава — вероятно, и гораздо прежде Рюрика — имели собственных Князей.

¹⁸¹ Прокопий в *Memor. popul. T. II, стр. 28: unum enim Deum fulguris effectorem, Dominum hujus universitatis solum, agnoscunt* [они признают одного бога, творца молнии, единым господином этой вселенной].

¹⁸² *Fatum minime norunt, ne dum illi in mortales aliquam vim attribuant* [судьбы они не признают вовсе, и считают, что у нее нет никакой власти над людьми] (*Memor. popul. T. II, стр. 28*). — Ломоносов (а за ним и Леклерк), основываясь на понятии Славян о божественности рек, думал, что самое имя Вышнего Существа, Бога, происходит от Буга: мысль совсем невероятная! Славяне поклонялись Творцу и Мироправителю без сомнения гораздо прежде, нежели рекам; и самые дикие народы искали *главных* богов своих на небесах, выше солнца и звезд, а не в воде и не между рыбами.

— Доктор Антон производит имя Бога от глагола *бегу*, воображая, что движение тел небесных сообщило как Грекам ($\Theta\epsilon\omicron\varsigma$ *Бог*, $\Theta\epsilon\omicron$ *бегу*), так и Славянам первое понятие о высшем Существо. Другие утверждают, что название Бог имеет смысл *богатого, обогащающего* (см. *Кутейнский Лексикон* 1653 года, стр. 245). Толкования бесполезные и ни мало не убедительные! Никто не изъяснит нам, для чего древние Славяне называли Мироправителя Богом, Греки $\Theta\epsilon\omicron\varsigma$, Немцы *Gott* и проч. Мы знаем имя Его на 200 языках: одно Монгльское, *Бурхан*, имеет некоторое сходство с Славянским именем Бога (см. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa*, или *Сравнительные словари всех языков*, напечатанные в С. Петербурге).

¹⁸³ Гебг. *Gesch. der Wend. u. d. Slav.* Т. I, стр. 23.

¹⁸⁴ Гельмольд. *Chron. Slav.* кн. I, гл. 84. См. также Гебгарди *Gesch. der Slav.* 21, 24. Славяне и всех добрых богов именовали *Бельми*.

¹⁸⁵ Гельм. в *Chron.* кн. I, гл. 53: *malum deum sua lingua Diaboli sive Zserneboch, id est nigrum deum, appellant* [злого бога на их языке называют Дьявол или Чернобог, то есть черный бог]. Имя *черта*, которым Христианские Славяне называли Дьявола, произошло, думаю, от Чернобога. В Верхнем Лаузице есть гора именуемая *Чернебог*; а в Сербии был городок *Чернобожский*. См. Ант. *Versuch*, стр. 52, Маша и Тунмана *von den Alterthüm. der Obotriten*, 305, I Соборное Послание Св. Апостола Петра гл. 5, ст. 8, и Гебг. в *Gesch. der Slav.* I, 23.

¹⁸⁶ Нестор стр. 33, Д. Антон стр. 146, и Гебг. Т. I, стр. 22.

¹⁸⁷ Гельмольд пишет *Zuantevit*^{48*}, а Саксон Грамматик *Svan-tovitus*^{49*}. Некоторые, считая сего идола Славянского Фебом, думают, что надобно писать *Световид*; но вероятнее, что кумир его назывался *Святовидом*, то есть, *святым образом*. См. Лудевиг. *de Idolis Savorum* in *Opusc. miscell.* Т. II, Сакс. Граммат. *Hist. Dan.* гл. XIV, стр. 320—321, Гельмольда кн. II, гл. 12, стр. 89—90, и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 25 в примечании^{50*}.

¹⁸⁸ См. Русской перевод его, стр. 66.— Св. Мученик Вит жил во время Диоклитяново, а Монахи Корбейские проповедывали Христианство на острове Рюгене в царствование Императора Людовика Благочестивого. Святовидово идолопоклонство началось бы только в IX веке, если б сказание Гельмольда и Саксона было справедливо.

¹⁸⁹ Сакс. Грам. *Hist. Dan.* кн. XIV, стр. 327. *Dignum numen, говорит он, cujus effigies tam deformiter à volucris foedaretur!* [Достойный бог, изображение которого столь безобразно осквернено птицами!] Тунман думал, что Рюгенский Поревит был Перун наших Славян, и что он же назывался как Святовидом, так и Ругевитом, но различные изображения сих идолов противоречат сему мнению. См. Гебг. Т. I, стр. 27. Некоторые считают Поренута богом беременных женщин.

¹⁹⁰ См. Маша *Über die Alterthüm. der Obotriten* и *Pottock. Voyage en Saxe*. На медной бляхе, хранящейся вместе с другими Славянскими древностями в^{51*} Шпонгольдском Кабинете^{51*}, изображен Радегаст и жертвенник, на котором лежит отрубленная голова: Г. Маш считает ее головою Мекленбургского Епископа Иоанна, принесенного в жертву Радегасту.— Адам и Гельмольд пишут: *simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus* [идол его из золота, а ложе — из пурпура]. Первый о храме Упсальском: *totum auro paratum* (*De situ Daniae*, стр. 143).

¹⁹¹ В городе Саксен-Лауенбургского Герцогства, которое составляло некогда землю Славянских Полабов. См. Гельмольда гл. 53, Маша *Alterthüm. der Obotriten*, Тунмана стр. 274, и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 25.

¹⁹² В странах Бальтийских, около Вислы и гор Карпатских: см. Тунмана *Über die Alterthüm. der Obotriten* стр. 273—274, и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 26.

¹⁹³ См. в *Хронике* Матв. Стриковского о богах Латышских, и Маша *Über die Alterthüm. der Obotriten*.

¹⁹⁴ См. Маша *Alterthüm. der Obotriten* и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 26.

¹⁹⁵ *Vita S. Ottonis*, стр. 479, 495, 502 — и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 27.

¹⁹⁶ В нынешнем Герцогстве Голштейнском. См. Гельмольда гл. 84.

¹⁹⁷ Потоцк. *Voyage en Saxe*, стр. 85, фигур. 12. В противность тому Гельмольд пишет (кн. I, гл. 84), что сей бог никак не изображался у Славян.

¹⁹⁸ См. Маша *Alterthüm. der Obotriten*, Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 28, и Тунмана стр. 316.

¹⁹⁹ См. *Chron.* Дитмара Мерзбургского, стр. 417. Я не говорю о *Кроде*, *Флинце* и других мнимых богах Славянских, о которых не находим известия в достоверных Историках.

²⁰⁰ Живут в Далмации. Земля к южной части залива Венецианского, между Истриею и Далмациею, называется собственно Морлахию. См. Д. Антона *Erste Linien etc.* стр. 50.

²⁰¹ Кадлубека, Длугоса, Кромера, Стриковского, Гваньини. Сходство между Греческим или Римским и Славянским баснословием весьма заметно. Стриковский упоминает о матери Кастора и Поллукса, *Греческой Леде*. Некоторые Писатели Россійские, вообразив, что она есть Славянская Венера, догадкою обратили Леля в Купидона, а Полеля в Гименея.

²⁰² Нестор стр. 70. Славянский глагол *перу* значит не только *пру*, но и *бью, ударяю*; валец, которым в мытве колотят белье, для того назывался в старину *пряльником*: следственно имя Перуна означало *бога разящего*. В новейшие времена стали называть Перуном молнию. Стриковский, Гваньини и Сочинитель Синописа говорят, что Киевский Перун стоял на железных ногах, в руке держал камень, на подобие молнии украшенный рубинами и карбункулами; что одежда Перунова была искусно вырезана из дерева; что дубовый костер вечно пылал пред идолом, и если жрецы от нерадения давали огню угаснуть, то наказывались смертию как преступники и враги бога. Не находя сих подробностей в Несторе, сомневаемся включить их в Историю; но можем верить Стриковскому, что древние Латыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перуну*, который знаменовал одно с Перуном Славянским. В Далмации есть лес именуемый *Pigun Dabrove*. Можно заключить, что и Славяне Иллирические обожали Перуна (см. Д. Антона *Versuch*, стр. 49) ^{52*}.

²⁰³ Так они названы в древнейших списках Нестора, в *Пушкин*. и *Троицк. Стрибог*, кажется, был Славянским Эолом. В древнем *Слове о полку Игореве* сказано: *се ветри, Стрибожи внуци, ветот с моря стрелами на полкы Игоревы*. Народ Русский признает Св. Вла-

сия покровителем стад: не для того ли, что его имя сходно с Волосовым?

²⁰⁴ См. также Минею 15 июля, в житии Владимира, и в рукописном так называемом *Новгород. Летописце по 1717 год* (хранящемся в Архиве Иностранной Коллегии) главу *о идолех*.

²⁰⁵ См. Стриковского в описании Литовских идолов. Имя сего бога напоминает слова *лад* и *ладить*: в старинных Русских песнях *ладо* значит мужа; на пример: *у меня ладо змея скоропея*, и проч. В *Слове о полку Игореве* Ярославна называет супруга *ладою*, стр. 38 и 39.

²⁰⁶ Он пишет: *Греки*; но Бангерт и Гарткнох доказали, что Адам называет так Русских (см. в Комментар. нашей Академии Баерову Geograph. Russ. ex Script. Sept. T. X, стр. 371, или Шлец. Nord. Gesch. стр. 495).

²⁰⁷ См. Кантемирово описание Молдавии и Сульцер. Историю Дакии, Т. II, стр. 322.

²⁰⁸ См. Синописис и Ломоносова *Рос. Историю*. В первом сказано, что играющие воспевают имя *Купала*; но мы не знаем ни одной старинной песни, где бы оно упоминалось. Сочинитель брал свои известия из Польских Историков, и говоря о богах Хорсе, Мокше, Спмаргле, ссылается, вместо Нестора, на Стриковского; согласно с ним осуждает также качели, древнюю забаву Славянскую, называя их *Диавольскою сетью*: но забавы язычников не все принадлежали к их Вере. См. еще нашей *Истории* Т. VII, в описании времен Василия Иоанновича, при конце; также *Путешеств.* Академика *Лепехина* Ч. IV, стр. 410, и Раичеву *Историю Славянских народов*, кн. I, гл. 24, стр. 172.

²⁰⁹ Чему я сам несколько раз бывал свидетелем. Песня, которую поют в таком случае, напечатана в *Абевеже Русских суеверий* стр. 224.— Наши святошные игры не имеют связи ни с Римским праздником Януса, в первой день Генваря (когда чиновники Республики, в новой одежде ходили жертвовать в храм Юпитеров), ни с Италианским Карнавалом, который от 7 Генваря продолжается до самого Великого поста ^{53*}.

²¹⁰ Неделя от седмицы Св. Стец до Троицына дня называлась у нас в старину *Русалною* (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 10). Автор Синописиса, ссылаясь только на Кромера и Гваньини, в числе Русских богов называет еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и невесты. В Русских новейших сочинениях о древнем идолопоклонстве наших предков говорится о *Чуре*, Славянском Термине, боине Ладе или Венере, Леле и Полеле, или Купидоне и Гименее, Диде или Антеросе, *Царе морском* или Нептуне, Зимстерле или Флоре, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежат к Истории. Некоторые обратили бога Лада в богиню, а припев *дидис*, т. е. *великий* (см. выше) в Купидона Дида или в Антероса. Чуром именовался в старину ружей; но чтобы Славяне обожали в нем Термина, о том не знаем никакого исторического сведения. О Леле и Полеле упоминает Стриковский и Гваньини, сравнивая их (см. выше) с Кастором и Поллуксом, детьми *Греческой Леды*, а не с Купидоном и Гименеем. Сам Автор Синописиса не причисляет их к *Русским* богам. Хотя Стриковский, основываясь на Длугоше, и говорит, что не только в Литве, но и в России народ величает Леду, мать Кастора и Поллукса, в припеве *Ладо, Ладо*; но его имя, по его же известию (см. выше), означало бога Лада. Разве из одного народного припева *лѣли, люли*,

заклучим, что наши предки боготворили Леля? — Зимстерла вышла, догадкою или ошибкою, из *Семаргла*, о котором пишет Нестор. Мавро-Урбин, зная о Славянском идолослужении единственно то, что говорят Польские Историки, называет сию мнимую богиню *Зимцерлою*. — *Царь морской, чуда морские, Баба-Яга, Волоты* или Великаны, *Полкан* или *Кентавр*, вымышлены Русскими сказочниками, и не относятся к древней Славянской Вере.

²¹¹ Главные идолы были такой величины, что несколько волов не могли сдвинуть их с места (*Vita S. Ottonis* и *Tuim. Über die Alterthüm. der Obotrit.* стр. 293). Но между огромными кумирами в храме Петрском стояли и маленькие, литые, на тронах или круглых подножиях, и каждый имел свои особенные жертвенные орудия. См. Маша и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 29.

²¹² Козма Прагский в Менкен. издании Т. I, стр. 2074, и *Vita S. Ottonis*, 680. В последней сказано: *Erat praeterea ibi (в Штетине) quercus ingens et frondosa, et fons subter eam amoenissimus, quam plebs simplex numinis alicuius inhabitatione sacram aestimans, magna veneratione colebat* [кроме того, там (...) был огромный густолиственный дуб, и под ним прелестнейший источник, который простой народ очень почитал, считая его священным как обиталище некоего божества].

²¹³ См. *Chron. Дитм.* кн. VI.

²¹⁴ В рукописном *Житии Муромского благоверного Князя Константина Святославича*, которое хранится в библиотеке Графа А. И. Мусина-Пушкина, и в котором многие места отмечены рукою Екатерины Великой, именно сказано, что наши язычники приносили жертвы (*требы кладуще*) озерам и рекам. Впрочем сие *Житие*, равно как и печатное (см. Пролог, Мая 21) писано не ранее XVI ^{54*} века (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 153). Далее в *Житии Константина* говорится о Русских язычниках: «очныя ради немощи (в кладезях) умывающесея, и сребреницы в ня повергающе». И ныне в некоторых местах России поселяне делают тоже (что я видел собственными глазами). См. еще Синописис, Рос. Историю Ломоносова и Раича, который описывает такие же обыкновения у Сербов.

²¹⁵ Гельм. в *Chron. Slav.* кн. I, гл. 84, и *Vita S. Ottonis*. Сочинитель именует сие дерево *hastam Julii Caesaris*, *копьем Юлия Цезаря*.

²¹⁶ В рукописном *Житии Муром. Князя Константина*: «дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе, и сим покланяющесея», и проч.

²¹⁷ *Мемог. ropul.* Т. II, стр. 984. Сей остров Св. Григория должен быть Хортица.

²¹⁸ Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 30.

²¹⁹ Сакс. *Грам. Hist. Dan.* стр. 322, Маш *Über die Alterthüm. der Obotriten*, и *Chron. Дитм. Мерзебург.* стр. 415.

²²⁰ См. изображение сих трестиц в Бекман. *Histor. Beschreibung der Mark Brandenburg*, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди *Gesch. der Wend.* I, 31.

²²¹ Подобные существуют донныне в Англии, Ирландии, Вест-Фалии, Брауншвейге (см. Маллет. *Историю Дании* Т. I, гл. XII). Историки признают сии монументы Славянскими в Мекленбурге и в других местах, где обитали Венды ^{55*}.

²²² *Vita S. Ottonis*, стр. 680.

²²³ Сакс. *Грам. Hist. Dan.* кн. XIV, стр. 319.

²²⁴ Сей храм был основан на столпах, которые имели *образ звериных рогов*: так по крайней мере изъясняет сие место Немецкий переводчик Дитмаровой Хроники, Г. Урзинус, стр. 328.— См. Гельм. Chron. кн. I, гл. 53.

²²⁵ Только в Патерике Киевском, в житии Исаии Чудотворца, сказано, что сей Угодник разорал *капища* в Ростовской области.

²²⁶ Гебг. Gesch. d. Wend. T. I, стр. 34—36, Сакс. Грам. Hist. Dan. 320—321, и Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

²²⁷ Нестор, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.

²²⁸ Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320—321, Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

²²⁹ Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320.

²³⁰ Гебг. Gesch. d. Slav. T. I, стр. 36. Известно, что Русские земледельцы в день Св. Флора и Лавра приводят лошадей своих к церкви: сие обыкновение не происходит ли от древнего язычества?

²³¹ Гельм. в Chron. Slav. гл. 84.

²³² Д. Антон. стр. 71, и Гебг. T. I, стр. 36. Наши Родительские Субботы напоминают сей древний обычай Славян. В Богемии поют тогда:

Giz nesem smrt ze wsy,
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obilicko zelene.

То есть: «уже несем смерть из веси, а новое лето в весь. Здавстуй, любезная весна и зелень!» — Длугош несправедливо мыслил, что сие торжество означает уничтожение идолопоклонства и введение Христианской Веры в землях Славянских.

²³³ Козма Прагск. кн. III, под годом 1093, и Дитм. Chron. кн. I. Slavi, говорит последний, qui cum morte temporalis omnia putant finire [славяне, которые считают, что все кончается с временной, физической смертью].

²³⁴ Д. Антон и Гебг. T. I, стр. 36. В урны клали разные вещи, которые принадлежали умершему: ножницы, Римские монеты, детские игрушки, маленькые кумиры.

²³⁵ Метог. popul. II, 61. *Страва* значит на Польском языке *кушанье, пищу*. От сего древнего Славянского имени происходит глагол Русский *травить*.

²³⁶ *Тризна* есть *подвиг, tournoi*.— См. Нестор. стр. 12. В летописи его упоминается о могиле Аскольда, Дира, Олега в Киеве; также о высокой могиле Игоря и внука его, Олега, в земле Древлянской.— В *Житии Муромского Кн. Константина*: «кони закалающе, и по мертвых ременные плетения древолазная с ними в землю погребаяще, и битвы и *кроение* и лиц настрекания и дражня творяще». *Кроение* значит здесь изрезание лица ножом в знак печали. Так сказано в III Моисеевой книге, гл. 19, ст. 28: «кроения не сотворите на теле вашем о души».

²³⁷ Vita S. Columbani, в Ассем. Kalend. Eccl. Univ. II, 21, и Гебг. Gesch. der. Slav. I, 13.— Гельмольд, кн. I, гл. VI, пишет о Славянах: nec est aliqua barbaries sub coelo, quae Christocolas ac Sacerdotes magis exhorreat [нет другого варварства под небом, которого более страшились бы христиане и их священники].— Германские Венды со времен Карла Великого несколько раз принимали

Христианскую Веру, но только неволею, и снова обращались к идолопоклонству, которое совершенно истребилось между ими только в XIII веке. Болгары, Чехи и Моравы крестились около половины IX века (см. Мозгеймову *Церковную Историю*); а Славяне Иллирические при Императоре Василии Македонском, который начал царствовать в 867 году (см. Константина Багрянородного de adm. imp. гл. IX, и Мозг. *Церк. Историю*).

²³⁸ Прокопий называет его *варварским*: lingua barbara (Memor. popul. T. II, стр. 29).

²³⁹ См. ниже, о грамоте Славян.

²⁴⁰ В чем всякой, развернув лексиконы языка нашего, Польско-го, Богемского, Иллирического, может легко увериться.— Кроме общего, мы имеем несколько особенных наречий: Украинское, Суздальское, Новгородское. В Суздальском много чуждых, неизвестных слов; на пример, Бог называется *Стод*, отец *Хрутин*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дева *Шиктора* (см. *Сравнительные Словари всех языков*, напечатан. в С. Петербурге 1787).

²⁴¹ См. Гаттерера Einleitung in die Synchr. Universalhistorie, стр. 127.

²⁴² De orig. Slav. стр. 108.— Добров. Litterarisch. Magazin von Böhmen,— Поповича, Австрийского ученого Славянина, Untersuchungen von Meere,— Гаттерера Synchr. Universalhist. и *Сравнительн. Словари* ^{56*}.— В разделении Славянских наречий следую ученому Богемцу Добровскому (см. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft, год 1791, стр. 313—314), который мог судить о том лучше Гаттерера, Шлецера, Ридигера, и проч. «Ежели отмены в двух или трех наречиях (говорит он) могут быть подведены под общие правила одной Грамматики, то их не должно считать разными наречиями, хотя некоторые слова иначе произносятся, и некоторые имеют смысл особенный. Но ежели два наречия существенно несогласны в Грамматике, тогда признаю их разными».

²⁴³ См. Untersuch. von Meere. Болгарским наречием говорят в Турецкой Болгарии и в Расции, т. е. Восточной Сербии или древней Дардании, названной так от реки Раски; а Славонским в Славонии.

²⁴⁴ См. Гаттер. Universalhist. Последний человек, который говорил по-Славянски на острове Рюгене, умер в 1404 году (см. Untersuchungen der v. d. König. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen, стр. 30). Немцы, покорив Славян в Германии, старались истребить язык их.

²⁴⁵ См. Лаузицкие Provinzialblätter стр. 101. Заметим, что есть сходство даже между Индейским, Санскритским и нашим языком; на пример: *эторон*, второй; *пиеге*, пьет; *тону*, тонкий; *мри*, умри; *сото*, сто; *чотур*, четыре; *тритиё*, третье; *томо*, темно; *моду*, мед. В Индейском языке имена существительные оканчиваются на *твон*, в Славянском на *тво*; на пример: *богатство*; *безумство*, и проч. (см. Шлегеля Über die Sprache und Weisheit der Indier, стр. 11 и далее). Самое изменение действительных глаголов Латинских, Немецких и Славянских бывает по одному закону. В изъявительном наклонении настоящего времени, множественного числа, первого лица, главная буква в Латинском и Славянском M: *любим*, *читаем*, *аматус*, *легимус*. Окончание единственного числа, в третьем лице, тоже на всех трех языках: *любит*, *amat*, *liebet*; во множественном числе одно на Латинском и Славянском: *accipiunt*, *legunt*, *принима-*

ют, читают. Во втором лице отличительная буква есть также одна: docetis, учите, lehrst; а в повелительном наклонении еще более сходства: любите, учите, amate, ^{57*} docete (так и в Греческом) ^{-57*}.

²⁴⁶ В именах существительных: Матерь, μήτηρ, mater, Mutter.— Патѣр, Vater, pater, по-Малороссийски *батько*, у Славян Иллирических Basca, в Русском языке уменьшительное *батьюшка*; слово *отец* есть древнее Кельтское *At*, также сходное с pater: см. Dictionnaire Celtique par Ballet. Сей Ученый назвал Кельтским языком Гальский, Кимрский и Басконский (le Basque), которых однако ж пельзя считать одним языком: см. Шлецер. Nord. Gesch. 340.— Брат, Bruder, frater. Граждане одного цеха назывались в Афинах Фраторес, а собратства их Φρατρία.— Сестра, soror, Schwester.— Свекор, свекровь, socer, socrus, Schwiegerater, Schwiegermutter.— Сын, Sohn.— Дочь по-Тевтонски *Дотер*: от чего произошло Немецкое Tochter.— Деверь, δαίρ.— Люди, Leute, λαός.— Муж, Mann, mas (мужеский).— Вдова, vidua, Wittwe.— Жена, γυνή.— Пастырь, pastor, ποιτήρ.— Око, oculus, Auge.— Брада, Bart, barba.— Пята, πτέρνα.— Влас, pilus.— Брови, Augenbraunen, по-Английски brow.— Сердце, Herz, κῆρ, καρδία, cor.— Уста, στόμα.— Спина, spina (крестец: supinus, навзничь, на спине лежащий).— Кость, οστέον, costa (ребро), Knochen.— Ребро, Ribbe.— Ноготь, Nagel.— Слюна, saliva.— Кровь, cruor.— Солнце, sol, Sonne.— Огонь, ignis (пῦρ и Feuer, по-Англо-Саксонски, Шведски и Датски Fur, имеют одно происхождение).— Пламя, flamma, Flamme, Φλόξ.— Луч, λόχη, lux (свет), Licht.— Месяц, μήν, mensis.— День, dies; у Греков δὴν значит *давно*, δηναός, *давнишний*.— Вечер, vesper, ἑσπερος.— Ночь, nox, νύξ, Nacht.— Ветер ^{58*}, ventus, Wind.— Тепло, tepor (Греческое θερμῆ близко к Немецкому Wärme).— Копоть, καπνός.— Вода, vadum (иногда *мелкая*; иногда просто *вода*), ὕδωρ, Wasser.— Ведро, ὑδρία, hydria.— Влага, φλέγμα.— Глыба, gleba.— Пар, vapor.— Роса, ros, ῥόσος.— Пыль, pulvis.— Поле, βῶλος.— Долина, Thal.— Стезя, Steg.— Море, mare, Meer.— Волна, Welle.— Соль, sal, Salz, ἄλς.— Гора, ὄρος (Немецке слово Berg и Славянское *верх* есть одно).— Холм, culmen, κολώνος (древнее Германское слово Holm означало не только *остров*, но и *холм*).— Скала по-Славянски *гора* каменная, а по-Латини scala, крыльцо, ибо ступени его подобны *уступам гор*. Греческий глагол σκάλλω (*рою, долблю*) имеет, кажется, близкое отношение к сему имени.— Сребро, Silber.— Гость, Gast, hospes (также Латинское имя hostis означало сперва не врага, а *чужестранца*, следовательно *гостя*).— Вой, βοή.— Вой, βοή.— Клик, κλήσις.— Звон, звук, φωνή, sonus.— Сон, somnus.— Обитание, habitatio.— Ужин, cena.— Рушение, ruina.— Селение, colonia.— Цель, τέλος, Ziel.— Покой, quies.— Целость, salus.— Корыстью называлась прежде воинская добыча; а воин назывался по-Гречески *користѣс*.— Дом, δῶρος, domus; *дома*, domi.— Дверь, θύρα, Thüre.— Сено, foenum.— Ось, axis, ἄξων, Achse.— Секира, securis.— Скамья, scamnum.— Труба, tuba.— Валец, volgiolus.— Иголь, ἰγθῆ.— Сито, Sieb (по-Гречески σῆθω *сею ситом*).— Ремень, Riemen.— Иго, ζυγός, jugum, Joch.— Короб, corbis, Korb.— Скрин (скринка), scrinium, Schrank.— Кадь, cadus, κάδος.— Ворота, porta.— Дельва (бочка), dolium, Tonne.— Якорь, Anker, anchora, ἄγκυρα.— Щеть, seta.— Мера, μέτρον, mensura, Maass.— Время, βῆρος.— Щит, Schild, scutum.— Мельница, μύλη, mola, Mühle.— Баня, Bad, βαλανεῖον,

halneum.— *Весь*, vicus.— *Древо*, δρῦς, δένδρον.— *Кора*, cortex.— *Клей*, κόλλα.— *Лина*, Linde.— *Береза*, Birke, betula.— *Мох*, Moos, muscus.— *Гнездо*, nidus, Nest.— *Сок*, succus, Saft.— *Жир*, στέαρ.— *Вино*, vinum, Wein, οἶνος.— *Млеко*, Milch, lac.— *Яицо*, ἔυ, ovum.— *Лен*, λίνον, linum, Lein.— *Конопля*, cannabis, κάνναβις.— *Семя*, semen, Saame.— *Зерно*, Kern.— *Мята*, menta, Münze.— *Шелк*, sericum; а на Шведском языке silk; по-Английски так же.— *Волна*, Wolle, lana.— *Имя*, ὄνομα, nomen, Name.— *Вор*, φῶρ, fur.— *Речь*, ῥήσις, Rede.— *Дар*, δῶρον, donum.— *Работа*, Arbeit, labor.— *Гроб*, Grab.— *Гладкость*, γλαφυρότης, glabries, Glätte.— *Лепость*, lepor, lepos.— *Круг*, Kreis.— *Ряд*, ordo, Reihe.— *Воля*, βούλη, βούλημα, voluntas, das Wollen.— *Лесть*, List.— *Спех* (поспех), σπευσις.— *Знамя*, σημαία.— *Пена*, πονή, roena.— *Любовь*, Liebe (от сего происходит в Латинском языке libido, lubet, или libet).— *Овца*, ovis, οἶς.— *Бык*, bos, βοῦς.— *Агнец*, agnus, ἄμνος.— *Свинья*, Schwein, σῦς, sus.— *Поросенок*, porcus.— *Бобр*, Bieher, fiber.— *Лев*, λέων, leo, Löwe.— *Осля*, asellus, Esel.— *Мышь*, μῦς, mus, Maus.— *Муха*, musca, Mücke, μύια.— *Гусь*, Gans, anser.— *Кот*, catus, Kater.— *Голубь*, columbus.— *Ворона*, κορώνη.— *Чижик*, Zeisig.

В именах числительных: *Един*, unus, eins, εἷς; *два*, duo, δύο, zwey; *три*, tres, τρεῖς; *четыре*, τέσσαρες; *пять* πέντε; *шесть*, sex, sechs, ἕξ; *семь*, sieben, septem, ἑπτα; *осмь*, ὀκτώ, octo, acht; *десять*, δέκα, decem, Zehn; *сто*, centum; *тысяча*, Tausend.— *Оба*,ambo, ἄμφω.

В прилагательных: *Левый*, laevus, λαῖος, link; *десный*, δέξιος, dexter, rechter; *прежний*, prior; *лепый*, lepidus; *новый*, novus, νέος, neu; *ветхий*, vetus; *блеклый*, welk; *юный*, jung, junior (юнейший); *правый* probus; *сухий*, siccus; *чистый*, castus; *кривой*, curvus; *сверепый*, severus; *тонкий*, tenuis, dünn; *короткий*, curtus, kurz; *легкий*, levis, leicht; *нагий*, nacti, nudus; *сладкий*, suavis, süß, γλυκός; *пеший*, pedester, πεζός; *сыт*, satur, satiatu, satt (а по-Гречески σιτία значит яство, кушанье, σιτέω, насыщаю и насыщаюсь); *долгий*, долγός; *постный*, ἀσαστος (по-Немецки fasten, поститься); *достойный*, dignus; *святой*, sanctus, σεπτός; *слабый*, schlaff; *ленивый*, lenis; *живый*, vivus; *мертвый*, mortuus; *русый*, russus (красный), ρούσσαιος; *строгий*, streng; *полный*, plenus.

В местоименях: *мне*, мя, μοί, με, mihi, me, mich; *ты*, tu, du; *тебе*, тя, tibi, te, dir, dich; *себе*, ся (себя), sibi, se, sich; *мой*, meus, mein, ἐμός; *твой*, tuus, dein; *его*, ejus; *свой*, suus, sein; *мы*, ἡμεῖς; *ваш*, noster; *вы*, vos; *ваш*, vester; *какий*, qualis; *такий*, τοῖουτος, talis.

В глаголах: *есмь*, εἰμί, sum; *еси*, εἷς, es; *есть*, ἐστί, est, ist; *есмы*, ἐσμεν, sumus; *есте*, ἐστέ, estis; *суть*, sunt, sind, εἰσί; *яду* (ем), ἔδω, edo, esse; *пию*, πίνω (пить, pot); *гряду*, gradior; *сидеть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видеть*, videre, εἰδέν; *даю*, do, δίδωμι; *строить*, struere; *кормлю*, κορέω; *секу*, seco; *вью*, vileo, winde; *бью*, battuo; *насти*, pascere; *сосу*, sugo, sauge; *лежу*, λέγω (Гомер употребляет сей глагол в таком смысле), liege; *клоню*, κλίνω, clino; *плыву*, πλέω; *везу*, veho; *деру*, δέρω; *пеку*, πέπτω; *влеку*, ἔλκω; *грею*, ferveo; *варю*, wärme; *вею*, wehe; *кую*, cudo; *прошу*, rogo; *отпираю*, aperio; *кричу*, quirito, κράζω, schreie; *греметь*, βρέμω; *стонать*, stöhnen; *мешать*, mischen, miscere; *верчу*, verto; *делю*, theile; *дремлю*, dormio, dormito; *трепещу*, τρέμω, tremo;

лижу, *leske*, λέγω, *lingo*; *орю*, *аго*, ἄρω; *глотаю*, *glutio*; *скоблю*, *scabo*; *валяю*, *volvo*, wälze; *сею*, *säe*, *sego*; *кличу*, κλέω; *мелю*, *molo*, mahle; *лгу*, *lüge*; *числю*, *zähle*; *могу*, *мочь*, mögen; *тру*, *tego*; *советую*, *suadeo*; *усилию*, *помогаю*, *auxilior*; *плету*, *plecto*, πλέκω, *flechte*; *шью*, *suo*; *ву*, *guo*; *слабею*, *labo*; *граблю*, *gario*, *gaube*.

²⁴⁷ На пример, *карканье*, *бленье*, *кваканье*, и проч.

²⁴⁸ Это справедливо заметил Левек. Можно думать, что глагол *быть* в настоящем времени образован по-Греческому и Латинскому в новейшие времена. «Никто не сомневается (пишет Шлецер в *Proben. Russ. Anpal.* стр. 71), чтобы Немецкий, Греческий и Латинский не были в основании одним языком — Славянский также». Юниус, Ире, доказывали великое сходство Греческого и Готфского. Попович говорит, что Греки утратили коренное значение многих древних слов, и должны искать его в Славянском языке, где оно сохранилось (см. Шлецер *Nord. Gesch.* стр. 325). Так Ире изъяснил некоторые Греческие слова древними Немецкими.

²⁴⁹ См. выше, стр. 41.

²⁵⁰ *Скифским*, говорит ученый Ире (см. его *Prooemium* или предисловие в Лексиконе Шведо-Готфском); но Скифы пришли из Азии уже в то время, когда Европа имела своих жителей (см. выше, стр. 32). *Кельтским*, скажет Пеллутье, написавший *Histoire des Celtes*: ибо Греческие и Римские Историки признают Кельтов самыми древнейшими Европейцами, предками Галлов и Германцев, жившими на обеих сторонах Рейна, на Дунае, Днепре, где они смешались с народами Фракийскими и Скифами (см. Страб. *Geograph.* стр. 58 и 465), на берегах Северного Океана, близ гор Рифейских (см. Плутарха в жизни Камилла), в Италии и в Испании, так что Птолемей всю Европу называет Кельтикою. Но Шлецер замечает справедливо, что сие имя, подобно Скифии, есть более географическое, нежели историческое, означая у Древних, по системе Эфоровой, западную часть света со всеми ее жителями без всякого различия в народах. Если бы Эфиопы перешли из Африки на Рейн, то Эфор назвал бы их Кельтами. Юлий Цесарь в самой Галлии отличает Кельтов от народов Аквитанского и Бельгского, имевших языки и нравы особенные; но Греки, по своему невежеству, именовали Кельтами и Скифами народы многие и совсем не единоплеменные.

²⁵¹ См. Ире *Prooemium*, стр. XXI, XXVIII. Геродот (кн. II) сказывает, что Эллада называлась некогда Пеласгиею; что древние Аттики были Пелазги, которые жили прежде во Фракии. Гекатей Милетский по известию Страбонову (кн. VI) говорит также, что Фраки населили Аттику.

²⁵² См. Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 599.

²⁵³ См. *Réligion des Gaulois* T. I, стр. 39, и *Tунман. Erklärung einer alten Preuss. Aufschrift* стр. 229.— Доказано, что Готфы еще прежде имели буквы; но Ульфиле, перевода Евангелие, изобрел только некоторые новые (Ире *Analecta Ulfil.* Diss. I; см. также Шлец. *Nord. Gesch.*, Маллетову *Histoire de Dannemarck* и *Тунмана*). Бетгиною называлась часть Испании от Реки Анаса на полдень до моря. Руны были известны в Германии и в Британии (см. *von der Schreibkunst im Norden* в Шлец. *Nord. Gesch.*). Фортунатус, Поэт VI века, упоминает об них в стихах своих (Шлец. *Nord. Gesch.* стр. 611).

²⁵⁴ См. *Тунмана Erklär.* einer *Preuss. Aufschrift* стр. 229.

²⁵⁵ Геренов. *Ideen über den Verkehr der alten Welt*, Т. II, стр. 556.

²⁵⁶ Турдетане уверяли во время Страбоново, что они уже 6000 лет умеют читать и писать. Сии 6000 лет могут быть опискою (см. Шлец. *Nord. Gesch.* стр. 596).

²⁵⁷ См. Тунмана *Erklär. alt. Preuss. Aufschr.* стр. 230—232, и Битнер. *Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk.* Tab. II.

²⁵⁸ Тацит сказал о Германцах: *litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant* [мужчины и женщины равно не знали тайны письма]. Из сего некоторые заключили, что они в его время не знали письма; но Римский Историк говорит о *тайных* любовных *письмах*, хваля супружескую верность и целомудрие Германцев. Лаблеттери, Тунман, Миллер и другие так разумели слова его. Сам же он пишет (*Descr. Germaniae*, что многие памятники между Рециею и Германиею были писаны буквами. Жители Паннонии узнали искусство писать от Римлян).

²⁵⁹ Плиний кн. VII, гл. 57: *Utique in Graeciam intulisse e Phoenice Cadmum sedecim numero, quibus Trojano bello Palamedem adjecisse quatuor, totidem post Simonidem Melicum...* In *Latium eas* [во всяком случае, в Грецию их принес из Финикии Кадм в количестве шестнадцати, к которым во время Троянской войны Паламед прибавил четыре, а после еще столько же — поэт Симонид... В Лациум их] (буквы) *attulerunt Pelasgi* [принесли пеласги].

²⁶⁰ См. Voigts *Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen*, в *Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen*, Ч. I, стр. 164 и след. Один Летописец Российский средних времен, повторяя Несторово известие о буквах Кирилловых, прибавляет: «преже убо Словени не имаяху писемъ, но начертаньи и нарезаньи чытаху и гадаху» (см. в Синодальн. библиотеке рукописи. книгу о *древностях Российск. Государства*, под № 529, Т. I, кн. 2), ^{59*} То же известие найдено Г. Калайдовичем в сочинении Монаха Храбра о писменах, где сказано: «преже убо Словене не имеху книг, но чрътами и резами чътеху и гатааху, погани суще». Сие сочинение внесено в книгу (в Синод. библиотеке под № 85), писанную в 1348 году для Болгарского Царя Александра Иеромонахом Лаврентием Тахом. Александр известен нам по Истории: он умер в 1360 году ^{59*}.

²⁶¹ *Acta Sanctorum IX Mart.*, Добнер. *Annales Bohemorum* Ч. III, Коля *Introductio in hist. et rem litt. Slavorum*, гл. II, и в *Несторе* стр. 20. Византийские Летописцы не упоминают о сем происшествии. Нестор описывает его между случаями 898 году: явная ошибка! Михаил убит в 867 году, а Константин или Кирилл и Мефодий, как сам Нестор пишет, были им отправлены в Моравию (а не в город Раву, как думал Татищев). Они перевели на Славянский язык Евангелие, Апостол, Псалтирь и Октоих.— Некоторые суеверы восстали против сей новости, доказывая, что одни Евреи, Греки и Римляне могут иметь грамоту: ибо на кресте Спасителя не было иных надписей, кроме Еврейской, Еллинской и Латинской. Но Папа утвердил письмена Моравские, и сказал, что Бога должно славить на всех языках. Потом Константин отправился в Болгарню учить Христианству; а Мефодий, Епископ Паннонии, избрал двух Священников, искусных в языке и в пись-

ме, которые в шесть месяцев, от Марта до 12 Октября, перевели с Греческого на Славянский все книги церковные.— Так повествует Нестор. В книге *Житий Святых*, в описании дел Константина и Мефодия 15 Мая, сказано, что они прежде — (в 858 году: см. Гаттерер. *Weltgeschichte* стр. 578) — обратили уже многих Козаров в Христианство; что Царь Михаил для того послал их и в Моравию, убедив Константина принять сан Архиепископский; что сей муж добродетельный еще в Цареграде изобрел азбуку Славянскую и начал переводить *Евангелие от Иоанна*; что Моравский Князь, Ростислав, приняв его и Мефодия с великою ласкою, велел отрокам учить новую азбуку и переведенные книги, Часослов и Псалтырь; что святые мужи в четыре года утвердили всю землю Славянскую в истинной Вере, перевели Евангелие, Апостол, Литургиарий, и совершали Божественную службу на языке Славянском; что Епископы Западной Церкви вознегодовали по тем причинам, о которых говорит Нестор, и Папа, Николай IX, позвал в Рим Константина и Мефодия, но сам в то же время умер; что преемник его, Адриан II, одобрил их дело и предал анафеме хулителей новой Литургии; что они, Константин и Мефодий, служили в Риме обедню на языке Славянском; что Константин занемог там, принял на себя святую схиму, назван *Кириллом*, вручил Епископство свое Мефодию, скончался и погребен в Церкви Св. Климента (следственно не ездил в Болгарию, как говорит Нестор); а Мефодий Епископ жил долгое время в Паннии и перевел множество книг с Греческого. Ежели Константин и брат его жили в Моравии четыре года и приехали в Рим скоро по смерти Николая IX, то Славянская грамота изобретена ими в 863 году: ибо сей Папа умер в 867. Римские *Acta Sanctorum* и все иностранные Писатели согласны по крайней мере в главном с нашей Минеею (см. Шлец. *Нестора* Ч. III, стр. 198—241). Папа Иоанн VIII в Булле своей, писанной в 880 году к Моравскому Князю Святополку, именно называет Константина изобретателем букв Славянских: *litterae Slavonicae à Constantino quodam repertae* [славянские буквы, изобретенные неким Константином]. Такое свидетельство всех других важнее и достовернее. Известие Несторово, что два Священника, избранные Мефодием, в шесть месяцев перевели все церковные книги, рождает вопрос: *какие? всю ли Библию, то есть, Ветхий Завет (ибо Новый был уже переведен Константином и Мефодием)?* Это кажется невозможным. Шлецер думает, что они в шесть месяцев только списали новую Славянскую Библию; но Летописец говорит: *преложиста*; да и важно ли знать время, употребленное на ее списывание?

^{60*}— Я обязан Г. Калайдовичу следующим любопытным известием: «В Московск. Синод. Библиотеке (№ 66), хранится в *подлиннике* книга *Небеса*, переведенная с Греческого языка на Славянский Иоанном, Экзархом Болгарским, в исходе IX или в начале X века. Он пишет, что азбука Славянская изобретена и Евангелие предложено Константином или Кириллом; что Мефодий перевел все *уставные книги*, числом 60; что Монах Дукс убедил его (Экзарха) перевести книгу *Небеса* (сочиненную Иоанном Дамаскиным)» и проч. Ежели сия Славянская рукопись действительно писана в исходе IX или в начале X века, то она есть древнейшая из всех известных —^{60*}

²⁶² Буква Ш есть Еврейская ш. Фриш считает Б и Ъ также Еврейскими (см. его Hist. linguae Slavonicae etc. гл. I). Некоторые утверждали, что ж употребляем в России только со времен Митрополита Киприана или с XIV века; но сии господа не видали харатейного Евангелия Софийского, найденного в Петербурге между книгами Екатерины Великой в 1806 году и писанного с юсами в половине XI века (см. нашей Истории Т. II, примеч. 114). ж тоже, что У. Даже вместо Ю писали I-ж. ^{61*}— В одной же Болгарской рукописи 1348 года, о писменах Славянских (см. выше, примеч. 260) сия буква употребляется вместо всех гласных: вместо А, И, О, У, Ю и Я ^{-61*}.

²⁶³ Нестор говорит: «сим бо первая преложены книги (т. е. Библия) в Мораве, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть в Руси».

²⁶⁴ Некоторые воображали Св. Иеронима Далматским Славянином (хотя Славяне вошли в Далмацию только в VII веке: см. выше, стр. 45); а как Иероним, по его словам, перевел Библию на свой народный язык, то думали, что ему надлежало быть и первым изобретателем букв Славянских. Несправедливость сего мнения уже заметили Бандури, Коль, Ассеманн и другие. Иероним перевел Библию не на Славянский, а на Латинский язык, которым говорили тогда в Далмации. Оставляем Д. Антону (в Geschichte der Germanen, стр. 378—379) доказывать, что Славяне обитали искони в Иллирии: ибо древние жители ее, по известию Аммиана Марцеллина, делали из ячменя питье и назвали его Sabaja: нет сомнения, как думает Антон, что сие имя есть Славянское, и происходит от глагола *запивать!*

²⁶⁵ То есть, 1222 году (Ассем. Kalendaria Ecclesiae Universae T. IV, стр. 443).

²⁶⁶ Так называемый *Сборник*, отданный Кн. Щербатовым в библиотеку Эрмитажа, и Евангелие Софийское (см. сей Истории Т. II, примеч. 114).

²⁶⁷ См. Шлецер. Nestor Ч. II, стр. 327, Добровского в Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen T. V, стр. 318, и Voigts Untersuch. über die Einführ. der Buchstab. в том же сочинении, Т. I, стр. 176.— Однако ж не все Ученые так думали. Богемец Добнер утверждал, что истинная Кириллова азбука есть Глагольская, и что наша, изобретенная после, несправедливо названа сим именем (Abhandlungen der Böhmis. Gesellschaft der Wissenschaften, год 1785, стр. 101—139):

1) «Буквы Глагольские грубые и нескладные, имеют все признаки древности, и не сходны ни с какими другими: Кирилловские же суть не что иное, как Греческие, и не могли бы в IX веке прослыть новым изобретением. Между ими видим только семь не Греческих букв, которые взяты из Глагольской азбуки».— Ученому Греку Кириллу всего естественнее было дать Славянам Греческие писмена; надлежало выдумать новые единственно для таких звуков, которых нет в языке Греческом. Не все, но только две из сих новых букв одинаковы с Глагольскими; на пример: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другие Глагольские совсем не походили на Кирилловские. Изобретатель первых, желая отличиться, писал пные на оборот Е, З — З, ѿ, — Р, Ъ; к другим прибавлял черты (П, Г — Ш, П) и хитрил в красноте (Л, ѿ — М, ѿ): буква Ф совершенно та же. Кирилловские писмена имеют образ Греческих

IX века (см. Монфоконову Греческ. Палеографию, также примеры в Ephem. Graeco-Moscis, Т. I, и в Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi): доказательство, что Славяне приняли их действительно во время Константина и Мефодия, а не в новейшие времена, когда образ Греческих букв уже переменялся. «Но для чего же Кирилл был назван *изобретателем*?» Для того, что Славяне прежде не имели грамоты, и что некоторые буквы в сем алфавите действительно *изобретены* им.— 2) «Римские Духовные в XI веке называли Славянский алфавит Готфским» (dicebant enim gothicas literas à quodam Methodio haeretico fuisse repertas [говорили, что готфские буквы были изобретены неким еретиком Мефодием], говорит Фома Архидиакон Спалатрский, в Швандтнер. собрании Script. rer. Hung. Т. III, стр. 552—554): «следственно они разумели под сим именем не Кирилловский, а Глагольский, действительно сходный в кудрявости с Готфскими буквами». Римские Духовные называли Славянский алфавит Готфским единственно для того, что они считали Готфов и Славян за один народ (см. в Швандтнер. собрании Script. rer. Hung. Т. II, стр. 119, слова Далматского Аббата Лудовика Тубера: praeter Gothas, quos Slavinos nuncupant [кроме готфов, которых называют славянами], в проч.; см. также в Ассем. Kalend. Eccl. I, 318).— 3) «Имя *Кирилловской* азбуки есть *новое*; мнимый изобретатель ее только за 50 дней до кончины своей был назван *Кириллом*: спрашиваю, как же она прежде называлась?» Азбукою или грамотою, или *Славянскою* азбукою, и проч. Кирилловскою стали называть ее конечно в новейшие времена, когда Славяне Далматские ввели у себя другую, т. е. Буквицу или Глагольскую.— 4) «Далматские Славяне употребляют Буквицу, Россияне Кирилловскую; следственно первая древнее, ибо Россияне приняли Христианство 100 лет после Далматов, т. е. в княжение Владимира». Во-первых Христианство вошло в Россию еще в 867 году, по известию Византийских современных Летописцев (о чем см. ниже); во-вторых, ежели другие Славяне, на прим. Сербы, по мнению Добнера оставили *древнейшую азбуку* свою, приняв новейшую Кирилловскую, то и Далматские могли променять Кириллову на Буквицу.— 5) «Пусть покажут нам Кирилловское письмо девятого столетия!» Отвечаем: пусть покажут нам Глагольское письмо ранее XIII столетия! По крайней мере в X веке существовала Кирилловская грамота: сии буквы видим уже в надписи Киевской церкви, достроенной в 996 году (см. ниже, примеч. 478, и выше, примеч. 261, в конце).— 6) «Но в предисловии харатейной Глагольской Псалтири 1222 году какой-то *Николай* говорит, что она списана с подлинника времен Феодора, последнего Епископа Салонского; а как ученый Ассемани доказал, что *последним* Салонским Епископом надлежит считать Феодора, жившего в конце IX века, то следует, что Глагольскими буквами уже писали в IX веке». Добнер не хотел заметить, что сам Ассемани сомневается в истине сего известия; в подлиннике (думает он) стояло, может быть, только scriptum impensis et mandato Theodori Episcopi [писано на средства и по поручению Феодора епископа]; а догадливый писец Николай прибавил от себя: ultimi Salonitani Episcopi [последнего Салонского епископа] (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. Т. IV, стр. 445 в примеч.) К тому же сие Евангелие могло быть списано Николаем с Кирилловского, а не с Глагольского подлинника.— 7) «Французские Бенедиктинские Монахи в

в своей *Новой Системе Дипломатики*, Ч. II, стр. 166, говорят о Болгарской рукописи, хранимой в Парижской библиотеке под № 2340 и писанной лет за 800 или 900 до нашего времени: сия же рукопись есть Глагольская». Но ежели Французские Монахи ошиблись в своем *мнении* тремястами лет? На рукописи не означено ее древности, ибо они не сказали бы тогда: «за 800 или 900 лет». Мы знаем также, что в Болгарии употребляются не Глагольские буквы, а Кирялковские.

Любопытные могут видеть Буквицу во Франц. Энциклопедии. Я имел в руках своих букварь Иеронимовский, напечатанный в 1753 году в Римской Типографии Пропананды, и молитвенник изданный в Венеции. Первая книга, напечатанная Глагольскими буквами, есть Новый Завет, изданный в Тиббингене в 1563^{62*} году (см. Abhandl. einer Priv. Gesell. in Böhm. T. I, стр. 176—177).²⁶⁸ Богемские Историки пишут (см. Добнера в Annal. Bohemorum Ч. III, стр. 188), что Константинопольский Патриарх Фотий, недовольный Мефодием за его сношения с Римом, поставил в Моравию много Епископа Агафона, а в Нейтру Гораздоса; но Князь Моравские не хотели принять их. Агафон был Греческим послом в Германии около 873 года, а Гораздос Болгарским Архиепископом в 880 (Gebr. Gesch. des Staats Mähren, стр. 28). С того времени, по достоверным известиям, не находим уже ни одного Греческого Епископа в Моравии.

²⁶⁹ См. Буллу его 968 году (в Истории Козмы Прагского, в Менкен. собран. Script. rer. Germ. T. I, стр. 1994), в коей он запрещает употребление Славянского или Русского языка; и в тех землях, где изобретена Кириллова азбука, не осталось даже никаких следов ее. Время и Паписты истребили там все древние Славянские рукописи (см. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. на 1785 год, стр. 136).

²⁷⁰ См. выше, примеч. 262, в Gebr. Gesch. der Slav. T. I, стр. 20.

²⁷¹ Сильнейшею из них была область Кривичей, владевших Полодскою, Витебскою (в верховье Двины), Псковскою, Смоленскою и, может быть, частью Тверской Губернии. Латыши доньше именуют Россиян Кревами или Кривичами.— Напрасно многие воображают Новгород уже великим и знаменитым прежде Рюрика: народная пословица, сведанная нами от Кранца, писавшего в XV и XVI веке: quis potest contra Deum et magnum Novgardiam? *кто против Бога и великого Новаграда?* (Wandalia, стр. 5) может относиться единственно ко временам позднейшим. В IX веке область его, окруженная на Юг Кривичами, а на Запад, Север и Восток разными Финскими племенами, едва ли составляла и половину нынешней Губернии Новгородской.

²⁷² Гроза, которая сокрушила величие Рима, в несколько веков свирепствовала в Европе, начала утихать уже в конце VI века. Все бывшее исчезло: явились новые правления, новые обычаи и законы; прославились новые имена народов. Германцы, оставив большую половину своего древнего отечества Славянам, властвовали в Англии, Галлии, Италии; но в VIII веке уступили Испанию Аравитянам, пришедшим в Европу с мечем, Алкораном и с любовью к Наукам. Карл Великий, в последний год сего века, основал Империю Западную, несравненно сильнейшую Восточной, которая ужасалась всякого неприятеля, но дерзала еще именоваться

Римскую. Скандинавия — officina gentium, vagina nationum [лоно народов, колыбель племен] — как говорит Иорнанд — разделенная на малые Королевства, повелевала морями: ее бесчисленные витязи, скучая тесными пределами отечества, суровым его климатом и праздностию, трубили в рога, стремились от пиршеств на легкие корабли свои, искали добычи, новых земель и завоеваний. Азиатские народы — Болгары, Козары — господствовали на западных и северных берегах Черного моря. Калифы, последники Магометовы, еще славились на Востоке.— В сие время начинается История Государства Российского.

²⁷³ Нестор: «почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобицы, и воевать почаша сами на ся». В *Никонов. Лет.* сказано, что они долго спорили между собою, от кого требовать Владетелей: одни предлагали Козаров, другие Полян, — *Дунайчей* и Варягов; некоторые единомысленцев своих: и *бысть о сем молва велия*. Все вымыслы и догадки.

²⁷⁴ Предание о Гостомысле сомнительно: в Несторовой летописи, в самой *Никонов.* и в *Степен. Книге* нет о том ни слова. Однако ж Герберштейн, который в 1517 и 1526 году приезжал в Москву, говорит уже о сем знаменитом Новгородском муже (Regum Moscovit. Commentarii, стр. 3). В историческом отрывке, внесенном в летопись Попа Иоанна (стр. 317), назван Гостомысл первым Новгородским Посадником. В некоторых списках *дополненного* Нестора (на пример, Софийского Новгородского) сказано также, что Славяне, *пришедши на Ильмень с Дуная*, выбрали Гостомысла в старейшины: но в таком случае ему надлежало бы умереть за несколько веков до Рюрика (см. выше, примеч. 70 и 91).

²⁷⁵ Я не вижу причины думать, чтобы Весь и Чудь тогда уже зависели от Славян: те и другие, по известию Несторову, искали Государей: следственно они имели равные права. В Псковской летописи (в Синодалън. Библиот. № 349) именно сказано, что каждый из упомянутых народов имел особенное правление: «Новгородцы свою власть имеяху, а Кривичи свою, а Чудь своими владеху, и дань даваху Варягом» (л. 154 на обор.).

²⁷⁶ Миллер — см. в его *Описании народов, издревле обитавших в России*, статью о *Варягах* — думал, что Славяне и Финны звали Варягов не для правления, а единственно для защиты границ своих, и что Рюрик был *похитителем* власти. Но ясные слова Летописца: *да пойдете княжить и володеть нами*, опровергают сие мнение. Не внешние враги, счастливо изгнанные Славянами, а внутренние беспорядки принудили их искать Князей за морем; следственно они хотели *властителей*: ибо одна гражданская власть могла пресечь зло неустройства и безначална. Так ли было действительно, не знаем; но так говорит Летописец. Истину знали верно одни современники.

²⁷⁷ В *Пушкин.*, в *Троицк.* и во всех старых списках находим имя *Рюрик*, а не *Рурик*, как писали уже в новейшие времена.— в *Никон. Лет.* прибавлено: *онижь* (Варяги) *бояхуся зверинаго их* (Славян и Финнов) *обычая и права, и едва избрашась три брата*. Народ, который жертвует вольностию порядку и гражданской безопасности, не имеет уже *зверских обычаев*, и смелые Варяги конечно не испугались власти, с таким добродушием им предложенной.— Заметим, что Киев был основан тремя *братьями*; что Радимичи и

Вятичи назвались именем двух братьев; что Славяне и Финны призывали из Варяжской земли *трех братьев*: сие братство может показаться сомнительным.

²⁷⁸ *Избрашася 3 брѣтья с роды своими, и пояша по собе всю Русь; приидоша* — и проч. ^{63*} Слова: *пояша по собе всю Русь*, znamenуют, может быть, что братья разделили между собою Чудскую и Славянскую землю, которая назвалась после *Русью*; а не то, чтобы они взяли с собою *всех* Русских Варягов. Летописец уже выше сказал, с кем сии братья пришли в нашу страну: с *роды своими*, то есть, с семействами, с родственниками.

В *Пушкин.* харатейном списке Нестора: *приидоша старейший Рюрик... а другой Синеус на Белеозере, а третий (в) Изборсте Трувор*. Название места, где княжил Рюрик, пропущено; в *Троицком* (что достойно замечания) также; но вверху приписано, над именем Рюрика: *Новг...* По всем иным известным спискам Рюрик пришел в Новгород; только в *Кенигсбергском*, *Хлебниковском* и в *Ипатьевском*, гораздо новейших, сказано так: «Избрашася 3 брѣтья и приидоша к Словеню первое, и срубиша город Ладогу, и седе в Ладоге старей Рюрик». Далее: «по двою же лету умре Синеус и Трувор, и прия всю власть Рюрик один, и пришед ко Ильмерю, и сруби город над Волховом и прозва Новгород и седе ту». Сие место о Ладоге и Новгороде, основанном будто бы Рюриком, прибавлено без сомнения в новейшие времена: вот доказательства: 1) Рюрик прибыл к Славянам в 862 году; ежели он два года, т. е. по смерть братьев его, жил в Ладоге, то ему надлежало переселиться в Новгород уже в 864 году: но во *всех* списках, в самом *Ипатьев. Хлебников., Кенигсбергском*, сказано, что сей Князь в 863 году уже был в *Новгороде*: «Рюрику же княжащу в Новгороде в лето от создания мира 6371 (863 от Р. Х.), 6372» — и так далее. 2) Он не мог срубить Новгорода, ибо Нестор, по самому *Ипат., Хлебн. и Кенигсберг.* списку, уже сказал в начале, что Славяне построили Новгород в одно время с Киевом, пришедши с Дуная: следственно гораздо ранее времен Рюриковых. Также в самом *Ипат., Хлебн. и Кенигсберг.* списке подтверждено известие Несторова, что древнейшие основатели или жители Новгорода были Славяне, а не Варяги, населившие его уже со времен Рюриковых (см. печатн. *Нестора по Кенигсберг.* списку, стр. 17). Какойнибудь любитель Русской Истории, списывая Нестора с древнего подлинника, где пропущено было имя Новгорода (так же, как в *Пушкин. и Троицк.*: «Рюрик старейший... а другой, Синеус, на Белеозере») вставил Ладогу для того, что она, по народному преданию, уже существовала во времена Рюрика, и что в ней доныне есть место называемое *Рюриковым домом*. За одною вставкою следовала другая: «Новгорода конечно не было, ежели Великий Князь жил сперва в Ладоге»: думая так, сей же или другой любитель Истории, без всякого изображения, прибавил обстоятельство, что Рюрик после основал Новгород. Герберштейн, в начале XVI века, имел Несторову летопись с такою поправкою, и говорит: *Rurik principatum Novuogardiae obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga* [Рюрик правил в Новгороде, и престол свой основал в Ладоге] (*Regerum Moscov. Comment.* стр. 3). Стриковский, не поняв его, обратил город в остров Ладожского озера. Но Длугош, Польский Историк XV века, выбрав из Нестора все свои известия о России, не упоминает о Ладоге, и пишет, что Князь Рюрик пришел в Новгород: *primus autem dictus*

est Rurek, qui in Nouogrod, secundus Scyniew, qui in Bialeiezioro, tertius Trubor, qui in Zborsk sedes suas posuerunt [первым Рюрик в Новгороде, вторым — Синеус на Белоозере, третьим Трувор в Изборске престолы свои основали] (его Hist. Pol. кн. I, стр. 48 и след.). Наконец предложим самое важное свидетельство. В харатейном сокращении Нестора, которое писано в XIII веке и найдено мною в *Древних правилах Софийских* (Новгородского Собора) или в Кормчей Книге (Синодальн. библиотеки № 82) сказано: «старей Рюрик седе *Новогороде*, Синеус на Белоозере», и проч.— Рюрик мог построить Ладогу (о чем будем говорить в другом месте); она могла даже существовать и прежде его, хотя летописи наши упоминают об ней в первый раз около 1105 году (см. напечат. в Москве *Новгород. Летоп.* стр. 9); но дело состоит в том, что Рюрик, по истинному сказанию Нестора, княжил с самого начала в Новгороде. Сим опровергается заключение Миллера и других, что «Новгородцы не хотели принять к себе Рюрика, а велели ему жить в Ладоге для удобного отражения морских разбойников, Варягов» — следственно единомышленцев его: странная доверенность!

В *Кенигсберг.* списке, которой теперь у меня в руках, написано ошибкою: *Сидеунас на Белоозере*, вместо: *Синеус на Белоозере*; а другою новейшею рукою прибавлено сверху: *Синеус*; из чего вышло: «Синеус сиде у нас на Белоозере». Татищев из сей же описки заключил, что Нестор, сочинитель летописи, был родом из Белоозера! — Город Белоозерск, по древнему преданию его жителей, стоял в IX веке на северном берегу озера: Владимир, как они сказывают, перенес его на то место, где вытекает река Шексна (см. Миллеров *Географич. Лексикон*); ныне сей город находится, как известно, на южной стороне Белоозера.

В *Архангельск. Летописце*, стр. 4: «Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок Псковский, а тогда был в Кривичех больший город» — нынешняя слобода Изборск в 26 верстах от Пскова. Миллер, желая Скандинавским языком изъяснить имя его, говорит, что Изборск значит *Исаборг* (см. в его *Описании древних народов* и проч. статью о *Варягах*), т. е. город на реке Исе. Но Иса далеко от Изборска.

«Синеус и Трувор (говорит Миллер) построили, кажется, Изборск и Белоозеро на границах Лифляндии и Биармии, чтобы тем удобнее оберегать внешние пределы России». Они не построили сии города, а только жили в них, по сказанию Летописца: для того ли, чтобы оберегать границы, или для того, что западные Кривичи и Весь хотели иметь особенных правителей, мы не знаем. Согласимся на первое; следует ли из того, чтобы Князья были единственно наемными стражами, а не Властителями, как думал Миллер? Всякой Государь есть страж государства.

Заметим, что Изборск два раза был переносим с места на место: в 1303 и в 1330 (см. *Псков. Лет.*).

²⁷⁹ См. *Книгу Степен., Никоновск.,* также *Софийскую,* письменную Новгородскую и *Подробную Летопись,* изданную Львовым.

²⁸⁰ *Архангельск., Никон. и Софийск. Лет.* причисляют Мерю к народам, вызвавшим Рюрика с братьями; но древний Летописец именует только Кривичей, Славян или Новгородцев, Чудь и Весь, которые хотели Князей: из сего должно заключить, что Варяги

уже после овладели странюю Полочан, Мери и Муромы. В *Воскресен.* и других летописях именно прибавлено, что Рюрик и братья его, утвердившись в России, *почаша* воевать всюду.

²⁸¹ См Шведск. Далниову *Gesch. des R. Schwed.* Т. I, и Маллет. *Histoire de Dannemarc.*

²⁸² В *Архангельск. Лет.* сказано: «за то, что он не дал им ни града, ни села». — В древних списках стоит *Аскольд* и *Спальд*, а не *Оскольд*.

В Несторе: «и бяста у него (у Рюрика) два мужа ни племени его, ни Боярина; и та испросистася ко Царюгороду с родом своим». В *Кенигсбергск.* списке ошибкою: «ни племени его, но Боярина»: Татищев назвал их потому знаменитыми мужами. Они уже по кончине Синеуса и Трувора отправились из Новгорода — следственно в 864 году — и должны были итти чрез владения независимых Славян, которые едва ли могли пропустить их дружелюбно. В *Архангельск. Лет.* сказано, что они плыли Днепром мимо Смоленска, и не смели войти в сей город *великий и многолюдный*. Такие прибавления в новых летописях явно основаны на догадке. У нас есть новейшая сказка о начале Киева (см. в Синодальн. библиот. книгу о *древностях Рос. Государства* под № 529), в коей Автор пишет, что Аскольд и Дир, отправленные из Новгорода Олегом послами в Царьград, увидели на пути Киев, пленились красотою оною и завладели им, убив Кия, братьев и сестру его. Тут же сказано, что Кий, Щек и Хорив были разбойники в Новгородской области; что Новгородцы посадили их с сестрою Лыбедью и с 27 товарищами в темницу и хотели повесить; что Князь из жалости дал им свободу; что сии разбойники два месяца шли дикими местами до реки Днепра, впадающего в *Теплое море*, по коему живут Варяги; что Кий основал там Киев, и приняв к себе многих бродяг, начал обрабатывать землю; что товарищи его назвались Древлянами, и проч.

«Аскольд же и Дир остаа в граде сем и многи Варяги совокуписта». Вероятно, что Варяги, сведав о завоевании Киева, пришли туда из Новгорода по следам Аскольда и Дира.

Баер думал, что Аскольд и Дир есть имя одного человека; что слово *Диар* означало на языке Скандинавском *вельможу* или *полководца*, и что Русский Летописец по незнанию обратил его в другое *собственное* имя. Сия мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлецер доказал ошибку Баерову. Название Диар совсем не употребительно в языке Скандинавском, и встречается только один раз в Стурлезоне, который говорит, что в Скандинавию пришли с *Одином* 12 *Diar*: сие имя есть множественного числа; в единственном оно *Di*, и в самом деле означало не *вельможу*, не *полководца*, а *первосвященника* (см. Шлецеров. *Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte*). Сам Баер, не уверенный в истине своего толкования, прибегнул к другому, еще менее основательному: «На Арабском и Турецком языке *Dijar* означает *собрание домов*, страну, область: по тому Козары, говорившие Турецким языком, назвали Аскольда *Дияром*, или правителем области!» Но *область* не есть *правитель*. К тому же Нестор определяет даже разные места, где Аскольд и Дир были погребены в Киеве: он еще собственными глазами видел их могилы. Надобно иметь основательные доводы, чтобы оспаривать Летописца древнего в случае возможном: Баер и Миллер не представили их. Мы знаем Императоров Римских, которые избрали

рали себе товарищей в правлении: для чего же было не княжить вместе Аскольду и Диру, храбрым витязям и друзьям?

²⁸³ Россы, по известиям Византийским, ограбили все монастыри и селения прекрасных островов Плати, Иатра, Теревинфа, убив множество людей. В Теревинфе жил тогда изгнанником благочестивый Патриарх Игнатий, и едва мог спасти жизнь свою (см. Баера de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, в Комментар. Академии, Т. VI, стр. 376—378). Фотий поставил ему в вину то, что он, лишенный сана духовного, дерзнул снова освятить Теревинфскую церковь, опустошенную Россиянами. Император Василий Македонский, в 867 году возвратил Игнатию достоинство Патриарха, удалив Фотия.

Нестор говорит, что Россияне вошли в Суд, то есть, гавань Цареградскую (см. ниже, примеч. 308).— О сем нападении *Россов* пишут Византийские Историки, Лев Грамматик, неизвестный Продолжатель Константинов, Георгий Монах и проч., не определяя времени; один Симеон Логофета сказывает, что Россы осаждали с моря Константинополь в *десятый* год Михайлова правления; а как Михаил назывался Императором уже в 842 году, то многие думали, что хронология Логофеты несогласна с Несторовою, и что нападение *Россов* было в 852. Но Византийский Летописец говорит, что оно случилось во время Фотиева Патриаршества: Фотий же сделался Патриархом только в 858 году. Ученый Баер весьма основательно решил сомнение. Михаил царствовал 14 лет под опекою матери своей, Феодоры: Логофета исключает их, и разумеет *десятый год его* ^{64*} *собственного, личного* ^{64*} *правления, следственно* 866 (см. de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, Комментар. С. Петерб. Академии Т. VI); следственно Штриттер несправедливо вместил поход Аскольда и Дира в случаи 859 году (см. его *Российск. Историю*, Т. I, стр. 17—18); несправедливо думал, вопреки нашему древнему Летописцу, что Варяги завладели Киевом еще прежде *Рюрикова княжения* в Новгороде. Сочинитель *Никон. Лет.* хотел таким же образом поправить Нестора, и выдумал *разные* походы Аскольда и Дира к Царюграду: чему верил и *Миллер.*— ^{65*} Нестор говорит: «в 14 лето Михаила Царя»: то есть, в 14 Индикт Михайлова Царствования, или в 866 году ^{65*}.

См. Мемор. рору. Т. II, стр. 957—958. Греки воображали, что на Севере, около источников реки Днепра, есть великая гора Тавр (см. Баер. Origines Russicae, в Комментар. Академии Т. VIII, стр. стр. 402).

Шлецер не признает сих *Россов* Киевскими. «Вероятно ли (говорит он в своем *Nestor*, Ч. II, стр. 258), чтобы Аскольд и Дир, едва утвердясь в Киеве с горстию Варягов, собрали так скоро многочисленное войско и дерзнули приступить к Царюграду?» Вероятно, если Аскольд и Дир в 864 году—или ранее, ибо древняя хронология нашего Летописца подвержена сомнению (см. выше, стр. 58—59) — могли завладеть Киевом; если дружина их, как пишет Нестор, была усилена Варягами, пришедшими в след за ними из Новгорода; если они также взяли с собою и Киевлян. Впрочем мы не видим отменной многочисленности их войска. Историки Византийские говорят о двух стах лодках, на которых едва ли было и 10 000 человек (см. ниже). Они шли не взять Константинополь, а грабить приморские монастыри и селения. Михаил, не имея на тот раз флота в готовности, мог удалить грабителей только мо-

литвою или золотом. Преемник его, Василий Македонский, отправил к ним дары, желая избавить берега Черного моря и Восдора от нового опустошения. Слова Фотия, что Россияне господствовали уже над соседственными землями, изъясняются вероятным предположением, что Аскольд и Дир, утвердись в Киеве, покорили некоторые Славянские племена в его окрестностях. К тому же молва народная всегда увеличивает силу неприятеля нового.— Те же самые Византийские Историки, которые пишут о нападении *Россов* при Михаиле: Лев Грамматик, Константинов Продолжатель, Симеон Логофета, Георгий Монах, Кедрин, Зонара, описывают и поход Игорев *из Киева* в 941 году, называя тех и других неприятелей одним именем: следственно они считали их одним народом, уже весьма известным в Константинополе около 902 году, ибо многие Киевские Россы служили тогда в Греческом флоте (Мемог. роруl. Т. II, стр. 972): о чем будем говорить ниже. Где истина сама собою представляется глазам Историка, там нет нужды прибегать к странным гипотезам и выдумывать еще других Россов, которые, по мнению Шлепера, «в 866 году приходили на 200 судах к Царюграду, неизвестно откуда, *только не из Киева*; названы так, неизвестно для чего; ушли, неизвестно куда, и после совсем исчезли в Истории, уступив имя и место Россиянам Киевским!» Народы не падают с неба, и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия.

Удовольствия малой и низкой души были единственным предметом Императора Михаила, а добродетель казалась ему врагом удовольствия. Он жил на Гипподроме, и гостящаясь ристанием, не хотел слушать людей, которые приходили ему сказывать о близости неприятелей; велел даже сломать так называемые сторожевые башни, чтобы звук набата не беспокоил ушей его. Нерон по крайней мере любил музыку и поэзию: Михаил одних коней и распутство.

²⁸⁴ Во время Императора Льва Македонского два брата, именем Гальвий и Кандид, похитили ризу Богоматери в доме одной старой Галилейской Жидовки, принесли в Константинополь и наконец отдали в храм Богоматери Влахернской (см. в Мин. Чет. Июля 2, сказание о сем случае, и Баера de Russ. prima exped. Constant. стр. 380). Сия церковь есть славнейшая в летописях Восточного Христианства. Имя *Влахерн* произошло от какого-то Влахерна, будто бы княжившего не далеко от Византии еще прежде времен Константина Великого. Дюканж подробно описывает ее великолепие и чудеса, которые в ней случились (Constantinopolis Christiana стр. 83).— О ризе Богоматери пишут здесь Лев Грамматик и Симеон Логофета; Продолжатель Константинов говорит только, что Россы, *удовлетворив гневу Небесному*, возвратились домой, и что молитва Фотиева защитила Царьград. Вот слова Кедрина и Зонары: «Россы, испытав гнев Божий, удалились» (Мемог. роруl. Т. II, 957—958). Сам Фотий в окружной грамоте своей к Архиепископам Восточным, упоминая о нападении Россов (Барон. Annal. Eccles. X, 253), молчит о действии святой ризы. Татищев, в утверждение сего чуда, приводит (см. Истории его. Т. II, стр. 364) молитву из Акафиста Богоматери, где сказано: *яко же иногда древле всеильным воеводством сласла еси царствующий град свой от Скифского воеводы, зверообразного, лукавого вепра, оного прегордого Кагана, и рассирепеющим морем тьмочисленные воин-*

ства потопила еси. Хотя Русские Князья и назывались Каганами: ибо в древнем харагетном списке *Жития Владимирова* (см. выше, примеч. 110) сказано: *похвалим же великого Кагана нашей земли, Володимера* (см. также *Слово о полку Игореве*, стр. 44. Московского издания): но в сей молитве говорится о другом чуде, которое описано в Синаксарии, читаемом в Субботу пятыя недели Поста (см. Триодион), и случилось в VII веке. Под именем *гордого Кагана* разумеется Хан Аварский, приступавший морем и сухим путем к Царюграду в 626 году (Мемог. popul. Т. I, стр. 747).— Киевские жители употребляли имя *Кагана*, вместо Государя, для того, что они долгое время были подвластны Хазарским Великим Каганам. Далин (см. его *Gesch. des R. Schwed. Т. I*, стр. 400) угадывал, что Император откупился от Россов золотом. Шлецер нашел в летописях Франкских, изданных Дюшеном, что риза же Богоматери спасла город Шартр от свирепости Норманов (см. его *Нестора*, Ч. II, стр. 235).

²⁸⁵ См. Мемог. popul. Т. II, стр. 958, Баера de Russ. prima exped. Const. и Барониевы *Annales Eccl. X*, 253. Напрасно жестокий ненавистник Фотия, ученый Ассемани, доказывает нам, что сей великий Патриарх хотел обмануть современников и потомство, и сочинил *мнимое* свое послание уже тогда, как Игнатий снова управлял Церковью: ибо (говорит Ассемани) Депутаты Восточных Престолов на *осьмом* Соборе, бывшем в 869 году, объявили, что они не имели никакого сношения с Фотием (*Kalend. Eccl. Univ. II*, 254, 256). Фотий превосходил всех современников в учености: чему доказательством служит его так называемая *Библиотека* или выписки из разных книг, сделанные им для своего брата. В сих выписках упоминается о двух или трех стах сочинениях, нам совсем неизвестных (см. *Extraits de Photius*, в *Mémoires de l'Académie des Insct. etc.* год 1738).— Древнее истинное предание, что *Христианство вошло в Россию при Фотии*, ввело новейших Летописцев в грубую ошибку: не сообразив разности времен, они говорят, что Фотий крестил Ольгу (см. ее *житие* в Прологе), и что Фотий же прислал Епископов ко Владимиру!

²⁸⁶ Мемог. popul. Т. II, стр. 962—964.— Михаил умерщвлен в 867 году, ^{66*}— 23 Сент. (см. *Круга Вуз. Chron. 3*) ^{-66*}. Император Василий Македонский возвратил Игнатию сан Патриарший (см. Баера de Russ. prima exped. Const.).— Константин так повествует: «Князь и Вельможи Русские, в торжественном собрании слушая Евангельское учение, не хотели верить ему, но сказали Греческому Епископу: *брось в огонь сию книгу, и ежели она не сгорит, то мы поверим ее святости*. Епископ исполнил их волю, и Евангелие осталось невредимо. Тогда, убежденные чудом, Князь и Вельможи приняли Христианство». В *Никон. Лет.* упоминается о сем случае, Т. I, стр. 21—22, и в *Степен. Книге* Т. I, стр. 85.

²⁸⁷ В договоре Игоревом с Греками сказано: «Мы же Русь, елико нас крестилися есмы, кляхомся церковью Св. Илии». Далее: «а иже преступить се от страны нашей, или Князь, или ин кто, или крещен или не крещен». (См. в *Несторе* стр. 44).

²⁸⁸ См. выше, примеч. 261. Варяги исповедывали Веру Одinou (см. *Исландскую Эдду*).

²⁸⁹ *Никон. Лет.* говорит, что в 864 году Болгары умертвили сына Аскольдова; что в 865 Аскольд и Дир воевали с Полочанами, в 866 с Греками, а в 867 побили множество Печенегов: то есть, со-

чинитель сей новой летописи выдумал на каждый год особенную войну для Князей Киевских — забыв, что в 865 году Полоцк уже принадлежал Рюрику (следственно Варягам, Аскольду и Диру, надлежало бы воевать с Варягами); забыв, что в 867 году еще не было Печенегов близ Киева. В *Воскресенск.* и других летописях сказано, что Аскольд и Дир, за несколько времени до своего Константинопольского похода, воевали с Древлянами и Угличами (см. ниже, примеч. 362); но в харатейных, верхних списках Нестора нет сего обстоятельства. В Демидовском Хронографе, находящемся в Университетской библиотеке, есть следующее место: «При Царе Михаиле, в лето 6360, ходили Русь войною из Киева града, Князь именован *Бравалин*, воевати на Греки, на Царьград, и повоеваша Греческую землю, от Херсона и до Скуруева и до Сурожжа... о том писано в *Чюдесах Св. Стефана Сурожского*» (ни в Прологе, ни в Минее нет сего известия).

В *Никон. лет.* еще прибавлено: «возвратишася Аскольд и Дир в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велий.... Бысть в Киеве глад велий».

²⁹⁰ См. Маллетову *Histoire de Dannemarck* Т. I, 146.

²⁹¹ По рукописному житию Св. Князя Константина (см. выше, примеч. 214). Он нашел в Муроме все древние обыкновения Славянской Веры. Св. Авраамий (см. *Пролог*) разрушил в Ростове Кумир *Велесов*. В *Воскресенск. Лет.* пред годом 866 сказано: «Рюрику же княжашу в Новгороде, и роди сын и нарече ему имя Игорь; возраст же и бысть храбор и мудр». В *Никон. Лет.* означено, что Игорь родился в 865 году. Но в харатейных написано только, что он по смерти Рюрика остался младенцем: *бе бо детеск вельми*. — В *Степен. Кн.* с большею вероятностью прибавлено: «остави (Рюрик Игоря) яко двою лет». В некоторых новых исторических повестях Олег назван *племянником Рюрика* (*Др. Рос. Вивлиоф.* XVI, 53); сказано также, что последний умер *в городе Кореле*.

²⁹² Сказка, что Олег на пути своем в Киев построил Москву, есть новое изобретение, которым Г. Елагин напрасно укоряет Митрополита Макария. Она находится в кратких исторических повестях (не смею назвать их летописями) сочиненных около времен Царя Алексия Михайловича: на пример, в Кикинской рукописи библиотеки Миллеровой (в Архиве Иностран. Коллегии, № 4). В доказательство ума и знаний сего изобретателя привожу слова его: «Прииде же (Олег) на реку глаголемую Москву, в нее же ту *прилежать* две реце: единой имя Неглинна, а друзей Язуз; и постави ту град мал, и прозва его Москва, и посади ту на Княжение от сродников своих. Прииде же и в Киев, и убив *трех братьев*, Киевских начальников, *Кия, Щека, Хорива*. Довольно.— В Несторе: «и приде к Смоленску с Кривичи и прия град». В войске Олеговом были не одни Кривичи: Нестор, кажется, хочет сказать, что они более других помогли ему взять город. *Архан. Лет.* придумал разные обстоятельства. «Князь Русский стоял на берегу Днепра в шатрах разноцветных. Старейшины Кривичей, видя их, с удивлением спросили: кто является нам *в такой славе*? Князь или Царь? Тогда Олег вышел из шатра, держа на руках Игоря, и сказал им: се Игорь, Князь Русский! и Кривичи нарекли его своим Государем». Так в новейшие времена украшали простые Несторовы сказания.— По одной догадке прибавлено в некоторых летописях,

что Смоленские Кривичи отказались платить дань Олегу, и что он за то взял их город.

В *Троицк.* списке именно сказано, что Олег оставил в Смоленске *Боярина*; в *Пушкин.*: «посади муж свой». В первом нет о Любече; но во втором: «взя Любеч и посади мужи свои». Ныне Любеч есть торговое местечко, Губернии Черниговской, на Днестре.

Новые Историки и Летописцы Русские говорят от себя, или веря Стриковскому, что бедствие, претерпенное Аскольдом и Диром на Воспоре, заставило Олега итти к Киеву; но между сими двумя случаями прошло 16 лет. Из Несторовых слов: *придоста к горам Киевским, и уведо Олег, яко Аскольд и Дир княжита*, заключим ли, что сей Князь только под Киевом узнал о державе их? Вероятно ли, чтобы между Варягами Киевскими и Новгородскими в течение осьмнадцати лет не было никакого сообщения? Вероятно ли, чтобы Олег с войском многочисленным скитался без цели и намерения, не зная, какие места встретятся ему на пути его?

²⁹³ Нынешний так называемый *Старый город*, между Киево-Печерскою крепостию и Подолом: место редкое своим красивым видом.

Олег, по *Никон. Лет.*, сказался больным, велел объявить Киевским Владетелям, что у него множество *бисера драгоценного*, и что ему надобно говорить с ними о важном деле! Жаль, что сия выдумка укрылась от внимания некоторых Историков: они доказали бы нам, что купцы Новгородские в IX веке торговали *жемчужом восточным!*

²⁹⁴ И так Олег признавал Игоря законным Государем и думал властвовать его именем. В летописи: *«и вынесоша Игоря»*: следственно младенца (см. выше, примеч. 291).

²⁹⁵ Не Ольгин, как думал Щербатов, поверив *Синопису*. Кто был сей Ольга, без сомнения знаменитый человек в древнем Киеве? неизвестно. Шлецер (*Nestor Ч. II, стр. 63*) называет его строителем церкви Св. Николая: по чему? Летописец не говорит того.— Далее: «а могила Дирова за *Св. Ориною*». Не за монастырем ли *Св. Ирины*, основанном при Ярославе? См. печати. *Нест.* стр. 105 и *Путешествие в Киев некоторых духовных особ.* Татищев думал, что Киевляне построили в новейшие времена церковь над могилою Аскольда в знак его Христианского благочестия: догадка сомнительная. Ежели бы в древнем Киеве было предание о Христианской Вере сего Князя, то Нестор сохранил бы оное в своей летописи.

²⁹⁶ «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: се буди *мати* градом Русьским; и беша у него Варяги и Словени и прочии, и прозвашася *Русь*». Но Аскольд и Дир еще до Олега сделали имя *Руси* известным в сих местах и в Греции, так что Киевская область в XII и в XIII веке преимущественно называлась у нас *Русью* (см. сей *Истории Т. II, примеч. 316, и Т. III, примеч. 74, год 1193*).

²⁹⁷ Мы видели, что он в Смоленске оставил своего Боярина. В договоре, заключенном после Россиянами с Грециею (см. ниже), сказано, что Олег имел под рукою своею многих Князей или Вельмож, которые управляли городами.

²⁹⁸ *Гривна* означала 1) украшение золотое, носимое Князьями и Вельможами на шею; 2) вес и монету числительную. В *Уставе ратных дел*, писанном в царствование Василия Иоанновича Шуйского, сказано (Т. II, стр. 17), что «ядро пищали (пушки) *Василиска* весило 70 *гривенок*, и что 240 таких ядер составляли 168 *коптарев*,

а в контаре два пуда с половиною (стр. 18)». Следственно *гривенка* в общем смысле веса означала *фунт* (так показано и в наших древних рукописных Арифметиках, с прибавлением, что *малая* гривенка есть 1/2 фунта). Но в металлах драгоценных под именем *гривны* разумели только 48 золотников или Немецкую марку. Леонтий Магницкий в Арифметике своей, напечатанной по приказанию Государя Петра Великого в 1703 году, и выбранной отчасти из старинных математических Славянских книг, говорит (лист 37 на обороте), что гривна серебра имеет в себе 16 лотов, а гривна золота 56 червонцев. Имеем еще вернейшее свидетельство. В Посольских делах Прусских (см. в Архиве Иностран. Коллегии № 1, л. 146, год 1518) сказано: «Зоветца марка, а у нас по-Русски *гривенка* (серебра)... и кояждо гривенка на 16 лотов разделитца». — И в летописи Несторовой и в Русской Правде за числом гривен означается металл, когда говорится о золоте; но где речь идет просто о гривнах, там всегда разумеется серебро. Но как *ходячая монета* древних Россиян была действительно не серебряная, а *кожаная* (см. ниже, примеч. 524 и 527), то под именем гривны надобно разуметь единственно монету *числительную*, которая *сначала* хотя и представляла цену серебра, но скоро, не имея достоинства внутреннего, унизилась в отношении к металлу и к вещам.

²⁹⁹ «Устави (Олег) дани Словеном, Кривичам и Мерям Варягом дань даяти, от Новгорода гривен 300, *мира* деля» (для). По точному смыслу летописи не один Новгород, но и другие народы Русские платили Варягам, хотя Нестор сказывает только, чем обложены были Новгородцы, для соблюдения мира и дружбы с корыстлюбивыми воинами Скандинавскими. Вместо того, чтобы давать им жалованье из казны, Олег разложил его на свои области. Узнаем в последствии, что Новгород, кроме сего жалованья, платил еще особенную дань Государям Киевским.

³⁰⁰ То есть, между сими народами, по Несторовой Географии, не было иных. Кривичи восточные, или Смоленские, могли граничить с Клевшинскою Мерею в нынешней Московской Губернии. О дани Древлянской сказано: «по черне куне»: с человека или с дыма? второе вероятнее. Домы можно было исчислить скорее людей. Так Киевляне, Северяне и другие платили Козарам по белке с дыма. — Олег, уже прежде взяв на Днепре город Северян, Любеч, еще не завоевал тогда всей их области. — О дани Радимичей: «и вдаша Ольгови по плягу, яко же Козаром». Они платили одну дань с Вятичами, которые (что увидим в княжение Святослава) давали Хану *по щлягу с соли*. Сия монета (у Поляков *szelag*) есть тоже, что шиллинг Немецких народов. — Следственно Радимичи имели уже *деньги* в IX веке? Сначала сказал Летописец, что Козары обложили их только веверицами (см. [сей Истории] Т. I, стр. 54); но быть может, что Радимичи и Вятичи, имев долговременное сношение с Козарами, получили от них монету. — По миролюбивому расположению Козаров новейшие Арабские Историки говорят, что мнимый праотец сего народа, именем *Козар*, был человек кроткий, благодетельный и молчаливый (см. в Эрбелот. *Viblioth. Orient.* под словом *Khazar*).

³⁰¹ В летописи сказано только, что Олег *имел рать* с Суличами; но как наследники его без войны уже владели берегами Сулы, то заключаем, что сей народ был покорен Олегом. Суличи принадлежали ко племени Северян (см. *Нестор*, стр. 7). — Лутичи и Тивир-

цы жили по Днестру до самого моря: быть может, что Печенеги, завладев в X веке берегом Черноморским, принудили их отчасти удалиться в Подольскую Губернию или Галицию.

³⁰² Сих Угров, то есть, нынешних Венгров, Нестор в одном месте называет *Черными*, а древних Угров, известных еще в Ираклиевое время, *Белыми* (см. выше, примеч. 41). «Придоша (*Нестор*, стр. 10) Угры *Бели* и наследилша землю Словенску». Ниже, стр. 11: «идоша Угри *Чернии* — (так в харатейных и других списках, кроме *Кенигсберг.*, где нет сего прилагательного) — мимо Кыев, после же при Ользе» (Олеге). По Восточному обыкновению *белое* означало у Славян или *великое* или *древнее*: так Великая или древняя Хрватия называлась *Белою* (Мемог. рор. II, 390); так Дунайские Болгары в Игоревоу договоре (*Нест.* стр. 42) именованы *Черными* в отношении к Великой Болгарии; так Венгрия около X века разделялась на *Белую* и *Черную* (см. Гебгард. *Gesch. des R. Hungarn*, T. I, стр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константин Багрянородный пишет, что Венгры, изгнанные Печенегами из Лебедии, страны Козарской, обитали там три года, и помогали Кагану на войне (в Бандури T. I, стр. 107). Тунман изъясняет, что вместо *трех* лет надобно читать 203 года (*Gesch. der Östl. Völk.* стр. 106): «ибо Угры с 680 году находились в подданстве у Каганов». Но сии изгнанные Печенегами Угры могли быть новыми пришельцами. Константин гворит, что они не имели Государя, ни *собственного*, ни *чужеземное* (*principem vel indigenam vel alienigenam habuerunt nunquam*): следовательно не были действительными подданными Кагана, хотя и помогали ему на войне, кажется, за то, что он дозволил им обитать в его владениях.— История древнейших Угров, или Урогов, Гунигуров, Сарагуров и проч. исчезает в Византийских летописях около VI века. Кажется, что сей народ, побежденный Козарами, смешался с ними.

Спрашивается, откуда пришли Венгры? Нестор пишет: *от Востока*, а древнейший Венгерский Летописец говорит: *из-за Суздаля* (см. ниже). Путешественники XIII века, Иулиан, План Карпин, Рубруквис, нашли в соседстве с Казанскою Болгариею, между Уралом и Волгою, людей говорящих языком Венгерским (см. Бергерсоны *Voyages en Asie* T. I, и Прая *Dissert. II in ann. veter. Hung.*, стр. 36—39). Рубруквис именует сию страну *Pascatir*, т. е. Башкириею: из тех же, или окрестных мест, вышли, как вероятно, в V веке и древнейшие Угорские племена, Унногуры, Гуннагары и проч. (см. выше, примеч. 41). Башкирцы говорят ныне языком Татарским: надобно думать, что они приняли его от своих победителей и забыли собственный в долговременном общегитии с Татарами.— Другие искали древнего отечества Венгров или Угров за Каменным поясом на берегах Оби и Сосвы, в земле Югорской (см. выше, примеч. 73), основываясь во-первых на сходстве имени, а вторых и на сходстве языка Вогуличей и Березовских Остяков с Венгерским (Прая *Dissert. II in ann. vet. Hung.* стр. 18—34, и Гнармати *Affinitas linguae Hung. cum linguis Fenicae originis*); то есть, полагали Венгров единоплеменниками Финнов. Так думали и Россияне XVI века, по уверению Герберштейна (*Reg. Moscovit. Comment.* 63). Но Константин Багрянородный называет Венгров Турками, и в языке первых находится весьма много Турецких слов (см. Прая *Dissert. V in an. vet. Hung.* стр. 106—108). Имена древних вождей Маджарских суть также неоспоримо Турецкие: Сальмуц,

Арпад, Кузан, Кархан, Салтан и проч. (Мемог. popul. III, 590). Самый народный характер отличает Венгров от Финнов: первые имели всегда дух воинственный, сражались обыкновенно на конях и жили, как Половцы и другие Татарские племена, в *вешах* (Нест. стр. 20) или в кибитках. Впрочем некоторые и Финнов производят от Гуннов и считают единоплеменниками Аваров, Печенегов и других Турецких народов (см. Прая Dissert. I, стр. 8—14): верю; но Финны утратили свой первобытный Азиатский характер, отделяясь от них в глубокой древности; а Маджары сохранили его.

Венгры сами себя называют Маджарами^{67*} или Мадиярами^{67*}, и в Восточных летописях известны под сим же именем. Но вероятно, что общее, древнейшее имя сего народа есть Угры, и что Маджарами называлось прежде какое нибудь особенное, сильное племя. Константин Багрянородный говорит, что Венгры в IX веке разделялись на семь поколений, из которых одно именовалось *Мезерр* (в Бандури Т. I, стр. 109): кажется, *Маджарами*.

Далее Константин пишет, что в стране Лебедии, названной так по имени знаменитейшего Воеводы Угорского, Лебедея, течет река Хингил: вероятно, Ингул или Ингулец (Мемог. popul. III, 608). Область Угров не простиралась ли от Харьковской Губернии до порогов Днепровских и до устья реки Ингульца? Оттуда могли они иметь сообщение с Дунайскими Болгарами, о котором упоминают Византийские Летописцы между 829 и 842 годами (Мемог. popul. III, 614). Тунман искал Лебедии в верховье Ингула, в бывшем Киевском Воеводстве (Gesch. der Östl. Völk. 142), где монастырь и лес доныне именуются Лебединским (см. Hist. de la Tauride, par Sestrenczewicz, II, 89).— С Несторовым сказанием, что Угры шли мимо Киева, согласны и Венгерские летописи (см. ниже); но когда? Нестор назначает 898 год, *Нотарий Короля Белы* 884, Константин 894, или 899. По известиям Франкских Летописцев (Шлец. Nestor, III, 140), Угры завладели Молдавиею в 894, а по мнению Тунмана (стр. 107) и Гаттерера (Allgem. Weltgesch. стр. 570) еще в 883.

В Кавказской Губернии, на реке Куме, видны остатки и развалины каменных зданий, называемые *Маджарами* (см. Sammlung Russ. Gesch. IV, 22, и Бишинг. Hist. Magazin, V, 533). Думают, что на сем месте был город Угров, бежавших от Печенегов на границу Персии. Имя, кажется, действительно происходит от них. Хотя некоторые ученые путешественники утверждали, что славные развалины Кумские есть единственно остатки великолепного Магометанского кладбища, принадлежавшего Моголам, которые^{68*} с XIII века^{68*} господствовали между Азовским и Каспийским морем (см. Гильденштет. Reisen durch Russland, II, 27, и Палласов Voyage dans le gouvern. merid. de l'emp. de Russie I, 264); однако ж о *городе Маджарах* именно упоминается в наших летописях XIV века.— Паллас говорит еще о *Маджарском* соляном озере, близ Кумы, и других развалинах, известных Черкесам под именем *Маджар-Юна* или *домов Маджарских*.

Шлецер хочет доказывать, что место Угорское близ Киева названо так от своего положения *у горы*: но самая гора называлась сим именем. Нестор говорит: «Приплы под Угорское.... Несоса на гору, еже ныне зовется Угорское» (Нест. стр. 18 и 19).

Безыменный Венгерский Летописец, так называемый. Нотарий Короля Белы, писавший не ранее XIII века, рассказывает следующую сказку: «Угры под начальством Воеводы Альма, *родственника*

славного Аттилы в 884 году тронулись из Скифии, где знатные люди и пастухи носят собольи шубы, где в реках блистают драгоценные камни, где золота и серебра множество; вошли в Суздаль, и в окрестностях Киева переправились чрез Днепр. Там вздумали они завладеть Россиею. Ее Герцоги или Воеводы (duces), узнав о сем намерении, призвали к себе на помощь семь Куманских (Половецких) Воевод; но Дух Святый был союзником Альма. Сей Герой сел на коня и сказал воинам: *о Скифы, товарищи! вы, долженствующие оружием приобрести себе отечество! испугаетесь ли множества Россиян и Куманов, подобных нашим псам, которые боятся голоса своих господ? Не число, но великодушие побеждает. Разве не знаете, что один лев, по словам некоторого Философа, обращает в бегство многих еленей? Не погиб ли Кир с 330 000 воинов в Скифии? Не бежал ли от наших предков Дарий, потеряв 800 000 человек, и сам Александр, сын Короля Филиппа и Королевы Олимпиады? И так поразили сих неприятелей как мух!* Угры, затрубив в воинские трубы, на голову побии Русских, и мечами своими секли головы Половецкие как сырые тыквы (сrudas cucurbitas). Видя сие геройство, Воеводы Русские согласились давать Альму ежегодно по 10 000 марок, и сверх того съестный запас, одежду и другие надобности, прося его, чтобы он шел чрез Галицию за лес Говос, в Паннонию, где некогда царствовал его предок Аттила; где много рек изобильных рыбью, и где живут Славяне, Болгары, Влахи, Римские пастыри. Альм согласился: тогда Воеводы, Киевский и Суздальский, прислали ему аманатов, 10 000 марок, 1000 лошадей с нарядными уздами и седлами, 100 мальчиков Куманских, 40 вельблюдов, и проч. Воеводы Куманские, видя милость Альмову, упали к ногам его и сказали: *отныне будь Государем нашим и куда судьба поведет тебя, туда и мы с тобою!* С обеих сторон, Угры и Куманы, дали друг другу присягу в верности и вместе отправились в Паннонию; а с ними и многие Русские, которые донные живут в разных местах Венгрии. Жители Киевские повели их к городу Лодомиру или *Владимиру*. Тамашний Воевода с дарами встретил Альма, который пробыл в сем месте 3 недели. Воевода Владимирский дал ему аманатов, 2000 марок серебра, 100 марок золота, 300 коней с уздами и седлами, 25 вельблюдов, 1000 волов и проч. В четвертую неделю пришел Герцог Альм в Галицию и захотел отдохнуть. Галицкий Воевода со всеми своими вышел босой на встречу к нему, принял его как Государя, дал ему аманатов, 100 лучших Арабских и 300 других коней, 3000 марок серебра, 200 марок золота, для него и для всех воинов; но чрез месяц просил его итти на Запад, в Паннонию, где царствовал некогда Аттила, и проч. Альм согласился, и Воевода Галицкий дал ему 2000 стрельцов и 3000 крестьян, чтобы проложить дорогу чрез лес Говос до границ Венгрии, и проч. (Anonymi Belae Regis Notarii Historia Hungarica, в Шванднеровом собрании Венгерских Историков Т. I, стр. 3—10). Сказка недостойная имени летописи! Так думали все хорошие Историки — Прай, Тунман, Гаттерер, Гебгарди. Шлецер убедительнее других представил ее нелепость (см. его Nestor, Ч. III, стр. 132). Нотарий Короля Белы, видя в свое время Россиян и Комапов между Венгерцами, думал сею баснею изъяснить, каким образом они зашли в его отечество. Но Половецв не было там до 1070 году (см. Гебгард. Gesch. des Reichs Hungarn и Шлец. Nestor, Ч. III, стр. 137). В России также не знали их при Олеге. Волынский город Владимир

построен уже Великим Князем Владимиром. Такие анахронизмы доказывают невежество Венгерского Летописца. Нотарий, по вероятному мнению Шлецера, хотел оправдать властолюбивые замыслы Венгерцев, которые в его время старались присвоить себе Галич и Владимир: для того он выдумал, что сии области были некогда в подданстве у Герцога Альма.— Россияне, живущие в разных округах или Графствах Венгрии, на левой стороне Дуная, поселились там без сомнения в древние времена, но только уже христианами (не ранее XI или XII века): ибо они все были Греческого Исповедания, следственно не в Католической Венгрии приняли Христианскую Веру. Хотя Византийские Летописцы, Иоанн Скилицис, Кедрин, Зонара, говорят о двух Венгерских Князях, Булосуде (Бульце) и Гиле, которые в X веке крестились в Цареграде и взяли с собою монаха Иерофея, названного первым Епископом народа их (Метог. popul. Т. III, стр. 620); но сей случай не имел важных следствий, и Христианство утверждено в Венгрии только при Гейзе, Римскимп, а не Греческими Миссионариями (Гегбарди Gesch. des Reichs Hungarn, Т. I, стр. 361).— Жестокое утеснение заставили наконец бедных Венгерских Россиян пристать к Унии. Один из них, Г. Орлай, Штаб-Лекарь Двора нашего, говорит в сочинении своем о *Карпато-Россах*: «мы лишились отечества, Закона прародительского и свободы!» Число их, по известию Г. Орлая, простирается до 800 000. Они говорят и пишут совершенно Русским наречьем. В пример сообщаю одно из их новейших стихотворений:

Русские Музы! с Карпатских снидиге гор,
 До Уга; во мой ставтеся Владычий двор.
 Внушите: от Песта весть радостну приях,
 Что праздник строится на Дунайских струях.
 Францишк, Граф Сечени, Угорский Аполло,
 Его же имя во Европе процвело,
 Венгерския библиофеки создатель,
 Здеших народов Музам истый приятель,
 На день Обручнику Иосифу святой,
 Князю Палатину тезоименитый,
 Готовит пир и изрядное торжество,
 Сообщаяй себе в том все отечество.
 Для того подданным Музам разгласил Собор,
 Да сберутся на Парнас, то есть, его двор.
 Той Царевичу представит оных лики,
 Игры, приветы и веселы мусики.
 В храм Славы покажет Музам дорогу,
 Аможе с вами тщуся, колико могу.
 Сих ради и вы, моя дщеры любезны!
 Кончайте скорьбь, и лиять потоки слезны.
 Невску престаньте Нимфу плакати *:
 Даст Небо ей во сестре равной востати.
 Прочь слезы, и черны ризы! мрак отходит;
 Вновь солнце восходяй, нов свет нам вводит....
 Вем: Паллас при Неве престол положила —...
 Карпат Славянов есть истый отец, мати;
 Но рассеяны дети то не ищут знати.

* Великую Княгиню Александру Павловну.

Буди тако: вы от Перемесских токов
 Далеко: да живет тамо Сумароков!
 Любовь, верность, кротость, простота природна,
 Паче правильных рифмов Князем угодна — и проч.

Нестор пишет далее, что Угры шли чрез горы названные после *Угорскими*: то есть, Карпатские.

³⁰³ По *Троицк.* списку, от 885 до 906 года. Сию пустоту наполняет Нестор извлечением из Византийских летописей о царствовании Льва и Александра (которое ни мало не касается до нашей Истории), сказанием об Уграх, Славянских буквах, переводе церковных книг, Апостоле Павле и Андронике, мнимых учителях Славянского народа, и наконец о браке Игоре: «Игореви же возрасту, п хожаше по Ользе и слушаше его». Другими словами: «он не имел никакой власти при Олеге!»

Город Псков обыкновенно именуется Плесковым в наших древнейших летописях: следственно он уже существовал тогда по словам Нестора, вопреки баснословию *Степенной Книги*, говорящей (стр. 30), что на его месте, при Ольге, был великий лес со многими дубравами, и что она, увидев там чудесное сляние, предсказала бытие Пскова. Татищев дополнил сие известие, сказав, что Ольга, возвратясь в Киев, послала множество серебра и золота в Изборскую область на строение нового города (его *Ист.* Т. II, стр. 41). Елагин, веря ему более нежели древнему Летописцу, удивляется заблуждению великого Историка Ломоносова и невежеству Миллера, которые говорят, что Псков уже был в 903 и 947 году! — Рукописное *Житие Св. Ольги*, которое я нашел в Троицкой библиотеке, сочинено не ранее XVI века: так думаю по новому слогу его. Следственно оно не может иметь никакой исторической достоверности в происшествиях древних.

В *Житии Ольги* и в *Степен. Книге* сия девица сельская говорит весьма умную речь нескромному Игорю: напоминает ему обязанности Государей; уверяет его, что она во глубине реки спасет свою невинность, и проч. и проч. См. также Минею.

³⁰⁴ Метог. рору. II, 972 и 1035.

³⁰⁵ Нестор именует здесь и Вятчей, но, кажется, ошибкою: ибо сам говорит после, что до времен Святославовых они не признавали над собою господства Князей Российских. Олег, по *Троицк.* списку, ходил к Царюграду в 906 (а не в 907 году): «в лето 6914 иде Олег», и проч.

³⁰⁶ Днепровские пороги, говорит Г. Зуев, суть не что иное, как быстрое стремление воды по камням большим и малым, которые лежат в реке и мешают судоходству. Они простираются на 65 верст. Главных считается 13 (см. *Записки В. Зуева* стр. 253). Правительство давно уже старается очистить безопасный путь для судов сквозь сии пороги.

³⁰⁷ Константин, говоря о своем времени, именует Печенегов; но Летописец наш еще не упоминает об них при Олеге. Впрочем они, по Византийским и другим известиям, могли уже быть тогда в Екатеринославской Губернии (см. ниже). Достоин замечания, что имя главного порога, *Ненасытского* (см. *Записки В. Зуева*) от времен Константиновых сохранилось донныне; Император называет его *Неасит*, ибо там на высоких камнях гнездились *неасыти*. Россияне находили способ проводить суда чрез другие пороги, но в сем

месте обыкновенно влекли их берегом (Метог. popul. II, 982).
³⁰⁸ Гиббон так описывает характер сего Императора: «Леон удостоился имени Философа. Соединение власти с мудростию, тонкого умозрения с полезною деятельностью, можно назвать совершенством человека; но Леон был весьма далек от сего воображаемого превосходства. Разум господствовал ли в нем над страстями? Леон провел жизнь в роскоши Двора, в обществе жен и наложниц. Милосердие и миролюбие его было действием слабости и характера беспечного. Победил ли он предрассудки свои и народные? душа его омрачалась самым ничтожным суеверием. Законы его утвердили излишнюю власть Духовенства и заблуждение народа: его пророчества о судьбе Империи основаны на Астрологии и мнимом волшебстве. Но Леон назван мудрым, для того, что был воспитан ученым Фотием; что многие книги им или под его именем написаны, и что он жил во времена общего невежества» (Decline and fall of the Roman Empire, T. VIII, гл. XLVIII).

Нестор пишет, «замкнули (Греки) Суд». В разных повейших списках его прибавлено: «цепию, веригам». Русские Историки толковали, что он под именем Суда разумеет Воспор, или канал соединяющий Черное море с Белым или Пропонтидою; но Византийские Летописцы говорят, что в случае опасности Греки преграждали цепию не канал, а только гавань или залив его, называемый Рогом, Κερας, Synus Ceraticus (Дюканж. Constantinopolis Christiana, гл. VI Catena, стр. 9—10). В 707 году сия цепь спасла Царьград от Аравитян, а в 822 от мятежника Фомы; но не могла спасти его в XIII веке от Крестовых воинов, ни в XV от Турков. Она была проведена от Акрополя до Галатской башни, в таком месте, где сей залив несравненно уже Воспора (см. план древнего Константинополя в Бандури, Т. II, и в Шевалье Voyage de la Propontide T. I). Шлецер предлагает другое изъяснение: он думает, что Нестор Суд есть окоп, или Византийское слово Σουδα, которое значит ров обнесенный тыном: fossa, seu potius vallum vel sudes (тын), quibus vallum ipsum et castra muniuntur [ров, или скорее, вал или тын, которыми защищаются сам ров и крепость] (см. его Nestor, Ч. III, стр. 258 и след.); но сие изъяснение явно несправедливо. Летописец четыре раза говорит о Суде. 1) Аскольд и Дир вошли со флотом внутрь Суду (Нестор, стр. 17); 2) Греки замкнули Суд от флота Олегова; 3) Игорь пожег весь Суд (стр. 4), не Суды, как сказано в некоторых новейших списках; 4) Ольга, прибыв в Царьград на корабле, долго стояла в Суде (стр. 54). Каким же образом флот Аскольда и Дира вошел внутрь окопа? как замкнуть окоп, и как Ольга могла въехать в него с кораблем своим? Но разумея под именем Суда гавань, все находим ясным. Так и древний Новгород. Лет., напечатанный в Москве, говорит (стр. 66), что Франки, овладевшие в 1204 году Константинополем, вошли сперва в Суд, разбив железные замки его; мы знаем, что они вошли в гавань Царьградскую, разбив цепь, которою он был замкнут (Constant. Christiana, гл. V). Суд древнее ли Русское имя, означавшее судовую пристань? или Византийское Σουδα, которое, может быть, употреблялось и в смысле укрепленной гавани? ^{69*}— или Германское Sund, как Варяги могли назвать залив Воспора (см. Круга Вуз. Chron. 197)? Последнее кажется вероятнее ^{69*}.

³⁰⁹ Магомет велел тащить, от деревни Бешикташа до Галаты,

80 галер по сосновым *насаленным* доскам, в то место гавани, которое называется ныне Кассим-Паша (см. *Кантемир. Историю Оттом. Порты*, кн. III, и Риттерово описание Константинопол. осады, в Немец. Allgem. Gesch.). Турецкие сказочники также говорят, что парусы сих галер развевались на сухом пути. — В некоторых Русских исторических повестях прибавлено следующее забавное обстоятельство: «сотвори (Олег) кони и люди бумажны вооружены и позлащены, и пусти на воздух на град; видел же Греци и убояшася» (*Др. Рос. Вивлиоф.* XVI, 54).

Нестор утверждает, что Греки действительно хотели отравить Россиян, и удивленные догадкою Князя, сказали: «несть се Олег, по Св. Димитрий, послан от Бога на ны. Димитрий Солунский был храбрый воин».

В летописи сказано, что Олег требовал с Греков «по 12 гривен на человек». Г. Болтин хотел доказать, что здесь слово *человек* есть винительный падеж множественного числа, и что Олег взял 12 гривен на людей, бывших в каждой лодке: «ибо Летописец сказал бы в единственном: *на человека*». Г. Болтин не заметил, что Нестор и во многих других случаях не различает падежей именительного и винительного; на пример Ольга, по всем древним спискам говорит Древлянам: «пойду за *Князь* ваш», а не *Князя*. Ежели бы Олег требовал дани на суда, то Летописец не имел бы нужды означать в сем месте число людей; но он тотчас прибавляет: *а в корабле 40 муж*, чтобы подсчитать сумму.

В *Троицк.* «дабы не воевал (Олег) граждан по пристанищем». К сожалению, в *Пушкин.* харатейном списке нет 12 листов, и я должен был от 898 году до 929 руководствоваться одним *Троицким*, сравнивая его с *Ипатьев.*, *Хлебников.* и с другими новейшими.

³¹⁰ В подлиннике: «12 гривен на *ключ*». Татищев, желая умерить дань, сказал, что *ключ* есть лодка ^{70*}; но чем же можно утвердить истину сего толкования? В какой старинной Русской книге, в каком Славянском наречии слово *ключ* знаменует лодку? ^{71*}— (Поляки называют *ключем* несколько деревень, составляющих одно владение: eine Herrschaft, eine Reihe von Landgütern, сказано в Лексиконе Г. Линде. Другие толкуют, что *ключ* есть *весло*: ибо мы называем *уключиною* на лодке столбик с петлею или два столбика, между конми ходит гребное весло) ^{-71*}.

Нестор уже означил выше Олегово требование (см. выше, примеч. 309) и сказал, что Греки *согласились* на оное: «и яшася Греци по се». Следственно они дали по 12 гривен на воина, и слово *ключ* употреблено здесь в смысле *человека*. Всякой язык имеет некоторые особенные выражения, в коих принадлежность вещи берется за самую вещь. Так Нестор пишет: «по белей веверице *от дыма*», вместо *с дома*, и: «по плягу *от рала*», вместо *земледельца* (в печати. стр. 16 и 56). Можно думать, что каждый Славянин, запирая драгоценнейшую собственность, обыкновенно ходил с ключем, привязанным к поясу (что делают и ныне Русские крестьяне и простолюдины); от того стали говорить: *на ключ*, вместо: *на человека*. В сем же смысле сказано в *Арханг. Лет.* (стр. 43), что Новгородцы дали Варягам по гривне *на щит*, вместо *на воина*. Прибавим также, что в некоторых летописях именно сказано: «нача (Олег) дань имати на 2000 кораблей, на *человека* по 12 гривен» (см. *Московск. Летоп.* л. 139, в Синодалън. Библиот. № 52).

Чтобы судить о вероятности означенной дани, надобно иметь

понятие 1) вообще о суммах, какие Норманы или наши Варяги брали в IX и X веке с народов ими побеждаемых, и 2) о тогдашнем богатстве Греков. В 810 году Норманы пришли на 200 кораблях в Фрисландию и взяли с жителей 100 фунтов серебра (*Annales Fuldenses*, в Дюшене Т. II, стр. 541). Город Париж заплатил им в 845 году 7000 фунтов серебра (Т. III, стр. 201). Карл *Плешивый*, заключив мир с Норманами, дал им в 866 году 4000 фунтов серебра (Дюшен. Т. III, стр. 225). В 884 году они требовали с Карломана 12000 фунтов чистого, пробного серебра (*XII millia pondera argenti puri atque probati*), обязываясь 12 лет не тревожить набегами областей его (*Annales Metenses*, Т. III, стр. 320). Сии места летописей приведены Г. Кругом в его сочинении *Münzkunde Russlands*, стр. 166—173. Что принадлежит до Греков, то они в X веке были конечно самым богатейшим народом Европы. На пример: в 902 году жалованье войска их, отправленного в Крит, составило 271 010 *солидов* или червонцев. Императоры ежегодно дарили в церковь Св. Софии 120 литр золота. Кто хотел войти в число Императорских телохранителей, тот вносил в казну 504 *солида* (см. *Констант. de Cerim.* стр. 378, 20, 21, 107, 400; в сочин. Г. Круга *Münzk. Russl.* стр. 177, 185). В Константинополе без сомнения можно было собрать несколько миллионов рублей (о цене гривны в древней ходячей Российской монете см. ниже, примеч. 527). Однако ж вероятнее, что Нестор увеличил взятую дань или число Олеговых воинов. Россияне, в 1043 году приступив к Константинополю, требовали с Греков по три фунта золота на каждого из своих ратников; но Император отвергнул сие требование как нелепое (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 37).

Укладами называлась дань или налоги.— Здесь упоминается о Переяславле: следственно сей город (на реке Трубеже, в 60 верстах от Киева: ибо мы не знаем иного в древней России) был уже в Олегово время? Полтеск есть Полоцк.— В *Кенигсберг.* списке сказано ниже: «*Великие Князи*»; в других просто: «*Князи*», подданные Олеговы.

³¹¹ В *Кенигсберг.* и других списках: «да приходяще Русь, слюбное емлют, елико хотяче». В *Никонов.:* «*спедное*»; в печатном Несторе также; в *Троицк.:* «дань емлют, елико хотяче». Истинное Несторово слово есть *сольбное*, которое употреблено в договоре Игоря с Греками (см. ниже) по харатейным спискам, в такой же связи, как и здесь. *Сольба* значит посольство; а *сольбным* называлось то, что давалось чужестранным послам на содержание. Писец в *Троицк.* списке хотел изъяснить сие значение словом *дань*, которого древний смысл есть *дар*.— Нестор именует здесь Русью послов, отличая их от купцев Русских. Трактат Игорев объясняет темное в Олеговых условиях.

В Константинополе жалованье войску, церковным служителям и хлеб из казенных магазинов выдавался обыкновенно *по-месячно* (см. Дюканж. *Glossar.*, в словах *Μηνιαία, Μηνιαιοῦσιον*). Греки обязывались только 6 месяцев содержать всякого купца Русского: иначе сии гости долговременным пребыванием своим в Цареграде могли бы обременить их.

³¹² В *Троицк.:* «да творят им *мовницы* (в *Кенигсберг. мовь*) елико хотять». *Мовницею* и *мовью* называлась баня. Так в *Пушкин.* и *Троицк.* сказано, что Ольга для послов Древлянских (см. ниже) велела *створить мовь*, т. е. изготовить баню. Издатель *Кенигс-*

берг. списка, вспомнив Польское слово Мова (*речь*), изъясняет; что выражение: «да творять *им* мовь, елико хотять», знаменует: *да объявят им!* Константинополь славился народными банями (Constantinopolis Christiana, гл. XXVII, стр. 88). Дюканж описывает их двадцать четыре; так называемые *Зевксипповы* были украшены мрамором и статуями великих Поэтов, Ораторов, воинов; в некоторых банях мылись и женщины и мужчины (Balneum duplex, в *Constant. Christ.* стр. 94).

³¹³ Между городскими стенами и Воспором. Там была церковь и монастырь Св. Мамы, дворец, портик и гавань (Бандури Imperium Orientale, Т. II, стр. 719, и Дюканж. *Constant. Christiana*, кн. IV, стр. 185). Французы, овладев Константинополем в 1204 году, увезли голову Св. Мамы, которая хранилась в тамошней церкви. Далее в летописи: «возьмут месячное свое, *первое* от града Кыева, и *паки* из Чернигова, из Переяславля, и прочии грады». Шлецер не находит тут смысла: Болтиц, в примечаниях на Историю Щербатова, говорит, что сии слова ошибкою перенесены из одной статьи в другую; но они и в Игоревом договоре стоят в такой же связи. Ошибки нет, и смысл ясен: сочинитель договора означает, из *каких* городов Россияне приезжали в Константинополь: 1) Киевляне, 2) Черниговцы — и проч. Слова: *первое* и *паки* (вместо *во-первых* и *во-вторых*) относятся здесь единственно к порядку, в котором наименованы жители сих городов.

³¹⁴ Нестор говорит о двух Царях Греческих: Льве и брате его Александре, который действительно имел титул Царя (см. ниже, примеч. 317), хотя Лев по смерть свою один управлял Империею (см. *Гиббона* Т. VIII, гл. 48, стр. 356. Базельск. издания). Политика могла заставить Олега чтить богов и Веру главного народа в государстве своем.

³¹⁵ Стриковский (см. в его Хронике гл. III) видел на Галатских воротах, против Константинополя, изображение всадника, бывшего Московским гербом, и думал, что сей всадник списан там с древнего щита Олегова! Князь мог повесить щит свой на Цареградских воротах, но Греки не захотели бы долго им любоваться; и Св. Георгий не был конечно гербом Олеговым. В другом месте Стриковский пишет, что под сим гербом находилась Греческая надпись, и что содержанием ее были славные дела Владимира Святого, зятя Греческих Императоров.— Норманские храбрецы выставляли иногда щиты свои на городских воротах в знак мира: чем Ютландские Короли, Готфрид и Сигфрид, в 882 году обманули воинов Императора Карла *Тучного*, заманив их безоружных в крепость свою и взяв в полон (см. *Fortsetzung der Allgem. Weltgesch.* Ч. XXXII, стр. §95).

Летописец говорит, что Олег на возвратный путь велел шить Русским *пре паволочиты*, парусы из шелковой ткани, а Славянам *кропины* или *полотняные* (ибо из кропивы делается особенный род полотна); но что ветер разодрал их, и Славяне сказали: «нам не даны такие парусы; возьмемся опять за свои *толстины*», или холстинные. Нестор поверил сказке. Так в *Слове о полку Игореве*, желая изобразить богатство добычи его в земле неприятельской, сочинитель говорит, что Русские *мостили мосты на болотах* Половечких узорочьями (стр. 11).— Древнее слово *пре* или *пря* (так в некоторых списках) имеет связь с глаголом *пряду*.

В *Троицк.* списке: «и прииде Олег к Кыеву, неся злато и паво-

локи, овощи и вина, и всякыя узорочья, и прозваша Ольга *оещий*: бяху бо людье погани и *невеголоси*» — то есть *невежды* (см. Стоглав, вопрос 16, гл. 41).

³¹⁶ Лев Грамматик, Симеон Логофета, Продолжатель Константинов, Георгий Монах, Кедрин, Зонара — самые те, которые повествуют о нападении Россиян в 866 и 941 году. Но следует ли заключить, что происшествие, ими не описанное, должно быть выдуманною? Нет: 1) вообще от 813 до 959 года Византийская История, по замечанию Баера, весьма неполна (см. Шлецер. Nestor, Ч. I, стр. 13); 2) не все летописцы Византийские дошли до нас; 3) чего нет в известных нам, могло быть в утраченных, ибо мы видим, что многие из них говорят о случаях, о которых молчат другие, описывая то же время; 4) Скилиций, Кедрин, Зонара, называют Св. Владимира зятем Василия и Константина, но не пишут ни слова, когда и как Российский Князь женился на Анне: следственно *не все* важные случаи описаны Византийскими Историками.

Все пароды в юности своей, не зная письмен, любили исторические песни и сказки, подобные Исландским Сагам: *Слово о полку Игореве* дает нам понятие о наших древних сказках. Нестор мог заимствовать из них некоторые обстоятельства: на пример, число кораблей Олеговых, *сопровождаемых конницею*; его *сухопутное плавание*; непомерную дань, будто бы взятую им с Греков; щит повешенный на воротах Константинопольских, и *паволоки вместо парусов*. Истина служит основанием для исторической Поэзии; но Поэзия не История: первая более всего хочет возбуждать любопытство, и для того мешает быль с небылицею; вторая отвергает самые остроумные вымыслы и хочет только истины.

Описав поход Олегов, Нестор говорит: «в лето 6415—6418 явися звезда велика на Западе *копишым* образом». О сей Комете упоминают разные, Византийские и Франские летописи, в последних именно сказано, что она имела образ длинного *копья*. Только Нестор ошибся годами: Комета являлась в 905 году по Р. X. (см. Cométographie, I, 352).

³¹⁷ Самые первые условия Олеговы с Греками описаны им, кажется, по словесному преданию о выгоде их для Россиян и по соображению с новейшими договорами: они предложены кратко и не имеют точности, соблюденной в договорах 911 и 945 года. Летоисчисление в *Троицк.* списке отстает здесь годом против иных, так же, как и в известии о походе Олеговом к Царюграду (см. ниже, примеч. 325). В конце самого договора, по *Троицкому* же списку, стоит: «месяца Сента. в 2 Неделю, *пятенадесять* лето создание мира». *Пятенадесять* лето означает 15 Индикт: следственно договор заключен, по внешнему летоисчислению, в Сентябре 911 года, за 8 месяцев до кончины Императора Льва, умершего в 912 году, Мая 11, по точным словам Константинова Продолжателя: Maii 11, die 3, indictione 15 diem obiit Leo [мая 11, во вторник, 15 индикта умер Лев]. Здесь ошибка единственно во дни недели: 11 Мая было в сем году не Вторником, а Понедельником. Император Александр умер в 913 году, Июня 6, в Воскресенье, чрез год и несколько дней после брата. Напрасно Паджи, вопреки современному Летописцу, относит кончину Льва к XIV Индикту (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 81—93).

Шлецер (см. его Nest. IV, 10, 11) в опровержение Олегова трактата говорит, что «в нем именованы Царями Греческими Лев, Алек-

сандр и Константин: Лев же не имел соправителя, и Константин восшел на престол уже в 912 году». Но Кедрин пишет, что Император Лев еще задолго до смерти своей короновал сего младенца. По Русскому переводу (Т. II, л. 91): «Император сына своего, Константина, увенчал рукою Евфимия Патриарха». Что касается до Александра, то он и при жизни Льва назывался Царем. Лев Грамматик в описании Львова государствования (гл. V), сказывает, что крестным отцем Зоина сына, Константина, (в 905 году) был *Царь Александр*.

³¹⁸ Между сими новыми послами именованы и те, которые заключили прежние условия с Греками. В рассуждении имен следую *Троицкому* списку, как древнейшему; но многие и в нем без сомнения испорчены. Все они разделены точками в подлиннике.

³¹⁹ *От всех, иже суть под рукою его*: древнее Русское, сильное выражение.

Ниже в *Троицк.*: «многажды право судихом (о мире), но точию правословесно» — в других *простословесно*: из чего должно, кажется, заключить, что прежние условия не были письменные.

³²⁰ Ни слова об Игоре: доказательство, что он при Олеге не имел власти.

Подлинный договор во многих местах невразумителен ^{72*} от того, что писец (может быть, еще прежде Нестора) внес оглавление статей в их содержание. На пример: «иже ся ключить проказ, *да елико яе будеть показань явленными*, да имеют о таковом явленьи (свидетельства). *А ему же начнуть не яти веры*, да не клянется часть та, иже ищеть». Здесь означенные косыми буквами слова ^{73*} — кажутся мне оглавлением ^{73*}. Для чего верили в суде, за недостатком свидетелей, присяге ответчика, а не истца? угадать не трудно. Законодатель полагает, что и тот и другой могут быть бессовестны: веря ложной клятве первого, судья только *оправдывает виновного*; но принимая ложь второго за истину, он *наказывает невинного*. Россиянам известно изречение великого ума: «лучше оправдать многих виновных, нежели наказать одного невинного». Законы Ярославовы также отвергают присягу истца.

³²¹ В *Хлебников.*, *Ипатьевск.* и в других: «Аще есть имовит (убийца), да часть его, сиречь иже его будеть по закону, да возметь ближний убиеннаго». В *Троицк.* выпущены слова: «сиречь иже»; но и то и другое ясно. Далее в *Ипатьев.* и *Хлебниковском*: «а и жена убившаго, да имеет толицем же пребудеть по закону». В *Троицк.*: «а жена убившаго да имеет та, олицем же пребудеть по закону». Татищев и Ломоносов толкуют, что родственник убитого брал себе именье и жену убитого! По законам Ладислава, Короля Венгерского, жена и дети убийцы получали третью часть из его именья (Desget. S, Ladisl. кн. II, гл. VIII). В договоре Игоревом сия статья предложена так: «аще ли ускочить створивый убой, и аще будеть имовит, да возмутъ именье его ближнии убиеннаго». Нет о жене ни слова.

³²² «Да держится тяжи»; а Татищев говорит: *суд кончить* — то есть, совсем противное.

В Греческой литре было 72 золотника, а литра серебра ценою равнялась с пятью *солидами* или червонцами (см. Dissertation sur l'état la monnaie Romaine в *Mémoires de l'Académie des Inscriptions* год 1718—1725, стр. 364, и сочинение Г. Круга Zur Münzkunde Russlands, стр. 153). Ярославовы законы определяют 12 гривен пе-

ни за удар мечем и сосудом: из чего следовало бы, что 12 гривен Ярославова времени равнялись ценою с 25 червонцами; но должно заметить, что Олег в договоре своем мог возвысить сию пеню для безопасности Россиян, живших в Цареграде (см. о гривне выше, примеч. 298, и ниже, примеч. 527).

Ниже: «да сойметь с себе и ты самыя порты, в них же хожаше». Портами называлась вообще одежда; теперь в сем значении осталось только имя *портной*.

³²³ В *Троицк.* и в некоторых: «мечтая образом искус творити». Выраженне: *творить искус*, значило *делатъ обыскъ*. Так ниже, в статье VIII, сказано, что купец везде может искать беглого своего невольника, и что всякой, кто не даст *творить сего искушения*, признается виновным. Писцы, не разумея сего выражения, обратили слово *мечтая в мучение*.— В сей V статье выше сказано о воре по *Ипатьевск.* и *Хлебников.* списку: «отдасть *трейчи*»: втрое?

Снабдети лодью есть *сохранить, соблюсти*. Так в Псалтири (Пс. 78, ст. 11) сказано: *снабди сыны умерщвленныхъ*. Только в нынешнем просторечии глагол сей значит *наделить*.

Ниже: «от бури или бороненья земельного ради»: слово *бороненье* значит *препятствие*. Славянский глагол *бранити* значит то же, что *возбранять*.

Ниже: «да егда ходим в Греки, ли сольбою Цареви вашему, ли с куплею». Татищев обратил *сольбу*, то есть посольство, в *мольбу* и доказывает, что Киевские Христиане ездили молиться в Константинополь.

^{74*}— Далее: «Спотружаемся гребцем тоя лодьи мы Русь, да проводим ю и с куплею по-здорову. Аще ключится близ *Греческия* земли такоже проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Русьскую землю». Весьма вероятно, что здесь описка, и что надобно читать: «близ *Русьския* (вместо *Греческия*) земли», а вместо: «лодьи Рустей», должно стоять: «лодьи *Греческой*». Сим замечанием (и некоторыми другими) обязан я почтенному А. И. Ермолаеву, любителю и знатоку наших Древностей. ^{-74*}

³²⁴ Слово ^{75*} наполненную описками статью можно изъяснить только шестою статьею Игорева договора (см. ниже): та и другая одного содержания. Здесь писец также внес оглавления — на примр: *еже требует на войну ити; о пленении, о Руси, о Крестьянех* (Христианах) — в самый трактат: от чего вышло повторение, замеченное им или кем нибудь (вероятно на поле) словом *многожды* — на прим. *о пленении многожды*; а другой писец включил в содержание и сии слова.

Ниже: «или мнитя в куплю на день челядиная цена». Слово *мнитя* тоже, что *вменитя* (см. *Лексикон Славянорусский* напечатанный в типографии *общежительного монастыря Кутеинского* в 1653 году, стр. 80). *Цена на день* есть цена того времени или настоящая.

Далее: «также аще и от рати ят будеть, да взратится во свою землю, и дана будеть цена его, якоже реченное, якоже есть купля»; а ниже сказано, что цена выкупная есть 20 златых, то есть Византийских *номисм* или *солидов*, которые имели вес Голландских червонцев или не много более (см. Рейске *Comment. ad Cerim. Const. Porph.* стр. 44, и сочинение Г. Круга *Münzkunde Russlands*, I, 137).

Далее в *Троицк.*: «еже требует на войну ити, сгда потребу творити, и сих почтити Царя вашего (не *нашего*), да аще в кое вре-

мя елико их придетъ, и хотять остати у Царя вашего, своею волею да будутъ». Греки, соглашаясь возвратить всех невольников в Россию, исключают Русских воинов, которые добровольно захотят служить Императорам. Наши толкователи, соединив с ними словами следующие: *о Руси, о пленены*, написанные в *Кенигсбергском*: «от Руси отполонены», думали, что Царю Греческому надлежало выкупить Русских пленников; но сие изъяснение совсем не основано на словах летописи.

Ниже в договоре: *по нужи продан будетъ*, то есть, отнят под видом купли; на пример, если бы Грек, отняв невольника у купца Русского, и бросив ему несколько денег, сказал, что сей невольник им куплен.

Далее: «Аще кто искушенья (обыска) того не дасть творити, местник да погубить правду свою». Татищев изъяснял, что *искушение* есть истязание, *местник* городской начальник, а *погубить правду* нарушить закон. Все три изъяснения несправедливы и даже не имеют смысла. *Искушение* обыск (в Лексиконе Кутеинском: «досветченъе, доведыванье»); *местник* тоже, что мститель, враг или противник в тяжбе; а *погубить правду* значит лишиться своего права в суде, быть обвиненным.

³²⁵ Так в *Троицком*. — В сей стгтье и следующей опять внесены оглавления в слова договора, равно как и в некоторых других статьях.

³²⁶ «Си бо вся да творять Русь Греком, вде же аще ключиться таковое». Сие относится к трем предыдущим статьям.

³²⁷ См. выше, примеч. 317. Я воспользовался здесь умным замечанием Г. Круга и привял его мнение, что переписчик договора вместо: *киноварным писаньем*, ошибкою поставил: *Ивановым писаньем* или *написаньем*; ибо выражение: *δια κίναβαρων γραμμάτων* [киноварным писаньем], обыкновенно употреблялось в Византийских трактатах; напротив того ни в них, ни в Русских *древних* не находим имени писцев. Договоры Греков с другими народами, имевшими буквы, писывались обыкновенно на двух языках (см. в Меландеровых *Посольствах* известие о мире, заключенном между Иустинианом и Персидским Царем Хозроем).

³²⁸ Метог. рорл. I, 8 и 103. Александр думал племянника своего, Константина, сделать евнухом, чтобы увенчать безумные дела свои. Патриарх Славянин назывался Никитою.

³²⁹ Метог. рорл. II, 983.

³³⁰ *Фофудьями*, как в летописи сказано: слово не Русское, (ибо в Славянских наречиях нет буквы Ф), но Греческое φοφουδοτος (см. Дюканж. Визант. Лексик.), то есть, *носимый с поясом кафтан*. Оно есть прилагательное имя и составлено из Еврейского слова *фуфель*, *пояс*, и Греческого глагола *δέω* или *δω*, *связываю*. Шлецер не справился с Лексиконом Византийского языка, и не знал, что такое Несторовы *фофуды*. Далее. «еще же (веле им показати) чудеса Бога своего, страсти Господне, венець, и гвоздь, и хламиду багряную, и мощи Святых». По Византийским летописям, около сего времени Царь Лев угощал послов *Сарацынских*, и показывал им все драгоценности церковные (см. Кедрина и Льва Грамматика).

³³¹ Нестор: «и живяше Олег, мир имея ко всем странам, княжа в *Кыеве*»: в противность чему *Арханг. Лет.* говорит о путешествии Олега в Новгород и смерти его в Ладоге.

³³² В одной *Исландской Саге*, сообщенной нам Торфеем, есть

такая же басня о рыцаре Орваре Оуде. Вещунья предсказала ему смерть от любимого коня его, именем *Факса*. Конь умер, и рыцарь, стоя на его могиле, думал, что вся опасность миновалась; но ящерица (*lascerta*) выползла из гниющего черепа Факсова, и в пята укусила Овара (Торф. Hist. Norveg. Т. I, кн. VI, гл. 6, стр. 273). Киевские ли Варяги передали сию сказку северным землякам своим, или северные Киевским?

³³³ То есть, мы полагаем, что Хорваты, им покоренные, жили в окрестности сих гор (см. выше, примеч. 70).

³³⁴ Что Юм говорит о своих Англо-Саксонцах, можем отнести к Русским Варягам и Славянам: «Народ, столь мало зависимый от уставов гражданских, мог ли с точностью следовать обыкновениям наследственной власти? Ежели сын умершего Короля был в совершенных летах, то он беспечно восходил на трон; а ежели оставался в малолетстве, то ближний родственник его присвоивал себе власть и сообщал ее детям своим». *Истор. Англ.* Т. II, в начале.

³³⁵ Здесь новейшие Летописцы говорят о войне Игоря с Угличами (см. ниже, примеч. 362). От похода Олегова до 945 года летоисчисление *Троицкого* списка все еще отстает годом от других: «В лето 6420 заратишася Древляне по Олгове смерти.... В лето 6421 иде Игорь на Деревляны... Приде Симеон Болгарский на Царьград... В лето 6422 придоша Печенеги... В лето 6427 поставлен бысть Роман Царем в Грецах... В лето 6449 Симеон иде на Хорваты и побежден бысть». В *Пушкин.* и в других списках все относится к следующему году, отчасти справедливее: на пример, по сказанию Кедрина, Хорваты разбили войско Болгарское в 15 Индикт, 27 Мая (Метог. роруl. II, 602): следственно в 942 году. ^{76*} Роман сделался Греческим Императором в 920 году (см. Круга Вуз. Chron. 141, 142) ^{-76*}.

³³⁶ ^{77*} Метог. роруl. III, 796—932 ^{-77*}. Немецкие Летописцы называют их *Пеценацами* и *Пецинегами*, Византийские *Пацникаматами* и *Пацниками*, Венгерские *Биссенами* и *Бессами*, Польские и Русские *Печенегами* (см. Шлецер. *Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*, стр. 452).— Мы не знаем языка ни Гуннов, ни Аваров, ни Печенегов. Знаем только, что последние говорили одним языком с Команами или Половцами: в чем уверяет нас свидетельство Анны Комнины (Метог. роруl. III, 908).— Дунайские Болгары до самого завоевания Мизии были, кажется, народом кочующим. Волжские и Камские имели селения и города, но уже в позднейшие времена.— Болгары, завоеватели Мизии, давно обратились в Славян по языку и нравам своим.— Константин (в Бандури Т. I, стр. 106) пишет, что три колена Печенегов, славнейшие храбростию, именовали себя *Кангар* (см. выше, примеч. 90).— Далее Константин говорит (в Бандури стр. 105), что Печенеги жили в соседстве с Узами и *Мазарами*, и что Узы с помощью *Хазаров* выгнали их отсюда. Некоторые ученые (Тунман, Гаттерер) думали, что здесь имя *Мазары* ошибкою стоит вместо *Хазаров*; напротив того иные мыслят, что последние есть описка (вместо *Мазаров*). Если бы Козары выгнали Печенегов из *отдаленных* Уральских окрестностей, то вероятно ли, чтобы сей народ — т. е. Печенеги — осмелились в бегстве своем *приблизиться* к ним с другой стороны и завладеть частью их собственных Азовских и Таврических владений? Под именем Константиновых Мазаров гораздо скорее можно разуметь единоплеменников Венгерского или Маджарского народа, который без сомнения

не весь оставил свои древние жилища; не весь перешел в область Козарскую: его-то, думаю, называет Абульгази (Hist. des Tatars, стр. 45) Мадзарами (Madsahres) и полагает их, за несколько веков до времен Чингисхана, в соседстве с Росспянами и Казанскими Болгарами около Урала и Волги.— О Лебедии см. выше, примеч. 302.

³³⁷ Post aliquot annos [через несколько лет], по словам Константина (в Бандури Т. I, 108). Франкские Летописцы согласно говорят, что Печенеги выгнали Угров из Молдавии в 896 году: см. Шлец. Nestor III, 140; также Констант. Багр. в Бандури I, 106, Баеров. Geograph. Russ. ex Const. Porph. в Комментар. Акад. IX, 399, и Гаттер. Allgem. Weltgesch. 582. Константин полагает только *день езды* от России до владений Печенежских, от Узии и Хазарип пять дней, от Алании (в Кавказской Губернии) шесть, от Мордии (Мордвы) десять.

³³⁸ 78*— См. Шлец. Gesch. der Deutsch. in Sieb. 224—225 -78*.

³³⁹ Известия Франкских Летописцев заставляют думать, что сей народ утвердился в Молдавии еще с 896 года (см. выше, примеч. 337). Печенеги, о которых говорит здесь Нестор, шли, кажется, из Лебедии. В княжение Олегово могли они ходить отсюда к Дунаю, не захватывая России, чрез владения Козаров и Херсонцев.

³⁴⁰ Констант. Багрян. в Бандури Т. I, стр. 56.

³⁴¹ Мемог. popul. II, 973. В некоторых списках Нестора сказано, что Игорь еще в 921 году приготовил сильное войско и множество кораблей.— Кедрин и Зонара говорят о 15 000 судов! Число без сомнения увеличено. Современный Историк Ллутпранд (о котором см. ниже) кажется справедливее пишет, что Игорь имел *тысячу* и *более* судов (кн. V, гл. 6). Лев Грамматик полагает, что Россиян всего на все было только 10 000 человек (Мемог. popul. II, 967).— Тогда правил Империею один Роман Лакапин, тесть Константина Багрянородного, и не давал последнему никакой власти.

³⁴² Он пишет, что Россияне забавлялись мукнами несчастных пленников: распинали их, расстреливали и вбивали им в голову железные гвозди. Кедрин тоже слово в слово (см. Русский перевод его, лист 109, и Мемог. popul. II, 970). Греки любили увеличивать зверство своих неприятелей.— Протоветиарий был хранителем царских одежд и первым по Доместике или начальнике сухопутных войск (см. Кодина о *чинах Константинопольского Двора*).

³⁴³ Он стоял на Европейском берегу Воспора. В *Воскресен. Лет.*: «Роман же посла дромоны (суда, у Дюкавжа *navis oblonga* [военный корабль]) елико бяху в Константинограде с Феофаном на Русь. Феофан же лодейные воя прежде урядив и уготовив, и слюзями себе утвердив, Руси ожидая, в ладиях на ня хотя ити с окрестнаго глаголемаго Фара, стражница, в ней же огонь влагаем на просвещении в нощи: се на устьи Понта стражу дея, зане ту часто разбсичество и на страны нагнания», и проч.

О повелении братъ Греков живых пишет Ллутпранд в Hist. кн. V, гл. 6; не милосердие, но корыстолюбие заставило Игоря дать онос: ибо Россияне торговали пленниками. Тем более не верю Византийским Летописцам, чтобы войны Игоревы убивали всех Греков, которые попадались им в руки.— *Υγρον πυρ*. Греческий огонь, изобретен, как известно, в VII веке Греком Каллиником. В наше время не умеют составлять его.— Россияне, по словам Летописца, говорили: «якоже молния иже на небеси, Греци имутъ у собе; пушасще жгутъ нас, и сего ради не одолехом им». Игорь, по Нестору

ву известию, опустошил Вифинию и Пафлагонию прежде Европейских берегов Востора; но Греческие Историки все согласно повествуют, что флот его, уже разбитый Феофаном, пристал к берегам Вифинии. Нестор пишет еще, что Россияне выжгли *Суд* или гавань Царградскую; а Византийцы говорят только о *Стене*: *Stenum enim, ita dictum, igne vastaverunt* [так называемую Стену разрушили огнем] (Мемор. popul. II, 969). Под сим именем разумелись вообще берега Востора Фракийского; иногда же о'чин Европейский берег, от Св. Мамы до Черного моря. Летописец наш поставил *Суд* вместо *Стена*. Гавань осталась цела, ибо из нее вышел тогда же флот Греческий.

³⁴⁴ От Июня до Сентября (Мемор. popul. II, 967—970).

³⁴⁵ Эльмакин или Альмакин, крещеный Араб, бывший в 1302 году Секретарем Египетского Калифа, говорит (*Historia Saracenicæ* стр. 213): hoc anno, scilicet 329 (т. е. 940—941) oppugnarunt Russæ Constantinopolin; sed restiterunt iis Romani, qui persecuti eos sunt, et in regionem suam se recipere coegerunt [в том году, а именно в 329 россияне напали на Константинополь, но византийцы спаслись от преследователей и вынудили их вернуться в свои владения]. Лиутпранд (*Historia* кн. V, гл. 6) пишет, что флот Греческий, во время Игорева нападения, был в отсутствии. «Император, думая, как отразить врагов, провел без сна несколько ночей; узнав же, что в гавани есть 15 ветхих судов, велел исправить их и выслал оные с огнем против Игоря. Ветер, мешавший действию сего огня, утих, и Греки зажгли суда неприятельские. Россияне, чтобы спастись от пламени, бросались в воду: многие утонули от тяжести своих шлемов и лат; другие боролись с волнами и также погибли; живы остались единственно те, которые ушли на берег. Греческие большие суда не могли гнаться за Русскими лодками, плавающими в самых мелких местах» — и проч.

³⁴⁶ Прастена, Володислава. Такое множество послов удивляет нас; но в древние времена оно было знаком особенного уважения к Монарху или народу, которыхъ и принимал их (см. *sur les fonctions des Ambassadeurs chez les Anciens*, в *Mem. de l'Acad. des Inscr.* год. 1734—1737). Можем найти и другую причину: Императоры *дарили* послов, и для того Россияне любили ездить к ним с поручениями от своего Двора.

³⁴⁷ «Ивар, сол Игорев, и *обчи* слы Вуефаст Святославль, сын Игорев (Святослава, сына Игорева) и Скусеви Ольги Княгини — Каницарь Передславин, Шишбер Сваиндр, жены Улебовы — (*нетия* Игорева, как сказано выше) — Прастен Акунь, нетий Игорев» (Акуна, нетия Игорева). Г. Болтин толковал, что «*Нетий* было название достоинства, первого по Боярах» — см. его *Примечания на Историю Щербатова* Т. II, стр. 232 — и что «оно происходит от Шведского слова *paett* (*чистый, изящный*)»; но сие имя есть древнее Славянское и значит сестрина сына: так в *Никонов. Лет.* V, 88, сказано: «служба Царю Мусульману с нетия своими, рекши ^{79*} с сестриничи». Следственно Рюрик имел дочь. — Передслава была, кажется, супругою Игорева племянника Улеба, а не Князя Святослава, как пишет мнимый Иоаким или Татищев.

³⁴⁸ ^{80*} 16 дек. 944 г. ^{-80*} Роман был свержен с престола Стефаном и Константином, неблагодарными детьми своими ^{81*} (Круга Вуз. Chron. 230) ^{-81*}.

³⁴⁹ См. выше стр. 105.

³⁵⁰ «Входяще же Русь в град, да не имеют волости купити паволок лише *пятидесяти* золотник» — а не *осьми*, как говорит Татищев, приняв *H* за *I* — «и *от тех* паволок аще кто купить, да показываеъ е Цареву мужу, и тот е запечатаеъ и дасть ему». Лиутпранд, как он сам пишет, должен был перед отъездом своим из Царяграда показать все драгоценные ткани, им купленные; городские чиновники приложили к ним печати, но удержали самые лучшие, возвратив ему деньгами, чего они стоили, и сказывая, что сии ткани запрещено вывозить из Константинополя: «ибо Греки, превосходя иные народы богатством и мудростию, должны превосходить их и красотою одежды» (Legatio Liutprandi etc. в Муратори Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Russlands, стр. 93—97).

Греки не хотели, чтобы Россияне, получая даром все съестное, заживались в Константинополе.

³⁵¹ В Олеговом трактате нет сего условия: следственно здесь упоминается о другом договоре, заключенном с Греками, может быть, в начале Игорева княжения. Татищев вместо паволоки написал: «по два кафтана»; но паволока не кафтан, а ткань. — Надобно думать, что некоторые особенные ткани, определенной доброты и меры, ходили в Греции как деньги. Протосафарий, или начальник телохранителей Императорских (меченосцев), именем Эппфаный, отправленный в Ломбардию, взял с собою на издержки между прочим и разноцветные ткани (Констант. de Cerim. стр. 382, в Кругов, сочинении Münzkunde Russl. стр. 86). Греки выкупали пленных шелковыми одеждами (Memor. popul. II, 82). Норманы означали цену вещей тканями (Ire Glossarium под словом Vadmal). Далее Татищев вместо двух золотников поставил *двадцать*.

³⁵² В Олеговом договоре положено выкупу 20 золотников за каждого Греческого невольника.

³⁵³ В *Пушкинск. п. Троицк.*: «Князь Русьский да воюеъ на тех странах», и проч. В *Кенигсб.* ошибкою поставлено: «на *всех* странах». Русские в окрестностях Херсонского владения могли воевать с Козарами и Печенегами.

³⁵⁴ В Олеговом договоре сказано тоже, с прибавлением других обстоятельств.

³⁵⁵ При устье Днепра, ныне Березань (Memor. popul. II, 984). ^{82*} У Нестора, вместо *Ефферия*, стоит имя *Елевферия* ^{82*}. — В *Историческом исследовании о местоположении Тмутороканского Княжения*, стр. 36—37, сказано, что область России простиралась тогда до устья Днепровского: при чем Автор ссылается на сие место Игорева договора. Напротив, оно доказывает, что устьем Днепра владели Херсонцы, когда Россиянам не позволялось там зимовать. В подлиннике: *егда придет осень, да идуъ в дома своя, в Русь*. Следственно Россияне были там *не дома* или не в своем владении; но могли, кажется, вместе с Херсонцами ловить рыбу в Лимане или в море. Даже и пороги Днепровские находились уже вне России, в области Печенгов (см. выше, примеч. 307).

³⁵⁶ См. Констант. Багрянород. de Adm. Imp. в Бандури Т. I, стр. 113.

³⁵⁷ См. выше, стр. 107.

³⁵⁸ В Цареграде была славная церковь Св. Илии; но здесь, как увидим ниже, говорится о Киевской. — Слово *обруч* значит тоже, что кольцо. — Далее следуют заклинания, как и в начале. — Татищев означил год и число договора (Апреля 20); но их нет в летописи.

³⁵⁹ Несправедливо считают церковь Св. Николая древнейшею в Киеве. Нестор пишет только, что она в его время стояла на могиле Аскольдовой; а когда построена, неизвестно. Соборная церковь Св. Илии была, по словам Летописца, *над ручаем, конец Пасынче беседы и Козаре*: думаю, что ^{83*} *беседою Пасынков* ^{-83*} *и Козарами* назывались две улицы или части древнего Киева, и что сия церковь находилась между ими. Имя *беседа* означало в старину *седалище*. В *Древних Русских Стихотворениях*, стр. 3, сказано: «подернута беседа рытым бархатом; на беседе то сидит Купав молодец».

Татищев прибавил здесь от себя: «Варяги, Славяне и Руссы». Нестор отличает первых только от Славян, а не от Руси.

³⁶⁰ *Челядью*, т. е. рабами и невольниками, которыми торговали Россияне.

³⁶¹ Константин называет их по-Русски *Гирами* (*γυρα*). На языке Оссетинцев *Гир* значит округ или область (см. Гильдебштет. Reisen, T. I, стр. 469).

³⁶² Не только Князья, но и всякой знаменитый Воевода имел свою особенную дружину.

Может быть, для объяснения зависти Игоревых воинов в некоторых *новейших* списках к описанию случаев 914 года, когда Игорь усмирил Древлян, прибавлено следующее: «И бе у него Воевода Свенельд, и примучи *Угличи*, и возложи на ня дань Игорь и вдасть Свенельду, и не вдасться ему един град, именем Пересечен, и седе около его три лета, и одва взят его. И быше сеядяче *Угличи* по Днепру вниз, и по сем приидоша межю Воишь Дестр и седоша тамо. И дасть (Игорь) дань Деревскую Свенельду, и реша дружина Игорева: *се дал еси единому мужеву много*. По сем после скажем». Углом называлась прежде река Орель в Екатеринославской Губернии, как говорит Летописец в описании войны наших Князей с Половцами в 1185 году. И так под именем *Угличей* (если оно не описка вместо *Суличей*: см. выше, стр. 101) надлежало бы разуметь Славян, которые обитали некогда близ реки Орели, и поселились наконец не далеко от Переяславля и Киева, где был город Пересечен (см. *Воскресенск. Лет.* II, 31). Слова: «*межи Воишь Дестр*», должны быть опискою, вместо: «*межи Воишь и Днепр*»: ибо Воишем называлась река или место за Переяславлем на Восток (см. ниже). Но известие о притесненных мнимых Угличах и щедрости Игоря в отношении к Свенельду кажется прибавлением новейшего Автора: оно несогласно с сказанием Нестора, который совсем не упоминает о народе такого имени в описании Славянских племен, и сказывает, что Игорь взял Древлянскую дань себе, а не для Свенельда, и что он еще увеличил ее: «*примышляше к первой дани*».

³⁶³ См. ниже, примеч. 401. Мы уже сказали выше, что Коростен есть нынешнее местечко Искорость в Волинской Губернии на реке Уше.

³⁶⁴ ^{84*} См. перевод Массуди в Клапрот. *Russland's Vergrößerungen*, стр. 182—257. Вот что он говорит о Славяпах и Россиянах (Russ): «Они живут на одной стороне города (Ателя) и сжигают умерших с их женами: это Индейское обыкновение... Сии язычники составляют часть Козарского войска... Россияне и другие народы, из коих многолюднейший именуется Модеанами, ездят с товарами в Грецию и в Козарскую землю. В 300 году Эгиры или после того (в 912 Р. X.) пришло 5000 кораблей, а в каждом 100 человек, в Канал Нитис (Азовское море?), имеющий соединение с рекою Козар-

скою» (Волгою? ибо Арабские Географы считали Дон рукавом Волги). «Там стояло множество Козаров, чтобы удерживать неприятелей, приходящих морем и сухим путем; особенно же Турков или Ghus» (вероятно, Узов или Печенегов). «Турки переходят через сию реку не летом, а зимою по льду: иногда сам Царь Козарский выходит против них. Россияне послали к Царю и требовали дозволения плыть его рекою в Каспийское море, обещая ему за то часть добычи. Он согласился. Россияне вошли в Канал и в устье реки; плыли ею вверх до реки Козарской, до города Эбеля (Ателя), и чрез город до Каспийского моря, где они высадили войско в Ираке, в Дилеме, Табаристане, Астекуне, Нефате, Адзарбайдшане; пролили множество крови, жгли и грабили. Жители давно не видали никого кроме купцов и рыбаков на сем море; но вооружились и сражались с ними. Россияне доходили до Нефаты, известной под именем Баку и принадлежащей к Царству Ширванскому, где властвовал тогда Али, сын Гитсима. Грабив там несколько месяцев, они возвратились к устью реки Козарской и послали к Царю множество добычи. У него нет кораблей, и люди его не умеют править ими. Но Магометане, ему служащие, сказали: *не хотим тебе повиноваться, когда ты даешь Россиянам лить кровь, пленять правоверных.* Царь известил о том Россиян: они вышли на берег и сразились с Мусульманами, копч было 15 000; в том числе и несколько Христиан, живущих в Эбеле (Ателе). Битва продолжалась три дни. Бог дал победу Мусульманам. Многие Россияне пали, многие утонули; тысяча пять ушли на кораблях и хотели еще грабить в земле Бертасе, в Булгарии: там Магометане истребили их. Число Россиян, убитых на реке Козарской простиралось до 30 000. С того времени они уже не дерзали являться в сих местах»^{84*}.

Абульфеда в *Annal. Moslem.*, стр. 265: Anno 332 (г. 943—944) *Russorum aliqua natio, domo egressa navibus, per mare Caspium et fluvium Cor subvecta usque ad urbem Bardaah penetrabat, eam occupabat, caedibus et rapinis complebat, et tandem domum eadem, qua venerat, via redibat* [В 332 году россияне из другого племени, отправившись на кораблях, через Каспийское море и реку Кор достигли города Барда, захватили его и наполнили резней и грабежами, и наконец вернулись домой тем же путем, которым пришли].— Абульфарагия или Абульфараджа, или Бар-Еврея *Chronicon Syriacum*, стр. 193: Anno, quo Mostacphius regnare coeperat (г. 944), *exierunt varii populi, Alani, Sclavi et Lazgi, qui usque ad Adorbiganam progressi urbem expugnarunt Bardoam, in qua ad 20 000 occiderunt* (т. е. убили в Барде до 20 000 человек) [в год, когда начал править Мустафий явились разные народы, алане, славяне и лазги, которые, дойдя до Адорбигана, захватили город Барду и убили там около 20 000]. Барда есть ныне местечко, называемое Берде.— Абульфеда жил в XIV, Абульфарадж в XIII веке.

⁸⁵ Татищев, ссылаясь на *Ростовскую летопись*, полагает рождение Святослава в 920 году; но в первой, в *Ипатьев.*, *Хлебниковск.* и *Воскресенской* означено, что сей Князь родился в 942: следовательно в 39 год Ольгиного замужества? вероятно ли? В 946 году Святослав уже мог воевать, хотя, по словам Летописца, был еще *детск*, т. е. очень молод; а в 970 сыновья его начальствовали в удельных областях (см. ниже). В год Игоревой кончины Святославу могло быть лет 12. В таком случае Ольга родила его будучи по крайней мере сорока трех лет (см. ниже, примеч. 382).

³⁶⁶ «Формилец его Асмуд, Воевода бе Свенельд, то же отец Мистишин». Но кто был Мистиша, Летописец не рассказывает: может быть, и сам не знал, взяв сие имя из какойнибудь древней исторической сказки или песни.

³⁶⁷ Так Гомеровы Поэмы, будучи зеркалом древних обычаев и нравов, весьма любопытны для самого Историка.

³⁶⁸ Здесь Нестор описывает положение древнего Киева: чем мы воспользуемся в другом месте.

³⁶⁹ В *Пушкинском*: «уже мне своего не *кресити*». Древний глагол *кресить* значил то же, что *воскрешать* или *восстановлять*.

³⁷⁰ «Седяху в *перегбех*, в великих *сустугах* гордящися». *Перегбами* назывались, кажется, некоторые особенные лодки. *Сустуги* могут значить кривлянье.

³⁷¹ В *Никонов.* и в других новых списках означено даже число их: *сорок*.

³⁷² См. *Волинские Записки* Г. Руссова, стр. 100. Он пишет, что древний Коростен принадлежит ныне помещикам Любовицким, и называется селом Дедичным; что в лесу видно место города и ворот; что там, где был Ольгин стан, находится теперь деревенька Шатрицы.

³⁷³ Ольга, любив мужа, хотела, чтобы Игоревы телохранители и по кончине сего Князя составляли особенную дружину.— Летописец думал, кажется, почтить женскую чувствительность Ольги, сказывая, что она не хотела быть зрительницей кровопролития.

³⁷⁴ *Церь*. В рукописном житии Ольги сказано: *серу с огнем*.
^{85*}— С. Стурлезон рассказывает (II, 61), что Гаральд, зять Ярослава Великого (см. нашей *Истории* Т. II), около половины XI века, для взятия одного города в Сицилии также употребил птиц, привязав к ним смолу с серою ^{85*}.— Когда Древляне предлагали дань Великой Княгине, она сказала им: «ныне у вас нет меда, ни skóry; аз бо не хочу тяжкы дани взложити, яко же и муж мой».

³⁷⁵ Сватовство кажется сомнительным: Ольге было тогда уже за 50 лет.

³⁷⁶ Олег, по известию Летописца, основал многие города.— *Вено* значит *приданое*; иногда *выводное*, или то, что жених дает за невесту. Примеры увидим в княжение Владимира и Ярослава.— О Вышегороде см. в *Метог. popul.* II, 982.

³⁷⁷ Нестор: «устанавлиюще уставы и уроки; суть *становища* ея и *ловища*»: то есть, известны места, где находились ее станы, и где она ловила зверей. *Становищами* также назывались в старину хуторы и дома, где можно было *приставать*. Так сказано в *Летописце Соловецкого Монастыря*, стр. 25, что Игумен Филипп в 1561 году построил в *Заяцком становище каменное с поварнею*.

Далее в *Троицк.* списке: «Иде Ольга к Новгороду, сына своего, Святослава, оставивше Киеву, и нача *устанавливати* по Мьсте и *погосты* и дани, и по Лузе *оброки* устави и дани, и *ловища* ея суть и до сего дни по всей земли Русьтей и Новгородьстей, знамянья же и места и *погосты*; и сани ея стоять в Пльскове и ныне; и по Днепру *перевесища* ея суть, и по Десне, и есть село ея у Киева близь на Десне *Ольжищи* и до сего дни». Слово *погост* употребляется ныне в двух смыслах, означая село с деревнями прихода его и место вокруг церкви, где погребают мертвых. В древние времена погостом называлась округа или несколько деревень, подсудных одному начальству. Разделение областей на такие округи могло быть в Оль-

гино время делом великой законодательной мудрости.— *Ловище* есть место звериной и рыбной ловли, а *перевесище* место *перевеса*, или сетей развешенных для ловления птиц (см. в новом изд. *Русской Правды* стр. 78, и в *Уложении* гл. XVII, отделен. 23). Историки наши несправедливо думали, что Ольга *распорядила* в государстве звериную, птичью и рыбную ловлю: здесь говорится о *местах*, где Княгиня сама забавлялась ловлею, местах известных и в Несторово время под пнем *Ольгиных*. Так называлась и в XV веке одна гора близ Пскова (см. сей *Истории* Т. V, примеч. 197). Летописец называет их *знаменем* ее, т. е. памятником. Каменевич-Рвовский (см. выше, примеч. 91), описывая путешествие сей Княгини, говорит, что она была и в Ярославской Губернии, где в его время, т. е. в XVII веке, один большой камень на берегу Волги, в версте от устья Мологи, именовался *Ольгиным*; что там же сын ее Святослав в окрестностях небольшого озера ловил птиц, соколов, кречетов, и прозвал сие озеро в свое имя *Святославлим*: оно называется ныне Святым. Но Каменевич забыл, что Великая Княгиня путешествовала без сына.— Татищев уверял, что село Ольжищи или Ольжищи доныне существует близ Днепра и Чернигова. Я справлялся и получил в ответ от Г. Черниговского Губернатора, Барона Френздорфа, что такого селения не бывало в Черниговской Губернии; нет и близ Киева на Десне. Оно было ниже Моровска по нашим летописям XII века.

³⁷⁸ Татищев, ссылаясь на какую-то летопись Симона Епископа (который никогда не бывал Летописцем), полученную им от Волынского, говорит, что «Ольга хотела, но не могла креститься в Киеве, боясь народа, и для того, по данному ей от Христиан совету, отправилась в Константинополь». Но мы знаем, что народ терпел Христиан в Киеве, Ольга же могла бы и тайно окреститься.

Патриарх, крестивший Ольгу, назван во многих списках Несторовой летописи Фотиим: его уже около 60 лет не было на свете; мог крестить ее Феофилакт или Полиевкт.

Мы следуем Несторовой хронологии; однако ж заметим ее несогласие с Византийскими известиями. Кедрин, Историк XI века, сказав, что в 945 ^{86*} году Император Константин Багрянородный взял Романа в соправители, и что два Князя Турецкие (или Венгерские) приняли Веру Христову в Цареграде, говорит о крещении Ольги, о смерти Романовой супруги Берты или Евдокии, о поражении Хавдаса, вождя Арабского, и наконец о смерти Патриарха Феофилакта. Жена Романова умерла в 949 году (см. Дюканж. *Famil. August. Byzant.* стр. 143): следовательно Ольга крестилась ^{87*} или в сем году или еще прежде ^{87*}? Хавдас был побежден два раза, в 950 и 956 г. (Аль-Макин. *Historia Saracenica* г. Эгиры 339 и 345), а Феофилакт умер в 956.— Но в книге, приписываемой самому Константину Багрянородному (*de Cerim. Aul. Busant.*) сказано, что он угощал Великую Княгиню Российскую 9 Сентября в Среду и 18 Октября в Воскресенье: по церковному Пасхальному кругу сии числа были Средою и Воскресеньем в 946 и 957 годах. Далее в том же Константиновом повествовании говорится о детях Романовых; а как Роман в 946 году еще сам находился отроком (хотя и женатым), то надобно, чтобы Ольга крестилась в 957 году ^{88*}, когда он уже мог иметь детей от второй супруги своей Феофании (см. Круга *Chronologie der Byzantier* стр. 267 и след.; также Архиеписк. Евгения Булгара *Разыскание о времени крещения Ольги*).

³⁷⁹ Мемог. popul. II, 976—979. Выписываем здесь подробности. Ольга, вошедши во дворец, остановилась там, где Логофет или Канцлер обыкновенно предлагал иноземным послам вопросы. За нею стали, у баляс, ^{89*}— Российские послы ^{89*} или чиновники (Аποκρισταριοι) и купцы. Логофет ввел Великую Княгиню в посольскую залу, где Императоры в таких случаях обыкновенно сидели на золотых креслах, между всеми чиновниками Двора, из коих всякой отличался особенным знаком. Поговорив с Императором, она должна была идти чрез разные комнаты в Августеон или круглое здание со многими крытыми переходами, и там села. Когда Император возвратился из залы в палату, тогда следовало второе представление в комнатах у Императрицы. В зале Юстиниановой было возвышенное место, покрытое багряного цвета коврами: на оном стоял трон Императора Феофила, а с другой стороны золотые царские кресла; на троне сидела Императрица, на креслах невестка ее. Ольгу проводили из Августеона в ближайшую горницу, и ввели в залу, когда собрались там придворные госпожи. Церемониймейстер именем Царицы предложил Великой Княгине некоторые вопросы: после чего Ольга вышла в другую комнату, называемую *Σχολα*. Императрица также удалилась в свои внутренние комнаты. Туда же отвели и Княгиню Российскую, где Император находился со всем Царским семейством; посадив ее, он вступил с нею в разговор.— Пред обедом Княжеские особы кланялись Императрице до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы Российские обедали в *златой палате* (Χρυσοτριχλινω).— Закуски были приготовлены для Императорского семейства и гости в обыкновенной столовой комнате.

³⁸⁰ В *помисме*, в *солиде* или в червонце было 12 Милларезий (см. Дюканжа в слове *Μιλιαρισιον*); но Византийские червонцы содержали в себе 70 гранов золота, а в Голландских только 57.

³⁸¹ Мы определяем здесь цену обыкновенных Милларезий (или Милларизий); но у Греков были еще двойные, *διπλατα μιλιαρισια* (см. сочин. Г. Круга *Münzkunde Russland*, стр. 158). В таком случае Ольга взяла 32 червонца.— ^{90*}— Царь Иоанн Вас. дарил иногда жен Хану Крымского одним *золотым* или червонцем ^{90*}!

Константин в книге de Ser. Aul. Vuz. не говорит ни слова о крещении Ольги: молчание его заставило ученого Геснера сомневаться в истине сего случая. Но в книге, сочиненной *единственно* для описания придворных обрядов, нужно ли было говорить о крещении Ольгином? Вот слова Кедрина (писавшего в половине XI века) и Зонары: «*Ольга*, супруга Князя Российского, который ходил со флотом против Греков, во смерти мужа была в Константинополе; крестилась там, оказала великое усердие к Вере истинной и с честью возвратилась в отечество» (Мемог. popul. II, 976).— Продолжатель летописи Регионовой также упоминает о крещении Ольги в *царствование Романа* — вероятно, сына Константинова. Он называет ее Королевою Ругийскою, *Еленою* (см. Ассемани *Kalend. Eccl. univ.* IV, 20). Не говорю о свидетельстве Длугоша, которое доказывает только, что он читал Нестора; а новейшие Богемские Летописцы, упомывая о крещении Ольги, повторяют Длугоша.

³⁸² В древних списках, в *Пушкин.* и в *Троицк.*, сказано, что Греческим Царем был тогда Цимиский: в новейших, в *Кенигсберг.* и других, сия Несторова ошибка поправлена, и вместо Цимиския поставлен Константин. Слова Летописца: «Приде к нему Ольга,

и виде ю добру сущу зело лицом и смыслену, удивився Царь разуму ей, беседова к ней и рек ей: *подобна еси царствовати в граде с нами*. Она же разумевши, рече ко Царю: *аз погана есмь; да аще мя хочещи крестити, то крести мя сам; аще ли не сам, то не крещуюся*. И крести ю Царь с Патриархом, и возва ю Царь и рече ей: *хоццу пояти собе жене*. Она же рече: *како хочещи мя пояти? крестил мя сам и нарек мя дочерью, а (в) Хресьянех того несь закона....* И рече Царь: *переключала мя еси, Ольга*. (*Переключала* есть собственно переключила или перехитрила, от слова: *кляка*, т. е. загнутая или кривая палка). Ежели Ольга в 903 году вышла замуж и двенадцати лет, то в 955 было ей уже 64 года: одна Нинон Ланкло прельщала в такой старости — и для того Шлецер в своей краткой Рос. Истории называет ее *Северною Нинон! Архангел. Лет.* говорит, что она десяти лет вышла за Игоря: положим! Сей же Летописец прибавляет следующее: «Ольга, пришед к церкви, не виде Царя, и рече: *кому мя крестити?* Патриарх же рече: *аз крещу тя*. Ольга жь посла к Царю и рече: *аще не крестишь мя сам, то не крещуюся*. — Нестор, описывая, как Патриарх учил ее, говорит: «Она же *поклонивши главу* стояше аки губа напаяема, внимающе ученья». Может быть, Летописец видел образ, который представлял Ольгу в сем положении. — Далее: «и дасть ей (Царь) дары многи, злато и серебро, паволоки и ссуды (сосуды) различныя, и отпусти ю, нарек ю дочерью себе». В ее житии, напечатанном в Прологе, сказано: «приимши крест и Пресвитера, иде в свою землю, и той *крест* и донныне стоит во Святей Софии (Киевской Соборной церкви) в олtare, на десней стране, пмейй письмамена сице: *обновися Российская земля святым крещением, его же прият Ольга Благоверная Княгиня*». Сего креста нет, и никто не слыхивал об нем в Киеве.

³⁸³ Ныне маленькая речка, текущая вне города Киева, к Северу, и впадающая в Днепр. — Татищев вместо *Суда*, ему неизвестного, поставил здесь *Скутари*; далее говорит, что Святослав не любил Греков, и что Ольга, одарив послов, отпустила их с великою честью: в летописи нет о том ни слова. — Шлецер в своем Nestor с жаром утверждает, что гордый Император Греческий не мог *привозить даров* от Княгини Российской.

³⁸⁴ Βουλλα χρυσῆ δισολδια [золотая двухсолидная булла]. Золотая печать сей грамоты стоила два солида или червонца. Когда в 946 году представляли послов Эмира Тарсийского Императорам, тогда многие *крестившиеся* Россияне, вооруженные мечами, были во дворце и держали в руках знамена. В 949 году находилось около 600 Россиян в Греческом флоте, отправленном к острову Криту. Полководец Никифор Фока в 962 и 963 году имел также Россиян в войске своем (Mémog. popul. II, 973, 974, 980). Арабский Историк Ахмет Эби-Абдаль-Вегаб, прозванный Новайри, пишет в Histoire de Sicile, переведенной французским Профессором Коссенем, что в средине *Шуаля* 353 (т. е. 25 Окт. 964 году) Греки, имея с собою многих Персов, Армян и *Россиян*, окружили в Сицилии Аль-Гассана. Сия История напечатана при Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel.

³⁸⁵ Татищев пишет (г. 964): «тогда же отрещи Ольга *Княжее*, а уложила брат от жениха по черне куне, как Князю, так и Боярину от его подданного». В примечании говорит, что сие место взято им из Раскольниковей летописи; что *Княжим* называлось, может быть, право господ растлевать невест в своих поместьях, и ссылает-

ся на Геродота! Мнимая Раскольничья летопись так же достоверна, как Иоаким.

³⁸⁶ Вятичи жили на Оке. Нестор пишет: «В лето 6472 Святослав налезе Вятичи, и рече Вятичем: *кому даете дань?* Они ж реша: *Козаром по цягю от рала даем*». Далее: «В лето 6474 Вятичи победи Святослав и дань на них взложи». И так Святослав в 6472 году приходил к Вятичам единственно за тем, чтобы предложить им вопрос? Сомнительно также, чтобы они *в сие время* платили дань Кагану: Русские и Печенеги жили между ими и Козарским владением. Но быть может, что Вятичи все еще назывались подданными могущественного Кагана, в надежде на его защиту.

³⁸⁷ Названия Саркел и Белая Вежа имеют один смысл: *вежа* означает и шатер и башню городскую; а Саркел *белый город* (Баер. Geographia ex Const. Porph. в Комментар. Академии Т. IX, стр. 399). Сей город был на Дону (см. выше, примеч. 90). Другая Новая Белая Вежа находилась между Нежиным и Роменом, в верховье реки Остера (см. *Большой Чертеж*, стр. 149—150, и нашей *Истории* Т. II, примеч. 219). Татищев и Болтин несправедливо полагали древнюю Козарскую Вежу при устье Днепра, где цвела некогда славная Ольвия. Первый ссылался на договор Игорев с Греками; но там, по всем спискам Несторовой летописи, говорится о *Белобережье* при устье Днепра: Татищев не разобрал или хотел поправить, и в *Истории* своей обратил имя сего места в *Белую Вежу*. Он не знал, что Херсонцы, а не Козары владели Восточными берегами Днепра и приморскую землю от Крыма до Лимана (см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. в Комментар. Акад. Т. IX, стр. 397 и 398).

³⁸⁸ О Кавказских Оссах или Оссетинцах см. Гильденштета *Reisen durch Russland*, Т. I, стр. 470. Арабские и Татарские Историки называют Ясов Аланами (см. выше, примеч. 40). Часть гор Кавказских именовалась у нас в XIII и в XIV веке *Яскими* (см. *Воскресен. Лет.* II, 291). Яский город Деяков или Тетяков был в Дагестане (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 157). Там Яссы или Алане сражались с Татарами (см. Абульгази *Histoire des Tatars*, 308, 309). Близ устья Волги находился город Алан или Ясов (см. Рубруквиса в Бергерон. *Voyages*, 137). Думаю, что имя сего народа произошло от древних Язигов, которые смешались с Аланами (см. выше, примеч. 21). В надписи времен Адриановых, найденной в Трансильвании, Сарматские Язиги, перешедшие около половины I века в Дакию, именно названы Ясами: *ex voto XXX. magno et invicto Imper. Caes. T. Ael. Hadriano. Antonino. Pio. Aug. Pont. Max. Trib. pop. XVI cos. III p. p. pro. salute. et. felici. Pont. Max. et. annal. Faustinae. Aug. coniugi. C. Clod. VI. Praef. M. Dacorum. Jassiorum. hanc. statuam. in. auraria. numinibus. Maiestatiq. eor.* [по обету великому и непобедимому императору цезарю Т[иту] Э[ди]ю Адриану Автонину, верховному понтифику, военному трибуну, шестнадцать раз бывшему консулом и трижды названному отцом отечества — во благо, верховной ежегодной жрице Фаустине, супруге императора, и их могуществу и величию К[ай] Клод[ий], шесть раз бывший главным префектом дакийских ясов, [воздвиг] в сокровищнице эту статую] (см. Прая *Dissert.* VI, стр. 123).

О Касахин см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. Комментар. Академии Т. IX, 382—383, и Академика Гильденштета *Reisen durch Russland*, I, 466. Вероятно, что в Константиново время и после Черкесы были известны как в России, так и в Греции под сим общим

именем. Татары в 1224 году шли с Востока к Дону чрез землю Касогов (*Никон. Летоп.* II, 349).

³⁸⁹ См. о Таматархе известие Констант. Багрянород. в Бандури, I, 113. Греки называли сей город также *Матархою* и *Метрахою*; а Нубийский Географ именует его Метрехою (см. Тунман. *Über die Gesch. Öst. Völk.* 156). Баер первый сказал, что имя *Тмуторокань* есть одно с именем *Таматархи* (см. его *Азовскую Историю* в *Samml. Russ. Gesch.* II, 77). Остров Таман называется в житии Св. Никона *Тмутороканским* (см. *Патер.* лист. 72).

³⁹⁰ Моуущество Козаров ослабело от двух главных причин: от завоеваний Олеговых и внутренних междоусобий; ибо некоторые племена Козарские, недовольные Каганом, оставили свое отечество и перешли к Уграм в Паннонию (см. известия Констант. Багр. в Бандури Т. I, стр. 108).— Татищев пишет, что Святослав привел многих Касогов и Ясов в Киев на поселение, разорив собственные города их, которых следы видны еще на берегах Днестра, Дуная, Буга и Днепра. 1) Ясы и Касоги жили в Азии; 2) в летописях нет ни слова о том, чтобы Святослав переселил Касогов и Ясов в Киев.

³⁹¹ Так Византийские Историки описывают причину сей войны (*Memor. popul.* II, 987). Нестор говорит просто: *иде Святослав на Дунай на Болгары*. О 15 центнерах золота, присланных к Святославу с Калокиром, о числе Россиян и проч. говорит Лев Диякон, Византийский Летописец десятого века, ныне издаваемый Гм. Газе в Париже, а прежде известный нам только по выпискам Ф. Паджи или Паги в замечаниях на Барония. Лев писал Историю Византийскую от времен Константина VIII до смерти Цимиския. Он рассказывает, что Болгары совсем не ожидали Святослава, и что их собралось на берегу 30 000 (*ad Varon.* г. 968). Теперь в руках у меня шестая и девятая книга сей Истории.— В нашей летописи сказано, что Святослав взял 80 городов Болгарских.— Татищев пишет, что Касоги, Ясы и Козары соединились с Болгарами против Святослава: чего нет в летописи, и быть не могло. Сии народы жили совсем в другой стороне.— Далее Нестор: «земля (Святослав) дань на Грецах».

³⁹² В нынешнем Преславе. Византийские Летописцы именуют его *Великим Переяславом* или *Перфлавом*, ἡ μεγάλη Περφλαβία. В древнейшие времена он назывался Марцианополем, от имени Марцианы, сестры Траяновой.

³⁹³ «Отступиша Печенези от града, и не бяше льзе коня напоити на Лыбеди Печенези» (а не *Печенегом*). Вот изъяснение Татищева: «*Печенегов* было так много, что в реке Лыбеди не доставало воды для напоения всех лошадей их». Нет: Летописец хотел сказать, что Киевляне не могли поить коней своих на Лыбеди *ради стоявших там Печенегов*. Увидим ниже, что изменник Блуд не смел умертвить Ярополка в Киеве, зная усердие граждан столицы к их Государю: сию мысль выражает Нестор следующим образом: «мысляше (Блуд) убить Ярополка, но *гражаны не бе льзе убити его*» — то есть, *ради* или от граждан. Одно место объясняет другое.

Далее: «Ты, Княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своей *ся охабиш*». *Охабляться* значило *остерегаться* (см. Лексикон Кутенский), также *удаляться* от чегонибудь, или *оставлять* чтонибудь. Владимир велел своим воинам идти за Перуном до порогов Днепровских, а там *охабиться* его, или оставить (см. в печат. *Нест.* стр. 83).

394 «Яко то есть середя земли моей». Но Болгария не могла быть серединою его владений: или он в гордости своей мечтал, что Греция, Венгрия и Богемия должны от него зависеть?— Далее в *Пушкин. и Троицк.*: «из Чех же и из Угров серебро и *комони*». В *Слове о полку Игореве* кони также называются *комони*.

³⁹⁵ Continuator Reginonis год 959, Annalista Hildensheimensis в том же году, Ламберт Ашаффенбургский в 960. Немецкие Летописцы говорят, будто бы Россияне требовали от Императора Христианских учителей. Ламберт (который жил в XI веке) пишет, что Оттон действительно послал в Россию Епископа Адалберта, но что сей Епископ едва мог спастись оттуда бегством. Вот слова Ламбертовы в описании происшествий 960 года: *venerunt legati Russiae gentis ad Regem Ottonem, deprecantes ut aliquem suorum Episcoporum transmitteret, qui ostenderet eis viam veritatis, qui consensit deprecationi eorum, mittens Adalbertum Episcopum, fide Catholicum, qui etiam vix evasit manus eorum* [прибыли послы русского народа к королю Оттону, прося, чтобы он послал кого-нибудь из своих епископов указать им путь истины. Оттон, сославшись на их просьбу, послал Адалберта, епископа католической веры, который едва спасся от руки их] (стр. 314 в Струвиевом издании Нем. Летописцев, *Regum Germanicarum Scriptorum*). Сей Летописец не именует Ольги; но современный Продолжатель Регинона точно говорит: *Legati Helenae Reginae Rugorum* (вместо *Russorum*) [послы Елены, правительницы ругенцев (вместо россиян)]. Вероятно ли, чтобы Ольга, приняв Веру Греческую, хотела иметь духовных Пастырей Римской Церкви, уже несогласной с первою? Разделение Церквей, Западной и Восточной, произошло еще около 880 году. Адалберт был посылаем Оттоном не к Русским, а Ругенским Славянам (см. Гебгарди *Gesch. des Reichs Rügen. Assemani Kalend. IV, 21, и l'Art de vérif. les Dates, I, 61*). Ученый Ассемани думает, что сие известие в Региноновом Продолжателе надобно читать так: *Legati Helenae Reginae Russorum, quae sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est; necnon legati Rugorum, ad Regem Ottonem venientes* [послы Елены, правительницы россиян, которая была крещена в Константинополе во время правления византийского императора Романа, а также послы ругенцев, прибывшие к императору Оттону], и проч. Мнение его вероятно, равно как и то, что Ламберт хотел написать *Legati Rugiae gentis*, [послы ругенского народа], а не *Russiae* [российского]. Ссылаются еще на Дитмара Мерзебургского, который именно пишет, что Адалберт был изгнан язычниками из России (*Ditm. Chron. kv. II*); но и тут писец мог поставить *Russia* вместо *Rugia*. Жители Рюгена в 956 году давали Немецкому Императору вспомогательное войско (Гебг. *Gesch. des R. Rügen, стр. 7*). Они до самого XII века еще поклонялись идолам, вопреки Шлецеру (см. его *Nest. IV, 411*).

³⁹⁶ Мнимый Иоаким говорит, что Святослав был женат на дочери Венгерского Короля, Предславе; но в сие время никакой Венгерской Принцессы не бывало за Российским Князем (см. Генеологию Королей Венгерских, *Regum Hungariae ex optimis scriptoribus explicat. Geneal. в Камерар. de rebus Turc., Hung. et Moscovit. стр. 548*).

³⁹⁷ То есть, родом из Любеча. В *Никонов. Лет.* сказано, что Ольга, в гнев своем на Малушу, сослала ее в деревню свою *Будутино*, где и родился Владимир. В *Арханг. Лет.*: «бе бо умирая

Ольга отдасть село то пресвятей Богородице». Верить ли сим прибавкам новейших Летописцев? Считать ли также Владимира незаконнорожденным, как думал Г. Елагин? Древний Летописец не именует Владимировой матери наложницею. Святослав мог иметь и двух жен.

Татищев — неизвестно, почему — назвал Добрыню одним из послдов Новгородских. Стриковский же обратил его в женщину.

³⁹⁸ Здесь Татищев рассказывает целую историю, которой нет в летописи. «Святослав (говорит он), выступив из Переяславца в 968 году, оставил там Воеводу своего, именем Волка. Болгары, сведав об отсутствии Князя, собрали войско и хотели взять город. *Волк*, боясь измены граждан и не имея довольного количества съестных припасов, тайно приготовил на берегу лодки, и разгласил, что хочет обороняться до последнего человека; велел также порезать всех коней и солить мяса: ночью же зажег в разных местах город, и когда Болгары, думая воспользоваться пожаром, приступили к стенам городским, хитрый Воевода убрался на свои лодки, взяв Болгарские, бывшие на другой *стороне реки*, и со всеми Россиянами отправился вниз по Дунаю. Неприятели, лишённые лодок своих, не могли за ним гнаться. Он вошел в Днестр, и соединился с Святославом». Сказка не складная. Сочинитель ее думал, что Переяславец, или нынешний Преслав, стоит на берегу Дуная; но от города до сей реки будет несколько верст (см. Бишингову Географию в описании Европейской Турции). Надобно также знать, что Россияне ходили из Киева в Болгарию Днепром, морем и Дунаем, а не рекою *Днестром*. — Болтин удивился, что К. Щербатов не знал повести о хитром *Волке*; но для чего же сам Болтин не отыскал ее в летописях, а только ссылается на Татищева? Догадка, что Святославу надлежало в Переяславце оставить *гарнизон* или *закаду*, как говорили в старину, была причиною сего вымысла, *раскрасившего* Елагиным.

³⁹⁹ Мемог. popul. II, 989. Лев Диякон (см. выше, примеч. 391) пишет, что Калокир, имев случай подружиться с Россиянами в *Сирии*, единственно с тем намерением и привел их в Болгарию, чтобы итти с ними после на Царьград.

⁴⁰⁰ Мемог. popul. II, 996. Си знаки были золотой венец, повязка виссонная (*taenia byssina*) и красные башмаки или сапоги (Мемог. popul. II, 1008).

⁴⁰¹ Греки писали *Τετισκηνος*: имя прилагательное, взятое из языка Армянского; значит: *adolescentulus, юноша* (см. Дюканж. Glossar. стр. 1570). — Лев рассказывает, что и Никифор уже готовился к войне с Россиянами, и что он, желая быть уверенным в доброжелательстве Болгаров, обещал женить сыновей Романовых на их Царевнах, которые и были отправлены в Царьград с Греческими послами, Епископом Филофеем и сановником Никифором: см. Мемогіае populoгum, II, 989, и Льва Диякона кн. VI, который пишет еще следующее: «Святослав требовал, чтобы Император заплатил ему великую сумму денег за счастливую Болгарию; иначе грозился выгнать Греков из Европы, им не принадлежащей. Цимиский отвечивал, что Христиане любят мир, но принуждены будут силою выгнать Россиян из Болгарии; что вероломный Игорь, с бесчисленными ладьями подступив к Царюграду, ушел в Восток Киммерийский только едва ли с десятью, и после, взятый в плен *Германцами* (Древлянами), кончил жизнь бедственно: привязан-

ный к двум деревьям, был разорван на-двое; что Святослав также погибнет, и проч. Гневный Князь Росcтйский сказал: нет нужды Императору идти сюда; сами явимся пред Константинополем, и докажем, что мы не подлые ремесленники, а воины благородные; не жены, не дети, коих пугают масками» и проч. Далее: «Император составил легион из храбрых, юных воинов, и назвал *Бессмертным*... Он велел Варде Склиру и Патрикию Петру оберегать границы, учить войско и посылать людей знающих Русской язык для разведывания о неприятеле», и проч.

⁴⁰² Метог. роруl. II, 989 и след. Нестор пишет, что города, разоренные тогда Росcпьянами, до его времени были пусты. Кедрин и Зонара говорят, что у Святослава было 308 000 воинов; а у Варды 12 000! Лев Диакон уменьшает число первых до 30 000, а последних до 10 000, сказывая, что Россияне потеряли в битве сlishком 20 000, а Греки только 55! По его известию, Варда разделил свое войско на три части: с одною шел прямо в лице неприятелю, а другие две скрыв в лесу, велел им нечаянно ударить на его фланги.

⁴⁰³ В летописи: «Уже нам не камо ся дети, волею и неволею стати противу, да не посрамим земли Русьскыя, но ляжем костью ту: мертвыи бо срама не имуть. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко; яз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, то промышляйте о собе. И реша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложим».

⁴¹⁴ См. Льва Диакона. С остальным войском и с осадными орудиями шел назади полководец Василий. Сей Историк сказывает, что Россияне не успели занять ущелй, чрез кои надлежало проходить Грекам ^{91*}.

⁴⁰⁵ А после он снял знаки Царского достоинства с Бориса, и всю Болгарию объявил провинциею Империи.

⁴⁰⁶ Греки называли его также Дристрою, Дистрою и Дристроном.

⁴⁰⁷ См. Льва Диакона, кн. IX. Он пишет, что Император расположился станом на возышении пред Доростолом, укрепив оный рвом и валом, также рядом копий и щитов; что воины Святославовы в первый раз показались тогда на конях, но не умели править ими; что они весьма испугались прихода Греческих огненосных судов, вспомнив о сожжении Игорева флота, и ввели ладии свои в безопасное место; что щиты у Россиян доставали до ног, а брони были кольчужные, что Сфенкала, третьего начальника по Святославе, убил один Римлянин; что Грек Феодор Лалакон раздроблял шлемы и головы неприятелей железною булавою; что Россияне старались обратить в пепел военные машины Греков; что Магистр Иоанн пьяный упал в битве с лошади; что Скифы — т. е. Россияне — сочли его Императором по блестящему его оружию и богатым коврам седла; что они, смеясь Грекам, взоткнули голову Иоаннову на кол, и в следующий день гордо на них ударилъ, но уstraшенные смерти великана Икмора, первого сановника по Святославе, обезглавленного Императорским телохранителем Анемасом, завопили и дали тыл; что ночью, отыскивая своих мертвых, сжигали их пред городской стеною на разных кострах, а после, совершая жертвоприношение, погружали младенцев и *петухов* в Дунай и задушали их (по Латин. переводу: *suffocaverunt, undis fluminis mersos* [задушили, погрузив в речные волны]). Тут Лев Диакон прибавляет следующее: «Сказывают, что они, следуя языческим обрядам древних

Греков, совершают жертвы и возлияния в честь усопших, будучи научены тому или Анахарсисом и Ксамольксидом, их Философами, или товарищами Ахилла: ибо Арриан говорит в своем Перипле, что Ахилл был Скиф из городка Мирмикиона, находящегося при озере Меотисе; что изгнанный Скифами за необузданность, жестокость и гордость, поселился в Фессалии: чему ясным доказательством служат покроя одежды с застежкой; сражение пеще, волосы русые, глаза голубые, дерзость, ярость, лютость, в коих Агамемнон упрекает его сими словами: *ты любишь всегда распря, ссоры и драки...* Народ Скифский славится дерзостью, мужеством, силюю», и проч.

Воевода Святослав, Сфенкал или Сфагел, начальствовал (как мы сказали) в Переяславце: он спасся оттуда бегством. Вероятно, что сим именем Греческие Историки называют Воеводу Свенельда, который однако ж возвратился жив и здоров в Россию ^{92*}.

⁴⁰⁸ По Латинскому переводу Кедрина: *qui enim vitam toleraturi essent fuga servatam, contemnentibus ipsos porro vicinis populis, quibus antea terrori fuissent* [кто стал бы терпеть жизнь, сохраненную бегством, презираемый теми самыми соседями, которые прежде пребывали в страхе] (*Memor. popul. II, 1004*). См. еще Льва Дякона, кн. IX. Совет Святославов называет он *Коментом*: *quod sua lingua Comentum apellant* [который на своем языке они называют «Коментом»]. — Ломоносо всоединил сию речь с тою, которая находится в Несторовой летописи (см. выше, примеч. 403); но первую говорил Святослав не в Доростоле, а в Греции, идучи к Царюграду.

⁴⁰⁹ «Некоторая благочестивая жена (пишет Кедрин) подтвердила в Константинополе истину сего явления. Она видела во сне Богоматерь, которая говорила: *Феодоре! мой и твой друг Иоанн в опасности: спеши к нему на помощь*» (*Memor. popul. II, 1006*). Лев Дякон описывает сию битву иначе, сказывая, что Россияне 24 Июля, в шестой день недели, перед закатом солнца вышли густою фалангою из крепости, держа в руках метательные копьа; что Анемас ударил Святослава мечем в шею, и что сей Князь обязан был спасением жизни кольчуге своей и щиту; что Россияне, ободренные смертью Анемаса, погнавши Греков; что Император, велел ударить в тимпаны и взяв копьа, остановил бегущих; что вихрь ослепил тогда Россиян пылью, и Св. Феодор на коне явился; что Варда Склар заставил их отступить к стене; что урон Греков состоял только в *трех стах пятидесяти* убитых; что Святослав едва не попался в плен, всю ночь крушился, и в следующий день, на рассвете, прислав послов к Императору, заключил мир, с условием отдать Доростол и Болгарию Грекам, освободить их пленников и возвратиться в отечество. Леон говорит только об одной битве. Шестой день недели, им означенный, пойдет к 24 Июля в 971 году, ни к 8 Июня, когда празднуется память Феодора Стратилата.— Летописцы Византийские прибавляют еще, что Цимискиев полководец, Феодор, сбитый с коня и окруженный неприятелями, схватил одного из них и защитился им от ударов Россиян; что Император хотел всячески отрезать Святослава от Доростола, и проч. ^{93*}

⁴¹⁰ Нестор говорит только, что Святослав, по возвращении своем из Греции в Болгарию, увидел малочисленность Российского войска, и немедленно заключил мир с Цимискием, который находился тогда в Дистре или Доростоле; но ежели Великий Князь

был победителем, то каким образом очутился Император в Доростоле, *Болгарском городе?*

⁴¹¹ Нестор сказывает, что Греческие послы были у Святослава с дарами; что сей Князь советовался с дружиною и вторично отправил своих послов к Цимисхию, и что Император велел писать на хартии речи их. Далее: «нача глаголати сол, и нача писец писати, глаголя сице, равно *другаго свещанья* бывшего при Святославе, Велицем Князе Рустем, и при Свенальде (или Свенельде) писано при Феофиле Синкеле, к Ивану, нарицаемому Цимисхию, в Дистре». Татищев вздумал исправить мнимую ошибку Летописца, и вместо слов: *при Святославе*, написал: *при Игоре*, воображая, что речь идет о трактате Игоревом; издатель печатного *Нестора* сделал тоже. Но здесь под *другим свещанием* разумеются мирные условия, заключенные Греческим послом, Феофилом Синкелом, с Князем Святославом и Свенальдом (у Греков назывался Синкелом духовный чиновник, который уступал в достоинстве одному Патриарху). Сии условия были основанием торжественного договора, писанного на хартии уже в присутствии самого Цимисхия. Во всех списках *Нестора*, как в харатейных, так и в самом Кенигсбергском, стоит имя Святослава, а не Игоря; но Татищеву хотелось уверить нас, что при сем случае был возобновлен Игорев трактат, и что Святославов есть не что иное, как прибавление к оному.

⁴¹² Дети Романовы, еще младенцы, которых Цимисхий называл сотоварищами в правлении.

⁴¹³ «Да будем *золоти* яко золото се»: ибо Славяне полагали золото к ногам идолов, когда клялися в верном соблюдении мира. В нашем языке золото получило имя свое от *желтого* цвета. Иллирические Славяне называют *желчь* zlatenica, а Богемские zlautenice. И в переводе нашей Библии слово *златеница* употреблено в смысле *желчи*: см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9. «Да будем желты», есть то же, что: «да будем мертвы». В одном *Пушкин.* списке, вместо *золоти*, стоит *колоти*. Это без сомнения описка.

В некоторых списках сказано при конце договора: «сотворихом ныне к вам *Пинехрус*». Татищев изъясняет, что *Пинехрус* на Греческом языке знаменует *письменное* или *твердое обязательство*. Слово без сомнения Греческое, и состоит, кажется, из *πινα* и *χρυση* (*злата*). Известны слова *πινακιον*, *πινακις*, *доска для письма*, Schreiftafel. Грамота с печатью золотою называлась Βουλλα χρυση; не то ли же значила и *πινα χρυση*?

⁴¹⁴ Лев Диакон пишет: Imperator, quia pace exercitus incolumis foret, bello contra interitu periret, foedus percussit, et singulis tritici medimnos duos (т. е. по две меры) mensus est. Qui frumentum acceperunt, numeratos dicunt ad 22 000, qui ex 60 000 exercitus Russi interitum evasere; 38 000 enim Romana acies confoderat [так как мир сохранил бы войско, а война, напротив, погубила бы его, император заключил мирный договор, и каждому воину выдал по две меры пшеницы. Говорят, что получивших продовольствие было около 22 000 — те, кто из 60 000 русского войска избежал гибели; 38 000 погубили греческие воины]. И так у Святослава из 60 000 оставалось еще 22 000 воинов, коим Император дал пшеницы? Но по известию Нестора он и в походе к Царюграду не имел более 10 000.

⁴¹⁵ «И не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по *пугривне глава коняча*. Надобно полагать, что гривна ходячей Рус-

ской монеты в отношении к серебру была тогда еще гораздо дороже, нежели в XIII веке (см. ниже, примеч. 527).

⁴¹⁶ Стриковский пишет, что Князь Печенежский вырезал на сей чаше слова: *Пойдешь за чужим, свое утратишь*. Изречение хорошо; но Стриковский не подумал о том, что варвары Печенеги не умели писать. И Немцы и Славяне пивали из черепа своих неприятелей. Так Болгарский Царь Крум, убив в 811 году Императора Никифора, оправил череп его в серебро, и Князя Славянские употребляли сию мертвую голову вместо покала (Мемог. popul. II, 540).

⁴¹⁷ Мы не знаем точно, как Россия была разделена между ими; но вероятно, что Весь, Чудь и западные Кривичи принадлежали к Новгородской области Владимира (ибо войско его, как увидим после, состояло из сих народов); что Древлянское Княжество ограничивалось одною Волынскою Губерниею, и что все другие земли Российские признавали над собою власть Киевского Великого Князя.

⁴¹⁸ Нестор пишет: в *гроблю*. Сие древнее слово употребляется в двойном смысле, означая *плотину* и *ров*. В Академическом Словаре не упомянуто о первом смысле, который имеет оно в языке Польском (grobla) и Малороссийском. Болтин, обвиняя Щербатова в невежестве, и сам, кажется, не знал (вместе с Татищевым) что *гробля*, кроме *плотины*, значит еще и *глубокую яму* или *ров*. Щербатов думал, что *гроблею* называлась река. В новейших летописях (на пример, в *Архангельской*) здесь именно сказано: «с мосту чрез *ров*».

В *Никон. Лет.* прибавлены к словам Ярополка восклицания и другие пустые слова. Г. Руссов в *Волынских Записках*, стр. 100, говорит: «тут же близ (Овруча и) реки Уши видит (путешественник) насыпь, кости Древлянского Князя Олега покрывающую». Он сказывает также, что в Овруче есть древняя церковь, построенная будто бы Св. Владимиром и называемая Васильевскою.

⁴¹⁹ *Никонов. Лет.* по своему обыкновению дополняет Нестора вымыслами и сказывает, что в 978 году Ярополк победил Печенегов; что в 979 он взял в Русскую службу Князя их *Ильдею* и дал ему разные города; что были знаменья в луне, в солнце и в звездах, страшные громы, вихри — и проч. В сей же летописи и *Воскресен.* сказано, что в 979 году приходили к Ярополку Греческие послы и заключили с ним мир, обещая платить ему дань, так же, как отцу и деду его.

⁴²⁰ Татищев написал от себя, что Рогволод был из *Варяжских Князей пришедших с Рюриком*: следственно за 118 лет? Люди редко доживают до такой старости. Или он хотел сказать, что сей Князь произошел от их рода? Но Летописец именно говорит, что сам Рогволод прибыл из-за моря.

⁴²¹ В *Троицк.*: «не хочу *изути* робичича» — т. е. *разуть*. По древнему обыкновению новобрачная должна была в первую ночь разуть мужа. Олеарий, описывая Россию в XVII веке, упоминает еще о сем обыкновении. В продолжении Нестора (в печатн. стр. 185) сказано: «Добрыня поноси дщери его и повеле Володимеру *бъти с нею пред отцем ея и матерю*, и потом отца уби». Справедливо ли сие гнусное обстоятельство? Нестор молчит о том.

⁴²² В *Троицк.* и в *Пушкин.*: «и стоя Володимер обрывся на *Дорогожичи*, меж *Дорогожичем* и *Капичем*; и есть ров тот и до сего дни». Урочища близ Киева, о коих и после упоминается. Далее в *Троицк.* и *Пушкин.*: «Блуд затворися с Ярополком льстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему приступати к граду бранью»;

а сам мясляше убити Ярополка; гражаны же не бе лъзе убити его» — то есть, ради усердных граждан. Далее: «и замысли лезть, веля ему не излазити на брань». Сие подало мысль *Никон. Летописцу* прибавить, что Блуд с самого начала обманывал *весьма храброго* Ярополка, говоря: «не может прстиву тебе стати брат твой меньший Володимер, яко же синица на орла брань сотворити... Не утружай воинства своего собирая».

⁴²³ Татищев обратил имя Рось в *Тергу*, которой нигде не бывало. *Рось* течет в Киевской Губернии и с западной стороны впадает в Днепр. Белая Церковь и Богуслав стоят на берегу сей реки.

⁴²⁴ «И Варяжко бежа в Печенеги, и одва приваби его Володимер, холчв к нему роте». В *Никонов.* и в других сказано, что Варяжко, мстя Ярополкову смерть, разорял с Печенегами Владимировы области; но сего обстоятельства, к чести доброго слуги и памяти его, нет в древней летописи. — Нет и того, чтобы Владимир (как говорит Татищев) «три дни честив Блуда, потом умертвил его, сказав: *я исполнил свое обещание, а теперь наказываю изменника, убийцу Государя своего*». Так поступил не Владимир Святый, а Владимирко Галицкий, как увидим в Истории XII века.

От сего Блуда происходит фамилия Блудовых (см. *Родословную Книгу*).

⁴²⁵ «Бе бо привел ю отец его Святослав и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея» (*Нест.* стр. 67).

⁴²⁶ Ламберт Ашаффенбургский ad ann. 973: Otto Imperator senior cum juniore venit Quidlinburg, ibique celebravit sanctum Pascha X Kal. Aprilis. Illucque venerunt Legati plurimarum gentium, videlicet Romanorum, Graecorum, Beneventanorum, Italorum, Hungarorum, Danorum, Sclavorum, Bulgarorum atque *Russorum* cum magnis muneribus (с великими дарами) [император Оттон старший вместе с младшим прибыл в Кведлинбург, и на десятый день после апрельских календ праздновал там святую Пасху. Туда пришли к нему послы от многих народов, а именно византийцев, греков, беневентцев, итальянцев, венгров, датчан, славян, болгар и россиян с великими дарами].

⁴²⁷ «Реша Варяги Володимеру: се град наш; хоцем имати окуп», и проч. «Рече Володимер: пождите еще, даже вы куны сберуть за месяц, и не да им» — и проч. Далее Нестор говорит просто: «и раздая им грады»; а Татищев: «дав грады и села на содержание их».

⁴²⁸ Еще при Игоре стоял Перун на сем холме (см. выше, и в *Несторе* стр. 45).

⁴²⁹ «Володимир залеже ю не по браку». Сказав, что она была уже беременна (*бе не праздна*), Летописец называет Святополка сыном двух отцев. — Имя *водимая* (см. в печатн. *Нест.* стр. 70) означало законную супругу.

⁴³⁰ Начало Польских летописей затемнено баснями. Предание о Ляхе, Краке, Венде и проч. есть не что иное, как сказка. Достоверным можно считать единственно то, что Польские Славяне, около половины IX века, быв до того времени игралищем несогласных Воевод своих, избрали себе в Государи Пнаста или Пяста, которого потомки царствовали до конца XIV века. — Мартин Галлус и Кадлубек, древнейшие Историки Польские, моложе Нестора: второй целым веком.

⁴³¹ Длугош упоминает о сей войне единственно по известию Несторову, прибавляя от себя, что счастье благоприятствовало той

и другой стороне (*Historia Polonica* кн. II, стр. 108). Мартин Галлус и Кадлубек не знали Нестора. Длугош пользовался Кадлубеком и Нестором; Кромер также; Стриковский брал известия свои о древней России из Длугоша, Кромера и Герберштейна.

От Червена произошло имя *Червенной России*, которую иностранцы обратили в *Красную*. Сей в нашей Истории достопамятный город есть ныне простое селение и называется *Чернеев*, близ Хелма, на Юг. Положение его объясняется следующими местами *Вольнской летописи*: «Кондратови ставшю, где ныне град *Холм* стоять, пославшю ему к *Червену* воевати». И так Червен находился близ Холма или Хелма. Еще: «бишась у ворот *Червенских*, а застава бе в *Уханах*». Галицкое местечко *Ухани* не далеко от нынешнего Чернеева, который находится между оным и Хелмом (см. в сей *Истории* Т. III, прим. 134)^{94*}.

⁴³² См. о Латышском народе выше, стр. 52. Польские Историки называют Ятвягов *Jazvingi* (см. Кромера *de origine Polonorum* и проч. книг. IV, стр. 51; также Стриковского, кн. V, гл. 9). Сей отменно мужественный народ был наконец истреблен Поляками, Россиянами и Литвою.

Никон. Лет. говорит, что Великий Князь *два раза* усмирил Вятчей; а Татищев: «иде (Владимир в 982 году) в поле, и покорив землю Польскую, град Суздаль утвердил». Татищев ссылается на Стриковского; но сей Историк пишет о мнимом завоевании Суздаля уже по крещении Владимировом (о чем см. ниже), и признается, что сей город ему совсем неизвестен; более ничего.— См. Стурлез. *Historiae Regum Septentrionalium* Т. I, стр. 197, и ниже, примеч. 484. Стурлезон говорит об *Эстляндии*; но под сим именем разумелась и Ливония; см. Баера в *Коммент. Академии*, Т. X, стр. 379.

⁴³³ В летописи сказано, что сей Варяг пришел из Греции; но он и в Киеве мог принять Христианскую Веру.

⁴³⁴ См. *Книгу житий Святых*, месяца Июля 12. Нестор говорит, что место, где убийцы погребли сих Мучеников, никому не известно.

⁴³⁵ Река Пищана, в Могилевской Губернии, именуется ныне Пешаном и впадает в реку Сожь или Сожу.

⁴³⁶ См. выше, стр. 53, и ниже, примеч. 518. В харатейных списках: «иде Володимер на Болгары в лодьях»; но во многих других прибавлено: «*Низовские Болгары*». В *Воскресен.* и некоторых именно сказано: «Болгары, *иже по Волге*. В *Степен. Книге* (I, стр. 92): «и нижние Болгары *Волжские* и Камские покорил под ся». Обстоятельство, что Добрыня с любопытством осматривал одежду пленников, свидетельствует, что Россияне еще не знали сих Болгаров; но Дунайские были уже им давно известны. Увидим после, что Россияне обыкновенно ходили Волгою к Низовским Болгарам. Восточные Географы пишут, что Россияне в 968 году взяли и разрушили славный город сего народа, именем Болгар (см. Эрбелотову *Bibl. Orient.* под словом *Bulgar*). В 967 году Святослав воевал с Дунайскими, а не Камскими Болгарами: что могло, по мнению Миллера, ввести в ошибку или Арабских Географов, или Эрбелота, который сообщил нам сие известие.

Иностранцы, Левек и Штриттер, не сделали ошибки наших Историков, которые говорят здесь о Дунайских Болгарах. Татищев присоединяет к ним еще Сербов.

⁴³⁷ Нестор говорит (в печатн. стр. 145): «Сия суть от пустыни

Этвверския, межи Востоком и Севером; числом их четыре колена: Торкмени, Печенези, Торки и Половцы». Туркоманы были уже славны в Несторово время, овладев в 1074 году Сириею, а в 1082 году Иерусалимом, хотя и не на долго. Нынешние Османские или Оттоманские Турки были тогда еще неизвестны.— Наши Летописцы называли Торков и Берендеев Чоркасами (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 218 и 347). Бишинг (Erdbeschr. Т. I, стр. 1194) или Тунман полагает на угад Российских Торков близ Перекопа, и говорит, что они были остатком Угров и Болгаров. В 1080 году Торки обитали не далеко от Переяславля. Нестор пишет: «в лето 6588 заратшась Торки *Переяславльстии*». Другие перешли к Россиянам и поселились в Киевской Губернии, между реками Стугною и Росью (в печати. *Нест.* стр. 137). В 1114 году Печенеги и *Торки* были изгнаны Половцами из окрестностей Дона (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 218).

⁴³⁸ В подлиннике: «и рече Добрыня: соглядах колодник, иже вси в сапозех: *сим дани не дати; поидем искати лапотник...* И реша Болгаре: толи не будет межи нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель погразнеть».

⁴³⁹ См. в печати. *Несторе* стр. 185.— Село Предславино могло быть названо именем Владимировой и Рогнединой дочери, о которой ниже упоминается.— В печат. *Несторе* речь Иязславова взята из *Никон. Лет.*: «егда един жити хочещи, или безсмертеп мнишися? прими меч сей, *вонзи прежде во утробу мою, да не увижу аз смерти матери моея!*» Но по древним спискам Нестора, и по самому *Кенигсберг.*, сей юный Князь говорит только: отче! еда един мнишися ходя? (в некоторых списках поставлено *готя*). Владимир отвечает: «а кто тя мнел сде?» Я должен был прибавить несколько слов для ясности.

⁴⁴⁰ Ныне *Заслав*, бывший Литовский городок Минского Повета, или местечко не далеко от Минска.

⁴⁴¹ «Придоша Болгаре Веры Бохмиче» (Магометапской).

⁴⁴² Летописец хочет сказать, что первые Киевские Христиане (со времен Аскольда и Дира) были Греческого Исповедания, а не Католики.

⁴⁴³ Древний Летописец не именует его ни Константином, ни Кипром, вопреки *Степен. Книге, Никонов.* и другим новым летописям. В некоторых сказано, что он остался у Владимира, *книги переводя и его уча.*

⁴⁴⁴ В харатейных списках Нестора следует здесь извлечение из Библии, которое занимает 11 листов. Греческий Философ говорит много лишнего о Болгарах (см. *Воскресенск. Лет.* I, 125).— И Болгарский Государь, именем Богорис, в 860 году обращен был в Христианство, по свидетельству Византийских Летописцев, картиною Страшного Суда, написанною Монахом Мефодием (*Метор. рору.* II, 571—572).

⁴⁴⁵ Или *ропати*, т. е. капища.

⁴⁴⁶ Сей Патриарх назывался Николай Хрисовергий, а не Сергий, не Фотий, как говорят новейшие Летописцы Русские.

⁴⁴⁷ См. в Бандури *Animadversiones in Const. Porph.* Т. II, стр. 112 и след. В сем отрывке не достает начала: «Князь Российский (говорит сочинитель) желая лучше узнать Христианскую Веру, отправил послов в Рим. Там с великим любопытством осматривали они украшение храмов и старались разведать все, что касается

до священнослужения; видели и Патрарха Римского, именуемого Папою; приняли от него дальнейшие наставления, возвратились в отечество и донесли обо всем Государю, склоняя его в пользу Римской Веры. Но Бояре Княжеские, особенно те, которые подали ему совет исследовать Веры, говорили: *Нет, Государь! надобно прежде узнать Веру Греков. Сказывают, что Константинополь еще знаменитее Рима: пошли и в Грецию тех же людей, да изберем лучшую из двух Вер Христианских.* Благоразумный Князь отправил в Царьград упомянутых четырех мужей, которые объявили тау эпному Императору, Василию Македонскому, причину своего многотрудного путешествия. Он с радостью дал им некоторых людей ученых, чтобы показывать все любопытное в городе и отвечать на их вопросы. Россияне пришли наконец в славнейшую и великолепную церковь Св. Софии, когда совершалась в ней торжественная служба: в день ли Св. Иоанна Златоустого, или Успения Богородицы? не могу сказать на верное. Послы с любопытством осматривали храм и наблюдали чин служения. Видя множество светильников, и внимая пению святых гимнов, они изумились. Слушая после вечерней и утренней молитвы святую литургию, Россияне хотели ведасть, что такое знаменует *больший и малый вход* (ή μικρά και ή μεγάλη εἰσόδος); для чего Диаконы и Поддиаконы выходят из олтаря с свечами и *рипидами*, а Священники, Епископы и сам Патриарх с Божественными Святыми Тайнами; также для чего народ, падая ниц, взывает: *Господи помилуй!* Язычники смотрели на сии обряды равнодушно, хотя и со вниманием. Но милосердый Бог отверз им очи, да созерцают чудо великое, и да познают истину... Видев сие удивительное явление, они взяли за руки своих вожатых и сказали им: *все было здесь ужасно и величественно; но что мы теперь видели, превосходит естество человеческое. Нам явились юноши крылатые в светлой, необыкновенной одежде, которые, не касаясь земли, пели на воздухе Свят, Свят, Свят! что нас более всего привело в изумление.* Вожатые ответствовали им: *Не ведая, может быть, всех таинств Христианства, вы не знаете, что сами Ангелы нисходят с неба и вместе с нашими Священниками совершают Божественную службу.* Россияне говорили: *ваши слова истинны; других доказательств не надобно: ибо мы все видели собственными глазами. Отпустите нас в отечество, да поведаем о том Князю нашему...* Возвратясь в Россию, они сказали Государю: *нам показывали много великолепного в Риме; но то, что мы в Константинополе видели, приводит ум человеческий в исступление*, и проч. Далее повествует сочинитель, что Греческий Царь прислал к Российскому Князю Епископа с двумя помощниками, Кириллом и Афанасием, которые изобрели для Россиян 35 новых букв. Слышав конечно о святых мужах Кирилле и Мефодии, изобретших Славянские письмена, сей безыменный сочинитель обратил Мефодия в Афанасия, а Славян Моравских в Россиян. Он говорит, что Кирилл и Афанасий славны учеными и Христианскими творениями своими (neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus litteris probe exercitati, ut eorum scripta testificantur [не только преисполнены знания священного писания, но и в светских науках весьма опыты, о чем свидетельствуют их сочинения]): мы знаем действительно Богословов; но они жили в IV и V веке.

В прибавлении книги, изданной в Кельне (в 1676 году), под заглавием: *Christophori Sandii nucleus Historiae Ecclesiasticae* (*Христофора Сандия Ядро Церковной Истории*), напечатано (стр. 61—64) письмо к Великому Князю Владимиру от Иоанна Смера, его Медика, будто бы посланного им для наблюдения Вер и нравов в чужих землях. Смера пишет из Александрии: жалеет, что оставил Россию и Государя милостивого; не знает, как возвратиться; скazujeет, что он едва не погиб в своем трудном путешествии; был в Паннонии, Сервии, Болгарии, Мизии, в славной Империи Греческой, Антиохии, Иерусалиме; наконец приехал в Александрию; видел там многие великолепные Синагоги, в коих молятся люди подобные аспидам и василискам; видел и церкви Христиан, *Богословов*, добрых, миролюбивых, подобных Аггелам. «У них уже нет идолов — говорит Медик Владимиров — нет в церквах ничего, кроме столов и скамей. Они ежедневно собираются для молитвы перед рассветом, по захождении солнца, иногда в третьем или девятом часу дня, и называются Новым Израилем. Их учению следуют и некоторые Цари с своими Докторами. Я сам принимаю оное, уже крещенный водою и Духом во имя Отца, Бога всемогущего, и Сына Его, Христа, и Св. Духа, исходящего от первого. Для того посылаю к тебе их книгу, именуемую Евангелием, с учением Апостолов. И людей столь благонравных утесняют в областях Империи! Греки хитрые, гордые, подражая Римлянам, делают иногда добро единственно по лукавству, чтобы привлечь людей простых в свои Синагоги или церкви. Они (кто?) веруют в Бога всемогущего, в Его Сына единородного, Иисуса, рожденного действием Св. Духа от Девы Марии», и проч. Следует весь Символ Христианской Веры. Далее сказано, что Греки, Император, Патриархи и Вельможи его, оставляя учение Бога истинного, также называют себя Новым Израилем, порабащают своих бедных братьев, берут с них дань, не велят им жениться, заниматься свободными художествами, употреблять оружия; хотят быть обожаемы по смерти, дают свои имена храмам, ставят в оных свои изображения, чтят идолов, бьют в ладоши, топают ногами, поют в церквах, и проч.; а Христиан, собирающихся в местах уединенных на кладбищах, в лесах, в пещерах, именуют чародеями. «Изгибнут — пишет Смера — гордые Греки в огне вечном; а Славяне, по книгам Иудейским и Христианским, присоединятся некогда с великою ревностью к истинной Вере Бога Израилева.... И так, о Царь! не должно тебе принимать ни Веры, ни нравов Греческих; а если примешь их, то уже никогда не увидишь меня: остануся здесь ждать суда Христова. Писано железными буквами на двенадцати досках медных, в л. Александрии Египетской 5587, Фараонов 1179, Александра славного царствования 5, Индикт. 1, Луны 7, Ид. 14. Так верно доношу тебе Медик и Ритор твой Иванец Смера Половлянин» (а в другом списке стоит: «Иоанн Смера Половец»).— Сия грамота, как извещают нас, писана на языке Болгарском, *secundum antiquam doctrinam Russicam* (!) [согласно древнему учению российскому (!)] такими буквами: *воѣ обрѣдѣхоѣѣхѣѣѣ* (следственно Греческими?) и найдена в 1567 году в Спасском монастыре Перемышльской области, не далеко от древнего Самбора. Витебский Дьякон, Андрей Колодинский, перевел ее на Польский язык, а Виссоватий на Латинский. Предположив ее достоверность, согласимся с ученым Шпренгелем (см. его рукописное сочинение *über eine duncle Stelle in der RussischenGes-*

chichte), что Египетские *Богословы* или Христиане Смерины могли быть раскольники *Павлисты*, названные так от имени Апостола Павла, гонимые в Империи и нашедшие убежище в Египте; но можем ли верить сему письму? Не говоря о содержании, о слоге, о буквах, досках, о языке Болгарском secundum antiquam doctrinam Russicam, заметим летосчисление и подпись. Означен год 5587 от сотворения мира: по какой же системе хронологической? если по Александрийской (между кою и Греческою 16 лет розницы), то Владимир жил около половины седьмой тысячи. Что такое 1179 год Фараонов и пятое лето Александра царствования? Как *Луна* замешалась в *Индикт* и в *Иды*? Иванец, Иоанн, есть имя Христианское, которого бывший язычник Смера не мог иметь в России языческой. Он называется Половлянником или Половцем: но Половцы сделались известны в России уже при внуках Владимировых.— Не будем глупее глупых невежд, хотящих обманывать нас подобными вымыслами. Автор письма, звав о Владимире из Дитмара, Меховского, Кромера, хотел побранить Греков: вот источник вымысла!

⁴⁴⁸ В печатном житии Св. Великого Князя Владимира сказано, что в сие время бывшие Христиане Киевские или снова обратились в язычество, или ушли из России, или тайли Веру свою; но древний Летописец не говорит, чтобы Святослав, Ярополк и Владимир гнали Христиан и разоряли храмы их: имев прежде церкви в Киеве, они, как вероятно, и тогда молились в оных.

⁴⁴⁹ Нестор говорит (в печатн. стр. 79): «и ста Володимер в *Лимеши*», то есть гавани Херсонской или заливе (Лимане); следственно Россияне пришли на судах.— Древнейший Херсон запустел еще прежде Страбоновых времен: *vetusta Chersonesus* [древний Херсонес] (говорит он в VII книге) *nunc diruta* [ныне разрушенный]. Следы его описаны ученым Палласом в *Voyage entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie*, Т. II, стр. 60 и след. Сей город стоял на мысу Фанарийском, где видны еще остатки башен и стен.— Развалины *новейшего* Херсона или Корсуня, как называли его в старину Русские, находятся верстах в двух от Севастополя. В то время, как наши войска заняли Крым, многие стены были совершенно целы, вместе с прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь они уже не существуют: из них брали камни для строения домов в Севастополе. Множество резного мрамора, найденного в развалинах, доказывает, что в сем новом Херсоне господствовала роскошь. Доныне охотники вырывают там Римские и Византийские монеты золотые, серебряные и медные. Не только город, но и селения вокруг его были окружены каменными стенами и башнями для защиты от варваров.— Херсон, вольный до Митридата, зависел с того времени от Царей Восторских и наконец от Римских Императоров. Константин Великий в 322 году освободил его от всякой дани, и Херсон властвовал в южной Тавриде до самой Кафы. Судак и Кафа, цветущие при Генуэзцах, затмили блеск сего города. В 1333 году он был еще столицею Архиепископа Западной Церкви; но в 1578 году стояли уже одни пустые Херсонские стены (см. Бишингов. *Erdbeschreibung*, Т. I, стр. 1214; также Маннерт. *Geographie der Gr. und der Röm.* Т. IV, стр. 299).

⁴⁵⁰ «Корсуяне, подкопавше стену градскую, крадяху сыпелую персть, и ношаху себе в град, сыплюще посреди града,

и воины (Владимировы) присыпаху боле». Некоторые толковали, что воины сыпали землю в городской ров; но им прежде надлежало защитить себя валом, который назывался по-Русски *спом* и *приспом*, от глагола *сыплю* и *присыпаю*.

⁴⁵¹ «Володимер же се слышав, возрев на небо, и рече: *аще се ся сбудеть, сам ся крещу ту*». Но Владимир, и взяв Херсон, не хотел еще креститься без некоторого условия, как увидим ниже.

О развалинах водовода см. Палласа Voyage etc. II, 67.

⁴⁵² Историки Византийские, Арабские и Немецкие говорят о бракосочетании Владимира с Анною, сестрою Императора Василия (Memor. popul. II, 25, Эрбелот. Bibl. Orient. III, 137, и Дитмар. Chron. кн. 7). Дитмар, современник Владимиров, ошибся в имени Греческой Царевны, назвав ее, вместо Анны, Еленою; он несправедливо думал также, что Оттон III хотел на ней жениться (см. Треер. Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Rusicum imperium, стр. 14).

⁴⁵³ Memor. popul. II, 1009, и Эль-Мак. Historia Saracenica стр. 251. Бунт Склира и Фоки подробно описан Кедриню (см. Русский перевод его л. 147).

Константин Багрянородный, в наставлении данном Роману, торжественно запрещает Дому своему вступать в родственный союз с Князьями Россов, Хазаров и Венгров (см. Констант. de Adm. Imp. гл. 13). Эль-Макин рассказывает, что Император Василий, боясь успехов мятежника Фоки, послал к Российскому Князю, бывшему врагу своему, просить у него войска; что сей Князь требовал за то руки Царевниной, и согласился быть Христианином (Historia Saracenica стр. 251). Дитмар пишет, что сама Греческая Царевна уговорила его принять Веру Христианскую.

⁴⁵⁴ В харатейном *Пушкин.* списке: «она же не хотяше ити яко в *полон*».

⁴⁵⁵ Нашп Богословы думают, что сие Владимирово прозрение было *духовное* (см. Платонову *Церковную Росс. Историю*, I, 27). С Апостолом Павлом случилось тоже.— Анна, по сказанию Татищева, сведав о болезни Владимира, догадалась, что он раздумал креститься, и что Бог хотел за то наказать его сим недугом. В Киевской Архивской рукописи: «и нача мыслити (Владимир), яко бози его наказуют, яко Веру их поверг, а Христианскую хочет прияти». Автор *Степен. Книги* вымыслил длинную речь, будто бы произнесенную Владимиром по крещении.

В *Пушкин.* списке и в других стоит имя церкви Св. Василия, а в новейших Св. *Иакова*: ошибка произведенная словами: «крести Володимера, и яко *въложи* руку». Какойнибудь невежда принял их за имя церкви. В *Ипатьевск.* и *Хлебн.* названа сия церковь *Св. Софиию*. Здесь Нестор опровергает мнение тех людей, которые в его время думали, что Владимир крестился в Киеве или в Василеве.— В рукописном харатейном житии Владимира сказано (также в *Минеях* и в других местах), что сей Князь назван был в крещении *Василием*.— Нестор говорит здесь только о Епископе Херсонском; но в Херсоне были Митрополиты (см. Кюдина de Officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae, стр. 339).

⁴⁵⁶ Memor. popul. II, 1009.

⁴⁵⁷ Нестор говорит: «за вею». *Архангел. Лет.* думал, что Владимир подарил Херсон Епископам и Пресвитерам за *вечание*! — Сочинители *Книги житий Святых*, описывая подвиги Св. Философа

Константина (XI Мая), сказывают, что он, будучи в Херсоне, нашел мощи Климента и некоторую часть их отвез в Рим: следственно Владимир мог взять *остаток*.

⁴⁵⁸ Нестор говорит: «две *капищи* и четыре кони медяны». Здесь слово *капище* не может означать кумирницы или храма языческого. ^{95*} В нашей Библии (*Исход*, XXIII, 24) оно употреблено в смысле кумира ^{95*}. В *Никонов*. и других летописях названы сии *капища* *болаванами*. Татищев пишет: *вдав*, вместо *взя же*, и *медные иконы*, вместо *коней*; но Летописец говорил уже об иконах выше (см. в печатн. *Нест.* стр. 82). Далее Нестор сказывает, что некоторые люди его времени считали сии медные вещи мраморными.— Герберштейн пишет, что Новгородцы, по взятии Херсона, вывезли оттуда *медные врата и большой колокол*. Западные, резные врата Софийского Новгородского Собора действительно называются *Херсонскими*, но сделаны Немецкими художниками, которые внизу изобразили самих себя в Германской старинной одежде и написали имена: ^{96*} *Мастер Аграм, Ванзмут, мастер Никен Менегу*, а выше: *Riquin me fec.* (В последнем слове первая буква похожа на Р, а С также не ясно; но должно, кажется, читать: *fecit*; т. е. «Риквин сделал меня»): из чего, по недоразумению, вышла Русская надпись *Менегу*. Над главою благословляющего Епископа: *Wikmanuus Megideburgensis* Ерс., т. е. «Викман, Епископ Магдебургский» (который умер в 1149 году: см. S. F. v. Herberstein, v. S. Adelung, 446). Над изображением другого Свяtitеля: *Alexander* Ерс. de *Blucich*; т. е. «Александр Епископ». Имя *Блуцих* должно означать город; но какой? Все надписи, и Латинские и Русские, весьма грубы, неисправны. В *Новгород. Лет.*, г. 1336, сказано, что Новгород. Архиепископ Василий сделал в Софийскую церковь *медные, вызолоченные двери* (см. нашей *Истории* Т. IV, примеч. 328): не сии ли, так называемые *Херсонские*? Но кажется, что они были сделаны для другого, большего места или отверстия: четвероугольники, их составляющие, находят краями один на другой, закрывая часть изображений и надписей (см. Г. Аделунга в его S. F. v. Herberstein 448). Далин пишет (см. нашей *Истории* Т. III, примеч. 85), что Херсонскими назывались в Новгород. Соборной церкви врата Сигтунские, похищенные Россянами в 1188 году; но в сей церкви есть другие врата, именуемые *Шведскими*. В 1528 г. Архиеп. Макарий также сделал новые Церковные двери в Софию (см. Архив. *Рост. Лет.* л. 585). Миллер нашел в женском Александровском монастыре (Губерн. Владимирской) церковные медные врата, вывезенные Иоанном Грозным из Новгорода (см. Миллер. *Путешествие к Троице*) ^{96*}.

Герберштейн выдал и иногда сказки за Русские летописи: так он говорит, что Новгородцы (*ut annales eorum referunt* [как сообщают их летописи]) семь лет осаждали Херсон; что жены их вышли между тем за-муж за рабов; что сии рабы встретили господ с оружием; но господа, оставив мечи и копыя, пошли на них с бичами, и тем обратили в бегство своих бывших слуг, которые укрепились в одном месте, названном после *Холопым городом* (Гербершт. *Regum Moscovitarum Commentarii*, стр. 55). Ся басня, повторенная Стриковским, Витсеном в его *Noord en Oost-Tartarye*, и сочинителем *Ядра Росс. Истории*, взята из древней Греческой сказки о рабах Скифских. Новгородцы и Псковитяне, как упомянуто в некоторых летописях (см. в Синодальн. библ. № 349, л. 37), действительно ходили под Херсон с Владимиром; правда и то, что на берегу Мологи,

в 60 верстах от устья сей реки, был в XIV, XV и в XVI веке *Холопий город*, известный по его славным ярмонкам; правда, что сие место доныне именуется *Старым Холопьем* и находится в дачах Графа А. И. Мусина-Пушкина (Ярославской Губернии, в Мологском уезде); правда, что не далеко оттуда есть два жительства: *Станово* (Графа М. Пушкина), где, по рассказам, находился *стан* холопей, и *Боронишино* (Г. Горихвостова), где они будто бы оборонялись: но в летописях Новгородских нет ни слова о сем мнимом возмущении рабов, и вероятно, что название мест, которого причина в самом деле неизвестна, поддало мысль к возобновлению Греческой сказки, отнесенной после к Вятчанам, будто бы рабам Новгородским (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 33).

В *Никон. Лет.* и в *Степен. Книге* сказано, что Великий Князь, по своем бракосочетании, дал пир Херсонским сиротам и вдовам; что Цареградский Патриарх Фотий, которого уже около ста лет не было на свете, прислал к нему Митрополита; что от Греков приезжали к Владимиру в Херсон послы с дарами, а от Папы с мощами Святых; что Князь Печенежский Метимагак, или Метигаи, там встретился и проч. Древний Летописец не знает сих обстоятельств.

⁴⁵⁹ Нестор по харатейным спискам говорит: «Перуна же повеле привязати коневи к хвосту, и влещи с горы по Боричеву на ручай; 12 муже пристави *тети* жезлием». *Тети* значит сечь: этот глагол употребляется и в *Слове о полку Игореве*.— Далее: «пройде сквозе пороги и изверже и ветр на *рень*, и оттоле прослы *Перуна Рень*». *Рель, река* значила мыс (см. Архив. *Ростов. Лет.* л. 586, и сей *Истории* Т. VII, ^{97*} примеч. 370). В *Синописе* Киевском *рень* изъяснена словом *холм*. Там прибавлены ^{97*} следующие обстоятельства: «Старые люди рассказывают, что идол, влекомый Христианами с горы Днепровской, вопил и рыдал: для того прозвали сию гору (ниже монастыря Златоверхого Михаила) *Чоротовым беремищем*, или *тягостию* и бедствием сего злого духа. Когда он плыл рекою, суеверные язычники кричали: *видибай!* т. е. *выплывай*. Он действительно выплыл на берег: и сие место названо *Видибичи*, а после *Видубичи* (где стоит ныне монастырь *Видубецкий*). Однако ж Христиане утопили идола, привязав к нему тяжелый камень. Митрополит Киевский Михаил (см. о нем ниже) создал там церковь во имя Архистратига Михаила, в память того, что сей Архистратиг, низвергнув некогда Сатану с неба, помог низвергнуть его и с горы Днепровской». Но сия церковь существует только со времен Всеволода (см. в печати. *Нест.* стр. 129).

Здесь Татищев прибавляет, что Митрополит и Попы, ходя по городу, учили народ Вере Христианской, и что некоторые люди, окаменелые сердцем, не хотели слушать их и бежали в пустыни. В *Степен. Книге* сказано, что и сам Владимир дружески беседовал с гражданами о Вере.

⁴⁶⁰ Владимир, по словам Летописца, сказал: «аще не обрящется кто на реце, будет ли или убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет».

⁴⁶¹ В *Днепр*, а не в *Почайну*. Нестор знал все обстоятельства лучше, нежели писатели новейшие. В харатейных Прологах XIV века сказано, что место крещения на реке *Почайне* издревле именуется *Святым*, где стоит церковь *Петрова*; а в печатном: «идеже ныше церковь есть святых Мучеников *Бориса и Глеба*».

⁴⁶² В *Синописе*, *Степен. Книге*, в *Никон. Лет.* и других по-

вейших сказано, что сыновья Владимировы крестились прежде народа: но древний Летописец говорит только (в печатн. *Нест.* стр. 84): «Володимер просвещен, и сынове его и земля его». В *Синописе* прибавлено, что они были крещены не в Днепре и не в Почаине, а в *источнике над Днепром*, который с того времени прозван *Крещатиком*. Сей колодезь находится во рву, между двумя крутыми горами. Недавно обделали его камнем и поставили над ним столп, из коего льется вода и течет мелким ручьем в Днепр. В житии Св. Владимира находятся следующие подробности: «Владимир, возвращаясь из Херсона в Киев, отпустил всех своих жен, и любезнейшей из них, *Рогнеде*, велел сказать, чтобы она избрала себе какогонибудь Вельможу в супруги. *Быв Княгинию*, ответствовала она, *могу ли быть рабою у слуги твоего? не хочу иного мужа, но желаю креститься*. С нею сидел тогда Ярослав, сын ее, *хромый* от рождения. Он изъявил благодарность Небу за добрую волю матери своей, и в ту же минуту исцелился, к радости Владимира. Рогнеда, приняв Веру Христианскую, постриглась, и была названа Анастасисю». — Но Рогнеда, когда возвратился Великий Князь из Херсона, жила в Изяславле, а не в Киеве (см. выше стр. 147). Ярослав же остался *хром* навсегда, как увидим после.

⁴⁶³ В Несторе: «повеле *рубити* церкви и постави церковь Св. Василия на холме, идеже стояше кумир Перунь». И ныне существует древняя Васильевская церковь в Киеве близ Десятинной; но стоит на ровном месте, а не на холме. — О Варяжск. мученике см. выше, стр. 146. — В некоторых летописях сказано (см. *Воскресен.* I, 153), что *первая*, Владимиром построенная церковь в Киеве, освященная 26 Ноября, была во имя Св. Георгия. Далее Нестор говорит только: «и начаста ставити по градом церкви и Попы, и люди на крещенье приводяти по всем градом и селом». Он не именует ни Епископов, ни городов, куда были посланы Священники. Но *Лет. Никонсв.* и сочинитель *Книги Степенной* сказывают, что «Киевский Митрополит с *шестью* Епископами *Фотия* Патриарха, с Добрынею и с Анастасом Корсунским, ходил в Новгород, и *сокрушил* там идолов; а после в Ростов, где также насадил Христианство. Через год сам Великий Князь отправился с двумя *Фотиевыми* Епископами в Суздальскую землю, крестити народ и построил город Владимир на Клязьме». — Автор *Синописиса* повествует (ссылаясь на Стриковского), что «Великий Князь с тремя Епископами Патриарха Сергия, Иоакимом, Феодором и Фоною, ездил в Суздальскую, Ростовскую и Новгородскую область для крещения тамошних жителей; оставил в городе Владимире, им основанном, Епископа Феодора, в Ростове Фому, в Новгороде Иоакима». Сей невежда, поверив Стриковскому, говорит еще, что столицею Великих Князей был с *того* времени Владимир на Клязьме! Правда, что и в других новейших летописях находится следующее: «в лето 6498 Володимер, пришел из Киева в Суздальскую землю, постави град во свое имя и спом посыпа (окружил валом) и церковь Св. Богородицу Соборную древнюю постави» (см. *Воскресен.* I, 153). Сие известие основано на сказании Летописца Суздальского, жившего в исходе XII столетия. Он говорит, что Владимир на Клязьме построен Владимиром *Великим* (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 37): действительно Владимиром и Великим, но только не Святым, а Мономахом (см. сей *Истории* Т. II примеч. 238). В Новгородской летописи; напечатанной в *Продолжении Древ. Российской Вивлиофики*, сказано: «прииде к Новгороду

Аким Архиепископ Корсунянин, и требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхов поверзавше, ужи (веревками) волочаху по калу, бьюще жезлием, и заповеда никому ж нигде же не приати. И се иде Пидьблянин (*Пидьбою* называлось место близ Новгорода: см. *Новог. Лет.* стр. 111) — рано на реку, хотя горницы (горшка) везти в город; и сице Перун приплы к берегу, и отрину его шестом. Ты, рече, *Перушице, до-сити* (досыта) *еси пил и ял, а ныне плови уже проче*. И плы с света в окроmeshное». Барон Герберштейн пишет, что Перун стоял на том месте, где находится монастырь *Перунский*; что идол, когда Новгородцы бросили его в воду, плыл вверх по реке, и бросив им на мост палицу, закричал: *храните ее, граждане, в память мою*; что сей голос в некоторой день ежегодно бывает слышим в Новгороде; что жители, поспешно собираясь тогда на мосту, дерутся палицами, и Градоначальник едва может разнимать их (*Reg. Moscov. Com.* стр. 55). Сю басню, которая находится и в *Степен. Книге*, повторил Стриковский, а за ним сочинитель Киевского *Синописа*. — Из всех сказаний мнимого Иоакима самое любопытнейшее есть о введении Христианской Веры в Новгороде; жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной поговорке: *Путьята крести мечем, а Добрыня огнем!* «Новгородцы (говорит сей Иоаким) возмущаемые Тысячским Угоняем и жрецом Богомиллом или *Соловьем*, как он назван по его красноречию, не хотели креститься. Воевода Владимиров Путьята, имея с собою Ростовцев, вступил в бой с непокорными гражданами, а Добрыня велел зажечь их дома». О Путьяте упоминается в народных песнях:

*Против двора Путьятина,
Против терема Зыбатина,
Старого Путьяти темной лес.*

Впрочем один знаменитый Воевода Путьята жил гораздо после Владимира (см. ниже).

Нестор, описав языческие обыкновения древних Славян Российских, прибавляет: «се же творять Вятичи ныне — Кривичи и прочие погани, не ведуще закона Божия». Следственно между сими народами Русскими и в его время было еще много не-Христиан. — В житии благоверного Князя Константина Святославича сказано, что Муром и в XIII веке был еще наполнен язычниками (см. нашей *Истории* Т. III, примеч. 153). Св. Авраамий крестил многих язычников в Ростове уже тогда, как сей город был *Владимирскою* областью (см. *Пролог* и *Минею* Окт. 29): следственно после или во время Андрея Боголюбского, а не при Владимире Великом, как некоторые думали, и не в начале XI века, как показано в Месяцслове.

⁴⁶⁴ Рогнеда, названная в летописи *первою* супругою Владимира, вышла за-муж около 979 году. Увидим, что Всеволод III, сын Георгия Долгорукого, послал княжить в Новгород сына, именем Святослава, когда ему не было еще и пяти лет от роду. Разумеется, что Вельможи правили именем малолетнего Князя.

У Владимира было 12 сыновей без Святополка. Мы не знаем, от кого родились Станислав, Позвизд и Судислав. Нестор упоминает об них в 988 году: следственно они не могли быть детьми Греческой Царевны чрез несколько недель по ее замужестве. Татищев признавал Аньу материю Бориса и Глеба; но разве Летописец не ясно говорит, что они родились от *Болгарыни*, и гораздо прежде Владимиров крещения? см. в печати. *Несторе* стр. 71.

Система Уделов была общею в Европе. Рюрик, не имев сыновей, раздавал области Боярам, которые назывались Князьями (см. выше, стр. 95 и 106).

⁴⁶⁵ Сего Вышеслава называет Летописец *старшим*, но только в отношении к Ярославу, говоря: «посади Ярослава в Ростове: умершу же *старейшему* Вышеславу, посади Ярослава в Новгороде».

⁴⁶⁶ В *Патерике* (см. житие Стефана, Игум. Печер.) именно сказано, что сей город построен Св. Владимиром; но когда? Татищев пишет: «в 992 году». Сего известия нет в летописи. Новейшие Летописцы — те, которые в XVI веке дополняли Нестора баснями — едва ли знают, что есть на свете Волинский Владимир (ибо сия часть древней России принадлежала тогда Литве) искали Всеволодова Удела на берегах Клязьмы. Татищев и Болтин справедливо обличали их невежество. Разные места в продолжении Несторовой летописи доказывают, что древний Владимир находился на границах Польши; мы заметим их ниже. О новейшем Владимире на Клязьме не упоминается до XII века.

⁴⁶⁷ См. выше, стр. 127. Нестор говорит (в печатн. стр. 67): «Бе бо Роговол пришел из-за моря, имяше власть в Полотеске, а Тур в Турове, от него же Туровцы прозвашася». Новейшие Летописцы, не хотев сбделить и трех меньших сыновей Владимировых, дают Станиславу Смоленск, Позвизду Луцк, Судиславу Псков. В житии Св. Владимира сказано, что Луцк был отдан Владимирову *сыну* Брячиславу: разве *внуку*? Брячиславом назывался сын Иязславов. Длугш говорит (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Владимир назначил трем меньшим сыновьям, Станиславу, Позвизду и Судиславу, Княжение Киевское и *Берестовское*, которые долженствовали быть их Уделом по кончине отца. Сей Историк думал, что *сельцо* Берестовое (см. в печатн. *Нест.* стр. 71) есть город.

⁴⁶⁸ «И рече Володимир: *се не добро, еже есть мало городов около Києва*, и нача ставити города по Десне, и по Встри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати (набирати) мужи лучшими от Словен, и от Кривичь, и от Чуди, и от Вятичь, и от сих насели грады: *бе бо* рать от Печенег», и проч. Согласно с Татищевым и с Автором *Степенной Книги*, думаю, что Нестор союзом *бо* хотел означить здесь причину строения городов. Новейшие Летописцы не поняли того, и говорят просто о войне Князя Владимира с Печенегами в 988 году.

Белгород, ныне Белгородка, есть местечко Киевской Губернии на реке Рупине. Там не осталось уже ничего древнего, кроме вала.

Нестор говорит, что у Владимира, еще *идолопоклонника*, было 300 наложниц в Белгороде: следственно Великий Князь жывал там и прежде. В летописи: «*заложил* Белгород», т. е. городскую стену. Так, на пример, сказано в летописях XII века (см. *Росс. Библиот.* стр. 287), что Всеволод *заложил* Переяславль Суздальский, в котором он уже княжил за несколько лет до того времени.

Описанные здесь происшествия следуют у Нестора в таком порядке: Владимир начал строить города близ Києва в 988 году; церковь Богоматери заложена в 989, а Белгород в 990. *Никон. Лет.* говорит, что Владимир в 990 году послал *Македонского Философа* Марка обращать Низовских или Казанских Болгаров в Христианскую Веру; что четыре Князя их крестились в Києве; что в сей год родилось множество всяких плодов, и были Греческие послы у Великого Князя; что в 991 году пришли из Греции каменосечцы, случи-

лось наводнение, приезжали послы из Рима, и Князь Печенежский Кучюг, сделавшись усердным Христианином, заслужил дружбу Владимира, Митрополита и Бояр; что в 992 году ходил Владимир на Печенегов, угощал в Киеве послов Болеслава Ляшского и Андриха Чешского, оплакал кончину Митрополита Михаила, и принял нового, именем Леонта (Леона), от Патриарха *Фотия*; что сей Леонт поставил в Епископы Новугороду Иоакима, Чернигову Неофита, Ростову Феодора, Владимиру Стефана, Белугороду Никиту и проч. Татищев рассказывает, что в 990 году Владимир воевал с Польским Королем Мечиславом, а в 992 ходил с двумя Епископами ко Днестру и построил Чёрвенский город Владимир. Повторяя сказку Никонской летописи о послах Римских, сей Историк прибавляет (ссылаясь на какой-то Хрущовский список), что Патриарх Константинопольский был недоволен сношениями Владимира с Папою и советовал ему отказаться от переписки с Главою Западной Церкви. — В древней летописи нет ни одного из сих обстоятельств.

⁴⁶⁹ См. выше, стр. 101. Невероятно, чтобы Владимир ходил в нынешнюю, столь отдаленную Кроацію. Может быть, Хорваты, обитатели южной Галиции, прилежащей к горам Карпатским, еще не зависели тогда от России, и Великий Князь старался их покорить.

⁴⁷⁰ Нестор говорит: «Володимер же приде в *товары* (в стан), посла *биричи* по *товаром*», и проч. *Бирич* или *бирюч* есть Герольд или провозвестник. В некоторых списках поставлено ошибкою *Берендичи*, вместо *Биричи*.

Далее в *Троицк.*: «*мтрью сварящу* и оному мнущу усние (кожу), разгневався на мя, и преторже рукама сыром»... (наверху поставлено: «кожу»; а в *Пушкин.*: «черева»)... Слова: *сварящу* (с) *матерью*, значат, что он *бранился с матерью*. Ниже сказано, что Владимир на кануне поединка велел своим ратникам изготовиться к битве. В *Воскресен.*: «размеривше межи обема полкома, и пустиша я».

⁴⁷¹ В харатейных списках: «зانه переял славу отрок тот». Поправка Татищева и других: «зانه Переяслав отроку тому имя», есть ошибка. — Длугош, не поняв Нестора, говорит: *Wladimirus illic castrum Berestaw* (Переяславль) *erexit eo quod vir, qui vicerat, ex Verestaw ortus esset* [тут Владимир основал город Переяславль, ибо муж, который победил, был родом из Переяславля] (*Hist. Polon.* Т. I, стр. 123). Стриковский повторил его слова и назвал также богатыря Русского Переяславским уроженцем; но в древней России не было иного Переяславля, кроме Трубежского.

⁴⁷² См. выше, стр. 105. Разве положим, что новейший переписчик сих договоров от себя вставил имя Переяславля?

Здесь в *Никон. Лет.* годы происшествий означены ложно, и *прибавлено*, что в 994 году Владимир ходил на Болгаров, были засухи, и Русские послы возвратились — от Папы; а в 997 году Великий Князь воевал с Болгарами Волжскими и Камскими.

⁴⁷³ См. в печатн. *Несторе* стр. 85 и 87. Летописец говорит: «Володимер рек сице: *даю Церкви сей святей Богородицы от имения моего и от град моих десятую часть*, и положи написав клятву в церкви сей, и рек: *аще кто сего посудитъ, да будетъ проклят*, и вдасть десятину Апостасу Корсуняину». Не только Иудеи, но и самые древние язычники давали Священникам десятину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 в Русском переводе). Христиане, по совету Святых Отцев, также следовали сему обыкновению; но Церковь *Греческая* никогда не признавала одного *законом*. Карл Великий и наконец

Соборы Западной Церкви в IX веке первые установили, что миряне *обязаны* давать монастырям и Духовенству десятую часть от своего прибытка.

Татищев говорит, что сказание о *десятине* едва ли не прибавлено к древней летописи Попами новейших времен; что слог в сем месте кажется новым, и в разных списках употреблены разные слова; что обыкновение давать Церкви десятую часть от всех Государевых и *народных* доходов во-первых безрассудно, во-вторых не могло бы совершенно исчезнуть в памяти людей, ежели бы оно когда нибудь существовало в России. Ответствуем: 1) сие место находится в самых древних списках XIV века, в *Пушкинском* и в *Троицком*, и в самых новейших слова те же без всякой розницы; 2) безрассудно или пет, но в самых просвещенных государствах была уставлена церковная десятина; 3) Летописец не говорит, чтобы *народ* давал ее: сдип Князь жертвовал частью своего избытка в пользу Церкви, им сооруженной. — Кажется, что наследники Владимировы отменили сию дань, и что Летописец *не без намерения* хотел напомнить им клятву Равноапостольного Князя. И другие Князья Россійские давали после церквам десятину.

Сие известие древнего Летописца подало мысль какому нибудь Духовному XIII века сочинить *Устав Св. Владимира о десятинах* и церковных судах (см. ниже, примеч. 506).

Десятинная церковь Рождества Богородицы находится в старом городе Киеве близ церкви Андреевской. Она была разрушена во время пашествия Батыева. Остался один придел ее. На внешней полуденной его стене вделана каменная доска, длиною 6 аршин, шириною $\frac{1}{4}$ аршина, с следующею надписью, изображенною выпуклыми буквами, цвету сероватого или свинцового: С А Θ Ф М Е). (С О; а выше: Н. О. ^{93*} Значения сих букв нельзя узнать для того, что доска не целая, а составлена из *трех* отломков, отысканных в развалинах старой церкви и вставленных в стену придела.

Сочинитель *Книги Степен.* рассказывает, что Владимир и Киевский Митрополит со всем Освященным Собором, со множеством народа, псалмопением, свечами и кадилами, пришли на место, где лежало тело Св. Ольги, вырыли его, увидели нетленные мощи, перенесли их в Соборную или Десятинную церковь Богоматери и положили в каменном гробе. Нестор, описав кончину Ольги, говорит по *Троицк.* списку: «се бо вси человеци прославляют, видяще *лежащую* в теле за многа лета». В летописи Попа Иоанна еще яснее (стр. 267): «лежащую ю» — следовательно Ольгу? следовательно мощи ее были известны в Несторово время? Но в *Пушкин.* слова: «видяще лежащая в теле», могут относиться вообще к Праведникам, о которых выше упоминается. В *Воскресен.* прибавлено: «тело ея по смерти нетленно соблюде».

Анастас Корсунянин слывет у нас Протопопом, для того, что или Стриковский, или переводчик его и Автор Синописа пазвали его сим именем, а сочинители *Житий Святых* поверили Синопису. В *Воскресен. Лет.* именован Анастас просто Иереем.

⁴⁷⁴ В *Никои. Лет.* и *Степен. Книге* сказано, что от Патриарха Цареградского приехал в Херсон ко Владимиру Митрополит, именован Михаил, родом Сирия, который насадил Веру Христианскую в России, завел училища, был мудр, тих, иногда же *свиреп* или строг; что место его в 992 году заступил Грек Леонтий или Леон,

посвященный также в Константинополе, а место Леонтия Иоанн, третий Митрополит Владимирова времени. Во многих других летописях назван Михаил вторым Митрополитом, а первым Леон: так сказано и в мнимом *Владимировом Уставе* (см. ниже, примеч. 506), сочиненном около XIII века. В *Новгород. Лет.*, напечатанном в продолжении *Древ. Рос. Вивлиофики*, роспись Митрополитов (согласно с Нестором) начинается с Феофемпта; в *Архангел. Лет.* также. Мы знаем, что в Печерской Лавре хранятся мощи Св. Михаила, *первого Киевского Митрополита*; но в *Прологе* нет его жития, и в описании Владимирова крещения не упоминается (т. е. в *Прологе*) о сем Митрополите. Сочинители *Минеи* взяли известие об нем из *Степенной Книги*. Мы согласим предание Церкви о Лаврских мощах Св. Михаила с достоверною Историею, ежели положим, что он был тот самый Епископ, которого прислал Фотий к Российским Христианам Аскольдова времени, и который действительно назван Митрополитом Михаилом в *Кормчей Книге*, в предисловии *Патерика* и в *Минее* (Июля 15): ему-то приписывают чудо Евангелия, не стгоревшего в огне (см. выше, примеч. 286). Киевские Христиане могли сохранить нетленные мощи его, как святыню, до крещения Владимирова. Или он пас церковь в Квяжение Ярослава, прежде Феофемпта: ибо в некоторых списках древней летописи сказано (см. *Воскресенск. I*, 185, и *Ростов. Лет.* г. 1037): «Великий Князь Ярослав Митрополию уставил». — В Синодальной библиотеке между Греческими рукописями находятся два мнимые сочинения *Российского Митрополита Леона*, № 353 и 355: Λεωντος Μητροπολιτου Ρωμιας προς Ρωμαιοις ητοι Λατινους περι των αζβμων, о *бесквасном хлебе или опресноках*. Список должен быть XIV века: сочинение едва ли древнее. Автор с великим жаром уличает Латинскую Церковь в заблуждениях.

⁴⁷⁵ Сей город есть нынешний Васильков в Киевской Губернии.

⁴⁷⁶ *Гриднями* назывались телохранители Княжеские, а *Гридня* — та комната во дворце, где они собирались. Болтин думал, что здесь *гридня* значит *кухню*, и производил сие имя от Шведского глагола Graedda, *жарить, печь*. Оно в самом деле есть Норманское, но происходит от *Гридня*, а *Гридень* от Шведского слова Gred, т. е. *меч*. Сии отборные воины дружины Княжеской действительно назывались после *Мечниками*. В продолжении Несторовой Летописи сказано, что горожане Боголюбские убили *Детских* (Отроков) и *Мечников* Князя Андрея (см. *Российск. Библиот.* стр. 254).

В рукописном житии Св. Владимира прибавлено: «В праздники Господские три трапезы поставляше (Владимир): первую Митрополиту со Епископы и со Черноризцы и с Попы; вторую нищим и убогим; третью себе и Бояром своим и всем мужам своим». — Мы написали выше, что Владимир велел сварить 300 *варь* меду: в древней летописи сказано: *проварь*, а в новейших «300 *берковских*», или *берковцев*. — В *Ипатьевск.* и в *Хлебниковск.* сказано, что Вел. Князь возвратился тогда в Киев к празднику Успения.

⁴⁷⁷ «Взимати всяку потребу, питье и яденья, и от *скотниц кунами*». *Кунами* назывались в старину деньги, а *скотницею* казна. Болтин думал, что надобно читать *скатница*, и что сие имя есть Шведское skatt, т. е. *деньги, казна, сокровище*: но когда Латинское слово rescunia (*деньги, имение, богатство*) происходит от rescus (скот), то и древнее Русское имя *скотница*, в смысле казны, не может ли иметь такого же происхождения? Домашний скот был первым

богатством людей. Нестор говорит (в печатн. стр. 99): «и начаша *скот* брати, от мужа по четыре куны, а от старост по десяти гривен», и проч. Следственно имя *скот* также означало у нас *деньги*.

⁴⁷⁸ «Умножишась zelo *разбоеве*». Под *разбоем* разумели в то время убийство (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 71). *Вира* есть Германское Wehrgeld, употребляемое в *Саксонских законах* (Lex Saxon. Tit. II, Слово Академика Струбе *о начале и переменах законов Российских*, стр. 10, и Юма *Англ. Историю* Т. II, главу о законах Англо-Саксон.). Так называли Германцы денежную пеню за убийство. От Варягов вошло сие слово (по-Шведски Ога) в древнее Русское законодательство.

⁴⁷⁹ «И бе живя с Князи окольными мирно: с Болеславом Лятским, и с Стефаном Угорским, и с Андрихом (Удальриком) Чешским». Нестор говорит о том в описании случаев 996 года; но Стефан начал властвовать уже в 997 году, Болеслав в 999, а Ульрик или Удальрик в 1012. Впрочем, все они были Владимировыми современниками. Длугош, прочитав сие место в Несторе о мире Владимира с Болеславом, говорит, что Князь Российский, боясь могущественного Государя Польского, отправил к нему в 1001 году знаменитых послов и требовал его дружбы: на что Болеслав охотно согласился, считая приязнь Россиян выгодною для земли свсей (Hist. Polon. Т. I, стр. 135).

⁴⁸⁰ В харатейных списках: «и реша ему (Владмиру) Епископи и старци: рать многа, оже *Вира*, то на оружьи и на коних живи» ^{99*} — Это не весьма ясно. То ли, что Владимир, Вирою сохраняя жизнь воинов, должен быть с ними в поле для отражения врагов? или то, что деньги, собираемые за убийство (*Вира*), должны быть им употребляемы на оружие и на коней? Слово *буди* к Владимиру ли относится или к Вире? ^{-99*} — Татищев прибавил ^{100*} многие обстоятельства в сем месте.

Далее в Несторе: «Володимеру же шедшо к Новугороду по верховние вои на Печенеги; бе бо рать велика беспрестани». Князь Щербатов думал, что Владимир пошел к Новугороду воевать с Печенегами. Болтин смеялся над его ошибкою, говоря что сии неприятели совсем не там жили, и что вместо слов *шедшо на Печенеги*, надобно читать: *на Чудь*. Так написал и Татищев; но все трое равно ошиблись. Нестор хотел сказать, что Владимир пошел в Новгород за верховными воинами (ибо северо-западная Россия называлась в отношении к южной верховьем), чтобы с ними идти после на Печенегов.

⁴⁸¹ См. ниже о слове *Вече*, примеч. 495.

⁴⁸² В подлиннике сказано, что умной старик Белгородский велел женщинам сделать *цезь* из отрубей, овса и пшеницы. Сие слово напоминает Немецкое Zähe.— Летописец говорит, что граждане нашли *лукно* меду в Княжей *медуше*: так называлось место, где стоял мед.

⁴⁸³ Татищев назвал Мальфриду или Мальфреду Чехинею, матерью Святослава.— О Рогнеде см. выше, примеч. 462.— *Никон. Лет.* хвалит Изяслава, называя его кротким, *слезным*, терпеливым, *умильным* любителем Св. Писания и Духовенства. Татищев ошибкою приписал сию хвалу сыну его, Всеславу, который умер младенцем. Рогнеда, мать Изяславова, вышла за-муж в 979 или 980 году; положим, что Изяслав родился в 981, и женился семнадцати лет: следственно сын его, Всеслав, в 1003 году мог умереть лет че-

тырех. Елагин, не сообразив того, и зря Татищеву, говорит (его *Истории* Т. I, стр. 464), что «юный Князь Всеслав насаждал Евангельские добродетели, соблюдал мир с Державами соседственными, чуждался властолюбия», и проч. и проч.

По известию Кедрина, Анна умерла после Владимира. Mortua Anna, говорит он, Imperatoris sorore, in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito [Анна, сестра императора, умерла в России, когда муж ее Владимир уже был погребен] (Memor. popul. II, 1010). Но мы верим Нестору, тем более, что сказание его согласно с известием современного Немецкого Летописца: тело Владимира (как пишет Дитмар в конце VII книги) было погребено там же, где стоял гроб супруги его, Княжны Греческой — следовательно она умерла прежде.

Здесь открылось *Никонов. Летописцу* свободное поле для вымыслов. Желая наполнить пустоту в древней летописи, он рассказывает, что в 1000 году Володарь, забыв благодеяния Великого Князя, шел осадить Киев с *Половцами* (которых пмя в сие время было еще неизвестно в России); что Владимир находился тогда в Дунайском Переяславце; что богатырь его Александр Попович умертвил Володаря и разбил Половцев; что Владимир за такую храбрость надел на Поповича золотую гривну и сделал его *Вельможею в палате своей*; что в тот же год умер Рахдай *Удалой*, разливались воды и были у Владимира послы от Папы, от Королей Богемского и Венгерского; что в 1001 году Александр Попович и Ян *Усмошвец*, убивший некогда великана Печенежского, разогнали множество Печенегов и привели в Киев Князя их Родмана; что обрadowанный Владимир дал *светлый* праздник народу и послал гостей своих (купцев) в Рим, Иерусалим, Египет, Вавилон, для наблюдения чужеземных обычаев; что в 1002 году родился Святославу сын *Ян*, шли дожди и было *течение* звезд; в 1003 году *умножились* всякие плоды; в 1004 Александр Попович и Ян Усмошвец обратили в бегство Печенегов, осаждавших Белгород; было еще знамение в солнце, в луне и в звездах; *Андриха Добрянкова* храброго отравили слуги его, а Темира, Князя Печенежского, убили сродники. В тот же год, по сказанию сего Летописца, Митрополит Леонтий заключил в темницу инока Андреяна скопца, который *укорял* церковные законы, Епископов, Пресвитеров, Иноков; но виновный раскаялся и снова обратился на путь истины. Далее узнаем мы, что в 1008 году Митрополит Иоани построил в Киеве церковь каменную Святых Апостолов Петра и Павла, а в Переяславле Воздвижения Честного Креста; что в том же году саранча опустошала поля, и Владимир простил славного разбойника Могута, который раскаялся, оказал великое смирение, и наконец, предвидев смерть свою, почил о Господе в доме Митрополита. — Исторички наши верили сим весьма нехитрым вымыслам и включали их в свое повествование. Татищев прибавил еще, что в 1006 году Волжские Болгары присылали многие дары к Великому Князю, требуя права торговать свободно во всех городах по Оке и Волге; что Владимир дал им *печати*, но велел торговать единственно в городах, а не в селах, — с купцами, а не с Дворянством, не с крестьянами, и проч.

⁴⁸⁴ Histor. Reg. Septentr. Т. I, Tryggwasons Saga, гл. 96, стр. 317. Музы Скандинавские воспели сию войну и жестокие битвы ее.

Стурлезон (I, 197) повествует следующее: «Когда Астрида с Олофом плыла на корабле в Россию, морские разбойники взяли их

в плен и разлучили. Сигурд, посланный Владимиром для собрания дани в Эстляндию, нашел там своего племянника, выкупил его из неволи и привез в столицу. Через несколько времени юный Олоф встретился с одним из разбойников, взявших на Балтийском море корабль Астридин, и рассек ему голову топором. Желая спасти племянника, Сигурд отвел его к супруге Владимировой, *Арлогии*, и просил ее защиты. Княгиня вступилась за Принца и велела страже разогнать парод, который искал убийцы; а мать Олофова заплатила пеню родственникам убитого. Никто из чужестранных Принцев, без особенного дозволения от Правительства, не мог тогда жить в России: Княгиня исходатайствовала сие позволение для Олофа, и старалась довершить его воспитание наилучшим образом. Он с великим прилежанием учился воинскому искусству и заслужил милость Владимира, давшего ему начальство над своим пограничным войском; но завистливые Бояре уверили Князя, что сей чужеземец, любимый народом, может быть опасен, и юный Олоф выехал из России». — Далее Стурлезон (стр. 233), ссылаясь на какую-то Хронику под заглавием *Imago Mundi*, рассказывает, что Олоф, «приняв Веру Христианскую, был вторично у Владимира, ездил от него в Грецию и привез к нему оттуда ученого мужа, именем Павла, который с помощью Великой Княгини *Арлогии* уговорил Владимира и подданных его креститься: что случилось в царствование Императора Оттона». Владимир жил действительно в одно время с Оттоном III. Сию повесть Стурлезону можно отчасти согласить и с Несторовою, ежели под именем *Павла* будем разуметь того Греческого Философа, который, по известию нашего Летописца, изъяснял Владимиру Веру Христианскую ^{101*}.

Кардинал Бароний повторяет в своих *Церковных Летописях* (Annal. Eccles. Т. XI, стр. 30—31) сказку о Римском Св. Мученике Бонифатии, который будто бы в начале XI века крестил Россиян; но должно знать, что сей Мученик был не в России, а в Пруссии (см. Гарткнох. Alt- und Neues Preussen, стр. 456).

⁴⁸⁵ Ежели откинуть слог *га*, *Альдейгабург* может значить на Готфском языке *старый город*; но вероятнее, что сие имя дано ему от Ладожского озера, которое называлось *Альдеск*, *Альда* (Рудбек. Atlantica Т. I, стр. 659—660), *Альдаген* (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 244) и даже *Альдога* (см. *Географ. Лексик.* Миллеров под словом *Ладога*, и Шлец. Nord. Gesch. стр. 504). Рюрик, может быть, основал город Ладогу, желая иметь удобное сообщение с единоземцами своими чрез Финский залив, и назвал ее Альдейгабургом, т. е. *городом Альдогским*; быть может, что она построена еще и ранее Варягами, завоевателями северных областей Славянских, хотя летописи наши и не упоминают об ней до XII века. Имя *Альдога*, от переставки двух букв, обратилось в Ладогу: так стали в России называть сей город, отбросив окончание *бург*. Известно, что простой народ говорит у нас *Питер* вместо Петербурга. — Миллер не хотел верить, чтобы Ладога была Альдейгабургом, который 1) по свидетельству всех Историков (как он пишет) принадлежал России только в позднейшие времена; 2) Невские пороги долженствовали препятствовать судоходству; 3) ежели Альдейгабург Ладога, то для чего же Скандинавские корабли там останавливались и не доходили до Новгорода? (см. его *Речь о происхождении народа Российского*)... Но 1) какие же Историки упоминают о древнем независимом Альдейгабурге? Исландские басеники, которых хронологию определяет

Торфей на угад. Первое достоверное свидетельство о бытии сего города находится в Стурлезоновой летописи и принадлежит ко временам Владимира и Ярослава (Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 318 и 516). К тому же Ладога могла быть в начале и независимым городом, если она прежде Рюриковых времен построена Варягами, открывшими себе в VIII или в IX веке путь в Неву и Ладожское озеро. 2) Хотя стремление воды очень быстро в Невских порогах, но через них ходят самые большие и грузные суда (см. Озерецковского *Описание Ладожского озера*, стр. 3, 4). 3) Датчане, Норвежцы и Шведы останавливались в Ладоге для того, что пороги Волховские мешали им плыть вверх рекою до Новгорода.

⁴⁸⁶ При Олеге Новгород платил 300 гривен Варягам (см. выше, стр. 100).

Владимир говорит: «*Теребите* пути, и мосты *мостите*». *Теребить* путь значило *прокладывать дорогу*. Великий Князь хотел, кажется, устрашить сына такими приготовлениями. Впрочем и дороги сего времени не могли быть еще весьма удобны для походов войска.— Длугош, худо разумеет Нестора, пишет (Hist. Polon. T. I, стр. 145), то Ярослав взял Киев и завладел сокровищами отца своего, который жил в *городе Берестове* (in castro Berestow); что оскорбленный Владимир собрал войско, но занемог от горести, и велел Борису, сыну своему, идти против Ярослава, умер; что Ярослав между тем призвал к себе на помощь Варягов и *Печенегов*, и проч. Стриковский также говорит за Длугошем, что Ярослав взял Киев при жизни отца.

Татищев прибавляет, что не за-долго до Владимировой кончины были у сего Князя послы от Болеслава, также Венгерские и Чешские; что Владимир обещал выдать большую дочь свою за Государя Чешского, а меньшую, любимую, за Венгерского, и хотел весною съехаться с ними в городе Владимире. Но Герцог Ульрик и Король Стефан уже имели тогда супруг.

⁴⁸⁷ «Умре жь на Берестове, и потаиша ѿ: бе бо Святополк в Кыеве». Соглашаемся с Татищевым, что не Святополк, по придворные хотели утаить кончину Владимирову, боясь Святополкова властолюбия, и желая, чтобы Борис заступил место отца.

⁴⁸⁸ Обстоятельство, что монумент Владимиров стоял среди храма, подле гробницы супруги его, взял я из Дитмара, современного Владимиру Летописца, которого единосемцы, приходившие с Болеславом *Храбрым* в Киев, собственными глазами видели сей памятник, разрушенный, как надобно думать, Татарами (см. Дитмар. Chron. в конце VII книги). Митрополит Киевский (как сказывают), Петр Могила, в 1636 году осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Батыем, увидел яму; велел глубже раскопать ее, нашел два гроба мраморные и по надписи узнал, что в них лежали кости Владимира и Царевны Анны. Он вынул голову Святого Князя и положил ее в Киевопечерской церкви, где она и теперь хранится (см. *Историч. Описание Киев. Лавры*, стр. 80). Но что же Петр Могила сделал с гробницами? Опять зарыл в землю? где? Викарий нынешнего Митрополита Киевского, будучи еще типографом, внес сие известие в описание Лавры из тетрадки покойного Архимандрита *Зосимы*, который записывал в ней разные достопамятности. Я не мог узнать ничего более, кроме следующего: «В правление Епархией Киевскою Митрополита Арсения Могилянского, старца Киево-Фроловского монастыря, Княгиня Нектария Борисовна Долгору-

кова (супруга знаменитого несчастливца, казненного в царствование Анны Иоанновны), получив благословение сего Архипастыря, возобновила древние остатки Десятинной церкви. Заделывая трещину в стене алтаря, и копая землю, каменщики отрыли две мраморные доски, подобные той, которою покрыта Ярославова гробница в Софийском храме. Тогдашний Священник сей церкви не сказал ничего Митрополиту, и любопытный памятник был опять засыпан землею, а слова Греческие, изображенные на внешней стене между большими, круглыми, муравлеными украшениями, представляющими опоясание ветхой церкви, сбиты работниками для белиения. Все сказанное слышал я от жившей тогда в сем приходе госпожи Хитровой, родственницы помянутой Долгоруковой» — говорит достойный Протоиерей Иоанн Леванда, ученый любитель наших древностей, в письме к Н. Н. Бантышу-Каменскому, ответствуя на мои вопросы.

В харатейных списках Нестора мраморная рака Владимирова названа *корстою*: «и вложиша ѿ в *коръсту* мраморяну». — Дитмар называет Десятинную церковь храмом Св. Климента: там лежали мощи сего Папы (см. в *Мин. Чет. житие* Владимира) и мог быть придел ему посвященный.

⁴⁸⁹ *Historia Saracenicæ*, стр. 251.

⁴⁹⁰ Дитмар, согласно с Нестором описывая его чрезмерное любострастие, говорит, что Владимир богатою милостынею хотел загладить грехи свои.

⁴⁹¹ См. *Никон. Лет.* Мощи Ильи Муромца, известного нам только по сказкам, хранятся в пещерах Киевских.

⁴⁹² Дитмар говорит (в конце V II книги), что Владимир неумеренностию в любострастии вредил своему здоровью, *от природы слабому*, но умер в старости, имев время насытиться жизнью. Древний Летописец наш не означает лет сего Князя: новейшие, по одному вероятному соображению, говорят, что он скончался на 63 году от рождения.

⁴⁹³ Вся Ливония, как мы уже говорили, платила дань Владимиру; он завоевал землю Ятвягов (где ныне Белый Сток, Бельск, Дрогичин) и города Червенские или Галицию. Литовцы, жившие за Двиною, оставались еще независимы до времен Ярослава Великого. По Игореву заключенному с Греками трактату устье Днепра находилось вне России. Вероятно, что владения наши простирались единственно до порогов: ибо Владимир, боясь, чтобы идолопоклонники Россияне не вытащили брошенного в Днепр Перуна, велел своей дружине идти за ним только до сего места. Мстислав, сын Владимиров, господствовал в Воспорском Тмуторокане. С княжения Ярослава Великого летописи наши говорят о частых войнах Новгородцев с *соседственными* Финляндцами или Емью. Если верить одному Руническому памятнику, то Россия уже при Владимире граничила в Лапландии с Норвегиею (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 61). Не лъзя с точностию определить, как далеко в сие время простиралась область Мери, или Ростовская, на Север и Восток, но без сомнения не далее нынешней Ярославской и Костромской Губернии. Столь же не ясны древние границы Российские по течению Дона: увидим в *Истории* XII века, что Княжение Рязанское, бывшее Уделом Черниговского, заключало в себе и часть нынешней Воронежской Губернии; далее к Югу скитались Азиатские Орды: Печенеги, Половцы.

О Хвалисах говорит Нестор (в печатн. стр. 145): *Хвалисы и Болгаре суть от дочерей Лотовых* (следственно единоплеменники). Он сказывает (стр. 7), что в его время можно было идти Волгою в Болгары, *Хвалисы* и в часть Симву, т. е. по Несторовой Космографии в Персию, Бактрию, Индию.— Древние Россияне называли Хвалисами, а Греки Хоалитами (Memor. popul. III, 52, и Дегиа Hist. des Huns. кн. V, стр. 589) Канглей, обитавших и в XIII веке, по известию Карпина и Рубруквиса, на северных берегах Каспийского моря в соседстве с Казанскими Болгарами (см. в Бергероном издании Voyage de Rubruquis стр. 46, 47). Сии Кангли хвалились, что они происходят от древних Римлян; но Абульгази Хап причисляет их к Татарам, уверяя, что родоначальник *Канглей* назван так от *изобретения телег* (Hist. des Tatars, стр. 41 и 85) и сказывая, что они жили некогда около Туркестана. Киннам упоминает о *Халисиях*, людях Магометанской^{102*} (или, как в другом месте сказано, Иудейской)^{-102*} Веры, обитавших в Венгрии около половины XII века (Memor. popul. III, 676) и, вероятно, пришедших туда или с Печенегами, или с Команами. Тунман и Гаттерер считали Уральских и Волжских Канглей остатком Печенегов. По крайней мере нет сомнения в их народном родстве.— После Россияне называли Хвалисами Татар Каспийских. Так сказано в летописи Келаря Аврамия (стр. 16), что Годунов искал невесты для сына своего в *Татарских царствах*, в *Хвалисах*. Памятником сего древнего имени остался нынешний город Саратовской Губернии, Хвалыгск.

⁴⁹⁴ См. выше, стр. 106 и 117.

⁴⁹⁵ См. выше, стр. 158. Древний *Новгород. Лет.* обыкновенно пишет *Вбче*, а не *Вече*, ибо оно в корне своем имеет связь с глаголами *вбдати*, *вбцати*. В старину вместо *вбцати* говорили *вбцати*: так в *Новгород. Лет.* (стр. 66) сказано: «*увбча*ста, яко не воевати», и проч. Народные собрания Англо-Саксонов именовались^{103*} Witenagemot, то есть: «собрание *знающих людей*», от слова witan, *ведать* (см. в Юмовой *Англ. Истории* Т. II, статью Witenagemot^{-103*}). В Польше Дворянский суд в делах вотчинных назывался Wiesa.— Увидим *Веча* в Киеве, Новгороде, Владимире и многих других городах.

⁴⁹⁶ В печатн. *Несторе* стр. 63: *имаше же и за убьенных, глаголя, яко род его возметь.*

⁴⁹⁷ В печатн. *Несторе* стр. 67.

⁴⁹⁸ См. выше, стр. 106 или в *Несторе* стр. 25: «по тем бо городом сидяху Князи, под Ольгом суще».

⁴⁹⁹ *Нестор*, стр. 186: «воздвигни отчину ея».

⁵⁰⁰ Следующее место доказывает, что Посадники были Наместники: «прииде Володимер к Новугороду, и рече к *Посадником* Ярополчим: идите к брату моему», и проч. См. печатн. *Нестора*, стр. 67.

⁵⁰¹ В *Нест.* стр. 89: «Бе бо Володимер любя дружинну и с ними думая о устрои земнем^{104*}, и о работех» (в *Пушкин. о ратех*): «и о уставе земнем»^{-104*}. Там же см. стр. 88 и 90.

⁵⁰² См. выше, стр. 75.

⁵⁰³ См. Стирнг. de jure Sveonum et Gothorum antiquo; также Jut. Lawbook in Dissertation sur les anciens Russes, стр. 51. — Haeredibus occisi vindictum jura concesserunt [предоставляют наследникам убитого право отмщения]: Стирнг. стр. 349.— Leges

Suetiae furem etiam diurnum, si aliter capi non possit, occidere permittunt [шведские законы дозволяют убивать обычного вора, если иначе он не может быть пойман]: Стиринг. стр. 351. Для сравнения см. выше, в договоре Олегов. статью IV, V, и в Игорев. статью XII.

⁵⁰⁴ См. выше, стр. 108.

⁵⁰⁵ См. выше, примеч. 97. Саксон Грамматик уверяет, что Датский Король Фротон обнародовал, за несколько веков до введения Христианства в Скандинавии, законы воинские и гражданские (см. Маллет. Histoire de Dannemarck, T. I, гл. 8). Сии краткие уставы или правила, по словам Далина, были вырезываемы на дереве (Gesch. des Schw. R. T. I, стр. 151). Хотя Саксон не может быть надежным порукою истины, и Далин говорит единственно по догадке; но вероятно ли, чтобы древние Скандинавы, исписывая Рунами гробы и камни, не употребляли их для начертания законов, которые служат основанием гражданских обществ?

⁵⁰⁶ Впрочем подложный Устав Владимиров достоин замечания своею древностию; он сочинен не позже XIII века: ибо харатейный, найденный мною в Синодальной библиотеке (в Кормчей Книге, № 82), писан в княжение Дмитрия Александровича Новгородского, следственно около 1280 году. Напечатанный в *Древней Вивлиофике* есть испорченный и новыми умниками дополненный список. Вот древний, от слова до слова:

Устав Св. Князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судах.

«В имя Отца и Сына и Св. Духа. Се яз Князь Василий, нарицаемый Володимир, сын Святославль, внук Игорев и блаженныя Княгини Ольги, восприял есмь святое крещение от Грецьскаго Царя и от *Фотия* Патриарха Царегородьскаго; взял перьваго Митрополита Леона Киеву, иже крести всю землю Русьскую святым крещением. Потом же летом многым минувшем, создах церковь Св. Богородица Десятинную, и дах ей десятину по всей земли Русьстей из Княжения в Сборную церковь, от всего Княжа суда десятую векшу, а из торгу десятую неделю; а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чудному Спасу и чудней его матери.— Потом, разверше Грецьский Номаканон, и обретохом в нем, оже не подобаеть сих судов и тяжь Князю судити, ни Бояром его, ни судьям ^{105*}, и яз, сгадав с своею Княгиною с Анною и с своими детьми, дал есмь ты суды церквам, Митрополиту и всем Пискупиям по Русьской земли. А по семь не надобе вступатися ни детям моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века, ни в люди церковные, ни во все суды их. То все дал есмь по всем городом и по погостам и по свободам (слободам) где нь (ни) ^{106*} суть Хрстияне, и своим Тиуном (чиновникам, судиям) приказываю церковнаго суда не обидети, ни судити без Владычня Наместника. А се церковнии суды: *ропсут* (развод), *смильное* (брачное), *заставанье* (в прелюбодеянии и блуде), *пошибанье* (драка) промежи мужем и женою о животе, *умычка* (похищение девицы или жены) в племени или в сватьстве поимуться, *ветьство* (волшебство) зелиничьство (отрава) *потвори* (колдовство) чародеяния, волхвованя, урекания *три*: бляднею и зелью и еретичьством, *зубоежа* (укушение) или сын отца бьет, или мать, или дчи (дочь) или снха (сноха) свекровь, братья или дети *тяжють о задницу* (имеют тяжбу о наследстве), церковная татба, мертвецы сволочать (разденут), крест посекуть,

или на стенах режутъ (в церкви) — скот или псы или *поткы* (*птицы*): так сказано в одной Синодальн. летописи, № 347, л. 326, при описании тумана: *поткы не видяху, камо летети*) без великы пужы введеть (в церковь) или ино что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити (в драке) единого жена иметь за *лоно* другого и роздавить, или кого застануть с четвероножиною, или кто молиться под овином, или в рощеньи (в роще) или у воды, или дѣвка дѣтя повържеть (повержет), те все суды церкви даны суть. Князю и Бояром и судьям их в ты суды не лзе вступатися: то все дал есмь по првых Царей уряженью и по Вселеньских святых семи Зборов (соборов) великих Святитель. Аже кто преобидить наш устав, таковым непощеным быти от закона Божия, и горе себе наследуютъ. А своим Тиуном приказываю суда церковнаго не обидети и с суда давати 9 части Князю, а десятая Святей Церкви. А кто пообидить суд церковный, платити ему собою; а перед Богом тому же отвечати на страшнем суде, перед тмами Ангел, идеже кождо дела не скрываются, благая или злая, идеже не поможеть никто же кому, но токмо правда избавить от вторья смерти, от вечны муки, от *хрещения спасенаго*, от огня негасимаго. Господь рече: в день мечь вздамь сдержажим неправду; в разуме тех огнь не угаснетъ и червь их не умреть. Створшим же благая в жизнь и в радость неизреченную, а створшим злая в wskрешенье суда, им же рече неизмолим суд обрести.

Се же искони уставлено есть и поручено святым Пискупьям: городские и торговые всякая мерила и спуды и свесы и *ставила* (думаю, гири) — от Бога тако искони уставлено. Пискупу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити; за все то дати ему слово в день суда великаго, яко же и о душах человеческих. — А се церковные люди: Игумен, Поп, Дьякон, дети их, Попадия, и кто в Клиросе; Игуменья, Чернецъ, Черница, Проскурница (просвирница) *паломникъ* (странник: см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 167) — «Лечець (лекаръ) *прощеникъ*» — кто в святом месте чудесным образом выздоровел: см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 373, год 1348 — «*задушный человек*» — раб освобожденный господином для спасения души, как толкует Герберштейн в *Reg. Mosc. Comment.* стр. 33 — «стороник (чужеземец), сленець, хромецъ, монастыреве, болницы, гостинницы, страннопримници: то люди церковные, *богадельные*» (от слов: *Бога деля* или *Бога ради*). «Митрополит или Пискуп ведаеть межы ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница» (спор о наследстве). «Аже будет иному человеку с тым человеком речъ, то обчи (общий) суд.

Кто переступить си правила, яко же есмь управили по Святых Отец правилом и по првых Царев управленью, кто иметь переступити правила си, или дети мой, или правнучата, или в котором городе Наместник, или Тиун, или судья, а пообидять суд церковный, или кто иной, да будутъ грокляти в сий век и в будущий семью Зборов Святых Отец Вселеньскихъ.

К счастью истины и нашему, Автор не знал хронологию Византийской: иначе древность слога могла бы обмануть самых знатоков, и мы приписали бы тогда Владимиру сочинение какого нибудь Монаха. — Еще одно замечание: в сем уставе сказано, что тяжбы детей и братьев о наследстве подсудны единственно Духовенству; но Ярослав доказываетъ противное: там именно (в новом издании стр. 93) написано, что их судит Князь чрез своих Отроков.

⁵⁰⁷ Выражение, употребляемое в нашей древней летописи: *ставить стяг* (в печати. *Нест.* стр. 173) значило *строиться*.— О *трубах воинских* см. выше стр. 128.— Претич говорит Князю Печенежскому, что он пришел в *сторожех* (см. в печати. *Нест.* стр. 58).— Нестор рассказывает, что Славяне Русские издревле употребляли мечи *обоюду острые* (в печати. стр. 15). О копьях и стрелах см. в печати. *Нест.* стр. 49 и 58.— Печенеги напрасно осаждали Киев и Белгород (в печати. *Нест.* стр. 57 и 90).— Святослав взял Козарскую Белую Вежу, Переяславец и другие укрепленные города в Болгарии. Владимир присыпал землю к стенам Херсонским, и под Киевом окопался в стане (см. выше, стр. 141).

⁵⁰⁸ Мемор. popul. II, 986.— Греки сего времени называют Русские корабли *Ровска карава* (см. Конст. Багрян. de Cerim, кн. II, гл. 44). Корабль и *каравос* есть одно имя: Греки заимствовали его, кажется, от Славян. Оно имеет связь с глаголом *коробить* и *коробом*.— О легкости Русских военных судов говорит Лиутпранд (*Historia etc.* книг. V, гл. 6).— Константин Багрянородный пишет, что на семи Русских кораблях, присланных в помощь Грекам, находилось 415 человек (de Cerim. кн. II, гл. 44, в Мемор. popul. II, 972); в Олеговом флоте на всяком корабле было 40 воинов; для каждого паруса выходило 30 локтей (*ulnagum*) полотна (Мемор. popul. II, 974).— О строении Русских судов см. ниже.

⁵⁰⁹ Выше, стр. 157.

⁵¹⁰ См. выше. Славянское имя *отрок*, подобно Латинскому *adolescentulus*, означало и юношу или вообще молодого человека. Обычай Князей Российских иметь дружину многочисленную вокруг себя есть древний Германский, описанный Тацитом: «Благородные юноши (говорит сей Историк) не стыдятся быть в дружине Князя великодушного. Они стараются превзойти друг друга заслугами: он старается иметь их как можно более числом и знаменитее мужеством; ими побеждает на войне, ими славится в мирное время... Князю стыд и бесчестие уступить дружине в храбрости: дружине стыд и бесчестие не равняться храбростию с Князем.... Беречь, спасать его жизнь, уступать ему даже славу свою, есть главная обязанность дружины. Князь сражается для победы: дружина единственно для Князя» (de situ, morib. et pop. Germaniae, гл. XIII и XIV). Сих отборных воинов Тацит называет *Comites*.

Мы различаем Отроков Княжеских и Бояр дружины, основываясь на летописи Несторовой и законах Ярославовых. 1) Владимир без сомнения не с Отроками советовался о делах государственных; 2) в Русской Правде (нов. изд. стр. 1 и 22) определяется за голову *мужа Князя*, или Боярина, 80 гривен пени, а за голову Княжеского Отрока 40 гривен.— *Отрок* или *Детский* был знатнее Грядня или Мечника: ибо первому за труд в некоторых делах следственных давали полгровны награждения, а второму только 5 *кун* (см. в печати. *Рус. Правде* стр. 81).

⁵¹¹ По крайней мере летопись упоминает только о жалованье Варягам и Грядням (см. выше).

⁵¹² См. Констант. Багрян. в Бандури Т. I, гл. VI, стр. 57, и Баерово изъяснение описанных Константином товаров в *Geograph. Russiae ex Script. Sept.* в Комментар. Академии, Т. X, стр. 410.— Олег привез плоды из Царяграда (см. выше).

⁵¹³ Мемор. popul. II, 982.— См. о Лучанах выше.— Гиббон, в *History of the decline of the R. E.* гл. LV, говорит о древних Русск.

лодках так, как мог бы говорить очевидец. «Дно их (пишет он) состояло из *одной* выдолбленной липы или ивы (beech or willow), к которой прибивались разные доски в вышину на 12, а в длину на 60 футов. Они были без палубы, с двумя рулями и с мачтою. В них садилось обыкновенно от 40 до 70 человек, с оружием и с запасом как соленой рыбы, так и пресной воды». Надобно знать, что Гиббон взял сии подробности из Description de l'Ukraine par le Sieur de Beauplan (Rouen 1660, стр. 55); но Боплан описывает Козачьи лодки XVII века, а не Олеговы, не Игоревы, которые могли быть совсем иначе построены. — Константин называет Витичев Вѣтѣвъ. Ученый Баер, худо зная нашу древнюю Географию, обратил (Коммент. Ак. X, 408) сие имя в Витебск; но город Витичев стоял на берегу Днепра ниже Киева и Триполя (см. *Большой Чертеж*, стр. 145). — О Неясытском пороге см. *Записки В. Зуева*, стр. 254, также *Большой Чертеж*, стр. 157, где описаны 14 порогов Днепровских: Константин же говорит только о *семи*. — Мы не хотели здесь повторить тех Константиновых известий, которые сообщены выше, в описании Олегова похода.

⁵¹⁴ Мемог. popul. II, 987. Сие известие кажется сомнительным. Гиббон думает, что вместо *Συρια* надобно читать *Συαχα*: страна Кавказская, описанная Плинием, и в XI веке еще известная под сим именем (Мемог. popul. IV, 234).

⁵¹⁵ В печат. *Несторе* стр. 7. Там о судоходстве древних Россиян вообще сказано следующее:

«Бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру и вверх Днепра волок до Ловоти; по Ловоти вйти в Ильмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов, втечь в озеро великое Ново (Нево, Ладожское); того озера видеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду; а от Царюгорода прити в Понт море, в неже втечь Днепр река. Днепр бо потече из Оковского (Волоковского, Волковского) леса и потечеть на полдни, а Двина из того же леса потечеть, а идеть на полунощье, и видеть в море Варяжское. Из того же леса потече Волга на Вѣсток и втечь семьдесят жерелы в море Хвалиское». Двина и Волга действительно имеют начало свое не далеко одна от другой в Тверской Губернии: первая вытекает из озера Охвата, а вторая из озера Пена (в Осташковском Уезде); но верховье Днепра находится в Смоленской Губернии, между Белым и Сычовкою. Впрочем Нестор конечно не ошибся, и видно, что в его время леса Смоленской и Тверской Губернии, которыми окружены истоки сих рек, назывались одним именем. Далее: «тем же ^{107*} из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы на Восток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима до племени Хамова (Египта, Ефиопии) — а Днепр течеть в Понтское море тремя жерелы, еже море словеть Русское».

⁵¹⁶ Мемог. popul. II, 980, и The oriental Geography of Ebn-Naukal, стр. 191. Вот что он говорит о России: «Близ Козарии, на берегах Ателя (Волги), есть народ Бергас; но земля сих людей называется вообще и Козарскою, Русскою (Rus) или Серир... Руси три поколения: одно близ Болгарии; Царь его живет в городе *Гѹнабе*, который обширнее столицы Болгарской. Другое поколение называется *Артанами* или *Артаями*: Царь его живет в *Арте*; а третье поколение, именем *Дшелабе*, обитает выше. Но для торгов-

ли никто не ездит далее Болгарской столицы; никто не ездит до Арты, ибо жители убивают всякого иноземца. Арта производит свинец и олово (?), и зверя называемого черною куницею или Скифским соболем. Русские жгут мертвых и не бреют бород». Сие известие любопытно; но имена поколений и городов непонятны.

⁵¹⁷ См. Стурлез. Hist. Regum Sept. T. I, стр. 449, и Торфеев. Hist. Norvegiae, T. II, стр. 68, о торговле Новгородской.— Олег назвался купцем, едущим из Новгорода в Грецию (см. выше, или в печатн. *Несторе* стр. 18).— О Виннете см. Адам. Hist. Eccles. стр. 19, и Гельм. Chron. Slav. стр. 4. Адам называет Россию Грецією: (см. ниже, примеч. 522). Гельмольд повторяет его слова.— О зависимости Ливонии или Эстляндии от Владимира см. выше, стр. 145; о тамошней ярмонке в Стурл. T. I, стр. 274; о богатстве России в Баер. Geogr. Russ. Script. ex Sept. Комент. Акад. X, 411, и в Гельмольд. Chron. стр. 3.

⁵¹⁸ О торговле Государей Скандинавских см. Стурл. Hist. Reg. Sept. I, 618.— Олег брал дань с Древлян *черными куницами* (в печатн. *Нест.* стр. 19). Сии же Древляне предложили в дань Ольге *мед и скору или шкуры* (в печатн. *Нест.* стр. 50). О Радмичах сказывает Нестор (стр. 72), что они платят дань Руси и *повоз везут*. Сочинители *Российского Словаря* дали сему изречению иной смысл, говоря, что оно значит *отправлять гоньбу*. Обязанность содержать почту — ежели бы она и действительно была при Владимире — не так важна, чтоб означать ею подданство людей.

⁵¹⁹ Баер. Geogr. Russ. В Комент. Академии, T. X, стр. 406.

⁵²⁰ См. выше, стр. 114.

⁵²¹ Мемог. popul. III, 986. См. также выше, стр. 167, о товарах, которые шли из Греции в Хазарию, Печенежскую землю и Россию. Константин в числе сих товаров именует *плавца*, род повязок и поясов (см. Баера, в Комент. Акад. X, 410). Сафьяны обыкновенно употреблялись тогда на обувь (см. выше, примеч. 400).

⁵²² См. Дитм. Chronic. в Лейбниц. издании, стр. 426: *in magna hac civitate [в этом большом городе] (т. е. в Киеве) quae istius regni caput est, plusquam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII [который является столицей царства, есть более четырехсот церквей и восемь торговых площадей]*. Так называемый Саксонский Летописец, Annalista Saxo, повторил Дитмарово сказание о Киеве, но говорит только о 300 церквах (см. Essard. Corp. Histor. medii aevi, T. I, год 1018). Адам Брем. в Hist. Eccles. кн. II, гл. 13: *Ostragard Rusziae, cujus metropolis civitas est Chive [Острагарт — Россия; столица которого — Хиве] (Киев), aemula scertri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae [оперник престола константинопольского, знаменнейшее украшение Греции] (России).*

⁵²³ Описав прибытие Древлянских послов в Киев (см. выше, стр. 121), Нестор говорит по харатейным спискам: «бе бо *тогда вода текуще в доли (а не возле) горы Киевския*, а на Подолье не седяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гардятин и Нифов (не *Никифоров*); а двор Княжь бяхе в городе, идеже есть (см. *Воскресен. Лет.*) двор Воротиславль и Чюдин; а Перевесище бе вне града, и бе вне града другой двор, идеже есть двор Деместиков за Св. Богородицею над горою, двор теремны: бе бо ту терем камен». И так начало Подола должно отнести к

XI веку, в котором жил Нестор: тогда Днепр удалился своим течением от горы Киевской.

В Memor. popul. II, 982: Nemogarda (Новгород), ubi Sphendosthabus, *Ingor* Russiae principis filius habitabat [где жил Святослав, сын российского правителя Игора]. Шлецер забыл свое место, говоря, что никто из Византийских Историков не именует *Игора*.

⁵²⁴ Имя *мордки* происходит от *морды* животного. В *Древнем Летописце* (Т. II, стр. 406), в *Никон.* (V, 42), и в других именно сказано, что сии деньги, или куньи мордки, ходили в Новгороде до самого XV века. В Уставе Новгородского Князя Святослава Ольговича, изданном в 1137 году, написано: «емлеть Пискуи за десятицу (вместо десятины) от вир и продаж 100 гривен *новых* куп, иже выдаваеть Домажиричъ» (см. хараейную *Кормчую Книгу* времен Князя Димитрия, сына Александра Невского, в Синодальной библиотеке под № 82): следственно Казна от времени до времени выпускала новую кожаную монету, т. е. с новым клеймом.— Герберштейн, который был в Москве при Василии Иоанновиче, в начале XVI века, также пишет, что древние Россияне употребляли вместо денег, мордки и уши белок и других животных: ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum aliorumque animalium utebantur [до употребления денег они пользовались шкурами белок и других животных] (Reg. Moscov. Comment. стр. 42). Гваньини, современник Царя Иоанна Васильевича, говорит о целых шкурах: ante usum vero monetae aspreolorum aliorumque animalium pellicibus utebantur (Reg. Moscov. Auctores varii, стр. 158). В Польше до исхода XIII века ходили деньги кожаные. Меховский пишет: sub regimine huius Regis Bohemiae [во время правления этого богемского короля] (Венцеслава) grossi Bohemici et denarii argentei in Poloniam inducti sunt; prius siquidem argento nigro (олово?) et pelliculis caputum aut extremitatum asperiolorum utebantur Poloni [в Польшу были введены богемские grosсы и серебряные денарии; а прежде поляки употребляли черное серебро (олово?) и шкурки белок с голов и лапок] (Hist. Polon. кн. IV, гл. 4, год 1298); а Стриковский (*Хроник. Литов.* кн. X, гл. 4) по старому Русскому переводу: «Пред тем частками сеченого золота и сребра, также кожпцами куньими, белыми, лисьими и прочего зверя товарами противу разных замен Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыкли бяху купли своя совершати». По сказанию Нейштета, Автора Хроники Ливонской XVI столетия, монета Ливонцев во XII веке состояла в белых ушках с серебряными гвоздиками.— Наконец самое важнейшее свидетельство о наших древних кожаных деньгах есть известие Монаха Рубруквиса, бывшего в России около 1253 года: pour les Russiens, la monnoie qui a cours entr'eux, est de petites piéces de cuir, marquetées de couleurs [у русских деньги, которые между ними употребляются,— это маленькие кусочки кожи, помеченные краской] (см. в Бержерон. *Voyages*, T. I, *Voyage de Rubruquis*, стр. 91).

В Девичьем Александровском монастыре, в Владимирской Губернии, еще недавно хранились в боченке, вместе с другими старинными вещами, многие кожаные лоскутки, внесенные в опись монастырскую под именем *кожаных денег*: я с любопытством рассмат-

ривал опые. Некоторые такой величины , другие менее;

на первых изображен крючек, на вторых звездочка. На одном выпе-

чатано слово *Кудма*: так именована в *Большом Чертеже* река впадающая в Северную Двину, не далеко от нынешнего Архангельска (следственно в древней Новгородской области). Сии лоскутки — бесполезные, кажется, для всякого иного употребления — действительно могли быть^{108*} монетами: но каких времен? ^{109*}— Указ Петра I, 1700 года, Марта 8 (данный из Приказа Большой Казны) свидетельствует, что и в это время еще ходили кожаные деньги в Калуге и в окрестных областях^{109*}. В Воронежском Цейггаузе хранились — думаю, хранятся и ныне — мелкие кожаные монеты: на одной стороне оных изображен Св. Георгий, а на другой слова: *Царь и Великий Князь Иван* (см. Шерер. *Nestors Jahrbücher* стр. 58).

⁵²⁵ Византийские золотые монеты, *Номисмы* или *Солиды*, имели вес наших золотников (см. сочинение Г. Круга, *Münzkunde Russlands*, книжка I, стр. 134), которых имя произошло от *золота*, т. е. от сих Греческих золотых монет.

⁵²⁶ См. выше, стр. 101. Шлецер не верит, чтобы Радимичи имели монету; но Козары имели оную, и века два господствуя над сим краем, могли ввести там металлы в употребление. Под древним Славянским именем *щляга* надобно разуметь мелкие *серебряные* деньги: медные едва ли ходили тогда в России. Новгородцы не ранее XV века начали употреблять Шведские *ортуги* (см. *Летоп. Новог. Попа Иоанна*, стр. 682).— В XIV веке, когда Новгород довольствовался еще лоскутками кожаными, в Москве уже обращались Русские серебряные деньги: ибо мы имеем монеты Димитрия Донского.

⁵²⁷ Издатели Ярославовых законов сказывают, что *гривна серебра* в Ярославово время содержала в себе 2 *гривны кунами*, а в Мономахово семь с половиною. Но где доказательство? Издатели не представили его, и не могли представить: ибо ни в *Русской Правде*, ни в Несторовой летописи нет слова о *гривнах серебра*; везде говорится или просто о *гривне*, или о *гривне золота*.

Однако ж мы действительно знаем соразмерную цену серебра и кун, бывшую у нас в XIII веке. В договоре Смоленского Князя, Мстислава Давидовича, с Немецкими городами в 1228 году сказано: «оже убьютъ волнаго человека, платити за голову 10 гривен серебра, *по четыре гривны кунами*», т. е. полагая 4 гривны кун на одну гривну серебра — «а за холопа гривна серебра. Аже кто холопа ударить, гривна *кун*» (см. сей трактат в нашей *Истории* Т. III, примеч. 248). Знаем еще, что в страшный голод 1230 году Новгородцы за четверть ржи платили *гривну серебра* или *семь гривен кунами* (см. в *Продолж. Рос. Вивлиоф. Новгород. Лет.* стр. 499 и напечатан. в Москве *Лет. Новгород.* стр. 119). Следственно гривна кун имела тогда разную цену в Смоленске и Новгороде. Вопреки Издателям *Русской Правды*, гривна серебра при Ярославе не могла равняться только с двумя гривнами кун: Ярослав определяет 40 гривен пени за убийство, а Князь Смоленский в 1228 году 10 гривен серебра: вероятно ли, чтобы в XI веке платили за жизнь вдвое более серебром, нежели в XIII столетии, когда от успехов торговли надлежало размножиться драгоценным металлам в России?

⁵²⁸ См. выше, стр. 53, 142, 146.

⁵²⁹ В Синодальной библиотеке, под № 14, находится драгоценное харатейное Евангелие. В конце его тою же рукою подписано:

в лето 6652^{110*}— написаша книги си 50 дний, и початы псати Октября в 1, а кончаша Ноябрь в 19—^{110*} ... На той же странице древность сей книги засвидетельствована двумя следующими подписями: в лето 7187, а от Рождества Христова 1679, Номерия 28, назнаменах аз смиренный Дософей, Архиепископ и Митрополит Сучаевский и всея Молдавии и Ексарх Плагинон и Местодержитель Севастийскаго, да отслетя сие Св. Евангелие на свое место на Крылос, се бо, яко ниже свидетель (свидетель), 8652 бяше тогда от создания, егда написаша. Уже ся минули 535 лет. Греческаго же Царства 2 лета Иоанна Комнина Константиноградскаго. Здесь, в титуле Молдавского Архиепископа, заметим слово Плагинон, Εξάρχος Πλαγγῶν: сим именем означались единственно Молдавские и Волошские Епископы. Д'Анвиль производит его от имени Печенегов, которые некогда жили там (см. *Mém. de l'Acad. des inscr.* LII, 224, статью sur les peuples de la Dace). Не вероятнее ли, что это взято из Латинского языка (plaga, plagia)? Вторая подпись: В лето 7083, а от Рождества Христова 1576 (1575) месяца Июня 12, я Гедион Волобан Епископ Галицкий, Львовский и Каменца Подольскаго в сее^{111*} время наехал на стол Епископском, на Крылосе, и читал при церкви столичной сие книги Евангелие на престольное тетр (от Греческ. тетра, четыре), оно же свидетельствуется положено быти от лет давных.— Сие Евангелие Славянское, писанное в 1144 году от Р. Х., есть одно из древнейших в России. Для сравнения с нынешним печатным выписываем следующее место из Иоанна:

В харатейном:

Искони бяше слово, и слово бяше от Бога и Бог бяше слово. Се бе искони от Бога. Все тем бы и беж него ни что же не бы, еже бы. В том живот бе, и живот бе свет человеком. И свет в тьме светит, и тьма его не постиже. Бысть человек послан от Бога; имя емоу Иоан. Съ приде в съведетельство, да съведетельствует о свете, да вси вероу имоуть имь. Не бе ть свет; нъ да послушьствуеть о свете. Бе свет истинный, иже просвещает всего человека, грядущаго в мир. В мире бе и мир тем бысть, и мир его не позна; в своя приде и свои его не прияша; елико же их прият ѝ, дасть им область чадом Божьем быти, вероующим в имя его, иже не от крови, ни от похоти плътьскы, ни от похоти моужскы, нъ от Бога родшася. И слово плоть бысть, и въселися в нас, и видеком славою его, славою яко единочадаго от от-

В печатном:

В начале бе слово, и слово бе к Богу, и Бог бе слово. Сей бе искони к Богу. Вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть. В том живот бе, и живот бе свет человеком. И свет во тме светится и тма его не объят. Бысть человек послан от Бога; имя ему Иоанн. Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о свете, да вси веру имут ему. Не бе той свет, но да свидетельствует о свете. Бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир. В мире бе и мир тем бысть, и мир его не позна. Во своя прииде и свои его не прияша. Елицы же прияша его, даде им область чадом Божиим быти, вероующим во имя его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родшася. И Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видеком славу его, славу яко единородного от отца, исполнь бла-

ца, исполнь благодети и истины. Иоан съведетельствует о нем, и възва глаголя: съ бе, его же рех грядый по мне, пред мною бысть, яко първей мене бе, и от исполненья его мы вси прияхом благодеть воз благодеть, яко закон Мосеем дан бысть, благодеть и истина Иисус Христом бысть.

годати и истины. Иоанн свидетельствует о нем и възва глаголя, сей бе, его же рех, иже по мне грядый, предо мною бысть, яко первее мене бе; и от исполнения его мы вси прияхом, и благодать возблагодать: яко закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть.

В харатейном Евангелии 1307 году, которое хранится в той же Синодальной библиотеке под № 18, видим уже некоторые отмены в сравнении с Евангелием XII века; вместо: *искони бе слово — се бе искони у Бога* (πρὸς τὸν θεόν) вместо: *от Бога — свет светится* вместо *светить* — *тьма его не объят*, вместо *не постиже* — *да свидетельствует*, вместо *послушествоует* — *благодать*, вместо *благодеть*, и проч.— то есть, сей новейший список гораздо ближе к Острожскому печатному Евангелию, и доказывает, что еще в XIII столетии перевод Св. Писания был исправлен или исправляем. Ученые люди, собранные Константином, Острожским Князем, для издания Библии, переменили опять некоторые слова; вместо: *искони бе слово*, поставили: *в начале* (ἐν ἀρχῇ) *бе слово*, и проч. В издании Славянской Библии при Царе Алексии Михайловиче нет почти никаких отмен против Острожского, кроме трех или четырех мест означенных в предисловии; но Библия, напечатанная при Имп. Елисавете Петровне, уже гораздо более исправлена.

Не только Библия, но и другие церковные книги в России XII века были одного перевода с нынешними: в доказательство предлагаем следующее место из нашей печатной Минеи и харатейного *Стихираря*, писанного в 1153 году и хранящегося в Синодальной библиотеке под № 15.

Служба Св. Симеону 1 Сентяб.

В Стихир. харатейн.

Преподобне отче, добру обрете лествицу, ею же взиде на высоту, юже обрете Илия колесницу огню; нъ ть убо восхода инемь не остави. Ты же и по съмерти имаши стълп свой. Небесный человеце, земельный Ангеле, светило не угасая вселенья, Сумеоне преподобне, моли съпастися душам нашим.

В Минее печат.

Преподобне отче, добру избрал еси лествицу, ею же всешел еси на высоту, юже обрете Илия колесницу огненну: но он убо восхода иным не остави, ты же и по смерти имаши столп твой. Небесный человеце, земный Ангеле, светильниче неусыпный вселенная, Симеоне преподобне, моли, еже спастися душам нашим.

Довольно для знающих.— Сии две рукописи 1144 и 1153 году уступают в древности только двум *Сборникам* и Евангелию, находящемуся в С. Петербург. Император. Библиотеке (см. выше, примеч. 167, и Т. II, примеч. 114). Недавно Г. Ганкевштейн издал

Рассмотрение церковной Славянской рукописи, которую он достал за редкость и считает памятником VIII века (см. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.). Нужно ли опровергать его ложное мнение о буквах ее, будто бы не Русских, т. е. не Кирилловских? надобно только взглянуть на них, чтобы увериться в противном. Г. Ганкенштейн не видел наших древних харатейных книг: сравнивая их, он нашел бы, что его рукопись имеет все признаки XIII века. Она старше вышеупомянутого Синодального Евангелия № 18 и новее № 14.

Есть другой, печатной Русской перевод Библии, по крайней мере пяти книг Моисеевых, Царств, некоторых Пророков, Апостола. Книги Моисеевы изданы в 1519 году, и в заключении их сказано: *Божиею помощию, повелением и милостию (старанием) ученаго мужа в лекарских науках, Доктора Франциска Скорины с Полоцка, у великом месте Празком* (то есть, великом городе Праге). Книги Царств, Иудиф, Эсфирь, Иова, Пророка Даниила, печатаны такими же буквами; но в моем экземпляре нет ни заглавного, ни последнего листа. Апостол издан в 1525^{112*} году в Вильне, *працею* (трудом, Польск. Praca) и *великою милостию Доктора Франциска Скорины с Полоцка*. Тут красными буквами напечатано известие, что Доктор Скорина перевел и всю Библию, *в дому почтываго мужа Якова Бабича, наистаршаго Бурмистра славнаго и великаго места Виленскаго*. Сии книги редки. В доказательство, что перевод их весьма несхожен с нашим древним Славянским, приводим следующее место из Иова, гл. 10.

Перевод Скорины:

Тоскнися души моея в животе моем; выпущу против себе глаголы моя. Прореку в горькости души моея и реку к Богу: не погубляй мене. Сповеждь ми, чему мя так судишь? Ичи ли добро ся тебе видить гонити мя и погубити мя, дело рук своих, и совет нечестивых укрепити? Ичи телесные очи у тебе суть, или яко видить человек, по тому жь и ты смотрети будешь? Таковы ли же суть дние твои яко и людские, и лета твоя яко времена человеческая, яко питаешия о гресех моих, и беззаконие мое следил еси? Да веси, яко нечестия не учиних; несть убо кто из руки твоея могый исторгнути. Руце твои, Господи, створиште мя и създасте мя всего окрест. И тако нагле отметаешь мене. Вспомяни, молю ти ся, вже яко бы грязь слепил мя еси, и в персть паки пременяешь мя. Се яко млеко издохх мя еси, и яко сыр

В нашей Библии:

Труждаюся душею моею: стевя испущу на мя глаголы моя, возглаголю горестию души моея одержим, и реку к Господеви: не учи мя нечестовати, и почто ми сице судил еси? Или добро ти есть, аще вознеправдую; яко презрел еси дела руку твою, совету же нечестивых вынул еси; или якоже человек видит, видиши; или якоже зрит человек, узриши; или житие твое чело-веческо есть, или лета твоя яко дние мужа; яко истязал еси беззаконие мое и грехи моя изследил еси. Веси бо, яко не нечествовах: но кто есть изъимаяй из руку твою; руде твои сотвористе мя, и создасте мя: по том же преложив, поразил мя еси. Помяни, яко брение мя создал еси, в землю же паки возвращаеши мя. Или не якоже млеко измелзил мя еси, усырил же мя еси равно сыру. Кожею же и плотию мя облекл еси, костыми же и жилами сшил мя

утвердил мя еси. Кожею и телом приодел мя еси; костями и жилами сполсил мя еси. Живот и милосердие дал еси мне, и наведение твое стерегло есть духа моего. Аще ли таиши того в сердце своем, но вем яко вся сия помниши. Согрешил ли есмь, и на час прозрел ми еси, и чему от беззакония моего чиста мя быти не дозволиши? И буду ли неучтивый, горе мне будетъ; пак ли справедливый, не вознесу главы моея, насыщенный болести и горкости. И гордости дея яко бы львицю имещи мя, и навернувшись дивнѣ мя мучиши. Обновляешь светки твоя противу мне и помножаешь гнев твой на мя, и болести воуют в теле моем. Чему вывел мя еси из ложеши материнных? Радней бых загинал был, иж бы око не согляддало мене, и бых яко бы не бывый, из утробы пренесоша мя в гроб. Ичи ли краткость дний моих не скончалася скоро? Остави мя, молю ти ся, да бых оплакал мало болость мою, поки еще не пойду, отнюдуже не вернуся: в землю темную и покрытую мраком смерти, в землю беды и темности, где же то степь смерти и несть ни единого ряду, но вечный страх пребывает.

еси. Живот же и милость положил еси у мене: посещение же твое сохрани мой дух. Сиимеяй в тебе, вем, яко вся можеш и невозможно тебе ничто же. Аще бо согрешу, храниши мя, от беззакония же не безвинна мя сотворил еси. Аще бо нечестив буду, люте мне: аще же буду праведен, не могу возникнуть: исполнен бо есмь безчестия; ловим бо есмь аки лев на убиение, пакиже преложив люте убиваеши мя. Обновляяй на мя испытание мое, гнева бо великаго на мя употребил еси, и навел еси на мя искушения. Почто убо мя из чрева извел еси, и не умрох; око же мене не видело бы, и бых бы аки не был. Почто убо из чрева во гроб не снидох; или не мало есть время жизни моея; остави мене почити мало, прежде даже отиду, отнюдуже не возвращуся, в землю темну и мрачну, в землю тмы вечныя, идеже несть света, ниже видети живота человеческого.

Скорина, переведив Библию с Латинского (а не с Греческого), писал языком своего отечества и времени, который гораздо сходнее с нынешним Русским наречием, нежели язык древней Славянской Библии, переведенной в Моравии ^{113*}. Каким образом сей Полоцкий Доктор мог печатать свою Библию в Праге, где, сколько известно, никогда не бывало Славянской типографии? Ученый Богемец Добровский *предполагает*, что Скорина в 1515 году ездил с Королем Сигизмундом в Вену, из Вены с послами его в Венецию, достал там матрицы для Славянских букв и жил несколько лет в Праге, когда Сигизмунд, опекун молодого Людовика, участвовал чрез своих Министров в делах Богемского Королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. T. II, в историч. отделении стр. 186). ^{114*} — Скоринина библия не есть древнейшая из печатных Славянских книг. В библиотеке Московской Духовной Типографии хранится Евангелие 1512 года, напечатанное в Угровлахии (Молдавии), а в библиотеке Графа Ф. А. Толстого *Часословец* ^{115*} 1491 года, с таким *послесловием*: «Доконана бысть сия книга у вели-

комь граде у Кракове при державе Великаго Короля Полскаго Казимира, и доконана бысть мещанином Краковьским Швайполтомъ Феоль из Немець, Немецкого роду Франкъ (т. е. Франков) и скончашася по Божиемъ парожением (по Рождестве Христ.) 14 сътъ, девятыдесят и 1 лето» (т. е. 1491). В *Пращице*, л. 226, упоминается о Псалтири напечатанной также в 1491 году и также в Кракове. Следственно древнейшая типография Славянская была в Кракове: кто завел ее, и в котором году? не знаем^{-114*}.

⁵³⁰ Иордана de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Коля Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О переводах других Славян. Библий См. Добровского Über den ersten Text der Böhmis. Bibelübersetzung в Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, T. III, стр. 240.

⁵³¹ Там сказано, что сия Библия переведена еще за Великого Владимира, т. е. при Владимире.

⁵³² См. в печатн. *Несторе* стр. 20. Тут же говорит Нестор: «Славенск язык и Русьский один есть». В рукописной *Степен. Книге*, полученной мною от Болохнинского купца Латухина, церковные книги наши именно названы переводом Константина и Мефодия: «Философи тии преложиша Псалтирь и Октоих и прочая книги, яже и доднесь в Роспии церковныя чины ими исправляются». См. печатн. *Степен. Кн.* I, стр. 83—86.— В одной рукописной Новгородской летописи, наполненной многими баснями, сказано: «ведати подобает, яко *Славено-Российский* народ в лето 790 от Рождества Христова начат письма имети; зане в том годе Царь Греческий брань с Словяны имея и мир с ними содела, посла им в знамение приятства литеры, спречь слова азбучныя. Сия от Греческаго писания вновь составишася ради Словян; и от того времени *Россы* начаша писания имети». В 790 году еще не было *Славено-Российского* народа.

Доказательством, что в окрестностях Фессалоники или Солуня жили Славяне-Сербы, служит известие Константина Багрянородного (Memog. popul. II, 151): Principatu autem Serviae a patre ad duos fratres devoluto, alter, sumta populi parte dimidia, ad Romanorum Imperatorem Heraclium confugit, qui et excepto locum ad inhabitandum dedit in Thessalonicae themate, quod ex eo tempore Servia nuncupatur [когда власть в Сербии перешла от отца к двум братьям, один из них, взяв половину народа, бежал к византийскому императору Ираклию, который дал им место для поселения в окрестностях Фессалоник; оно с тех пор называется Сербия]. Это случилось в начале VII века. И ныне существует, близ Фессалоники, город Сервица.— Хотя, по сказанию же Константина, Сербы перешли оттуда в нынешнюю землю свою; но вероятно, что многие из них остались в Солунской области (Memog. popul. II, 153).

⁵³³ См. выше стр. 67 и 155 о богатыре *усмаре*.

⁵³⁴ См. в печатн. *Нест.* стр. 47. В Коростене горелл, по словам Нестора, клетки, *вежи* и проч. Вежами назывались и шатры и башни.

⁵³⁵ Нестор говорит, что Киевский народ *подрубил сени* под святым Варяжским Мучеником и сыном его (в печатн. стр. 72), и что тело умершего Владимира *спустили из дому по веревкам* (в печат. *Нест.* стр. 93): заключаю, что сии дома были высокие, и что сени находились в верхнем жилье.— Погребя или выходы, где стоял мед, назывались *медушами* (см. в печатн. *Нест.* стр. 91).—

Для того, чтобы спустить вниз тело Владимира, разобрали *помост между* двумя клетями (в печатн. *Несторе* стр. 93), т. е., пол в сенях.— О голубницах и одринах см. в печат. *Несторе* стр. 51.

⁵³⁶ «Суть бо Греци льстивы и до сего дни», говорит Нестор (в печатн. стр. 67).

⁵³⁷ См. выше, стр. 134.

⁵³⁸ См. в печатн. *Нест.* стр. 73.

⁵³⁹ По их совету Владимир хотел принести человека в жертву идолам (см. выше, стр. 146). Совет *старца* избавил Белгород от Печенегов (см. выше, стр. 159).

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЙ I ТОМА

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАЗДЕЛЕ «ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ» В ТОМЕ I

- ИГР1* — первое прижизненное издание тома I «Истории государства Российского».
- ИГР2* — второе прижизненное издание тома I «Истории государства Российского».
- ИГРК* — рукописные поправки Карамзина в личном экземпляре «Истории государства Российского» второго издания (воспроизводятся по изданию И. Эйнерлинга).
- ИГР1П* — «Прибавления» к тому I первого издания «Истории государства Российского».
- ИГР2П* — «Прибавления» к тому I второго издания «Истории государства Российского».
- ИГР2П(8)* — «Прибавления» к тому VIII второго издания «Истории государства Российского».
- ИГР1П(9)* — «Прибавления» к тому IX первого издания «Истории государства Российского».
- ИГР1П(10)* — «Прибавления» к тому X первого издания «Истории государства Российского».

ПОСВЯЩЕНИЕ

1*-1* ИГР1 [нет]

ПРЕДИСЛОВИЕ

1* ИГР1, ИГР2 девятою [исправ. в ИГРК]

ОБ ИСТОЧНИКАХ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ДО XVII ВЕКА

1*-1* ИГР1 Только в заглавии Ипатьевского и Хлебниковско-го списка 2* ИГР1 Юго-Западной 3* ИГР1 в Княжение 4* ИГР1 в Царствование 5* ИГР1 Переписчик: 6*-6* ИГР1 Оба писаны на бумаге, какая употреблялась в XIV или в XV веке, и начинаются Нестором. 7* ИГР1 и даже

ГЛАВА I

1* ИГР1 будто бы живущих 2* ИГР1 послов 3* ИГР1 [далее] великий 4* ИГР1 [далее] и геройстве, 5*-5* ИГР1 нашей, и мы, не зная войны и любя музыку, ведем 6*-6* ИГР2 [нет]

ГЛАВА II

1* ИГР1 Междоусобие 2* ИГР1 с родом своим; 3*-3* ИГР1 Он же пришел в свой город Киев, где и скончался, 4*-4* ИГР1 граничила на Юг с Эстониею и Новымгородом, на Восток с Биармиею, 5* ИГР2П(8) Древние Восточные известия о Россиянах и Козарах, найденные ученым Гм. Френом в собрании Арабских рукописей С. Петербургской Академии Наук. (Перевод с Немецкого). 1. Якут, Арабский Писатель XIII века, в своем Географическом Словаре (коего донныне известны 3 экземпляра в Европейских библиотеках: в Копенгагенской, Оксфордской и Санктпетербургской Академической) говорит следующее:

«Русь есть народ соседственный с Славянами и Турками. Он имеет свой язык, свою Веру. Макаддези (Географ XI века) пишет, что Русские живут на острове *Вабии* (может значить: где зловредный воздух) окруженном водами озера и служащем для них (Русских) вместо крепости. Число их полагают до 100 миллионов. Полей и стад они не имеют. Славяне (Болгары? см. ниже) грабят их в своих набегах. Всякому новорожденному сыну отец подает меч и говорит: *твое единственное то, чего добудешь мечем*. Если тяжущися не довольны судом Короля (Князя), то сей говорит им: *судитесь мечем*. У кого меч острее, тот и победитель. Они-то (в 912 или 944 году?) опустошили Барду, но были истреблены Всеышним.

Ахмет, сын Фоцлана, посланный (в 922 году, в княжение Игоря) Калифом Муктедиром из Багдада к Королю Славян (не Славян,

а Болгаров, как видно из других мест Якутова Словаря) описал все виденное им на пути: я читал его записки, и сообщаю оные здесь, не без удивления.

„Я видел Русских купцов — говорит он — в пристани реки Итиля (Волги). Тело у них красное. Они не носят ни кафтанов, ни камзолов: мужчина накидывает на себя с боку грубую одежду (grobes Gewand), так, что одна рука остается свободною. У всякого топор, большой нож и меч. Никогда не ходят они без сего оружия. Мечи их широки и работы Европейской. У всякой женщины привязана к грудям маленькая коробочка, железная, медная, серебряная или золотая, соразмерно с достатком ее мужа. На коробочке кольцо; к кольцу привязан большой нож. На шее цепи, золотые и серебряные. Муж, имея 10 000 драхм, заказывает для жены цепь золотых дел мастеру; приобретает еще 10 000, дает ей другую и так далее. Богатые жены носят по несколько цепей. Главным их украшением считается зеленой бисер (falsche grüne Perlen). Мужья платят драхму за бисерину для женского ожерелья.

Они самые нечистоплотные люди: никогда не омываются после естественного испражнения, ни после ночных грез. — Приплывая из своей земли, бросают якорь на широкой реке Итиле; выходя из судов и строят себе большие деревянные дома на обеих ее сторонах. В каждом живет человек 10 и 20. У всякого длинная, широкая лавка, на коей он сидит с своею девкою (женою?) и с продажными невольницами“. (Описывается бесстыдство их в обхождении с женщинами, при свидетелях и купцах, к ним входящих для осмотра невольниц) .... „Всякое утро девка приносит господину чашу с водою: он моет себе лицо, руки, волосы; а она чешет ему голову гребнем — и вся нечистота остается в чаше. — Не смотря на то, господин полощет в ней рот; а за ним и другие, с ним живущие, в той же чаше, не перемывая воды.

Вошедши в пристань, каждый идет с хлебом, мясом, луком, молоком и медом (сидер, яблоновкою?) к высокому деревянному болвану, окруженному маленькими; падает ниц и говорит: *о Владыко! я приехал издалека с таким-то числом невольниц, соболей, шкур... вот тебе дар мой!* Кладет все перед болваном, говоря: *пошли мне доброго купца с серебряными и золотыми деньгами!* Уходит; но в случае худого торга опять идет к болвану с дарами; приносит оные и маленьким болванам, моля их о заступлении, и кланяясь им смиренно. Когда же выгодно сбывает все с рук, тогда говорит: *Владыка помог мне; теперь я должен заплатить ему.* Убивает несколько быков, овец; раздает мясо бедным, кладет остаток перед большим и маленькими истуканами; вешает на первом головы убитой скотины — и когда собаки ночью съедят все мясо, все головы, купец говорит: *Владыка благоволил ко мне: он скушал дар мой.*

Кто из них занеможет, для того разбивают вдали шатер, переносят его в оный, оставляют там хлеб с водою, не подходят к больному близко и не говорят с ним, но ежедневно посещают его, особенно бедного или раба. Выздоровев, он возвращается к своим; если же умрет, то свободного предают огню, а раба оставляют в снесь псам и хищным птицам.

На вора или разбойника надевают петлю, вешают его на высоком дереве, и так оставляют, пока от ветра и дождя истлеет.

Слыша, что они сжигают своих умерших начальников с обрядами весьма странными, я ждал случая видеть оные — и видел

собственными глазами. Умершего опустили в могилу и 10 дней над ним сетовали, пока скроили и сшили ему одежду. Бедного обыкновенно кладут в новую маленькую ладью и сжигают в ней; имение же богатого, собрав, делят на три части: одну дают родственникам; на другую шьют ему платье; на третью покупают мед (sieder), чтобы пить его в тот день, в который *девка* (жена?) покойника убивает себя и вместе с господином своим сожигается. Вино пьют они день и ночь, так, что некоторые, держа стакан в руке, умирают.

По смерти знатного мужа родные спрашивают у его *девок* и отроков: *кто из вас хочет умереть с ним?* Один из них отвечает: я! После чего спрашивают у *девок*: *кто из вас желает умереть с ним?* Одна говорит: я! Тогда приставляют к ней двух женщин, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги; а родные начинают кроить платье умершему и все нужное готовить. Между тем *девка* всякой день пьет, поет и веселится. Когда же настал день сожжения, я пошел на реку, к ладье умершего; но ладья уже стояла на берегу, на четырех столбах, окруженных большими деревянными, человекообразными фигурами (болванами). Люди ходили взад и вперед, произнося слова, для меня невразумительные. Мертвый лежал вдали в своей могиле. Принесли скамью на ладью с стегаными покрывалами, Греческою парчею и подушками из такой же парчи. Пришла старуха, именуемая *Ангелом смерти*, и все разостлала на упомянутой скамье. Сия-то женщина занимается питьем платья и всеми приготовлениями; она же убивает и *девку*... Тогда вынули мертвого из могилы: он был в полотняной одежде, в коей умер. От жестокого холода сей земли труп весь почернел. В могиле с мертвым стоял мед, лежали плоды и лютия: их также вынули. Умерший, кроме цвета, не изменился ни в чем. Надели на него исподнее платье, сапоги, пояс, камзол, кафтан парчевой с золотыми пуговицами и соболью шапку; отнесли его в ладью, положили на стеганое покрывало, обклали подушками; принесли мед, плоды, благовонные травы, хлеб, мясо, лук, и все поставили перед ним или возле; положили с боку оружие умершего. Привели собаку и разрезали ее на две части и бросили оные в ладью; привели двух коней, двух коров, изрубили их мечами и бросили мясо в ладью; принесли еще петуха с курицею, зарезали и бросили туда же.

Между тем *девка*, коей надлежало умереть, ходила с места на место, и вошла в одну из комнат (Gemächern), где лег к ней друг или родственник господина ее, и сказал: *если бы ты не сделала сего, то кто бы посетил (Hemgesucht) тебя?* — Это было в Пятницу после обеда. *Девку* подвели к чему-то сделанному ими на подобие колодезного сруба: она стала на руки мужчин, заглянула в сруб и произнесла какие-то слова. Ее спустили с рук и снова подняли, в другой и в третий раз. Ей подали петуха: отрезав ему голову, она кинула его; а другие взяли и бросили в ладью. Я требовал объяснения. В первый раз, отвечивал мне переводчик, *девка* сказала: *вижу здесь отца и мать свою*. В другой раз: *теперь вижу всех моих умерших родственников*. В третий раз: *там господин мой: он сидит в раю, прекрасном, зеленом (цветущем)*. С ним мужи и юноши. Он зовет меня: *пустите меня к нему!* Ее повели на ладью. Она сняла с себя запястье и отдала старухе, называемой *Ангелом смерти*; сняв с ног, отдала их двум служащим ей *девкам*, коих называют дочерьми *Ангела смерти*. После чего внесли *дев-*

ку на ладью и ввели в (сделанную там) комнату. Пришли мужчины с щитами и палицами, и дали ей стакан меду. Она взяла его, запела и выпила. Переводчик сказал мне: *это в знак прощания с ее милыми*. Ей дали другой стакан: она, взяв его, запела длинную песню. Но старуха велела ей скорее выпить и войти в комнату, где лежал господин ее. Девка переменялась (в лице) и не хотела идти туда, засунув голову между комнатою и ладьею. Старуха схватила ее за голову, втащила в комнату и сама вошла с нею. Тут мужчины начали бить палицами в щиты, чтобы другие девки не слышали ее крика и не устрашились бы также умереть некогда с их господами. После того вошли в комнату 6 мужчин для совокупления с нею... Наконец положили *девку* возле умершего господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки; а старуха, *Ангел смерти*, надела ей петлю на шею и подала веревку двум остальным мужчинам, чтобы тянуть за онаю; взяла широкой нож, и воззв его в бок ей между ребрами, извлекла оный; а мужчины тянули за веревку, пока *девка* испустила дух.

Тогда явился ближайший из родственников, нагой; взял в одну руку полено, зажег его, пошел задом к ладье, держась другою рукою за т[айные] у[ды], и зажег дерево под ладьею. Другие пришли также с пылающими отрубками и бросили их на костер. Скоро все запылало: костер, ладья, комната, тело господина и *девки*, и все бывшее в ладье. В ту же минуту подул сильной ветер, и пламя расширилось.

Подле меня стоял один Русской, разговаривая с моим переводчиком. Я спросил у переводчика, что говорит ему Русской? Вот что, отвечал он: *вы Аравитяне очень глупы: человека, которой был вам милее всех, зарываετε в землю, где служит он пищею червям; но мы в минуту сожигаем его, чтобы он вдруг перешел в рай*. Тут Русской захохотал во все горло и сказал: *Владыка в знак любви к умершему послал ветер, чтобы он скорее обратился в пепел*. В самом деле менее, нежели в час, сторела вся ладья с трупами.

На берегу, где стояла ладья, они сделали нечто подобное круглому холму, поставили в середине одного столб и написали на нем имя умершего и Короля (Князя) Русского. После чего разошлись по домам.

Короли Русские обыкновенно держат при себе, в своем замке или городке, 400 храбрейших воинов (дружину). Некоторые из них умирают с ними или жертвуют им своею жизнью. Каждый (воин) имеет девку, которая служит ему, моет голову, готовит пищу; а другая бывает его наложницею. Сии 400 сидят вверху на большом диване Королевском, украшенном драгоценными камнями. С Королем сидят на диване 40 девок или наложниц. Он не стыдится ласкать их в присутствии своей дружины, на диване. Когда ему надобно ехать верхом, то лошадь подводят для него к дивану, с которого он на нее садится; а с лошади сходит также прямо на диван.

У него (Короля или Князя) есть Наместник, который предводительствует войском, воюет с неприятелем и заступает его место для подданных“.

Вот известия, слово в слово выписанные мною из сочинения Фогланова. Пусть сам Автор отвечает за их достоверность. Но Бог знает истину лучше всех других! Что касается до нашего времени, то Русские уже Христиане, как известно.

Доселе Якут. Скажу вместе с ним: пусть сам Автор отвечает за достоверность сего любопытного известия! По крайней мере оно согласно с известиями Нестора и других древних повествователей о нравах *Славян* вообще и *Славян Российских* в особенности: мы знаем, что жены первых умирали с мужьями, и что последние жгли мертвых (см. Т. I, стр. 65 и 87). Посол Калифов видел Россиян или в столице Болгарской, как надобно думать, или в Козарском Ателе. Восточные Писатели говорят, что миролюбивые Козары должны были уступить беспокойным, мятежным Россиянам все острова Волжские, на коих сии последние сеяли пшеничку (кики, Zea maus): для того будто бы Турки назвали ее *Русскою* (*кукурузи*: см. Эрбелот. Bibl. Orient. под словом Rous).

II. Следующее известие переведено из Арабского Космографического творения, названного *Чудесами земель и морей*. Сочинитель, *Шемс-уд-дин Абу-Абд-улла Музамед*, родом из Дамаска, жил, как вероятно, между годами 1283-1392.

«Русские — говорит он — названы так от города *Русии*, стоящего на северном берегу Руского (Черного?) моря. По другим сказаниям, сие имя происходит от Руса, Туркова сына, внука Таудшева. Они живут на островах Меотисского моря (Азовского) и ходят на судах воевать Козарскую землю. Ходят туда для разбоев и другим каналом (рукавом реки или моря), впадающим в Козарское море. Прежде были они языческой Веры, но приняли Христианскую. Мертвых сжигают. Некоторые бреют себе бороду; другие красят ее желтою краскою. Имеют свой особенный язык». Ибнул-Азир (Историк Арабский, умерший в 1232 г.) говорит в своей летописи, что сыновья Романовы (Василий и Константин), царствуя в Константинополе, требовали помощи Государя Русского на врага их, и выдали за него (Владимира) при сем случае сестру свою; но как она не хотела быть супругою иноверца, то он сделался Христианином: что было началом Христианской Веры между Русскими, в 375 (985) году» (т. е. по летосчислению Нестора в 988 году). [см. также Гл. IV, 1*; Гл. VI, 9*; Примеч., 24*, 25*] 6*-6* ИГР1 не были еще 7* ИГР1П Любопытные сочинения Г. Густава Эверса о Российской Истории еще не были известны, когда я писал о Варягах. Он пишет умно, приятно; читаем его с истинным удовольствием и хвалим искренно: по не можем согласиться с ним, чтобы Варяги были Козары! К предложенным доводам прибавим еще один. По нашим современным летописям *Варяги* в исходе XII века имели торговлю и церковь в Новгороде (см. Т. III): скажет ли Г. Эверс, что сии купцы и сия церковь были Козарские? Не говорю уже о том, что один Русск. Летописец средних времен называет именно Шведов Варягами (сие место выписано мною в примечаниях Истории).— Г. Эверс принадлежит к числу тех ученых мужей Германии, коим наша История обязана многими удовлетворительными объяснениями и счастливыми мыслями. Имена Баера, Миллера, Шлецера, незабвенны. Мы не давно лишились Лерберга, трудолюбивого, основательного, проницательного Исследователя Древностей; но еще имеем Г. Круга: всем известны его прекрасные сочинения о Российских монетах, о Византийской Хронологии: ожидаем новых, не менее любопытных. ИГР2 [нет] 8* ИГР1П Варяги-телохранители были издавна в Константинополе; но здесь означен первый-надесять век для того, что Нестор писал о Варягах Российских в сие время, 9* ИГР1 Любовь

ГЛАВА III

1* ИГР1 без сомнения 2*-2* ИГР1 Византийские писатели говорят, что Славяне удалялись несколько времени от главных сражений 3* ИГР1 расстроены 4*-4* ИГР1 они без сомнения имели Вождей, но только частных; 5*-5* ИГР1, а только внушению 6* ИГР1 дома свои 7* ИГР1 Летописцы средних веков повествуют, что Славянки 8*-8* ИГР1 Историк должен еще заметить, 9*-9* ИГР1 сходствовали нравом с Древлянами; 10* ИГР1 осторожность: 11* ИГР1 должныствовали иметь 12* ИГР1 донные отменно 13*-13* ИГР1 (или *Высок*, в отношении к *высоте* солнца) [см. также *Примеч.* 42*] 14*-14* ИГР1 (от красных плодов или ягод) 15*-15* ИГР1 (от зарницы) 16*-16* ИГР1 (влажный, слезливый) ИГР2П(8) Следующее толкование имени *Рюена*, или Сентября, кажется мне вероятнейшим. Сербы называют *Руем* или *Рюем* желтое деревце (*желтник*, *Phus cotinus*, *Pegucken-Baum*, *Gelb-Holz*, по-Волошски *дацик*), употребляемое в краску. Они и все *желтое* — на пример, вино — называют *руино* и *рувно* (см. *Сербский Словарь* Вука Стефановича). Славяне дали Сентябрю пмя *желтого* (Рюена) от желтеющих тогда древесных листьев. (Октябрь назывался у них *Листопадом*). 17*-17* ИГР1 (снежный) 18* ИГР1 своеволие 19*-19* ИГР1 [нет] 20*-20* ИГР1 не только когда он употреблял ее во зло, но и без всякой вины, 21*-21* ИГР1 в 912 году, 22* ИГР1 одним образом, 23* ИГР1 Которому, 24* ИГРК Добровского описка, вместо Поревита, а не особое божество. 25* ИГР1 золотой 26*-26* ИГР1 зверя; другие признают 27* [см. *Примеч.* 52*] 28* ИГР1 *духов* 29* ИГР1 заутреню 30* ИГР1 при котором 31* ИГР1 Гонтинях 32* ИГР1 Гонтинях 33* ИГР1 следы какого-то 34* ИГР1 оружием и проч.; 35* ИГР1 своеволия, 36* ИГР1 покаряемые, 37* ИГР1 сродство [*исправ. в списке опечаток ИГР1*] 38* ИГР1 ясной 39*-39* ИГР1 свет Наук и божественность разума.

ГЛАВА IV

1* [См. *Гл. II*, 5*; *Гл. VI*, 9*; *Примеч.* 24*, 25*] 2* ИГР1 Княжения

ГЛАВА V

1*-1* ИГР1 благоразумием и самую любовию 2*-2* ИГР1 без опасности. Олег, 3* ИГР1 тмы 4*-4* ИГР1 каменных 306. В IX и X веке 5*-5* ИГР1 прекратил неприятельские действия и мирно 6* ИГР1 [*далее:*] — Греки да поступают таким же образом с Русскими судами 324. 7*-7* ИГР1 должныствовали говорить 8*-8* ИГР1 без сомнения не знали

ГЛАВА VI

1*-1* *ИГРІ* лица их, заросшие волосамп, придавали им вид свирепости ^{3,8}. 2*-2* *ИГРІ* сухопутным Греческим войском, 3* *ИГРІ* 945 4*-4* *ИГРІ* и не имеют власти зимовать 5*-5* *ИГРІ* близ сего города. По сказанию Византийцев, они, привязав его 6*-6* *ИГРІ* не имел в войне с Греками счастья Олега; 7*-7* *ИГРІ* [нет] 8*-8* *ИГРІ* [с абзаца:] Упомянем об известии Арабского Географа Абульфеды, которое относится ко временам Игоревым. Он пишет, что Россияне в 944 году Каспийским морем и рекою Куром приплывали к городу Барде, столице Арранской (верстах в семидесяти от Ганджи); взяли, ограбили его, и тем же путем возвратились в свою землю. Другой Историк Восточный, Абульфарагий, сообщая сле самое известие, вместо Россиян именует Алан, Славян и Лесгов ⁸⁶⁴. То были, как вероятно, *Славяне Российские, подвластные Козарам* и через них имевшие сообщение с Каспийским морем. 9* [см. Гл. II, 5*; Гл. IV, 1*; Примеч. 24*, 25*]

ГЛАВА VII

1* [См. Примеч., 85*] 2*, 3*, 4*, 6* *ИГРІ* миллиарезий 5* *ИГРІ* осмнадцати 7*-7* *ИГРІ* стрелять в него, однако ж без успеха. Россияне 8*-8* *ИГРІ* Неприятели, думая, что сам грозный Святослав идет на помощь осажденным, рассеялись 9*-9* *ИГРІ* на месте битвы ⁴⁰³: 10*-10* *ИГРІ* родственников — и гордый 11*-11* *ИГРІ* Оно прибыло, и

ГЛАВА IX

1*-1* *ИГРІ* без сомнения знал 2*-2* *ИГРІ* в знак 3* *ИГРІ* припасах. 4*-4* *ИГРІ* выслал многих опасных Варягов из России, но употребил в ее пользу достоинства некоторых, отличив их саною и властью;

ГЛАВА X

1* *ИГРІ* Штокгольм 2*-2* *ИГРІ* на обеих сторонах 3*-3* *ИГРІ* [нет] 4*-4* *ИГРІ* голубей (ибо Россияне искони любили сих птиц) и так называемые одрины, или спальни летние ⁵³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1*-1* *ИГРІ* Кара Декси [исправ. в *ИГРІП*] 2* *ИГРІ* называли 3*-3* *ИГРІ* [нет] 4* *ИГРІ* списывает 5*-1* *ИГРІ* свое путешествие 6* *ИГРІ* говорил 7* *ИГРІ* пишет 8* *ИГРІ* не давно найденных 9* *ИГРІ* справедливо 10* *ИГРК* Некоторые считают Венедов Плиния и Тацита Германским народом. 11* *ИГРІ* *Белых*

12* ИГРК [далее:] Плиний и Птолемей упоминают о народе Serbi: вот древнейшее имя Славян. Добр[овский]. — По Константину еще в X веке жили Σερβιοι в России подле Хорватов. 13* ИГР1 Руброк 14* ИГР1 [с абзаца] Не от имени ли Угров, Урогов, Сарагуров, Азовское море называлось *Суроужским?* (см. *Воскресенск. Летопис.* II, 286, и *Степен. Книгу*, I, 429). 15*-15* ИГР1 Короля Баварского. 16* ИГР1 Гагация 17* ИГР1 Киев 18*-18* ИГР1 [нет] 19* ИГР1 и его 20*-20* ИГР1, ИГР2 река Кумо. [исправ. в ИГР1П(9)] 21* ИГР1П Сказанное здесь о Ями или Еми написано мною в 1805 году, следственно лет за 10 до издания Лерберговых *Abhandlungen*, в коих он доказывает то же. 22*-22* ИГР1 [нет] 23* ИГР1 рекша 24* ИГР2П(8) Древнее восточное известие, найденное Г. Френом в Арабском космографическом творении: «*Чудеса земель и морей: О Козарах* (см. Т. I, примеч. 90). «Козары (или Хазары) живут на Козарском море, которое теперь называется Курским (Кульским). Ибн-ул-Азир пишет, что они Грузины; но это не правда: ибо Грузины суть Армяне, Закона Христианского. У них 4 города: Хамлидш, Белендшер и Семендер (имя четвертого пропущено). Говорят, что они все построены Ануширваном. Козары разделяются на два класса: на воинов, которые суть Магометане, и на подданных, которые суть Иудеи. Прежде, равно как и Турки, они не имели Веры, — кроме знатных» ...Ибн-ул-Азир повествует, что Государь Константинопольский во время Гаруна-эр-Рашида выгнал Иудеев из земли своей; что Иудеи ушли к Козарам, и видя в них людей добросердечных, предложили им свою Веру; что Козары, находя ее лучше собственной, приняли оную и несколько времени хранили; что войско Хоросанское пришло и завоевало их страну ...Ибн-ул-Азир сказывает также, что Козары в 254 (868) году приняли Магометов Закон; что они в войне с Турками просили вспоможения у Хорезмских жителей, которые ответствовали им: *вы неверные: если сделаетесь Мусульманами, то поможем вам*. Козары, за исключением их Царя, приняли тогда Веру Магометову. Хорезмцы сдержали слово, заставив Турков удалиться. После чего и Царь Козарский обратился в Правоверие. Достоинство Хакана (или Кагана) принадлежало у них одному роду. Хакан возводил Царя на престол; не имел права ни повелевать, ни запрещать, ни был весьма уважаем ...Один Царь мог входить к нему», и проч. (Остальное есть повторение Восточных известий, сообщенных нами в сем 90 примеч.) [см. также Гл. II, 5*; Гл. IV, 1*; Гл. VI, 9*; Примеч., 25*] 25* ИГР1П(10) Сказание Ибн-Фоулана о Козарах. [Подстрочные примечания к заголовку:] Из сочинения Г. Академика Френа: de Chazaris, который нашел сию любопытную статью (здесь сокращенную) в Географическом Словаре Якутовом: см. *Истории Г. Рос.* Т. I, примеч. 90, также в прибавлениях осьмого тома. «Хазар (или Козар) есть название земли, коей столица *Итиль*: так именуется и река (Волга), текущая из России и Булгарии... Большая часть города на западной стороне сей реки, где живет и Царь, по-Хазарски *Илек* и *Бак*... Вокруг стена с четырьмя воротами: одни ведут к реке, другие в поле... В городе есть площади и бани... Жителей Магометанского Закона считается более десяти тысяч; у них 30 храмов...

В ближайшей дружине Царской 4000 человек. Царь Иудейской Веры, а подданные Магометанской и Христианской (см. ниже); идолопоклонников не много, Иудеев еще менее. Идолопоклонники,

приветствуя друг друга, падают ниц и следуют священным обрядам по древним обычаям, которые не сходствуют ни с Магометанскими, ни с Иудейскими, ни с Христианскими.— У Царя всегда 12 000 воинов; на место умирающих избирают других. Им дают не большое жалованье, и то редко, в случае войны или какой важной опасности...

Казна берет пошлину с ввозимых товаров и десятину; а с жителей разные подати, налагаемые на все съестное....

Просителей не допускают до Царя; к нему ходят только судьи (числом девять: см. Т. I, примеч. 90); между ими и Царем есть особенный посредник, который доносит ему о деле, а судьям объявляет его указ для исполнения. ¹¹

Вокруг города нет сел: граждане летом выходят на свои поля, засевают землю, собирают хлеб и свозят его к реке или в степь, на телегах или в судах. Сарацинское пшено и рыба составляют главную пищу жителей; все другое привозят к ним из России, Булгарии и Куявы (Кпева).— В восточной части города живут большею частью купцы; там и складка товаров.

Язык Хазарский разнится от Турецкого и Персидского... Хазары не сходствуют с Турками: черноволосы, и разделяются на два рода: одни именуется *Кара-Хазар* (то есть, черные Хазары), лицом смуглы, и кажутся Индейским народом; другие белы, прекрасны и стройны. У них все рабы идолопоклонники, которые считают дозволенным продавать детей своих в неволю...

Царь Хазарский, называемый Хаканом (или Каганом), показывается только однажды в 4 месяца, выезжая гулять в места приятные. Его именуют Великим Хаканом, а Наместника его Хаканом *Бз* (Bh): последний предводительствует войском, управляет Государством, наказывает преступников, является всенародно, дает повеления Царям соседственным, ежедневно видит верховного Хакана, входит к нему с важностью, скромностью, благоговением, и всегда с босыми ногами; приветствует его, держа в руке кусок дерева: зажигает оное и садится с Царем на троне, по правую руку. За ним входят так называемый *Кендер-Хакан* и *Чаушиар*. Никто из других людей не может беседовать с Великим Царем....

По древнему обычаю, для умершего верховного Царя строят большой дворец с двадцатью комнатами, в каждой из них роют могилу, и засыпают ее дно истертыми в порошок камнями и немореною известью. Под дворцом течет большая река: в нее ставят гробницу, для того, как сказывают, чтобы не могли приблизиться к ней ни Сатана, ни люди, ни черви, ни другие гады. Схоронив Царя, отсекают головы погребателям, дабы никто не знал, где гробница его: ее называют раем; о Хакане же говорят, что он вошел в рай.

У Царя 25 жен, присылаемых ему обыкновенно соседственными Государями из числа их родственниц, и 60 наложниц, отличных красотою: каждая живет в особенной палате, в *куббе* покрытой деревом Индейских платанов; у всякой *куббы* шатер, и ко всякой наложнице приставлен евнух для хранения....

Когда Царь выезжает верхом, все войско за ним следует, но так, что между Царским конем и сими всадниками бывает целая миля расстояния. Народ вдали падает ниц, и поднимает голову единственно тогда, когда Царь уже проедет.

Для властвования Хаканова назначается 40 лет: по истечении сего срока граждане и вельможи немедленно убивают Хакана, дабы предупредить расслабление его ума и души.

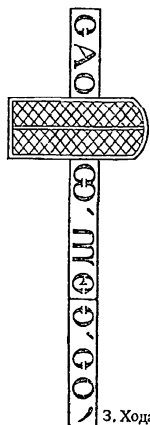
Войско Хазарское не должно никогда обращать тыла: каждый ратник лишается жизни за бегство. Если бегут военачальники, или даже сам Наместник Царский, то Хакан наказывает виновных вместе с их детьми и женами; отдает их другим, вместе с домом, скотом, оружием преступника, коего иногда рассекают на-двое, и вешают расчлененного на кресте, иногда на дереве за шею; иногда же из милости определяют к конюшне Царской.

Магометан ведает в Итиле чиновник Хаканский их Веры, именуемый *Хисме* (Chismeh). Они имеют в городе главный храм с высокою башнею, и собираются там для торжественного Богослужения всякую Пятницу. В 310 (922) году Царь, узнав, что Магометане разорили Христианскую церковь в земле *Бабундш*, велел разрушить башню Магометанского храма и казнить проповедника *Алкорана*....

Все Хазары и Царь их суть Иудейской Веры: Славяне и другие соседственные народы ему повинуются. Некоторые думали, что под Хазарами должно разуметь Ядшудша и Мадшудша (т. е. Гога и Магога). ^{23*-25*} ИГР1 красные, белые, пестрые. ^{27*-27*} ИГР1 [нет] ^{28*-28*} ИГР1 Спустя более ста лет, ^{29*} ИГР1 Остраградом, ^{30*} ИГР1, ИГР1П *Ауфар*, ^{31*-31*} ИГР1 *Ауфар* или *Аиевар* ^{32*-32*} ИГР1 [нет] ^{33*-33*} ИГР1 из заморья; ^{34*-34*} ИГР1 из заморья! ^{35*} ИГР1 [далее:] нынешними ^{36*} ИГР1 имя: что утверждается всеми переводами Библии, кроме одного Греческого и Славянского. ^{37*-37*} ИГР1 [нет] ^{38*-38*} ИГР1, ИГР2 в Кабинете Г. Шпонгольца; [исправ. в ИГРП(9)] ^{39*} ИГР1 Стычень. Луты. Марзец. Квецень. Май. Червец. Липец. Серпень. Вржесень. Паздерник. Листопад. Груден. ^{40*} ИГР1 [с абзаца] Малороссияне, как видно, хотели привариться к Полякам. Вероятно, что Русское имя Февраля, *Сечень*, ответствовало смыслом *Лютому*: лютый мороз, *сечет*, убивает.— В Апреле наши Славяне жгли *березовую золу* для щелока.— Смысл *Рюена* (у Славян Иллирических *Rujan*) остался в простонародном глаголе *рюмить*, т. е. плакать. *Слезные* или *плачевные сосуды* древних Славян едва ли не именовались *рюмками*. Польское *Wrzesien* происходит от *wrzesnia* т. е. *тамарисковое дерево*, *tamariscus germanica*.— Зимняя дорога называлась в старину *грудным путем* (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 182). ^{41*-41*} ИГР1 [нет] ^{42*} ИГР1 Березозол — зол для берез: из них тогда выпускают сок. ^{43*} ИГР1П(9) Г. Калайдович пишет ко мне следующее: «Экзарх Болгарский в своем предисловии *Шестоднева* ставит *изока* в чпле птиц; но в переводе сих бесед Василия Великого (стран. 240) говорит: *не точью бо изоци в дожде се раждают*; в подлиннике же здесь: *ὃν γάρ μόνον τέττις ἐν ἐπομβρίαις ἀνίστηναι*: следовательно *изок* не птица, а *кузнечик* или *кобылка*, *cicada*. Так и переводит сие место Епифаний Славинецкий: *не бо точию сверцы в надождениих выходят*. *Сверци*, как изъясняется в *Киевском Лексиконе Славенорос*. 1627 года, есть *коник*, *скачок*, *сверцок*. В другом месте *Шестоднева* по Епифаньеву переводу: *кий образ песнопения сверца?* В подлиннике опять имя *τέττις*. Не удивительно, что Экзарх Болгарский включил своего *изока* в статью птиц, следуя Василию Великому, который в девятой беседе также относит летающих насекомых к роду пернатых. И в Премудрости Иису-

са Сираха (гл. II, ст. 3) сказано: *мала есть в пернатых пчела*. Древние думали, что кузнечики издают голос или поют: известно, что сии насекомые производят звук частым движением своих крыльев, являясь во множестве после сильных дождей, в красные дни, и более в Июне месяце, названном их именем, т. е. *Изоком*» [см. также Гл. III, 13*—13*] 44*—44* ИГР1 Русские стали писать *Боляре*, вместо *Боляр*, уже в новейшие времена. 45*—45* [Пропущено в ИГР1, ИГР2. Исправ. в списке опечаток ИГР2] 46*—46* ИГР1 [нет] 47* ИГР1, ИГР2 1249 [исправ. в ИГРК] 48* ИГР1 Swaantowith, [исправ. в списке опечаток ИГР1] 49* ИГР1 Swaantowith 50* ИГРК D [Добровский] Swatowit, der Heilige Sieger. 51*—51* ИГР1 в Кабинете Г. Шноягольца [исправ. в ИГР1П(9)] 52* ИГР2П(8) У Индейцев в Генваре месяце бывает праздник, называемый *Перун-Понголь*, или *Великий Понголь*. В сей день они варят пшено с молоком, и смотря, как оно кипит, гадают будущее. *Понголь* значит собственно: *кипит*. См. Voyage aus Jndes orientales et à la Chine, par Sonnerat, T. I, p. 240. И так имя *Перун* не есть ли древнее Индейское? Славяне могли назвать имя Бога в смысле *Великого*. 53* ИГРК Коляда. Das Latenische Colenda des Mittelalters, ein Geschenk zum neuen Jahre. 54* ИГР1 XVII 55* ИГР1 Венды; однако ж заметим, что народы Свевские жили там еще прежде Славян, и могли быть строителями сих удивительных памятников. 56* ИГР1 Словари, напечатанные в С. Петербурге. 57*—57* ИГР1 docete, и проч., 58* ИГР1 Ветр, 59*—59* ИГР1 [нет] 60*—60* ИГР1 [нет] 61*—61* ИГР1 [нет] 62* ИГР1, ИГР2 1553 [исправ. в ИГРК] 63* ИГР1 [далее:] Здесь нет двусмыслия для знающих древний и в особенности Несторов язык. 64*—64* ИГР1 *самовластного* 65*—65* ИГР1 Нестор ошибся в одном: 886 год не был ни в каком смысле *четырнадцатым* Михаилова царствования, как он говорит. 66*—66* ИГР1 23 Апреля; чрез 5 месяцев [исправ. в ИГР1П] 67*—67* ИГР1 [нет] 68*—68* ИГР1 в XIII веке 69*—69* ИГР1 второе кажется вероятнее: ибо в наших летописях именуется *Судом* одна Константинопольская гавань. ИГР1П Г. Круг весьма вероятно производит имя *Суда* от *Сунда* или *Зунда* (Chron. der Byz. 197). 70* ИГР1 лодка: все другие поверили ему; 71*—71* ИГР1 [нет] 72* ИГР1 кажется нелепым 73*—73* ИГР1 суть не что иное, как оглавление. 74*—74* ИГР1 [нет] 75* ИГР1 Сей смысл должен быть, кажется, в словах: *то аще ключится такоже проказа лодьи Рустей*, которые находятся в середине статьи и затемняют ее разум. Послам Олеговым надлежало требовать взаимных услуг от Греков. [далее с абзаца:] Следующую, 76*—76* ИГР1 Но Роман сделался Греческим Императором в 919 году, а не в 920 году. ИГР1П Г. Круг доказывает, что Роман сделался Императором точно в 920 году. (Chron. der Byz. 142). 77*—77* ИГР1 [нет] 78*—78* ИГР1 Memor. popul. III, 815 и Шлец. Gesch. der Deutsch. in Sieb. 224—225, 79* ИГР1 рекше 80*—80* ИГР1 В сей самый год, т. е. в 945, Роман ИГР1П По летоисчислению с Сентября Роман был свержен в 945, а по нынешнему еще в 944 (Дек. 16) 81*—81* ИГР1 [нет] 82*—82* ИГР1 [нет] 83*—83* ИГР1 *Пасынскою беседою* 84*—84* ИГР1 [нет] 85*—85* ИГР1 [нет] ИГР1П Снорро или Снорри Стурлезон 86* ИГР1 948 [исправ. в списке опечаток] 87*—87* ИГР1 или в 948 или в 949 году? 88* ИГР1П Если Константин угощал Ольгу 9 Сент. в Среду и 18 Окт. в Воскресенье, то нет сомнения, что сие было в 957 году, как ясно доказано Г. Кругом. 89*—89* ИГР1 ее послы [исправ. в ИГР1П] 90*—90* ИГР1 [нет]

^{91*} ИГР2П(8) Имя теперь всю Хронику Льва Диакона, выписываю в добавление некоторые обстоятельства из его восьмой книги. [далее с абзаца:] Цимиский, сверх галер, отправил из Константинополя 300 кораблей к Доростолу. Он узнал в Адрианополе, что ущелья не заняты Скифами, т. е. Россиянами. Говорит речь к войску. В сражении под стенами Переяславца убивают 8500 Россиян; ни слова о воинском ученье, о коем говорят другие Византийские Летописцы. Феодосий Мезоникт первый всходит на стену. Россияне заключаются в замке или во дворце, где находилось сокровище Болгарское или Казна. Приводят Бориса к Императору. Греки, осадив дворец, зажигают его. Изгнанные пламенем, 7000 Россиян выходят на открытое место, сражаются и гибнут. Сфенкал с немногими спасается. Цимиский посылает пленных к Святославу, с предложением, чтобы он немедленно оставил Мизию, или шел на битву с Римлянами. Святослав не мог ждать успеха; но ослепленный безрассудностию Скифскою, и гордясь победою над Болгарами, мечтал, что управится и с Цимискием. Он предает смерти 300 Болгаров, других ввергает в темницу, и спешит встретить неприятеля. Россияне, засев в тесном месте, побили Греческий передовой отряд. Некоторых из них схватили в лесу и привели к Императору, который велел умертвить сих пленников.— Кровопрлитная, долго сомнительная битва решилась ввечеру счастливым ударом Цимискиевой конницы. ^{92*} [см. ^{91*}, ^{93*}] ^{93*} [см. ^{91*}, ^{92*}] ^{94*} ИГР2П(8) «На Юг от местечка Уханей, на речке Гучве, ниже Тышовцов, близ Комарова, есть деревня Чермо, где видны остатки земляных укреплений. В старых крепостях сие место называется Чермно или Червоногород». Вот известие, сообщенное мне Зорьяном Д. Ходаковским, который ревностно занимается отысканием древностей и местных достопамятностей народа Славянского вообще. Я обязан ему и другими замечаниями, внесенными в сии прибавления с означением его имени. ^{95*}—^{95*} ИГР1 [лет] ^{96*}—^{96*} ИГР1 Мастер Аврм (Авраам) Istnut, мастер Иикви Мепеги; но сие последнее имя лучше вырезано в другом месте (над главою благословляющего Епископа) Латинскими буквами: Wikmannus Megidepurgis: следственно Викман Магдебургский уроженец. В середине представлен иной Епископ с надписью: Александр. Мы знаем только первого Митрополита Новгородского Александра, посвященного в 1577 году. Древние, истинные врата Херсонские не увезены ли Царем Иоанном Васильевичем из Новгорода, а сии, по заказу тамошнего Митрополита, не сделаны ли на их место, и не для того ли названы Херсонскими? Грозный Царь не хотел оставить ничего драгоценного в городе, ему ненавистном. Миллер нашел в женском Александровском монастыре (Губерн. Владимирской) церковные медные врата, также вывезенные Иоанном Васильевичем из Новгорода (см. Миллер. Путешествие в Троице и в Александровск). В 1528 г. Архиепископ Новгородский Макарий также сделал новые Царские двери в Софию (см. Архив. Новгород. Лет. л. 585). ИГР1П По другому вернейшему слепку сей надписи явно, что надобно читать: Wismannus Megideburgensis Ерс.— Riquin me fec. (вот имя художника). Упомянутый Александр должен быть немецким Епископом. ^{97*}—^{97*} ИГР1 в примеч. 1533 года), а не холм, как думал Ломоносов, поверив Синопсису Киевскому, в котором находятся еще ^{98*} ИГР2П(8).

З. Ходаковский

Вот вернейшее изображение букв надписи церкви Десятинной.

^{99*}-^{99*} ИГР1 То есть: «там много рати или воинов, где Вира, или где нет смертной казни: будь же вооружен и на коне!» Во многих новейших списках поставлено: «рать многа; оже рать, то на оружьи и на конях буди». ^{100*} ИГР1 [далее:] от себя ^{101*} ИГР1П Пресвитер Павел обратил Болгаров в Веру Христианскую. ^{102*}-^{102*} [нет] ^{103*}-^{103*} ИГР1 Wittepagemot, то есть: собрание *знающих* людей», от weet, *ведать* (см. Далин. Gesch. des Schw. R. T. I., стр. 151, и в Юмовой Англ. Истории Т. II, статью Wittenagemot). ^{104*}-^{104*} ИГР1 и о работех и о уставе земнем». ^{105*} ИГР1 Судьями, ^{106*} ИГР1 (выне), ^{107*} ИГР1 [далее:] (также) ^{108*} ИГР1 мелкими кожаными ^{109*}-^{103*} ИГР1 У нас есть предание, что и Царь Иоанн

Васильевич, имея нужду в деньгах хотел было снова ввести кожаные, но скоро отменил их. ^{110*}-^{110*} ИГР1 *написахся книги в 50 деньи; початы псати Октября в 1, а кончашася Ноября в ...* ^{111*} ИГР1 [далее:] (све) ^{112*} ИГР1, ИГР2 1527 [исправ. в ИГРК] ^{113*} ИГР1 [далее с абзаца:] Мы не знаем ни одной печатной Славянской книги древнее Скорининой Библии: она вышла лет через 80 по изобретении книгопечатания в Европе. ^{114*}-^{114*} ИГР1 [нет] ^{115*} ИГРК Gebethbuch.

КОММЕНТАРИИ
И
ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ I «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

КОММЕНТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Н. М. КАРАМЗИНЫМ В «ПРИМЕЧАНИЯХ»

В этой части комментария к труду Н. М. Карамзина раскрываются ссылки на исторические источники, исследования, литературные произведения и т. п. в «Примечаниях» к «Истории государства Российского». Все наименования источников и литературы, принятые Карамзиным, расположены в алфавитном порядке фамилий (имен) авторов или названий (заглавий) рукописей, документов, изданий по трем разделам:

I. Рукописи.

II. Издания на русском и старославянском языках.

III. Издания иноязычные*.

Ссылкам Карамзина соответствуют: для рукописей — указание на современное место и шифр хранения; для печатных материалов — библиографическое описание изданий. В алфавитном ряду приводятся все имеющие существенные отличия карамзинские формы названий одного и того же рукописного источника, печатного издания. Сведения о месте хранения рукописи или описание издания помещаются при их наиболее точном обозначении Карамзиным. Здесь же перечисляются в круглых скобках и все другие варианты наименований, принятых Карамзиным. От остальных обозначений даны отсылки к форме, признанной основной. Все три раздела списка в необходимых, по мнению составителей, случаях соединены системой перекрестных ссылок, обеспечивающих более полное представление о рукописях и изданиях, использованных Карамзиным.

При отождествлении рукописных источников принимались во внимание сведения, имеющиеся в научной литературе, в описаниях рукописей и т. п. В ряде случаев эти данные уточнялись в хранилищах, проводилось сопоставление текстов источников, цитируемых в «Примечаниях», с предполагаемыми рукописными оригиналами. Возможности отождествления определялись степенью подробности указаний Карамзина на различные признаки находившихся в его

* I и II разделы подготовлены В. Ю. Афиани и В. П. Козловым, III раздел — М. И. Афанасьевой и Г. А. Космолинской.

распоряжении рукописей. Полнота реконструкции описания печатных материалов также обусловлена характером ссылок Карамзина. Так, в случае упоминания им текста широко бытующего памятника (например, Библии, некоторых сочинений античных авторов) в качестве идентифицированной формы приведены фамилия, имя, даты жизни автора и название произведения (в случае отсутствия автора — только название) без указания конкретного издания. Во всех прочих случаях проведена работа по отождествлению издания, упомянутого Карамзиным. При этом в первую очередь учитывались содержащиеся в тексте «Примечаний» указания об издателях, комментаторах, переводчиках или выходные данные использованного издания. При отсутствии таких указаний частичную помощь составителям оказали сохранившиеся списки книг и рукописей, имевшихся у Карамзина в период работы над «Историей»* и публикация переписки историка. В других случаях для идентификации были использованы экземпляры изданий упомянутых материалов с пометами Карамзина, обнаруженные в книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Ульяновска. Издания, не отождествленные ни одним из перечисленных способов, идентифицированы по сводным каталогам печатной продукции; описания выявленных при этом единственных изданий разыскиваемого материала до 1818 г. (времени выхода в свет I тома второго издания «Истории») приведены без дополнительных комментариев об их идентификации; при наличии нескольких изданий до 1818 г. использованное Карамзиным издание выявлено путем сверки постраничных ссылок и цитат, имеющих в тексте «Примечаний». Если же упомянутое произведение переиздавалось неоднократно, при отсутствии постраничных ссылок или цитат или каких-либо косвенных указаний, отождествление издания не представилось возможным.

Во многих случаях составители нашли целесообразным поместить комментарий к описанию. В нем приводится название памятника, принятое в современной научной литературе, уточняется его авторство и датировка, раскрыт состав печатных сборников, содержатся сведения о принадлежности рукописи или экземпляра издания Карамзину и т. д.

* *Сербинович К. С.* Общий реестр всем печатным книгам библиотеки Н. М. Карамзина, составленный в 1834 году по соединении оставшихся в С.-Петербурге книг с книгами, хранившимися в Московском архиве иностранных дел и оттуда в том же году перевезенных (ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 159); Опись книг, переданных наследниками Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (ОРК УОБ, Хронолог. кат. Т. 1.).

Составители благодарят за помощь и консультации: С. О. Вялову, Г. В. Глазырину, Т. Н. Джаксон, В. Н. Малова, И. Пелконен, Э. Л. Полякова, Ю. Д. Рыкова, В. А. Сукайло, А. А. Турилова, Б. Л. Фопкича, М. И. Фундаминского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ,
ПРИНЯТЫХ
В «КОММЕНТИРОВАННОМ СПИСКЕ»

- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГИМ — Государственный исторический музей
 Круминг — Круминг А. А. Сводный каталог старопечатных глаголических книг в библиотеках СССР: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголических шрифтов: Метод. указания. — М., 1977. — Вып. 2
 МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
 НБ МГУ — Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при имп. Московском университете
 ОР БАН — Отдел рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ОРКУОБ — Отдел редких книг Ульяновской областной библиотеки (Дворца книг им. В. И. Ленина)
 РС — Русская старина
 Хронол. кат. — Хронологический каталог. Отдел редких книг Ульяновской областной библиотеки. Т. 1
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
 ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

Раздел I
РУКОПИСИ

1. Арифметики древние, рукописные (Древние рукописные арифметики).— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописей. В коллекции историографа был математический сборник XVII в., содержащий «Арифметику» (ОР ГПБ. Q.XVII.104) из собрания Ф. Г. Баузе. В его распоряжении находился еще один сборник из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина — «Книга, именуемая Геометрия или землемерие». Последняя рукопись передана в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4652), хранится в ОРК УОБ (№ 9).

2. Архивский Ростовский летописец *см.* № 58.

3. Болгарская рукопись Парижской библиотеки № 2340.— «Abesepagium Vulgaricum». Старославянская глаголическая азбука, записанная в XII в. в латинской рукописи. Славянские названия букв транскрибированы латинскими. Рукопись была известна Карамзину по упоминанию в «Nouveau traité de diplomatique...». (*См.* III, № 293).

4. Болгарская рукопись 1348 года о письменах славянских *см.* № 86.

5. Византийская летопись в Императорской Публичной библиотеке, старый перевод (Византийская летопись, перевод) = ОР ГПБ. F.IV.145.

Хронограф Дороефа Монеvмасийского в списке XVII в., поступивший в Публичную библиотеку в 1814 г. от А. Н. Оленина.

6. Владимиров Устав, мнимый *см.* № 36.

7. Волынская летопись (Ипатьевский список; Хлебниковский список) = ОР БАН. 16.4.4; ОР ГПБ. F.IV.230.

«Волынской летописью» Карамзин называл Ипатьевский (Академический) список и Ипатьевскую летопись по Хлебниковскому списку. Первый список обнаружил А. И. Тургенев в Библиотеке АН около 1807 г. и сообщил о нем историографу (копия с него имела у А. Ф. Малиновского, подарившего его в МАКИД, ныне ЦГАДА. Ф. 181. Д. 10/10). Второй список найден самим Карамзиным в 1809 г. в собрании коломенского купца П. К. Хлебникова.

8. Греческая древняя рукопись, хранящаяся в Парижской библиотеке.— Фрагмент греческой рукописи XVI в., содержащий сочинение об испытании веры, в сборнике Парижской Национальной библиотеки. Рукопись использована Карамзиным по публикации А. Бандури (*См.* III, № 38).

9. Греческие дела № 1, л. 175 = ЦГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2; в настоящее время отсутствует согласно акту о недостатке от 13.12.1959.

Письменное подтверждение патриарха Константинопольского Иосафа 1561 г. о царском венчании Владимира Мономаха и об утверждении восточным патриархом царского титула Ивана Грозного.

10. Дела Прусские *см.* № 52.

11. Демидовский Хронограф, находящийся в Университетской библиотеке (Хронограф Демидовский).— Утрачен. Переданное П. Г. Демидовым в 1803 г. в библиотеку Московского университета собрание рукописей включало два хронографа, сгоревших в московском пожаре 1812 г.: «Хронограф, содержащий всю Российскую историю до 1700 года, собранный от различных книг в 1744 году для канцлера графа Бестужева, списан с одного подлинника, в лист» и «Хронограф или Летописец от сотворения света тпанием тобольского сына боярского Сергея Кубасова. (В нем целую треть занимает Россійская история.) В лист, писан старинным сибирским письмом» (см.: Ундольский В. М. Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека // Чтения ОИДР.— М., 1846.— № 1.— С. 23). Карамзин имеет в виду, скорее всего, так называемый Хронограф Кубасова (особого состава). Отрывки из него по копии части текста опубликованы К. Ф. Калайдовичем (см.: Написание вкратце о царях Московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах // Русские достопамятности, издаваемые ОИДР.— М., 1815.— Ч. 1.— С. 170—175).

12. Договор новгородцев с королем польским в 1471 году = ОР ГПБ. F.IV.335.

Договор Новгорода с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV. Использован по списку «Собрания Двинских грамот» из коллекции А. И. Мусина-Пушкина, утраченной в пожаре 1812 г. Копии материалов «Собрания» сохранились в коллекции Карамзина.

13. Договор Смоленского князя Мстислава Давыдовича с немецкими городами = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. IV. Рубр. I. № 1. Л. 98—117.

Торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом 1229 г. по списку пергаменного юридического сборника XIV в. из коллекции А. И. Мусина-Пушкина. Рукопись, содержащая ряд других источников (Правду Русскую, Закон судный людем, выписки из «библейских законов», Устав великого князя Ярослава Всеволодовича о мостах в Новгороде, Устав великого князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных), была приобретена Мусиным-Пушкиным в 1812 г. в Ярославле и тогда же передана в ОИДР. Сохранилась у председателя общества П. П. Бекетова. Передана им в МАКИД. Карамзин ссылался (в «Прибавлениях» к т. III, примеч. 248) и на публикацию договора по Рижскому списку в «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел».— М., 1819.— Ч. II.— С. 1—5.

14. Древнейшие списки Степенной, так называемой Макариевой книги см. № 65.

15. Древние рукописные арифметики см. № 1.

16. Древний Пушкинский список Нестора см. № 56.

17. Древний харатейный список жития Владимирова см. № 22.

18. Евангелие в Синодальной библиотеке под № 14 (Евангелие славянское, писанное в 1144 г.; Харатейное Евангелие в Синодальной библиотеке под № 14... 1144 году) = ГИМ. Синод. № 404.

Евангелие тетр («Галицкое Евангелие») 1144 г.

19. Евангелие Софийское (Харатейное Евангелие Софийское, найденное в Петербурге между книгами Екатерины Великой в 1806

году и писанное с юсами в половине XI века) = ОР ГПБ. Ф. п. 1.5.

Евангелие апракос краткое («Остромирово Евангелие») 1056—1057 гг. Карамзин воспользовался сведениями об этом памятнике, сообщенными ему А. Н. Олениным и А. И. Ермолаевым (см.: ЦГАЛИ СССР Ф. 248. Оп. 2. Д. 29. Л. 1—3).

20. Евангелие 1307 года Синодальной библиотеки под № 18 (Харатейное Евангелие 1307 года в Синодальной библиотеке под № 18) = ГИМ. Синод. № 722.

Евангелие апракос 1307 г.

21. Житие благоверного князя Константина см. № 23.

22. Житие Владимира, харатейная рукопись XIII или XV века, хранящаяся в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина (Древний харатейный список жития Владимировича).— Утрачено. «Память и похвала князю русскому Владимиру» монаха Иакова (XI в.). Похвальное слово Владимиру Святославичу, входившее в состав «Мусин-Пушкинского сборника 1414 г.». Сборник из коллекции А. И. Мусина-Пушкина, погибший в пожаре 1812 г., впервые использовал А. Н. Оленин (см.: Оленин А. Н. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году.— СПб., 1806.— С. 38—40). Сохранилась его копия в ОР БАН. Собр. 27. № 67.

23. Житие муромского князя Константина, рукописное (Житие благоверного князя Константина; Житие муромского благоверного князя Константина Святославича, которое хранится в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина и в котором многие места отмечены рукою Екатерины Великой; Житие св. князя Константина, рукописное).— Утрачено. Рукопись жития муромского князя Константина Святославича поступила в коллекцию Мусина-Пушкина в подарок от Екатерины II. Погибла в московском пожаре 1812 г.

24. Житие Ольги, рукописное (Житие Св. Ольги... в Троицкой библиотеке, сочинено не ранее XVI века, рукописное) = ОР ГБЛ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 198.

Житие великой княгини Ольги, в сборнике житий святых XV в. Найдено Карамзиным в библиотеке Троице-Сергиевой лавры.

25. Зосима, архимандрит. Тетрадка.— Не отождествлено. См. № 29.

26. Ибн-уль-Азир см. № 74.

27. Ибн-Фозлан, Ахмет см. № 74.

28. Иоаким, мнимый.— Утрачена. Имеется в виду так называемая Иоакимовская летопись. Найдена В. Н. Татищевым, считавшим ее автором новгородского епископа Иоакима (ум. 1030). О летописи, известной только по «Истории» Татищева и утраченной еще в XVIII в., ее подлинности и достоверности ведутся споры. Карамзин отмечал в ней «вымыслы», новый «слог» и не относил ее к числу древних летописей.

29. Иоанн Леванда. Письмо к Н. Н. Бантыш-Каменскому = ЦГАЛИ СССР. Ф. 248. Оп. 2. Д. 19.

Письмо протоиерея Иоанна Леванды (1734—1814) к Н. Н. Бантыш-Каменскому о Десятичной церкви в Киеве и с упоминанием сочинения архимандрита Зосимы.

30. Ипатьевский список см. № 7.

31. Каменевич-Рвовский, Тимофей. Сочинения в Синодальной библиотеке в рукописной книге, названной о древностях Российско-

го государства, № 529 (Книга о древностях Российского государства в Синодальной библиотеке, № 529, рукописная; Летописец Российский средних времен... в Синодальной библиотеке в рукописной книге о древностях Российского государства под № 529. Т. I, кн. 1; Сказка о строителях Киева, новейшая; Сказки, сочиненные большею частью в XVII веке и внесенные невеждами в летописи) = ГИМ. Синод. № 964.

Летописный сборник конца XVII — начала XVIII в., составленный дьяконом Афанасьевского («Холопьего») монастыря в Мологе Т. Каменевпчем-Рвовским. В I томе «Истории» Карамзин использовал из него ряд летописных записей, легендарные сказания о построении Новгорода, о Кие и его братьях (описание сборника см.: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы.— М., 1962.— С. 123—128).

32. Кенигсбергский список (Нестор, древние списки; Нестор, полные списки) = ОР БАН. 34.5.30.

Радзивиловский список Кенигсбергской летописи конца XV в. С рукописью Карамзин познакомился, видимо, только после переезда в Петербург в 1816 г. Об этом могут свидетельствовать, в частности, его слова в примечании: «Кенигсбергский список, который теперь у меня в руках». (См. также: II, № 42).

33. Кикинская Архивская рукопись см. № 37.

34. Книга Небеса, переведена с греческого языка на славянский Иоанном экзархом Болгарским в исходе IX или в начале X века, в подлиннике хранящаяся в Синодальной библиотеке под № 66 = ГИМ. Синод. № 108.

«Богословие» Иоанна Дамаскина (ок. 675—до 753) в переводе Иоанна экзарха Болгарского в списке конца XII — начала XIII в. Сведения о рукописи Карамзину сообщил К. Ф. Калайдович, первоначально датировавший ее концом IX — началом X в.

35. Книга о древностях Российского государства в Синодальной библиотеке № 529, рукописная см. № 31.

36. Кормчая Книга, харатейная (Харатейная Кормчая Книга времен князя Дмитрия, сына Александра Невского, в Синодальной библиотеке под № 82) = ГИМ. Синод. № 132.

Пергаменный список Синодальной («Новгородской» или «Клементовской») Кормчей 1280-х годов, содержащий ряд источников, использованных Карамзиным в I томе «Истории» («Летописец вскорее» константинопольского патриарха Никифора, Правду Русскую, Устав великого князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, Уставную грамоту новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде).

37. Краткие исторические повести... сочиненные около времен царя Алексея Михайловича: например, в Кикинской рукописи библиотеки Миллеровой в Архиве Иностранной коллегии № 4 (Кикинская Архивская рукопись) = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 64/87.

Краткий российский летописец до 1650 г. в списке XVII в., поступивший в МАКИД в составе библиотеки Г. Ф. Миллера.

38. Лев Дякон (Леон). История = ОР ГПБ. F. IV.163 (разноязыч.); F. IV. 334.

В распоряжении Карамзина находились греческий текст и латинский перевод 6-й и 9-й книг «Хроники» или «Истории» Льва Дякона, скопированные из публикации К. Б. Газе «Notices et

extraits des manuscrits des la Bibliothèque Impériale» (Р., Vol. 8. S. 254—296) и подаренная ему в 1816 г. рукопись перевода на русский язык этих книг, осуществленного Д. И. Поновым. (См. также III, № 174).

39. Леон, митрополит. Два мнимые сочинения Российского митрополита Леона, № 353 и 355: *Λεωντος Μητροπολιτου Ρωσας προς Ρωμαιοус ητοι Λατινους περι των αζυμων*, о безквасном хлебе или опресноках... в Синодальной библиотеке между Греческими рукописями = ГИМ. Синод., греч. № 239. Л. 95 об.— 100; № 240. Л. 243—247.

Сочинение, приписываемое митрополиту Леонтию (Леону), находящееся в двух греческих рукописях второй половины XIII в. и 30-х годов XIV в. (по датировке В. Л. Фонкича).

40. Летописец Российский средних времен... в Синодальной библиотеке в рукописной книге о древностях Российского государства под № 529. Т. I., кн. 1, см. № 31.

41. Летописец Суздальский, живший в исходе XII столетия см. № 56.

42. Летопись Синодальной библиотеки № 349 см. № 55.

43. Летопись Симона епископа.— Неизвестна. Летопись, находившаяся у В. Н. Татищева (полученная им из библиотеки А. П. Волынского). Татищев писал в своей «Истории», что она является копией или даже оригиналом летописи, составленной епископом Симоном (ум. 1226). Несмотря на позднейшие разыскания, «Летопись Симона епископа» не обнаружена. Карамзин полагал, что епископ Симон не был летописцем.

44. Летопись Синодальной библиотеки № 52 см. № 47.

45. Летопись XVI века = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 69/92.

Псковская летопись по списку, подаренному в МАКИД в 1791 г. Н. Н. Баштыш-Каменским. Карамзин в ряде примечаний к последующим томам смешивал эту летопись с Псковской летописью, подаренной в архив в 1811 г. А. Ф. Малиновским (см.: Яковлева О. Я. К истории псковских летописей // Зап. НИИ при СМ Мордовской АССР: История и археология.— Саранск, 1946.— Т. 6.— С. 133—146; Она же. Одна источниковедческая ошибка Н. М. Карамзина в «Истории государства Российского», не замеченная и повторенная нашими историками // Там же. Язык и литература.— Саранск, 1948.— Т. 10.— С. 218—228).

46. Макаддези см. № 74.

47. Московская летопись в Синодальной библиотеке № 52 (Летопись Синодальной библиотеки № 52) = ГИМ. Синод. № 963. Сборник XVI—XVIII вв. с летописными статьями, включающий в том числе: «Летописец Московский», «Сказание о великих князех киевских и владимирских и московских всеа России по коленам княженья их...» (см.: Тихомиров М. Н. Указ. соч.— С. 120—128).

48. Нестор, древние списки (Нестор, полные списки; Нестор, харатейные списки) см. № 7, 32, 56, 70.

49. Нестор, харатейное сокращение, которое писано в XIII веке и найдено... в Древних правилах Софийского Новгородского собора или в Кормчей Книге Синодальной библиотеки № 82 см. № 36.

«Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора с записями по истории Руси.

50. Новгородская летопись, наполненная многими баснями. — Не отождествлено. Речь идет, по всей видимости, о списке какой-то поздней Новгородской летописи XVII в., с легендарным сказанием о Словене и Русе. Одна из таких летописей входила в сборник Т. Каменевича-Рвовского (см. № 31).

51. Новгородский летописец по 1717 год, хранящийся в Архиве Иностранной Коллегии (Новгородский летописец, письменный) = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 9/9.

Новгородская летопись в сборнике XVIII в.

52. Посольские дела Прусские в Архиве Иностранной коллегии. № 1, л. 146. Год 1518 (Дела Прусские) = ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1.

Посольское дело о приезде прусского посланника Д. Шонберга в 1517 г. в Россию с поздравлениями по случаю победы над поляками и с прошением денежных средств для прусской пехоты.

53. Прологи харатейные XIV века. — Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления списков Пролога. В предисловии к «Истории» историкограф упоминал также о списках XIII в.

54. Псалтирь харатейная 1222 года (Харатейная глагольская Псалтирь 1222 году). — Утрачена. Карамзин имел в виду глаголическую псалтирь с поддельной записью 1222 г., сделанной Иваном Томко Мрнавицем (1580—1637). (Подробнее см.: Jagić V. Tomko Mrnavič als Fälscher des angeblich im Jahre 1222 geschriebenen glagolitischen Psalters // Archiv für Slavische Philologie. — 1912. — Bd. 33.) Сведения о ней содержатся в трудах Д. С. Ассемани и Добнера. (См. III, № 21, 116).

55. Псковская летопись в Синодальной библиотеке № 349 (Летопись Синодальной библиотеки № 349; Псковская Синодальная летопись XV или XVI века, которая хранится в Патриаршей библиотеке под № 349) = ГИМ. Синод. № 154.

Летописный сборник, содержащий извлечения из Свода 1448 г., Новгородскую летопись типа «Летописи Авраамки» и Псковскую вторую летопись.

56. Пушкинский харатейный список (Древний Пушкинский список Нестора; Летописец Суздальский, живший в исходе XII столетия; Нестор, древние списки; Нестор, полные списки; Нестор, харатейные списки; Пушкинский список Нестора) = ОР ГПБ. Ф. IV. 2.

Пергаменная Лаврентьевская летопись из коллекции А. И. Мусина-Пушкина. Впервые широко использована Карамзиным, возможно, по копии, которую он, по его свидетельству, «списал» для себя. В 1809 г. Мусин-Пушкин передал летопись Александру I, который подарил ее имп. Публичной библиотеке.

57. Раскольничья летопись, мнимая. — Утрачена. Пергаменная летопись, использованная В. Н. Татищевым в «Истории» и утраченная еще в XVIII в. Существуют различные точки зрения относительно ее подлинности и достоверности. Карамзин скептически оценивал достоверность известий этой летописи.

58. Ростовская летопись (Архивский Ростовский летописец) = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 20/25.

Летописный сборник XVII — начала XVIII в., подаренный в МАКИД в 1787 г. Н. Н. Бантыш-Каменским, содержащий так называемую Ростовскую летопись.

59. Сборник, недавно найденный в Воскресенском монастыре и писанный в 1073 году для великого князя Святослава = ГИМ. Синод. № 1043.

Изборник Святослава 1073 г., найденный К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в библиотеке Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря в 1817 г. Сведения об этой рукописи Карамзин получил от Калайдовича, Строева и Румянцева.

60. Сборник, отданный кн. Щербатовым в библиотеку Эрмитажа = ОР ГПБ. Эрм. № 20.

Изборник Святослава 1076 г., хранившийся в родовой библиотеке Щербатовых и поступивший в конце XVIII в. от М. М. Щербатова в Эрмитаж.

61. Симон, епископ. Летопись *см.* № 43.

62. Сказка о строителях Киева, новейшая (Сказки, сочиненные большею частью в XVII веке и внесенные невеждами в летописи) *см.* № 31.

63. Сочинение монаха Храбра о письменах... в книге в Синодальной библиотеке под № 85 *см.* № 86.

64. Сочинения Российского митрополита Леона № 353 и 355... в Синодальной библиотеке между греческими рукописями *см.* № 39.

65. Степенная книга, древнейшие списки (Древнейшие списки Степенной, так называемой Макариевой книги).— Не отождествлено. Карамзин говорит о макариевской Степенной книге «во всех рукописях XVI в., сколько мне случилось их видеть». В настоящее время такие рукописи неизвестны. По свидетельству К. Ф. Калайдовича, Степенная книга в списке XVI в. находилась в коллекции Ф. Г. Баузе, сгоревшей в 1812 г. Рукописями из коллекции Баузе пользовался Карамзин. Кроме того, он был знаком с так называемым «Сводом Степенной книги» (ОР ГБЛ. Ф. 256. Д. 217—218), подготовленным сотрудниками графа Н. П. Румянцева.

66. Степенная книга, полученная.... от балахнинского купца Латухина = ОР ГПБ. F.IV.597.

Латухинская Степенная книга, в списке начала XVIII в. Приобретена Карамзиным в Нижнем Новгороде в 1812—1813 гг.

67. Стихирарь 1153 года Синодальной библиотеки № 15 (Харатейный Стихирарь, писанный в 1153 году и хранящийся в Синодальной библиотеке под № 15) = ГИМ. Синод № 589.

Стихирарь минейный, ныне датируемый 1157 г.

68. Стоглав.— Не отождествлено. Сборник о деяниях церковного собора 1551 г., разделенный на 100 глав, имелся в коллекции Карамзина (ОР ГПБ. Q.XVII.106). В последующих томах «Истории» Карамзин ссылается на «самый лучший», по его определению, список Стоглава в Синодальной библиотеке № 524, 1624 г.

69. Стриковский. Хроника Литовская, по старому русскому переводу (Стриковский; Хроника Матвея Стриковского) = ОРК УОБ, № 8.

«Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси» Матвея Стрыйковского (Strykowski M., ок. 1547 — после 1582) в переводе 1688 г. по списку из коллекции Карамзина. Передана в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4654).

70. Троицкая летопись (Нестор, древние списки; Нестор, полные списки; Нестор, харатейные списки; Троицкий список). — Утрачена. Пергаменная Троицкая летопись. Находилась в распоряжении Карамзина в мае 1804 — октябре 1805 г. Получена из Троице-Сергиевой лавры историографом и передана в 1805 г. в ОИДР для подготовки вариантов в публикации Лаврентьевской летописи. Сгорела в 1812 г.

71. Устав Владимира, подложный *см.* № 36.

72. Устав новгородского князя Святослава Ольговича, изданный в 1137 году, в харатейной Кормчей Книге времен князя Дмитрия, сына Александра Невского, в Синодальной библиотеке под № 82 *см.* № 36.

Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде 1136/37 г.

73. Устав Св. Владимира о десятинах и церковных судах, найденный... в Синодальной библиотеке в Кормчей Книге № 82 (Владимиров Устав, мнимый; Устав Владимира, подложный) *см.* № 36.

Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. *См. также* II, № 112.

74. Френ. Древние восточные известия о россиянах и казарах, найденные в собрании арабских рукописей Санкт-Петербургской Академии Наук = ОР ГБЛ. Ф. 256. Д. 584 [?].

Сочинение Х. Д. Френа (*Fraehn Ch. M. J., 1782—1851*) *Ibn Fozlans und andere Berichte über die Russen älterer Zeit.* SPb., 1823) опубликовано после выхода первых восьми томов «Истории» Карамзина. Вероятно, историограф был знаком с рукописью сочинения Френа, находившейся у Н. П. Румянцева. Сведения о славянах, варягах и казарах Ибн-Фадлана или Ибн-Фодлана (*Ibn-Fadlan, Ahmad, X s.*) и аль-Мукаддаси (Макаддези) (*al-Mukaddasi, Shams al-Din Abū'Abd Allāh, Muḥammed ben Ahmad, 946/947-ca 1000*) извлечены Френом из «Географического словаря» Якута (Якута) (*Yakut, 1179—1229*) Сообщение Ибн-аль-Асира или Ибн-уль-Азира (*Ibn al-Athīr, 'Izz al-Din Abu l-Ḥasan Ali ben Muḥammad, 1160—1234*) — из сочинения арабского космографа Шемс ад-дина или Шемс-уд-дина (*al-Dimashkī, Shams al-dīn Abū 'Abd Allāh Muḥammad ben Alī Tālīb al-Ansārī, al-Sūfī, 1256—1326*).

75. Харатейная глагольская Псалтирь 1222 году *см.* № 54.

76. Харатейная Кормчая Книга времен Князя Дмитрия, сына Александра Невского в Синодальной библиотеке под № 82 *см.* № 36.

77. Харатейное Евангелие в Синодальной библиотеке под № 14.... 1144 году *см.* № 18.

78. Харатейное Евангелие Софийское, найденное в Петербурге между книгами Екатерины Великой в 1806 году и писанное юсами в половине XI века *см.* № 19.

79. Харатейное Евангелие 1307 года в Синодальной библиотеке под № 18 *см.* № 20.

80. Харатейное сокращение Нестора, которое писано в XIII веке и найдено... в Древних правилах Софийских Новгородского Собора или в Кормчей Книге Синодальной библиотеки № 82 *см.* № 36, 49.

№ 81. Харатейные Прологи XIV в. *см.* № 53.

82. Харатейный Стихирарь, писанный в 1153 году и хранящийся в Синодальной библиотеке под № 15 см. № 67.

83. Харатейный Устав, найденный... в Синодальной библиотеке, в Кормчей Книге № 82 см. № 36, 72.

84. Хлебниковский список см. № 7.

85. Ходаковский З. Известие о Червонограде.— Не разыскано. Известен экземпляр I тома первого издания «История» Карамзина с замечаниями З. Я. Ходаковского (ОР ГПБ. Погод. 2022/1).

86. Храбр, монах. Сочинение о письменах... в книге в Синодальной библиотеке № 85 (Болгарская рукопись 1348 г. о письменах славянских) = ОР ГПБ. F.I.376.

Сочинение черноризца Храбра (IX — начало X в.) «О письменах» по списку Синодальной библиотеки. Сведения о нем сообщены Карамзину К. Ф. Калайдовичем. Позднее рукопись, содержащая сочинение Храбра, была изъята из Синодальной библиотеки (возможно, не возвращена Калайдовичем, использовавшим ее при подготовке своей книги «Иоанн экзарх Болгарский») и поступила в Публичную библиотеку.

87. Хроника Матвея Стриковского см. № 69.

88. Хронограф Демидовский см. № 11.

89. Хрущовский список летописи.— Неизвестен. Сведения о нем Карамзин приводит по «Истории» В. Н. Татищева. В ней сказано, что А. Ф. Хрущов (1691—1740) сообщил Татищеву выписки, сделанные в Новгороде «из древняго летописца», «писано было древним наречием» (см.: Попов Н. А. Татищев и его время. М., 1861. С. 463).

90. Шемс-уд-дин Абу-Абд-ула. Чудеса земель и морей см. № 74.

91. Шпренгель. Рукописное сочинение «Über eine dunkle Stelle in der Russischen Geschichte».— Не разыскано. Карамзин, по видимому, имеет в виду работу М. К. Шпренгеля (Sprengel M. Chr., 1746—1803), известного немецкого историка, профессора Геттингенского университета.

92. Шестоднев по Епифанию переводу = ГИМ. Синод. № 60.

«Шестоднев» Василия Великого Кесарийского (ок. 330—379) в переводе Епифания Славинецкого, хранившийся в библиотеке Синодальной типографии. Отрывки из него сообщены Карамзину К. Ф. Калайдовичем.

Раздел II

ИЗДАНИЯ НА РУССКОМ И СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Абевега русских суеверий = Чулков, Михаил Дмитриевич (1743—1792). Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. / Сочиненная М. Ч.— М., 1786.

2. Авраамий Палицын (Летописец келаря Авраамия) = Авраамий (Палицын, Аверкий Иванович. ум. 1626). Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от Поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах / Сочиненное одного же монастыря келарем Авраамием Палицыным.— [М.], 1784.

Экземпляр с пометами Карамзина, ранее принадлежавший

А. Н. Оленину, хранится в НБ МГУ (инв. № 1573). В распоряжении Карамзина находилось также не менее трех списков «Сказания» (ОР ГПБ. F.IV.326; F.IV.346; ОРК УОБ № 15). Последняя рукопись происходит из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. Она осталась у Карамзина и была передана в 1867 г. вместе с другими печатными изданиями и рукописями в Симбирскую общественную библиотеку.

3. Академический словарь (Российский словарь) = Словарь Академии Российской.— СПб., 1789—1794.—6 ч.

Карамзин мог использовать и второе, дополненное издание: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806—1822.—6 ч.

4. Апостол, изданный в 1525 году в Вильне = Апостол.— Вильна: Тип. Франциска Скорины, 1525.

В первом и втором изданиях «Истории» Карамзина указывалась ошибочная дата выхода «Апостола» — 1527 г. Исправлена историографом в собственном экземпляре «Истории».

5. Архангелогородский летописец (В числе «новых») = Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года. Т. е. по кончину царя и великого князя Федора Иоанновича.—[М.], 1781.

Устюжский летописный свод. Карамзину был известен один из списков этой летописи, использованный при подготовке публикации 1781 г. (ГИМ. Синод. № 965), на который он ссылается в последующих томах.

6. Библия.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Историограф ссылался на текст одного из современных ему изданий («нашей») Библии и на отдельные, составные ее части: Ветхий завет — Вторую книгу Моисееву Исход, Третью книгу Моисееву Левит, Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова, Книгу пророка Иезекииля, Книгу пророка Амоса; Новый завет — Первое собрание послание св. апостола Петра. Переиздавалась в XVIII — начале XIX в. неоднократно.

7. Библия, изданная при имп. Елисавете Петровне = Библия.— СПб.: Синод. тип., 1751.

8. Библия, печатный русский перевод... в 1519 году (Скорина. Библия) = Библия руска.— Прага: Печ. Франциск Скорина, 1517—1519.—22 кн.

9. Болтин. Примечания на Историю Щербатова (Болтин) = Болтин, Иван Никитич (1735—1792). Критические примечания генерал-майора Болтина на первый [=второй] том Истории князя Щербатова.— СПб., 1793—1794.—2 т.

10. Большой Чертеж = Книга Большому Чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года.— СПб., 1792.

Второе издание памятника, подготовленное кружком А. И. Мусина-Пушкина. Экземпляр издания передан в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4650), хранится в ОРК УОБ (№ 148).

11. Букварь Иеронимовский, напечатанный в 1753 году в Римской типографии пропаганды = Букварь глаголических и кирилловских письмен.— Рим: Тип. Конгрегации распространения веры, 1753.—(Описание см. Круминг, № 48).

Второе издание «Букваря».

12. Буле = *Буле, Иоанн-Феофил (1763—1821)*. Рассуждение о памятке царице Комосарии / Московские ученые ведомости.— 1805. № 28. 15 июля.— С. 217—222.

Рец. на «Диссертацию» Г. К. Э. Келера (Köhler H.K.E.). См. также III, № 155.

13. Владимиров Устав, мнимый см. № 112; см. также I, № 36.

14. Воскресенская летопись = Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году.— СПб., 1793—1794.— 2 ч.

Воскресенская летопись по Воскресенскому списку. Экземпляр с пометами Карамзина хранится в ГБЛ (инв. № 12590). Список XVII в. этой летописи находился в собрании Карамзина (ОР ГПБ. F. IV. 601).

15. Географический словарь Российского государства = *Шекатов, Афиасий*. Словарь географический Российского государства...— М., 1801—1809.— 7 ч.

16. Геродот. Русский перевод = *Геродот (между 490 и 480—о.ж. 425 до н. э.)* Повествование Иродота Аликарнасского / Пер. Андрей Нартов.— СПб., 1763—1764.— 3 т.

17. Геснер = Сумнительства, касающиеся до российской истории // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие.— 1755.— Май.— С. 399—403.

Изложение работы И. М. Геснера, сделанное Г. Ф. Миллером (?) Взгляды Геснера на крещение княгини Ольги рассматривались также в труде А. Л. Шлецера «Нестор» (Ч. 3. С. 394—395; см. III, № 307). Полностью работа Геснера опубликована в книге: *Gesner J. M. ...Kleine deutsche Schriften.*— Göttingen, 1756.

18. Двинская летопись в трудах Вольного Российского собрания = Летописец Двинской: Избран вкратце, о двинских жителях, иже именованых Заволоческая чюдь... и о прочих во своя времена случившихся делах на Двине // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете.— М., 1774.— Ч. I.— С. 113—194.

Двинской летописец. Экземпляр издания передан в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4664), хранится в ОРК УОБ (№ 687).

19. Древние русские стихотворения = Древние русские стихотворения.— 1-е изд.— М., 1804.

Собрание русских народных песен («Сборник Кирши Данилова»). Об использовании второго издания сборника (М., 1818) см. последующие тома «Истории» Карамзина.

20. Древний летописец = Древнего летописца часть первая [= вторая], содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России...— СПб., 1774—1775.— 2 ч.

Ч. 2: ...С 6887/1379 по 6932/1424; то есть последние лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича.

Первый и второй Остермановский тома Лицевого свода XVI в. Экземпляр издания передан в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4645), находится в ОРК УОБ (№ 4504).

21. Древний Новгородский летописец см. № 71.

22. Евангелие.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Историограф ссылался на текст одного из современных ему

изданий («нынешнего печатного») Евангелия. Переиздавалось неоднократно.

23. Евангелие 1513 года, напечатанное в Угровлахии (Молдавии), хранится в библиотеке Московской Духовной Типографии = Четвероевангелие.— [Тырговиште]: Печ. перомонахом Макарием, 1512.

Ошибка в определении даты выхода Евангелия, очевидно, возникла при переводе даты предисловия на современное летосчисление (использование сентябрьского стиля вместо мартовского).

24. Евгений Булгар. Разыскание о времени крещения Ольги = *Евгений (Булгарис, 1716—1806)*. Евгения Булгара архиепископа, Славенского и Херсонского Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги / Переложено на российский язык [П. П. Соколовым].— СПб., 1792.

25. Елагин = *Елагин, Иван Перфильевич (1725—1793)*. Опыт повествования о России / Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р. Х. 1790...— М., 1803.— I ч.—3. кн.

26. Житие Владимира в Минее-Четье *см.* № 64.

27. Житие Исайи Чудотворца в Патерике *см.* № 80.

28. Житие Муромского благоверного князя Константина Святославича, печатное в Прологе *см.* № 85.

29. Житие Ольги, напечатанное в Прологе *см.* № 85.

30. Житие св. великого князя Владимира, печатное = Житие святого и равноапостольного великого князя киевского Владимира, всея России самодержца, нареченного в святом крещении Василия, который окрестил всю Землю Рускую / Выбрано из Летописца русского, преподобного Нестора Печерского. Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания. Украинская переделка жития Владимира. Отдельными изданиями «Житие» выходило в Киеве (не позднее 1673 г. и в начале XIX в.).

31. Житие Константина и Мефодия в Минее *см.* № 63.

32. Житие св. Никона в Патерике *см.* № 80.

33. Житие Стефана игумена Печерского в Патерике *см.* № 80.

34. Известие о погребенных в Киеве князьях = Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях роду Рюрикова. Издание, использованное Карамзиным, не отождествлено. «Известие» выходило в Киеве в 1795, 1798 гг. отдельной брошюрой и в приложении к книге Самуила (Миславского С. Г.) «Краткое историческое описание Киевопечерской лавры» (*см.* № 38). В издании 1805 г. включено в общую пагинацию книги Самуила.

35. Изъяснение сибирских древностей в Ежемесячных сочинениях = *Миллер, Герард Фридрих (1705—1783)*. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах.—1764.— Дек.— С. 483—515.

36. Исторические повести в Древней Российской Вивлиофике, т. XVI (Русские исторические повести в Древней Российской Вивлиофике, т. XVI). = Подробнейшая история государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика.—2-е изд.— М., 1791.— Ч. XVI.— С. 42—86.

Краткий летописец по 1493 г.

37. Историческое исследование о местоположении Тмутороканского княжения = *Мусин-Пушкин, Алексей Иванович (1774—1817)*. Историческое исследование о местоположении древнего

Российского Тмутараканского княжения / Издано по высочайшему... повелению.— СПб., 1794.

38. Историческое описание Киевской лавры = *Самуил (Миславский, Симеон Григорьевич; 1731—1796)*. Краткое историческое описание Киевопечерской лавры.— Издание, использованное Карамзиным, не отождествлено. «Историческое описание» выходило в Киеве в 1791, 1795, 1798, 1805 гг. Со второго (1795), «исправленного и некоторыми достопамятностями умноженного издания», текст изданий идентичен.

39. Исход.— Вторая книга Моисеева Исход в составе первых книг (Пятикнижие) Библии (см. № 6).

40. Кантемир. Описание Молдавии = *Кантемир, Дмитрий Константинович (1673—1723)*. Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя / С немецкого преложения перевел Василий Лёвшин.— М., 1789.

41. Кедрин. Русский перевод = *Кедрин, Георгий (конец XI — начало XII в.)* и др. Деяния церковные и гражданские, от Рождества Христова до половины пятнадцатого столетия / Собранные Георгием Кедриным и другими; Переведено с греческого [И. И. Сидоровским].— М., 1794.— 3 ч.

См. также III, № 329.

42. Кенигсбергский список Нестора (Летописец XII века в Российской библиотеке; Нестор в Российской библиотеке; Нестор по Кенигсбергскому списку, печатный) = Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен.— СПб., 1767.— 1 ч.

Ч. 1: Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года.

Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись. Экземпляр издания, с внесенными Карамзиным (а до него — Г. Ф. Миллером) разночтениями с подлинной рукописью, хранился в библиотеке МАКИД. Исправления Карамзина, вероятно, сделаны с учетом правки в экземпляре, принадлежавшем А. И. Ермолаеву (см.: Арцыбашев Н. С. Повествование о России.— М., 1838.— Т. I.— Кн. 1.— С. VIII; Сборник князя [М. А.] Оболенского.— М., 1840.— № 11.— С. 1—18; Присейков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста.— М.; Л., 1950.— С. 8). См. также: I, № 32.

43. Киевский лексикон славенороссийский 1627 года = *Памва Берында (Павел, ум. 1632)*. Лексикон славенороссийский имен толкование. Киев: Тип. Печерской лавры, 1627.

44. Книга житий святых см. № 64, 80.

45. Кормчая книга.— Конкретное издание не поддается отождествлению.— Историкограф ссылался на одно из современных ему изданий («нашей») Кормчей. Переиздавалась в XVIII — начале XIX в. неоднократно.

46. Кутейнский лексикон 1653 года см. № 47.

47. Лексикон славенороссийский, напечатанный в типографии общежительного монастыря Кутейнского в 1653 году (Кутейнский лексикон 1653 года; Лексикон Кутейнский) = *Памва Берында (Павел, ум. 1632)*. Лексикон славенороссийский.— Кутешно: Тип. монастыря., 1653.

48. Лепехин. Путешествие = *Лепехин, Иван Иванович (1740—1802)*. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства...—СПб., 1771—1805.— 4 ч.

Ч. 4: Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году.

49. Летописец XII века в Российской библиотеке см. № 42.

50. Летописец Новгородский см. № 71.

51. Летописец Русский = Летописец русский от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича / Издал Н. Л[ьвов].—СПб., 1792.— 5 ч.

Львовская летопись. Экземпляр издания передан В. Н. Карамзиным в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4653), хранится в ОРК УОБ (№ 627).

52. Летописец Соловецкого монастыря = Летописец Соловецкого монастыря, в коем повествуется о начале построения его, о бывших в нем начальниках, о знаменитых пришествиях во оный блаженной памяти государя имп. Петра Великого, и о других многих происшествиях по 1760 год / Изданием г. Бороздина.— М., 1790.

Соловецкий летописец.

53. Летописи и летописцы новые см. № 5, 70.

54. Летопись Новгородская попа Иоанна (Летопись попа Иоанна) см. № 72.

55. Ломоносов. Российская история (Ломоносов) = *Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765)*. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года / Сочиненная Михайлом Ломоносовым...—СПб., 1766.

56. Мавр Урбин. Историография народа Славянского (Мавро-Урбин) = *Орбини, Мавро (ум. 1614)*. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их Царей и Владетелей под многими именами, и со многими Царствами, Королевствами, и провинциями / Собрана из многих книг Исторических, чрез господина Мавроурбина...: Переведена с италианского...—СПб., 1722.

57. Магницкий, Леонтий. Арифметика, напечатанная по приказанию государя Петра Великого в 1703 году = *Магницкий, Леонтий Филиппович (1669—1739)*. Арифметика, сиречь наука числительная: С разных диалектов на славенский язык переведенная, и во едино собрана, и на две книги разделена... / Сочинения сия книга чрез труды Леонтия Магницкого.— М., 1703.

58. Месяцеслов.— Конкретное издание не поддается отождествлению.

59. Миллер. Географический лексикон = *Полунин, Федор Афанасьевич*. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера... города, крепости... и прочие достопамятные места... / Из достопамятных известий собранный... Федором Полуниним; А с исправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием... Герарда Фредерика Миллера.— М., 1773.

60. Миллер. О народах в России обитавших (Описание древних народов и проч.; Описание народов, издревле обитавших в России) = *Миллер, Герард Фридрих (1705—1783)*. О народах, издревле в России обитавших / С немецкого на российский язык переведено

Иваном Долинским.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания. Книга Миллера выходила двумя изданиями (СПб., 1773; СПб., 1788).

61. Миллер. Путешествие к Троице = *Миллер, Герард Фридрих (1705—1783)*. Путешествие действительного советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву монастырю // Новые ежемесячные сочинения.— 1789.— Ч. 41.— Нояб.— С. 3—52.

62. Миллер. Речь о происхождении народа Российского (Речь о древности нашего отечества) = *Миллер, Герард Фридрих (1705—1783)*. Происхождение народа и имени российского / В высочайшее тезоименитство... государыни Елисаветы Петровны... в публичном собрании Академии наук сентября 6 дня 1749 года изъясненное... Герардом Фридрихом Миллером; [Пер. с лат. яз. К. Ф. Модераха и В. И. Лебедева] // Торжественное Академии наук... празднование публичным собранием сентября 6 дня 1749 года.— СПб., 1749. См. также III, № 204.

63. Минея печатная.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Историограф ссылается также на житие Константина (Кирилла) и Мефодия, входящее в состав Минеи. Переиздавалась неоднократно.

64. Минея Четья = *Дмитрий Ростовский (Туптало, Даниил Саввич, 1651—1709)*. Жития святых.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Историограф ссылается на житие киевского князя Владимира, входящее в состав Минеи Четий. Переиздавалось неоднократно.

65. Молитвенник, изданный в Венеции = Миссал.— Венеция: Тип. Франческо Биндони и Маффео Пасини, 1528. (Описание см. Круминг, № 12).

Карамзин имел в виду, скорее всего, именно это, наиболее раннее из известных к тому времени глаголических изданий Миссала.

66. Нестор дополненный, например, Софийский Новгородский см. № 104.

67. Нестор в Российской библиотеке см. № 42.

68. Нестор печатный см. № 42, 70.

69. Нестор по Кенигсбергскому списку, печатный см. № 42.

70. Никоновская летопись (Никоновский летописец; Никоновский печатный; В числе «новых» летописей) = Русская летопись по Никонову списку / Изданная под смотрением имп. Академии наук.— СПб., 1767—1792.— 8 ч.

Никоновская летопись по Академическому XV списку. Экземпляр издания передан в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую обществленную библиотеку (Хронол. кат. № 4658); находится в ОРК УОБ (№ 6754, 6756 — части 3, 4, 7, 8). Историограф использовал по этому изданию также «Хождение митрополита Пимена к Царюграду», входящее в состав Никоновской летописи.

71. Новгородская летопись (Древний Новгородский летописец; Летописец Новгородский; Новгородская летопись, напечатанная в Москве; Новгородский летописец, напечатанный в Москве) = Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 и кончающийся 6860/1352 годом.— [М]., 1781.

Новгородская первая летопись старшего извода. Была известна Карамзину и по пергаменному оригиналу (ГИМ, Синод. № 751), с которым он сравнил публикацию.

72. Новгородская летопись, папечатанная в Продолжении Древней Российской Вивлиофики (Летопись Новгородская попа Иоанна; Летопись попа Иоанна; Новгородский летописец в Продолжении Древней Российской Вивлиофики) = Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года // Продолжение Древней Российской Вивлиофики.— СПб., 1786.— Ч. 11.— С. 257—712.

Новгородская первая летопись младшего извода по Академическому списку (ОР БАН.17.8.36). В последующих томах «Истории» Карамзин отмечал «исправность» этой публикации, что можно рассматривать как свидетельство его знакомства с рукописью.

73. Новый Завет, изданный в Тибингене в 1653 году = Новый Завет.— Тибинген: Изд. Примус Трубер и Ганс Унгнад, 1562—1563.— 2 ч. (Описание см. Круминг, № 25, 28).

Ч. 1: Евангелие.

Ч. 2: Послания Апостолов. Апокалипсис / Пер. с хорват. яз. Антония Далматина и Стефана Истрианина.

Это издание было известно Карамзину по статье А. Фойта (С. 176—177) (см. III, № 378).

74. Озерецковский. Описание Ладожского озера = *Озерецковский, Николай Яковлевич (1750—1827)*. Описание Ладожского озера // Новые ежемесячные сочинения.— 1786.— Ч. 1.— Июль.— С. 14—60; Ч. 4.— Окт.— С. 84—105; 1788.— Ч. 29.— Ноябрь.— С. 3—40.

75. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому = *Озерецковский, Николай Яковлевич (1750—1827)*. Путешествие академика Озерецкого по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмени.— СПб., 1812.

76. Описание Харькова = *Переверзев, Иван Афанасьевич (ум. 1794)*. Топографическое описание Харьковского наместничества / С историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии из Татарской истории Баядур-хана-Абул-гадзи, Российской истории князя Щербатова, Начертания европейской истории Готфрида Ахенвалла и Политической истории Самуила Пуффендорфа.— М., 1788.

77. Орлай. Сочинение о карпато-россах = *Орлай, Иван Семенович (1771—1829)*. История о карпато-россах // Сев. вестник.— 1804.— Ч. 1.— № 2.— С. 158—172; № 3.— С. 261—276; № 8.— С. 267—293.

78. Острожское издание Библии = Библия.— Острог: Печ. Иван Федоров, 1580—1581.

79. Острожское печатное Евангелие = Псалтирь и Новый Завет.— Острог: Печ. Иван Федоров, 1580.

80. Патерик Киево-Печерский (Патерик, Патерик Киевский) = Патерик или Отечник, содержащий жития святых преподобных и богоносных отец наших, просиявших в пещерах / Составлен тремя печерскими святыми: Нестором летописцем Российским, Симоном епископом Владимирским и Суждальским и Поликарпом архимандритом Печерским.— Ссылки Карамзина в первом томе «Истории» не дают основания для отождествления издания. Историограф ссылается также на жития Исайи Чудотворца, св. Николая, Стефана игумена Печерского, входящие в состав Патерика. Переиздавался в XVIII — начале XIX в. неоднократно.

81. Платон. Церковная история (Церковная Российская история) = *Платон (Левшин, Петр Егорович, 1737—1812)*. Церковная Российская краткая история / Сочиненная Платоном, митрополитом Московским; с присовокуплением Трех слов Максима Грека о исправлении славянских церковных книг.— М., 1805.— 2 ч.

82. Подробная летопись, изданная Львовым = Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии / [Изд. Н. А. Львов].— СПб., 1798—1799.— 4 ч.

В подготовке издания «Подробной летописи», найденной Львовым в Спасо-Ефимиевом монастыре, принимал участие И. Н. Болтин (ч. I), считавший ее автором Феофана Прокоповича (1681—1736). Этой точки зрения придерживался и Карамзин. (См. также: Николаева М. В. Малоизвестная петровская «История» России и ее рукописные копии // Уч. зап. ЛГПИ.— 1967.— Т. 321.— Ист.-лит. сб.— С. 25—39). Экземпляр издания передан в 1867 г. В. Н. Карамзинным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4657), находится в ОРК УОБ (№ 632, ч. 3).

83. Пращица = *Питирим (епископ Нижегородский, ум. 1738)*. Пращица.— 3-е изд.— М., 1752.

84. Премудрость Иисуса Сираха.— Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова в составе Библии см. № 6.

85. Пролог.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Историограф ссылается также на жития Муромского благоверного князя Константина Святославича, княгини Ольги, входящие в состав печатного Пролога. Переиздавался в XVIII — начале XIX в. неоднократно.

86. Пророк Амос.— Книга пророка Амоса в составе Библии см. № 6.

87. Пророк Иезекииль.— Книга пророка Иезекииля в составе Библии см. № 6.

88. Псалтирь.— Конкретное издание не поддается отождествлению. Переиздавалась неоднократно.

89. Псалтирь, напечатанная... в 1491 году... в Кракове.— Неизвестна. Современные исследователи считают, что «Псалтирь с воследованием» Швайпольтом Фиолем не издавалась. Сведения о ней в научную литературу попали из «Пращицы» Питирима Нижегородского (см. № 83). Обзор литературы по этому вопросу см. Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания.— М., 1971.

90. Путешествие в Киев некоторых духовных особ.— Не разыскана.

91. Раич. История разных Славянских пародов. Изд. Венского (История Славянских пародов; Раич) = *Раич, Иван (1726—1801)*. История разных славянских народов нарпаче болгар, хорватов и сербов / Из тмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Иоанном Раичем...— Вена, 1794—1795.— 4 т.

Карамзин ссылается также на «Устав Стефана Сербского, сочиненный в 1249 году», т. е. «Законник» Стефана IV (Уроша) Душана, опубликованный в «Истории» Раича (Т. IV. С. 242—255). В собственном экземпляре «Истории» Карамзин исправил ошибочную дату «Устава» на 1349 г.

92. Родословная книга = Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1. Родословную книгу,

собранныю и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги; 2. Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в Розряд поданы...; 3. Роспись, в которой выезжие роды показаны...; 4. Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления...— М., 1787.— 2 ч.

Экземпляр, принадлежавший Н. М. Карамзину, хранится в ОРК УОБ (№ 1022—1023).

93. Российский словарь см. № 3.

94. Русская Правда нового издания (Русская Правда печатная; Ярославов Устав в новом издании; Ярославовы законы; Ярославовы законы в новом издании) = Правда руская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: С предложением древнего оных наречия и слога на употребительный ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших / Изданы любителями отечественной истории.— 2-е изд.— М., 1799.

Издание Правды Русской, «сводное» или «очищенное», подготовлено участниками кружка А. И. Мусина-Пушкина.

95. Русские исторические повести в Древней Российской Вивлиофике, т. XVI см. № 36.

96. Руссов. Волынские записки = *Руссов, Степан Васильевич (1770—1842)*. Волынские записки, сочиненные Степаном Руссовым в Житомире.— СПб., 1809.

97. Рычков. Журнал путешествия = *Рычков, Николай Петрович (1746—1784)*. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году.— СПб., 1770—1772.— 2 т.

98. Рычков. Казанская история = *Рычков, Петр Иванович (1712—1777)*. Опыт Казанской истории древних и средних времен / Сочинен Петром Рычковым...— СПб., 1767.

В 1-м издании «Истории» Карамзин ошибочно приписал это сочинение и «Журнал путешествия» (см. № 97) одному автору.

99. Синописис Киевский (Синописис) = *Иннокентий (Гизель, ок. 1600—1683)*. Синописис, или Краткое собрание от розных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии... великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира, и о наследниках благочестивые державы его Российские. Ссылки Карамзина не дают оснований для отождествления конкретного издания. Начиная с первого издания (Киев, 1674) Синописис неоднократно переиздавался (с некоторыми изменениями в заглавии).

100. Скорина. Библия см. № 8.

101. Славянская библия, изданная при царе Алексее Михайловиче = Библия, сиречь Книги Ветхого и Нового Завета, по языку словенску.— М.: Печ. двор, 1663.

102. Слово о полку Игореве, произведение XII века (Слово о полку Игореве Московского издания) = Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича: Писанная старинным русским языком в исходе XII столетия; с предложением на употребительное ныне наречие.— М., 1800.

Первое издание «Слово о полку Игореве». Возможно, Карамзину принадлежал один из экземпляров этого издания, храня-

щийся в ОРК УОБ (Описание экземпляра см. Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». — М.; Л., 1960. — С. 46). Имеется свидетельство о том, что историограф сравнил первое издание поэмы с рукописью, хранившейся в коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина и утраченной в огне московского пожара 1812 г., и установил, что за небольшим исключением текст памятника был точно воспроизведен в первом издании (см. Полевой Н. А. Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // Сын Отечества. — 1839. — Т. 8. — С. 14). В последующих томах «Истории» Карамзин привел тексты других произведений, входивших в состав сборника со «Словом о полку Игореве».

9. 103. Соборное послание св. апостола Петра. — Первое соборное послание св. апостола Петра в составе Библии (Нового Завета) см. № 6.

104. Софийская летопись (Нестор дополненный, например, Софийский Новгородский) = Российская летопись по списку Софийскому Великого Новгорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. — СПб., 1795. — 1 ч.

Софийская первая летопись.

105. Сравнительные словари всех языков, напечатанные в С.-Петербурге 1787 года (Сравнительные словари) = Сравнительные словари всех языков и наречий / Собранные десницею высочайшей особы. — СПб., 1787—1789. — 2 ч.

106. Степенная книга, печатная = Книга степенная царского родословия: Содержащая историю российскую с начала оные до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича / Сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария; Напечатанная под смотрением... Герарда Фредерика Миллера. — М., 1775. — 2 ч.

107. Струбе. Слово о начале и переменах законов российских = *Штрубе де Пирмонт, Фридрих Генрих (1704—1790)*. Слово о начале и переменах российских законов / В торжественное празднество тезоименитства... имп. Елисаветы Петровны... в публичном собрании Санктпетербургской имп. Академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году; И переведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. — СПб., [1756].

108. Татищев. История (Татищев) = *Татищев, Василий Никитич (1686—1750)*. История российская с самых древнейших времен / Неусыпанными трудами через тридцать лет собранная и описанная... Васильем Никитичем Татищевым. — [М.], 1768—1784. — 4 кн.

109. III Моисеева книга. — Третья книга Моисеева Левит в составе первых книг (Пятикнижие) Библии см. № 6.

110. Триодион. — Триодъ постная. Конкретное издание не поддается отождествлению. Переиздавалась неоднократно.

111. Уложение = Уложение, по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится: Сочиненное и напечатанное при владении е. в. государя царя и великого князя Алексея Михайловича, в лето от сотворения мира 7156. Конкретное издание не поддается отождествлению. Уложение 1648 г. переиздавалось неоднократно.

112. Устав Владимиров, напечатанный в Древней Вивлиофике (Владимиров Устав, внямый; Устав Владимира, подложный; Устав

св. Владимира) = Устав по греческим номоканонам святого, великого и равноапостольного самодержца Руские земли, великого князя Владимира Киевского и всея Руссии, крестившего всю Рускую землю: о церковных судех, и о десятинах, и о церковных людех // Древняя Российская Вовлиофика.— 2-е изд.— М., 1788.— Ч. VI.— С. 1—9. См. также I, № 36.

113. Устав ратных дел, писанных в царствование Василия Иоанновича Шуйского = *Радишевский, Онисим Михайлович*. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях... / Выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым: Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве; Издана под смотрением... [В. Г.] Рубана.— СПб., 1777—1781.— 2 ч.

Экземпляр издания передап в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4662), хранится в ОРК УОБ (№ 1098—1-я часть).

114. Устав Стефана Сербского, сочиненный в 1249 году см. № 91.

115. Фишер. О гиперборейях = *Фишер, Иоганн Эбергард (1697—1771)*. Рассуждение о гиперборейцах, или народе, за Севером находящемся // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах.— 1775.— Февр.— С. 123—138.

116. Фишер. Сибирская история (Фишер) = *Фишер, Иоганн Эбергард (1697—1771)*. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания земли российским оружием / Сочиненная... Эбергардом Фишером.— СПб., 1774.

117. Хождение митрополита Пимена к Царюграду, писанное в пеходе XIV века см. № 70.

118. Часословец 1491 года из библиотеки графа Ф. А. Толстова = Часослов.— Краков: Тип. Швайпольта Фиоля, 1491.

119. Шлецер. Краткая Российская История = *Шлецер, Август Людвиг (1735—1809)*. Краткое изображение Российской истории / Сочинение г. Шлецера...: Пер. с фр.— М., 1805.

120. Штриттер. Российская история = *Стриттер, Иоганн Готлиб (1740—1801)*. История Российского государства / Сочиненная... Иваном Стриттером.— СПб., 1800—1802.— 3 ч.

121. Щербатов = *Щербатов, Михаил Михайлович (1733—1790)*. История российская от древнейших времен / Сочинена князь Михайлом Щербатовым.— СПб., 1770—1791.— 7 т.

122. Ядро Российской истории = *Манкиев, Алексей Ильич (ум. 1723)*. Ядро Российской истории / Сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества и, для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих; в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых.— 4-е изд.— М., 1799.

Карамзин знал об ошибочном определении авторства «Ядра Российской истории» первым публикатором Г. Ф. Миллером, приписавшим ее создание А. Я. Хилкову. Экземпляр издания передап В. Н. Карамзиным в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4659), хранится в ОРК УОБ (№ 834).

123. Ярослав Устав в новом издании см. № 94.

Раздел III

ИЗДАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫЕ

1. Абульгази. *Histoire des Tatars = Abu'l-Ghāzī Bāhādur Khān (1603—1663)*. *Histoire généalogique des Tatars / Traduite du manuscrit tartare d'Abul-Gasi-Bayadur-Chan...* — Leiden: Kallewier, 1726.

Русский перевод осуществлен В. К. Тредиаковским в 1768 г.

2. Абульфарегий (Абульфарадж, Бар-Еврей). *Chronicon Syriacum = Ibn al-'Ibrī, Grīghor Abū l-Faradj (1226—1286)*. *Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum / ...Maximam partem vertit notisque illustravit P. J. Bruns...; Edidit... G. W. Kirsch...* — Leipzig: Boehme, 1788—1789. — 2 t.

3. Абульфеда в Бишинг. *Historisch. Magaz. = Abu l-Fidā, Ismā'il (1273—1331)*. *Abilfedae Opus geographicum / Ex Arabico Latinum fecit J. J. Reiske // Magazin für die neue Historie und Geographie / Angelegt von D. A. F. Büsching...* — Hamburg, 1770. — Th. 4. — S. 121—298; 1771. — Th. 5. — S. 301—366.

4. Абульфеда. *Annal. Moslem. = Abu l-Fidā, Ismā'il (1273—1331)*. *Abilfedae... Annales Moslemic / Latinos ex Arabicis fecit J. J. Reiske...* — Leipzig: Gleditsch, 1754.

5. Авиеп = *Avienus, Rufus Festus (IV s.)*. — Упоминается в сочинении Шпренгеля (см. № 320).

6. Адам Бременский. *De situ Daniae* см. № 7.

7. Адам Бременский (Adam). *Hist. eccles. = Adamus Bremensis (XI s.)*. *M. Adami Historia ecclesiastica...; Ejusdem auctoris Libellus de situ Daniae et reliquarum quae trans Daniam sunt regionum natura; deque gentium istarum... // Lindenbrog E. ...Scriptores rerum Germanicarum septentrionalium...* — Hamburg, 1706. — P. 1—68.

Экземпляр НБ МГУ (и: 247281) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...». Сочинение Адама Бременского «De situ Daniae» находится на с. 55—66; ссылку Карамзина на с. 143 (примеч. 190), вероятно, следует считать ошибочной.

8. Агафия = *Agathias (X. s.)*. — См. № 323.

9. Аделунг. *S. F. v. Herberstein = Adelong, Friedrich von (1768—1843)*. *Siegmund Freiherr von Herberstein: Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland.* — СПб.: Gretsche, 1818.

10. Альмакин (Эльмакин). *Historia Saracenicā = al-Makīn al-'Amīd, Djirdjis (1205—1273)*. *Historia Saracenicā, qua res gestae Muslimorum inde a Muhammede ... usque ad initium Imperii Atabacaei... explicantur... / Arabice olim exarata a Georgio Elmacino...; Et latine reddita opera ac studio Th. Erpenii...* — Leiden: Erpenius, 1625.

11. Аммиан Марцеллин = *Ammianus Marcellinus (ca 330 — ca 400)*. — Имеется в виду его «История» («Res gestae»), переиздававшаяся неоднократно.

12. Анастасий = *Anastasius Bibliothecarius (ca 800—879)*. — См. № 323.

13. д'Анвиль. *Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace = Anville, Jean Baptiste Bourguignon d' (1697—1782)*. *Mémoires sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace de Trajan... // Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions...* — Paris, 1764. — T. 30. — P. 237—261.

13 а. д'Анвиль. Mémoire sur les peuples de la Dace [в] Mém. de l'Acad. des inscript. Т. LII.— Продолжающееся издание «Histoire et mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres» было начато в Париже в 1717 г., затем параллельно выходило в Амстердаме и Гааге до середины XIX в. Судя по ссылкам, Карамзин пользовался отдельными томами из разных изданий. Данную ссылку Карамзина отождествить не удалось.

14. Андрей Колодинский см. № 263.

15. Анна Комнина = *Anna Comnena* (1083—1148).— См. № 323.

16. Антон. Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. (Versuch über der alten Slaven Ursprung) = *Anton, Karl Gottlob von* (1751—1818). Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse... — Leipzig, 1783—1789.— 2 Th.

17. Антон. Geschichte der Germanen = *Anton, Karl Gottlob von* (1751—1818). Geschichte der Teutschen Nation... — Leipzig, 1793.

Th. 1: Geschichte der Germanen.

Вышла только ч. 1.

18. Антон. Versuch über der alten Slaven Ursprung см. № 16.

19. Аполлоний Родосский = *Apollonius Rhodius* (ca 290—215).— Имеется в виду его сочинение «Argonautica», переиздававшееся неоднократно.

20. Арриан = *Arrianus, Flavius* (inter 95—215).— Имеется в виду его сочинение «Анабасис Александра»; под разными заглавиями переиздавалось неоднократно.

21. Ассемани. *Kalendaria ecclesiae universae* = *Assemani, Giuseppe Simonio* (1687—1766). *Kalendaria ecclesiae universae: In quibus... sanctorum nomina, imagines, et festi per annum dies ecclesiarum Orientis et Occidentis... describuntur...* — Roma: Amidei, 1750—1755.— 6 vol.

Vol. 1—6: *Kalendaria ecclesiae Slavicae...*

Издание послужило для Карамзина источником сведений о ряде исторических памятников: Продолжатель хроники Регинона (примеч. 381, 395), Vita s. Columbanii (примеч. 237, 285, 395), глаголическая Псалтирь 1222 г. (примеч. 267; см. также I, № 54), а также, вероятно, Ephemerid. Graeco-Moscis (примеч. 267).

22. Баер. Азовская история = *Bayer, Gottlieb Siegfried* (1694—1738). *Alte Azowische und Crimische Begebenheiten // Sammlung Russischer Geschichte...* — СПб., 1736.— Bd. 2.— S. 36—80.

Русский перевод осуществлен в 1738 г. И. К. Таубертом.

23. Баер в Коммент. Академии т. X, с. 379, 408, 410 см. № 32.

24. Баер. ...О гипербореях = *Bayer, Gottlieb Siegfried* (1694—1738). *De Hyperboreis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae...* — СПб., 1750.— Т. 11.— P. 330—348.

25. Баер [в] Шлецер. *Nordische Gesch.* с. 495, 501, 505 = *Bayer, Gottlieb Siegfried* (1694—1738). *Nähere Beschreibung des Russischen Nordens im 10ten Säculo, / Aus Bayern. // Schlözer A. L. von. Allgemeine Nordische Geschichte...* — Halle, 1771.— S. 491—540.

26. Баер. *Conjectura de nomine Balthici maris* = *Bayer, Gottlieb Siegfried* (1694—1738). *Conjectura de nomine Balthici maris // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae...* — СПб., 1738.— Т. 5.— P. 359—360.

27. Баер. De muro Caucaseo... = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. De muro Caucaseo / Auctore T. S. Bayero // [Ibid.].— 1728.— Т. 1.— Р. 425—463: 1 f. pl.

В основе статьи лежат сведения, собранные Д. К. Кантемиром во время Персидского похода 1722—1723 гг.; в сокращенном русском переводе напечатана в «Кратком описании Комментариев Академии наук» за 1728 г. Помещена также в № 33.

28. Баер. De numo Rhodio в Opuscul. ad historiam antiquam см. № 33.

29. Баер. De Russorum prima expeditione Constantinopolitana = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. De Russorum prima expeditione Constantinopolitana / T. S. B. // [Ibid.] — 1738.— Т. 6.— Р. 365—391.

30. Баер. De Varagis... = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. De Varagis / T. S. B. // [Ibid.] — 1735.— Т. 4.— Р. 275—311.

Сочинение Т. З. Байера, положившее начало дискуссии по так называемому норманнскому вопросу. Русский перевод К. Кондратовича напечатан в 1767 г. Помещено также в № 33.

31. Баер. Geographia Russ. ex Const. Porph. = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a. C. 948 / Ex Constantino Porphyrogenneta; Auctore T. S. B. // [Ibid.] — 1744.— Т. 9.— Р. 367—422.

Русский перевод К. Кондратовича напечатан в 1767 г.

32. Баер. Geograph. Russiae ex script. septentr. = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a. C. 948 / Ex scriptoribus septentrionalibus; Auctore T. S. B. // [Ibid.] — 1747.— Т. 10.— Р. 371—419.

Русский перевод К. Кондратовича напечатан в 1767 г.

33. Баер. Opuscula... = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. Opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia / Edidit Ch. A. Klotz...— Halle: Curt, 1770.

Карамзин имеет в виду статьи «De numo Rhodio», «De Cimmericis», «De origine et priscis sedibus Scytharum», «Memoriae Scythicae ad Alexandrum Magnum», «De muro Caucaseo», «De Varagis».

34. Баер. Origines Russicae = *Bayer, Gottlieb Siegfried (1694—1738)*. Origines Russicae / Auctore T. S. Bayer // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae.— СПб., 1741.— Т. 8.— Р. 388—436.

35. Бакуй = 'Abd ar-Rashīd ibn Šālik ibn Nūrī al-Bākuvī (XV s.).— Упоминается в сочинении Шпренгеля (см. № 320). Замечание Карамзина: «Бакуй (доныне еще не изданный)» неверно. Сочинение аль-Бакуви в несколько сокращенном французском переводе было опубликовано Дегинем в Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roy.— Paris, 1789.— Т. 2.— Р. 386—545.

36. Бангер (Бангерт) = *Bangert, Heinrich (1610—1665)*.— Имеется в виду его комментарий к «Хронике» Гельмольда (см. № 81).

37. Бандури, Ансельм. Animadversiones in libr. Const. De adm. Imp. см. № 38.

38. Бандури, Ансельм. Imperium Orientale = *Banduri, Anselmo (1675—1743)*. Imperium Orientale sive Antiquitates Constantinopolitanae: ...Ex variis scriptorum Graecorum operibus... adornatae...— Paris: Coignard, 1711.— 2 t.

В 1-м томе помещены в переводе Бандури сочинения византийских авторов, в том числе Константина Багрянородного (см. № 161). 2-й том содержит подробные комментарии Бандури: «Ani-madversiones in Constantini Porphyrogeniti Libros de thematibus & de administrando Imperio», где опубликован фрагмент «одной греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке», перевод которой дает Карамзин (примеч. 447). Имеется в виду греческая рукопись XVI в. Парижской национальной библиотеки (старый шифр: Colbert. 4432; описание см. Omont. Gr. 3025). Кроме того, в издании имеется иллюстративный материал, также послуживший источником для Карамзина: карта географа Делиля и его комментарий к ней (см. № 105 и № 106) и 7 листов планов г. Константинополя в начале 1-го тома (без заглавия), которые имеет в виду Карамзин в примеч. 308.

39. Бароний. *Annales eccles. = Baronio, Cesare (1538—1607). Annales ecclesiastici / Auctore C. Baronio...— Roma: Typographia Vaticana [et al.], 1588—1607.— 12 vol.*

40. Бекман. *Histor. Beschreibung der Mark Brandenburg = Westmann, Johann Christoph (1641—1717). Historische Beschreibung der Chur und Mark Brandenburg nach ihrem Ursprung, Einwohnern, natürlichen Beschaffenheit... etc. ... / Ergänzt, fortgesetzt... von B. L. Bekmann.— Berlin: Voss, 1751—1753.— 2 Th.*

41. Бержерон. *Voyages en Asie = Bergeron, Pierre (— 1637). Voyages faits principalement en Asie, dans les XII, XIII, XIV et XV siècles, par Benj. de Tudèle, Jean de Plan Carpin, N. Ascelin, Guill. de Rubruquis, Marc Paul, Haiton, Jean de Mandeville et Ambroise Con-tarini / Accomp. de l'Histoire des Sarrasins et des Tartares par P. Bergeron...— La Haye: Neaulme, 1735.— 2 vol.*

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 34).

42. Бертинские летописи, изданные Дюшеном = *Annales regum Francorum, a tempore quo... Carlomannus et Pippinus adepti sunt, usque ad annum Christi 982: E codice... monasterii sancti Bertini...// Duchesne A. Historiae Francorum scriptores...— Paris, 1641.— Т. 3.— P. 150—161.*

43. Битнер. *Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk. = Büttner, Christian Wilhelm (1716—1801). Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völker, in denen vergangenen und gegenwärtigen Zeiten: Erstes Stück / Ausgefertiget von C. W. Büttner...— Göttingen; Gotha: Dieterich, 1771.*

44. Бишинг. *Erdbeschreibung = Büsching, Anton Friedrich (1724—1793)... Erdbeschreibung.— Hamburg: Bohn, 1787—1816.— 13 Th.*

По описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем, числится только ч. 2 (№ 109).

45. Бишинг. *Hist. Mag., V, c. 533 = Büsching, Anton Friedrich (1724—1793). Einige historische Anmerkungen von der verwüesteten Stadt Madschar // Magazin für die neue Historie und Geographie / Angelegt von D. A. F. Büsching...— Hamburg, 1770.— Th. 5.— S. 533—536.*

46. Богуфал = *Boguphal (— 1253).*— Один из предполагаемых авторов так называемой «Великопольской хроники» («*Chronica magna Polonorum et Lechitorum*»). Ссылки на этот источник взяты Карамзиным из сочинения Нарушевича (см. № 211).

47. Боплан. Description de l'Ukraine... (Rouen, 1660) = *Beauplan, Guillaume Levasseur de* (—1670). Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne: Contenuës depuis les confins de la Moscovie, iusque aux limites de la Transilvanie...— Rouen: Cailloüé, 1660.

Первый переводчик на русский язык Ф. И. (1832 г.) сообщает о большой редкости изданий Боплана, которых «нет даже в Румянцевском музее»; издание 1660 г. он получил от А. Н. Оленина, чьей библиотекой пользовался, как известно, и Карамзин.

48. Бринг = *Lagerbring, Sven* (1707—1787). Swea rikets historia ifrån de äldsta tider til de närwarande.— Stockholm: Stolpe, 1769—1783.— 4 dl.

49. Бюат. Histoires des peuples = *Dubuat-Nançay, Louis Gabriel* (1732—1787). Histoire ancienne des peuples de l'Europe.— Paris: Desaint, 1772.— 12 vol.

В примеч. 44 указан ошибочно т. II — «географический отрывок 550 г.» помещен в т. XI этого издания (с. 145—149). Местом хранения рукописи, содержащей этот фрагмент, на с. 144 названа Bibliothéque électorale de Bavier.

50. Верелий, Олав (или Олоф) = *Verelius, Olaus* (1618—1682).— Сочинение, которое имеет в виду Карамзин, установить не удалось.

51. Видекинд = *Widekindi, Johan* (1618—1678). Historia belli Sveco-Moscoviticæ decennalis.— Stockholm, 1671.

Упоминается в сочинении Шлецера (см. № 307) на с. 184 ч. 2, а не ч. 1, как ошибочно указано в примеч. 108.

52. Виссоватий см. № 263.

53. Витсен. Noord en Oost Tartarye = *Witsen, Nicolaas Corneliszoon* (1641—1717). Noord en oost-Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier Landen en Volken... / Beschreven... door N. Witsen...

Сочинение переиздавалось неоднократно. Кроме того, в журнале Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 1, Stück 5 (см. № 205) помещен пересказ сюжета о деревне Кубени (Кубачи) из этого сочинения.

54. Воиѳатий, св. Письмо к королю английскому = *Bonifacius, Winifridus* (680—755). Epistola XIX ad regem Anglorum...

Сведения об этом источнике содержатся в сочинениях Антона (см. № 16) и Добровского (см. № 121).

55. Вук Стефанович. Сербский словарь = *Karadžić, Vuk Stefanovič* (1787—1864). Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма... = Serbisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch...— Wien: Armenier, 1818.

56. Вульфстан см. № 289.

57. Гегек (Гареций) = *Hajek, Václav* (—1553). Wenceslai Hages... Annales Bohemorum / E Bohemica editione latine redditi, et notis illustrati a Victorino a S. Cruce; Nunc plurimis animadversionibus ... nec non diplomatibus ... varii generis antiquis aere incisus monumentis aucti a Gelasio a S. Catharina [Dobnero].— Praha: Kirchner, 1761—1782.— 6 t.

58. Газе = *Hase, Karl Benedict* (1780—1864).— См. № 174.

59. Ганкенштейн. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc. = *Hanke von Hankenstein, Johann Aloys* (—1806). Recension der ältesten Urkunde der Slavischen Kirchengeschichte, Litteratur und Sprache, eines Pergament. Codex aus

dem VIII. Jahrhunderte / Von J. A. Hanke von Hankenstein.—Budapest, 1804.

Речь идет о кириллическом пергаменном Октоихе с дополнением XII—XIII вв. из Венской национальной библиотеки под шифром: Cod. Slav. 37 (описание см. Bikkfellner, II/141). Датировка Ханке была опровергнута в начале XIX в. И. Добровским.

60. Гарткнох. Alt und neu. Preuss. = *Hartknoch, Christoph (1644—1687)*. Alt und neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile... / ...Zusammen getragen durch M. Ch. Hartknoch...—Frankfurt a. M.; Leipzig: Hallervorden: Andreae, 1684.

Экземпляр НБ МГУ (и: 78464) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

61. Гарткнох. Antiqu. Pruss. dissert. XIII = *Hartknoch, Christoph (1644—1687)*. Dissertationes XIX. antiquitates Prussicas complexae... // Dusbürg P. von. ...Chronicon Prussiae...—Frankfurt a. M. [etc.], 1679.—456, [45] p.

Карамзин имеет в виду диссертацию «De funeribus veterum Prussorum...».

62. Гаттерер. Allgem. Weltgeschichte = Allgemeine Welthistorie / Die in England durch eine Gesellschaft von Gelehrten ausgefertigt...; Mit... Anmerkungen vermehrt und einer Vorrede herausgegeben von S. J. Baumgarten...—Halle: Gebauer, 1746—1803.—66 Th.

Th. 32—35: Fortsetzung des Allgemeines Weltgeschichte... / [Hrsg.] mit eine Vorrede von J. Ch. Gatterer.

«Всеобщая история» неоднократно переиздавалась под разными вариантами заглавия (см. также № 337) с изменением состава участников. Отождествлено по указанию Карамзина (примеч. 116) на участие в издании Гаттерера.

63. Гаттерер. Commentationes Societatis scientiarum Göttingensis, T. XI = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. An Russorum, Polonorum ceterorumque populorum Slavicorum originem a Getis sive Dacis liceat repetere? / J. Ch. Gattereri disquisitio // Commentationes Societatis regiae scientiarum Göttingensis ad a. 1791 et 92.—1793.—Vol. 11.—P. 167—215.

64. Гаттерер. Commentationes Societatis scientiarum Göttingensis, T. XII. = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. An Prussorum, Lituorum ceterorumque populorum Letticorum originem a Sarmatis liceat repetere? / J. Ch. Gattereri disquisitio: Commentatio prima [-tertia]. // Commentationes Societatis regiae scientiarum Göttingensis ad a. 1793 et 94.—1796.—Vol. 12.—P. 116—272.

65. Гаттерер. Commentationes Societatis scientiarum Göttingensis, T. XIII = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. An Prussorum, Lituorum ceterorumque populorum Letticorum originem a Sarmatis liceat repetere? / J. Ch. Gattereri disquisitio: Commentatio quarta // Commentationes Societatis regiae scientiarum Göttingensis ad a. 1795—98.—1799.—Vol. 13.—P. 79—137.

66. Гаттерер. Commentationes Societatis scientiarum Göttingensis, T. XIV = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. De Hunnis / J. Ch. Gattereri commentatio historica prima... // Commentationes Societatis regiae scientiarum Göttingensis ad a. 1798—99.—1800.—Vol. 14.—P. 3—44.

67. Гаттерер. Einleitung in die Synchr. Universalhistorie (Universalhist.) = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. Einleitung

in die synchronistische Universalhistorie, zur Erläuterung seiner Tabellen.— Göttingen: Vandenhoeck, 1771.— 2 Th.

68. Гаттерер. Universalhist. см. № 67.

69. Гаттерер. Weltgeschichte = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799)*. Weltgeschichte in ihren ganzen Ungange.— Göttingen: Vandenhoeck, 1785—1787.— 2 Th.

70. Гваньини [в] *Rer. Moscov. auctores varii = Guagnini, Alessandro (1538—1614)*. Omnium regionum Moschoviae monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium... descriptio... // *Rerum Moscoviticarum auctores varii*...— Frankfurt a. M., 1600.— P. 154—209.

71. Гебгарди. Geschichte der Slaven см. № 74.

72. Гебгарди. Gesch. der Wenden см. № 74.

73. Гебгарди. Gesch. der Wend. u. d. Slav. см. № 74.

74. Гебгарди. Geschichte des Wendisch-Slavischen Staaten = *Gebhardi, Ludwig Albrecht (1735—1802)*. Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staaten / Von L. A. Gebhardi ... — Halle: Gebauer, 1790—1797.— 4 Bd.

Bd. 1, B. 2, Hauptstück 2: Geschichte der Wenden und Slaven; Hauptstück 3: Geschichte des Reichs der Wenden.

Bd. 2, B. 3: Geschichte des Reichs Rügen.

Bd. 4, B. 7: Geschichte des Reichs Mähren.

Экземпляры НБ МГУ (и: 53889—53892) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

75. Гебгарди. Gesch. des Reichs Hungarn = *Gebhardi, Ludwig Albrecht (1735—1802)*. Geschichte des Reichs Ungarn ... — Budapest, 1802.

76. Гебгарди. Gesch. des Reichs Rügen см. № 74.

77. Гебгарди. Gesch. des Staats Mähren см. № 74.

78. Гейне = *Heyne, Christian Gottlob (1729—1812)*.— Сочинение, которое имеет в виду Карамзин, установить не удалось.

79. Гекатей Милетский = *Hecataeus Milesius (ca 546—480)* — автор сочинения «Землеописание», переиздававшегося неоднократно под разными заглавиями.

80. Гелазий см. № 57, 119.

81. Гельмольд. Chron. Slavorum = *Helmoldus (XII s.)*. Chronica Slavorum Helmoldi... et Arnoldi...: In quibus res Slavicae et Saxonicae fere a tempore Caroli Magni usque ad Ottonem IV ... exponuntur / Н. Bangertus e mss. codicibus recensuit, et notis illustravit.— Lübeck: Wessel: Hinderling, 1659.

82. Генеалогия королей венгерских, Regum Hungariae ex optimis scriptoribus explicat. genealog. в Камерар. de rebus Turc., Hung. et Moscovit.— Издание Камерария под таким заглавием установить не удалось. В то же время, зная, что Карамзин широко использовал исторические материалы из сборника Швадтнера (см. № 181, 187, 276), правомерно предположить его знакомство с этим источником по изданию: *Pistorius, Johann (1546—1608)*. Joannis Pistorii... Genealogia regum Hungariae: Ex optimis.. scriptoribus explicata / Nunc vero emendata, et ad hodiernum usque diem continuata a J. G. Schwandtnero... // Schwandtner J. G. von. Scriptores regum Hungaricarum... — Wien, 1746.— Т. 1.— P. 757—777: tab.

83. Географ Равенский, изданный в 1688 году монахом Першоном = *Ravennas Anonymus*. Anonymi Ravennatis De geographia libri V / Ex ms. codice Bibliothecae regiae eruit et notis illustravit d. Placidus Porcheron.— Paris: Langronne, 1688.

84. Географический отрывок 550 г., хранимый в библиотеке Миланской и напечатанный в *Histoires des peuples* графа Бюата... см. № 49.

85. Георгий Монах = *Georgius Amartolus* (IX s.).— См. № 323.

86. Георгиш, Петр. *Corpus juris Germanici antiqui* = *Georgisch, Peter* (1699—1746). *Corpus juris Germanici antiqui: Quo continentur leges Francorum Salicae et Ripuariorum Alemannorum...* [etc.] / *Consilio J. G. Heineccii...* — Magdeburg: Orphanotropheum, 1738.

87. Гербер = *Gärber, Johann Gustav* (—1734). *Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Landschaften, und von derselben Zustande in dem Jahre 1728 / Von... J. G. Gärber // Sammlung Russischer Geschichte / [Hrsg. von G. F. Müller].— СПб., 1760.— Bd. 4, Stück 1.— S. 1—147.*

Русский перевод с предисловием и примечаниями Г. Ф. Миллера опубликован в «Сочинениях к пользе и увеселению служащих» (СПб., 1760, № 7—10).

88. Герберштейн. *Rerum Moscovit. commentarii* = *Herberstein, Siegmund von* (1486—1556). *Rerum Moscoviticarum commentarii / Sigismundo ... Herberstein ... autore // Rerum Moscoviticarum auctores varii...*— Frankfurt a. M., 1600.— P. 1—117: 3 f. chart.

По описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем, числится издание этого сочинения 1557 г. на немецком языке (№ 20).

89. Гервасий = *Gervasius Tilburiensis* (—ca 1235). *Gervasii Tilberiensis Otia imperialia ad Ottonem IV. imperatorem ex msstis // Leibniz G. W. von. Scriptorum rerum Brunsvicensium ...— Hannover, 1707.— T. 1.— P. 881—1004.*

90. Герен. *Ideen über den Verkehr der alten Welt* = *Heeren, Arnold Hermann Ludwig* (1760—1872). *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt...*— Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1793—1815.— 5 Bd.

В 1793—1815 гг. неоднократно переиздавались отдельные тома.

91. Геркен. *Versuch in der ältesten Gesch. der Slav. in Deutschland* = *Gerken, Philipp Wilhelm* (1722—1791). *Versuch in der ältesten Geschichte der Slaven, besonders in Deutschland.*— Leipzig: Heinsius, 1771.

92. Геснер. *De Phoenicum navigationibus extra columnis Herculis* = *Gesner, Johann Matthias* (1691—1761). *De Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis // Pseudo-Orpheus. Orphei Quae exstant: Argonautica, Hymni, Libellus de lapidibus, et Fragmenta / Cum notis H. Stephani et A. C. Eschenbachii; Textum recensuit, notas suas ... adjecit J. M. Gesnerus...* — Leipzig. 1764.— P. 417—484.

93. Гиармати. *Affinitas linguae Hung. cum linguis Fennicae originis* = *Gyarmathi, Samuel* (1751—1830). *Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata: Nec non vocabularia dialectorum Tartaricarum et Slavicarum cum Hungarica comparata.*— Göttingen: Dieterich, 1799.

94. Гиббон. *History of the decl. and fall of Rom. Emp. (Decline and fall of the Roman Empire)*, Базельск. издания = *Gibbon, Edward* (1737—1794). *The history of the decline and fall of the Roman Empire...*— Basel: Tourneisen, 1787—1789.— 13 vol.

В примеч. 44 ссылка на т. V ошибочна: глава XLII помещена в т. VII.

95. Гильденштедт. *Reisen durch Russland = Gùldenstädt, Johann Anton (1745—1781). Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebùrge... / Hrsg. von P. S. Pallas... — СПб.: Akad. der Wissenschaften, 1787—1791. — 2 Th.*

96. Глика = *Glycos, Michaelis* (—ca 1204). — См. № 323.

97. Гомер. Одиссея (Илиада, ... Поэмы) = *Homerus*. — Ссылки Карамзина на поэмы Гомера не имеют в виду конкретного издания.

98. Григорий Турский = *Gregorius Turonensis* (ca 540 — ca 594). — Имеется в виду его сочинение «*Historia Francorum*», переиздававшееся неоднократно под разными заглавиями.

99. Грубер. *Liefländ. Chronik = Arndt, Johann Gottfried (1713—1767). Der liefländischen Chronik erster [-ander] theil. — Magdeburg: Gebauer, 1747—1753. — 2 Th.*

Th. 1: *Henricus Lettus. Von Liefland unter seinen ersten Bischofen, Oder Die Origines Livoniae sacrae et civilis / Wie solche... J. D. Gruber... lateinische herausgegeben...; Nunmehr... ins Deutsche übersetzt von J. G. Arndt.*

Th. 2: *Von Liefland unter seinen Herren meistern, welche die Alte Geschichte des Ordens und der Benachbarten Völker erleutert.*

Древнейшая хроника Ливонии, так называемая «Хроника Генриха Латыша», впервые издана в 1740 г. на латинском языке Грубером (*Gruber, Johann Daniel, 1686—1748*), по рукописи XVI в. Арндт издал перевод «Хроники» на немецкий язык, снабдив его некоторыми вариантами к тексту Грубера по двум другим рукописям. Кроме того, в этом издании (ч. 2) впервые содержится в извлечении «Хроника Ливонии» Ниенштедта (*Nyenstede, Franz, 1540—1622*).

100. Гупель. *Estische Grammatik = Hupel, August Wilhelm (1737—1819). Ehstnische Sprachlehre für beide Haupt dialekte den revalschen und den dörptschen: Nebst einem vollständigen Wörterbuch ... — Riga. Hartknoch, 1780.*

101. Давид, Лука. *Preussische Chronik (Хроника) = David, Lucas (ca 1503—1583). Preussische Chronick / Nach der Handschrift des Verfassers ... ans Licht gebracht durch... W. F. ... von Ungern-Sternberg ...; Herausgegeben von d. E. Hennig ... — Königsberg: Haberland, 1812—1817. — 8 t.*

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4666).

102. Далин. *Gesch. des Schwedisch. Reichs = Dalin, Olof van (1708—1763). Geschichte des Reichs Schweden / Aus dem Schwedischen übersetzt durch J. Benzelstierna und J. R. Dähnert ... — Greifswald: Struck, 1756—1763. — 4 Th.*

103. Дегин. *Histoire générale des Huns = Guignes, Joseph de (1721—1800). Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux ...: Ouvrage tiré des livres chinois, et des manuscrits orientaux de la Bibliotheque du roi ... — Paris: Desaint et Saillant, 1756—1758. — 4 vol.*

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4677).

104. Дегин [в] Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi см. № 196.

105. Делиль. Географическая карта = *Delisle, Guillaume de (1675—1726). Imperii Orientalis et circumjacentium regionum sub Constantino Porphyrogenito et ejus praedecessoribus descriptio ... // Banduri A. Imperium Orientale.*— Paris, 1711.— Т. 1.— [1] f.

Под таким заглавием в издании Бандури между с. 32 и 33 помещена «Делиллиева географическая карта», на которую ссылается Карамзин (примеч. 90).

106. Делиль. Adnotationes in tab. geograph. ex Const. Porph. (... В начале Бандури...) = *Delisle, Guillaume de (1675—1726). Guiljelmi De l'Isle ... Adnotationes in Tabulas geographicas ex Constantino Porphyrogenito ab eodem adornatas // [Ibid.]*— Т. 2.— [3] p.

107. Диодор Сицилийский (Диодор) = *Diodorus Siculus (ca 90—21)*. Имеется в виду его сочинение «Bibliotheca historica», переиздававшаяся неоднократно, в том числе в переводе на русский язык И. Алексеева в 1774—1775 г.

108. Диоклеас см. № 187.

109. Дион. Кас. = *Dio Coccejanus, Cassius (inter 155—164 — post 229)*. Имеется в виду его сочинение «Historia Byzantina»; переиздавалось неоднократно.

110. Дион Хризостом. Orat. Borysthenit. = *Dio Chrysostomus (ca 40—post 112)*. Oratio Boristhenica.— Переиздавалась неоднократно.

111. Д. овисий Харакский.— Имеется в виду Исидор Харакский (*Isidorus Characenus, I s. ae. n.*), автор сочинения «Mansiones Parthicae», часто упоминаемый Плинием. Называя этого автора Дионисием, Карамзин повторяет ошибку Плиния.

112. Дитмар. Хроника [в немецком переводе Урзинуса] = *Thietmarus Merseburgensis (975—1018). Dithmars, Bischofs zu Merseburg, Chronik in acht Büchern ... / Aus dem Lateinischen in die Deutsche Sprache übersetzt und mit Anmerkungen erläutert von J. H. Ursinus ...*— Dresden: Walther, 1790.

113. Дитмар Мерзебургский (Дитмар). Chronic. = *Thietmarus Merseburgensis (975—1018). Ditmarus restitutus seu Chronici Ditmari episcopi Mersburgensis libri IIX(I) // Leibniz G. W. von. Scriptores rerum Brunsvicensium ...*— Hannover, 1707.— Т. 1.— P. 323—427.

Карамзин был также знаком с комментариями Урзина в немецком издании Хроники (примеч. 224). См. № 112.

114. Длугош. Historia Polonica = *Dlugosz, Jan (1415—1480). Joannis Dlugossii... Historiae Polonicae. [tomus I—II]. [Accedunt ... Vicentii Kadlubkonis Historia Polonica ... Stanislai Sarnicii Annales ... Stanislai Orichovii ... Annales Polonici ... Illustrium virorum Epistolae... Stanislai Sarnicii Descriptio veteris et novae Poloniae, itemque Russiae et Livoniae]...*— Frankfurt a. M.; Leipzig: Gleditsch et Weidmann, 1711—1712.— 2 t.

Экземпляры НБ МГУ (и: 69716, и: 69717) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

115. Добнер, Гелазий. Примеч. на Гаяк. летопись см. № 57.

116. Добнер. Abhandlungen der Böhmisch. Gesellschaft der Wissenschaften, год 1785, с. 101—139 = *Dobner, Gelasius (1719—1790). Abwerfung einer historisch-kritischen Frage Ob das heut zu Tage sogenannte cyrilliche Alphabet für eine wahre Erfindung des slavi-*

schen Apostel Cyrill zu halten sei? // Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften.— 1785.— Bd. 1.— S. 101—139.

Карамзин активно использовал при работе над I томом «Истории...» труды Геттингенского ученого общества (см. также № 120, 121, 123, 125, 129, 231, 378), которые он получал из Санктпетербургской имп. Академии наук (Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // Москвитянин.— 1845.— Кн. 1.— С. 13, 15), библиотеки Московского университета (ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 4. № 89), а также, вероятно, от А. И. Тургенева (Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // РС.— 1899.— Янв.— С. 217).

117. Добнер. Гелазий. Ad Hagecium см. № 57.

118. Добнер. Гелазий. Annales Bohemorum см. № 57.

119. Добнер, Гелазий (Гелазий). Monumenta historiae Bohemiae, т. IV, с. 54 = *Krabice z Veitmile, Beneš* (—1375). Chronicon Bessinii Krabice de Waltmile... // Dobner G. Monumenta historica Bœmiæ nusquam antehac edita... — Praha, 1779.— Vol. 4.— P. 23—78.

120. Добровский. История богемск. языка = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Geschichte der böhmischen Sprache // Neuere Abhandlungen der königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften.— 1791.— Bd. 1.— S. 314—364.

121. Добровский. Abhandlung. der Böhm. Gesellsch. год 1787 (Abhandl. Böhlicher Gesellsch. ч. III) = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Ueber eine Stelle im XIX. Briefe des heiliges Bonifazius, die Slaven und ihre Sitten betreffend // Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften.— 1787.— Bd. 3.— S. 156—160.

122. Добровский. Abhandlungen der Böhm. Gesellsch. год 1791, с. 313—314 см. № 120.

123. Добровский. Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen. Т. V = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Ueber das Alter der böhmischen Bibelübersetzung // Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft der Wissenschaften.— 1782.— Th. 5.— S. 300—322.

124. Добровский. Litterarisch Magazin von Böhmen = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Literarisch Magazin von Böhmen und Mähren für die Jahr 1781 [—1783].— Praha, 1786—1787.— 3 Stücke.

125. Добровский. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissensch. Ч. II, с. 186 = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaft Schweden // Neuere Abhandlungen der königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften.— 1795.— Bd. 2.— S. 125—194.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 44).

126. Добровский. Neuere Abhandl. der Böhm. Gesellsch. der Wissenschaft. Т. I, с. 324 см. № 120.

127. Добровский. Slavin = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Slavin: Beiträge zur Kenntniss der slavischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer nach allen Mundarten.— Praha: Herrl, 1808.— 6 H.

128. Добровский. Slovanka = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Slovanka: Zur Kenntniss der alten und neuen slavischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer.— Praha: Herrl, 1814—1815.— 2 Lfg.

129. Добровский. Über den ersten Text der Böhmis. Bibelübersetzung в Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, Т. III = *Dobrovský, Josef (1753—1829)*. Ueber den erste

Text der böhmischen Bibelübersetzung nach den ältesten Handschriften derselben besonders nach der Dresdner // Neuere Abhandlungen der königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften.— 1798.— Bd. 3.— S. 240 sqq.

130. Дурих. Bibliotheca Slavica = *Durich, Fortunat (1730—1802)*. Bibliotheca Slavica antiquissimi dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis ... — Wien: Novakowitsch, 1795.— Vol. 1.

Вышел только т. 1. Ссылка (примеч. 43) на 2-й том ошибочна.

131. Дюканж. Лексикон византийского языка (Визант. лексик.) см. № 134.

132. Дюканж. Constantinopolis christiana = *Du Cange, Charles Du Fresne (1610—1688)*. Historia Byzantina duplici commentario illustrata: Prior Familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum ... complectitur; alter Descriptionem urbis Constantinopolitanae, qualiter extitit sub imperatoribus christianis ... — Paris: Billaine, 1680.— 2 ps.

Карамзин приводит только заглавия отдельных частей этого сочинения. Экземпляр из библиотеки Санктпетербургской имп. Академии наук был послан Н. М. Карамзину 26 мая 1805 г. через канцелярию Московского университета (ЦГИА г. Москвы, Ф. 459. Оп. 11. Д. 2. № 263). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 5).

133. Дюканж. Famil. august. Byzant. см. № 132.

134. Дюканж. Glossar. (Визант. лексик., Лексикон византийского языка) = *Du Cange, Charles Du Fresne (1610—1688)*. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis ... — Lyon: Anisson, 1688.— 2 t.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 6).

135. Дюшен. Собрание франкских летописей (Летописи франкские) см. № 136.

136. Дюшен. Historiae Francorum scriptores (Собрание франкских летописей, Летописи франкские) = *Duchesne, André (1584—1640)*. Historiae Francorum scriptores coetanei ab gentis origine usque ad Philippi IV tempora. / [Vol. 3—5 Fr. Duchesne ed.].— Paris: Cramoisy, 1636—1649.— 5 vol.

Включает Бертинские, Фульдские, Хильдесгеймские, Метские апналы, Хронику Псевдо-Фредегара и другие материалы, на которые ссылается Карамзин (см. № 42, 294, 338—340).

137. Жеблень. Sur la grammaire comparative.— В данной связи могут быть названы две наиболее известные и неоднократно переиздававшиеся работы этого ученого (*Court de Gébelin, Antoine, 1725—1784*) в области сравнительной грамматики: 1) *Histoire naturelle de la parole, ou Grammaire universelle à l'usage des jeunes gens ...*; 2) *Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne ...* — 9 t.

138. Жизнь св. Адальберта.— Упоминается в сборнике Acta Borussica, t. 2, p. 1 (см. № 335).

139. Зонара = *Zonaras, Joannes (XII s.)*.— См. № 323.

140. Иоанн VIII, папа. Булла 880 г. к моравскому кп. Святополку = *Joannes VIII (872—882, papa)*.— Источник сведений, использованный Карамзиным, установить не удалось.

141. Иоанн XIII, папа. Булла 968 г. (в Истории Козмы Прагского, в Менкен. собр. Script. ger. Germ. T. 1, с. 1994) см. № 159.

142. Иордан, Христофор (Иордан). De originibus Slavicis = *Jordan, Johann Christoph von (XVIII s.)*. De originibus Slavicis: Opus chronologico-geographico-historicum ab antiquitate literis nota in seculum usque christianum decimum ... — Wien: Kurtzböck et Jahn, 1745. — 2 t.

143. Иорнад. De rebus Geticis Гамбург. изд. 1611 года = *Jordanes (VI s.)*. Jordanes ... De regnorum ac temporum successione deque Gethicae gentis origine ac rebus gestis // Lindenbrog F. Diver-sarum gentium historiae antiquae scriptores tres ... — Hamburg, 1611. — P. 1—162.

144. Ипполит = *Hippolytus (ca 160—ca 225)*. — Упоминается в сочинении Байера, с. 390 (см. № 34).

145. Ире. Лексикон шведо-готфский = *Ihre, Johan (1707—1780)*. Glossarium Suiogothicum ... — Uppsala: Edmann, 1769. — 2 t.

146. Ире. Рассуждение ... о путешествии скандинавов в Грецию см. № 148.

147. Ире. Analecta Ulfil. diss. I = *Ihre, Johan (1707—1780)*. Analecta Ulphilana, duabus comprehensa dissertationibus: Prima De Codice argenteo et litteratura Gothica, altera De Moesogothorum nominibus substantivis et adjectivis ... / A J. Ihre ... — Uppsala: Edmann, 1769.

148. Ире. Reise der Normänner im Mittel Alter (Рассуждение ... о путешествии скандинавов в Грецию) = *Ihre, Johan (1707—1780)*. Reisen der Normänner im Mittel-Alter ... // Schlözer A. L. von. Allgemeine Nordische Geschichte. — Halle, 1771. — S. 541—556.

149. История Карла Великого. — В настоящее время известно более 60 вариантов «Истории Карла Великого», основанных на сочинении Эйнгарда (Einhard, ca 770—840). Издание, по лжившее в данном случае источником сведений для Карамзина, установить не удалось. Можно предположить, что он пользовался историческими материалами о Карле Великом, помещенными во 2-м томе труда Дюшена (см. № 136).

150. Кадлубек (Кадлубко). Hist. Polon. = *Kadlubek, Wicenty (ca 1160—1223)*. Vicentii Kadłubkonis ... Historia Polonica ... // Długosz J. ... Historiae Polonicae ... — Leipzig, 1712. — T. 2. Col. 593—826.

151. Камерар. De rebus Turc., Hung. et Moscovit. см. № 82.

152. Кантемир. История Оттом. Порты. — Имеется в виду сочинение князя *Дмитрия Константиновича Кантемира (1673/1674—1723)* «История образования и падения Оттоманской империи», написанное по-латыни и впервые изданное в 1734—1735 гг. на английском языке. Впоследствии вышли французский (1743) и немецкий (1745) переводы. Ссылка Карамзина (примеч. 309) не дает оснований для отождествления издания.

153. Карпин в Бержерон. Voyages = *Giovanni da Pian del Carpine (—1252)*. Relation du voyage de Jean du Plan Carpin, en Tartarie // Bergeron P. Voyages faits principalement en Asie ... — La Haye, 1735. — T. 1. — P. 1—68: ill.

154. Кедрив = *Cedrenos, Georgius (XI—XII s.)*. — См. № 323, см. также II, № 40.

155. Келер. Dissertation sur le monument de la reine Comosarie = *Koehler, Heinrich Karl Ernst (1765—1838)*. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye.— СПб.: Imprimerie imperiale, 1805.— См. II, № 12.

156. Киннам = *Cinnamus, Joannes (ca 1143—ca 1203)*.— См. № 323.

157. Клапрот. Russlands Vergrößerungen см. № 195.

158. Кодин. De officiis magnaе ecclesiae Constantinopolitanae (О чинах Константинопольского двора) = *Georgius Codinus Curoplata, De officiis magnaе ecclesiae et aulae Constantinopolitanae / Ex versione p. J. Gretseri...*; Cura et opera J. Goar.— Paris: Typographia regia, 1648.

Сочинение приписывается Кодину, *Codinus, Georgius (XIV s.)*. Автор неизвестен. Экземпляр из библиотеки Московского университета был послан Н. М. Карамзину в 1805 г. (ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 11, д. 2, № 263, 290). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 2).

159. Козма Прагский. История (в Менкен. собран. Script. rer. Germ.) = *Cosmas Pragensis (1045?—1125)*. Chronicae Bohemorum libri III // Menken J. B. Scriptores rerum Germanicarum ... — Leipzig, 1728—1730.— Т. 1.— P. 1967—2010; Т. 3.— P. 1771—1830.

Следует иметь в виду текстуальные совпадения карамзинских ссылок на это издание со ссылками 1-го тома сочинения Гебгарди (см. № 74). Например, ссылка на Буллу 968 г. папы Иоанна XIII (965—972, пара) — заимствование из т. 1, с. 20.

160. Коль. Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum = *Kohl, Johann Peter (1698—1778)*. ...Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram sive Historia critica versionum Slavonicarum ... Codicis sacri et Ephremi Syri ... Accedunt duo Sermones Ephremi Syri, nondum editi, de sacra coena... — Altona: Korte, 1729.

161. Константин Багрянородный (Константин). De adm. Imp. в Бандури (Книга о правлении) = *Constantinus Porphyrogenetus (905—959)*. Constantini Porphyrogeneti De administrando Imperio... // Banduri A. Imperium Orientale.— Paris, 1711.— Т. 1.— P. 53—157.

Текст параллельно на латинском и греческом языках. Карамзин был знаком с этим сочинением также в извлечениях Штриттера (см. № 323).

162. Константин Багрянородный. De cerim. aul. Byzant. = *Constantinus Porphyrogenetus (905—959)*. Constantini Porphyrogeneti ... Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae / ... Cum Latina interpretatione et commentariis curarunt J. H. Leichius et J. J. Reiskius.— Leipzig: Gleditsch, 1751—1754.— 2 t.

Ссылки (примеч. 310, 351, 378) на это издание заимствованы Карамзиным из работ Круга (см. № 167, 168).

163. Коссець см. № 216.

164. Кранц, Альберт. Wandalia (Вандалия) = *Krantz, Albert (—1517)*. A. Krantzi... Wandalia: De Wandalorum vera origine, variis gentibus... Adjecta est... Polonici regni, et Prussiae... descriptio [M. Kromer]...— Frankfurt a. M.: Wechel, 1575/1576.

Экземпляр НБ МГУ (и:312882) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

165. Кромер. De origine Polonorum = *Kromer, Marcin (1512—*

1589). De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX / Tertium ab auctore diligenter recogniti...— Basel: Officina Oporiniana, 1568.

Экземпляр НБ МГУ (и:247290) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

166. Круг. Byz. Chron. см. № 167.

167. Круг. Chronologie der Byzantier (Byz. Chron.) = *Krug, Johann Philipp (1764—1844)*. Kritischer Versuch zur Aufklaerung der Byzantischen Chronologie: Mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands / Von Ph. Krug.— СПб.: Akad. der Wissenschaften, 1810.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4687).

168. Круг. Zur Münzkunde Russlands = *Krug, Johann Philipp (1764—1844)*. Zur Münzkunde Russlands / Hrsg. von der Kaiser. Akad. der Wissenschaften.— СПб.: Akad. der Wissenschaften, 1805.

Экземпляр ОРК УОБ (№ 2457) с многочисленными пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

169. Лаблеттери = *La Bletterie, Jean Philippe René de (1696—1772)*.— Карамзин имеет в виду его комментарий к французскому переводу «Германии» Тацита, переиздававшемуся неоднократно под разными названиями.

170. Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi = *Lambacher, Philipp (1700—1774)*. Bibliotheca antiqua Vindobonensis civa...— Wien: Kaliwoda, 1750.— Ps 1.

Вышла только Ч.1.

171. Ламберт Ашаффенбургский = *Lambertus Hersfeldensis (— ca 1080?)*. Lambertus Schafnaburgensis De rebus gestis Germanorum... // Struve B. G. Rerum Germanicarum scriptores...— Regensburg, 1726.— Т. 1.— P. 306—424.

172. Лаузицкие Provinzialblätter = Provinzialblätter, oder, Sammlungen zur Geschichte, Naturkunde, Moral und andern Wissenschaften / Herausgegeben von der Oberlausitzischen Gesellschaft der Wissenschaften [K. G. von Anton u. A.]— Leipzig; Dessau; Görlitz: Buchhandlung der Gelehrten, 1781—1783.— 6 Stücke.

173. Лев Грамматик = *Leo Grammaticus (XI s.)*.— См. № 323.

174. Лев Диакон (Леон). Хроника = *Leo Diaconus (ante 950 — ca 1000)*. Historia.

При работе над томом I «Истории» в распоряжении Карамзина имелись две рукописи этого сочинения (см. I, № 38). Кроме того, Карамзин пользовался выписками А. Паджи (см. № 227). Впервые полностью «История» Льва Диакона издана Газе в Париже в 1819 г.; числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 1).

175. Лев Мудрый = *Leo VI Sapiens (ca 680 — ca 740)*.— Имеется в виду приписываемое ему сочинение «Tactica Leonis», переиздававшееся неоднократно.

176. Левек = *Levesque, Pierre Charles (1736—1812)*. Histoire de Russie, tirée de chroniques originales...— Издавалась неоднократно. Русский перевод т. 1 вышел в 1787 г.

177. Лейбниц [издатель] = *Leibniz, Gottfried Wilhelm von (1646—1716)*. Scriptores rerum Brunsvicensium illustrationi insertivientes.../ Cura G. G. Leibnitii...— Hannover: Foerster, 1707 — 1711.—4 t.

Полный экземпляр этого издания был получен Н. М. Карамзиным от А. И. Тургенева в 1816 г. (Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // РС.—1899.— Февр.— С. 477). По описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем, числится только т. 3, полученный историком в 1810 г. из библиотеки вел. князя Константина Павловича (№ 15).

178. Лейбниц [о франках] = *Leibniz, Gottfried Wilhelm von (1646—1716)*.— Ссылка на мнение Лейбница о происхождении франков (примеч. 111), возможно, взята Карамзиным из работы Г. Ф. Миллера, с. 110 (см. II, № 59).

179. Леон см. № 174.

180. Лерберг. *Untersuchungen = Lehrberg, Aron Christian (1770—1813)*. *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands / Hrsg. von ... Ph. Krug.*— СПб.; Leipzig: Voss, 1816.

181. Летописец Венгерский (Нотарий короля Белы). *Anonymi Hist. ducum Hung. = Anonymi Belae regis notarii, Historia Hungarica de septem primis ducibus Hungariae ... // Schwandtner J. G. von. ... Scriptores rerum Hungaricarum veteres...*— Wien, 1746.— Т. 1.— Р. 1—38.

Карамзин (примеч. 302) датирует написание Хроники «не ранее XIII в.», таким образом присоединяясь к немецким и австрийским историкам, относившим анонимного нотариуса ко времени короля Белы IV (1235—1270), написание Хроники — к 1278—1282, а единственную рукопись с ее текстом — к XIV в. В настоящее время установлено, что Хроника составлена в конце XII в., вскоре после правления Белы III (1172—1196), а рукопись с ее текстом относится ко 2-й половине XIII в.

182. Ливий = *Livius, Titus (59—17)*. Имеется в виду его сочинение «Ab urbe condita»; переиздавалось неоднократно.

183. Линде. Лексикон = *Linde, Samuel Bogumil (1771—1847)*. *Słownik języka polskiego / Przez m. S. B. Linde...*— Warszawa: Drukarnia XХ. Piarow, 1807—1814.— 6 т.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 31).

184. Линней = *Linné, Karl (1707—1778)*.— Отрывок из его диссертации Карамзин цитирует по работе Шлецера (см. № 317).

185. Лиутпранд. *Historia et legatio ad N. Ph. = Liudprandus (— ca 972)*. *Liutprandi... Historia; Ejusque Legatio ad Nicephorum Phocam imp. / Cum notis H. Canisii / Muratori L. A. Rerum Italicarum scriptores...*— Milano, 1723.— Т. 2; ps 2.— Р. 417—489.

186. Лудевиг. *De idolis Slavorum = Ludewig, Johann Peter von (1668—1743)*. *Opuscula miscella...*— Halle: Kümmel, 1720.— 2 т.

Имеется в виду статья из т. 2 этого издания.

187. Луций, Иоанн. *De regno Dalm. et Croat. = Lucio, Giovanni (1604—1679)*. ... *De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex / Recogniti et emendati a J. G. Schwandtnero...* // Schwandtner J. G. von. *Scriptores rerum Hungaricarum veteres...*— Wien, 1748.— Т. 3.— Р. 1—473.

Трактат Луция включает публикации текстов других авторов, в том числе интересующих Карамзина Диоклеаса (примеч. 41 и Фомы Спалатрского (примеч. 267): 1) *Diocleas (XII s.)*. ... *Reg*

num Slavorum.— P. 474—509. 2) Thomas Spalatensis (1200—1268). ...Historia Salonitanorum pontificum, atque Spalatensium.— P. 532—635.

188. Маврикий. *Strategicum* Упсальского издания (... XII книг о военном искусстве, изданных Шеффером в 1664 году) = *Agriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim.* / *Omnia ... graece primus edidit, versione Latina notisque illustravit J. Scheffer.*— Uppsala, 1664.

Глава 5-я книги 2-й, о нравах и обычаях славян, сочинения Псевдо-Маврикия (*Pseudo-Mauritius, 582—602*) цитируется Карамзиным по работе Маскова, т. 2, с. 211—212 (см. № 194).

189. Маллет. *Histoire de Dannemarc.* Т. 1 = *Mallet, Paul Henri (1730—1807).* *Histoire de Dannemarc* / Par mr. P. H. Mallet...— 3 ed., rev., corrigé...— Genève: Barde, Manget; Paris: Buisson, 1787—1788.— 9 vol.

190. Манверт. *De Tabulae Peutingerianae aetate* см. № 192.

191. Манверт. *Geographie der Griechen und Römer* Т. IV = *Mannert, Konrad (1756—1834).* *Geographie der Griechen und Römer aus ihren Schriften dargestellt.*— Nürnberg: Hahn, 1788—1825.— 10 Th.

Th. 4: Der Norden des Erde, von der Weichsel bis nach China.

192. Манверт. *Res Trajani ad Danubium gestae* = *Mannert, Konrad (1756—1834).* *Res Trajani imperatoris ad Danubium gestae; Addita est Dissertatio de Tabulae Peutingerianae aetate.*— Nürnberg: Frauenholz, 1793.

193. Мартин Галлус = *Gallus Anonymus (XI—XII s.).*— Автор древнейшей польской хроники, переиздававшейся неоднократно.

194. Масков. *Geschichte der Deutschen* = *Mascov, Johann Jakob (1689—1761).* *Geschichte der Deutschen bis zu Abgang der Merovingischen Könige* /...Fortgesetzt von D. J. J. Mascov.— Leipzig: Schuster, 1737.

195. Массуди в Клапрот. *Russland's Vergrößerungen* = *al-Mas'udī, Abu'l-Ḥasan 'Alī ben al-Ḥusain (915—956/957).* *Massudi's Beschreibung des Kaukasus und der nördlich von demselben und dem Kaspischen Meere gelegenen Länder* // *Klaproth J. H. Russlands Vergrößerungen unter Alexander dem Ersten*...— Berlin, 1814.— S. 182—257.

196. Массуди... о земле Нукбард = *al-Mas'udī, Abu'l-Ḥasan 'Alī ben al-Ḥusain (915—956/957).* *Les praires d'or et les mines de pierres précieuses* / *Histoire universelle par Aboul-hassan-aly...* surnommé Masoudi; Par m. de Guignes // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi* / Lûs au Comité établi par sa majesté dans l'Academie royale des inscriptions et belles-lettres.— Paris, 1787.— Т. 1.— P. 1—67.

197. Массуди... [в] *Chrestomatie arabe* par S. de Sacy см. № 367.

198. Маш. *Alterthümer der Obodriten* см. № 199.

199. Маш. *Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obodrit.* (*Alterthümer der Obodriten*) = *Masch, Andreas Gottlieb (1724—1807).* *Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obodriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollenzer See...* / Mit Kupfern [von Woge].— Berlin: Breitkopf, 1774.

Описание и воспроизведение так называемых приллитвцких идолов, содержащиеся в этом издании — фальсификация, основан-

ная главным образом на сведениях Гельмольда (см. Jagić V. Zur slavischen Runenfrage... // Archiv für Slavische Philologie.— Berlin, 1877.— Bd. 2.— S. 383—392; 1880.— Bd. 5.— S. 193—215).

200. Мела, Помпоний = *Mela, Pomponius (I s. ae. n.)*. Pomponii Melae Libri tres de situ orbis / Cum notis J. Gronovii. Julii Honorii Excerptum Cosmographiae... Cosmographia, quae falso hactenus Aethicum auctorem praetulit... — Leiden: Luchtman, 1685.— 3 ps.

Основание для отождествления издания дает ссылка Карамзина (примеч. 30) на помещенное здесь сочинение Псевдо—Этика (см. № 330).

200а. Мела Помпоний, Плиний, Солин о гипербореях.— Приведенный Карамзиным текст (примеч. 4) — скорее всего, литературно обработанная цитата из статьи Фишера, с. 133 (см. II, № 114).

201. Менандер = *Menander Protector (IV s.)*.— См. № 323.

202. Меховский. Hist. Polon. = *Maciej z Miechowa (1457—1523)*. Имеется в виду его сочинение «Chronica Polonorum», переиздававшееся неоднократно.

203. Миллер. Словарь чудских народов = *Müller, Gerhard Friedrich (1705—1783)*. Vocabularium harmonicum Deutsch. Tatarisch. Tscheremiss. Tschuwasch. Wotiackisch. Morduan. Permisch. Sirjänisch // Sammlung Russischer Geschichte / [Hrsg. von G. F. Müller].— СПб., 1758.— Bd. 3, Stück 3.— S. 382—409.

204. Миллер. Origines gentis et nominis Russorum = *Müller, Gerhard Friedrich (1705—1783)*. Origines gentis et nominis Russorum / Solemnibus augusto nomini... Elisabethae... imperatricis... in conventu publico academico die 6. Septembris 1749. expositae a G. F. Mullero...— СПб.: Acad. scientiarum, [1749].— См. также II, № 61.

205. Миллер. Sammlung Russ. Gesch. = Sammlung Russischer Geschichte... / [Hrsg. von G. F. Müller].— СПб.: Akad. der Wissenschaften, 1732—1765.— 9 Bd.

Экземпляры ОРК УОБ (№ 2467—2475) с многочисленными пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

206. Мозгейм. Церковная история = *Mosheim, Johann Lorenz (1692—1755)*.— Имеется в виду его сочинение «Institutiones historiae ecclesiasticae antiquioris et recentioris», переиздававшееся неоднократно.

207. Моисей Хоренский. Geograph. см. № 208.

208. Моисей Хоренский. Hist. Arm. = *Moses Chorenensis (407? — 492?)*. ...Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae libri III; Accedit ejusdem scriptoris Epitomae Geographiae... / Armeniace ediderunt, latine verterunt, notis illustrarunt G. et G. ...Whiston...— London: Ackers: Whiston, 1736.

Экземпляр из библиотеки Санктпетербургской имп. Академии наук был послан Н. М. Карамзину А. И. Тургеневым в 1809 г. (РС.— 1899.— Янв.— С. 228—229).

Русский перевод «Истории Армении» Моисея Хоренского вышел в 1809 г. Автор «Географии», приписывавшейся Моисею Хоренскому, установлен в 70-е годы XIX в.— Анания Ширакаци (—685 г.).

209. Монфокоп. Греческая палеография = *Montfaucon, Bernard de (1655—1741)*. Palaeographia Graeca sive De ortu et progressu litterarum Graecarum...— Paris: Guerin, 1708.

210. Муратори = *Muratori, Lodovico Antonio (1672—1750)*. *Rerum Italicarum scriptores praecipui ab anno... 500 ad 1500... / L. A. Muratorius... collegit...; [F. Argellati ed.]...— Milano: Typographia Soc. Palatinae, 1723—1751.— 25 t.*

В т. 1—2 помещены интересующие Карамзина сочинения Лиутпранда (см. № 185) и Павла Дякона (см. № 226).

211. Нарушевич. *Hist. narodu Polsk. = Naruszewicz, Adam Stanisław (1733—1796)*. *Historji ... Adama Naruszewica narodu Polskiego... z rękopisma Biblioteki Pulawskiej i Josefa Hrabi Siera-kowskiego ... tom 1 [—6].— Warszawa: Gröll, 1781—1785.— 6 t.*

212. Нейштет. Хроника Ливонская см. № 99.

213. Никита Хониатский = *Nicetas Choniates* (— 1213).— *См.* № 323.

214. Никифор Григора = *Nicephorus Gregoras (ca 1290 — ca 1360)*.— Имеется в виду его сочинение «*Historia Byzantina*», издававшееся неоднократно.

215. Никифор, патриарх = *Nicephorus I (patriarcha Constantinopolitanus, — 828)*.— *См.* № 323.

216. Новайри (Эби Абд аль Вегаб, Ахмет). *Histoire de Sicile при Voyages de Sicile, par le baron de Riedesel = al-Nuwairi, Shihāb al-Dīn Aḥmad ben 'Abd al-Wahhāb al-Bakrī (1279—1332)*. *Histoire de Sicile: Contenant les expéditions des Musulmans dans cette île, les conquêtes qu'ils y ont faites, et la manière dont les Francs s'en sont rendus maîtres... / [Trad. par J. J. Caussin de Perceval] // Riedesel J. H. von. Voyages en Sicile, dans la Grande Grèce et au Levant...— Paris, 1802.— P. 401—448.*

217. Новый Завет, изданный в Тибингене см. II, № 73.— Упоминается в статье Фойта, с. 176—177 (см. № 378).

218. Нотарий короля Белы см. № 181.

219. Нубийский географ см. № 305.

220. Олеарий = *Olearius (Oelschläger), Adam (ca 1599—1671)*.— Имеется в виду его сочинение «Описание путешествия в Московию...», издававшееся неоднократно под разными заглавиями.

221. Ономакрит = *Onomacritus (VI s. a. ae. n.)*.— Имеется в виду его поэма «*Theogonia*». Карамзина интересуется «географическое изъяснение» этой поэмы, содержащееся в ч. 4 сочинения Маннерта (см. № 191).

222. Описание Антиохийского собора 363 года.— Упоминается в сочинении Байера, с. 392 (см. № 34).

223. Ориген = *Origenes (185—253)*.— Упоминается в работе Байера, с. 390 (см. № 34).

224. Орфей, мнимый см. № 221.

225. Отер см. № 289.

226. Павел Дяк. *De gest. Longobard.*— Ссылка Карамзина (примеч. 28) на сочинение Павла Дякона (*Paulus Diaconus, ca 720—797?*) не дает оснований для отождествления издания. Зная, что в ряде случаев он пользовался сводами исторических материалов Ф. Линденброга и Муратори (см., например, № 7, 185 и др.), правомерно предположить его знакомство с сочинением Павла Дякона, опубликованным в этих сводах: 1) *Pauli Warnefridi... De gestis Longobardorum lib. VI // Lindenbrog F. Diversarum gentium historiae antiquae scriptores tres...— Hamburg, 1611.— P. 187—379.*— 2) [Idem.] // *Muratori L. A. Rerum Italicarum scriptores...— Milano, 1723.— T. 1.— P. 395—511.*

227. Падржи Ф. (Парн). Замечания на Барония = *Pagi, Antoine (1624—1699)*. Critica historico-chronologica in Annales ecclesiasticos... Caesaris cardinalis Baronii... / Auctore... A. Pagi...; Opus ... ad annum 698 perductum... studio et cura... F. Pagi...— Antwerpen: Sumptibus Societatis, 1705.— 4 t.

228. Паллас. Voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie = *Pallas, Peter Simon (1741—1811)*. Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie, dans les années 1793 et 1794 / Par... Pallas; Traduit de l'allemand par... Delaboulaye... et Tonnelier...— Paris: Deterville, 1805.— 2 t.

229. Пасхальная летопись греческая.— Имеется в виду сочинение анонимного византийского хрониста VII в., издававшееся неоднократно под разными заглавиями: Chronicon paschale, Chronicon Alexandrinum, Chronicon Constantinopolitanum, Fasti Siculi. Возможный источник сведений об этой хронике для Карамзина — сочинение Ассемани (см. № 21).

230. Пеллутье. Histoire des Celtes = *Pelloutier, Simon (1694—1757)*. Histoire des Celtes, et particulièrement des Gaulois et des Germains, depuis les temps fabuleux jusqu'à la prise de Rome par les Gaulois.— 2 t.

Переиздавалась неоднократно.

231. Пельцель = *Pelzel, Franz Martin (1735—1801)*. Ueber Samo, König der Böhmen // Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen.— 1775.— Bd. 1.— S. 222—242.

232. Першерон см. № 83.

233. Пеутингерская карта = Tabula Peutingeriana.— Названа по имени владельца XVII в. К. Певтингера. Вопрос о времени ее создания до сих пор до конца не ясен, она датируется различными учеными в пределах I—V вв. н. э. Маннерт (см. № 192), а вслед за ним, видимо, и Карамзин, считали ее произведением IV в. н. э. См. подробнее об этом источнике: Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt.— Stuttgart, 1916.

234. Пифеас... [в] Страбон. = *Pytheas Massiliensis (IV s. a. ae. n.)*.— Его сочинение дошло фрагментарно, в составе «Географии» Страбона и «Естественной истории» Плиния. Современная историческая наука опровергает мнение Страбона о недостоверности сведений Пифеаса и подтверждает правоту последнего в определении географического положения городов Испании, Галлии и Британии.

235. План древнего Константинополя см. № 38.

236. Плиний = *Plinius Secundus, Caius (23—79)*.— Имеется в виду его «Historia naturalis», переиздававшаяся неоднократно.

237. Плутарх = *Plutarchus (— ca 120 ae. n.)*. Vitae parallelae.

Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления издания. Сочинение переиздавалось неоднократно; русский перевод осуществлен в 1765 г. С. Глебовым.

238. Попович. Untersuchungen vom Meere = *Popowitsch, Johann Siegmund Valentin (1705—1774)*. Untersuchungen vom Meere.— Frankfurt a. M.; Leipzig: S. n., 1750.

239. Потоцкий И. Voyage en Basse-Saxe = *Potocki, Jan (1761—1815)*. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe, pour

la recherche des antiquités Slaves ou Vendes / Fait en 1794 par le comte J. Potocki...—Hamburg: Schniebe, 1795.

240. Прай. Dissert. ...in An. veter. Hung.= *Pray, Georg (1723—1801)*. Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum...—Wien: Kaliwoda, [1774].

241. Преторий. Orb. Goth.= *Praetorius, Matthaeus (—1707)*. Orbis Gothicus, id est, Historica narratio, omnium fere Gothici nominis populorum origines, sedes, linguas etc. exhibens... / Opera et studio M. Praetorii...—Oliva: Textor, 1688—1689.—4 t.

242. Приск = *Priscus (V s.)*.—См. № 323.

243. Продолжатель Константина Багрянородного (Продолжатель Константинов) = *Continuator Constantini Porphyrogeneti*.—См. № 323.

244. Продолжатель летописи Региноновой (Продолжатель Регинона, *Continuator Reginonis*) = *Adalbertus Magdeburgensis (—981)*, предполагаемый автор продолжения «Хроники» Регинона (*Regino Prumiensis, —915*).—Цитируется Карамзиным по сочинению Ассемани, т. 4, с. 20 (см. № 21).

245. Прокопий Кес. (Прокопий). De aedif.= *Procopius Caesariensis (VI s.)*. De aedificatione.—См. № 323.

246. Прокопий Кес. (Прокопий). De bell. Goth.= *Procopius Caesariensis (VI s.)*. Procopii Caesariensis Historiarum temporis sui de bello Gothico... // Muratori L. A. Rerum Italicarum scriptores...—Milano, 1723.—Т. 1.—Р. 247—369.

Ссылки Карамзина не дают оснований для отождествления издания. Зная, что в ряде случаев (см., например, № 185, 226) он пользовался сводом исторических материалов Муратори (см. № 210), правомерно предположить его знакомство с сочинением Прокопия Кесарийского, опубликованным в этом издании.

247. Птолемей Александрийский (Птолемей). Geographia = *Ptolemaeus, Claudius (II s. a. ae. n.)*.—Сочинение переиздавалось неоднократно под разными вариантами заглавия.

248. Рейнегс. Beschreibung des Kaukasus = *Reineggs, Jacob (1744—1793)*. Dr. Jacob Reineggs... Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus / ... Herausgegeben von F. E. Schröder.—Gotha; Hildesheim; СПб.: Gerstenberg und Dittmar, 1796—1797.—2 Th.

249. Рейске. Comment. ad Cerim. Const. Porph. см. № 162.

250. Ридигер.—В данной связи могут быть названы две наиболее известные и неоднократно переиздававшиеся работы Рюдигера (*Rüdiger, Johann Christian Christoph, 1751—1822*) по сравнительному языкознанию: 1) Grundriss einer Geschichte der menschlichen Sprache nach allen bisher bekannten Mund- und Schriftarten mit Proben und Bücherkenntniß ... 2) Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten...—6 Bd.

251. Риттер. Описание Константинопол. осады = *Ritter, Johann Daniel (1709—1775)*. Ritters Vortreffliche Verbesserungen der elenden byzantischen Geschichte... // Allgemeine Weltgeschichte...—Leipzig, 1768.—Bd. 5.—Abth. 1.

252. Роспись болгарских царей = *Genealogiae regum Bulgariae*.—Помещена в издании Штриттера, с. 457 (см. № 323).

253. Рубруквис см. № 255.

254. Рудбек. Atlantica = *Rudbeck, Olof (1630—1702)*. Olf Rud-

beks Atland eller Manheim... Atlantica sive Manheim vera Japheti posteriorum sedes ac patria.— Uppsala: Curio, 1675—1702.— 4 ps.

255. Руброк (Рубруквис). Voyages в Бержерон. Voyages = *Ruysbroeck, Willem van* (XIII s.). Voyage remarquable, de Guillaume de Rubruquis, envoié en ambassade par le roi Louis IX en différentes parties de l'Orient: principalement, en Tartarie et a la Chine, l'an... 1253... / Ecrit par l'ambassadeur même.; ... Traduit de l'anglois par... de Bergeron... // Bergeron P. Voyages faits principalement en Asie...— La Haye, 1735.— Т. 1.— P. 1—149: 1 f. cart.

256. Саксон Грамматик. Hist. Dan. изд. 1644 года = *Saxo Grammaticus* (XIII s.). Saxonis Grammatici Historiae Danicae libri XVI / S. H. Stephanius summo studio recognovit...— Søre: Moltken, 1644—1646.— 2 ps.

257. Саксонские законы (Lex Saxon.).— Источником сведений для Карамзина в данном случае послужило сочинение Ф. Г. Струбе де Пирмонт, с. 10 (см. II, № 107).

258. Саксонский летописец (Annalista Saxo [в] Eccard. Corp. histor. medii aevi) = *Ekkehart* (XII s.). Annalista Saxo, sive Eckehardi Uragiensis Chronicon // Eckart J. G. von. Corpus historicum medii aevi...— Leipzig, 1723.— Т. 1.— Col. 133—682.

259. Сандий, Христофор. ... Nucleus historiae ecclesiasticae (Ядро церковной истории), изд. в Кельне в 1676 г. = *Sand, Christoph* (1644—1680). Christophori Sandii Nucleus historiae ecclesiasticae: Exhibitus in historia Arianorum, tribus libris comprehensa...— Secunda editio / Ab authore locupletata...— Coloniae: Nicolai [Amsterdam: Petzold], 1676.

260. Сарницкий, Станислав. Annales Polonorum = *Sarnicki, Stanistaw* (1532—1597). Stanislai Sarnicii Annales, sive De origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum libri VIII... // *Długosz J.* ... Historiae Polonicae...— Leipzig, 1712.— Т. 2.— Col. 827—1232.

261. Симеон Логофета (Логофета) = *Simeon Logothetes* (X s.).— См. № 323.

262. Скилиций (Скилицис), Иоанн = *Scylitzes, Joannes* (XI—XII ss.).— См. № 323.

263. Смера, Иоанн (медик Владимиров). Письмо к вел. кн. Владимиру.— Фальсификация XVI в., вышедшая из арианской среды. Предполагаемый автор — Козьма (Андрей) Колодынский. В латинском переводе Венедикта Вишоватого письмо помещено в приложении к сочинению Х. Сандия (см. № 259).

264. Снорри Стурлузон (Снорро Стурлзон). Historiae regum septentrionalium = *Snorri Sturlusson* (1179?—1241). Heims Kringla, eller Snorre Sturlusons Nordlândske konunga sagor. Sive Historiae regum septentrionalium / A Snorre Sturlonide ... patrio sermone antiquo conscriptae; Quas ... edidit, versione genuina, notisque ... illustravit J. Peringskiöld ... — Stockholm: Wankiw, 1697.— 2 t.

265. Солин см. № 200а.

266. Стирнг. De jure Sveonum et Gothorum antiquo = *Stjernhöök, Johan* (1596—1675). J. O. Stiernhöök De jure Sveonum et Gothorum vetusto, libri duo ... — Stockholm: Wankijf, 1672.

267. Страбон. Geographia cum notis Casauboni, изд. Амстердамское = *Strabo (63 a.ae.n.—ca 20 ae.n.)*. ...Strabonis Rerum geographicarum libri XVII / Accedunt ...notae integrae G. Xylandri, Is. Casauboni, F. Morellii, J. Palmerii, selectae ...aliorumque ...; [Th. J. van Almeloveen ed.].— Amsterdam: Wolter, 1707.

268. Струбе. Dissertation sur les anciens Russes = *Strube de Pyrmont, Friedrich Heinrich (1704—ca 1790)*. Dissertation sur les anciens Russes / Par F. H. S. d.P.—СПб.: Imprimerie de Corps des Cadets nobles de terre, 1785.

Русский перевод осуществлен в 1791 г. Л. Павловским.

269. Стурлезон см. № 264.

270. Сульцер. История Дакки = *Sulzer, Franz Joseph (1727—1791)*. Geschichte des transalpinischen Daciens, das ist: die Walachei, Moldau und Bessarabiens, in Zusammenhange mit der Geschichte des übrigen Daciens als ein Versuch einer allgemeinen dacischen Geschichte.— Wien: Gräffer, 1781—1782.— 3 Bd.

271. Сульцер. Карта Валахии = *Sulzer, Johann Georg (1720—1779)*.— Составленная им карта Валахии помещена в ч. 2 сочинения Бюшинга (см. № 44).

272. Тацит. Descript. Germaniae (De situ, morib. et pop. Germaniae) = *Tacitus, Cornelius (ca 58—post 117)*.— Сочинение переиздавалось неоднократно под разными вариантами заглавия.

273. Торфей. Historia Norveg. = *Torfaeus, Thormodus (1636—1719)*. Thormoldi Torfaei ...Historia rerum Norvegicarum ...— Cöbenhavn: Schmitzen, 1711.—4 ps.

Экземпляры НБ МГУ (п: 69747, п: 69746) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...».

274. Треер. Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum Imperium = *Treuer, Gottlieb Samuel (1683—1743)*. De perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum Imperium / Praes. G. S. Treuer; Resp. L. A. Faber ... — Helmstedt: Schnorr, 1733.

275. Трог Помпей, сокращенный Юстином = *Trogus, Pompeius (I s.a.ae.n.—I s.ae.n.)*.— Имеется в виду его сочинение «Historia Philippica...», дошедшее до нас в сокращении Юстина (Justinus, II—III ss.); переиздавалось неоднократно.

276. Тубер, Лудовик в Швандтнер. Собрании Script. rer. Hung. = *Cervarius Tubero, Ludovicus (ca 1455—1527)*. ...Commentariorum de rebus ...ab anno Christi 1490 usque ad annum Christi 1522 in Pannonia et finitimis regionibus gestis libri XI ... // Schwandtner J. G. von. Scriptores rerum Hungaricarum ... — Wien, 1746.— T. 2.— P. 107—381.

277. Тунман. Anmerk. über die Nord. Gesch. см. № 283.

278. Тунман. Erklärung einer alten Preuss. Aufschr. см. № 283.

279. Тунман. Gesch. der Oest. Völk. см. № 284.

280. Тунман. Gesch. der Völker am Schwarz. Meere см. № 284.

281. Тунман. Ueber die gottesdienstl. Alterthüm. der Obodriten см. № 283.

282. Тунман. Ueber einige Gegenstände der Russ. Geschichte см. № 284.

283. Тунман. Untersuchungen über die alte Geschichte einiger Nordischen Völker = *Thunmann, Hans Erich (1746—1778)*. ...Untersuchungen über die alte Geschichte einiger Nordischen Völker; [Anmerkungen über die Allgemeine Nordische Geschichte des Hrn. ... Schlözer; Versuchte Erklärung einer alten Preussischen

Aufschrift; Ueber die Gottesdienstlichen Alterthümer der Obodriten / Mit einer Vorrede herausgegeben von d. A. F. Büsching...— Berlin: Realschule, 1772.

284. Тунман. Untersuchungen über die Geschichte der östl. Völk. = *Thunmann, Hans Erich (1746—1778)*. Johann Thunmanns Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker; [Allgemeine Geschichte der Völker welche an dem Schwarzen Meere und der Mäotischen See bis auf den Einfall der Mogolen, gewohnt haben; Über die Geschichte und Sprache der Albaner und der Wlachen; Ueber einige Gegenstände der Russischen Geschichte].— Leipzig: Crusius, 1774.

285. Урзинус = *Ursinus, Johann Heinrich (1735—1796)*.— См. № 112.

286. Феофан = *Theophanes Homologetes (ca 752—818)*.— См. № 323.

287. Феофилакт = *Theophylactus Simocattes (VII s.)*.— См. № 323.

288. Фома, архидиакон Спалатрский см. № 187.

289. Форстер. Von den Entdeckungen in Norden = *Forster, Johann Reinhold (1729—1798)*. Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden: Mit neuen Originalkarten versehen / Von J. R. Forster...— Frankfurt a. M. [etc.]: Strauss, 1784.

В комментариях к этому сочинению содержатся сведения из описания путешествий Отера и Вульфстана, составленного Альфредом Великим (*Alfred the Great, king of England, 849—901*), на которое и ссылается Карамзин (примеч. 78, 80, 147).

290. Фортунатус = *Fortunatus, Venantius Honorius Clementianus (ca 540—ca 600)*.— Его двустихие о рунх процитировано в статье Ире (см. № 379).

291. Фотий. Библиотека или Выписки из разных книг см. № 365.

292. Французская энциклопедия.— Имеется в виду: Encyclopedie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des metiers / Par un Société de gens de lottres; Mis en ordre par Diderot... et quant à la partie mathématique, par d'Alembert...; на протяжении XVIII — начала XIX в. переиздавалась неоднократно.

293. Французские бенедиктинские монахи. Новая система дипломатики = *Toussain, Charles François (1700—1754)*. Nouveau traité de diplomatique... / [Avec collaboration R. P. Tassin et J. B. Baussonnet].— Paris: Despez, 1750—1765.— 6 vol.

Упоминается в статье Добнера (см. № 116).

294. Фредегарий Схоластик (Фредегарий). Chron. в Дюшен. Собрании франкских летописей = *Pseudo-Fredegarus*. ...Chronicon: Quod... a fine Historii Gregorii episcopi Turonensis usque ad Pipini... consecrationem perduxit... // Duchesne A. Historiae Francorum scriptores...— Paris, 1636.— Т. 1.— P. 740—781.

295. Френ. De Chasaris = *Fraehn, Christian Martin Joachim (1782—1851)*. De Chasaris: Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Ps 1.— СПб.: Acad. scientiarum, 1822.

Отдельный отиск из Записок императорской Академии наук. Вышла только ч. 1. Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4696).

296. Фриш. Hist. linguæ Slavonicæ etc. = *Frisch, Johann*

Leonhard (1666—1743). ...*Historiam linguae Slavonicae continuat quatuor capitibus*. I. De origine characteris cyrillici speciatim. II. De cultura linguae Slavonicae... III. De typis novis Slavonico-Moscoviticis. IV. De dialecto Russica...—Berlin, 1727.

297. Хроника De conversione Bajoariorum = *Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum*.—Составлена в 871—872 гг. в Зальцбурге. Упоминается в статье Пельцеля, с. 223 (см. № 231).

298. Хроника *Imago mundi* = *Honorius* (— *post 1152*), предполагаемый автор.— Упоминается в издании «Хеймскринглы», т. 1, с. 233 (см. № 264).

299. Цезарь, Юлий = *Caesar, Cajus Julius (100—44)*. *De bello Gallico*.

Ссылки Карамзина не дают оснований для отождествления издания. Сочинение переиздавалось неоднократно; русский перевод осуществлен в 1774 г. С. Вороновым.

300. Шатобриан. Путешествие = *Chateaubriand, François René (1768—1848)*. *Itineraire de Paris à Jerusalem*.

Переиздавалось неоднократно; русский перевод И. Грацианского вышел в 1815—1816 гг.

301. Швандтнер. *Script. rerum Hung. etc.* (Собрание венгерских историков) = *Schwandtner, Johann Georg von (1716—1791)*. *Scriptores rerum Hungaricarum veteres, ac genuini ... / Cura et studio J. G. Schwandtneri...*—Wien: Kraus, 1746—1748.— 3 т.

Включает, в числе прочих, сочинения Анонимного нотариия короля Белы (см. № 181), Л. Тубера (см. № 276), И. Луция, Диоклеаса и Фомы Спалатрского (см. № 187).

302. Шевалье. *Voyage de la Propontide* = *Le Chevalier, Jean Baptiste (1752—1836)*. *Voyage de la Propontide et du Pont-Euxin / Par J.-B. Le Chevalier...*—Paris: Dentu, 1780.

303. Шенинг [в] Шлеце. *Nord. Gesch. c. 24* = *Schöning, Gerhard (1722—1780)*. *Vorläufige Abhandlung von der Umwissenheit der alten Griechen und Römer in der Erd- und Geschichtkunde des Nordens / Von... G. Schöning...* // *Schlözer A. L. von. Allgemeine Nordische Geschichte*.—Halle, 1771.—S. 9—203.

304. Шепер. *Nestors Jahrbücher* = *Scherer, Johann Benedict (1741 —)*. *Des heiligen Nestors und der Fortsetzer desselben älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte vom Jahre 858—1203: Aus dem Russischen übersetzt und mit Anmerkungen versehen*.—Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1774.

305. Шериф аль-Эдризи (Нубийский географ) = *Scherif al-Idrīsī (1100—1166)*, ошибочно называемый в историографии XVII—начала XIX вв. «нубийским». Цитируется по изданию Ибн-Гаукаля (см. № 353); упоминается также в сочинении Тунмана (см. № 284).

306. Шлегель. *Ueber die Sprache und Weisheit der Indier* = *Schlegel, Friedrich (1772—1829)*. *Über die Sprache und Weisheit der Indier...*—Heidelberg: Mohr, 1808.

307. Шлецер. *Nestor* (Nestor) = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. *Nestor: Russische Annalen in ihrer Slavischen Grundsprache ...*—Göttingen: Dieterich, 1802—1809.— 5 Th.

Тома этого издания по мере выхода в свет Н. М. Карамзин получал от А. И. Тургенева (Переписка Н. М. Карамзина с А. И. Тургеневым. // РС.— 1899.— Янв.— С. 227). Русский перевод Д. Языкова вышел в 1809—1819 гг.

308. Шлецер. Север. ист. Von der Schreibkunst in Norden см. № 379.

309. Шлецер. Gesch. der Deutschen in Siebenbürgen = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen.— Göttingen: Vandenhoeck, 1795—1797.— 3 Stücke.

310. Шлецер. Nordische Gesch. = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. Allgemeine Nordische Geschichte...: Als eine Geographische und Historische Einleitung zur richtigsten Kenntniss aller Skandinavischen, Finnischen Slavischen Lettischen, und Sibirischen Völker... / Herausgegeben von A. L. Schlözer.— Halle: Gebauer, 1771.

Карамзин ссылается как на изыскания самого Шлецера, помещенные в этом издании (примеч. 246), так и на труды Байера (см. № 25), Шенинга (см. № 303 и 312), Ире (см. № 148, 379) и др., снабженные комментариями Шлецера.

311. Шлецер. Nord. Gesch. с. 10—34, 23, 176 см. № 303.

312. Шлецер. Nord. Gesch. с. 438, 453 = *Schöning, Gerhard (1722—1780)*. Nähere Beschreibung des Finnischen Nordens, besonders in Ansehung Skandiaviens, / Von Schöning ... // Schlözer A. L. von. Allgemeine Nordische Geschichte...— Halle, 1771.— S. 437—490.

313. Шлецер. Nord. Gesch. с. 596, 599, 611 см. № 379.

314. Шлецер. Nord. Gesch. с. 495, 501 см. № 25.

315. Шлецер. Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. Oskold und Dir / Eine russische Geschichte, kritisch beschrieben von A. L. Schlözer...— Göttingen: Dieterich, 1773.

316. Шлецер. Russisch. Annal. см. № 317.

317. Шлецер. Probe Russisch. Annal. = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. Probe Russischer Annalen...— Bremen; Göttingen: Förster, 1768.

318. Шлецер. Versuch eine Geschichte des Vandels und der Schifffahrt in der ältesten Zeiten = *Schlözer, August Ludwig von (1735—1809)*. A. L. Schlözers Versuch einer allgemeinen Geschichte der Handlung und Seefart in den ältesten Zeiten / Aus dem Schwedischen [von T. H. Gadebusch]. — Rostock: Koppe, 1761.

319. Шперлинг = *Sperling, Otto (1634—1715)*. De Danica linguae et nominis antiqua gloria et praerogativa inter septentrionales commentariolus O. Sperlingii... — København: Sumptibus auctoris, 1694.

320. Шпренгель. Gesch. der Entdeck. = *Sprengel, Matthias Christian (1746—1803)*. Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen bis zur Ankunft der Portugiesen in Japan 1542.— Halle: Hemmerde und Schwetschke, 1792.

321. Шреттер. III. Abhandlung aus dem Oesterreichischen Staatsrechte = *Schrötter, Franz Ferdinand von (1736—1780)*. Erste[-fünfte] Abhandlung aus dem österreichischen Staatsrechte... / Herausgegeben von F.F. Schrötter... — Wien: Kraus, 1762—1766. — 5 Abh.

Abh. 3: Erbhuldigungen und Kleinodien.

322. Штраленберг = *Stralenberg, Philipp Johan Tabbert von (1676—1747)*. Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia: In so weit solches des gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreiffet... — Stockholm: Schneider, 1730.

323. Штриттер. Memoriae populorum = *Stritter, Johann Gotthelf (1740—1801)*. Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum mare Caspium et inde magis ad septemtriones incolentium / E scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae... — СПб.: Acad. scientiarum, 1771—1773.— 4 т.

Свод извлечений из сочинений византийских авторов, многократно использованный Карамзиным в работе над «Историей».

324. Шурцфлейш. De rebus Slavicis = *Schurzfleisch, Konrad Samuel (1641—1708)*. Opera historica politica: Antehac separatim sub variis titulis edita, nunc uno volumine conjuncta... — Berlin: Meier, 1690.

Интересующее Карамзина сочинение «Res Slavicae» — на с. 458—470.

325. Эби-Абдалль-Вегаб, Ахмет см. № 216.

326. Эбн-Гаукаль. The oriental geography см. № 353.

327. Эдда = *Edda, ou Monumens de la mythologie et de la poésie des anciens peuples du Nord...* // Mallet P. H. Histoire de Danemarck... — Geneve, 1787.— Vol. 2.

Издание Младшей Эдды.

328. Эльмакин см. № 10.

329. Эрбелот. Bibliothèque orientale (Восточная библиотека) = *Herbelot, Barthelemy d' (1625—1695)*.— Сочинение переиздавалось неоднократно.

330. Эфик Космограф. Cosmographia в изд. 1685 г. = *Pseudo-Aethicus. Cosmographia, quae falso hactenus Aethicus auctorem praetulit ...* // Mela P. ...Libri tres de situ orbis... — Leiden, 1685.— Ps. 3.

331. Юм. Англ. история = *Hume, David (1711—1776)*. History of England, from the invasio of Julius Caesar to the revolution in 1688 ...

Переиздавалась неоднократно.

332. Юниус = *Junius, Franciscus (1589—1677)*. Имеется в виду его «Gothicum glossarium», переиздававшийся неоднократно.

333. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. на 1785 год, с. 136 см. № 116.

334. Abhandlung von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden = Bey der von Metzradischen und von Portzigschen Vermählung, im August 1766 in Weissenfels, überreichte sein Glückwunsch nebst eine Abhandlung von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden ein verbundenster Diener.— Görlitz: S. n., 1766.

335. Acta Borussica = Acta Borussica, ecclesiastica, civilia, litteraria, oder Sorgfältige Sammlung allerhand zur Geschichte des Landes Preussen gehörigen Nachrichten... — Königsberg; Leipzig: Eckart, 1730—1732.— 3 Bd.

336. Acta sanctorum IX Mart. см. № 377.

337. Allgem. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray = = Allgemeine Weltgeschichte, von der Schöpfung an bis auf gegenwärtige Zeit / Ausgefertigt von W. Guthrie, J. Gray und Andern; Aus dem Englischen [von J. S. Gellius]... — Leipzig: Weidmann, 1765—1808.— 17 Bd.

Источником сведений об этом издании для Карамзина послужило сочинение Гебгарди, т. 1, с. XXI (см. № 74),

338. *Annales Fuldenses* в Дюшене = *Annales Francorum Fuldenses*, ab anno... 714 ad annum 900 // Duchesne A. *Historiae Francorum scriptores...* — Paris, 1640. — Т. 2. — P. 531—585.

339. *Annales Metenses* = *Annales rerum Francicarum*, ab anno Christi 687 usque ad annum 904: In monasterio sancti Arnulfi Metensis scripti // Duchesne A. *Historiae Francorum scriptores...* — Paris, 1641. — Т. 3. — P. 262—333.

340. *Annalista Hildesheimensis* = *Chronicon Hildesheimense*: Ab anno ... 714 ad annum usque 1138 // [Ibid.] — P. 504—539.

341. *Annalista Saxo* см. № 258.

342. *L'art de verif. les dates* = *L'art de vérifier les dates des faits historiques, des chartes etc. depuis la naissance de Jesus Christus ...* — Paris.

Знаменитый труд, составленный учеными-монахами Конгрегации св. Мавра; переиздавался неоднократно. По описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем, числится издание без выходных данных (№ 4).

343. *Ballet. Dictionnaire celtique...* = *Bullet, Jean Baptiste (1699—1775). Dictionnaire de la langue celtique / Par m. Bullet...* Переиздавался неоднократно.

344. *Bibliotheca Slavica* см. № 130.

345. *Bose Saga*. — Сведения об этом источнике взяты Карамзиным из сочинения Шлёцера, т. 2, с. 191 (см. № 307).

346. *Chron. Slavorum* в издан. Линденброг. с. 202 = *Incerti auctoris Chronica Slavica // Lindenbrog E. Scriptores rerum Germanicarum septentrionalium.* — Hamburg, 1706. — P. 189—261.

Экземпляр НБ МГУ (и: 247281) с пометами Карамзина периода его работы над «Историей...».

347. *Cométographie* = *Pingré, Alexandre Gui (1711—1796). Cométographie, ou Traité historique et theorique des comètes.* — Paris: Imprimerie royale, 1784. — 2 vol.

348. *Commentationes Societatis regiae scientiarum Gottingensis*. Т. 2. С. 123 = *Gatterer, Johann Christoph (1727—1799). De linguae Germanicae epocha diplomatica // Commentationes Societatis regiae scientiarum Gottingensis, per annos 1779—1808.* — 1779. — Vol. 2: *Historica et philologica classis.* — P. 52—124.

349. *Continuator Reginonis* см. № 244.

350. *Decret. s. Ladisl.* — Имеются в виду три свода законов венгерского короля Ласло I (*László I, 1077—1095*), издававшиеся неоднократно.

351. *Dissertation sur les anciens Russes* см. № 268.

352. *Dissertation sur l'état de la monnaie Romaine* = *Dupuy, Louis (1709—1795). Dissertation sur l'état de la monnaie Romaine, principalement sous Constantin le Grand, et quelques-uns de ses successeurs. // Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres...* — Paris, 1761. — Т. 28. — P. 647—753.

353. *Ebn Haukal. The oriental geography ... translated by W. Ouseley* = *Ibn Hawkal, Abū l-Kāzīm Muḥammad (X s.). ...The oriental geography of Ebn Haukal, an Arabian traveller of the tenth century / Translated from a manuscript in his own possession ... by sir William Ouseley...* — London: Wilson, 1800.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками

Н. М. Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4687).

354. *Ephemerid. Graeco-Moscis.*— Издание, послужившее для Карамзина источником сведений, установить не удалось. Наиболее вероятным представляется использование им сведений об этом памятнике, содержащихся в сочинении Ассемани, т. 4 и 5 (см. № 21).

355. *Finnisches Lexicon = Juslenius, Daniel (1676—1752). ... Fennici lexici tentamen...*— Stockholm: Slavus, 1745.

356. *Fortsetzung des Allgem. Weltgesch. Ч. XXXII, с. 395 = Die Allgemeine Geschichte des Königreichs Dänemark / [Hrsg.] mit eine Vorrede von J. Ch. Gatterer. // Allgemeine Welthistorie... — Halle, 1770.— Th. 32.— S. 275—684.*

357. *Herrands Saga.*— Сведения об этом источнике взяты Карамзиным из сочинений Шлёцера (см. № 307), т. 2, с. 191.

358. *Hervarar Saga = Hervarar saga ok Heidreks konungs. Hervarar saga på gammal götska / Met Olai Verelii vtolkning och notis.*— Uppsala: Curio, 1672—1674.— 2 d.

Текст параллельно на исландском и шведском языках. Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной Сербиновичем (№ 19).

358a. *Historia Saracenica* см. № 10.

359. *Jut. Lawbook* в *Dissertation sur les anciens Russes = Judsche Lawbook.*— Упоминается в диссертации Струб де Пирмонт, с. 51 (см. № 268).

360. *Legatio Liutprandi etc.* в Муратори см. № 185.

361. *Mém. de l'Acad. des inscr.* т. X, с. 176 и 198, два рассуждения... [о гипербореях] = 1) *Gédoyn, Nicolas (1667—1744). Recherches sur les Hyperboreens // Histoire de l'Academie royale... — Paris, 1733.— Т. 7.— P. 113—126.* 2) *Banier, Antoine (1675—1741). Nouvelles réflexions sur les peuples appelés Hyperboreens // [Ibid.]— P. 127—150.*

См. комментарий к № 13а.

362. *Memoriae populorum* см. № 323.

363. *Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi,* I с. 4 см. № 196.

364. *The oriental geography...* см. № 353.

365. *Photius. Extraits...* в *Memoires des Academie des inscr. etc.— Photius. Extraits de Photius, / Traduits et accompagnez de notes par ... Gédoyn. // Histoire de l'Academie royale...—1743.— Т. 14.— P. 179—246.*

366. *Religion des Gaulois = Martin, Jacques (1684—1751). La religion des Gaulois: Tirée des plus pures sources de l'antiquité... — 2 vol.*

Сочинение переиздавалось неоднократно.

367. *Sacy, Silvestre de. Chrestomatie arabe... = Sacy, Antoine Isaac Silvestre de (1758—1838). Chrestomatie arabe, ou, Extraits de divers ecrivans arabes, tant en prose qu'en vers / Avec une traduction française et des notes... par A. I. Silvestre de Sacy...— Paris: Imprimerie imperiale, 1806.— 3 t.*

На с. 487—495 2-го тома этого издания приведена цитата из сочинения Масуди (*al-Mas'ūdī, Abu'l-Ḥasan 'Alī ben al-Ḥusain, 915—956*), с французским переводом и интерпретацией, на которую ссылается Карамзин (примеч. 90).

368. Samsonfagre Sage.— Сведения об этом источнике, вероятно, взяты Карамзиным из работы Шлёцера, с. 453 (см. № 310).

369. Sestrenczewicz. Hist. de la Tauride... = *Siestrzenczewicz, Stanislaw Bohusz (1731—1826). Histoire de la Tauride... / Par S. Sestrzenczewicz...— Braunschweig: Fauché, 1800.— 2 vol.*

370. Sonnerat. Voyage aux Indes Orientales et à la Chine... = *Sonnerat, Pierre (ca 1745—1814). Voyage aux Indes Orientales et à la Chine, fait depuis 1774 jusqu'en 1781 / Edition augmentée d'un Précis historique sur l'Inde depuis 1778, de notes... par Sonnerat.— Paris: Dentu, 1806.— 5 vol.*

371. Sur les fonctions des ambassadeurs chez les anciens = *Quelles estoient chez les anciens, les fonctions et les prerogatives des ambassadeurs // Histoire de l'Academie royale... — 1740.— T. 12.— P. 57—67.*

372. Tryggwasons Saga.— Перевод Карамзина этой саги Снорри Стурлузона (примеч. 484) сделан по изданию «Хеймскринглы», т. 1, с. 197 (см. № 264); он включает в себя, кроме того, сюжеты так называемой «Большой Саги об Олаве, сыне Трюгви» (ок. 1300 г.), не принадлежащей Снорри Стурлузону. Извлечения (в виде глосс к исландскому тексту) из «Большой Саги...» содержатся в том же издании «Хеймскринглы», т. 1, с. 233.

373. Untersuchungen der v. d. Königl. Academie zu Berlin auß d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen.— Издание обнаружить не удалось.

374. Vita s. Columbani.— Упоминается в сочинении Ассемани, т. 2, с. 21 (см. № 21).

375. Vita s. Ottonis.— Упоминается в сочинении Гебгарди, т. 1, с. 20 (см. № 74).

376. Vita s. Severini = *Eugippus (V—VI ss.)*. Vita s. Severini. Упоминается в сочинении Гебгарди т. 1, с. 12 (см. № 74).

377. Vitae ambae ss. Cyrill. et Method. in Act. Sanct. 9 Martia = *De sanctis episcopis Slavorum apostolis Cyrillo et Methodio, Olomucii in Moravia, commentarius praevious... // Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur... / Collegit... J. Bolandus... — Antwerpen, 1643.— T. 2.— P. 13—26.*

378. Voigt. Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen = *Voigt, Adauct a S. Germano (1733—1787). Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen // Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen.— 1775.— Bd. 1.*

379. Von der Schreibkunst im Norden = *Ihre, Johan (1707—1780). Von der Schreibkunst in Skandinavien, oder Von den Runen // Schlözer A. L. von. Allgemeine Nordische Geschichte.— Halle, 1771.— S. 572—618.*

380. Wandalia см. № 164.

А. Н. Сахаров, М. Б. Свердлов

ПОСЛЕСЛОВИЕ.
НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
В ОСВЕЩЕНИИ Н. М. КАРАМЗИНА

Первый том своей «Истории» Н. М. Карамзин создавал в строгом согласии с теми принципами, которыми он руководствовался при написании всего своего много-томного детища. Мы уже видели выше, насколько заботит ученого то обстоятельство, чтобы история России была написана пером патриотическим и честным, достоверным и художественным, пером, проникающим в суть исторических явлений и умеющим связать воедино как внутрисоссийские, так и мировые события.

Первый том «Истории» охватывает огромный период русской истории — от глубокой древности, теряющейся в веках, восходящей ко времени еще до «Рождества Христова»; от легендарных, полуфантастических, по мнению историка, сведений о народах гиперборейских, обитавших на территории нашего Отечества, — до начала XI в., когда Киевское государство достигло, казалось, зенита своей славы и европейской известности.

Последняя хронологическая точка первого тома — 1015 г., год смерти великого киевского князя Владимира Святославича, вместе с именем которого уйдет в прошлое единство и могущество Руси, ее древнее государственное величие. Конечно, будет еще правление Ярослава Мудрого, будут еще успехи и победы, но Русь, собранная при нем воедино лишь в 1036 г., после смерти Ярославова брата Мстислава, владевшего долгие годы половиной государства на Левобережье Днепра и далее вплоть до Тмутаракани, вновь скоро распалась и постепенно погружалась в трясину удельных междоусобий.

Уже в самом подходе историка к периодизации начальной истории Руси виден его концепционный взгляд на русское средневековье в целом: умение сопоставить историю России с мировой историей, преданность выбранному им государственному принципу построения исторического процесса.

И не случайно Н. М. Карамзин, следуя уже сложившейся в историографии традиции, которая ведет свое

начало от бессмертной «Повести временных лет» и связывает историю славянства с другими народами Европы, обращается прежде всего к самым древним известным ему сведениям греческих и римских авторов о народах, заселявших территорию будущей России, в том числе и о славянах. Это обращение позволяет автору сделать вывод о том, что территория нашего Отечества была «искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами»¹. И хотя Н. М. Карамзину не были известны позднейшие археологические исследования праславянских древностей, предпринятые русскими дореволюционными и советскими археологами, он сумел верно уловить как автохтонность части населения Восточно-Европейской равнины, так и основные миграционные процессы, затрагивающие этот регион.

Поразительно, но Н. М. Карамзин, переходя от «баснословных» сведений к исторически реальным фактам, открывает их чередой известий, связанных с появлением греческих поселений в Причерноморье. Мы говорим «поразительно» потому, что историк, верный своему принципу комплексности и всеохватности российской истории, начинает ее фактическое изложение, по существу, с народов нерусских, обитавших на территории будущей России. Правда, он оставил за чертой этого охвата древнейшие государства Закавказья и Средней Азии — к включению их истории в состав общероссийского курса отечественная наука пришла уже в советское время, — но внимательно отнесся к данным о поселениях в Причерноморье греков и сведениям древних авторов о киммерийцах, скифах, сарматах, аланах, готах, венедах, антах, гуннах, уграх, болгарах, появлявшихся, селившихся на территории будущей России, а потом пропадавших в глубинах истории или перемещавшихся в иные места и основывавших там свои государства.

Н. М. Карамзин, опираясь на сведения об антах и венедах, справедливо заметил, что они относились к народам славянским². Начиная историю самих славян с VI в. н. э., он записал: «Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем Отечестве»³. Собственно и современная исследовательская школа придерживается тех же исходных рубежей, хотя и начинает с этого времени историю не вообще славян, а славянской государственности⁴.

Правда, современные исследования основываются на значительно большем материале как письменных источников (включая, скажем, неизвестные Н. М. Карамзину данные восточных авторов)⁵, так и археологических. Однако автор «Истории государства Российского» верно уловил, что VI в. явился тем историческим рубежом, который во многом определил последующую историю восточного славянства.

В этой связи особенно необходимо отметить одно интересное наблюдение Карамзина, которое лишь в современной историографии начинает по-настоящему осваиваться исследователями. Он заметил, что вовсе не исключается, что славянские племена могли входить в состав державы гуннов, как ранее в состав Скифского государства⁶. Такой подход к проблеме позволяет выделить восточнославянское этническое, а возможно и государственное, ядро в значительно более ранний период времени. Во всяком случае, именно здесь сегодня идут оживленные научные споры⁷.

Следует обратить внимание еще на один важный момент в подходе Карамзина к истории освоения славянами территории Восточной Европы. Он, кажется, поддерживает дискуссионную и сегодня теорию о дунайской прародине славян и пишет о том, что именно из Подунавья началось движение древних славян в бассейн Днепра, а также через Восточную Европу на южное побережье Прибалтики. О прибалтийских славянах Н. М. Карамзин пишет применительно к VII в. н. э., очерчивая широкий ареал расселения славянства. Свое место в этом движении находят и те восточные славянские племена, которые позднее станут основой создания древнерусского государства.

Н. М. Карамзин включает в состав этой истории не только очерки о первых известных здесь поселенцах, но и о тех, кого история застала на территории страны уже в период образования восточнославянской государственности во второй половине I тысячелетия н. э., о финнах, чуди, «латышских народах» и др. Этот подход Н. М. Карамзина к российской истории оказался весьма перспективным. От него отправлялись впоследствии немало исследователей, в том числе и советских. Именно советские историки обогатили во многом эмпирический и интуитивный поиск Карамзина четким пониманием того, что

в процессе становления и развития древнерусского государства участвовало более двадцати неславянских народов, связанных со славянством тесными экономическими и военно-политическими узами⁸.

Интересны наблюдения Карамзина над общественно-политическим строем славян догосударственного периода. Однако род и племя как особые формы общественной организации им специально не рассматривались. Эти сюжеты, пути перерастания родового быта в государственный стали изучаться позднее в русской буржуазной историографии 20—30-х годов XIX в. дерптской школой (И. Ф. Г. Эверс, А. Рейц), а под ее влиянием в 40—50-е годы С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным и др. Наблюдения Карамзина относились прежде всего к изменениям форм правления. В соответствии с идеями теории общественного договора, идущими от просветительской историографии, историк исходит из мысли о «свободе» как начальной стадии «гражданского бытия», но в отличие от просветителей он придал такой «свободе» негативное содержание, поскольку она вела к неурядицам и беспорядкам. Основной формой общественной организации этого времени Карамзин считал семейную, характеризуя каждое семейство в соответствии с общим пониманием «свободы» «маленькою, независимую Республикою». Отмечал он также существование племенных собраний, значение приговоров «старцев», избрание «вождей» для военных походов, но с ограничением их власти.

Опыт, накопленный современной исторической наукой в изучении общественного строя славян VI — начала VII в., свидетельствует о том, что они находились на последней стадии развития родо-племенного строя (так называемый период «военной демократии»). У них существовало патриархальное рабство, большая патриархальная семья была далека от идиллических отношений; в ней было налицо ограничение прав детей и младших членов семьи, их подчинение старшим членам. Существовала социальная и имущественная дифференциация членов племени⁹.

Несомненное достоинство взглядов Карамзина на славянское общество догосударственного периода заключалось в том, что он рассматривал его в развитии. На значительных сравнительно-исторических материалах последующей истории славянских народов он верно

отметил направление этого развития — превращение народного правления в аристократическое: при сохранении роли выборов возрастание значения знати, существование знатных родов и появление наследственной княжеской власти. Таким образом, анализ истории восточнославянского общества в догосударственный период подводил Карамзина к проблеме появления государства у восточных славян как следствию их общего социально-политического развития. Власть, пришедшую на смену «народоправству», в соответствии с теориями своего времени он назвал «монархией» (или «единовластием»), не отождествляя ее с самодержавием. Так же двадцатью годами ранее Болтин воспринимал власть княжескую «издревле» как монархическую, хотя и отмечал, что власть новгородских князей была ограничена, а «вельможи и народ великую силу имели в определениях о вещах важных»¹⁰.

Таким образом в основе историко-политической концепции первого тома «Истории государства Российского» ясно прослеживается широко распространенная в XVIII в. теория смены форм власти: «народное правление» — «аристократическое правление» — «монархия».

Центральным событием истории восточного славянства Н. М. Карамзин в соответствии с государственной теорией считает призвание варягов и появление на основе этого призвания древнерусского государства в форме монархии (единодержавия), покончившего с рассеянием славянских племен и возвеличившего славян¹¹. Варяги, по мнению Н. М. Карамзина, «дали России первых государей и самое имя». Этот факт автор согласно русской летописи возводит к 862, а отсчет событий, закончившихся призванием, начинает с 859 г., когда ильменские славяне, чудь и меря, обложенные варягами данью, поднялись против них, изгнали притеснителей за море, а затем обратились к ним же с просьбой прислать князя, «иже бы володелъ нами и судилъ по праву», так как среди недавних союзников начались распри и междоусобицы и «и не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ»¹². При этом Карамзин отнюдь не говорит о завоевании варягами славянских и угро-финских племен; он считает, что они «добровольно уничтожают свое древнее народное правление, и требуют государей от варягов»¹³. И еще раз он возвращается к этой идее во втором томе

своего труда и вновь подчеркивает: «Князья Варяжские не завоевали нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государством»¹⁴. Обстоятельство это немаловажное при общей оценке так называемого норманизма Карамзина.

В дальнейшем своем повествовании автор подробно останавливается на двух сюжетах, связанных с призванием варягов: этническом происхождении варягов и появлением этнонима «Русь», состоянием восточнославянского общества до и после их призвания. Оба этих сюжета имеют самое прямое отношение к так называемой норманнской теории происхождения Русского государства. При изложении их Н. М. Карамзин активно включается в многолетнюю полемику, которая велась задолго до его намерения создать «Историю государства Российского», не закончилась с выходом в свет «Истории», продолжается она и по сей день.

Признание варягов норманнами (скандинавами) и убеждение в том, что именно они принесли государственность на Русь, в дальнейшем использовалось при создании версии норманнского, германского происхождения русского государства, версии о неспособности славянства к собственному государственному творчеству. Заметим, что обострение так называемого норманнского вопроса как до Карамзина, так и после него было связано либо с обострением национальных отношений в России, особенно в высших слоях общества, как это случилось в пору борьбы русского дворянства против последствий бироновщины (и в частности, борьбы русских ученых против засилья немцев в системе Петербургской Академии наук), либо с политическим обострением отношений Российской империи с западными странами (скажем, в период кануна и хода Крымской войны). После революции норманнская теория происхождения Русского государства долгие годы использовалась нашими недругами, стремившимися всячески принизить историю советского народа, вызвать у западных читателей образ отсталой, дикой, жестокой страны.

Карамзин считал варягов норманнами, скандинавами. В случае с описанием истории посольства государства Русь в Византию и Франкскую империю в 838—839 гг. он называет их шведами¹⁵.

Однако, поддерживая идею о создании варягами Рус-

ского государства, Карамзин имел в виду совсем иные цели. Они находились в полном согласии с его концепцией благотворной роли монархии, самодержавия для процветания страны, а кто был инициатором этого государственного начала, для него не имело большого значения, так как создание монархических династий во многих странах Европы восходило к зарубежным «инициативам» — приглашениям или завоеваниям — и не имело существенной роли для характера самого государства.

Сам вопрос об этнической принадлежности варягов решался Карамзиным очень осторожно. Отстаивая свою точку зрения на скандинавское происхождение варягов, Карамзин дает пространный очерк об «эпохе викингов», эпохе норманнских завоеваний, набегах норманнских грабительских шаек на европейские государства от Англии до Сицилии.

В то же время историк весьма внимателен и к другим точкам зрения на этническое происхождение варягов. Так, В. Н. Татищев и И. Н. Болтин считали их финнами, М. В. Ломоносов отстаивал точку зрения о их южно-прибалтийском, прусском происхождении; приводит Карамзин и мнение об их датском происхождении и о том, что они являются «единоплеменниками славян»¹⁶. Особенно подробно пишет историк о прибалтийских славянах. Южнобалтийские славяне, близкие к славянам пруссы, государство прибалтийских славян-венедов на о. Рюген с центром в г. Арконе, где стоял всеславянский идол Святovit, короли Рюгена, дружины государства Рюген, уходившие со своими вождями на грабительский промысел, занимают большое место в изложении внимательного и вдумчивого исследователя, которого, видимо, беспокоила некоторая односторонность и недостаточная аргументированность собственных оценок в сопоставлении с мощным пластом фактов о близкой территориально к ильменским славянам прибалтийской Руси¹⁷.

Совершенно не соглашаясь с фактами, приводимыми в так называемой «Иоакимовской летописи», отрывки из которой были опубликованы Татищевым, Карамзин в то же время подробно цитирует этот источник в «Примечаниях», постоянно обращается к ее данным. В «Примечаниях» Н. М. Карамзин подробно комментирует и точку зрения Миллера, говорящего о том, что варяжские князья были призваны новгородцами не для

правления, а просто в качестве наемных мечей для защиты границ от набегов соседей¹⁸. Таким образом, историк преподал будущим поколениям блестящий пример не только научной добросовестности, но и научной терпимости.

С тех пор утекло много воды, но и по сей день бушуют страсти вокруг норманнского вопроса¹⁹. Однако если ранее осью проблемы были споры вокруг значения варягов в становлении древнерусского государства, то сегодня, кажется, эта ось заметно сдвигается. После многочисленных исследований советских ученых и в первую очередь трудов Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, Е. А. Рыдзевской и др., а также трудов польского историка Х. Ловмянского, ряда западных публикаций, показавших органичность вызревания государственности на Руси, связанности этого процесса с общим социально-экономическим и политическим развитием восточнославянских земель (что вовсе не исключало наличия внешних импульсов становления этой государственности), все более очевидно проявляется идеологическая заданность норманнской теории, ее антинаучность. Собственно, сегодня эта теория потеряла свое исследовательское значение. Зато невероятно выросла, развилась и идеологически обострилась ее другая сторона — кто же все-таки были те варяги, которые, хотя и не имели большого значения в становлении русской государственности, которое им приписывалось ранее, тем не менее дали начало иноземной династии на Руси. Так вопрос в общем-то безобидный, вполне научный, и сегодня, к сожалению, имеет идеологическое звучание. По существу, сторонники скандинавского происхождения варягов привнесли в полемику всю страсть и бескомпромиссность прежнего времени²⁰, в то же время как сторонники балтославянского происхождения варягов считают, что нынешний норманизм обрел лишь иное обличье; в его основе лежит признание скандинавской принадлежности варягов²¹. И пока не видится альтернативы возврата к тем временам, когда свободный от этих страстей Н. М. Карамзин проводил спокойно и доброжелательно свое исследование вопроса.

В соответствии со своим пониманием исторического развития Н. М. Карамзин считает призывание варя-

гов не только отправной точкой создания государства, но и началом феодализма на Руси, под которым он понимает появление системы уделов²². Рюрик сразу же отдал города «своим единоземцам». Позднее Святослав поделил государство между сыновьями. Удельная система постоянно противоборствовала с системой единовластия, пока наконец не сокрушила последнюю. Эти представления Карамзина, конечно, не могут сегодня выдержать научной критики. Развитие древнерусской государственности от племенных конфедераций к единому государству, утвердившемуся при Владимире Святославиче, и последующий прогрессирующий распад страны, обозначившийся во второй половине XI в., определялись не личными решениями князей и не политическими мотивами, а общими социально-экономическими, политическими, культурными процессами²³. При этом необходимо заметить, что и в настоящее время в советской исторической науке нет единства в подходе к вопросу о сущности и уровне феодализации древней Руси в X—XII вв. Так, И. Я. Фроянов и те ученые, кто поддерживает его, защищают концепцию о нефеодальном типе киевского общества, в известной мере еще родо-племенных отношениях в IX—XI вв., относя процесс феодализации к более позднему времени. Тем самым возрождаются уже обсуждавшиеся в 30-е годы проблемы генезиса феодализма на Руси²⁴.

Говоря об идеализме концепции Карамзина, вместе с тем нельзя отрицать и роль великокняжеской власти, через решения которой в известной мере проявлялись общенациональные тенденции. Так, едва ли стоит оспаривать точку зрения Н. М. Карамзина, когда он указывает на то, что разделение Святославом перед уходом на Дунай главных русских земель между своими сыновьями способствовало политическому расколу страны. Было бы странно, если бы в лишь создаваемой «империи Рюриковичей» такого рода решения имели иной результат.

В постановке вопроса об общественном строе древней Руси и его решении в полной мере раскрылась научная и идейно-политическая позиция Карамзина. Его в равной мере не удовлетворяло ни щербатовское молчание о феодализме на Руси как следствие откровенно консервативных позиций историка, ни прогрессивные, несущие

в себе революционные идеи концепции просветительской историографии, устанавливающие истоки феодального строя в раннем средневековье и прослеживающие феодальные институты в XVIII в., когда они должны были быть уничтожены революцией или отменены посредством реформ. Отсюда крайнее хронологическое ограничение «Системы Феодальной» древнейшим периодом IX в. Далее Карамзин пишет о системе уделов в традициях русской дворянской историографии XVIII в. Однако в содержании этой системы ясно узнаются элементы просветительских теорий, усматривающих в феодализме политическую систему: «варяги, на условиях поместной системы владевшие городами, имели титул князей»; «дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же Уделы»; «великий Князь как государь располагал сими частными княжествами»; «другие города и волости непосредственно зависели от великого князя: он управлял ими чрез своих посадников или наместников». Таким образом, хотя феодальная система и не называется таковой после ее единственного упоминания в первом томе «Истории государства Российского», фактически именно она воспроизводится Карамзиным в описании политического строя Руси до начала XI в. Обратившись в первом томе «Истории государства Российского» к важнейшей теоретической проблеме феодального строя в древней Руси, он затем практически положил эту теорию в основу характеристики удельного периода до XV в.

Если принять во внимание эти наблюдения о происхождении уделов в «системе феодальной», о понимании этих уделов как французских апанажей, типичных феодальных владений принцев королевской крови, то становится очевидным, что для Карамзина «система уделов» от Рюрика до Ивана III значила больше, чем просто уделы как форма княжеского владения. В основе карамзинской характеристики «системы уделов» лежали представления о них как об особой форме феодальной иерархии.

Какое место занимает карамзинское решение проблемы феодализма на Руси в последующей истории русской исторической науки? В острой борьбе мнений вокруг «Истории государства Российского»²⁵ некоторые историки приняли идеи Н. М. Карамзина как официального историографа. Но уже в первой половине 20-х

годов идеолог радикального направления декабризма П. И. Пестель противопоставил им новое понимание феодализма, содержавшееся в трудах французских историков конца 10-х — первой половины 20-х годов, так называемой романтической историографии (прежде всего О. Тьерри и Ф. Гизо) с ее пониманием истории как истории классов и классовой борьбы. Более ограниченно по общественно-политическому содержанию, но также в соответствии с представлениями французской романтической историографии, сохраняя идеи единства исторического прогресса при переходе от племенного строя к феодальному, писал о феодализме в древней Руси яркий представитель либерально-буржуазного направления Н. А. Полевой, который упрекал Карамзина в том, что «История государства Российского» — «это, собственно, История Государей, а не государства, не народа».

Но если наиболее проникательные представители передовых направлений исторической мысли, сохраняя идею о феодальном строе в русской истории, отказывались от карамзинской ее интерпретации, то целенаправленная идеологическая политика царизма в период николаевской реакции в своем стремлении противопоставить историческое развитие России и стран Западной Европы, потрясавшихся в 1830—1848/49 гг. буржуазными и буржуазно-демократическими революциями, стала отвергать даже карамзинское решение проблемы феодализма на Руси с его идеями единства исторического процесса. Официальная концепция «православия, самодержавия, народности» подразумевала вообще отсутствие феодального строя в русской истории в понимании даже умеренно-либеральном. Таким образом, Карамзин, сохранив традиции просветительской историографии предшествующего столетия, достижения историографии периода просвещенного абсолютизма, усвоившего эти идеи и трансформировавшего их, оказался на передовом для своего времени исследовательском направлении. Но общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина привели к существенному ограничению тех исследовательских возможностей, которые эти идеи содержали.

Большое место в первом томе занимают вопросы политической истории древней Руси. Это и понятно. Здесь, по мнению автора, наиболее ярко находили воплощение те исторические тенденции, которые определяли жизнь

страны: сильная или слабая верховная власть, ее централизованный или, напротив, разобщенный характер. Карамзин стремится показать, как по мере возвышения на Руси монархических начал более успешной становилась ее внешняя политика, укреплялся международный престиж страны. Повторим лишь, что историк верно подметил следствия исторического процесса, но не сумел вскрыть его социально-экономической и политической основы.

Автор подробно рассказывает о создании единого государства, объединении Новгородской и Киевской земель. Для него при этом было совершенно естественным древнее существование на Руси двух политических центров — Новгорода и Киева. Новгородские земли ориентировались на северные европейские связи. Вспомним, что, по мнению Карамзина, придунайские славяне шли на север двумя потоками — один направлялся через Восточную Европу в Прибалтику, а другой — в Поднепровье. Согласно этой концепции, если и существовали какие-то миграционные влияния на район Новгорода, прильменских славян, то шли они в основном не с юга на север, не из Киева в Новгород, а из южной Прибалтики на Восток.

Другой важнейший сюжет в политической истории Руси до начала XI в. — внешняя политика — остался в первом томе «Истории государства Российского» мало изученным. Внимание Карамзина было традиционно направлено преимущественно на русско-византийские отношения и в значительно меньшей мере на отношения Руси с кочевниками. Восточная политика киевских князей, политические отношения Руси в этот период со странами Центральной и Северной Европы остались Карамзиным не раскрытыми²⁶. Правда, автор описывает военные предприятия Аскольда и Дира, Олега, в частности их походы на Константинополь. Однако он не знает открытых на исходе XIX в. данных о том, что поход русского войска состоялся в 860 г., т. е. до, а не после летописного свидетельства о призвании варягов²⁷. Неизвестна ему и последующая за нападением венгров на Киев история русско-венгерских отношений, вылившаяся в долголетний союз прежних противников. Неведом Карамзину также факт похода русов на Восток в начале X в., некоторые другие внешнеполитические

события, выявленные уже на основании источников, неизвестных Карамзину.

Сегодня нас не может удовлетворить «слишком некритическое следование автора за летописными данными в оценке внутри- и внешнеполитической истории Руси времени Святослава Игоревича, его общая негативная оценка деятельности этого князя, выраженная следующими словами: «Образец великих Полковоцев не есть пример Государя великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага»²⁸. Исследования советских и зарубежных ученых показали масштабность, государственную обусловленность военных и внешнеполитических предприятий Святослава. Сомнения вызывают оценки русско-болгарских отношений той поры лишь как враждебных, данные Карамзиным на основе тенденциозных византийских источников без учета анализа различных настроений в тогдашнем болгарском обществе»²⁹.

Завершается первый том времени правления Владимира Святославича, в котором основное внимание Н. М. Карамзин уделяет истории принятия Русью христианства.

Изучение в начале XIX в. этой проблемы содержало острые коллизии. С одной стороны, Карамзину, воспитанному в традициях рационализма XVIII в., были чужды провиденциалистско-теологические теории. Как человек высокой исследовательской культуры, он не мог бездумно привлекать сложные по происхождению и содержанию исторические материалы, освещающие историю русской церкви. Среди просвещенной части русского общества, к которой принадлежал Карамзин, большое значение сохраняла острая критика христианской религии и церкви Вольтером, Гольбахом и другими просветителями. С другой стороны, Карамзин являлся официальным историографом Российской империи, где православие было официальной религией, а церковь — одним из столпов феодально-католического самодержавного строя. Эти два противоположных по содержанию фактора оказали определяющее воздействие на изучение Карамзиным проблемы распространения христианства на Руси и ее крещения.

Карамзин собрал значительные для своего времени сравнительно-исторические материалы о языческой религии славян и, в частности, древних русов: состав и

иерархия пантеона, объекты религиозных культов, верования и обрядность, жречество и места молений. Тогда еще не пришло время анализа истории и структуры языческой религии в ее развитии (фетишизм, анимизм, тотемизм). Разумеется, Карамзин не мог раскрыть религиозно-идеологические функции язычества и предпосылки закономерной смены его христианством. Но он много сделал для мобилизации многочисленных материалов о славянском язычестве. Признаваемые Карамзиным факты крещения русов в середине IX в., существования христианской общины в Киеве в первой половине X в., крещения княгини Ольги в середине X столетия и ее попыток распространить христианство создавали емкую историческую картину христианизации Руси в IX—X вв. На ее фоне крещение князя Владимира и введение христианства на Руси в качестве государственной религии оказываются не случайными феноменами, а закономерным результатом предшествующей истории, культурных, идеологических и политических контактов с Византией, хотя объяснялись эти факты в духе времени — «преимуществами» христианства православного толка. Сумел Карамзин заметить и общность судеб ряда восточноевропейских стран при переходе в христианство, хронологическую близость этого события в ряде стран: Венгрии, Швеции, Норвегии, Дании, Руси³⁰. Подчеркнул он и международный аспект крещения Руси, возвышение престижа древнерусского государства.

В деликатное положение ставило Карамзина сообщение «Хроники Продолжателя Регинона» о посольстве княгини Ольги к германскому королю (позднее императору) Оттону I. Как следовало из этого сообщения, Ольга, крестившаяся в Константинополе, просила Оттона послать на Русь епископа и священников. Епископом был отправлен Адальберт. Но видимо, в результате резко изменившейся обстановки на Руси Адальберт со спутниками должен был оттуда бежать. Это известие, сообщая о внешнеполитическом искусстве княгини, разрушало стереотипные представления об исключительном влиянии на Руси в древнейший период восточно-христианской церкви, с одной стороны, и об определяющем значении Византии в христианизаторской деятельности Ольги, канонизированной православной церковью, — с другой. Поэтому Карамзин при изложении процесса

распространения христианства на Руси умолчал об этих сюжетах, лишь упомянув их в «Примечаниях»³¹.

Анализируя принятие Русью христианства, историк приводит весь известный ему круг русских и византийских источников (данные летописи, византийских авторов — Льва Дьякона, Скилицы-Кедрина, Зонары). Однако в поле его внимания не попали восточные источники, что привело в общем к неполной и порой искаженной версии событий. Он проходит мимо сложной политической и дипломатической борьбы вокруг вопроса о крещении, ему неизвестны условия русско-византийских соглашений на этот счет. Неясно для Карамзина и место русско-болгарско-византийских противоречий в общем контексте событий³². Идя вслед за летописью и рассказывая о так называемых владимировых «посольствах о вере», автор не стремится, как и в случае с русско-германскими отношениями в период правления княгини Ольги, показать различные религиозные влияния на Русь, адекватные влияниям политическим и культурным, что стало впоследствии одной из важнейших линий исследования этой проблемы³³. Не затронул он также весьма очевидный, но деликатный вопрос об организации русской церкви. Здесь историк будто бы чувствовал, сколь дискуссионным станет этот вопрос в дальнейшем.

Уже в первом томе Н. М. Карамзин демонстрирует свое умение создавать широкие обобщения, раскрывающие ту или иную стороны российских древностей. Отдельный яркий очерк он посвятил быту древней Руси.

Важно подчеркнуть, что Н. М. Карамзин в лучших традициях едва ли не заложенной им отечественной исследовательской школы открывает том обзором источников, использованных им в «Истории государства Российского». Он дает отдельной главой великолепный очерк о «физической и нравственной характеристике» славян, где по крупницам, собранным в самых разнообразных источниках, воссоздает обобщенный образ древних славян — смелых, хищных, жестоких и добродушных³⁴, рисует их образ жизни, сообщает ценнейшие сведения об их жилищах, пище, торговле, одежде, играх, танцах, музыке, религии. При этом он не ограничивается лишь описанием восточных славян, но дает широкий абрис всего восточноевропейского славянского мира,

тем самым включая историю Руси в общее русло европейской истории. При написании своего труда он учел практически все введенные в научный оборот отечественные и зарубежные источники, содержащие сведения о Руси изучаемого периода, дал их подробный комментарий, критически оценил. Многие из этих известий Карамзин использовал в исследовательской литературе впервые.

Первый том «Истории государства Российского» стал тем камертоном, который определил звучание всего исследовательского и художественного оркестра замечательного историка.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. I (далее: Н. М. Карамзин. История. Т. I). С. 1.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 1.

⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 11—107.

⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. *Он же*. Русь и государства Кавказа и Азии // Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.

⁶ Н. М. Карамзин. История. Т. I. С. 11.

⁷ Сл. Сахаров А. Н. Исторические судьбы восточного славянства // Вопр. истории. 1984. № 4.

⁸ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. С. 77—127.

⁹ Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII века // Советское славяноведение. 1977. № 3. С. 46—59 (см. там же историографию вопроса).

¹⁰ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. 58.

¹¹ Н. М. Карамзин. История. Т. I. С. 264, 67.

¹² Повесть временных лет. М., Л., 1950. Т. 1. С. 18.

¹³ Н. М. Карамзин. История. Т. I. С. 67.

¹⁴ Н. М. Карамзин. История. СПб., 1842. Т. II. С. 38.

¹⁵ Н. М. Карамзин. История. Т. I. С. 29, 28.

¹⁶ Там же. Примеч. 91, 108, 111.

¹⁷ Там же. С. 49 и сл. и соответствующие примечания.

¹⁸ Там же. Примеч. 276, 278.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в. // Вопр. истории. 1962. № 4. С. 36—39; Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 229—288; Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965; Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопр. истории. 1970. № 10. С. 28—55; *Он же*. Об этнической природе варягов: (К постановке

проблемы) // *Вопр. истории*. 1974. № 11. С. 54—83; *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 290—315; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 189—297; и др.

²⁰ *Джаксон Т. Н., Плимак Е. Г.* Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма: (В связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII в.» К. Маркса) // *История СССР*. 1988, № 6. С. 40—51.

²¹ *Кузьмин А. Г.* [Предисловие] // Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986. Кн. 2. С. 5—34.

²² *Н. М. Карамзин*. История. Т. I, С. 70.

²³ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Указ. соч.; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972; *Л. В. Черепнин*. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства // *Исторические записки*. М., 1972. № 89. С. 353—408.

²⁴ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; *Он же*. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

²⁵ *Козлов В. П.* Полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в отечественной периодике (1818—1830 гг.). // *История СССР*. 1984, № 5. С. 88—102; *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. Н.* Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 37—67.

²⁶ Комплексные исследования внешней политики Руси IX — начала XI в. см.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 19—142; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси; IX — первая половина X в. М., 1980; *Он же*. Дипломатия Святослава. М., 1982.

²⁷ *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. С. 51.

²⁸ *Н. М. Карамзин*. История. Т. I. С. 118.

²⁹ См. напр.: *Карышковский П. О.* Русско-болгарские отношения во времена Балканских войн Святослава // *Вопр. истории*. 1951. № 8; *Stokes A. D.* The Balkan Campaign of Svyatoslav Igorevich // *The Slavonic and East European Review*. L., 1962. Vol. XL, № 95; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава.

³⁰ *Н. М. Карамзин*. История. Т. I. С. 126.

³¹ О крещении Ольги см.: *Литаврин Г. Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*. 1985. М., 1986. С. 49—57.

³² Подробнее об этом см.: *Сахаров А. Н.* Международные аспекты крещения Руси // *Вестн. АН СССР*. 1989. № 10. С. 122—133.

³³ Подробнее об этом см.: *Кузьмин А. Г.* Западные традиции в русском христианстве; *Новосельцев А. П.* Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // *Введение христианства на Русь*. М., 1988.

³⁴ *Н. М. Карамзин*. История, Т. I. С. 31 и сл.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМАМ I—XII «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

В. Ю. Афиани, В. М. Жисов, В. П. Козлов

НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

«История государства Российского» Н. М. Карамзина — последний и наиболее значительный в его творчестве труд. Этот выдающийся памятник русской культуры представляет собой уникальный сплав исторической и общественно-политической мысли, литературных и языковых исканий конца XVIII — первой четверти XIX в. «История» — крупнейшее для своего времени достижение русской и мировой исторической науки, первое монографическое описание русской истории с древнейших времен по начало XVII в., опирающееся на огромный круг исторических источников. Фундаментальный труд Карамзина вызвал бурные и плодотворные для развития историографии дискуссии. В спорах с его концепцией, взглядами на исторический процесс и события прошлого возникали иные идеи и обобщающие исторические исследования — «История русского народа» Н. А. Полевого, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева и др. Утрачивая с годами в значительной степени собственно научное значение, «История» Карамзина и сегодня сохраняет свою общекультурную и историографическую ценность. С нее начиналось приобщение к отечественной старине нескольких поколений русских читателей, из нее черпали сюжеты многие писатели, драматурги, художники и музыканты. И поэтому труд Карамзина входит в корпус тех классических текстов, без знания которых не может быть полноценно понята история русской культуры и исторической науки. Феномен «Истории» объясняется тем, что она явилась синтезом творческой деятельности выдающегося писателя и пронизательного историка. Карамзин-художник, преодолевая неизбежную ограниченность своей исходной исторической концепции, обеспечил своему труду долгую жизнь и признательное внимание потомков.

В наши дни труд Карамзина воспринимается прежде всего как выдающееся произведение русской классической литературы, как образец исторической прозы¹. Такая оценка сочинению Карамзина была дана еще А. С. Пушкиным, развившим традиции «Истории» в своих исторических и литературных сочинениях. Тем не менее работа Карамзина отнюдь не полностью вытеснена и из современного научного обихода. Мнения, выводы, оценки источников, фактические данные «Истории» чаще всего уточняются, оспариваются, но не игнорируются. Особо значимы те части труда, которые основаны на утраченных в московском пожаре 1812 г. источниках.

Настоящая публикация «Истории» — первое научное издание, осуществляемое в советское время. Из тринадцати изданий «Истории» (кроме того, целый ряд изданий остался незавершенным), выходявших с примечаниями или без них, лучшим считается пятое в трех книгах И. Эйнерлинга². В нем была предпринята первая попытка учесть основные дополнения и исправления текста, помещенные Карамзиным в «Прибавлениях» к прижизненным изданиям и в личном экземпляре второго издания «Истории». Дореволюционные переиздания этого труда основывались чаще всего на втором издании (первых восьми томов), но в некоторых использовалось и первое. Следует, однако, отметить, что в пятом издании учтены не все исправления и дополнения Карамзина из его «Прибавлений», а главное, последние механически включались в текст «Истории» и «Примечаний». Карамзин же нередко относил такие дополнения и к основному тексту и одновременно к соответствующему примечанию или даже к группе примечаний, подчас более поздними поправками отменял исправления более ранние. Таким образом, в издании Эйнерлинга не учитывалась многослойность и разновременность «Прибавлений» и поправок историографа. С тех пор текстологическое изучение труда Карамзина не проводилось.

В основу настоящего издания положен текст последнего прижизненного издания «Истории» — тома I—VIII второго издания (СПб., 1818—1821), IX—XI тома первого и единственного прижизненного издания (СПб., 1821—1824) и XII том, не законченный Карамзиным и подготовленный к печати К. С. Сербиновичем и Д. Н. Блудовым (СПб., 1829). В издании учтены все смыс-

ловые, стилистические и основные языковые различия между первым и вторым изданиями, исправления и дополнения в «Прибавлениях» к различным томам первого и второго изданий «Истории», а также рукописные поправки Карамзина в собственном экземпляре второго издания (по изданию Эйнерлинга, так как этот экземпляр «Истории», находившийся в распоряжении Эйнерлинга, не разыскан). Все различия, дополнения и исправления помещаются в разделе «Варианты и различия» с соответствующими отсылками (цифра со звездочкой) в тексте. Некоторые из исправлений и дополнений к первому изданию Карамзин успел сам внести во второе издание восьми томов «Истории». При этом отдельные, подчас очень важные дополнения им опускались (см., например, ссылку 7 * в главе II тома I «Истории» в разделе «Варианты и различия»), другие перерабатывались, редактировались и связанный с такими дополнениями текст. «Прибавления» отразили значительную работу Карамзина по улучшению и исправлению текста, в ряде случаев под влиянием критических замечаний в печати или непосредственно в письмах к нему современников. Встречаются случаи, когда текст «Истории» уточнялся в списке опечаток. Такие случаи также учтены в настоящем издании. Составители посчитали некорректным внесение «Прибавлений» непосредственно в текст «Истории» (включая и «Примечания»), и потому все различия сосредоточены в разделе «Варианты и различия». Условные обозначения в «Вариантах и различиях» (первого или второго изданий, порядкового номера тома, места в структуре каждого тома — в основном тексте, в «Прибавлениях», в списке опечаток, а также рукописных исправлений в карамзинском экземпляре «Истории») позволяют при необходимости восстановить последовательность, в которой историком изменялся текст.

К сожалению, рукопись «Истории» в полном виде не сохранилась — известны лишь отдельные фрагменты (черновые и беловые) некоторых ее глав³. Поэтому сверка настоящего издания с рукописью оказалась невозможной. Не учитываются также редакции переводов «Истории» на немецкий и французский языки, осуществленные при участии Карамзина. Текст их имеет отличия от русского оригинала — по совету Карамзина в них был внесен ряд изменений, пропущены отдельные приме-

чания (в расчете на особенности восприятия зарубежного читателя).

Карамзин был реформатором русского литературного языка и самой литературы. В историю русской словесности он вошел как создатель «нового слога», новой системы литературного языка, ориентиром для которого служила не только письменная литературная традиция, но и язык образованного общества⁴. Это определило его борьбу со славянизмами как специфически книжными элементами, разработку им нового синтаксиса, нацеленного не на риторическую выразительность, а на разговорную естественность словорасположения, и ряд других моментов литературно-языковой позиции. Для издателей карамзинского литературного наследия эти его теоретические установки имеют самое непосредственное значение, поскольку они находят прямое отражение в графике, орфографии и пунктуации его произведений. Сюда относится и широкое использование курсива как знака интонационного выделения (чаще всего для обозначения чужой речи или чужого слова, но иногда и с иной функцией), и оригинальная расстановка знаков препинания, призванная передать нюансы логического и интонационного членения речи, свойственного разговорному языку, и ряд нетрадиционных орфографических решений, выступающих как манифестация реформистских установок автора. Сложная языковая палитра Карамзина непредставима без этих внешних выразительных средств. При этом следует помнить, что в условиях русского культурного развития «языковая проблема становится тем камертоном, который отвечает на звучание всех наиболее острых общественных проблем»⁵.

Особенности языка Карамзина — вплоть до внешних элементов оформления текста — соотнесены с его историко-культурной и общественно-политической позицией, поэтому изменения в языке и изменения в идеологии оказываются взаимозависимыми, постоянно сопутствующими друг другу процессами.

Эволюция лингвистических взглядов и языковой практики Карамзина остается пока еще недостаточно исследованной. Формирование «нового слога» относится к 1790-м годам, когда Карамзин закладывает основы литературы русского сентиментализма, издает «Письма русского путешественника», редактирует «Московский журнал».

«Новый слог» создается при этом в прямом отталкивании от предшествующей языковой практики и лингвистических теорий, в которых «славенский» язык выступал как источник чистоты и правильности литературного языка. Старый подход к языку представлялся Карамзину непросвященным и неевропейским: с его точки зрения, «европейский» литературный язык должен был ориентироваться исключительно на живую речь, а не на искусственные образцы языка специально книжного. Очевидно, что этот взгляд на литературный язык находился в полном соответствии с более общими историко-культурными воззрениями молодого Карамзина. В эпатирующе резкой форме они были изложены в «Письмах русского путешественника»: «Все жалкие *Иеремиады* об изменении Руского характера, о потере Руской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении... Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами»⁶.

Сам Карамзин в развернувшейся в начале XIX в. полемике о языке участия не принимал и вообще во все последующее время свои лингвистические воззрения никак не декларировал. Между тем его историко-культурные представления менялись, их изменение ясно обозначилось уже в «Записке о древней и новой России» (1810—1811). В этом новом мировоззрении «европейское» сохраняло свои ценностные характеристики, однако отношение к национальной традиции было уже другим. Как писал позднее ближайший ученик и единомышленник Карамзина П. А. Вяземский, «для того, чтобы быть Европейцем, должно начать быть Русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле Европейском и, следовательно, должна в сынах своих иметь полномочных представителей за себя»⁷. В частности, «Европеец» не может не знать своей национальной истории. Чтобы «начать быть» русскими европейцами, согражданам Карамзина нужна была история их отечества. Ее создание и становится многолетним трудом писателя.

В ходе этой работы Карамзин, видимо, изменяет свое отношение к церковнославянскому языку и церковнославянским элементам в русском литературном языке. Они делаются для него привычными как часть русского

исторического достояния, той исторической ценности, которая не подлежит отвержению, а требует умелого использования. Любопытно отметить, что сходная эволюция наблюдается потом у А. С. Пушкина, причем одним из решающих моментов в его отходе от «карамзинской» концепции языка (концепции «нового слога») оказывается обращение к отечественной истории при работе над «Борисом Годуновым». Эта работа приводит его к широкому и многоплановому в отношении поэтики использованию славянизмов⁸ — можно думать, что пример «Истории» был при этом у него перед глазами.

Изменившиеся взгляды Карамзина существенно отразились на языке «Истории». Происшедшие изменения бросаются в глаза при сопоставлении языка «Истории» с языком, например, «Писем русского путешественника». Это различие, правда, можно было бы объяснить несходством жанров, однако обращение к частным языковым особенностям, которые вряд ли могут быть отнесены к однозначным жанровым характеристикам, побуждает трактовать эти изменения как свидетельство смены лингвистических позиций.

Так, например, в «Письмах русского путешественника» имеет место постоянное чередование книжных форм прилагательных с окончаниями *-ый/-ий* и «просторечных» форм на *-ой*, и это чередование позволяет Карамзину построить «настоящую стилистическую партитуру» (ср., например, «деревенской проповедник в рыжем парике», но «великий Лейбниц») ⁹. В «Истории» картина резко меняется. Карамзин почти последовательно употребляет нормативные книжные *-ый/-ий* в безударном положении и *-ой* в положении под ударением. Отступления единичны. Так, в частности, при пересказе летописи, повествующей о поединке между печенежским богатырем и русским отроком: «Ежели *Русской* уььет *Печенега...*»; «...юноша *Русской* *перял* у врагов *славу*» (ср. здесь же «Князь Российский»); летопись не дает для такого употребления никаких оснований, и форма на *-ой* должна, видимо, рассматриваться здесь как стилистический нюанс, отсылающий читателя к «народной старине» (ср. еще в другом месте: «селянин *Русской* делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства»). Единичны и употребления прилагательных на *-ый/-ий* под ударением. Так, мы находим написание

«Михаил Тверский», в котором форма на *-ий* обусловлена, видимо, каноническим наименованием святого князя. В другом случае встречаем «младый Святослав»; и здесь специфически книжное окончание стилистически согласовано с книжным неполногласием корня. Таким образом, Карамзин в «Истории» отказывается от широкого употребления форм, отступающих от традиционной книжной нормы, и лишь в единичных случаях прибегает к тем стилистическим противопоставлениям, которыми ранее пользовался повсеместно.

Не менее показателен переход Карамзина в «Истории» к нормативным книжным написаниям типа *счастье*, *русский* при том, что ранее он писал *цствие*, *руской*, и выбор орфографии был семантическим выразителем его лингвистических позиций¹⁰. Характерно и то обстоятельство, что в «Истории» предлоги *перед* и *через* употребляются почти последовательно в неполногласной форме, тогда как в «Письмах русского путешественника», например, обычными являются как раз полногласные формы *перед* и *через*. Существенно расширяется в «Истории» и употребление лексических славянизмов, причем это расширенное употребление отнюдь не всегда может быть отнесено на счет тематики. Происходит, видимо, и некоторое окнижение синтаксиса, хотя здесь (как и в отношении лексики) картина не вполне ясна без дальнейших исследований. Таким образом, «История» является важнейшим свидетельством эволюции лингвистических взглядов и языковой практики Карамзина, эволюции, существенно повлиявшей на формирование русского литературного языка и на концепции и практику многих последующих авторов (в том числе, видимо, и А. С. Пушкина).

Показательно вместе с тем, что эта эволюция сказывалась не только на языке «Истории». Существенные исправления вносил Карамзин и в «Письма русского путешественника» при подготовке их к переизданию в 1814 г. Как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, «издание 1814 г. является этапным, ограждая обратное воздействие опыта „Истории государства Российского“ на стиль „Писем русского путешественника“, т. е. дополнение „нового слога“ тонкими нюансами пользования церковнославянскими языковыми средствами»¹¹. Исследованиями этот вопрос В. В. Сиповский указывает, что в издании 1814 г. Ка-

Карамзин «впервые вводит в громадном числе форму имен прилагательных на *-ый* (вместо *-ой*), например, *желаемый*, *достойный*, *любезный* и др., и энергично уничтожает варваризмы»¹². Эта правка со всей очевидностью демонстрирует, что языковые инновации «Истории» являются не специфической стилистической характеристикой данного произведения, но воплощением новых лингвистических и историко-культурных взглядов Карамзина, сформировавшихся в результате многолетней работы с памятниками отечественной старины.

Неверно, однако, было бы рассматривать эти инновации как радикальный отказ от прежних взглядов и прежней практики. Новые моменты накладываются на ту основу, которая была сформирована при разработке «ново о слога», и Карамзин старается ничего не потерять из прежних достижений в области языка и стиля. В частности, сохраняется сложная карамзинская пунктуация, выразительно передающая нюансы интонационно логического членения фразы, столь же большое внимание, как и прежде, уделяется способам выделения чужого слова, подчеркивания ключевых понятий и т. п. Карамзин продолжает пользоваться сложной поэтикой прописных и строчных букв, сохраняет (хотя, возможно, и в более ограниченном виде, чем ранее) стилистическое функционирование орфографических и грамматических вариантов. О том, насколько большое значение продолжает придавать Карамзин внешним характеристикам этого типа, свидетельствует то тщательное редактирование текста, которое вскрывается при сопоставлении первого и второго изданий «Истории»: Карамзин вносит изменения в написание отдельных слов (например, в сложное или раздельное написание ряда частиц), вводит новые и усложняет старые графические формы — курсив, разрядку, цепочки тире, разные многоточия и т. д. Эта редакторская работа еще раз подчеркивает значимость для Карамзина всех указанных моментов: они входят в творческий замысел произведения и предлагаются читателю как важное пособие для проникновения в смысловое задание текста.

Все сказанное выше позволяет понять, насколько сложным в языковом отношении является «История» как литературный памятник. С учетом этого обстоятельства и строились эдичионные правила настоящего издания. Сохраняются все те особенности правописания Карамзина,

которые были для него значимы, т. е. по крайней мере в каких-то случаях определялись соображениями стилистического или смыслового порядка, выступали как средства выразительности. Карамзинское правописание воспроизводится и в тех случаях, когда нет возможности модернизировать его последовательно, т. е. оставить читателю возможность полностью реконструировать оригинальное написание. Подлежат воспроизведению и все те элементы, которые характеризуют собственно язык Карамзина, т. е. являются особенностями языка, а не условностями орфографии. Вместе с тем мы стремились устранить все незначимые условные написания, которые поддаются последовательному устранению и в то же время непривычны для современного читателя.¹

В настоящем издании в основной текст «Истории» вносятся следующие изменения:

1. Устранены буквы, отсутствующие в современном русском алфавите, т. е. орфография Карамзина передается средствами современной графики. Вместо *i* пишется *и*, вместо *ѣ* — *е*, вместо *ѳ* — *ф*.

2. Исключен твердый знак в конце слов.

3. При написании слов с приставкой, оканчивающейся на согласный, и корнем, начинающимся с *и*, после согласной пишется *ы*. Таким образом, последовательно представленные у Карамзина написания типа *безыменный*, *предыдущее* заменяются на *безыменный*, *предыдущее*.

4. При написании существительных мужского рода, кончающихся на шипящий, а также в частице *ж* мягкий знак на конце не пишется, т. е. вместо обычных у Карамзина *однакожь*, *чтожь*, *Любечь*, *мечь* даются *однако ж*, *что ж*, *Любеч*, *меч*.

5. В приставках, кончающихся на *з/с* (*из-*, *раз-*, *воз-*) перед глухим согласным пишется *с*, т. е. стандартные для Карамзина написания типа *безпечность*, *разстаться* и т. д. воспроизводятся как *беспечность*, *растаться* и т. д.

6. Частица *не* с глаголами пишется отдельно вне зависимости от того, какое написание представлено в воспроизводимом тексте. Орфография Карамзина в этом отношении непоследовательна, однако различия в написании никакой функциональной нагрузки в данном случае не несут.

7. Частица *ж*, пишется отдельно, т. е. написания типа *однакожь* заменяются на *однако ж*.

8. Модернизированы окончания прилагательных мужского и среднего рода в родительном падеже единственного числа. Карамзин последовательно дает в этих формах *-ого/-яго* (в соответствии с орфографической нормой его времени), в настоящем издании эти окончания имеют вид *-ого/-его*.

9. Модернизированы также окончания прилагательных в именительном и винительном падежах множественного числа. У Карамзина эти окончания последовательно пишутся в соответствии с существовавшими в его время правилами: *-ые/-ие* в мужском роде, *-ья/-ия* в женском и среднем роде. В настоящем издании всюду пишется *-ые/ие*.

10. Местоимение *ея* (родительный падеж) заменяется на *ее*.

11. Устраняется согласование по роду в местоимении 3-го лица множественного числа и числительном *один* во множественном числе. У Карамзина в соответствии с правилами его времени пишется *они, одни* в мужском и среднем роде, *оне, одне* в женском роде. В настоящем издании всюду даются *они, одни*.

Вносимые изменения указанными моментами полностью исчерпываются.

Все особенности правописания Карамзина, носящие содержательный характер или не поддающиеся последовательному устранению, в настоящем издании воспроизводятся.

1. Сюда относится прежде всего написание прописных и строчных букв. Карамзин в их употреблении следует новиковской традиции, придавая им семантическую значимость. В частности, в «Истории» с прописной и со строчной буквы могут писаться одни и те же слова, причем то или иное написание соотносится с разными смысловыми оттенками. Так, например, обстоит дело со словом *искусство*. В посвящении «Истории» говорится, в частности, о «Венценосцах, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских...». В предисловии читаем: «Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом». В других случаях, однако, находим написание того же слова со строчной буквы. Так, в том же предисловии Карамзин пишет: «Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деисписанию». Далее в

том же предисловии Карамзин говорит о том, «что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычай, законы, промышленность». В первой главе сказано, что скифы «не знали никаких искусств». Анализ этих примеров показывает, что Карамзин пишет данное слово с прописной буквы, когда говорит об искусстве как об одной из абстрактных творческих сил; когда же об искусстве говорится как о разновидности человеческой деятельности, слово пишется со строчной буквы. Подобные примеры можно умножить; они представляются лишь наиболее ясной манифестацией той сложной поэтики прописных букв, которую выработывал Карамзин. Этот момент правописания автора «Истории» входит, таким образом, в литературный замысел текста и подлежит воспроизведению.

2. Кроме оговоренных выше случаев сохраняется слитное и раздельное написание предлогов, союзов, частиц, например: *не смотря, за долго, и так* и т. п., а также введенные им сокращения (в том числе в цитировании источников). Правописание Карамзина не подчиняется здесь какому-либо общему правилу и может, видимо, отражать его восприятие внутренней формы слова (или задавать определенную ритмику фразы). Модернизация орфографии в данном случае привела бы к тому, что подобная информация была бы потеряна для читателя и Карамзину навязывалось бы то восприятие слова, которое утвердилось в современном языке.

3. Аналогичные соображения распространяются и на написание через дефис, например: *первом-надеять, лже-Дмитрий, давно-минувшее* и т. п. Заменяя, скажем *лже-Дмитрий* на принятое в настоящее время *Лжедмитрий*, мы нарушили бы явно не случайное для Карамзина орфографическое оформление слова, включив в имя собственное (которое Карамзин и пишет с прописной буквы) элемент, относящийся к характеристике исторического персонажа и непосредственно к имени не относящийся. В качестве отдельного имени собственного *Лжедмитрий* несомненно представлялся бы Карамзину несообразностью.

4. Выше уже говорилось о значимости для Карамзина вариаций в окончаниях прилагательных именительного и винительного падежа единственного числа мужского рода *-ый/-ий* и *-ой*; естественно, что эти вариации воспроизводятся.

5. В окончаниях прилагательных родительного падежа единственного числа женского рода Карамзин довольно последовательно употребляет *-ой/-ей* (*единственной, северной* и т. д.). Архаичское, свойственное высокому стилю окончание *-ья/-ья* Карамзин практически не использует. Те редкие случаи, когда оно все же встречается, обладают несомненной стилистической значимостью (см.: «Славяне в VI веке поклонялись Творцу молнии, Богу вселенных»).

6. В настоящем издании полностью сохраняется пунктуация Карамзина. Она опирается на логический принцип, причем Карамзин существенно лириче, чем это принято сейчас, использует знаки препинания для подчеркивания того логического членения фразы, которое предполагается ее специальным смысловым заданием и соответствующим ему интонационно-ритмическим членением.

Если орфография Карамзина оказывается в настоящем издании в большей или меньшей степени модернизированной, то особенности собственно языка историка — характерные именно для него или для всей данной эпохи — никаким модификациям не подвергаются. Они составляют неотъемлемую часть художественного облика текста и поэтому не могут быть изменены без ущерба для эстетической цельности произведения. Сюда относятся, в частности, следующие моменты.

1. В XVIII—XIX вв. происходит существенное изменение в употреблении второго родительного и второго предложного. Язык Карамзина отличается в этом плане от современного русского литературного языка, ср. например, «за честь Мономахова или Олегова Дому». Такое употребление свойственно эпохе Карамзина и должно быть сохранено в этом качестве.

2. Существенные изменения происходили равным образом и в формах множественного числа существительных мужского рода (в именительном — винительном падежах). Флексия *-а* за последние два столетия расширяет здесь свое употребление за счет флексии *-ы* (ср. вариативность в современном языке типа *договоры — договора, директора — директора*). Во многих случаях формы на *-а*, усвоенные современным литературным языком, в эпоху Карамзина оставались за пределами литературной нормы (ср., в частности, характерные для Карамзина формы типа *черепы, дома* и т. д.)

3. Для литературного языка начала XIX в. одним из актуальных вопросов является трактовка перехода *e* в *o* после мягких согласных перед твердыми в формах разного типа. То или иное употребление говорит обычно о лингвистических позициях автора или обладает стилистической значимостью. Карамзин, вообще говоря, придает литературному языку формы с переходом *e* в *o* (и это было в свое время предметом ожесточенной полемики), однако в «Истории» этот принцип проведен с определенной осторожностью. Отсюда такие отличия от современного употребления, как формы *отцем*, *отцев* и т. п. Будучи значимыми характеристиками языка, они, естественно, изменению не подлежат.

4. При склонении сложных топонимов типа *Новгород*, *Царьград* Карамзин ставит в косвенном падеже оба компонента сложного слова: *Царемградом*, *Новгорода*, *Новгородом* и т. д. И в данном случае характер словоизменения выступает как показательная стилистическая характеристика и подлежит воспроизведению.

5. Не подлежат, естественно, модернизации и многочисленные архаизмы в языке Карамзина, не совпадающие с современным употреблением, но обычные для нормы литературного языка начала XIX в. Сюда относится огласовка глаголов типа *обрабатывать*, *успокаивать*, *оспоривать*, склонение существительного *сосед* во множественном числе по твердой разновидности (*соседы*, *соседов*, *соседами* и т. п.), числительное *осмь* (не *восемь*) и целый ряд других подобных элементов.

6. У Карамзина отмечаются особенности в употреблении русских личных имен, эти особенности имеют значимый характер и требуют воспроизведения. Так, например, Карамзин пишет о «Великом Князе Дмитриии Александровиче»,¹ употребляя каноническую форму имени («*Димитрий*»), и называет самозванца «лже-Дмитрий», пользуясь в данном случае нецерковной формой того же имени. Очевидно, что это внешнее различие соответствует разной оценке данных лиц, характеру их трактовки в «Истории».

7. В русском литературном языке XVIII—XIX вв. конкурировали разные традиции транслитерации заимствований из греческого — традиционная славянская орфография (типа *Виблиотека*) и орфография, отражающая западноевропейское (латинское) посредство (типа *Биб-*

лиотека). При этом освоение разных заимствований могло идти по-разному, и это отражало взаимодействие разных культурных традиций. Поэтому тот или иной характер транслитерации указывает на особенности культурного восприятия соответствующих реалий и является семантически значащим (ср. у Карамзина: *Воспор*, *Воспорское Царство* и т. д.).

8. Имеется также ряд других особенностей в написании у Карамзина топонимов и антропонимов. Эти особенности всегда имеют определенную историческую или лингвистическую значимость (ср. например, такие написания, как *Бальтийское*, *Алтайское* — они, надо думать, отражают произношение; *Британния*, *Португаллия* — здесь, видимо, сказываются этимологические представления Карамзина) и т. п.

В настоящем издании сохраняются все основные зрительно-смысловые элементы прижизненных изданий «Истории». Это курсивные выделения слов и выражений, имевшие различное назначение: вместо кавычек в названиях изданий, источников, при передаче прямой речи, для подчеркивания неавторского слова и ключевых слов в предложении или в данном фрагменте текста. Не сохраняются прифтовые выделения обращений к Александру I в посвящении ему «Истории», напечатанные более крупным шрифтом, кавычки в начале каждой строки в цитатах, прямой речи и при отделении вводных слов в середине прямой речи и ряд других незначительных особенностей внешней стороны текста «Истории».

С максимальной точностью передаются цитаты из источников, приводимые Карамзиным в «Примечаниях» (исключая твердый знак в конце слов и буквы, отсутствующие в современном русском алфавите).

Следуя традициям книжной культуры XVIII — начала XIX в., Карамзин на полях поместил авторские маргиналии. Они предназначались для ориентации читателя в больших по объему текстах внутри глав, иногда играли роль абзацев, передавали в самом кратком виде содержание данного фрагмента и служили для своеобразного разделения, членения текста на более мелкие, чем абзац, фрагменты. По техническим причинам маргиналии вносятся в угловых скобках непосредственно в текст.

Перевод иноязычных текстов помещается непосредственно в тексте в квадратных скобках вслед за цитатой.

(Переводы осуществлены М. И. Афанасьевой). В вводных главах первого тома «Истории» карамзинские ссылки отмечены звездочками и даны под строкой. Все дополнения, уточнения, сделанные публикаторами, вносятся в текст «Истории» в квадратных скобках.

¹ *Макогоненко Г. П.* Литературная позиция Карамзина в XIX веке // Рус. лит. 1962. № 1. С. 103—104.

² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842—1843. Кн. I—III. Т. I—XII. Здесь и далее во всех сопроводительных статьях используется это издание труда Карамзина.

³ ЦГАЛИ СССР. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 6—9; ЦГИА СССР. Ф. 951. Оп. 1. Д. 5, 26, 27, 30; ОР ГБЛ. Авт. Карт. 3. Д. 23; Ф. 291. Карт. 48. Д. 5, 6; ОР ГПБ. Ф. 588. Д. 252.

⁴ *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

⁵ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 169.

⁶ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254.

⁷ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. V. С. 19—20.

⁸ *Гуковский Ф. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 55—64.

⁹ *Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А.* Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 319. Ср.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Текстологические принципы издания // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 517.

¹⁰ *Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 315—316, 319—320.

¹¹ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Текстологические принципы... С. 523.

¹² *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 229.

А. Н. Сазаров

УРОКИ «БЕССМЕРТНОГО ИСТОРИОГРАФА»

Пришло время, и наша отечественная наука, отечественная культура вновь обратились к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Потребность в этом обращении назревала в обществе постепенно. Годы величайших революционных перемен в нашем Отечестве, острейших классовых схваток, годы тяжелейших военных испытаний, идеологических битв и борений человеческих честолюбий, за которыми стояли приведенные в грозное и неодолимое движение народные силы, годы общественных потрясений, миллионы человеческих драм, в ходе которых рушились бывшие ценности, в том числе и ценности культуры, казалось, навечно отодвинули в общественное небытие «Историю» Карамзина, как рудимент старой дворянской культуры, как памятник ветхозаветной старины и наивных представлений интеллигента начала XIX в. о мире истории. А если и вспоминали это творение, то зачастую со снисходительной усмешкой, ироническими замечаниями в адрес все той же карамзинской архаики.

Но в последнее время, с середины 80-х годов, когда в обществе наступил период переосмысления исторического пути истекших послереволюционных десятилетий, период небывалого общественного отрезвления, развенгивания сомнительных, ведущих в никуда иллюзий, разрушения многолетних давящих идеологических стереотипов, хлынул поток новых идей, новых гуманистических приобретений, озарений, открытий, возврата к жизни многих бывших (далеких и близких) творений человеческого духа, от которых долгие годы было по разным причинам отлучено наше Отечество; хлынул поток и новых надежд, а с ними, наверно, и новых иллюзий, являющихся неизбежными спутниками всех переломных в истории периодов, иллюзий, смысл которых еще предстоит постигнуть нашему и грядущим поколениям. Вместе с этими переменами к нам вновь вернулся Н. М. Карамзин со своей бессмертной «Историей».

В чем же причина этого необычайного общественно-культурного феномена, проявлением которого стала многократная публикация отрывков из «Истории» в много-

тиражном журнале и массовых книжных изданиях, ее факсимильное воспроизведение, которые вновь, как первые восемь томов, опубликованные почти двести лет назад, мгновенно стали библиографической редкостью; чтения отдельных частей «Истории» популярными актерами по радио, чтения, которые стали поистине событием для миллионов культурных людей.

Думается, что причина эта заключается в огромной силе духовного воздействия на людей подлинно научного и художественного таланта Карамзина.

Проходят годы, но талант, пусть и отделенный от нас временными рубежами, всегда остается молодым, как молодостью, современностью всегда веет от рожденной этим талантом подлинной духовности, потому что в ее основе стремление — будь то в научной или художественной форме — ответить на вечные вопросы, волнующие человека и человечество, — вопросы бытия и цели жизни, закономерности развития стран и народов, соотношение личности, семьи и общества, соотношение власти и подчинения, взаимоотношение отдельных людей и миллионных масс на различных общественных уровнях, природа человеческого духа, его борения и искания, заключенные в человеке добро и зло, их проявление в общественной среде. Эти и многие другие вопросы из века в век пытаются решить философы и историки, писатели и художники, внося в эту вечную, никогда не утихающую работу человеческой мысли и чувств все новые и новые грани, научные озарения, художественные открытия, постоянно раздвигающие для людей рамки еще не познанного, не прочувствованного.

Н. М. Карамзин был как раз одним из тех, кто прикоснулся к этим «вечным» вопросам и попытался по-своему, в рамках своего века, своих возможностей и своих заблуждений решить их на материале отечественной истории и сделал это самоотверженно, ярко, страстно, в мучительных научных, общественных и художественных поисках.

Вот эта работа живой души, пытающейся постичь великое — историю народа, историю страны в ее целом, в ее движении, приобщить к ней людей, своих соотечественников в первую очередь, — один из тех научных и нравственных уроков, который сегодня неизменно волнует нас, едва мы соприкасаемся с творчеством Карамзина-

историка. Особенно притягательны эти научно-правственные ценности сейчас, в 80-е годы, когда с полной очевидностью выяснилось, насколько глубоко может историческая наука пасть, сделавшись служанкой фальсификаций, цинизма, раболепия, низких страстей и дурных дел.

Понимание великой цели, общепольности своего труда неуклонно руководило Карамзиным на всем протяжении создания им «Истории». К этой мысли он возвращается на ее страницах неоднократно. И самый смысл его исторической концепции, выраженный в двенадцати томах «Истории» и в «Записке о древней и новой России», в которых он достаточно полно изложил свой взгляд на исторический процесс, заключается в движении России из исторического небытия через терния к вершинам государственного устройства и на основе этого к вершинам цивилизации, как их понимал Карамзин. На первой странице пятого тома «Истории», приступив к повествованию о времени Дмитрия Донского, когда Россия в тяжелой борьбе с внешними и внутренними врагами завоевывала свою независимость, историк записал: «Судьба испытывает людей и Государства многими неудачами на пути к великой цели»¹. К этой цели сквозь исторические дебри торил дорогу страны ученый; одновременно к высокой цели в своей жизни пробивался человек. Счет от «великого» виден и в его сентенции о том, что «за деньги не делается ничего великого», выраженной в «Записке»². Да и вся «Записка» с ее концепционной оценкой истории России, с ее страстной критикой современных Карамзину несовершенств, а то и преступных нарушений в российском государственном устройстве, ярко свидетельствует о всей глубине гражданской заинтересованности историка в движении России по пути прогресса, опять же в его, Карамзина, понимании. Карамзин, этот убежденный монархист, сторонник самодержавной власти царя как гарантии процветания России, ее подданных, каждого человека в отдельности, обрушивается с яростной критикой на существующие в стране пороки управления, которые удаляют страну от подлинного величия. Написанная в 1811 г., в разгар работы Карамзина над «Историей», «Записка» стала не только практическим резюме в понимании историком путей развития страны, но и криком души пронизательного гражданина, пострадавшего при виде неурядиц своего Отечества.

Не случайно «Записка» вызвала неудовольствие Алек-

сандра I, для глаз и ума которого она предназначалась. Не случайно пролежала она в архивах несколько десятилетий и была опубликована впервые в России лишь в 1870 г.

Но и сегодня, читая ее страницы, мы поражаемся мужеству Карамзина, не чуравшегося внешнего успеха созданий своего пера и прекрасно знающего цену высочайших милостей и опал.

Воскурив фимиам Екатерине II, которая «очистила самодержавие от примесов тиранства», Карамзин обрушивается на несовершенства ее правления — моральную распущенность общества, отсутствие основательности в государственных учреждениях, упадок правосудия, засилье иноземцев, взяточничество, «приводившее к тому, что открыто торговали правдою и чинами»³. Далее историк резко осуждает время Павла I, который «заставил ненавидеть злоупотребления» самодержавия⁴, и переходит к царствованию Александра I, попытавшегося, по словам Карамзина, вместе со своими молодыми друзьями поставить закон выше государя, отдать часть власти в руки Государственного совета, Сената. Историк критикует эту попытку, полагая, что она нарушает основу основ России — самодержавную власть. Обращаясь к царю, Карамзин пишет: «...можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра»⁵. Затем автор подробно разбирает основные направления русской внешней и внутренней политики и также подвергает ее сокрушительной критике. Он осуждает правительство за то, что оно ввязало Россию в бесполезную для нее кампанию против Наполеона в 1805—1807 гг. «Безопасность собственная, — возглашает Карамзин, — есть высший закон в политике». Усилия же правительства Александра I, усилия его новых самолюбивых советников, «имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европой и сделали нас через Варшаву соседом Наполеона», а кроме того, подорвали российскую экономику разрывом торговых отношений с Англией⁶. Эти же советники «захотели новостей в главных способах монаршего действия», забыв, что «всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надобно прибегать только в необходимости»⁷. «Говорят россиянам: „было так, отныне будет иначе“»⁸.

Замена коллегий министерствами, потеря Сенатом своей былой роли, перемены в области просвещения и

другие новшества, по мысли Карамзина, оказались неподготовленными материально и организационно. С горечью он пишет о том, что «вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною... Новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданности произвола»⁹. Критикует он и стремление при выработке нового законодательства непременно руководствоваться западными образцами — то кодексом Фридриха II, то кодексом Наполеона. «Где, в какой земле Европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?» — вопрошает он; «законы народу, — утверждает историк, — должны быть извлечены из его собственных понятий»¹⁰.

Резкой критике подвергает Карамзин и финансовую политику правительства, расточительство казны, инфляцию, связанную с внешнеторговыми проблемами после заключения Тильзитского мира.

Поистине гоголевского сарказма достигает он в описании современной ему системы управления страной. «Каковы ныне большею частью губернаторы? — задает вопрос Н. М. Карамзин и отвечает: — Люди без способностей и дают всякую неправду наживаться секретарям своим или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что в такой-то губернии начальник глупец и весьма давно. Слухом земля полнится, а министры не знают того, или знать не хотят. К чему же служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят». И далее: «Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит. Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой... Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал жалобу; а сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя коего они условно лишились; в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни... Негодяй так рассуждает: „Брат мой наказан отставкою, но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии; один многим не указ;

а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, еще найду немало утешений в жизни»¹¹. «Начинайте всегда с головы,— призывает историк,— если худы исправники, виновны губернаторы, виновны министры!»¹²

Эти пространные цитаты, я полагаю, весьма убедительно свидетельствуют о гражданском бесстрашии историка, о его большой личной заинтересованности в судьбах Отечества.

О преданности великим жизненным целям, которые Карамзин поставил перед собой, говорит и весь уклад его жизни с того времени, как он принялся за создание своей «Истории». Известно, что он, по существу, прекратил литературную деятельность, расстался со своим любимым детищем — журналом «Вестник Европы», на долгие годы уединился за письменным столом либо в своей московской квартире, либо в имении своих друзей Вяземских — подмосковном Остафьеве. Жизнь анахорета, казалось, не тяготила его; напротив, она давала ему полную возможность сосредоточиться на любимом деле. Он выходил из этого уединения лишь для того, чтобы получить необходимые исторические материалы, проверить на слушателях некоторые части своего монументального труда. И лишь нашествие Наполеона вынужденно прервало это подвижничество.

Опыт создания «Истории государства Российского» воочию показал, что ни одно действительно великое творческое предприятие не может счастливо состояться без этого самопожертвования, этого подвижничества.

Н. М. Карамзин совершил подвиг одиночки, но это вовсе не значит, что он был в своем деле одинок. Во-первых, работа, которую он замыслил, имела под собой уже возделанную почву в виде предшествующих российских исторических сочинений; во-вторых, все, кто чисто и искренне любил историю Отечества, кто был предан научному ее прочтению, на что, собственно, и претендовал Н. М. Карамзин, оказали ему моральную поддержку, сочувствие, искренне помогли ему. На него работала прошлая российская историография, на него работал большой круг любителей и знатоков отечественной истории.

Нельзя не сказать и о том, что Карамзин великолепно использовал при подготовке своего труда мировую историографию. В предисловии к «Истории» он упоминает

имена древних авторов — Геродота, Фукидида, Тита Ливия, Тацита, он восхищается «глубокомыслием» Макиавелли, полнотой изложения Робертсона, остроумием Вольтера; он знает Юма и Мюллера. Прочной опорой стала для него идеология французских просветителей XVIII в., в частности их концепция просвещенного абсолютизма. На него работала практически вся зарубежная историография. Но произошло это потому, что ученый смело шел на встречу со своими предшественниками, древними и новыми, стремился взять у них все их наиболее сильные стороны, отбросить то, что он считал слабым в их творчестве. Эта открытость к талантам, идеям своих далеких и близких коллег по труду, уважение к ним, полемика с ними там, где он считал это необходимым, являются характерной чертой Н. М. Карамзина, его важнейшим уроком для будущих поколений истинных исследователей.

Наконец, и это немаловажно, он пользовался определенной поддержкой императора Александра I — и это несмотря на «Записку о древней и новой России», которая, конечно, не могла не вызвать неудовольствия монарха, в адрес которого историк высказал немало горьких упреков. Александр I сумел встать выше личных обстоятельств, выше временных и примитивных царственных хитростей, показал свою способность руководствоваться высшим и долговременным государственным интересом, хотя многие страницы «Истории», несмотря на приверженность автора идее самодержавия, весьма далеки от официальных толкований того или иного периода российской истории. В данном случае таланту оказался подвластен и он.

Н. М. Карамзин писал поистине в переломные для России, да и всей Европы, времена. И само его сочинение явилось ответом на вопросы, поставленные эпохой.

То была эпоха, главным событием которой стала Великая французская революция, опрокинувшая устои феодализма и абсолютизма и открывшая дорогу новым буржуазным общественным отношениям. Гром падения Бастилии потряс все европейские страны. Великим идеям гуманистов-просветителей, вылившимся в чеканные лозунги революции «Свобода, Равенство, Братство», теперь предстояло пройти испытание реальной жизнью. Россия ответила на это событие посылкой войск в Европу, более тесным единением со старинными абсолютными монархиями — австрийской и прусской, усилением деспотизма при

Павле I. Но время брало свое. Развивающийся буржуазный уклад оказывал свое воздействие на все стороны русской жизни, в том числе и на духовную сферу. Просветительские взгляды Н. И. Новикова, радикализм А. Н. Радищева, зарождение будущей декабристской идеологии опосредованно отражали перемены. В свою очередь, обновленное заговором 1801 г. царское правительство во главе с образованным монархом, потрясенным к тому же убийством отца, старалось, как это нередко бывает в начале всякого нового правления, несколькими либеральными шагами без коренной ломки системы успокоить умы, привести ветшавшую самодержавную храмину в некоторое соответствие с социально-экономическими требованиями времени. Появился М. М. Сперанский с его либеральными проектами, был принят «Закон о вольных хлебопашцах», наметивший пути возможного решения крестьянского вопроса опять же без ломки крепостной системы в целом, были проведены некоторые реформы высшего и местного управления, ожидалась новая. Однако и это встревожило хранителей «устоев». Правительство подверглось критике «слева» и «справа». И тем и другим казалось, что жизнь меняется, но идет она вовсе «не туда», и лишь им суждено придать ей истинно верное направление.

В это время Европу потрясали новые события: якобинский террор выявил иной, чем это представлялось прежде, лик революции, гильотина секла не только головы «врагов народа» — она подрезала, казалось, и самый гуманистический смысл революционных идеалов. Наполеон, этот первенец Термидора, шел к императорской власти, ужасая как легитимистов, так и их противников; бывшие санкюлоты быстро превращались в преторианцев; французские армии уже маршировали по Европе, неся народам вместе с революционным обновлением отживающих феодально-крепостнических устоев насилие и национальное поражение.

Широкообразованный, начитанный, объехавший пол-Европы Н. М. Карамзин оказался в водовороте всех этих новых европейских и русских событий. Он зорко вглядывался в жизнь, сопоставлял современные события с движением мировой истории, а современных ее героев с героями прошлыми, мучительно размышлял о происходящих делах, пытался, используя опыт истории, определить путь России в предстоящие годы.

Принявшись за свой монументальный труд, историк стремился осмыслить весь ход русской истории, осветить ее течение с позиций своего времени. И в этом смысле настоящее диктовало ему пути понимания прошлого, как и прошлое помогало осмыслить настоящее.

Что касается отечественных авторов, то Россия уже имела неоценимый опыт В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера, Г. Ф. Миллера, каждый из которых попытался создать либо ее полную историю, либо охватывал исследованием ее отдельные отрезки. На этом пути были значительные успехи. Монументальным памятником отечественного исторического описания является труд В. Н. Татищева, немало новых трактовок в раннюю российскую историю внес М. В. Ломоносов. Примеры блестящей научной полемики дали в своих трудах Болтин против Щербатова и Щербатов против Леклерка. Наконец, Шлецер подверг кропотливому и порой весьма субъективному анализу древнейший источник «Повесть временных лет», охватив в своем многотомном «Несторе» огромный период — от глубокой старины до времени Ярополка I Святославича.

И все же Карамзин ни в чем не повторил своих предшественников, ни по замыслу, ни по охвату проблем. Его «История», хоть и неоконченная, оборванная болезнью и смертью историографа на событиях «междоусобия», несчастиях России периода Смуты, обнимает практически две с лишним тысячи лет и начинается с первых древнейших упоминаний римских и греческих писателей о народах, обитавших на территории России. В сочетании же с «Запиской», которая пусть в сжатом, но концепционно законченном виде доводит историю России до начала XIX в., труд Карамзина дал возможность читателю представить себе весь путь страны в целом.

Н. М. Карамзин не повторил предшественников и по историко-философской направленности своего труда.

В первых фразах «Записки» его позиция выражена вполне определенно: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее. Одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее»¹³.

Те же мысли выражены им и в начальных строках его «Истории»: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия

и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»; история, по мнению Н. М. Карамзина, «представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, правами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим: еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность»¹⁴. Это была совершенно новая, концепционная история, лишь проблески которой мелькали в сочинениях тех же Татищева или Болтина.

Но было бы неверно думать, будто перед нами предстает обычный «пропагандист», который пытается втиснуть свои идеи в прокрустово ложе истории, приспособить ее для своих сомнительных идейных манипуляций. Это не так. Эпоха и его собственный талант ученого и художника, способного проникнуть в суть общественного явления, лишь продиктовали Карамзину глубину, масштабы подходов к историческому прошлому, помогли увидеть ретроспективу процесса. Инструмент же этого познания он вырабатывал, осмысливал в соответствии с уровнем исторических знаний того времени и неумоимо его совершенствовал, создавал во многом заново и в этом смысле преподал будущим поколениям ученых подлинно исследовательский урок, который один способен оправдать историка, берущегося за ученое перо. Именно в этом смысле его историческое видение было актуальным, современным, он оценивал историю с высоты стоявших перед обществом задач и создавал инструментарий познания, соответствующий этим задачам.

А. С. Пушкин назвал Карамзина «последним летописцем». Эта образная характеристика оказалась столь же блестящей, сколь и ошибочной. Она являлась верной лишь в том смысле, что Карамзин был действительно «последним» по времени из тех деятелей науки, кто пытался воссоздать историю страны. Но автор «Истории» и «Записки» меньше всего может удостоиться звания патриархального бесстрастного хроникера, да еще стоящего горой за самодержавие и крепостничество, каким его нередко представляют в нашей специальной и научно-популярной литературе.

Н. М. Карамзин и сам протестует против отождествления его с летописцем: «Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место»¹⁵. Итак, не повременное описание событий интересует его прежде всего, а их «свойство и связь». И в этом смысле Н. М. Карамзина следовало бы назвать не «последним летописцем», а первым действительно подлинным исследователем истории своего Отечества. Он и сам добросовестно растолковывает читателю, что понимает под словами «свойство и связь». По существу, это целая научная программа, к которой порой не мешает приглядеться повнимательнее и тем, кто сегодня претендует на высокое звание историка своего народа. Конечно, мы не найдем в ней тех методологических высот, которые пришли в мир вместе с открытиями в области обществоведения второй половины XIX — начала XX в. Тем более удивительно, что в начале XIX в. Карамзин, опираясь на достигнутый к тому времени мировой научный потенциал, много размышляя над опытом прошлого, руководствуясь своей колоссальной исследовательской и художественной интуицией, сформулировал ряд исследовательских принципов, следование которым порой затруднительно для историка и в нынешнее время. Думается, что осуществление этих принципов и позволило «Истории» Карамзина завоевать столь сенсационную популярность в первой четверти XIX в. как в России, так и за рубежом, стать любимым историческим чтением в течение всего XIX в., возбудить к себе интерес и сегодня, в пору девальвации исторического мастерства и предательства научных принципов. Не поэтому ли тот же А. С. Пушкин назвал «Историю» Карамзина «подвигом честного человека»?

На первом плане у Карамзина, безусловно, любовь к Отечеству, но вряд ли его можно заподозрить в квасном патриотизме — не тот это был интеллект, не тот художественный вкус. Эту любовь он понимает как обостренный интерес к истории своего народа, являющейся частью всемирной истории, как трепетное сопереживание всем взлетам и падениям, ниспосланным России. Любовь к Отечеству не противостоит живому интересу к истории

других народов и государств и их уважению. Напротив, они дополняют и обогащают друг друга. Рассматривая этот важный принцип Карамзина, исследователи, как правило, писали о том, что историк исповедует здесь сравнительно-исторический подход к истории. Безусловно, такой подход к истории России ему был близок и понятен, о чем еще будет сказано ниже, но не об этом сейчас идет речь. Разговор идет о таком, кажется, совсем простом для понимания чувстве, как любовь к Родине, без которого Карамзин не мыслил себе работы над сочинением, повествующим о долгой и многострадальной судьбе страны. «Если всякая История,— пишет он,— даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная... Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии: личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям: но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона». Для историка, уверен Карамзин, «любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Россию Карамзин видит как страну многонациональную и, явно идеализируя пути создания этой многонациональной державы «без насилия и злодейств», подчеркивает, что ее история является достоянием всех живущих в ней народов: «Не надобно быть Руским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира...»¹⁶ В родной истории он видит события не менее значительные, нежели во всемирной истории: «...некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних»¹⁷.

Другим его принципом является следование правде истории, как он ее понимал, пусть и была она порой весьма горька. «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно,— замечает Карамзин,— она изображает действительный мир»¹⁸. Что порой мы видим в истории?— вопрошает автор и отвечает: «Междоусобие греческих городов». «Толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова

или Олегова Дому». Здесь и «кровавый пир неистовых римлян», и «чудовище тиранства», «сшибки и разбои» — и все это вовсе не является лишь характерной привилегией западной истории. Нечто подобное читаем мы и на скрижалях нашего Отечества. «Трудные страницы» есть в истории каждого народа — такова мысль Н. М. Карамзина.

Чрезвычайно важен такой исследовательский принцип историка, как стремление постигнуть события изнутри, взглянуть на них не только с высоты веков, с отрешенным превосходством потомков, а видеть глазами современника событий. «Мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем Историю», — пишет Карамзин. Как нам не хватает этого умения понять логику действия людей прошлого в соответствии с обстоятельствами их жизни, их историческими ситуациями. Как порой жесткие схемы так называемых «современных оценок» искажают подлинную историческую картину, вместо живой полнокровной жизни преподносят нам мертвые абстракции, тени, а не живых людей с их стремлениями, страстями, ошибками, взлетами духа, определяемыми именно условиями и логикой событий тех давних дней.

Н. М. Карамзин понимает ограниченные возможности историка в деле постижения исторической истины, так как в истории «как в деле человеческом, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях»¹⁹. Историк может и должен творить из того материала, который у него есть, он не может произвести «золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого»²⁰.

Так самокритично и достаточно скромно оценивает он свои исследовательские возможности, полагая, что главное для историка — это верно схватить «общее понятие» и, если материал позволяет, дорисовать остальное, изобразив «что есть или было, а не что быть могло». Научная добросовестность — лейтмотив, постоянно беспокоящее звучащий на всем протяжении карамзинской «Истории».

Н. М. Карамзин провозгласил одним из своих принципов создание истории общества во всех ее проявлениях, описание всего того, что входит «в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы,

промышленность», причем стремился «переданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей»²¹. Этот комплексный подход к истории, пропизанный понятием единства исторического процесса, выявлением причинно-следственных связей событий составляет сердцевину исторической концепции Карамзина.

Необычайно высоко ценил Карамзин добросовестность в подходе к историческому материалу. Его примечания — это, по признанию самого же автора, «тягостная жертва» достоверности. И дело не в том, что они охватывают едва ли не более половины объема «Истории». По существу, Карамзин был едва ли не первым, кто практически старался «очистить критикой» столь огромный объем источникового материала, ввести его в научный оборот, снабдить соответствующими историографическими экскурсами.

И наконец, нельзя не сказать о том, что в своей «Истории» Карамзин поставил проблему художественного воплощения истории страны. Художественная образность письма была выбрана историком не случайно, хотя его литературный талант явно предрасполагал к этому. Художественность изложения как непреременный закон исторического повествования была сознательно прокламирована историком, считавшим, что «видеть действия и действующих», стремиться к тому, чтобы исторические лица жили в памяти «не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею» — это значит знать и чувствовать историю²².

Возможно, не столь уж великими открытиями кажутся сегодня все эти утверждаемые историком принципы. Формально мы их исповедуем давно и исправно, однако между их провозглашением и реальным воплощением в жизнь порой лежит значительное расстояние, и чем более оно увеличивается, тем настойчивее читатели тянутся к «Истории» Н. М. Карамзина в поисках исторического таланта, разума, честности, художественности, которых так не хватает современному поколению.

Но Карамзин был живым человеком, обладающим как определенными личными человеческими и научными достоинствами, так и человеческими, да и научными, слабостями. Поэтому понять истинный смысл человеческой деятельности можно не по тому, что человек говорит о себе, о своей работе, о своих принципах, а что он совершает на деле, как реализует их в жизни. В полной мере это от-

носится к нашему знаменитому историографу. А priori можно сказать, что Карамзин с честью выдержал на протяжении долгих лет своего затворнического труда испытание делом, неустанно поддерживал в себе тот огонь чистоты, честности, преданности своему труду, который он возжег в своей душе, садясь за письменный стол в 1803 г. И пожалуй, это постоянство, несмотря на превратность личной судьбы, приливы и отливы высочайшего расположения, вызывает наибольшее уважение.

Свое понимание причин развития исторического процесса, свои творческие принципы Карамзин получил возможность проверить на практике. Для нас это особенно интересно, поскольку с позиций современной научной методологии мы со всей очевидностью понимаем историческую ограниченность взглядов Карамзина. Но я думаю, что судить историка следует не с высот исторического и диалектического материализма, которого он не знал и не мог знать, а с позиций тех научных возможностей, которыми тот располагал.

Итак, движущей силой исторического процесса он посчитал власть, государство, которое, с одной стороны, аккумулирует разнообразные усилия общества, а с другой — само является мощным стимулом общественного движения. И весь русский исторический процесс представлялся ему, по существу, борьбой начал самодержавных с иными проявлениями властвования — народоправством, олигархическим или аристократическим правлением, удельными тенденциями. Становление единовластия, а затем самодержавия стало тем стержнем, на который, по мнению Карамзина, нанизывалась вся общественная жизнь России.

С этих позиций Карамзин в полемике с А. Л. Шлецером предлагает свою периодизацию русской истории. По Шлецеру, Россия от 862 г. — года «призвания варягов» — до времени Святополка I называлась «рождающейся», от Ярослава Мудрого до нашествия татаро-монголов — «разделенной», от нашествия до Ивана III — «угнетенной», от Ивана III до Петра I — «победоносной» и от Петра I до Екатерины II — «процветающей». Н. М. Карамзин отбрасывает эту не более чем «остроумную», по его словам, периодизацию и предлагает другую, в основу которой кладет комплексный подход к истории, проявляемый с наибольшей силой в действии принципа единовластия.

Вся история России делится, по его мнению, на «древнейшую» (от Рюрика до Ивана III), «среднюю» (от Ивана III до Петра I) и «новую» (от Петра I до Александра I). Основной чертой первого периода была система уделов, второй — единовластие, третьей — «изменение гражданских обычаев». Попутно Карамзин выражает неприкрытое возмущение формальным подходом Шлецера к русской истории, его заведомым принижением уровня развития страны, заявляет, что время Владимира I уже было веком могущества и славы России, а не рождения, и возражает против смешения в одном периоде времени «безмолвного рабства» и славных побед времен Дмитрия Донского и т. д.²³

Сегодня мы с иронией и осуждением говорим об этом насквозь монархическом понимании истории; и в то же время, несмотря на коренное обновление арсенала методологических средств понимания исторического процесса, несмотря на то, что основное внимание уделяем в качестве первоосновы исторического развития факторам социально-экономическим, а потом уже надстроечным, политическим, в том числе государственным, мы тем не менее вслед за Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым и прочими «государственниками» ведем свое изложение, только более скрыто, зачастую по князьям и правлениям, дворцовым переворотам и войнам. В чем же причина столь большой стойкости «государственного» подхода к истории? Она очень проста и заключается в том, что именно в политической сфере, как наиболее ярко выражающей социально-экономические, материальные интересы людей, классов, сословий, сублимируется сам исторический процесс. На поверхности остается проблема власти, отражающая эти материальные интересы. Мы понимаем ее производный, вторичный в истории характер. Просветители в свое время неистребимо верили в основополагающую историческую миссию разума, просвещенного монарха, вслед за ними «новые государственники» придавали власти значение демиурга. Но и прошлая, и современная исторические школы согласны во многих частностях функционирования этой силы, ее значения для судеб страны. В последние десятилетия, сохранив во многом государственную периодизацию истории, мы тем не менее под давлением социально-экономических детерминант часто вообще предавали забвению самостоятельный и самодви-

жущийся характер надстроечных явлений, в том числе феодального и буржуазного государства. С этих позиций концепция Карамзина, естественно, кажется наивным анахронизмом. А ведь в рассуждениях Карамзина, шедшего в разработке этой проблемы в русле просветительской философии, не все было столь уж плоско и примитивно.

Он абсолютно верно уловил, так сказать, внешнюю канву событий, убедительно показал, что в те периоды своей истории, когда Россия опиралась на крепкую центральную власть, она добивалась больших успехов как в организации внутренней жизни, так и в сфере внешнеполитической. Разрушение единовластия приводило к анархии, междоусобиям, кровопролитной борьбе, губящей народные силы, а в сфере внешней — к поражениям и потере независимости; и лишь новое возрождение единовластия приносило спасение стране. Из европейских стран, пожалуй, ни одна другая страна не пережила столь длительной, столь чудовищной удельной междоусобицы, которая закончилась потерей Россией независимости, установлением двухсотсорокалетнего иноплеменного ига и еще двухсотлетнего периода постоянных набегов враждебных казанских правителей и крымцев на южные и юго-восточные рубежи страны. Эти события, определившие на сотни лет ход развития России, поражали воображение любого исследователя, который прикасался к ним. Поразили они своей связанностью с проблемой единой государственности и Карамзина. Народная беда слишком долго давила на сознание России, и это нашло, на мой взгляд, опосредованное выражение в концепции Карамзина, для которого, как мы уже видели, любовь к Отечеству, со всеми его взлетами и падениями, успехами и неудачами, радостями и трагедиями, была священна.

Первые успехи единовластия Карамзин связывал с «призванием варягов». На первый план здесь, как и во всех последующих фактах проявления единовластия, историк выдвигает наступление в стране порядка по мере установления сильной власти. Неустройство, насилие, анархия, беззаконие, а значит, страдание людей, внешняя опасность сменились уверенностью, спокойствием, безопасностью подданных, бурным расцветом восточного славянства.

Одновременно это привело к расширению государст-

венных границ, блестящим военным предприятиям, к выдвиганию России в число ведущих европейских государств²⁴.

После смерти Ярослава Мудрого Русь «погребла... свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная Единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленной на малые области»²⁵. С XI по XIII в. шла борьба «единовластия» и «вольности», «открылось жалкое междоусобие малодушных князей», народ утратил почтение к власти, утратилась ее «внутренняя связь с подданными». Андрей Боголюбский попытался придать этой борьбе необратимый характер, стремясь «к спасительному единовластию», но тщетно²⁶. Именно такое состояние страны определило ее поражение в борьбе с татаро-монголами, развязало экспансию Литвы. И лишь тогда, когда Москва взяла на себя вновь инициативу в деле восстановления единовластия, для России забрезжил спасительный рассвет. Усилиями Ивана Калиты и Симеона Гордого, Дмитрия Донского, Василия I, несмотря на отступления от единовластия при Иване Ивановиче и Василии II, Россия подвигалась к триумфу первого истинного самодержца — Ивана III²⁷. А далее снова борьба двух тенденций, успехи единовластия при Василии III и упадок его в годы малолетства Ивана IV, колебания Бориса Годунова, победа «многоглавной гидры аристократии» при Василии Шуйском. Наконец, подлинный расцвет «единодержавия» при Петре I и Екатерине II, в промежутке между которыми «пигмеи спорили о наследстве великого», а аристократия, олигархия губила отечество²⁸. А вот и общий итог, который подводит Карамзин: «Что кроме единовластия неограниченного может в сей машине производить единство действий?»²⁹ «Россия основалась победами и единоначалием, гнила от разновластия, а спаслась самодержавием»³⁰.

Самое поразительное, что, взяв в качестве критерия развития страны именно уровень единовластия, Карамзин в общем-то не ошибся. Действительно, все, о чем он пишет, справедливо, но лишь как итог огромного и векового труда народа, глубоких сдвигов в области социально-экономического развития страны и их воздействия на политические и культурные процессы, что осталось для него за семью печатями. Но линию, так сказать, второго порядка он, а вслед за ним и другие представители исто-

рико-юридической школы отразили правильно. На одной из страниц своей «Записки» он заметил, что взлет России петровского времени был подготовлен еще Иваном Калитой и Иваном III ³¹.

По существу, линию борьбы двух начал в истории России — централизаторской и децентрализаторской — он провел блестяще, ярко персонифицировал ее, придал ей художественно-психологическую окраску, чем сделал ее еще более выпуклой, реальной. Отрицать эту линию лишь потому, что за ней не видится иных, более глубинных оснований, пожалуй, вряд ли целесообразно. И это богатство палитры политической истории страны возвращается к нам вместе с «Историей» Карамзина.

В нашей историографии уже давно и прочно сложился образ Карамзина как яркого монархиста, безоговорочного сторонника самодержавия, человека, ратующего, как говорилось в эпиграмме того времени (охотно повторяемой и ныне), за «необходимость самовластья и прелести кнута». Говорилось также и о том, что любовь к отечеству для него означала прежде всего любовь к самодержавию, что он не сумел стать истинным патриотом, поскольку отказывал своему народу в свободе и вольности.

Мне представляется, что подобного рода оценки являются одним из тех многочисленных не подкрепленных научно стереотипов, одним из тех «идеологизмов», на которых так долго и бездумно зиждилась наша историческая наука, в том числе и наша историография.

Нет необходимости в чем-то реабилитировать Н. М. Карамзина, обелять его; он в этом не нуждается. Он был и остается ярким выразителем идеи самодержавия в России, дворянским историографом. Для него священен порядок, при котором «народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награжденные отличием и выгодами, уважением и достатком» ³². Но на этом преждевременно ставить точку. Как историк и философ Н. М. Карамзин был намного сложнее. Ведь важна не та традиционная верноподданническая риторика, какой в его сочинениях предостаточно; вспомним, как он писал своему другу И. И. Дмитриеву: «...нельзя писать так, чтобы невозможно было прицепиться» ³³. Он был, несмотря на продемонстрированные им высоты духа, простым смертным, не чуждым творческому честолюбию, общественным лаврам, известности, о чем он откровенно пишет в предис-

словии к своей «Истории». Ему хотелось увидеть свой труд напечатанным и читаемым; отсюда и монархические слащавости, которые так режут наш глаз и не вяжутся с умным, тонким и откровенным изложением. Но именно это последнее является доминирующим в «Истории», а для оценки любого автора главное то, что основное. И когда мы внимательно вчитываемся в это основное, то понимаем, что его монархические «завитушки» могли обмануть лишь людей близоруких. Во всяком случае, они не обманули Александра I, положившего на долгие годы под сукно его «Записку о древней и новой России».

Самодержавие было для него не примитивным пониманием власти, предназначенной подавлять «холопов» и поднимать дворянство, а являлось олицетворением высокой человеческой идеи порядка, безопасности подданных, их благоденствия, гарантом раскрытия всех лучших человеческих качеств, гражданских и личных, общественным арбитром. В лучших традициях просветительства, в духе просвещенного абсолютизма он рисовал себе идеальный образ такого правления, которое едва ли когда-либо и где-либо было вообще возможно. Его самодержавие — это прекрасная утопия дворянского интеллигента, которая сама же вдребезги разбивалась о жестокость прошлой истории страны и реальной, современной ему жизни.

Основная цель сильного правления — это создание условий для максимального раскрытия человеческих способностей — землепашца, писателя, ученого; именно такое состояние общества и ведет к истинному прогрессу не только отдельные народы, но и все человечество³⁴. Это возможно лишь в том случае, если в обществе правит свой бал просвещение, если монарх ведет народ в этом направлении. Власть его должна быть употреблена на создание для этого максимальных условий — поддержание порядка в стране, искоренение олигархических смут, отстаивание независимости отечества и отражение внешней угрозы, борьба с разного рода злоупотреблениями властей. Особенно важной задачей самодержавия Карамзин считал подавление олигархии, чье «мучительство» для России было «самым опасным и самым несносным»: «легче укрыться от одного,— писал он, несколько не идеализируя реальную монархическую власть,— нежели от двадцати гонителей»³⁵.

Особое значение придает Карамзин выполнению мо-

нархом своих высоких обязанностей по руководству страной; но главное — «блюсти счастье народное», а «где обязанность, там и закон», «самодержавие не есть отсутствие законов». «Государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности»³⁶. Личностные свойства самодержца заботят историка, но прежде всего его заботит исполнение монархом государственных предначертаний. Самодержавие в этом смысле для Карамзина — «образ отечества», поскольку в нем соединяются все власти³⁷, просвещение же — основа благоденствия Отечества. Существует мнение, что невежество подданных, а не язвы феодально-крепостнического строя Карамзин считал главной виной всех тех неурядиц, которые выпадали на долю России. Конечно, он считал основными лишь общественные явления надстроечного (в нашем понимании) порядка, но ведь никто не станет отрицать, что двигателем прогресса невежество не является, в чем бы ни заключалась его коренная причина. А этого мы как будто вовсе не хотим замечать; и даже сегодня с наивным удивлением без конца и устно и печатно перечисляем факты вопиющих злоупотреблений и в центре, и на местах, но мало касаемся системы, их породившей, а если и касаемся, то все сводим к персональным злоупотреблениям одного человека или группы лиц, в чем, увы, недалеко уходим от Карамзина.

Отдавая историку справедливость, надо заметить, что он скорбел не только по поводу бескультурья народа. Резкой критике подвергал он и вереницу российских великих князей и царей, чьим нерадением, глупостью, жесткостью, нерешительностью, себялюбием, тиранией, самодурством рушилось Отечество, отставало в своем развитии от просвещенного Запада. Защищая идею самодержавия в ее гуманистическом и просвещенном выражении, ратуя за идеал, Н. М. Карамзин не щадил реальных носителей этой идеи. Он обличал Ярослава Мудрого за введение системы уделов, не оставлял камня на камне от мелких владетельных себялюбцев «удельного» периода. Он откровенно писал о коварстве, жестокости, завистливости Юрия Долгорукого, не щадил первых московских князей, в частности сына Александра Невского Юрия Александровича, за «подлые интриги» в Орде. Достается от него и любимому герою — Дмитрию Донскому. Он упрекает его в малодушии, проявленном в отражении

набега Тохтамыша в 1382 г. Говоря о личных качествах властителя, он в адрес Дмитрия Донского позволяет себе следующую реплику: «Но добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели»³⁸. Выше мы уже видели, как аналогичную мысль он высказал и в отношении «добродетельного» Александра I. Высоко ставя государственные способности Ивана III, он тем не менее обличает его малодушие в период борьбы с Ахматом³⁹.

Откровенно пишет он о жестокости Ивана III, который бросил в темницу своего внука Дмитрия, где тот и умер уже во время Василия III. Этот несчастный Дмитрий, по словам Карамзина, стал «одною из умилительных жертв лютой политики», а ведь эта политика и была направлена к утверждению «единовластия»⁴⁰. И это говорится не о каких-то неведомых правителях, а о столпах России — Иване III и Василии III.

На примере Ивана Грозного историк показывает, каким не должен быть монарх. Описание его царствования после смерти царицы Анастасии — это, по существу, страшный мартиролог, бесконечная цепь злодейств против всех слоев русского общества, описание каких-то монстров. «Тирания есть только злоупотребление самодержавия», — убеждает он⁴¹. И это говорилось о ярком, с его точки зрения, представителе Рюрикова дома, много сделавшем для утверждения самодержавной власти, так милой сердцу Карамзина. И не случайно петербургский митрополит Филарет, побывав на публичном чтении в Российской Академии отрывков «Истории», посвященных времени Ивана Грозного, заявил, что ему тяжело видеть «мрачные черты», которые историк «положил» на имя русского царя⁴².

Уничижительная характеристика дается Борису Годуну, принесшему в жертву своему честолюбию государственные интересы, и Василию Шуйскому. А попутно ярко, образно, сочно он рисует язвы самодержавного правления — деспотический произвол, фаворитизм, злоупотребления царской администрации, карьеризм, роскошь власть имущих. Всего этого с избытком хватает в его «Истории», в «Записке о древней и новой России».

Кажется, что историка должен был вдохновлять самодержавный облик Петра I и Екатерины II. Но и в их царствованиях и личностях он находит немало темных

пятен, не говоря уже о последующих за Петром I «пигмеях» власти — Анне Иоанновне, Бироне, Елизавете Петровне, государственных деятелях середины XVIII в. — П. И. Шувалове и А. П. Бестужеве. В адрес их сказано немало горьких слов, немало послано проклятий.

Петра I Н. М. Карамзин оценивает весьма противоречиво. С одной стороны, это государь, много сделавший для величия России, укрепления в ней самодержавия, а с другой — он пошел на такое «совершенное присвоение обычаев европейских», которое нанесло стране огромный ущерб. Страсть к новому в его действиях преступила все границы⁴³. Все русское особенно было искоренено, «высшие отделились от низших» (поразительно это наблюдение, носящее социальный характер). «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России — виною Петр»⁴⁴.

О критике самодержавия времен Екатерины II и Александра I уже говорилось выше. Но на одном любопытном моменте здесь все-таки следует остановиться.

Как известно, своей «Историей» Карамзин предпослал «посвящение» Александру I, которое как в прошлом, так и теперь вызывает удивление читателей своей верноподданнической риторикой. В конце этого памятника придворного этикета, которое, возможно, и освободило «Историю» от цензуры и дало ей «гриф» царя, Карамзин даже заявляет: «История народа принадлежит царю».

В свое время историк М. П. Погодин назвал это «Посвящение» «подносительным». Но даже в нем Карамзин ухитрился дать свою оценку царствованию Александра I и порекомендовать ему шаги в духе своей концепции просвещенного абсолютизма. Отметив, что с победой над Наполеоном в России наступила «новая эпоха», во что верило тогда большинство думающего общества, Карамзин далее подчеркивает, что мир государю необходим, чтобы «властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного»⁴⁵. Программа начертана; вновь Карамзин возвращается к своей излюбленной, но, увы, утопической идее о самодержавии как власти, существующей ради процветания общества и благоденствия человека.

Отношение Н. М. Карамзина к Французской революции, которое органически входит в его историческую

концепцию, тоже должно быть еще раз внимательно взвешено. Отношение это безусловно отрицательное, и об этом много и справедливо говорилось в литературе. Но природа этого отрицания, конечно, не столь проста, как это некогда казалось. В подходе к этому историческому событию он проявляет свое постоянство историка-просветителя, апологета разума и морали. В своей «Истории» и в «Записке» он демонстрировал многократное уважение к республиканским установлениям Рима и Греции, полагая, что применительно к этим странам республиканский строй вполне закономерен. Пребывание в Париже в период революционных потрясений не особенно обеспокоило Н. М. Карамзина. Ему казалось, что наконец-то наступает то царство разума и справедливости, которое предрекали в своих трудах почитаемые им просветители. Перелом в его настроениях начался после того, как революция переросла конституционную фазу своего развития и насилие стало преобладать над законом. Террор якобинцев ужаснул Карамзина. Он увидел в нем все ту же тиранию, деспотизм, насилие над разумом, которые осуждал, когда обнаруживал их в политике самодержавия. Свои общегуманистические критерии он прикладывал ко всем формам правления; для него важен был результат: благоденствуют или страдают люди, не один, не два, а тысячи и миллионы. Идеологическая оправданность насилия ему была чужда. Не случайно на одну доску он ставит такие, казалось бы, разные события, как якобинский террор и деспотизм Павла I. «Ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства,— пишет он.— Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оно»⁴⁶. Заметил Н. М. Карамзин и то, что революция в конце концов привела к торжеству корыстолюбия, утверждению власти денежного мешка, развязыванию международных войн. Все это, по его мнению, не имело никакой связи с «царством разума», которого от нее ждали. Человеческие страсти, разбухшие состоянием вольности и свободы, повели к анархии. Наполеон, вызванный к политической жизни ходом революции, «умертвил чудовище». Снова восторжествовала линия государственного порядка и закона. И еще не раз в ходе изложения своей «Истории» Карамзин вернется к мысли

о том, что и в республике, как и в аристократическом правлении, нередко рождается тирания, тирания чиновников, стяжателей и честолюбцев.

Конечно, историк не мог в условиях того времени проникнуть в тайны рождения революции, в ее закономерности, одной из которых являлось неизбежное обострение борьбы свергнутого класса за свои былые права и преимущества и ответная ярость масс, вкладывавших в нее всю силу своей ненависти к бывшим господам и всю силу своего бескультурья. На авансцену на какое-то время выдвигались люди, которые полно выражали сиюминутные настроения масс, а остальное определяло уже соотношение классовых сил и степень готовности общества к тем или иным преобразованиям. И здесь, не проникая в сущность явления, Карамзин верно почувствовал его следствия, которые, увы, не могут вызвать ни любования, ни сочувствия, как не вызывают восхищения ни диктаторские замашки Робеспьера, ни беспринципность и демагогия Дантона, несмотря на их великий революционный вклад. В сложнейшем переплетении социальных явлений, яростных взрывах масс, бешеного сопротивления роялистов и жирондистов, безумства человеческих страстей Карамзин не принял то, что не соответствовало его гуманистическим принципам.]

Общегуманистический подход, однако, изменяет Карамзину в другом важном вопросе всемирной и российской истории — в подходе к проблеме крепостного состояния крестьян. И как ни старается историк ухватиться за свою спасительную панацею в виде «порядка», который надо блюсти, раз уж он установлен веками, как ни стремится осудить невежество трудовых масс, которые якобы не способны переварить плоды цивилизации, тем не менее смутно, темно и неуверенно выглядят у него те страницы истории, которые посвящены крестьянскому вопросу в России.

Он верно в целом представляет себе систему закрепощения крестьянства, указывает на пути закрепощения — кабала хлебопашцев, перевод на пашню холопов и, наконец, начало «общего рабства» — запрет крестьянских переходов, ликвидация Юрьева дня в конце XVI в. Справедливо оценивает Карамзин и сам характер этого явления — у крестьян отняли волю. Вместе с тем он считает такой процесс в тот период закономерным, так как

это препятствовало «бродяжничеству» крестьян, вело к их обживанию, созданию крепких хозяйств ⁴⁷.

Заметим, что наряду с положительной оценкой антикрестьянского законодательства конца XVI в. в его трудах присутствует и иное их толкование. «Не знаю, — пишет он, — хорошо ли сделал Годунов ⁴⁸, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным; а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?» И еще раз он характеризует крепостное состояние крестьян как «зло» («положим, что неволя крестьян и есть решительное зло»), которое, увы, досталось нынешнему времени в наследство и к которому надо подходить с большой осторожностью. Таков был его ответ на закон о «вольных хлебопашцах» 1803 г. ⁴⁹.

Альтернативно ставит он вопрос и о будущей судьбе крестьянства. Либо у законодателя достанет смелости и он разрубит гордиев узел крепостничества, «объявив, что все люди равно свободны» ⁵⁰ (как видим, историк не исключал такого решения вопроса, о чем мы почему-то предпочитаем умалчивать), либо он начнет разбираться, какие слои и когда были закрепощены и в какой последовательности и с какой долей полноты они должны быть освобождены. Но есть и третий путь решения проблемы, и он более всего по сердцу Н. М. Карамзину, — оставить до поры до времени все как есть. Освобождение крестьян без земли, «которая (в чем не может быть и спора) есть собственность дворянская», приведет вновь к огромной зависимости крестьян, так как они придут к тому же помещику, войдут в новую кабалу, но уже на новой не патриархальной, а беспощадной экономической основе, начнутся тяжбы, переходы крестьян с места на место, возрастет роль откупщиков, начнется анархия, «падение нравов». Такое освобождение будет, по его мнению, только вредно для государства. «Теперь дворяне... содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства, — пишет Н. М. Карамзин, — отняв у них сию власть блю-

стительную, он как Атлас возьмет себе Россию на рамена... Удержит ли? Падение страшно». Не лучше ли, советует он, принять строгие меры «для обуздания господ жестоких»⁵¹.

В этих тревожных пассажах историк с присущим ему поразительным чутьем, в данном случае чутьем не только исследовательским, но и классовым, дворянским, проникает в сущность явления, ощущает грядущие колоссальные перемены в стране, которые могли бы наступить вместе с освобождением крестьян; грезится ему и возможная страшная перспектива в том случае, если самодержавие не удержит на своих «раменах» (плечах) страну. Его страшит перспектива ломки существующего феодального строя, страшат будущие социальные катаклизмы и наступление власти денежного мешка. Это писалось за сто лет до первой русской революции, когда «Атлас» действительно не удержал Россию.

Конечно, проблему крепостного состояния крестьян Карамзин решает с охранительных позиций, но это вовсе не значит, что он не понимает всей позорности этого явления, что он был за «шпрелести кнута». Когда Карамзин говорил о необходимости развивать в России просвещение, экономику, ликвидировать отсталость в области земледелия, он не изымал из этого процесса и крестьянство, трудовой народ. Когда он настаивал на взаимных обязанностях граждан и монарха, то он и здесь, отдавая пальму первенства дворянству, не вычленил из всего гражданского состава трудовое население. «Народ работает» — и в этом своем качестве наряду с дворянами и купцами он также был полноправным гражданским субъектом. Однако Карамзин в данном случае не отвечает на основной вопрос времени — и в этом усматривается его определенная ограниченность и неуверенность, — как, не обладая землей, находясь под неусыпным оком землевладельца, крепостной крестьянин может реализовать это свое гражданское право? Здесь наш историк молчит.

Думаю, что следует разобраться и в том, какую, собственно, историю писал Карамзин — ту ли, которую он обещал своему читателю в предисловии к своему труду, т. е. историю всего того, что «входит в состав гражданского бытия людей», или ту, которую мы приписываем ему уже долгие годы, т. е. историю государства, воплощенную в деяния князей и царей и политических событий и установлений.

Н. М. Карамзин, на мой взгляд, впервые дал абрис отечественной истории в целом, во всех ее основных направлениях, хотя, естественно, трактовка этих направлений во многом уже не устраивает сегодняшнюю науку. Но покрой истории мы носим все тот же, карамзинский.

Отечественную историю Карамзин одним из первых, если не первый, понимал как историю не только русского народа, но и всех народов, населявших территорию России. Не случайно его история, в отличие от ряда предшествующих и позднейших «историй», называется «российской», а не русской. Уже на первых ее страницах он знакомит нас с давним расселением народов на территории страны, рассказывает о том, где жили и какие имели города меря, мурома, черемиса, мещера, мордва, чудь, нарова, весь, емь, пермь, югра, печора, летгола, земигола и др. Он останавливается и на истории тех народов и государств, которые хотя и существовали на территории России, но не сохранили своей государственности. Так, историк подробно повествует о греческих городах-государствах Северного Причерноморья, хазарах, рассказывает о сибирском ханстве. А затем на протяжении своего изложения он неоднократно возвращается к теме многонациональности России. Хотя Карамзин и расцветивает ее мотивами лишь добрых, ненасильственных отношений между русским народом и другими народами России, но не смущается, когда приходится говорить об антирусских действиях тех или иных племен, об их яростном противодействии возрастающему великорусскому влиянию (скажем, со стороны ряда поволжских и приуральских народов).

Каждый крупный раздел своей «Истории», посвященный политической истории, Карамзин завершает обширным повествованием о состоянии государственного управления и внешнеполитических дел страны, о состоянии двора, войска, его вооружении и устройстве, о развитии торговли в стране и денежной системы, о различных «художествах», распространении научных знаний, уровне просвещения, литературы, о нравах и обычаях того времени⁵². Думается, что вольтеровская идея об органическом развитии человеческого общества находит в этих экскурсах, как и во всей «Истории», яркое воплощение.

В исторический анализ включаются события, происходившие не только в русских центрах — Киеве, Вла-

дмире или Москве, — но и в других русских землях; так закладывалась традиция изучения истории отдельных русских княжеств — Новгородского, Галицко-Волынского, Полоцкого, Черниговского и др. Иногда Карамзин вводит в свое повествование новый прием: описывая присоединение Новгорода к Москве при Иване III, раскрывая трагические страницы последних дней новгородских вольностей, он предпринимает общий экскурс в историю Новгорода от глубокой древности IX—X вв. вплоть до времени решающего противоборства с Москвой. Такой сквозной подход позволил ему сделать смелый вывод об извечной обособленности Новгорода, о его особом значении в русской истории как второго в определенные периоды центра русских земель, вывод, который, увы, до сих пор остался не вполне оцененным в нашей историографии.

Отечественная история под пером Н. М. Карамзина движется вместе с историей Европы и Азии, они неотделимы друг от друга. Он подробно рассказывает, используя восточные источники, о создании державы Чингисхана и начале его военных предприятий; а переходя к нашествию татаро-монголов на русские земли, знакомит читателя не только с их внутренним положением, но и состоянием западных границ — отношениями Руси с Венгрией, Швецией, Орденом, Литвой. В дальнейшем историк неоднократно возвращается к истории соседей Руси, ее противников, к их взаимоотношениям с Россией. Не случайно мы видим такие подзаголовки на полях его «Истории»: «Нашествие Литвы», «Война с Орденом», «Сила Мамая», «Запустение Херсонеса», «Тамерлан» «Крещение Литвы» и др. Совершенно энциклопедический характер носят данные о посольских контактах России с державами иностранными; Карамзин прослеживает эти контакты на протяжении веков, используя самые разнообразные источники, в том числе вводимые им впервые из дел Посольского и других приказов статейные списки, указы русским послам и т. д.

Одновременно из века в век идет изложение дел церковных, внутреннего развития русской церкви, ее сложных международных контактов, разбор церковно-идеологических проблем, описание ересей и борьбы с ними, и все это в тесном единстве с общей историей страны. Карамзин включает в свою «Историю» и такие сюжеты, как

путешествие игумена Даниила в Иерусалим в конце XI — начале XII в., путешествие Афанасия Никитина в Индию, и с гордостью записывает, что тверской купец побывал в этой стране гораздо раньше Васко да Гамы. В то же время русский читатель знакомится с историей открытия Америки, «раскола Лютерова», изобретения книгопечатания, с другими примечательными событиями мировой истории и культуры. С каждым периодом нарастает сложность и многослойность отечественной истории в изложении Карамзина, включаются все новые и новые линии, обусловленные развитием страны, событиями, происходящими в сопредельных странах.

Органической составной частью отечественной истории является у Карамзина народ. Конечно, он не стоит на авансцене истории, как великие князья, цари, знаменитые полководцы, церковные иерархи, но его присутствие ощущается всюду. Это присутствие народа в истории, кажется, было еще у автора «Повести временных лет», и с тех пор эта традиция, обогащаясь, шла из летописи в летопись, из одного исторического труда в другой, пока под пером Карамзина не нашла в начале XIX в. своего наиболее яркого выражения по сравнению с предшествующими историческими сочинениями. Народ виден и слышен в описаниях сельской жизни, ремесла; историк доносит до своего читателя тяжкий труд пахаря и ремесленника, ратный подвиг простых людей в многочисленных войнах. Народ виден на крепостных стенах во время обороны русских городов от иноземных захватчиков и в период междоусобных схваток русских князей. Его грозный голос слышен во время многочисленных бунтов со времен еще Киевской Руси. Карамзин практически не обходит ни одного крупного народного выступления древности. Все чаще его перо обращается к страницам, описывающим народные волнения в период строительства Московского царства и его дальнейшего укрепления в XVI в. «Москва волновалась», начинался «ропот народный» — этот рефрен весьма постоянен в «Истории», посвященной периоду создания Русского централизованного государства. Ярко показана роль народа в событиях внутренней жизни страны второй половины XVI в. Мы не можем отказаться от мысли, что вся большая политика царского дворца, интриги бояр, борьба старинных княжеских и боярских кланов проходят на фоне неустанной

активности народных масс, их заинтересованности в том или ином политическом предприятии. И этому же народу, как мастерски показывает Карамзин, нередко приходится платить дорогую цену за проявление тех или иных политических симпатий и антипатий. Народная кровь льется рекой на страницах «Истории государства Российского». Известно мастерское описание Карамзиным истории Смуты. Но, думается, никогда оно не явилось бы столь полнокровным, ярким, драматичным, если бы историк не обратился к народным восстаниям этого периода. Уже в описании голода начала XVII в. и восстания Хлопка чувствуется назревание большой народной грозы. Затем следуют рассказы о восстании москвичей против Лжедмитрия I, мощных волнениях, связанных с загадочной смертью популярного в народе воеводы М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г. и, наконец, о движении против правительства Василия Шуйского. А одновременно с московскими событиями в сфере внимания Карамзина постоянно находится разворачивающееся новое народное восстание, руководителем которого становится И. И. Болотников. Историк приводит его биографию, подробно рассказывает о сложном составе восставших, представленных и «дворянами», и холопами, и казаками, и «бродягами» (надо понимать, беглыми). Очерчивает Карамзин и основные лозунги восстания — «резать дворян и людей торговых, брать их жен и достояние»⁵³. Он подробно описывает успешный ход восстания, поражение царских воевод под натиском казацко-крестьянского войска, появление лагеря И. И. Болотникова в Коломенском, начало разногласий среди руководителей восстания, измену П. П. Ляпунова и Ф. И. Пашкова, разгром восставших под Москвой и их отчаянную оборону Тулы и Калуги. Карамзин дает при этом ясное представление о масштабах восстания, показывает его различные направления. Один из разделов, в котором автор рассказывает об обороне Болотниковым Калуги, называется «Храбрость Болотникова», и тут же следует размышление историка: «...ожесточение злодейства может иногда уподобляться героизму добродетели»⁵⁴. Описывая затем сцену, когда предводитель восстания кладет к ногам царя свою саблю и обращается к нему с просьбой о помиловании, Карамзин, прибегает к краскам, вполне достойным рыцарского романа. Он подчеркивает благородство народного вождя, его

ум, проникательность. Невольно приходит мысль, что в своем отношении к этому «злодею», полном искреннего человеческого уважения, Н. М. Карамзин предвосхитил пушкинского Пугачева в его «Капитанской дочке» и «Истории Пугачевского бунта». И как знать, какие краски нашел бы историк для воссоздания исторического портрета такой колоритной личности, как Степан Разин, доведи он свою «Историю» до времени второй Крестьянской войны.

Создавая свою «Историю», Карамзин окидывал мысленным взором не только все движение российского общества, но и постоянно держал в уме историю России как часть европейской и общемировой истории. Это не был искусственный европеизм западника или дань сравнительно-историческому методу изложения. Для него вся история континента — и шире: вся история Евразии — была единым целым, лишь проявляющимся специфично в отдельных странах. Это был и политический подход зрелого, глубокого ума, свободного как от тенденций уже проявившегося прозападного нигилизма, так и русофильского изоляционизма.

Выше уже шла речь о том, что Карамзин в споре с А. Л. Шлецером предложил периодизацию истории России, сходную с периодизацией истории западных стран. С общеевропейских позиций оценивал историк и крупные поворотные явления в истории страны. Само появление на востоке Европы крупного восточнославянского государства Карамзин рассматривает как закономерное явление, последовавшее за падением Римской империи и возникновением на ее обломках новых государств. Россия, пишет он, вошла в «общую систему» европейских народов после того, как Рим «ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных»⁵⁵. До середины XI в., по мнению историка, Русь ни в чем «не уступала в силе и гражданском образовании первейшим европейским державам.... имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные.... явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодой быть под влиянием Греции, единственной державы, неиспроверженной варварами»⁵⁶.

То, к чему мы медленно, с большими колебаниями, дискуссиями, преодолевая нигилизм, подошли лишь в са-

мое последнее время, Н. М. Карамзин пытался обосновать уже в начале XIX в. Вся его концепция, по существу, противостоит шлецеровскому подходу к русским древностям как к проявлению жизни дикой и внеисторической.

С общеевропейских позиций оценивает он и наступление периода феодальной раздробленности. Распадение на уделы, пишет он, — «общая язва» тогдашнего времени, характерная для всей Европы⁵⁷. Именно здесь началось отставание России от Запада. В ходе «разделения» и «междоусобных войн» «мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению». Крестовые походы, связавшие западные страны с Востоком, бурный рост городов и их освобождение от власти сеньоров, развитие гражданских «прав и выгод» двинули западные страны по пути прогресса. Россия же испытала удар татаро-монгольских орд, который «ниспроверг» ее. Далее Запад, расставшись с «рабством», развивал просвещение, открывал университеты, Россия же «напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть»⁵⁸.

Дальнейшая централизация Русского государства при Иване III оценивается им также как проявление общеевропейских тенденций: Иван III явился тогда, когда «новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникла в целой Европе» и на развалинах удельной системы в Англии, Франции, Испании и других странах рождалась централизованная власть, подготовленная новой эпохой — бурным развитием экономики, географическими открытиями (Колумба и Васко да Гамы), началом книгопечатания⁵⁹.

Н. М. Карамзин очень тонко почувствовал наступление решающих перемен в жизни Западной Европы, связал их с мощными новыми материальными и духовными процессами и сопоставил с ними российскую историю; правда, он четко не сформулировал исходные причины централизаторских тенденций в стране, указав лишь на внешний фактор. Вместе с Иваном III, по его мнению, Россия снова вступила в сонм европейских держав, из которого она была выбита татаро-монгольским нашествием⁶⁰. Но и в этом случае, вобрав за долгие годы общения с Азией определенные традиции, обычаи, Россия, появившись как своеобразное европейско-азиатское государство, «в своем гражданском образе» вобрала в себя черты и того и другого региона⁶¹.

Сближение России с Европой активно продолжалось в XVII в., но особенно бурно при Петре I.

Но и решая отдельные проблемы, историк не изменяет своей общей методологии. Так, обращаясь к вопросу «призвания варягов», он рассматривает его на фоне общего соотношения норманнских движений в IX—X вв.; рассказывая о принятии Русью христианства, он видит в этом акте закономерность, свойственную и другим европейским странам. Даже в личных характеристиках, полагая, что в течение веков люди в главных своих свойствах не менялись, он стремится найти общие образцы. Ивана IV Карамзин сравнивает с Калигулой, Нероном, Людовиком XI, Годунов напоминает ему умом Кромвеля.

Так представлял себе Карамзин общую связь России с европейской историей. Возразить против этого сейчас трудно.

Любопытно, что уже тогда, когда первые переводы «Истории» Карамзина появились на Западе, она вызвала критику некоторых рецензентов именно в связи со стремлением автора показать российскую историю в русле истории общеевропейской. Эта полемика началась, конечно, не в начале XIX в., корнями она уходит в прошлое. Но она и не закончилась в те годы. Эстафета была принята новыми поколениями «борцов» и донесена до наших дней.

Провозгласив любовь к Отечеству одним из основных принципов своего подхода к истории, Карамзин сумел сохранить объективный подход как к русскому, так и другим народам России и Европы. В его «Истории» мы тщетно пыгались бы найти следы национального чванства, идеи «избранности» русского народа, как чужд был ему космополитизм и национальный нигилизм. Он уважительно говорил о «диких» народах, населявших Россию, об успехах европейских наций. Его национальная честь не была задета, когда он доказывал, что варяги принесли на Русь государственную организацию и стали здесь проводниками европейской цивилизации. Он с большой симпатией оценивал ярких исторических деятелей, даже если они были противниками Руси. Так, характеризуя семейство половецкого князя Боняка, которому наша летопись как злейшему врагу Руси дает уничижительные характеристики, Н. М. Карамзин говорит о «мужественном сыне хана славного Боняка».

Он искренне восхищался подвигами народа и его выдающихся представителей, среди которых немало титулованных лиц (Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, М. Скопин-Шуйский), сострадал народным бедам, гневно осуждал подлость, измену, показывал страшную ненавистную вражду княжеских и боярских кланов, переходившую из поколения в поколение. Мы видели, что не щадил он и великих князей и царей.

Иногда приходится читать, что интернационализм Карамзина консервативен. Конечно, он не понимал национальных проблем на современном уровне. Но ведь историка следует судить по меркам его времени. Все то, что он обещал по этой части в своем предисловии, Карамзин выполнил сполна, дав историкам замечательный урок разумного, взвешенного, объективного подхода к национальным проблемам.

Один из уроков наследия Карамзина — его огромная эрудиция и добросовестность, опора на исторический источник, приобщение своих читателей к живому историческому материалу, превращение читателя тем самым как бы в участника исследовательского процесса.

В нашей историографии уже неоднократно отмечалось, что Карамзин не только использовал великолепный для своего времени корпус источников, но и то, что многие из исторических материалов он открыл сам благодаря своей работе в архивах с рукописями, которые ему присылались для работы друзьями и доброхотами. Источниковедческая основа его труда была для того времени беспрецедентна. Он впервые ввел в научный оборот Лаврентьевскую и Троицкую летописи, Судебник 1497 г., сочинения Кирилла Туровского, Даниила Заточника, многие актовые, дипломатические материалы. Он широко использовал греческие хроники, сообщения восточных авторов, данные западных анналов, отечественную и зарубежную мемуарную и эпистолярную литературу. Его «История» стала поистине русской источниковедческой энциклопедией, она означала серьезный шаг вперед в освоении исследовательской документальной базы, указывала на спорные места, еще имеющиеся лакуны, звала ученых к дальнейшим разысканиям и открытиям.

Для рядового читателя, для всех любителей истории она оказалась поистине неоценимым материалом по части приобщения к жемчужинам отечественной исторической

документалистики. Карамзин периодически включает в состав «Истории» наиболее значительные, наиболее яркие исторические памятники. Иногда они присутствуют в полном виде, иногда в виде отрывков, но во всех случаях их цитирование органично вливается в общее повествование, повышает его доверительность, достоверность. Так, в состав «Истории» включены тексты русско-византийских договоров X в., «Поучение» Владимира Мономаха и послание к этому князю митрополита Никифора, основные статьи международного договора между Смоленском, Ригой и Готским берегом 1228 г. (а в примечании дан полный текст договора в оригинале); приведены обширные выписки из сочинения Плано Карпини о его путешествии на Восток. Среди цитированных материалов письмо Едигея великому князю Василию Дмитриевичу, выдержки из Судебника 1497 г., многочисленные материалы посольских сношений России с зарубежными странами, отрывки из переписки Андрея Курбского с Иваном Грозным, договор между гетманом Жолкевским и Боярской думой в 1610 г. о приглашении королевича Владислава на русский трон и многие-многие другие интереснейшие памятники. Карамзин вводил их в текст «Истории» продуманно, смело, полагая, видимо (и справедливо), что документы многое доскажут за автора, и доскажут убедительно и ярко. Приходится лишь удивляться тому, как один человек сумел поднять всю эту документальную махину, обработать, донести ее до читателя. Вероятно, эта большая документированность «Истории» Н. М. Карамзина является еще одним дополнительным фактором, который вот уже в течение почти двух столетий вызывает к ней неизменный интерес читателей.

Иногда историка упрекали в потребительском подходе к источнику, иногда — в «текстологических лукавствах», указывали ему на необходимость строго следовать тексту источника, проверять его достоверность. Несомненно, что Карамзин понимал эти проблемы не хуже своих критиков. Действительно, порой он опирался на недостаточно проверенные данные, взятые, скажем, из хроники Стрыйковского, Никоновской летописи⁸², сообщений Иордана. Его можно упрекнуть и за некоторую увлеченность определенным видом источников. Так, рисуя тиранию Ивана Грозного, его злодеяния, историк в основном оперировал

сообщениями иностранцев, данными Курбского, тенденциозность которых во многом очевидна.

Что касается «потребительского» подхода, то трудно было бы ожидать от сочинения, рассчитанного одновременно и на массового читателя, иного. «История» Карамзина, как и «История» С. М. Соловьева, является трудом столь же научным, сколь и доступным для всех любителей истории, редкое, увы, сочетание в отечественной историографии. Вместе с тем Карамзин прекрасно понимал научную значимость источника, необходимость критического к нему подхода. Могу привести в качестве примера его отношение к так называемой Иоакимовской летописи. По существу, он ее дезавуировал, перенес спор по поводу ее достоверности в «Примечания», высказался против того, чтобы использовать ее данные. Так же он поступал и в иных случаях. В то же время ряд источников он принимал как достоверные, и только позднейшая критика выявила их несостоятельность. Собственно, какие основания у Карамзина в начале XIX в. были не доверять, скажем, Никоновской летописи? Во всяком случае, его обширные «Примечания», биеие в них исследовательского пульса, активное участие в решении многих дискуссионных на ту пору вопросов (об этнической природе варягов, о характере хозяйственных занятий славян в предкиевский период и т. д.) указывают на его большую научную осведомленность и добропорядочность.

С оппонентами Н. М. Карамзин спорил спокойно и уважительно.⁹ Там, где сомневался, давал весьма осторожные, уклончивые оценки. Так, сообщая о посольстве к франкам в 838—839 гг. неведомого «народа Росс», государственная принадлежность которого долгое время оставалась неясной (и возбуждает споры до сих пор), он, отождествив его с Русью, не забыл сказать «вероятно» и «может быть», а говоря о том, что Иван III стал давать первым землю за службу, вставил слово «кажется».

Н. М. Карамзин отрицательно относился к научным натяжкам, поспешным выводам. Именно ему принадлежит фраза: «История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется»⁶³. Сам он преподавал мужественный урок подобного рода, дав смелую и неординарную оценку на-

шествию татаро-монголов и установлению ига. Конечно, нашествие и иго были злом, но они имели и положительные последствия: «Москва же обязана своим возвышением ханам, т. к. если бы ордынская власть не висела над русскими землями, то Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить Россию и уже безвозвратно». Трагический вывод, пусть и спорный.

Но не во всем историк опередил свой век: он был сыном времени и по общей российской дворянской настроенности своей идеологии, хотя и облагороженной просветительскими идеями, и по общему провиденциалистскому подходу к истории, несмотря на стремление выявить ее житейские закономерности, и порой наивным, чисто идеалистическим оценкам роли той или иной личности в истории, что вполне соответствовало духу эпохи.

Его провиденциализм ощущается в оценке крупных исторических поворотов. Он искренне верит в то, что явление Лжедмитрия I в истории России было рукой провидения, покаравшего Бориса Годунова за его ужасный грех — организацию убийства царевича Дмитрия (Карамзин ни минуты не сомневался в том, что именно Годунов был истинным виновником гибели царевича, и его система доказательств не может быть сброшена со счетов. Во всяком случае, Пушкина она, кажется, убедила полностью, а историческое чутье нашего великого поэта было развито чрезвычайно). Столь же провиденциалистский подход чувствуется и в оценке роли Москвы в деле объединения русских земель и организации борьбы с Золотой Ордой. «Власть провидения» постоянно присутствует на страницах «Истории», придавая причудливые очертания во многом исторически точным, стихийно правильно понятым историком процессам развития страны.

Его вера в силу человеческого духа столь велика, что она порой затмевает реальные контуры и возможности той или иной личности. Он полон энтузиазма при описании личных качеств и исторических дел Владимира Мономаха. Он просто влюблен в него. Он у него и «чувствительный», и «миролюбивый», и «добродушный». Он «друг Отечества». Его благородство и человеколюбие не знают границ. Он добровольно уступает Киев, а потом Чернигов своим политическим противникам, поскольку у них больше на это династических прав, он борец за справедливость и истину и в своем «Уставе» 1113 г. про-

являет себя великим гуманистом. В этой своей увлеченности Карамзин, кажется, не хочет видеть других сторон личности своего героя — его политическую расчетливость, понимание того, что в Киеве он чужой человек, а Чернигов с сотней бойцов ему не удержать против дружины Олега и половцев. Он не видит и защиту князем интересов правящей верхушки, что наглядно выявляется в прагматизме мономаховской «Правды» 1113 г. Историк не замечает жестокости и вероломства своего героя там, где это ему выгодно.

И все же думается, что историк имеет определенное право на эту увлеченность. Те, кто считают, что князь в принципе не может быть умным, гуманным человеком, получают от Н. М. Карамзина хороший урок психологической зоркости; он в общем-то верно понял личность Мономаха как человека, безусловно, незаурядного, настроенного в известной степени философски, о чем говорят и его «Поучение», и уход в конце жизни в тихую обитель на р. Альте, и многое другое в его бурной биографии. А чего стоит одно его драматическое письмо с предложением мира и дружбы своему врагу, двоюродному брату Олегу, написанное сразу же после того, как Олег стал причиной гибели в бою Мономахова сына Изяслава. Все-таки в чем-то здесь историк нас поправляет, что-то ценное человеческое нам подсказывает. Он обращает внимание на благородные черты Ростиславичей — князей Василька и Володаря, на коварство и злобность всего клана Ольговичей, характеризует великого князя Мстислава — Мономахова сына — как мужественного и великодушного человека; великого же князя Святополка называет вероломным, каким был и его отец Изяслав. Он верит, что Владимир на Клязьме стал затмевать Киев из-за нелюбви Андрея Боголюбского к Южной России. Сами же начавшиеся междоусобия объясняет злой волей князей, их честолюбием, алчностью, хотя неоднократно отмечает и всеевропейский характер «удельной» системы. В этом же ключе он трактует и объединение русских земель вокруг Москвы. «История свидетельствует, что есть время для заблуждения и для истины,— пишет он.— Сколько же веков потребовалось, чтобы увериться в необходимости „соединения княжений“»⁶⁴, хотя и здесь обращает внимание на общие для всей Европы тенденции к централизованным монархиям.

Н. М. Карамзин мастерски рисует психологическую обусловленность поступков тех или иных исторических деятелей. Он показывает метания Олега Рязанского накануне Куликовской битвы, его страх перед Мамаем и ненависть к Москве, подминающей под себя одно русское княжество за другим. Он много размышляет над характером Ивана III, который, «не будучи тираном подобно своему внуку», тем не менее имел в натуре природную жестокость, «умеряемую в нем силою разума»⁶⁵. Его настойчивость, осторожность, ясное видение конечной цели своих усилий, в отличие от импульсивности Петра I, во многом привели к тому, что Иван III «оставил государство удивительное пространством, сильное народами, еще сильнее духом»⁶⁶. Карамзин очень тонко уловил психологический поворот в настроениях Ивана IV после своей болезни и заминки с присягой со стороны группы бояр на верность его сыну Дмитрию, но особенно после смерти царицы Анастасии; внимательно оценил роль царского окружения и его влияния на молодого Ивана IV.

Пожалуй, единственный среди историков, он выявил психологические повороты в различные этапы жизни Бориса Годунова и попытался трактовать его политику в значительной степени в зависимости от этих поворотов. Он заметил необычайную схожесть судеб Годунова и Шуйского и во многом правильно объяснил внимание Шуйского к фигуре Годунова, в частности факт перенесения мощей его и членов его семьи из захудалого монастыря в знаменитую Троицкую обитель.

Н. М. Карамзин смело шел на обрисовку характеров не только киевских, владими́ро-суздальских, московских властелинов, но и владык Литвы, Венгрии, Золотой Орды, других сопредельных с Русью стран. В его истории, таким образом, взаимодействуют не только государственные или хозяйственные системы, соответствующие «интересы», но и живые люди, живые характеры с их страстями, слабостями, увлечениями, разочарованиями. Карамзин в этих своих психологических экскурсах идет и еще дальше, пытаясь нередко объяснить причины тех или иных действий исторических лиц свойствами их души, их детскими или юношескими психологическими комплексами, личными склонностями. Так, многие неурядицы русской политической жизни начала 30-х годов XVI в., когда у власти после смерти Василия III оста-

лась юная великая княгиня Елена Глинская, он относит на счет ее страсти к молодому красавцу князю А. Овчине Телепневу-Оболенскому, в чьих руках оказалась сосредоточенной огромная власть, а импульсы внутренней и внешней политики конца 80-х — первой половины 90-х годов XVI в. после смерти Ивана Грозного рассматривает сквозь призму личных качеств рвущегося к трону Годунова.

Конечно, только такие подходы к политической истории страны сегодня вряд ли кого могут устроить. Впрочем, и у Карамзина они не являются доминантой. Но нас не может устроить полное забвение психологических, нравственных, физиологических и иных личностных факторов в истории, когда в течение десятилетий в наших исторических сочинениях действовали бесплотные манекены, которые только тем и занимались, что выражали интересы тех или иных классов или социальных групп. Между тем мы сами на своей собственной практике очень хорошо уяснили, что значит личность в истории, как она может круто повернуть ход событий, какие мрачные краски внести в историческую ткань, как могут действовать закулисные кланы, какое влияние оказывать семейные связи. Собственно, мы столкнулись с тем, что всегда было характерно для системы власти — с присутствием в ней человеческих чувств, честолюбия, игры политических страстей, пьянящего авантюризма, преступного интриганства, жестокости, несовместимых с теми лозунгами, которые преподносились народу. Однако все эти оценки были в нашей истории вне закона, и лишь сегодня мы начинаем об этом говорить громко и откровенно. Н. М. Карамзин со своими психологическими прозрениями помогает нам стряхнуть оцененение перед оценкой роли личности в истории, личных интересов и индивидуальных характеров. Ведь, справедливо критикуя Карамзина, можно вместе с тем поставить вопросы и по-другому: а не был ли Мономах действительно позитивной личностью, оказывавшей большое влияние на ход событий тогдашней истории? не являлся ли клан Ольговичей генетически беспокойным, без меры самолюбивым и суетным? не оказала ли во многом влияния роковая страсть Годунова к высшей власти на события начала века? Рискуя встретить вновь иронические усмешки, но ведь история от них не становится полнокровней и богаче.

От личных характеристик Карамзин порой переходит к психологическим зарисовкам больших групп людей и даже народов. Дело это, конечно, для нас вовсе необычное, особенно потому, что касается оно в первую очередь русского народа. Но подумать над этим, видимо, также необходимо без особой идеологической предвзятости. Так, для Карамзина новгородцы — это племя людей, обуреваемых большими страстями. Он нередко употребляет понятия «новгородская честь», «новгородская душа», которые с течением времени размываются духом меркантилизма. Конечно, мы отдаем себе отчет в социальном составе новгородской республики и все же не можем не согласиться с тем, что Карамзин верно уловил какую-то характерную черту новгородских жителей, определяемую особым ходом исторического развития Новгорода, этническим составом населения, не знавшего иноземных включений, спецификой хозяйственной деятельности, связанной с торговлей и промыслами. Со времен власти Орды и постоянного общения с насильниками Карамзин замечает изменения в характере русского народа — появление в нем черт раболепия, хитрости, жестокости, страха, стремления к подавлению себе подобных и ослабление таких черт, как «народное честолюбие», храбрость. Если к этому добавить его мысль по поводу влияния на характер народа крепостного «рабства», то картина получится не слишком оптимистическая. Но одновременно историк оценивает воздействие на эволюцию народного характера таких явлений, как освободительная борьба против власти Орды, Куликовская битва, всколыхнувшая страну, создание централизованного государства при Иване III, конец татаро-монгольского ига, возрождение русского национального самосознания. И ту и другую тенденцию, видимо, следует принимать во внимание, не пугаясь как негативных явлений, так и не обольщаясь позитивными моментами. На мой взгляд, это вовсе не мешает социальному анализу общества, напротив, углубляет и обогащает этот анализ, так как эти психологически-нравственные тенденции по-разному преломлялись в различных слоях русского общества — от крепостного крестьянина до члена Боярской думы.

Наконец, одним из значительных уроков Карамзина, преподанных будущим поколениям историков, является его умение «видеть действие и действующих», о чем он

сказал в своем предисловии. В значительной мере это выполнялось за счет точных и ярких психологических характеристик. Но этим не исчерпывается художественный арсенал Карамзина. Он ищет яркие метафоры, образные сравнения, он использует даже средства, чисто беллетристические, выстраивает сюжетную линию там, где ему позволяет материал. Он это мастерски делает в описании сцены кончины Василия III, который, уже умирая, думал лишь об одном: как сохранить власть своему первенцу — трехлетнему Ивану IV? А потом он переносит напряженную историко-художественную линию на описание первых лет правления царя-младенца, страшных картин дворцовой борьбы, рисует характеры сильные, яркие, противоречивые — Елены Глинской, ее фаворита, князей Шуйских. Злобная месть, тайные убийства, глухие заточения сопровождают эту борьбу, и нет в ней никакого просвета. В этом мире торжества страха и безумия власти формируется характер будущего Грозного царя. Эта линия продолжается и далее в ярких картинах борьбы боярских группировок за власть около постели тяжело занемогшего Ивана IV (не случайно С. М. Эйзенштейн фактически снял эту сцену в своей ленте о Грозном по Карамзину), в терзаниях Годунова, в феноменальном восхождении к славе царя-расстриги (не случайно опять же страницы с описанием событий первой самозванщины так тесно перекликаются с творческим видением Пушкина). А чего стоят сочные, краткие исторические портреты? Литовского великого князя Витовта Карамзин, например, называет правителем, «поседевшим в кознях властолюбия», о Годунове пишет: «Татарин происхождением, Кромвель умом», о Лжедмитрии I: «Он имел некоторые достоинства и добродушие, но голову романическую и на самом троне характер бродяги». И «История» и «Записка» Карамзина наполнены такими маленькими шедеврами. Как живые предстают на ее страницах цари, князья, бояре, церковные иерархи. И для каждого он находит свою, индивидуальную характеристику.

Н. М. Карамзина весьма заботило не только чисто научное, но и художественное, эмоциональное восприятие «Истории» теми, кому она предназначалась, — читателями, народом. Поэтому публичные чтения ее отрывков в петербургских салонах, видимо, преследовали не только

цель популяризации труда, но и его, так сказать, художественной апробации. Поскольку выбирались для этого наиболее сильные страницы «Истории», впечатление оказывалось ошеломляющим. Да и последующий тиражный успех «Истории» был во многом обусловлен ее чрезвычайно высоким литературным уровнем. Тем самым Н. М. Карамзин заложил замечательную традицию отечественной историографии — ее высокий художественный уровень, традицию, которую в дальнейшем с честью восприняли и развивали С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, корифеи советской исторической науки и которую сегодня, продираясь через барьеры научного снобизма, вызванного порой откровенной бесталанностью, пытается возродить живущее поколение советских историков.

Каждое крупное научное явление вызывает, как правило, большой общественный резонанс. Не стала здесь исключением и «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Она буквально ошеломила всю читающую и думающую Россию. Эта Россия была тогда, увы, невелика. В те времена до глубин народа труд историка дойти, естественно, не мог. И все же в научной и общественной жизни страны «История» сыграла видную роль. Ей рукоплескали и «слева» и «справа», ее критиковали и «слева» и «справа», ею зачитывались и будущие декабристы, и будущие их гонители. В ней было нечто столь огромное, значительное, вечное, что вставало над бытием тех дней, кардинально разделяло и в то же время примиряло самые различные общественные силы. Она стала завоеванием тогдашней российской науки и культуры, оказалась на передовом их рубеже и тут же выявила ограниченность исторической науки и поставила перед ней новые ответственные задачи, которые уже стали разрабатываться новым поколением русских историков и мыслителей. Тем самым «История» дала мощный толчок всему духовному развитию русского общества. И не случайно в 1870 г. первые публикаторы «Записки о древней и новой России» назвали Карамзина «бессмертным историографом».

Пережившая смену общественно-экономических формаций, падение крепостного права и падение царизма, три российские революции, различные деформации социализма, выдержавшая в течение века многочисленные

издания, а затем в новых социально-политических условиях, казалось, бесследно канувшая в лету, «История» Н. М. Карамзина вновь, как и в дни своего рождения, блистает сегодня интеллектом, мощью обобщений, яркими художественными красками, поражает мятущейся душой ее создателя, его неугасимым творческим горением. А разве не это неизменно ставило истинные творения человеческого духа выше обстоятельств времени, разве они не переживали в веках тех своих «высоких» судей, кто был вершителем их судьбы, но чья слава уходила в небытие ранее погребальных по ним речей? Ныне потомки вновь идут на встречу с трудом выдающегося историка.

¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. V. С. 1 (далее: *Карамзин Н. М.* История).

² *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России (далее: «Записка»). СПб., 1914. С. 124.

³ «Записка». С. 37, 41.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же. С. 67, 69.

¹⁰ Там же. С. 68, 107.

¹¹ Там же. С. 118—119, 121.

¹² Там же. С. 123.

¹³ Там же. С. 1.

¹⁴ *Карамзин Н. М.* История Т. I. С. IX.

¹⁵ Там же. С. XIII.

¹⁶ Там же. С. X, XIII.

¹⁷ Там же. С. XIII.

¹⁸ Там же. С. X.

¹⁹ Там же. С. XII.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. XIII.

²² Там же.

²³ Там же. С. XIII—XIV.

²⁴ Там же. С. 67 и след.; «Записка». С. 2.

²⁵ *Карамзин Н. М.* История Т. II. С. 39.

²⁶ Там же. Т. III. С. 20; «Записка». С. 3—4.

²⁷ *Карамзин Н. М.* История. Т. III. С. 20, 184—186; Т. V. С. 2, 127, 207—208, 214—215.

²⁸ «Записка». С. 32.

²⁹ Там же. С. 47.

³⁰ Там же. С. 10.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 127.

³³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 271.

- ³⁴ См.: Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980.
С. 43.
- ³⁵ Карамзин Н. М. История. Т. V. С. 220; Т. VIII. С. 8.
- ³⁶ Там же. Т. VII. С. 121; «Записка». С. 42.
- ³⁷ «Записка». С. 122.
- ³⁸ Карамзин Н. М. История. Т. V. С. 61.
- ³⁹ Там же. Т. VI. С. 100.
- ⁴⁰ Там же. С. 5.
- ⁴¹ Там же. Т. VII. С. 221.
- ⁴² Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 125.
- ⁴³ «Записка». С. 23.
- ⁴⁴ Там же. С. 28.
- ⁴⁵ Карамзин Н. М. История. Т. I. С. VIII.
- ⁴⁶ «Записка». С. 38.
- ⁴⁷ Карамзин Н. М. История. СПб., 1843. Т. X. С. 120—121.
- ⁴⁸ Н. М. Карамзин относил ликвидацию Юрьева дня, как и других закрепостительных мер, ко времени реального правления Годунова при Федоре Ивановиче.
- ⁴⁹ «Записка». С. 83.
- ⁵⁰ Там же. С. 80.
- ⁵¹ Там же. С. 82.
- ⁵² См., например: Карамзин Н. М. История. Т. III. С. 118 и след.
- ⁵³ Там же. Т. XII. С. 23.
- ⁵⁴ Там же. С. 30.
- ⁵⁵ «Записка». С. 1.
- ⁵⁶ Карамзин Н. М. История. Т. V. С. 214—215.
- ⁵⁷ «Записка». С. 3.
- ⁵⁸ Карамзин Н. М. История. Т. V. С. 215—216.
- ⁵⁹ Там же. Т. VI. С. 210, 212.
- ⁶⁰ Там же. С. 1.
- ⁶¹ «Записка». С. 10.
- ⁶² Хотя, как показали новейшие исследования, данным этой летописи, как включавшей утраченные древние тексты, можно во многом доверять.
- ⁶³ Карамзин Н. М. История. Т. V. С. 222.
- ⁶⁴ Там же. С. 220.
- ⁶⁵ Там же. Т. VI. С. 215.
- ⁶⁶ Там же. С. 216.

А. В. Гулыга

ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

В настоящем издании публикуется основной исторический труд Н. М. Карамзина, но значение трудов Карамзина неизмеримо выше. Они имеют непреходящее значение не только для исторической науки, но и для литературы и в целом для русской культуры.

Н. М. Карамзин родился в 1766-м, год спустя после смерти М. В. Ломоносова, продолжателем дела которого стал.

Вслед за ломоносовским периодом развития русской литературы В. Г. Белинский называет карамзинский. Ломоносов преобразовал русское стихосложение, Карамзин выступил реформатором русской прозы.

Причем речь идет не только о повестях Карамзина, не только о «Письмах русского путешественника», в последние годы у нас неоднократно издававшихся, но о книге, одно время незаслуженно преданной забвению и лишь теперь возвращающейся в круг русского чтения — «Истории государства Российского».

Карамзина сравнивают с Плутархом, создавшим ярчайшие образы древней истории, в течение столетий воодушевлявшие отзывчивые сердца, в том числе и русские. В эпилоге «Войны и мира» юный Николинка Болконский молит бога, чтобы выпало на его долю то, «что было с людьми Плутарха». Бредить героями Карамзина он не мог: книга только еще создавалась. Сам Л. Н. Толстой знал ее великолепно. Но значение Карамзина для русской культуры больше, чем Плутарха для греческой, Плутарх шел в русле сложившейся литературной традиции, а Карамзин создавал таковую для России. «История государства Российского» — точка отсчета новой русской литературы, начало ее классического периода. Это документальная проза, великолепная по языку, выразительная по психологическим характеристикам, глубокая по затронутым философским проблемам, безупречная по источникам, на которые опирался автор.

По словам Пушкина, Карамзин — «великий писатель во всем смысле этого слова»¹. Пушкин согласен с П. А. Вяземским, увидевшим в Карамзине «образователя прозаического языка». И он поясняет, в чем дело: «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова»². Пушкин высоко оценил тот труд, которому Карамзин посвятил многие годы своего зрелого творчества, — «Историю государства Российского». «Наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина...»³ Эту мысль Пушкин повторяет неоднократно.

Было ли отношение Пушкина к «Истории государства Российского» всегда однозначным?

Как оценивать известную эпиграмму:

В его «Истории» взящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

По моему глубокому убеждению эти строки Пушкину не принадлежат. Автографа нет. Да и не может быть: поэт дважды отрекался от авторства. Тем не менее эпиграмма включена в академический десятитомник. Составитель первого тома Б. В. Томашевский пишет в примечаниях: «По-видимому, это та самая эпиграмма на Карамзина, в которой признавался Пушкин в письме к Вяземскому от 10 июля 1826 г.»⁴ Но в этом письме Пушкин как раз отрицает свое авторство! «...Что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мной в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены; ужели ты мне их приписываешь»⁵.

Пушкину принадлежит одна эпиграмма на Карамзина, которая «ничуть не обидна». Вот она:

Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород, про время золотое,
И наконец про Грозного царя ...
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

Эта эпиграмма была написана Пушкиным до появления в свет первых томов «Истории государства Российского», которые Пушкин принял восторженно. Что, по мнению Пушкина, могло бы обидеть Карамзина? Как раз то, что содержится в злополучной эпиграмме. Об этом опять же у Пушкина: Карамзин однажды начал при нем «излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: „Итак, вы рабство предпочитаете свободе“. Карамзин вспыхнул и назвал меня клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души». А перед этим четко сказано: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни»⁶. Не верить Пушкину нет оснований: ни в дружеском

письме Вяземскому, ни в черновых заметках для себя он не кривит душой. Он не кривил душой, когда (в 1818 г.) написал эпиграмму на Каченовского, хулителя «Истории государства Российского»:

Бессмертною рукой раздавленный зоиц,
 Позорного клейма ты вновь не заслужил?
 Бесчестью твоему нужна ли перемена?
 Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?

Я не сделал никакого открытия. Наоборот, академический десятитомник попытался закрыть глаза на общеизвестную вещь: Пушкин не нападал на главный труд Карамзина. Полное собрание сочинений, выпущенное в свое время издательством «Художественная литература», не содержит оспариваемого текста. Более того, Т. Г. Цявловская, составитель первого тома, в этом издании, приводя лицейскую эпиграмму, уточняет: «Пушкину без достаточных оснований приписывается еще одна эпиграмма на Карамзина»⁷. И далее следуют стихи про «прелести кнута». Сегодня мне представляется крайне важным внести ясность в отношения между двумя классиками, освободить Пушкина от приписываемых ему строк («глупых и бешеных»). Пушкин всегда оценивал деяние Карамзина как «подвиг».

Карамзин совершил «великий подвиг», настаивает и Белинский. «„История государства Российского“ — творение великое, которого достоинство и важность никогда не уничтожатся: вытесненная историческою и философскою критикою из рода творений, удовлетворяющих потребностям современного общества, „История“ Карамзина навсегда останется великим памятником в истории русской литературы»⁸. И в другом месте: «Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу. Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи»⁹.

В духе оценок Пушкина и Белинского В. В. Виноградов отмечал: «Создание „нового слога“ русской литературной речи, который должен был органически сочетать национально-русские и общеевропейские формы выражения и решительно порвать с архаической традицией церковнославянской письменности, было связано с именем Н. М. Карамзина... Работа, произведенная Карам-

зиным в области литературной фразеологии и синтаксиса, поистине грандиозна... Отрыв от старой книжной традиции был осуществлен... Язык Карамзина, правда, сам переживший сложную эволюцию от „Писем русского путешественника“ и „Бедной Лизы“ до последних томов „Истории государства Российского“, ложится в основу новой грамматической нормализации»¹⁰.

Факт, очевидный Пушкину и Белинскому (и современным крупным лингвистам), одно время оспаривался. Начало сомнениям положил И. С. Тургенев в своей известной речи 1880 г., отдавший Пушкину все заслуги Карамзина. Это мнение перекочевало в некоторые современные работы. И. И. Ковтунова объясняет, «почему в первой трети XIX в. так высоко расценивали роль Карамзина и почему впоследствии, после Пушкина, эта его роль в создании норм русского литературного языка перестала быть столь очевидной. Нормированный общелитературный язык уже существовал как некая неоспоримая данность, он предстал в более совершенных с эстетической стороны и неизмеримо более значительных образцах — в произведениях Пушкина. Оценить по достоинству значение Карамзина можно лишь на фоне предшествующей ему литературы, отрешившись от последующих ее достижений»¹¹.

Важное обстоятельство отметил Б. А. Успенский: «...Карамзин не дал сколько-нибудь четкого и последовательного изложения своей языковой концепции»¹². Карамзин действительно осуществил реформу языка практически, теоретически не обосновав ее развернутым образом. В России существовало два языка — живой разговорный и литературный, перегруженный архаизмами. Следуя западным образцам, Карамзин понял необходимость слить их, создать новую норму литературного языка. Первой попыткой такого рода были «Письма русского путешественника», «История государства Российского» подтвердила жизненность новых принципов. С этого произведения началась русская классика XIX в.

Теперь о специфике жанра. Он один из самых древних. И удивительно современный. Древен интерес к прошлому, и Карамзин не скрывает, что вдохновлялся Геродотом и Фукидидом. Современное стремление опереться на факты, на документы, исключить вымысел и ограничить фантазию.

На кого непосредственно он мог опереться в своем стремлении создать историю нации, сочетая достоверность с занимательностью, научную безупречность с художественной выразительностью? В XVII и XVIII вв. на Западе возникают подобные попытки. Карамзин называет имена Д. Юма и И. Мюллера. Образцы исторической прозы дали Вольтер и Гиббон. В России складывалась историографическая традиция, представленная именами А. И. Манжиева, М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина.

У Карамзина были предшественники. И все же именно ему довелось создать произведение, сыгравшее беспримерную роль в развитии национального самосознания, ставшее определенным пунктом отсчета в истории русской литературы.

Специфика жанра состоит в сочетании научности и художественности. Образно-эмоциональное начало присуще самой исторической действительности, из исследуемого материала оно переходит в историческое повествование порой даже помимо намерений автора. Разумеется, не любая проблема в истории дает простор для применения образно-эмоциональных средств. Подчас требуется односторонний подход к объекту (так дело, например, обстоит в экономической истории, где широко применяется математическая обработка данных, а образные возможности ограничены). Но когда исследователь имеет дело с многообразием исторической конкретности — эпохой, рассматриваемой как целое, жизнью народа, человека, — то в арсенале его познавательных средств образное мышление занимает значительное место.

На художественных потенциях исторического описания остановил свое внимание Гегель. В «Лекциях по эстетике» он подчеркивает, что последнее близко искусству, не являясь, однако, таковым; это проза, а не поэзия. Интересна мысль о том, что история непосредственно воспроизводит либо всеобщее, либо единичное, лишенное общезначимости. В искусстве же господствует особенное — категория, которая представляет собой единство всеобщности и единичности. Другое отличие художника от историка: первый гармонизирует мир, второй не может не замечать его дисгармонии. Не станем разбирать весомость выдвинутых Гегелем аргументов, отметим лишь его диалектический подход — *тезис*: историческое описа-

ние — не искусство, *антитезис*: произведения истории «дают достаточно простора для художественной деятельности»¹³.

А каковы научные потенции литературы? Вопрос может показаться странным, и тем не менее он закономерен. В настоящее время все громче раздаются голоса, настаивающие на рассмотрении литературы как самостоятельной (не совпадающей с искусством) сферы духовной деятельности человека. По мысли Н. Конрада, литература — это «особая категория духовной творческой деятельности общества, отличная от философии, науки, искусства и вместе с тем сопряженная с ними, поскольку она пользуется всеми их средствами: понятиями, символами, образами, метром, ритмом, эвфонией»¹⁴.

Итак, история — это наука, выходящая за собственные пределы; литература — искусство, престаупающее свои границы. В этом своеобразии их близость, иногда доходящая до совпадения. Научная проза историка, обладающая художественными достоинствами, может стать фактом литературы.

Может, но не всегда реализует такую возможность: наша историография, например, в долгу перед читателем. У нас есть фундаментальные труды, созданные мощными исследовательскими коллективами, но очень мало увлекательных книг по отечественной истории (при наличии огромного интереса к прошлому). Кстати, коллективное творчество и увлекательное изложение — вещи, как правило, взаимоисключающие. Увлекает индивидуальный писательский талант историка. Увы, он как раз мало ценится в нашей научной литературе о прошлом. Об этом уже не раз говорилось. Драматические события родной истории, беспримерные по своему величию, описываются порой бесцветно и невыразительно. Надо учиться у Карамзина!

Вот его кредо: «История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся...»¹⁵

Так пишет Карамзин в предисловии к «Истории го-

сударства Российского» (здесь он формулирует методологические принципы своей работы): «Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*». Историк не может говорить за своих героев. «Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? *Порядок, ясность, сила, живопись*. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать праз великого» (I, XII; подчеркнуто мной.— А. Г.).

Подлинность материала, упорядоченность и ясность изложения, живописная сила языка — таковы выразительные средства, находящиеся в распоряжении историка. С Карамзиным здесь нельзя не согласиться.

Действительно, история привлекает прежде всего своей правдивостью. Ложь о том, что было, даже занимательно придуманная, отталкивает. Когда читатель знает, что речь идет о подлинных событиях, и ему стараются сообщить все без утайки, по возможности обстоятельно и точно, повествование приобретает дополнительную эмоциональную действенность. (Именно поэтому в современном искусстве так сильна тяга к документальности, оно ведет себя «не по Гегелю», обращаясь непосредственно к «единичному».)

В историческом образе вымысел совершенно исключен, фантазия в творчестве историка играет вспомогательную роль в интуитивном акте нахождения материала и осмысления его. Писатель создает типические образы, историк ищет их. Он не всегда находит их в готовом виде. Зачастую перед историком сумбурное сырье, разрозненные детали, которые нужно понять, скомпоновать воедино, истолковать. Зачастую из множества единичных образов требуется создать один обобщенный; происходит реконструкция и уплотнение материала — процесс, который требует большого художественного чутья. Карамзинские «порядок» и «ясность» оказываются здесь на месте.

Писатель может нарочито затруднить свою манеру изложения, усложнить (или упростить) язык, создать многоплановость изложения, многовариантность истолкования, прибегнуть к «эффекту очуждения», деформировав изображение, показав его в необычном ракурсе, преувеличив, заострив. С другой стороны, он вправе

прибегнуть к «эффекту присутствия», попытавшись создать иллюзию чувственной достоверности изображаемого, автор при этом как бы уходит в сторону, а читатель оказывается в гуще событий, присутствует при их свершении.

Историческое повествование движется, лавируя между этими двумя «эффектами». Исторический образ реален, но без претензий на чувственную иллюзорность. Он в то же время интеллектуален, но не нарушает правдоподобия, не деформирует объект изображения. Историк заставляет видеть события, но только так, чтобы читатель не забывал о дистанции, о том расстоянии, которое отделяет его от них. Историк заставляет думать, оперируя лишь неискаженными фактами. Гротеск появляется на его страницах, когда он порожден самой действительностью. Самое большее, что может позволить себе автор, — ирония. Что касается языка, то любой эксперимент историку противопоказан, излишняя метафоричность может только повредить. Канон для историка — действующие языковые нормы. Лишь в их пределах допустимо историку добиваться выразительности — «силы» и «живописи», о которых говорит Карамзин.

Но ведь сам Карамзин выступил как реформатор языка! Карамзин поступил в данном случае как писатель, как великий писатель, преступив меру, отпущенную ему как историку. Именно поэтому «Историю государства Российского» и следует рассматривать в качестве литературного памятника.

Меры языка держится В. О. Ключевский. Его «Курс русской истории» — образец строгой исторической прозы. Читатель и здесь увлечен. Портретные характеристики умело вписаны в картину жизни народа, композиция ясна и строга. Ключевский лапидарен и афористичен, он любит меткое слово, яркое сравнение, выразительную деталь.

Тем не менее «Курс русской истории» — произведение прежде всего научное (хотя и читается легче пной беллетристики), а «История государства Российского» — литературный памятник (хотя в научном отношении и превосходит иные специальные работы). Ключевский — по преимуществу аналитик, он исследует исторический процесс, работая понятийными конструкциями (хотя вылепленная им фигура Петра I исполнена высокой образности); Карамзин же, по определению Пушкина, — «по-

следний летописец»: повествуя о событиях в строгой последовательности, он создает галерею ярких образов родной истории, многие из которых стали хрестоматийными (неуравновешенный тиран Грозный, слабохарактерный Федор Иоаннович; потерявший народную поддержку узурпатор Годунов и т. д.). И все же эстетическая задача для Карамзина не является главной. Одновременно он решает более важную, философскую проблему этического синтеза. История — школа нравственности. Учитель и ученик в этой государственной школе — народ. К теме народа в «Истории государства Российского» мы еще вернемся, пока отметим, что нравственное развитие народа от дикости к цивилизации — славный результат русской истории.

Помыслы автора «Истории государства Российского» были чисты и возвышенны. В предисловии он не скрывал, что ждет похвалу и опасается поношения. И вместе с тем настаивал: «Одно славолюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать Российскую Историю известнее для многих» (I, XIV). Карамзин писал о Родине для Родины. И своему Отечеству он желал «благоденствия еще более, нежели славы». Он решал задачу нравственного воспитания народа, пробуждения в нем патриотизма. Если вспомнить, что дело происходило перед войной 1812 г., Карамзину нельзя отказать в правильном понимании запросов времени.

История, считает Карамзин — и мы согласны с ним в этом, — дает уроки нравственности и государственного мышления. Карамзин говорит о тройкой любви к родине — физической, моральной и политической. Первая представляет собой привязанность к месту своего рождения и воспитания. Дело здесь не в благодатном климате и красотах природы: лапландец привязан сердцем к своему холодному краю, переселите его на юг, он будет несчастен; лучше всего человек чувствует себя в родной стихии. Моральная любовь — привязанность к соотечественникам; в характере нации есть общие черты, которые связывают ее представителей в одно целое. Политическая любовь — патриотизм, наиболее сложное и глубокое чувство. Первые два неосознанны, а третье — «требует рассуждения».

«Я не смею думать,— говорит Карамзин,— что у нас в России было не много патриотов, но мне кажется, что мы излишне *смирены* в мыслях о народном своем достоинстве,— а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут»¹⁶, но не должно быть места кичливости, патриотизм не должен ослеплять.

Патриотизм воспитывается. Лучшее средство для этого — изучение истории. Чтобы верить в будущее и любить настоящее, надо знать прошлое. Главный труд Карамзина открывается знаменательными словами о роли истории в жизни народа: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» (I, IX). Так начинается предисловие к «Истории государства Российского», а кончается оно волнующей для русского сердца фразой: «...да цветет Россия...»

В 1811 г., обеспокоенный судьбой родины, Карамзин откладывает на время труд летописца и создает взволнованный меморандум о положении дел в стране. Это «Записка о древней и новой России». Написана она в начале 1811 г., в марте того же года подвернулся удобный случай вручить ее царю Александру I. Ознакомившись с «Запиской», царь был разгневан и в течение ряда лет выказывал Карамзину свое неудовольствие. Что было причиной царского гнева? Почему «Записка» только через четверть века впервые (и то частично) увидела свет в Пушкинском журнале «Современник»? Почему только в 1914 г. был полностью напечатан ее текст? Она ходила в списках, привлекая внимание.

В «Записке» сведены воедино, обобщены многолетние размышления Карамзина над отечественной историей, это как бы философское резюме «Истории государства Российского». Вывод один: Россия сильна нравственными устоями, нельзя допустить их ослабления, а русские цари менее всего обеспокоены этим. «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для их твердости». Петр унизил русских, навязав им иностранные обычаи, нравы, одежду. «Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим

делам?» Карамзин критическим оком окинул и блистательный век Екатерины II. «У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни».

Ошибки — не только в прошлом, но и в настоящем. Карамзин перечислил Александру все его промахи. И еще раз повторил: «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество». Особенно он был обеспокоен проектами реформ, которые намеревался осуществить император. Самая радикальная состояла в отмене крепостного права. Карамзин предупреждал — не время! К свободе «надобно готовить исправлением нравственным; а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?»¹⁷. Упрекнуть Карамзина в консерватизме нетрудно: он оказался «ретрограднее» царя. Но он оказался мудрее: страна находилась перед вражеским вторжением, было крайне опасно ломать сложившиеся устои, вносить раздор в общество, всегда чреватый падением нравов. Карамзин был последователен в своем убеждении: нравственность — главное.

Вернемся, однако, к «Истории государства Российского». Пристальное внимание автора естественным образом привлечено к тому, как это государство возникло. В XV в. возвысилось новое удельное княжество — Москва, объединившее вокруг себя остальные русские земли, добившееся независимости от Орды. «Завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство», — отмечает В. О. Ключевский¹⁸.

Констатируя этот, по его словам, «основной факт» отечественной истории того периода, Ключевский, однако, рассматривает глубинную сторону процесса: географические и демографические условия, изменения поземельных отношений, новую политическую идеологию. Он предполагает у читателя знание фактов и не останавливается на них. Упоминание о Куликовской битве загнано у него в придаточное предложение. Московских князей он перечисляет иронической скороговоркой, уверяя, что это «больше хронологические знаки, чем исторические лица»,

похожие друг на друга как две капли воды, «так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий»¹⁹. Это взгляд историка-социолога.

Карамзин — художник. Он замечает индивидуальность там, где Ключевский видит только единообразие. А об Иване III и Василии III он пишет с особой обстоятельностью, посвящая каждому из них отдельный том. Иван III — его любимый герой.

При том, что личности великого князя Карамзин уделяет сравнительно мало внимания (Ключевский потом о своем герое — Петре I — скажет подробнее), Иван III как человек в изображении Карамзина скорее несимпатичен: «История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на высшей степени величия» (VI, 215). Он казался иногда боязливым, нерешительным, проявляя крайнюю осторожность по отношению к врагу. Что касается подданных, то, «не будучи тираном, подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу Второму, он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силой разума... Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти к трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового *приказа* веселить его и веселиться» (там же). Страх был обоснованным: никакое высокое положение не спасало провинившегося (в глазах монарха) от «торговой казни», т. е. публичной порки, при том, что это был не худший вариант царской немилости.

Крупнейшее событие эпохи — окончательное освобождение от татарского ига. Но что при этом произошло? Встретились на Угре два войска — русское и татарское — и остановились в нерешительности. Битвы не было: оба полководца — царь Иван и хан Ахмат — не желали рисковать. Началось «стояние на Угре». В конце октября ударили морозы, и река покрылась льдом, для татарской конницы теперь не существовало преграды. «Великий князь приказал всем нашим воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на полях Боровских,

удобнейших для битвы. Так говорил он, так, вероятно, и мыслил. Но бояре и князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам летописцев: татары, видя левый берег Угры, оставленный россиянами, вообразили, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады; объятый страшным ужасом, хан спешил удалиться. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые!» (VI, 98). Так закончилось последнее нашествие татар на русскую землю. Не стяжав ратной славы, Иван III оказался победителем.

Карамзин не преувеличивает заслуг своего героя, главные добродетели которого — осторожность и политический расчет, он объективен и не идеализирует «старину». Москва завоевывает владения Казанского ханства. «Выступив на землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом — управляемую собственными князьями, но подвластную царю Казанскому, — россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране считалось законным» (VI, 11).

Иван III упорядочил гражданское законодательство. Господин не мог теперь безнаказанно убить холопа. Но до современного правосознания еще далеко, основной принцип — сила есть право. Все решалось единоборством. Пьянство разлагает народ, и Иван боролся с пьянством: пить вино разрешалось только по определенным дням. Учреждена была почта и ямы, где путешественникам, имевшим приказ государев, давали лошадей и пищу. Из-за границы выписывали врачей, но неискусного ждала беда. Венецианского лекаря, залечившего наследника, казнили всенародно. Еретиков сжигали. Шестой том, посвященный Ивану III, заканчивается описанием путешествия Афанасия Никитина, простого россиянина, на свой страх и риск без государственной инициативы и поддержки в Индию.

И это примечательно. Ибо Карамзина не раз упрекали (главным образом его противники из либерально-буржуазного лагеря) в том, что он якобы ограничился

историей государства и не уделил внимания народу. Задал тон Н. А. Полевой, противопоставивший Карамзину свою «Историю русского народа». К сожалению, и по сей день Карамзину бросают несправедливые упреки в духе Полевого. Г. А. Гуковский, в целом дающий положительную оценку «Истории государства Российского», сопровождает ее оговорками: Карамзин создал «не историю народа», а «историю правительства». По его мнению, Карамзин остался в пределах «механического мышления политических писателей XVIII столетия. Историзм Гердера прошел мимо него... Он говорит о Святославе и Олеге совершенно так же, как он говорил о бедной Лизе и Эрасте. Внутренние побуждения, характеры, склад понятий людей IX столетия в его изображении ничем не отличаются от склада людей XIX в.»²⁰

Все это неверно. Какая там «бедная Лиза», когда Карамзин говорит о рабстве жен у древних славян, о том, что женщин покупали и смотрели на них как на вещь; вдов не было: жену воина сжигали вместе с трупом погибшего. Владимир, пришедший к власти с помощью братоубийства, имел четырех жен и восемьсот наложниц. Тем не менее для Карамзина он «святой» и «великий». Оценки даются с учетом условий времени, фиксируется их перемена и прослеживается, как от века к веку совершенствуются нравственные и правовые понятия народа (IX столетие в изображении Карамзина разительно отличается не только от XIX, но и от эпохи Ивана III).

Конечно, Карамзин — монархист, и нет нужды делать из него революционера (хотя в молодости он сочувственно относился к французской революции и был масоном). Главы карамзинского труда разбиты по годам царствования того или иного монарха и названы их именами. Но это меняющееся лицо истории. Есть, однако, в книге постоянный герой, главное действующее лицо, неизменное в своей основе, — «россияне», народ государства Российского. В «Истории государства Российского» мы находим описания не только великих исторических свершений — битв и походов, где стойкость и воинское умение народа определяли успех, но также быта, хозяйственной и культурной жизни. Обо всем этом написано со знанием дела и любовью.

Исследователи справедливо отмечают: тема народонации занимает важное место в идейно-художественной

структуре «Истории». Л. Лузяниной принадлежит тонкое наблюдение относительно того, как Карамзин мыслит себе поведение народа, когда пути власти и подданных расходятся²¹. Это знаменитое, известное нам по пушкинскому «Борису Годунову» «безмолвие» народа.

В первой главе седьмого тома повествуется о присоединении к Москве Пскова Василием III. Сопротивления не было, лишь «народ безмолвствовал» (VII, 26). В восьмом томе: глядя на произвол бояр, правивших вместо малолетнего Ивана IV, согласно Карамзину, «народ безмолвствовал» (VIII, 28). Взятое в широком смысле, «безмолвие» народа означает моральное осуждение правителя, пассивное ему сопротивление.

Иногда, однако, сама история учит Карамзина тому, что у народа есть и нечто иное, кроме права на «безмолвие». Одна из мрачных страниц отечественной истории — 1606 год. На русском троне польский ставленник Лжедимитрий. В Москве хозяйничают иноземцы, насаждаются чуждые народу привычки и обычаи, оскорбляются национальные святыни. Тут «безмолвию» приходит конец, начинается народное восстание, и Карамзин славит его. «17 мая, в четвертом часу дня, прекраснейшего из весенних, восходящее солнце осветило ужасную тревогу столицы: ударили в колокол сперва у св. Ильи, близ двора гостиного, и в одно время загредел набат в целой Москве, и жители устремились из домов на Красную площадь, с копьями, мечами, самопалами. Дворяне, дети боярские, стрельцы, люди приказные и торговые, граждане и чернь. Там, близ лобного места, сидели бояре на конях, окруженные сонмом князей и воевод, в шлемах и латах, в полных доспехах, и представляя в лице своем отечество, ждали народа» (XI, 167). Лжедимитрий быстро одолел Годунова благодаря поддержке народа; лишившись ее, он терпит мгновенный крах.

«История государства Российского» появилась в нужный момент. Россия жила еще патристическим подъемом, пробужденным войной 1812 г. Русские спасли Европу от наполеоновской деспотии. «Кто мы такие? — спрашивала себя нация.— Откуда пришли? Чем живы?» И вот появляется труд, пытающийся ответить на эти вопросы. Успех ему был обеспечен.

На фоне общего признания раздавались, конечно, и критические голоса, но каждый серьезный критик начинал с признания заслуг автора. «Я критик не по познаниям, но по сердцу», — писал будущий декабрист М. Ф. Орлов в письме П. А. Вяземскому²². Орлов упрекал Карамзина в недостатке... патриотизма, космополитизме: почему он Рюрика считает не славянином? Серьезнее были возражения Н. М. Муравьева, не принявшего самодержавную тенденцию «Истории государства Российского». Но в целом Муравьев высоко оценивал карамзинское начинание. «Неоцененное благодеяние» — такова его общая характеристика²³. Декабристы черпали мысли и материалы для своей культурной программы именно у Карамзина.

Особенно им импонировал девятый том, увидевший свет в 1821 г. и посвященный второй половине царствования Ивана Грозного. Яркая картина того, к чему может привести неограниченное самовластие, вопреки замыслу автора, говорила о необходимости перемен в управлении страной. Книга вызвала энтузиазм.

«В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... — писал К. Рылеев Ф. Булгарину. — Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита. Вот безделка моя — плод чтения девятого тома»²⁴. Рылеев приложил к письму свою первую историческую думу «Курбский». Ряд других его стихотворений навеян также «Историей государства Российского»; например, стихотворение о гибели Ермака, ставшее народной песней: «Ревела буря, дождь шумел...»

Вот карамзинский текст: «Ермак знал о близости врага и, как бы утомленный жизнью, погрузился в глубокий сон со своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя козаков...» (IX, 240). И т. д.

Карамзин открыл русскую историю для русской литературы. У него учились умению в историческом факте увидеть художественное содержание. И заимствовали сами факты. «История государства Российского» — сокровищница образов, из которой черпали вдохновение поэты, прозаики, драматурги, живописцы, ваятели.

В 1802 г. была напечатана статья Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Статья заканчивалась описа-

нием памятника Минину, каким его видел Карамзин. Таким же его увидел вскоре и И. П. Мартос, создавший памятник Минину и Пожарскому, который и поныне стоит на Красной площади в Москве.

В той же статье, а затем в «Истории государства Российского» мы обнаруживаем сюжет пушкинской «Песни о вещем Олеге», читая следующий рассказ летописца: «Волхвы... предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании и, слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея; она ужалила князя, и Герой скончался» (I, 86).

Большая проблема — пушкинский «Борис Годунов» и «История государства Российского». Пушкин писал: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории»²⁵. В пьесе нет вымышленного сюжета, действие рождено самой историей. Нет в ней и вымышленных персонажей, даже самые незначительные (Варлаам, Мисаил, Маржерет, Розен и др.) заимствованы из «Истории государства Российского». Пушкин не скрывал своей близости к Карамзину и посвятил ему «сей труд, гением его вдохновленный, с благоговением и благодарностью».

При сопоставлении двух шедевров иногда обнаруживаются чуть ли не текстуальные совпадения. Карамзин, например, пишет о голоде в начале царствования Бориса Годунова: «Началось бедствие, и вопль голодных встревожил царя... Борис велел отворить царские житницы». У Пушкина:

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы ...

У Карамзина: Отрепьев «говаривал чудовским монахам: „Знаете ли, что я буду царем на Москве?“». Пушкинский патриарх: «Что еще выдумал: буду царем на Москве!» Пушкинский Маржерет в бою при Новгороде-Северском ругает воинов Годунова: «...можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать».

У Карамзина: «...иноземцы же, свидетели этого малодушного бегства, пишут, что россияне не имели, казалось, ни мечей, ни рук, имея единственно ноги».

Важнее, однако, другое: Пушкину импонировало государственное мышление Карамзина, его патриотизм, взгляд на историю сквозь призму нравственных категорий. Пушкин понял карамзинскую концепцию царствования Годунова как эпохи национального смятения и растерянности, «оцепенение власти» вследствие потери нравственных устоев, эпохи, завершившейся торжеством иноземного начала, польских завоевателей. «Величественною красотой, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис не имел только... добродетели; хотел, умел благодворить, но единственно из любви к славе, видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели; если бы он родился бы на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но, рожденный подданным, с необузданною страстью к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодною,— и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову» (XI, 9). Таково резюме Карамзина. И Пушкин в своей трагедии также решает проблему цели и средства в истории: воля правителя, даже самая добрая, обречена на неудачу, если избранные им средства дурны. Пушкин вслед за Карамзиным принимает версию умышленного убийства в Угличе царевича Дмитрия (сына Ивана Грозного) и виновности в этом убийстве Бориса Годунова, который тогда, при царе Федоре Иоановиче, был фактическим правителем государства.

* * *

«Карамзин возвращается» — так назывался репортаж в «Правде» о начале факсимильного издания «Истории государства Российского». Карамзин возвращается в пантеон русской классики, родоначальником которой он явился. Теперь мы можем спокойно поставить его в один ряд с Пушкиным и другими великими писателями прошлого века. «История государства Российского» — это прежде всего замечательное художественное произведение, подтвердившее жизненность принципов новой прозы, опирающейся на разговорный язык народа, которые Ка-

рамзин выдвинул еще в молодые годы. Карамзину принадлежит заслуга создания современного русского литературного языка.

Карамзин возвращается в наше историческое сознание, создателем которого он выступил. До Карамзина были историки, и неплохие историки. Заслуга Карамзина не только в том, что он охватил более широкий круг источников и глубже осмыслил их, чем это сделали его предшественники. Главное в другом — он создал труд, который читали не только профессионалы. Он увидел в истории художественное начало, вдохнул в нее живую жизнь. Он открыл русскую историю для русского народа.

Карамзин возвращается к нам и как замечательный мыслитель, очертивший круг интересов будущей русской философии. На первом плане — судьба страны, пройденный ею путь и путь предлежащий. «История государства Российского» и примыкающая к ней «Записка о древней и новой России» подчинены одной мировоззренческой задаче — нравственному воспитанию народа. История для Карамзина — не самоцель, она служит делу нравственности. Сегодня мы осмысливаем прошлое с той же целью морального оздоровления общества. Мы решаем ту же задачу, что и Карамзин. В этом смысле он — наш современник.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 373.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 116—117.

⁴ Там же. Т. 1. С. 455. Это примечание — резюме работы Б. В. Томашевского «Эпиграммы Пушкина на Карамзина» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1956. Т. 1. С. 208—215), в которой дано неточное прочтение источников. Столь же неточно их читает и не полностью приводит и Ю. М. Лотман (см.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 301). См. также: Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 111—112. Свои соображения о том, что Пушкин не был автором злой эпиграммы, я изложил в «Литературной газете» (1988. 20 июля). Возражения Н. Я. Эйдельмана и мой ответ ему см.: Лит. газ. 1988. 26 окт.

⁵ Пушкин А. С. Т. 10. С. 163.

⁶ Там же. Т. 8. С. 50. Вяземский поверил Пушкину, на полях первой публикации эпиграммы «В его Истории...» он написал: «Я убежден, что стихи не Пушкина (цит. по: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. С. 215).

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1949. Т. 1. С. 240.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 135.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 178—180, 181.

¹¹ *Костунова И. И.* О роли художественной литературы в процессе формирования норм русского литературного языка конца XVII—XVIII века // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 318.

¹² *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 8.

¹³ *Гегель.* Сочинения. М., 1958. Т. 14. С. 181.

¹⁴ *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1966. С. 458.

¹⁵ *Н. М. Карамзин.* История государства Российского. Издание И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Т. I. С. IX. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

¹⁶ *Карамзин Н. М.* Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 226.

¹⁷ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 22, 37, 51, 75. Новое издание «Записки» см. Лит. учеба. 1988. № 4. С. 88—142.

¹⁸ *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1957. Т. 2. С. 114.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5, ч. 1. С. 97.

²¹ История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 85.

²² Декабристы — критики «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Лит. наследство, 1954. Т. 59. С. 566.

²³ Там же. С. 582.

²⁴ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 458,

²⁵ *Пушкин А. С.* Собр. соч. Т. 7. С. 114.

Л. Г. Кислягина

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. М. КАРАМЗИНА

К работе над «Историей государства Российского» Н. М. Карамзин приступил в зрелом возрасте. В 1803 г., когда состоялся указ о назначении его историографом, он был широко известен как писатель и журналист не только в России, но и в Западной Европе. Это был человек с уже сложившимися взглядами, сформировавшимися в наполненные бурными событиями годы последней четверти XVIII в. Россия в это время вступила в период разложения самодержавно-крепостнического строя, пережив самую мощную в своей истории крестьянскую войну, оставившую в душах российских дворян страх перед новой пугачевщиной. На Западе то было время буржуазных революций.

В этих условиях перед господствующим классом России с особой остротой встала задача сохранить и укрепить существующий порядок. Выразителем настроений большинства дворянства стал Карамзин, который видел в самодержавии силу, способную противостоять веяниям народившегося буржуазного мира и возможным революциям. Стремление обосновать необходимость сохранения самодержавия для блага России было одной из причин, заставивших Карамзина заняться историей, в которой он видел политическую науку, призванную воспитывать и наставлять людей в их практической общественной деятельности, он видел в ней также способ выражения своей политической программы.

К идее — самодержавие есть «палладиум» (защита) России — Карамзин пришел не сразу, а в результате анализа исторического развития России и Франции в конце XVIII в.

Знакомство с формированием социально-политических взглядов Карамзина поможет читателю «Истории государства Российского» многое понять в его исторической концепции, увидеть в Карамзине оригинального мыслителя, пытавшегося в хаосе исторических событий конца XVIII в. уяснить закономерности развития человечества в целом и России в частности.

В мировоззрении Н. М. Карамзина отразилась сложность эпохи. Оно складывалось в тех традициях дворянской культуры, которые наиболее полно представлены в творчестве А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и затем в деятельности московского масонского кружка, членом которого Карамзин стал в 1785 г.

Московское масонское общество состояло в основном из дворянской интеллигенции, пришедшей в масонство после Крестьянской войны 1773—1775 гг. и разделявшей либеральные настроения «сумароковской школы». Годы, проведенные в обществе московских масонов (1785—1789), стали для Карамзина временем интенсивного самообразования. В этом окружении Карамзин воспринял независимость мысли, широту взглядов, неприятие тирании и чиновничьего произвола, невежества и варварства. Огромное влияние оказала на Карамзина просветительская деятельность Н. И. Новикова, пик которой приходится на 80-е годы. Вступив в масонскую ложу, Новиков не отказался от своих просветительских взглядов. Об

этом свидетельствует огромный размах его книгоиздательской и филантропической деятельности в Москве, в которую он втянул и московских масонов. Карамзина он привлек к работе в основанном им первом детском журнале «Детское чтение для сердца и разума»; сотрудничество в нем стало определяющей вехой в жизни Карамзина как литератора и журналиста.

В эти годы Карамзин испытывал сильное влияние философии Просвещения, ориентируясь в основном на политическое учение Монтескье и Вольтера. Просветительские настроения в мировоззрении Карамзина укрепились во время заграничного путешествия, предпринятого им в 1789—1790 гг. Четыре года, проведенные Карамзиным в обществе московских масонов, не пропали даром. За границу отправился европейски образованный молодой человек. Он был хорошо знаком с западноевропейской литературой, историей, философией. Его интересовало все, но главное — культурная жизнь Западной Европы, ее исторические памятники, музеи, библиотеки, университеты, театры. Во время путешествия Карамзин стремился пополнить свои знания, найти ответы на интересующие его мировоззренческие вопросы. Он посетил известных в то время писателей, ученых, общественных деятелей, имена которых ему были известны по книгам: в Кенигсберге он беседовал с Кантом, в Берлине посетил известного книгоиздателя и просветителя Николаи, писателей Рамлера и Морица; в Веймаре он мечтал повидаться с Гёте, встречался с Виландом и Гердером; в Лозанне провел несколько дней в обществе известного мистика Лафатера, в Женеве бывал у философа Бонне. Молодой Карамзин — не любопытствующий дилетант, он хорошо осведомлен о культурной жизни европейских стран, о многом имеет свое мнение. Личное общение с выдающимися представителями общественной и культурной жизни Западной Европы утвердило в нем веру в силу просвещения и человеческого разума.

Карамзина интересовала и политическая жизнь европейских государств. Он познакомился с политическим устройством Швейцарских кантонов, в революционном Париже присутствовал на заседании Национального собрания, в Лондоне — в Парламенте и Верховном суде. То, что Карамзин увидел во время путешествия, о чем слышал, думал и мечтал, нашло отражение в «Письмах русского

путешественника», самом крупном литературном произведении Карамзина, принесшем ему известность. Наполненные легендами, сентиментальными рассказами, историческими и бытовыми картинками, они читались легко и увлекали живым изящным языком. Но наряду с описанием внешних впечатлений «Письма» отразили в себе внутренний мир молодого, образованного дворянина конца XVIII столетия со всей его противоречивостью и исканиями. Эта вторая сторона «Писем» также находила отклик у современников.

По возвращении в Москву Карамзин начинает издавать «Московский журнал» (1791—1792), целью которого было просвещение русской публики. Свое стремление пропагандировать книгу, приучать русское общество к чтению он подчеркивал неоднократно, следуя в этом примеру Новикова. Об этом говорит и содержание журнала. В нем печатались известные русские поэты Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев и др. Прозу в основном представляли произведения Н. М. Карамзина. В «Московском журнале» впервые опубликованы хорошо встреченные читателями повести Карамзина «Бедная Лиза», «Фрол Силин — благодетельный человек», «Наталья, боярская дочь» и др. В течение двух лет печатались в нем «Письма русского путешественника». Переводной раздел журнала также был разнообразен. Помимо сентиментальных повестей помещались статьи на философские темы, по искусству и литературе.

Журнал Карамзина сразу же завоевал популярность среди русского читателя. Уже в первый год издания журнал имел 300 подписчиков, в следующем, 1792 г. число их увеличилось до 500¹. Это была немалая по тем временам цифра. Основной круг читателей журнала составляла дворянская интеллигенция.

Успех журнала определялся не только занимательностью и хорошим литературным языком, но и тем, что в нем затрагивались многие проблемы, волновавшие русское общество того времени, в их числе и социально-политические вопросы.

В эти годы Карамзин вслед за Вольтером рассматривал историю человечества как развитие человеческого духа в восходящем направлении. Уровень развития общества определялся степенью просвещения и нравственности.

Из средневековья, с характерными для него суевериями, фанатизмом, религиозной нетерпимостью, отсутствием просвещения, разгулом страстей и стремлением каждого сильного ставить себя выше закона, человечество вступило в «век разума» — XVIII век. В наш век, читаем в «Письмах русского путешественника», «законы разума публично возглашаются и просвещение распространяется более и более — просвещение, которого одна искра может осветить бездну заблуждений».

Карамзин разделял прогрессивные для того времени теории общественного договора и естественного права. Вопрос о формах политической власти решался им также с просветительских позиций. Согласно политической концепции просветителей, разумны только две формы власти: просвещенная монархия и республика. Карамзин, признавая наиболее приемлемой в современных условиях просвещенную монархию, идеальным государственным строем считал республиканский, как наиболее отвечающий естественным правам человека. Условиями для существования республик, по представлениям того времени, являются добродетель граждан, вольность народа, их братский союз. Пример такой республики в XVIII в. видели в Швейцарии. Разделял это представление и Карамзин. В первом письме из Швейцарии он восторженно писал: «Итак я уже в Швейцарии, в стране живописной природы, в земле свободы и счастья!»². Он отметил характерное для этой страны «изобилие и богатство», «цветущее состояние» швейцарских земледельцев, объясняемое тем, что они «не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая правлению десятую часть собираемых ими полевых плодов»³. Со свойственной ему восторженностью он писал, что цюрихские законодатели преградили роскоши вход в республику, ибо «роскошь бывает гробом вольности, равенства и добродетели».

Однако, трезво присмотревшись к жизни швейцарских пастухов, он увидел вместо идеальной республики мещанскую «демократию» булочников и сапожников. Он довольно точно определил сущность этой демократии, при которой, по замечанию Энгельса, «массой невежественных пастухов, несмотря на их демократическую конституцию, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев» или «цюрихских, люцернских, бернских и базельских мещан»⁴.

Таким образом, форма государства ставилась в зависимость от нравственного состояния общества, а деспотизм рассматривался Карамзиным как наказание за пороки. Почти так же выражена эта мысль у Вольтера: «Чистый деспотизм — это возмездие людям за дурное поведение»⁵. В современной Карамзину Европе образцом просвещенного государства служила конституционная Англия. Высказывания в «Письмах» свидетельствуют, что в годы путешествия Карамзин также рассматривал Англию как образцовое государство: английские законы направлены на утверждение общей пользы, народ просвещен. Судопроизводству Англии Карамзин отдавал пальму первенства. Институт присяжных обеспечивал, по его представлениям, соблюдение законности и исключал пристрастность суда. Карамзин вступил на английскую землю уже убежденным в том, что Англия — одно из совершеннейших государств в Европе.

Вопросы социально-политической жизни России также находились в сфере интересов Карамзина, хотя он им не уделял столько внимания, как в последующие годы. Россию он представлял себе только в рамках существующего общественного устройства и монархического строя. В этом у него не было никаких колебаний. Прежде всего это сказалось в его отношении к крепостному праву, вопрос о котором уже был поставлен на повестку дня антикрепостнической мыслью России. Карамзина крестьянский вопрос также волновал, но решал его он с иных, чем просветители, позиций. Во время путешествия он всегда обращал внимание на состояние сельского хозяйства и положение земледельцев, замечая разницу в положении их в западноевропейских странах и в России. Проезжая Эстляндию и Лифляндию, Карамзин не пропустил возможности поговорить с «тамошними» помещиками; сообщив читателям, что господа жаловались на «леность» крестьян, заметил: «Мужик в Лифляндии, или в Эстляндии, приносит господину вчетверо больше нашего Казанского или Симбирского». Эти бедные люди работают на господ своих «со страхом и трепетом во все будничные дни»⁶.

Он отмечал, что в Пруссии и Швейцарии земля хорошо обработана, а в Савойе поля в запустении и народ беден. Состояние земледелия он неизменно объяснял леностью или прилежанием крестьян,

В «Московском журнале» всего три статьи о русском крестьянстве: «Деревня», «Сельский праздник и свадьба», «Фрол Силин — благодетельный человек». Вся жизнь русской деревни в них рассматривается через восприятие дворянина, любящего простоту сельской жизни. Подлинная жизнь крестьян в них не раскрыта. Рисуя далекую от реальной действительности картину жизни крепостных крестьян, Карамзин стремился доказать, что крепостное право — не зло, что оно может быть основанием благополучия крестьян, особенно если их помещик просвещен и гуманен.

Принимая существующий крепостнический строй как естественный для России, Карамзин, однако, не считал, что все в Российской империи обстоит благополучно. Он видел ее культурную и хозяйственную отсталость. То, что бросалось в глаза русскому путешественнику в странах Западной Европы, резко контрастировало с порядками в России: хорошие дороги и дорожная служба, благоустроенные города, чистые деревни, хорошо обработанные поля, сытые, благополучные крестьяне. В «Письмах» нет ни одного слова, осуждающего Россию, но представление об ее отсталости, нищете, неустроенности невольно возникало в сознании читателя. Так, рассказывая о богатой и благоустроенной Англии, писатель между прочим замечает: «Что, ежели бы я прямо из России приехал в Англию, не видев ни Эльбских, ни Рейнских, ни Сенских берегов...? Думаю, что картина Англии еще более поразила бы мои чувства; она была бы для меня новее»⁷. Именно на это обратил внимание масон М. И. Багрянский, написавший в письме к А. М. Кутузову о «журнале» (т. е. «Письмах русского путешественника») Карамзина: «Обо всем, что касается отечества, он говорит с презрением и несправедливостью поистине возмутительной, обо всем, что касается чужих стран, он говорит с вдохновением»⁸.

Карамзин страстно хотел видеть свою страну в числе просвещенных государств. Он рассматривал свою родину как часть человечества, а себя ощущал не только гражданином России, но и вселенной. В основе этого убеждения лежала идея универсальности культуры. «Путь образования или просвещения,— писал Карамзин,— один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...»⁹.

Именно с этих позиций оценивает Карамзин в это время преобразования Петра I, почти текстуально повторяя оценку его деятельности, данную Вольтером в «Истории Российской в царствование Петра Великого»: «Русским надлежало *сравняться* с просвещенными народами и некогда *презойти* многих из них»¹⁰. (У Карамзина: «*сравняться, чтобы презойти*»). Как Вольтер и ряд других просветителей, основную заслугу Петра I он видел в том, что тот поставил Россию в один ряд с другими народами Европы, «образовал» Россию.

К государю, как носителю верховной власти, Карамзин предъявлял высокие требования. Критерием для оценки деятельности монарха служили не только соблюдение им общественного договора, но и обеспечение блага подданных. Какой государь имеет право называться великим? Над этим размышляет Карамзин перед памятником Фридриху Вильгельму I в Кеслине: «Не знаю, кого справедливее можно назвать *великим*, отца или сына, хотя последнего все без разбора *величают*. Здесь должно смотреть только на дела их, полезные для государства — не на ученость, не на острые слова, не на авторство. Кто привлек в свое государство множество чужестранцев? Кто обогатил его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населил Пруссию? Кто всегда отходил от войны? Кто отказывался от всех излишностей, для того, чтобы его подданные не терпели недостатка в нужном? Кто? — Фридрих Вильгельм...»¹¹

Исследователи справедливо увидели в этом монологе Карамзина намек на Екатерину II, которая подобно Фридриху Вильгельму II, претендовала на звание великой и просвещенной монархини. Противопоставление двух прусских монархов невольно наводит на мысль о двух русских — Петре I и Екатерине II. Кто, как не Екатерина, претендовал на ученость, на авторство, на острословие и, наконец, на звание просвещенной монархини? Она же при жизни получила титул «великой». В то же время характеристика, данная Карамзиным Фридриху Вильгельму — отцу, совпадает с тем, что Карамзин сказал в «Письмах» о Петре I. Все это позволяет думать, что для него в это время образцом просвещенного монарха был Петр I, а не Екатерина II. Очевидно, этим объясняется то, что в «Письмах» Карамзин почти не упоминает царствующую императрицу, что в «Московском журнале» он не

поместил ни одной оды в ее честь. А когда И. И. Дмитриев в 1794 г. написал две официальные оды, Карамзин упрекнул его за это. «Ода и глас Патриота,— писал он,— хороши *поэзией*, а не *предметом*. Оставь, мой друг, писать такие пиесы нашим стихокропателям. Не унижай муз и Аполлона»¹².

В условиях реакции, установившейся в России после Крестьянской войны, и особенно с началом Французской революции, Карамзин не мог открыто высказывать недовольство правлением Екатерины II, так как был на подозрении у правительства в связи с делом Н. И. Новикова. Это заставляло его быть крайне осторожным. И тем не менее критическое отношение к существующему в стране положению вещей в его сочинениях проскальзывало.

Недовольство Карамзина вызывали царившие при дворе фаворитизм, чиновничество, роскошь, расточительство и карьеризм, а также злоупотребления царских бюрократов. В стихотворении, написанном по случаю отъезда А. А. Петрова в Петербург для поступления на службу, он выразил пожелание, чтобы его друг остался верен «разсудку и совести» и помнил, что причина пороков и подлости — «суетная честь», погоня за чинами. В свою очередь он заверял Петрова, что его друг, т. е. Карамзин, «умрет тебя достойным... Не скажут ввек о нем, что он чинов искал; чтоб знатным подлецам когда-нибудь ласкал»¹³. Очевидно, нежелание Карамзина вступить на государственную службу объясняется оппозиционным настроением к практике государственной жизни и службы. Но, возможно, недовольство Карамзина политикой Екатерины II было более глубоким. Не случайно утвердилась в те годы за Карамзиным репутация человека независимого образа мыслей и либерала, так как в частных разговорах он выражал и свои взгляды на положение в стране, и свое недовольство.

В оде «К милости» Карамзин фактически осудил произвол Екатерины II в отношении Новикова. Он довольно откровенно напомнил императрице о ее обязанности блюсти естественные права и свободу подданных:

Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;
Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети — подданные вольны

По мыслям жизнь располагать...
 Доколе всем даешь свободу
 И света не темнишь в умах
 Пока доверенность к народу
 Видна во всех твоих делах...¹⁴

О свободе или вольности Карамзин много писал в «Письмах русского путешественника». А. Т. Болотов упрекал его именно «за излишнюю привязанность к пагубной нынешней и весь свет с ума сводящей вольности, чему многие черты оказал он еще в своем „Московском журнале“»¹⁵. Как можно заключить из высказываний Карамзина, свобода — это неотъемлемое право человека, определяемое естественными законами, и в то же время свобода для него — зависимость от законов. Вольтер и другие просветители также определяли свободу как зависимость от законов, но у них естественное право служило основанием для уничтожения сословных привилегий и признания социального равенства в правах. У Карамзина право на свободу ограничивалось рамками законов самодержавного государства и распространялось в первую очередь на дворянство. Это позволяет говорить о том, что влияние идей Просвещения на Карамзина было своеобразным, характерным для идеологов дворянства, когда революционные по своему содержанию лозунги Просвещения теряли свой социальный и революционный смысл и ставились на службу феодальному обществу.

Фактором, определившим в конечном итоге социально-политические взгляды Н. М. Карамзина, явилась Французская революция 1789 г., свидетелем и современником которой он был.

Начало революции застало Карамзина во Франкфурте-на-Майне, последующие месяцы 1789 и начало 1790 г. он провел в Швейцарии, в той среде, где сообщение о революции было встречено с энтузиазмом. Например, известный швейцарский мистик Лафатер, с которым у Карамзина установились очень теплые отношения, «был сначала энтузиастом Французской революции вместе со всеми швейцарцами»¹⁶. Классик немецкой литературы Клопшток рассматривал Французскую революцию как «благодетельную перемену судьбы человеческой во Франции. Он вместе с другими надеялся, что народ сильный и просвещенный может быть для себя мудрым законодателем...»¹⁷.

Вероятно, Карамзин, находившийся в окружении людей, восдушевленных революцией, и сам не был против нее настроен. 1 марта 1790 г. он покинул Женеву и, «нацепив трехцветную кокарду», через Лион направился в Париж. Карамзин внимательно присматривался к тому, что происходило в Париже, он даже посетил заседание Национального собрания, на которое его провел Рабо Сент-Этьен, и с интересом следил за прениями. Не все привлекало Карамзина в революции, не все было понятно, но воспринятые им передовые идеи способствовали тому, что он не просто отверг революцию, а попытался разобраться в ней. В некоторой степени Карамзин сочувствовал конституционным идеям первого ее этапа. Но после восстания 10 августа 1792 г. в Париже, в результате которого была свергнута монархия и во Франции установилась республика, а затем был казнен король и пришли к власти якобинцы, Карамзин перестал понимать логику событий, увидел в них бессмысленный хаос и перешел в лагерь врагов революции.

Вселяли тревогу и события в России. 22 апреля был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость Новиков. Арест Новикова и преследования масонов, бывшие только звеном в общей цепи реакционных мер, предпринимаемых правительством Екатерины II, глубоко потрясли Карамзина. Под влиянием просветительской идеологии у него сложилось твердое убеждение, что ценность человека для общества определяется его участием в «ускорении хода всемирного свершения». С точки зрения Карамзина, Новиков и масоны способствовали распространению просвещения и добродетели в русском обществе, а следовательно, его прогрессивному развитию¹⁸. Жизнь опрокидывала все прежние мечты о близком установлении «царства разума» во Франции, которое виделось ему в форме просвещенной монархии, вероятно конституционной. Поэтому Карамзин отказался от мысли просвещать общество и прекратил издание «Московского журнала». Почти весь 1793 год он живет не в Москве, а в орловском имении своих друзей Плещеевых, много работает, читает, пишет. В конце года выпускает сборник «Аглая», в который вошли его статьи: «Что нужно автору?», «Нечто о науках, искусствах и просвещении» и др. К октябрю 1794 г. была готова вторая книжка «Аглаи» со статьями Карамзина «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» и

повестью «Афинская жизнь». Книжки «Аглаи» составляют важную веху в жизни Карамзина, в них вошли произведения, отразившие духовный кризис, который он в то время переживал.

В письмах «Мелодора к Филалету» и «Филалета к Мелодору» им была сделана первая попытка осмыслить роль революции в истории человечества и найти ей объяснение. Революция поставила под сомнение основную идею его философии — идею развития мира и человечества по восходящей линии. Совсем недавно Карамзин находил доказательства тому, что «род человеческий возвышается». Революция же, как ему теперь казалось, привела Францию к краю пропасти. Мелодор — это Карамзин, мятущийся человек, который вынужден признать несостоятельность своей «утешительной философии». Он потрясен тем, что мир, достигший, как ему казалось, высокой степени нравственного совершенства, охвачен революцией, которая погубила тысячи людей, превратила цветущие страны в пустыню и, главное, привела к падению нравственности. «Неужели, — писал он, — род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения, и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать и снова, мало по малу, выходить из него, подобно Сизифову камню?»¹⁹ Филалет — Карамзин уже многое передумал, «успокоил свое воображение». В своем ответе Мелодору он прежде всего отвергает мысль о цикличности развития человечества. «Сизиф с камнем не может быть образом человечества... веки служат разуму лестницею, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно»²⁰. Развитие отдельных народов — это ступени одной лестницы, по которой человечество в целом поднимается к своему совершенству. Этот процесс он понимал как борьбу добра и зла. В итоге Филалет — Карамзин приходит к выводу, что законы высшей целесообразности, которые правят миром, допускают не только эволюционное развитие, но и революционные взрывы, неизбежные при нравственном несовершенстве общества, но они не прерывают его прогрессивного развития, а только несколько затрудняют его.

В связи с этим на первый план вновь выходила задача просвещать людей: «Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный

союз частного блага с общим... в одном просвещении найдем мы спасительный антидот от всех бедствий человечества». Теперь просвещение рассматривалось Карамзиным не только как средство нравственного совершенства, главное, оно понималось как средство против революций. Просвещенный человек, писал он, «делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином — спокойнейшим, говорю; ибо, находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет он причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь»²¹.

Просвещением, по представлениям Карамзина, следует охватить все слои общества. Особое внимание уделялось им крестьянам. Обращаясь в конце статьи «Нечто о науках, искусствах и просвещении» к правителям, он писал: «...когда вы, вы, которым вышняя власть поручила судьбу человеков, желаете распространить на земле область добродетели, то любите науки, и не думайте... чтобы какое-нибудь состояние в гражданском обществе должно было пресмыкаться в грубом невежестве! Нет! ... сей ... кристалл утоляет жажду и властелина и наемника...»²².

Просвещенный крестьянин, по мысли Карамзина, это прежде всего «здравомыслящий», «спокойнейший» гражданин, предпочитающий известное настоящее неизвестному будущему, т. е. человек, который не стремится к новому, а довольствуется тем, что имеет.

Следует отметить, что Карамзин просвещение крестьян мыслил довольно широко. Возражая противникам их просвещения, он писал, что, конечно, крестьянин прежде всего должен заниматься своим делом — обрабатывать поля, но он всегда может найти свободное время, чтобы «узнать премудрость, благость и красоту природы... узнать, любить ее и быть счастливым»²³. Он мечтал о том, чтобы и русские крестьяне, подобно швейцарским, английским и немецким поселянам, собирали библиотеки, читали Гомера, занимались философией, хотя и осознал, сколь сложна реальная возможность этих занятий для русских крепостных крестьян. Просвещенные крестьяне, по его наблюдениям, живут чисто и «прославляют долю свою».

Доказательства правомерности просвещения крестьян Карамзин строил на теории естественного равенства людей. Но если у идеологов Просвещения из естественного равенства вытекала необходимость обеспечения всем людям политических прав: права свободы, равенства перед

законом, права собственности и т. п., то у Карамзина оно не влекло за собой равенства в правах, а только в чувствах. Программа широкого просвещения, предлагаемая Карамзиным, объективно была прогрессивной, так как распространение просвещения в народе, вопреки стремлению Карамзина, не способствовало бы укреплению и сохранению существующего порядка вещей.

Чувство прекрасного, доброго, как полагал Карамзин, должно вызвать любовь и уважение к общественному порядку, а это означает отрицание революции, так как именно революция олицетворяла беспорядок, порок и раздоры и сама была следствием недостаточного уровня просвещения. «Соглашаюсь с тобой, — пишет Филалет Мелодору, — что мы некогда излишне величали осьмой-надесятый век и слишком много ожидали от него. Происшествия доказали, каким ужасным заблуждениям подвержен еще разум наших современников». Но с распространением просвещения человечеству станет доступным нравственный порядок и придет истинное знание. «Я надеюсь, что впереди ожидают нас лучшие времена; что природа человеческая более усовершенствуется — например, в девятом-надесятый веке — нравственность более исправится, — разум, оставя все химерические предприятия, обратится на устройство мирного блага жизни, и зло настоящее послужит к добру будущему»²⁴. И хотя в революции он видел наивысшее проявление зла, он считал теперь, что она вполне закономерна, хотя и нежелательна. Она не может остановить развитие человечества, так как оно определяется высшими законами, ведущими мир к благу.

При всем теперь уже отрицательном отношении к революции Карамзин понял, что она — одно из величайших событий эпохи. «Французская революция, — писал он в 1797 г. в статье для гамбургского журнала «Северный зритель», — одно из тех движений, которое определяет судьбы людей на долгие века. Началась новая эпоха: я ее вижу, а Руссо предвидел»²⁵.

Последние годы XVIII в. и период издания «Вестника Европы» (1802—1803) характерны для Карамзина поисками новой социально-политической программы. Продолжая наблюдать за развитием событий во Франции, он внимательно присматривается к жизни России. Чтобы лучше понять ее исторический путь, он начинает изучать русскую историю. В «Вестнике Европы» появляются статьи и по-

вести на исторические темы. Материалы, помещаемые Карамзиным в «Пантеоне иностранной словесности»²⁶ и в «Вестнике Европы», показывают, что и в современном ему мире, и в историческом прошлом человечества он старается разглядеть закономерности развития общества. По характеру его работы этих лет различны: политические статьи и оды, «Историческое похвальное слово Екатерине II», полное издание «Писем русского путешественника», стихотворения. Эти произведения, все другие издания Карамзина и его переписка дают возможность проследить, как под влиянием революции во Франции и обострения классовых противоречий в России оформляется его социально-политическая программа, как решается Карамзиным вопрос о путях развития человечества в целом и России в частности.

Французская революция явилась одним из главных факторов, определивших в конечном итоге социально-политические взгляды Карамзина. Под ее влиянием консервативные начала в его мировоззрении усилились, а рационалистические и просветительские идеи были приспособлены им для обоснования необходимости сохранения самодержавно-крепостнического строя. В ряде статей в «Вестнике Европы» Карамзин пытался проанализировать причины и следствия революции.

Связь революции с французской просветительской философией была для него очевидным фактом. В статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» Карамзин писал: «С самой половины XVIII века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были, в некотором смысле, врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения... Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительной точностью; гром грянул во Франции...»²⁷ «Волнение в умах» захватило множество людей, но «революция объяснила идеи», а «безрассудные якобинские правила» вооружили против Франции всю Европу и «охладили умы». За якобинской диктатурой последовала десятилетняя «революционная война», способствовавшая изменению взглядов о «вещах и людях». Революция, утверждал Карамзин, показала, что без законной власти «народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти», что «все смелые

теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах»²⁸. Французы до революции хотели «мечтательного равенства», писал он далее, а равенство сделало их всех «равно несчастливými», и революция, «разорив дворянство, не обогатила народа»²⁹. Вместо разумного общества, о котором мечтали и которое обещали «лучшие умы XVIII века», революция привела к установлению мира корыстолюбия, междоусобных войн, террора якобинцев, власти денежного мешка, а потом к деспотической власти Наполеона. Но Карамзин увидел и положительные стороны революции: грозившая ниспровергнуть все правительства, она утвердила их. «Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы, конечно, обязаны революции». Теперь правительства, указывал он, стали крепки не воинской силой, а «внутренним убеждением разума... Теперь все лучшие умы стоят под знаменем властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях»³⁰.

У Карамзина еще раньше сложилось убеждение, что «общественность» или «общезитие» есть величайшее достижение человеческого разума, которое нужно беречь, что революция дала многим понимание священности гражданского порядка даже с его недостатками. Исторический путь Франции он считал поучительным. До революции, отмечал он, Франция достигла высокой степени просвещения и нравственности. При монархическом строе во Франции «бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком»³¹. С приходом к власти Наполеона была уничтожена «вредная для Франции демократия» и сама Франция, «несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления», стала не чем иным «как истинной монархией»³².

Наблюдая за деятельностью Наполеона на посту консула, Карамзин приветствовал его шаги в сторону реставрации монархии и искоренения республиканских свобод. «Французское правление,— писал он,— есть истинное монархическое и гораздо далее от республиканского, нежели английское... Бонапарте остается единственным властелином и правителем Франции. Сан его без всяких перемен в конституции легко может сделаться наследст-

венным»³³. Так Карамзин приходит к выводу, что Франция процветала как монархия и снова спаслась от беспорядков возвращением к монархическим порядкам, с той только разницей, что «на место Карлов, Генрихов и Людовиков» судьба поставила Наполеона «со святейшим титулом... великого человека»³⁴. В «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин подытожил свои размышления тех лет над судьбами Франции: «Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собой: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастья были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину»³⁵.

Карамзин в это время восхищался Наполеоном потому, что тот «умертвил чудовище революции». Он постоянно отмечал рост его популярности, писал, что тот нужен для счастья Франции, защищал его: «Не Бонапарте свергнул Бурбонов с трона; не Бонапарте сделал революцию; он только воспользовался ею для славы своей»³⁶. Выступления роялистов против Наполеона он расценивал как вредные, могущие привести к новым мятежам и беспорядкам: «Роялисты должны безмолвствовать. Они не умели спасти своего доброго короля, не хотели погибнуть с оружием в руках, а хотят только возмущать умы слабых людей гнусными клеветами... Франции не стыдно повиноваться Наполеону Бонапарте, когда она повиновалась госпоже Помпадур и Дю-Барри... Мы не знаем предков консула, но знаем его — и довольны»³⁷.

И все же в отношении Карамзина к Наполеону чувствуется некоторая настороженность. Она объясняется неуверенностью в том, что консул окажется таким же великим человеком в управлении государством, каким был «искусным генералом и хитрым политиком». Захватнические войны, стремление Наполеона к концентрации власти усиливают эти опасения, и симпатии к Наполеону исчезают. И тем не менее Карамзин, преодолевая субъективное недоверие к Бонапарту, фиксировал его успехи в восстановлении законного порядка во Франции. «Можно осуждать Бонапарте в системе правления, — писал он, — однако же надобно согласиться, что он имеет редкий талант повелевать людьми и государствами»³⁸. Но разоча-

рование в Наполеоне как великом человеке росло. Рассказывая читателям «Вестника Европы» об избрании Наполеона консулом пожизненно, Карамзин подчеркнул, что процедура эта была фарсом, разыгранным сенатом и Бонапартом, и что Наполеон «столь явно требовал себе алтарей и храмов», что его поведение выглядело «нескромным»³⁹. В связи с принятием Наполеоном титула императора Карамзин написал брату: «Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы»⁴⁰.

Новый порядок, установившийся во Франции, Карамзин считал прочным, поскольку он находил поддержку и со стороны «новых богачей», «новых владельцев», армии и «всех благородных людей». Однако новому французскому обществу он не симпатизировал, ибо видел в нем людей, лишенных «всякого воспитания, без всякого нежного чувства»⁴¹. Но, поскольку в этом обществе утверждались монархические порядки, он его принимал и приветствовал.

Последние годы царствования Екатерины ознаменовались усилением реакции в области внутренней и внешней политики, сопровождавшейся беспорядками и злоупотреблениями в области внутреннего управления. Особым злом был фаворитизм, господство временщиков. Это вызывало ропот в среде дворянства, которое в общем устраивал характер правления «матери отечества». Эти настроения недовольства нашли выражение в мемуарной литературе⁴². Среди недовольных был и Карамзин. Его волновал вопрос о характере самодержавной власти, ее взаимоотношениях с народом и прежде всего с дворянством, вопрос о личности царя, его долге перед обществом. Деспотизм, произвол фаворитов, злоупотребления царской администрации, по его мнению, ослабляли самодержавную власть, делали ее неспособной противостоять напору новых веяний, распатывали самодержавно-крепостнический строй. Поэтому вступление Павла I на престол он встретил с надеждами на лучшее.

Как известно, Павел I не оправдал возлагавшихся на него надежд. Полицейский режим, установленный им, не отвечал ни настроениям общества, ни требованиям времени. Доведенная до крайности самодержавная власть лишь способствовала обострению противоречий и, таким образом, не выполняла основной функции — укрепления и сохранения феодально-крепостнического строя. Это хо-

рошо чувствовали современники. Хотя идея неограниченной самодержавной власти поддерживалась широкими кругами русского дворянства, деспотический образ правления Павла I и полицейский режим вызывали недовольство, особенно столичного дворянства. Среди приближенных к Павлу лиц, в армии среди офицеров и генералов зрели настроения в пользу ограничения деспотического правления.

Строгая и мелочная регламентация и деспотизм правления не вязались с убеждением Карамзина, что «подданные вольны по мыслям жизнь располагать» и зависеть только от законов. Особенно Карамзин почувствовал произвол павловского правления в связи со своими издательскими делами.

Вступление Александра I на престол Карамзин встретил одой, в которой правление Павла I сравнил с мрачными ужасами зимы. В «Записке о древней и новой России» Карамзин резко высказался о правлении Павла I: «Что сделали якобинцы в отношении к республике, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оногo... К неизъяснимому изумлению россиян он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами...»⁴³

В двух одах по случаю вступления Александра I на престол и по случаю его коронования Карамзин одобрил первые шаги Александра в управлении и набросал желательную программу царствования. Полное изложение своих политических требований к новому самодержцу Карамзин дал в «Историческом похвальном слове Екатерине II». «Слово» было написано в 1801 г. и через Д. П. Троицкого вручено Александру I⁴⁴. Обращение Карамзина с похвальным словом к Екатерине II выглядит несколько неожиданным, поскольку до этого Карамзин не высказывал восторгов в ее адрес. Трудно предположить, чтобы Карамзин вдруг резко изменил свое мнение о характере правления Екатерины, «Записка» показывает, что в общем он его не менял. Признавая блистательность и мудрость ее политики, Карамзин отмечал наряду с этим и серьезные недостатки: падение нравов «от примеров двора любострастного», упрекал Екатерину в отсутствии твердых правил и нравственности в гражданской жизни, осуждал за роскошь, которая влекла за собой задолжен-

ность дворянства; указывал на отсутствие правосудия в стране. «В самих государственных учреждениях Екатерины,— писал он,— видим более блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянию вещей, а красивейшее по формам»⁴⁵. Последние годы ее правления он вообще охарактеризовал как «слабейшие в правилах и исполнении»⁴⁶.

Почему же, несмотря на указанные пороки правления Екатерины II, Карамзин именно в нем видит исторический пример для царя? Объяснение этому кроется прежде всего в политических соображениях: Александр объявил в своем манифесте о намерении царствовать по «законам и сердцу» бабки своей Екатерины II. Но были и другие мотивы, заставившие Карамзина искать исторический пример для Александра именно в царствовании Екатерины, точнее в первой половине его, которая была облечена в «просвещенные» формы.

Размышления над причинами и следствиями революции, над историческим путем Франции и внутренней жизни России заставили Карамзина критически отнестись к политическому учению просветителей, многое пересмотреть.

Не отказываясь от идеи договорного происхождения власти, формы ее Карамзин ставит теперь в строгую зависимость от древних традиций и народного характера. «Учреждения древности — писал он в статье «Приятные виды, желания и надежды нынешнего времени», — имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума»⁴⁷. Таким образом, революционным преобразованиям была противопоставлена национальная традиция.

Карамзин признавал за республикой право на существование и для некоторых народов считал традиционной формой правления (например, для Швейцарии, Рима и др.). Из монархий своего времени Карамзин выделял три великие державы: Англию, Францию и Россию. Различия в них определялись, по мысли Карамзина, характером и древними учреждениями народа. Так, в Англии была установлена конституционная монархия в те времена, когда Европа «коснела в невежестве». Конституция была тем древним институтом, который и определял характерные черты государственного строя, составлял древнюю традицию и отвечал национальному характеру английского народа. «Всякие гражданские учреждения должны быть

соображаемы с характером народа,— писал он в связи с рассуждениями о государственном строе Англии в «Письмах русского путешественника»,— что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле»^{47а}. «Дурно» прежде всего для России, древним учреждением и традицией которой, по его убеждению, было самодержавие как одна из форм монархической власти. В отличие от Монтескье, учению которого он продолжал следовать, Карамзин самодержавную форму правления относил не к деспотии, а к монархии. В этом он соглашался с интерпретацией Екатериной II учения Монтескье в «Наказе». В духе «Наказа» звучат утверждения Карамзина о соответствии именно самодержавной власти «неизмеримым пространствам империи», о «благодетельности монархического правления». Обострение классовых противоречий в стране в конце XVIII в., растущее в русском обществе сознание необходимости социальных преобразований — все это вызывало у Карамзина стремление противопоставить веяниям нового нечто прочное, незыблемое, способное противостоять этому напору. Твердая самодержавная власть рассматривалась им в этих условиях как надежная гарантия порядка и безопасности. Это положение нашло яркое выражение в «Истории государства Российского» и в «Записке о древней и новой России».

«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть». Осуждая намерение Александра I дать России конституцию, он писал в 1818 г. П. А. Вяземскому: «Россия не Англия, и даже не царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую, уважительную... Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима»⁴⁸. Цель государства — обуздать страсти, поэтому государственная власть по большей части носит деспотический характер. Успехи просвещения исцеляют гражданина от «необузданности», «открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни». К этому времени человек уже «осмотрится в политическом обществе... уже привыкнет ко власти законов, отнимающих и дающих»⁴⁹. Тогда государственная власть и законы должны принять более мягкий характер. Исходя из такой социологической схемы, Карамзин рассматривал

самодержавие в эволюции — от грубого самовластия царей до «просвещенной» формы правления, которая более соответствовала требованиям нравственного и умственного развития русского общества во второй половине XVIII — начале XIX в., от абсолютизма Петра I к более мягкому просвещенному правлению Екатерины II, указывая, что последняя сделала то, что не смог осуществить Петр, ибо она управляла уже просвещенным народом.

В конце века Карамзин еще не совсем представлял, какой характер должно принять самодержавие после пережитого миром революционного взрыва. Во всяком случае был момент, когда он склонялся к мысли, что в интересах сохранения и укрепления существующего в России порядка вещей и предотвращения возможности революции в России необходима твердая власть, подобная власти Петра I. Этим объясняется, очевидно, замысел Карамзина создать похвальное слово Петру I. Об этом он писал И. И. Дмитриеву: «Надлежало бы доказать, что Петр самым лучшим способом просвещал Россию; что изменения национального характера, о котором твердят нам его критики, есть ничто в сравнении с источником многих новых благ, открытым для нас Петровою рукою...»⁵⁰. За стремлением написать похвальное слово Петру I стояло желание Карамзина противопоставить революционным преобразованиям во Франции созидательную силу самодержавия в России, которая обеспечивала, по его мнению, прогресс без революционных потрясений. В 1798 г. Карамзин приступил к обдумыванию похвального слова, в его записной книжке появились даже «мысли для похвального слова Петру I», но написал он... похвальное слово Екатерине.

Можно предполагать, что Карамзин отказался от своего намерения по следующей причине. «Слово» он рассматривал как программу для настоящего и будущих царствований. Очевидно, работая над материалами к похвальному слову Петру I, он увидел, что деспотический характер его правления уже не соответствовал духу времени. Перед глазами был пример Павла I. Для эпохи Петра были характерны крутые меры, резкие перемены, а этого Карамзин теперь боялся. Впоследствии в «Записке» Карамзин выступил с осуждением методов, посредством которых тот просвещал Россию. В 1798 г. Карамзин еще далек был от таких выводов, хотя считал, что преобразования, подобные

петровским, таят в себе опасность для сложившегося порядка вещей, а деспотизм при их осуществлении может вызвать недовольство в обществе. В существующих исторических условиях, полагал Карамзин, более приемлемой была тактика продуманных, но последовательных преобразований. Политика первого периода царствования Екатерины II представлялась Карамзину наиболее целесообразной и соответствующей духу времени и степени просвещения, которой достигла Россия.

В «Слове» правление Екатерины расценивается как новая ступень в развитии самодержавия, как продолжение политики Петра I в новых условиях. «Екатерина явилась на престоле оживить, возвеличить творение Петра; в ее руке снова расцвел иссохший жезл бессмертного...»⁵¹ «Наказ» Екатерины отмечен Карамзиным как «самая лучшая основа для политического образования России»⁵².

Какие же формы должна была принять самодержавная власть в начале XIX в., согласно Карамзину?

Самодержавие Карамзин понимал как единоличную власть царя, не ограниченную никакими учреждениями. Но самодержавие в его понимании не означает произвола властителя, оно предполагает наличие «твердых уставов» — законов, по которым самодержец управляет государством. В этом Карамзин следовал традициям дворянской оппозиции, выдвигавшей в качестве противовеса произволу самовластия «фундаментальные», «твердые» законы. «Меч был первым властелином людей,— писал Карамзин в «Похвальном слове Екатерине II»,— но одни законы могли быть основанием их гражданскаго счастья»⁵³. Опираясь на рационалистическое учение об обществе, он утверждал, что там, где нет законов, нет гражданского общества.

В «Слове» Карамзин полностью солидарен с тезисом «Наказа» Екатерины, где монарх рассматривается как создатель законов: «... он следует своим благоизволениям, от коих проистекают и проистекали законы»⁵⁴. «Государь есть источник всякие власти в монархии, но сия власть должна действовать через некоторые посредства, некоторым определенным образом: рождаются правительства и законы, которые делают твердым и неподвижным установление всякого государства»⁵⁵.

Понимая, что самодержавие только незначительной гранью отделено от деспотии, Карамзин в качестве противовеса ей выдвигает требование обязательного исполнения

монархом законов, но никакого учреждения, обеспечивающего подчинение им царя, не предусматривает. «Сколь трудно править самовластно, и небу лишь отчет давать! — писал он, обращаясь к Александру. — Но сколь велико и прекрасно делами богу подражать! Его веленьям нет препоны; но он творя благотворит. *Он может все, но свято чтит его ж премудрости законы*» (курсив мой. — Л. К.)⁵⁶. Таким образом, от воли царя зависит, повиноваться или нет законам, поэтому единственной гарантией от превращения самодержавной власти царя в деспотическую являются его личные добродетели. В качестве некоторого ограничителя произвола царя Карамзин рассматривает Сенат, который в соответствии с «Наказом» выступает как «совесть монарха» и как «рука монарха в отношении к народу». В «Слове» Карамзин не случайно уделил большое внимание Сенату и его функциям. Это было вызвано падением роли этого учреждения в правление Павла I, наметившимся еще при Екатерине II. В «Вестнике Европы», комментируя указ о восстановлении роли Сената, Карамзин назвал его блюстителем законов: «Читая указ о правах и должностях Сената, россиянин благоговеет в душе своей перед сим Верховным местом империи, которое никакому правительству в мире не может завидовать в величии, будучи храмом высшего правосудия и блюстителем законов, столь священных ныне в России». Роль Сената, по Карамзину, зависит не только от самодержца, но и от поведения его членов. Екатерина, писал он, ждала от «избранных мужей» советов, «сама заседала с вами и рассуждала о пользе народной. Единый из вас (Петр Иванович Панин. — Л. К.), муж, достойный почтения россиян, дерзнул представить ей возражение в деле важном и государственном, уже решенном монархинею... и державная рука ее передрала бумагу, ею подписанную»⁵⁷. Сенаторы, «мужи избранные» как мудрые советники не только могли, но и должны (это гражданский долг) говорить «царям истину», указывая на ошибки в правлении.

Обращает на себя внимание противоречивость Карамзина в определении роли Сената. С одной стороны, он видит в нем высшее учреждение в государстве, правительство, хранилище законов, с другой — лишает его каких-либо юридических прав в отношении самодержца: Сенат полностью зависит от воли царя, он может только апеллировать к совести и добродетели монарха, Понимая самодер-

жавие как неограниченную власть царя, Карамзин должен был признать и неограниченность прав самодержца. Но в то же время он видел необходимость введения самодержавия в какие-то законные рамки, чтобы ограничить возможность превращения самодержца в тирана, как было с Павлом I. В борьбе этих двух тенденций победила идея неограниченной власти. Поняв, насколько мала роль Сената и других «посредствующих властей» в самодержавном государстве, он всю надежду возложил на личные добродетели просвещенного монарха. В «Записке о древней и новой России» Карамзин уже выступил против всяких попыток ограничить волю монарха. «В самом деле, — писал он, — можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: „можно, надобно только поставить закон еще выше государя“. Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят его преступником? Возмутят ли народ?»⁵⁸

Так Карамзин приходит к выводу, что ни один институт в государстве не может выступить в роли ограничителя власти самодержца. И тогда как последнее средство против ее деспотических проявлений выдвигается тезис о добродетелях царя и традициях как гарантиях от превращения монархии в деспотическое государство: «Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти»⁵⁹.

Вслед за Екатериной Карамзин говорит, что самодержавное государство может развиваться только в случае соблюдения его «начальных оснований». Законы в нем должны отвечать форме власти с характерным для самодержавного государства «духом повиновения». В то же время законодательная власть царя также не может опре-

деляться «собственными мечтами», а должна идти в русле традиционного «порядка вещей»⁶⁰. Не рискуя нарушить принцип самодержавия, монарх не может отказаться от «посредствующих властей» и присвоить себе дела, «которые должны быть судимы разными государственными правительствами». Основной и главной функцией самодержца является надзирание. Этот момент Карамзин считал принципиально важным. Уже в 20-х годах XIX в., как передает К. С. Сербинович, Карамзин, беседуя с сенатором Барановым о смысле и характере самодержавия, говорил: «Монархическое правление для успеха своего требует, чтобы государь был облегчен во множестве текущих дел так, чтобы мысли его могли свободно устремляться на общие и важнейшие предметы государственного устройства»⁶¹. Такой монарх, как он полагал, в состоянии обеспечить «мирную эволюцию» государства к «лучшему состоянию».

Законы в стране должны гарантировать гражданам личную безопасность, правосудие и защиту собственности. «Личная безопасность есть первое для человека благо... без нее жизнь наша, среди всех иных способов счастья и наслаждения, есть вечное, мучительное беспокойство»⁶².

Отношения между властителем и подданными должны строиться на основе взаимного уважения и доверия. Сила и прочность власти, подчеркивал Карамзин, достигаются не войском, а поддержкой общества. В «Похвальном слове» Карамзин перечисляет обязанности монарха перед обществом: он должен не только обеспечивать внешнее «благоденствие» державы, поддерживать ее международный престиж, но и внутреннее процветание страны, благополучие ее граждан: «Слава и власть венценосца должны быть подчинены благу народному... не подданные существуют для монархов, но монархи для подданных»⁶³. Эту истину, отметил Карамзин, цари забывают; только Екатерина «дерзнула объявить об этом». В лице Петра I и Екатерины II он видел таких самодержцев, они не требовали «слепого повиновения» в отличие от самовластных владык. «Петр Великий хотел возвысить нас на степень просвещенных людей», а Екатерина «хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными»⁶⁴. Подданные, в свою очередь, должны обладать правом выражать свое мнение монарху. «Несчастливы то государство, — цитирует Карамзин «Наказ», — в котором никто не дерзает представить

своего опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения»⁶⁵. В оде на восшествие Александра I на престол Карамзин упоминает о традиции предков говорить царям правду: «...у нас Пожарские сияли и Долгорукие дерзали Петру от сердца говорить»⁶⁶.

Карамзин старался поднять значение подданных (имея в виду в первую очередь дворян) в самодержавном государстве: подданный, доказывал он, не раб, а гражданин — патриот, которому небезразлична судьба отечества. Говоря о необходимости законов, гражданской свободы, уважения к высокому сану человека, Карамзин в то же время не находил никаких гарантий для обеспечения этих прав: не закон дает их, а воля властителя.

Но поскольку самодержавие, в представлении Карамзина, в просвещенном обществе принимает более мягкие формы, то он полагал, что развитие просвещения должно привести к тому, что монархи начнут советоваться со своими подданными, постепенно вовлекая их в управление государством. Он отмечал как первую попытку, первый опыт приобщения «граждан» к решению вопросов государственной важности созыв Екатериной Уложенной комиссии 1767—1768 гг. Тогда, писал он, Екатерина «хотела разделить славу свою с подданными и признала их достойными быть советниками трона». Она хотела, чтобы они предложили свои мысли о полезных уставах для государства»⁶⁷. И действительно, «депутаты российские сообщали друг другу свои мысли о предметах общего уложения», «Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россия была в ожидании», но начавшаяся турецкая война прервала деятельность комиссии. Но тут же Карамзин указывает истинную, по его мнению, причину ее роспуска: Екатерина «не нашла, может быть», в умах депутатов комиссии «той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства»⁶⁸.

Хотя затея с комиссией провалилась, тем не менее «собрание депутатов было полезным», ибо «мысли их открыли монархине источник разных злоупотреблений в государстве»⁶⁹.

Возможно, Карамзин специально остановился на работе Уложенной комиссии, стремясь обратить внимание Александра I на то, что его подданные уже созрели для решения государственных вопросов. Мнение о необходимости создания нового уложения было довольно широко

распространено в первый год правления Александра I, и Карамзин его высказал. Очевидно, поэтому в «Слове» после текста о результатах работы Уложенной комиссии Карамзин поместил следующие строки: «Государства подобны человеку, имеют разные нравственные возрасты: мудрый законодатель следует взором своим за их изменениями и от времени до времени обновляет систему свою, прибавляя или иначе располагая часть ее»⁷⁰.

Итак, согласно Карамзину, в самодержавном государстве имеются две стороны: с одной — монарх, облеченный всей полнотой власти, но обязанный соблюдать интересы общества и обеспечивать его благо, с другой — подданные (в первую очередь дворяне), которые должны повиноваться монарху и в то же время быть гражданами и нести ответственность за судьбу государства. Хотя подданные и не принимают непосредственного участия в законотворчестве и управлении страной, они обязаны указывать власти на все недостатки в ее политике. Если подданные не дерзают на этот моральный протест, они не граждане, а рабы.

В толковании гражданственности Карамзин иногда следовал теории общественного договора, которая признавала право общества на протест против власти, и тогда трактовка гражданственности была просветительская. Так, в стихотворении «Тацит» (1797) он писал:

Тацит велик, но Рим, описанный Тацитом,
 Достоин ли его пера?
 В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
 Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
 Жалеть об нем не должно:
 Он стоил лютых бед несчастья своего.
 Терпя, чего терпеть без подлости не можно!⁷¹

П. А. Вяземский, комментируя это стихотворение, писал: «На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению народному». Но в то же время, замечал он, «Николай Михайлович, гораздо прежде происшествий 14 [декабря] говорил: „Честному человеку не должно подвергать себя виселице“... Был ли Карамзин преступен, обнародывая свою мысль (имеется в виду «Тацит». — Л. К.), и не совершенно ли она противоречит апофегме, приведенной выше? (о виселице. — Л. К.)... Оче-

видно, дело в том, чтобы определить теперь меру того, что можно и чего не должно терпеть»⁷².

В этом «можно и должно» Карамзин на первый взгляд кажется противоречивым. В Риме времен Тацита он не увидел граждан, ибо они терпели то, что не должны были терпеть. Во втором случае, упоминаемом Вяземским, речь шла о А. Н. Радищеве, который выступил против самодержавной власти как гражданин, желавший счастья своей родине. Карамзин осудил его. Чтобы лучше понять логику рассуждений Карамзина, обратимся к его статье «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», написанной в 1803 г., т. е. спустя шесть лет после «Тацита». В ней он высказал восхищение «московским народом», который «великодушно терпел все ужасы царя Ивана Васильевича, все неистовства его опричных, которые, подобно шайке разбойников, злодействовали в столице, как в земле неприятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только в храмах царя царей молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна»⁷³. Москвичи в этой статье выглядят так же, как жертвы и убийцы из «Тацита». Но выводы делаются Карамзиным другие. Нам кажется, что здесь он не противоречил себе. Дело тут не в мере долготерпения, а в том, что Рим для Карамзина был государством с республиканскими традициями («республика была душой Рима»), а за гражданами республики Карамзин признавал право на протест против незаконных действий власти. Россия же была самодержавным государством, самодержавие было его традицией, исконным институтом, где отношения между властью и народом строились на принципе господства и подчинения, а не гражданства. Поэтому Карамзин осуждал римлян за потерю гражданского достоинства и восхищался долготерпением москвичей.

Выше уже говорилось, что Карамзин рассматривал самодержавие как развивающееся от полного самовластия царя, близкого к деспотизму, к более совершенной форме «просвещенной монархии». Очевидно, Карамзин искренне верил в возможность достижения «царства всеобщего блага» в рамках самодержавного строя. В самодержавии он видел гибкую и подвижную форму правления, способную использовать все достижения просвещения для своего совершенствования. Государи, писал он в статье «Прият-

ные виды...», «будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: благотворить»⁷⁴. К. С. Сербинович отмечал в своих воспоминаниях о Карамзине, что тот и в 20-е годы имел глубокое, искреннее убеждение в превосходстве над республиканским монархического правления, «которое в руках мудрого легче делает полезные преобразования и с успехом продвигает народ к лучшему состоянию»⁷⁵. Эта же мысль была высказана Карамзиным в начале XIX в. в одной из статей опубликованных в «Вестнике Европы»: «Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству». Александр I продвинул общество на новую ступень, даровав «систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собой»⁷⁶. «Мы спешим к цели, — писал он далее, — и, обращая взор на то место, где нашел россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею целью и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа»⁷⁷.

У Карамзина в эти годы неоднократно проскальзывала мысль, что процесс совершенствования самодержавия опережал развитие общества. Так, в «Слове» он подчеркивал, что «Наказ» и все законодательство Екатерины I указывали обществу дорогу вперед, но оно обнаружило неготовность к пониманию и выполнению тех задач, которые выдвигала власть. Петр направил страну на путь просвещения, Екатерина раскрыла перед ней будущее через законодательство, Александр продолжил эту политику, но все усилия монархов упирались в стену невежества. «Не одно народное славолубие терпит от недостатка в просвещении, нет, он мешает всякому действию благотворных намерений правителя, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости... не позволяет государству наслаждаться внутренним общим благоденствием, которое одно достойно быть целью истинно великого, т. е. добродетельного, монарха. Александр... желает просветить россиян, чтобы они могли пользоваться его человеколюбивыми уставами без всяких злоупотреблений и в полноте их спасительного действия»⁷⁸.

Из этого следовало, что виною всех непорядков и злоупотреблений в стране была непросвещенность подданных, поэтому в качестве первоочередной задачи Карамзин выдвигал просвещение всех сословий, чтобы таким образом достигнуть общества «всеобщего блага», в котором сохранится и самодержавие, и сословный строй, и крепостное право. Наиболее полно вопрос о просвещении как «палладиуме благонравия» и прогресса был рассмотрен Карамзиным в статьях середины 90-х годов XVIII в.⁷⁹

Признав самодержавие единственно разумной для России формой правления, Карамзин, естественно, принимал и сословное деление общества, поскольку оно заложено в самом принципе монархического строя. Карамзин считал его извечным и закономерным: всякое сословие несло определенные обязанности в отношении государства. Признавая важность и необходимость двух низших сословий, Карамзин в духе дворянской традиции отстаивал право дворян на особые привилегии — в качестве платы общества за его особые заслуги. Дворянство он рассматривал как главную опору трона. После Французской революции эта связь, по его мнению, стала особенно ясной: трон существовал, пока его поддерживало дворянство, и оно сохраняло свои права и привилегии, пока существовал трон.

Интересам общества наиболее отвечал «просвещенный» монарх. Но из многих самодержцев России, как казалось Карамзину, никто не отвечал этим требованиям. Вот почему он считал необходимым и важным воздействие общества на монарха: в обязанность патриотов вменялось говорить монархам «правду»; указывать на недостатки правления и таким образом воспитывать их. Нетрудно заметить, что данная идея исходила из теории союза монархов и философов, распространенной в XVIII в. Эту идею, как представляется, Карамзин пытался применить в жизни. Чем иным можно объяснить его постоянное стремление поучать Александра с первых лет его правления и до последних дней? Пользуясь дружеским расположением к нему царя, Карамзин высказывал ему «правду» о недостатках правления. В конце жизни Карамзин понял, что все его попытки «воспитать» Александра в соответствии со своими представлениями оказались тщетными. В бумагах, оставленных сыновьям, он признал свое поражение: говоря о встречах с Александром I, Карамзин писал, что император слушал его советы, но «им, большей частью не следо-

вал... [Его] милость и доверенность [ко мне] остались бесплодны для любезного отечества... Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, — наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные»⁸⁰.

Итак, в начале XIX в. Карамзин выступил с программой укрепления и сохранения самодержавия в России. Испытывая страх перед революцией, он в противовес революционному пути преобразования общества выдвинул идею эволюционного развития русского общества в рамках самодержавно-крепостнического строя. Он закрывал глаза на деспотическую сущность самодержавия и рисовал идеальную картину государственных порядков, возможных, по его мнению, при таком строе.

В русском дворянстве Карамзин видел главную социальную опору самодержавия. Поэтому он выступил с широко разработанной программой вовлечения дворянства в общественно-политическую и культурную жизнь страны, стремясь таким образом обеспечить за ним ключевые позиции в государственном аппарате и руководящую роль в общественной жизни. Особое внимание он уделял роли дворянства в сфере просвещения. Стремясь сохранить в неприкосновенности существующие в России порядки, Карамзин выступил против каких-либо реформ по крестьянскому вопросу, объяснял нежелательность преждевременного освобождения крестьян их непросвещенностью.

Однако этой консервативной программе общественного развития присуща известная противоречивость. Отгородиться от «духа времени», от новых прогрессивных идей, которые неизбежно зарождались в русском обществе, Карамзин не мог. Широта кругозора позволила ему избежать крайних и реакционных выводов. Этим объясняется его лояльное отношение к различным течениям общественной мысли и его личные контакты со многими передовыми деятелями эпохи.

Сложность мировоззрения Карамзина отражала сложность самой эпохи, сложность положения дворянского класса в тот период, когда феодальный строй уже утра-

чивал свои потенциальные возможности, а дворянство как класс становилось реакционной силой.

Доказательства разумности и необходимости самодержавной формы правления Карамзин черпал в прошлом России, в ее традициях. Это заставляло его все больше обращаться к истории страны и в конце концов привело к работе над «Историей государства Российского».

¹ Московский журнал, 1791. Дек. В настоящее время мы имеем научное издание «Писем русского путешественника» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Сер. «Литературные памятники»*. Л., 1984). Но, поскольку «Письма» при жизни Карамзина издавались семь раз (см. указ. изд. С. 607) и почти всякий раз Карамзин вносил в текст изменения, автор считает возможным дать ссылки на первую публикацию «Писем» в «Московском журнале», так как различия между первичным текстом и последующими в данном случае имеют принципиальное значение.

² Московский журнал. 1791. Окт. С. 65.

³ Там же. 1792. Янв. С. 22.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 350—351.

⁵ *Вольтер.* Избр. произведения. М., 1947. С. 532.

⁶ Московский журнал. 1791. Янв. С. 36—37.

⁷ *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.* Л., 1984. С. 329.

⁸ *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 86.

⁹ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. II. СПб., 1848. С. 515.

¹⁰ *Вольтер.* История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809. Ч. I. С. 134.

¹¹ Московский журнал. 1791. Март. С. 316.

¹² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 50.

¹³ *Карамзин Н. М.* Соч. СПб., 1848. Т. I. С. 49.

¹⁴ Московский журнал. 1792. Май. С. 18—19. Первые две строки появились только во 2-м издании журнала в 1801 г.

¹⁵ *Губерти Н. В.* Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887. С. 23.

¹⁶ Пантеон иностранной словесности / Пер. Н. М. Карамзина. М., 1818. Ч. III. С. 92.

¹⁷ Вестник Европы. 1803. № 11. С. 74.

¹⁸ *Карамзин Н. М.* О книжной торговле и любви к чтению в России // *Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т.* Л., 1984. Т. 2. С. 117—120.

¹⁹ Аглая. Кн. II. С. 71.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 72.

²² Там же. С. 71.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 480.

- 26 Пантеон иностранной словесности / Пер. Н. М. Карамзина. М., 1798—1803. Ч. 1—3.
- 27 Вестник Европы. 1802. № 12. С. 315—316.
- 28 Там же. С. 314, 315.
- 29 Там же. № 21/22. С. 138.
- 30 Там же. № 12. С. 312—316.
- 31 Карамзин Н. М. Соч. Т. II. С. 463.
- 32 Вестник Европы. 1802. № 8. С. 72.
- 33 Там же. № 17. С. 77.
- 34 Там же. 1803. № 15. С. 228.
- 35 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 312.
- 36 Вестник Европы. 1802. № 15. С. 245.
- 37 Там же. 1803. № 17. С. 79.
- 38 Там же. № 6. С. 168.
- 39 Там же. 1802. № 17. С. 72.
- 40 Атенеи. 1858. Т. IV. С. 225.
- 41 Вестник Европы. 1803. № 18. С. 159.
- 42 См.: Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. СПб., 1916. С. 104—108.
- 43 Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.
- 44 Слово было напечатано Карамзиным отдельной брошюрой в 1802 г. (см.: Погодин М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 337).
- 45 Карамзин Н. М. Записка... С. 40.
- 46 Там же. С. 41—42.
- 47 Вестник Европы. 1802. № 12. С. 315.
- 47а Карамзин Н. М. Соч. Т. II. С. 779.
- 48 Карамзин Н. М. Записка... С. 10, 47; Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 60.
- 49 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 331.
- 50 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 102.
- 51 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 277.
- 52 Там же. С. 326.
- 53 Там же. С. 301.
- 54 «Наказ» императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 511.
- 55 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 314; «Наказ» ... С. 19—21.
- 56 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 204—205.
- 57 Там же. С. 305—306.
- 58 Карамзин Н. М. Записка... С. 46—47.
- 59 Там же. С. 47.
- 60 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 326, 327.
- 61 Русская старина. 1874. Т. XI. С. 260.
- 62 Карамзин Н. М. Соч. Т. I. С. 303.
- 63 Там же. С. 328.
- 64 Там же. С. 302.
- 65 Там же.
- 66 Там же. С. 327.
- 67 Там же. С. 309—310.
- 68 Там же. С. 329.
- 69 Там же.
- 70 Там же. С. 330.
- 71 Там же. С. 178—179.

⁷² *Вяземский П. А.* Записные книжки. 1813—1848. М., 1963. С. 129.

⁷³ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. I. С. 398.

⁷⁴ Там же. СПб., 1848. Т. III. С. 588.

⁷⁵ Русская старина. 1874. Т. XI. С. 260.

⁷⁶ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. III. С. 593.

⁷⁷ Там же. С. 598.

⁷⁸ Там же. С. 349—350.

⁷⁹ «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Филалет к Мелодору» и «Мелодор к Филалету», «О счастье» и др.

⁸⁰ Из бумаг Н. М. Карамзина, хранящихся в Государственном архиве / Предисл. кн. Н. П. Мещерского. СПб., 1898, С. 18.

В. Ю. Афиани, В. П. Козлов

ОТ ЗАМЫСЛА К ИЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Официальное «посвящение» Н. М. Карамзина в историки произошло 31 октября 1803 г. Именным императорским указом известному писателю «для сочинения полной Истории Отечества» «в качестве историографа» назначался «ежегодный пенсион»¹. Так Александр I, обещавший править «по заветам» своей «бабки» Екатерины II, продолжил практику правительственного субсидирования изданий исторических памятников и сочинений по русской истории. Эта дата для современников и потомков стала тем рубежом в творчестве Карамзина, за которым художник и ученый, писатель и историк сливаются в одно целое — в образ создателя «Истории государства Российского».

Карамзин прошел к тому времени долгий путь мировоззренческих, нравственных и литературных исканий, наложивших глубокий отпечаток на замысел и процесс создания «Истории». В период трагического перелома эпохи Просвещения раздумья будущего историографа о смысле человеческого бытия с неизбежностью приводили к вопросам, заданным им своим читателям в 1793 г.: «На что жили предки наши? На что будет жить потомство?»² Извлекая уроки из событий современности, европейская и русская философская, общественно-политическая мысль все более проникалась убеждением в том, что без понимания прошлого, поиска закономерностей общественного и культурного развития человечества невозможно оценить на-

стоящее и попытаться заглянуть в будущее. Карамзин оказался среди тех мыслителей, которые стали разрабатывать новые принципы понимания истории, национальной самобытности, идеи преемственности в развитии цивилизации и просвещения³. В личном плане эти раздумья вели его к поискам такого дела, такого труда, которые могли бы остаться «памятником души и сердца». Он приходит к убеждению, что стезя «к храму истинной мудрости» скрывается «за завесой времен прошедших»⁴. И она вела Карамзина не в далекий мир античности, классических древностей, а в историю Отечества. И тогда в творчестве писателя все чаще стали возникать образы русской истории. В 1792 г. в повести «Наталья, боярская дочь» он уже утверждал, что «Старая Русь известна мне более, нежели многим из моих сограждан»⁵.

Исследователи давно пытаются установить, когда писатель приходит к мысли посвятить себя истории. Еще в середине XIX в. высказывалось мнение о том, что «тайное намерение» писать историю восходит к временам тесного общения Карамзина с новиковским кружком в 1785—1789 гг. и даже «к первым юношеским предположениям»⁶. Но с уверенностью можно говорить лишь об увлечении еще в Симбирске героями «Римской истории» Ш. Роллена (в переводе В. К. Тредиаковского). В доказательство давнего существования таких планов обычно приводится сообщение Карамзина в «Письмах русского путешественника» о встрече в 1790 г. в Париже с П.-Ш. Левеком, автором «Histoire de Russie, triée des chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation» (в России был в 1797 г. переведен только один том). Размышляя о достоинствах и недостатках этого труда, писатель приходил к неутешительному выводу: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории»⁷. Текст этой главы убеждает, что размышления о русской истории не были импровизацией. Но глава появилась в печати только в первом отдельном издании «Писем» (1797—1801) и, скорее всего, написана после 1792 г.⁸

Замысел проявить себя на новом, историческом, поприще возник, по-видимому, уже после возвращения из путешествия. Пушкин писал: «Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произ-

ведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание»⁹. В 1797 г. писатель приходит к определенному решению: «... займусь Историею. Начну с Джилиса; после буду читать со вниманием Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки, а там примусь за древних авторов, особливо за Плутарха»¹⁰. Эти заметки для себя можно рассматривать как краткий план подготовительного этапа, подхода к истории, предполагающего специальное изучение классических трудов античности и наиболее знаменитых английских историков. В 1800 г. в записной книжке Карамзин уже набрасывает мысли о пользе и значении истории, частично вошедшие в «Предисловие» к «Истории государства Российского».

В 1801 г. в оде на коронацию нового императора Карамзин публично заявил:

Монарх! в последний раз пред Троном
 Дерзнул я с лирою предстать;
 Мне сердце было Аполлоном:
 Люблю хвалить, но не ласкать;
 Хвалил, глас общий повторяя.
 Другие славные Певцы
 От Муз примут в дар венцы,
 Тебя без лести прославляя:
 Я в храм Истории иду,
 И там.... дела Твои найду.

В примечании к стихотворению Карамзин недвусмысленно пояснил: «Автор занимается Российской Историею»¹¹. Но Александр I не откликнулся на обращение писателя, хотя оно не прошло мимо его внимания (автор в соответствии с тогдашней традицией был награжден бриллиантовым перстнем). И Карамзин принял предложение московского книгопродавца И. В. Попова руководить изданием журнала «Вестник Европы», в котором помещал свои исторические повести, очерки и заметки. Получая по три тысячи рублей в год, он надеялся «принужденною работою пяти или шести лет купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — одним словом, сочинять русскую историю, которая с некоторого времени занимает всю мою душу»¹². Та же мысль звучит и в письме к брату в июне 1803 г., где будущий историк сообщал о желании «приняться за труд важнейший: за

Русскую историю, чтобы оставить по себе Отечеству не дурной монумент»¹³.

Обращение к императору было вызвано не только заботами о материальной обеспеченности (Карамзин владел лишь небольшим имением). Он понимал, что такой труд невозможно написать без свободного доступа к рукописям и документам в официальных хранилищах. Только «с высочайшего дозволения» можно было обойти и цензурные запреты. Эти мысли разделяли и ближайшие друзья Карамзина. И. И. Дмитриев, поэт (будущий министр юстиции), убеждал его «просить звания историографа» у Александра I. Посредником был избран их общий друг — М. Н. Муравьев. Известный поэт-сентименталист, он преподавал русскую словесность, историю и нравственную философию молодому Александру I и был им назначен попечителем Московского учебного округа, товарищем министра народного просвещения и статс-секретарем. Карамзин внял совету Дмитриева и в письме к Муравьеву 28 сентября 1803 г. просил «при случае» доложить императору о своих намерениях. «Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лет,— заключал он,— ибо в это время надеюсь управиться с историей, и тогда я мог бы отказаться от пенсии: написанная история и публика не оставили бы меня в нужде»¹⁴.

Ходатайства высокопоставленных друзей сыграли свою роль. Да и сам Александр I, ученик республиканца Ф. С. Лагарпа, демонстрировал в первые годы своего правления внимание к делам просвещения. Организовывались университеты, по существу была воссоздана Российская Академия, новый устав получила Петербургская Академия наук. Оказывалась поддержка научным обществам, в том числе вновь образованному Обществу истории и древностей Российских при Московском университете. За научные и литературные труды ряд ученых, писателей, переводчиков были награждены денежными пособиями и ценными подарками. В 1802 г. сумма государственных ассигнований на научные предприятия составила почти 160 тыс. руб.¹⁵

Еще в XVIII в. во многих европейских странах подготовка исторических трудов нередко возлагалась на специально назначаемых правительственными распоряжениями лиц — историографов. В частности, последний польский король Станислав-Август сделал историографом

А. С. Нарушевича, поручив ему подготовку сочинения по истории Польши. В России в 1744 г. Г. Ф. Миллер (со ссылкой на европейскую традицию) предложил организовать при Академии наук Исторический департамент во главе с историографом для написания трудов по истории и географии Российской империи. Определением Канцелярии Академии он спустя два года был назначен историографом (хотя и на иных, чем предлагал, основаниях), но реально к созданию обобщающего исторического сочинения так и не смог приступить¹⁶. В 1802 г. адъюнкт Московского университета М. Н. Баккаревич предложил правительству создать журнал для публикации правительственных распоряжений, статей, в том числе исторических, а его редактора назначить «историографом Российской империи»¹⁷. Претендентом на это звание выступил и М. Н. Антоновский, писатель, переводчик, подготовивший «план» написания «Российской древней и нынешней истории»¹⁸.

Указ Александра I ставил подготовку труда по истории России на иное, чем предлагал в XVIII в. Миллер, основание. В нем четко не определялось, что и к какому сроку должно выйти из-под пера известного писателя. Карамзин как историограф не был подчинен ни Академии наук, ни какому-либо иному правительственному учреждению. Указ скорее конституировал общественный, а не должностной статус Карамзина как историографа, его место в системе государственной службы оставалось неясным. Не случайно современники оказывались в затруднении при необходимости официального обращения к Карамзину. Нередко ему писали: «Господину историографу» (а слуги, случалось, объявляли при официальных приемах: «Граф истории»).

Вместе с тем указ Александра I предоставлял Карамзину важную привилегию — беспрепятственный доступ в государственные и церковные архивы и библиотеки. В глазах современников историограф как бы получал и монопольное право на создание и публикацию обобщающего труда по истории России¹⁹. Сам Карамзин считал «звание историографа» «государственным чином» и писал, что «Россия должна всегда иметь историографа», так как, по его мнению, «и десять обществ не сделают того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя историческим предметам». Новый указ Александра I (1804)

внес большую ясность в положение Карамзина как историографа. Им историк был пожалован из отставных поручиков сразу в надворные советники, т. е. в седьмой класс по Табели о рангах, что примерно соответствовало профессорскому званию. Указ открывал возможность получения очередных чинов и в будущем.

Указы не регламентировали должностных обязанностей историографа. Показательно, что отчеты о своей работе, направляемые статс-секретарям, сначала М. Н. Муравьеву, а затем Н. Н. Новосильцеву, М. М. Сперанскому, Карамзин писал исключительно по своей инициативе. Статс-секретари возглавляли личный Кабинет или Канцелярию императора, находившиеся «вне состава других государственных учреждений» и, самое главное, занимавшиеся делами, «стекающимися непосредственному самому государя усмотрению и разрешению»²⁰. Отчитываясь перед статс-секретарями, Карамзин доводил до сведения императора информацию о своих исторических занятиях, тем самым приравнивая их к важнейшим государственным делам. В понимании Карамзина, он нес не только должностную, но и моральную ответственность за возложенное на него поручение перед императором и Россией.

Императорские указы обеспечили историографу условия для работы над «Историей». Перед ним вставали теперь только научные, творческие вопросы. В письме к Муравьеву Карамзин писал о желании «написать историю не варварскую и не постыдную» для царствования Александра I²¹. Эти слова — одновременно и как бы оценка предшествующих исторических трудов. Они заставляют вспомнить о чрезмерно суровом приговоре, вынесенном Карамзиным в «Письмах русского путешественника» сочинениям по русской истории. Но к началу XIX в. научный авторитет довольно многочисленных отечественных и зарубежных работ, посвященных историческому прошлому России, был серьезно поколеблен критическими выступлениями в печати И. Н. Болтина, А. Л. Шлецера и др. А перемены, происходившие в русской литературе, в языке, во многом обязанные самому Карамзину, в глазах русского читателя сделали труды этих авторов архаичными и как явление «словесности».

Распростившись в феврале 1804 г. с журналом «Вестник Европы», Карамзин смог наконец приступить к работе

над «Историей». Он намеревался за 5—6 лет «дойти до Романовых», закончить свой труд и тогда опубликовать его (Щербатову для этого потребовалось почти 20 лет). К моменту назначения историографом Карамзин уже отчетливо представлял *для чего, как он будет писать, кому* предназначается его сочинение. Эти мысли в той или иной форме высказывались им в ранних статьях, авторских отступлениях в повестях, оттачивались в записных книжках, пока не отлились в чеканные фразы «Предисловия». Приступая к «Истории», Карамзин не собирался заниматься специальными многолетними архивными разысканиями и кропотливыми источниковедческими штудиями. Его привлекала прежде всего историческая «живопись», возможность в будущем труде «выбрать, одушевить, раскрасить», а «что не важно, сократить»²². В «образец» были избраны Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон, а не немецкие историки с их «педантичной» ученостью, которую, как казалось Карамзину, в полной мере может оценить лишь узкий круг профессионалов. Историк мыслил свою читательскую аудиторию в масштабах всей грамотной России, от царя до «простых граждан», желая и просветить и наставить. Вот как он говорил об этом позднее: «Я писал для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметева»²³.

В начале работы Карамзин лишь в общих чертах представлял объем и структуру своего труда, да и все сложности, ожидавшие его на этом пути. Даже в отношении хронологического рубежа «Истории» не существовало окончательного решения. Хотя в письмах историографа и свидетельствах его современников говорилось о желании закончить повествование рассказом о воцарении Михаила Федоровича Романова, т. е. 1613 г., сохранились следы и иных намерений. В примечаниях к третьему тому, упоминая об Уложении Алексея Михайловича, он писал, что о царском указе воеводам 1654 г., содержавшем выписки из греческих законов, будет говорить «в истории XVII века» и тогда представит «достопамятный указ в подлиннике»²⁴.

Первоначально Карамзин намечал подготовить шесть томов «Истории», т. е. писать по тому в году, но, окунувшись в работу, он со временем не раз менял свое представление о задуманном предприятии. В первоначальные планы вносили коррективы и логика исторического повествования, и жизненные обстоятельства, и новые твор-

ческие замыслы. Немалую роль сыграли и современные политические события. Первый том историк задумал как «Вступление», или «Введение», с рассказом о славянских и других народах «до времен Рюрика». Во втором томе предполагалось поместить «историю времени язычества» и рассказ от «первых князей Варяжских» до смерти вел. кн. Владимира I Святославича, т. е. о событиях 862—1014 гг. Том должен был завершаться «обозрением гражданского и нравственного состояния древней России». В третьем томе историк надеялся «дойти до Батыева», а в четвертом — «до первого Ивана Васильевича», т. е. до Ивана III.

Работа над «Историей» потребовала самоотречения, отказа от привычного ритма и уклада жизни. По образному выражению П. А. Вяземского, Карамзин «постригся в историки». И. И. Дмитриев вспоминал, что историограф в первые годы своей работы «ни об чем не мог думать, ни об чем говорить, ничего не мог понимать, — кроме предмета своих занятий»²⁵. Летом в подмосковном имении Вяземских Остафьеве, зимой — в Москве по строгому распорядку дня он осваивал сложное ремесло историка, погружившись в изучение груды исторических книг и архивных документов.

В середине 1804 г. Карамзин уже докладывал Муравьеву о завершении половины первого тома, намечая закончить «второе отделение» — «описание физического и нравственного характера древних славян, их правления и веры» — зимой 1804/05 г. Первый шаг в задуманном деле, по определению Карамзина, «был самый труднейший». Но и дальше не легче. Второй том «Истории» был готов только в марте 1806 г., и историограф был вынужден признать, что каждая эпоха «имеет свои затруднения». Через два года Карамзин сообщал Муравьеву, что он завершает третий том, который «заключается» описанием правления Владимира Мономаха. До рассказа об эпохе ордынского нашествия оставалось еще сто лет. И их описание представлялось историку «не столь приятным», перед ним лежала «степь голая и печальная»²⁶. Первоначальный график работы оказалось выдержать не просто. Отчитываясь 3 мая 1808 г. перед новым статс-секретарем Новосильцевым, Карамзин писал, что заканчивает четвертый том «описанием нашествия Батыева» и думает только «года через три или четыре дойти до вре-

мен, когда воцарился у нас знаменитый дом Романовых», а затем представить написанное, чтобы получить «высочайшее повеление к обнародованию»²⁷.

«Бредя вперед шаг за шагом» и лишь изредка находя для себя в описании происшествий «места живописные», к лету 1808 г. историк закончил повествование об «ужасном нашествии татар», а в следующем году — рассказ о княжении Дмитрия Донского. Однако набранный темп работы вновь затормозился. Находки в 1809 г. Хлебниковского и незадолго до этого — Академического списков Ипатьевской летописи потребовали более полугода работы по дополнению и исправлению уже написанных томов, хотя и спасли историографа, по его словам, «от стыда» за ранее сделанное. Очевидно, тогда же Карамзин изменил и первоначальную структуру своего исследования: первые два подготовленных тома «Истории» были объединены им в один, главы третьего и четвертого составили два последующих тома.

Историк писал друзьям, что «живет в прошедшем» и старина для него «всею любезнее», но современность все настойчивее вторгалась в его затворничество. Предсказанные им еще в «Письмах русского путешественника» XIX века «множество поразительных явлений» и «великие перемены в политической системе Европы» сбывались. «Часто хотелось бы мне укрыться в непроницаемом уединении, — признавался Карамзин брату в августе 1809 г., — чтобы ничего не слышать о происшествиях европейских. Как счастливы были наши отцы! мы не умели ценить прежнего спокойствия Европы, а теперь осуждены видеть гибель империй и ждать будущего со страхом, или запастись добродетелями стойков, не весьма легких для того, кто имеет семейство»²⁸. Вызывали опасения и события в своем отечестве, прежде всего проект государственных преобразований, подготовленный в этом году М. М. Сперанским.

Познакомившись с сестрой императора великой княгиней Екатериной Павловной и ее мужем принцем Ольденбургским, обосновавшимися в Твери, Карамзин сблизился с «тверской партией», объединившей недовольных внешнеполитическим курсом Александра I и планами внутренних реформ. По предложению великой княгини, историограф начал работу над «Запиской о древней и новой России» — своего рода оппозиционным манифестом,

78

VII.

С М Ъ С Ъ.

I.

О Руской Исторіи Н. М. Карамзина. *)

Исторія Государства Россійскаго, сочиненная Н. М. Карамзинымъ, въ осьми томахъ, будетъ отпечатана въ С. П. бургѣ мѣсяца черезъ два. Желающіе имѣть сію книгу въ другихъ городахъ могутъ заблаговременно подписываться на оную, и для вѣрнѣйшаго ея доставленія присылать деньги съ своимъ адресомъ прямо въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтъ-Амѣна. Цѣна осьми томовъ, съ картою древней Россіи, 55 рублей; слѣдующія же въ казну за пересылку вѣсовыхъ и страховыхъ деньги будутъ вносимы подписавшимися въ почтовые мѣста уже при полученіи книгъ.

2.

Уѣдомленіе о переводѣ новой книги: Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe.

Публикѣ извѣстно уже достоинство книги: Considerations de l'Eglise orthodoxe (Разсужденія о ученіи и духѣ Православной Церкви), изданной Г. Стурдзою на Французскомъ языкѣ. Отечественныя наши Журналы въ разборахъ своихъ отдали долж-

*) Наконецъ выходитъ у насъ настоящая Руская Исторія. Всякой просвѣщенной Россіянинъ обрадуется этому и поблагодаритъ душевно за сей важный трудъ почтеннѣйшаго Сочинителя, который оказалъ незабвенныя услуги для нашей отечественной словесности. — Не вѣжды, которыми (стыдно сказать, а грѣхъ чинить) очень еще у насъ довольно, хуляютъ, что Руская Исторія Н. М. Карамзина написана шѣмъ же самымъ словомъ, какъ Бѣдная Лиза, Наталья Боярская догъ, Юлія и проч. — Отче! отпусти ижд: не вѣдѣтъ-бо это яворкѣ и то говорятъ. Приимѣ. Редакт. С. О.

Объявленіе о подписке на первое изданіе
«Исторіи государства Россійскаго»
(1816 г.)

ярко отразившим историко-политические взгляды Карамзина. В промежутках между многочисленными поездками в Тверь он старался не оставлять и исторических занятий, «вернуться от настоящего к давно минувшему, от шумной сущности к безмолвным теням, которые также некогда на земле шумели», но мало продвигался вперед. Весной 1811 г. состоялось важное событие в жизни историографа и в судьбе его труда. 20 марта в письме Дмитриеву он сообщил, что встречался в Твери с Александром I и более двух часов «читал ему свою Историю», которая была выслушана «с непритворным вниманием и удовольствием». Тогда же состоялся разговор с императором, во время которого Карамзин возражал против задуманных Александром I политических реформ, а великая княгиня Екатерина Павловна передала императору карамзинскую «Записку о древней и новой России».

«Время летит, а История моя ползет», — жаловался Карамзин в одном из майских писем 1811 г. Отдыхая за «историческим сочинительством» от поездок в Тверь, историк только летом этого года окончил пятый том своего труда, посвященный рассказу о событиях 1363—1462 гг. и включающий главу о состоянии России до нашествия ордынских завоевателей, и подошел к началу «действительной истории Российской монархии». «Живем в тишине сельской, — писал он Дмитриеву. — Работаю усердно и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вот прямо исторический предмет! Доселе я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собой песчаную степь африканскую, а перед собой величественные дубравы, красивые луга, богатые поля и пр.» В феврале 1812 г. Карамзин готовился перейти к XVI столетию, но судьба распорядилась иначе.

Французские войска перешли Неман, русские начали отступать. Тревожные сообщения об этом отодвинули мирные труды историографа. «Я совсем не могу заниматься моею обыкновенною работою», — писал Карамзин в июле 1812 г. В августе он переехал из Остафьева в Москву и отправил один экземпляр написанных томов «Истории» («лучший и полный») в Ярославль (с уехавшей туда женой), а другой — в Московский архив Коллегии иностранных дел, готовившийся к эвакуации в Нижний Новгород. «Я простился и с Историей, — сообщал Карамзин Дмитриеву 20 августа, — и готов умереть за Москву»²⁹.

Он считал, что, будучи государственным историографом, не имеет права «подавать пример робости», и мечтал даже вместе с ополчением — «московскою удалою дружиною» — примкнуть к сражающейся армии. По воспоминаниям современников, в самые тяжелые дни Карамзин не сомневался в успешном исходе войны с Наполеоном и предсказывал «уже тогда начало очищения России от неприятеля и освобождение целой Европы от несносного ига Наполеонова»³⁰. Москву он покинул только накануне вступления в нее французов, «не приняв мер для сохранения библиотеки», находившейся в городской квартире историка.

Соединившись с семьей в Ярославле, Карамзин переехал в Нижний Новгород, который стал местом его почти девятимесячного пребывания. Оторванный от любимых занятий, «как рак на мели: без дела, без материалов, без книг, в несносной праздности»³¹, он тяжело пережил известия о пожаре Москвы и гибели в его пламени своей и других московских библиотек. Перечитывая Тацита и Монтеня, историограф одновременно мучительно размышлял над удивительными поворотами современной ему истории. Несмотря на отсутствие необходимых материалов, его рука вновь тянулась к перу. «Желаю работать: только не имею всего, что надобно», — делился он с А. Ф. Малиновским³².

В июне 1813 г. семья Карамзиных возвратилась в Остафьево, где чудом уцелели остававшиеся древние рукописи, а осенью перебралась в Москву, в дом, снятый на Воздвиженке. Уже около десяти лет искал Карамзин в отечественном прошлом ответы на самые животрепещущие вопросы современности. Еще в Нижнем Новгороде он пришел к мысли о том, что пора подвести итоги сделанному, выпустив в свет написанные тома «Истории». К этому подталкивал и новый замысел, постепенно все больше и больше захватывавший Карамзина. Всего несколько лет назад историк размышлял над подвигом соотечественников, сбросивших иго ордынского завоевания. Он отчетливо осознавал глубокую историческую связь между двумя величайшими событиями в истории его родины — изгнанием татаро-монгольских и наполеоновских полчищ. Современность предстала перед историографом во всем величии и грозности эпохальных событий, менявших судьбы мира и отечества. Теперь ему казалось, что имен-

но она преподносит самые убедительные политические и нравственные уроки. И потому Карамзин в своих мыслях все чаще и чаще задумывается над тем, чтобы «посвятить остаток дней своих» написанию истории Отечественной войны 1812 г. с подробным экскурсом в предшествующие ей события, в историю Французской революции. Новыми планами он делится с друзьями, а в марте 1814 г. — с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Поддержанный ею, Карамзин желал «смело приступить к... описанию великих происшествий нашего времени», но понимал, что не может взяться за перо «без особенного повеления государя». Только получив его и опубликовав написанные к тому времени шесть томов, он собирался посвятить «остаток» своих способностей «новейшей, современной» истории, в противном же случае намерен был продолжать «царствование Ивана Васильевича»³³. Этот план так увлек Карамзина, что он готов был пожертвовать даже самой эффектной, по его мнению, частью «Истории» — описанием правления Ивана Грозного. И потому летом спешил закончить рассказ о времени Василия III и лишь «мысленно» смотрел на эпоху Ивана Грозного: «Какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам Историю без сего любопытного царствования, она будет как цавлин без хвоста», — писал он А. И. Тургеневу³⁴.

Рассчитывая на ходатайство Марии Федоровны, Карамзин в мае того же года в примечании к большому поэтическому произведению «Освобождение Европы и слава Александра I»³⁵ объявил о своем намерении приступить к описанию Отечественной войны 1812 г. (как когда-то в оде на коронацию Александра I — о «сочинении Российской Истории»). Таким образом, издание уже готовых томов «Истории» и воплощение нового замысла оказались тесно связанными между собой. Но «развязать» их мог только император, возвращение которого из-за границы затягивалось. Откладывалась и встреча историографа с ним, от которой столь многое зависело в его судьбе. «Не могу сказать, когда буду в Петербурге», — писал Карамзин в апреле 1815 г. Д. М. Полторацкому. — «Печатание древней Истории требует мира и спокойствия — погодим»³⁶.

А пока он погрузился в привычную работу и весь 1815 год был занят царствованием Ивана Грозного. «Уп-

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

ТОМЪ I.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаемо въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

*Титульный лист I тома первого издания
«Истории государства Российского»
(1816 г.)*

равляюсь мало-помалу с царем Иваном, — сообщал Карамзин в сентябре А. И. Тургеневу. — Казань уже взята, Астрахань наша, Густав Ваза побит и Орден меченосцев издыхает, но еще остается много дела и тяжелого: надо говорить о злодействах, почти неслыханных»³⁷. В начале декабря 1815 г. Карамзин закончил «Предисловие»*. К этому времени окончательно сложилась структура подготовленной части «Истории», распределение материала по томам и их число.

В январе 1816 г. восемь аккуратно переписанных томов «Истории» уже лежали на столе Карамзина. Написано было и страниц 20—30 девятого тома о «жестокостях» Ивана Грозного³⁸. Историографа теперь обуревали сомнения: издавать восемь или после завершения девять томов. Эти колебания отразились даже в «Предисловии» к опубликованному труду, где он писал о том, что «с охотою и ревностю» посвятил 12 лет, «лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов». Дальнейший ход событий окончательно разрешил сомнения. В конце 1815 г. Александр I возвратился в Россию, и Карамзин поспешил в столицу для встречи с ним.

Накануне отъезда историографа охватили сомнения в успешном исходе задуманного. Не только годы и бурные события недавних лет отделяли Карамзина от памятных встреч с «высочайшим заказчиком» в тверском салоне великой княгини Екатерины Павловны, где император с большим интересом слушал отрывки из «Истории». За чтениями последовала «Записка о древней и новой России» с резкой критикой внутренней и внешней политики Александра I и его министров, с нелюбезной оценкой деятельности и его предшественников на русском троне. Император остался тогда недоволен «Запиской». В литературе можно встретить мнение даже об опале, постигшей историографа³⁹. Теперь Карамзину оставалась только надежда. Оснований же для его неуверенности было более чем достаточно. Холодно встреченная

* В первом издании отсутствует дата в «Посвящении» Александру I. Ее появление во втором издании явно связано с критическим отношением к «Посвящению» даже близких Карамзину людей, например А. И. Тургенева, считавших, что оно льстит императору. Дата во втором издании должна была ответить на эти обвинения и показать, что «Посвящение» написано искренне и до того, как на историографа вылился поток царских милостей в 1816 г.

императором «Записка» являлась как бы историко-публицистическим продолжением «Истории», на дальнейшую судьбу которой «Записка» вольно или невольно набрасывала тень неопределенности. Да и неясность положения государственного историографа, вынужденного добиваться встречи с Александром I, чтобы получить согласие на издание «с высочайшего соизволения», не прибавляла уверенности. Необходимость просить за себя всегда казалась Карамзину унижительной. Это было чуждо характеру и убеждениям историографа, стремившегося сохранять свою независимость и при дворе. И потому еще до отъезда в Петербург он собирался взять «с собою запас терпения, уничтожения, нищеты духа»⁴⁰. В письме к брату Карамзин признавался: «Знаю, что могу съездить и возвратиться ни с чем. По крайней мере, падобно испытать это: уже не время откладывать печатание «Истории», стареюсь и слабею не столько от лет, сколько от грусти»⁴¹.

Столица встретила его суетой гостеприимных обедов и чаепитий в домах старинных друзей и знакомых, светских приемов и балов, разногласий отношений и мнений. Но за всем этим — заботы об «Истории», в доверительных, за полночь беседах с приятелями, в светской любезности официальных встреч с сановными завсегда-таями петербургских салонов. Вокруг имени Карамзина и его труда закипали споры. Давний враг П. И. Голенищев-Кутузов старался доставить графу А. А. Аракчееву свой очередной донос на историографа. Настороженно встретил историка и, по его определению, «левый крылос» — петербургские вольнодумцы. Карамзин с обидой сообщил жене, остававшейся в Москве: «Нашелся один человек, старый знакомец, который принял весьма холодно и объявил, что ему известен мой образ мыслей, *contraire aux idées libérales* [противный свободололюбивым мыслям]»⁴². «Согревался» он лишь в веселом кругу «арзамасцев», молодых поклонников его литературного таланта, избравших его как «патриарха» почетным членом своего неофициального объединения и стремившихся, по выражению Вяземского, «не допускать до него холодный ветр Невы».

Стараясь создать благожелательное общественное мнение о своем труде, Карамзин решил не ограничиваться чтениями «Истории» у императрицы Марии Федоровны, где его однажды слушали более трех часов. Он рискнул

пойти на своего рода публичные чтения: трижды выступал с ними у известного любителя древностей, мецената графа Н. П. Румянцева, дважды в «Арзамасе», по одному — у А. И. Тургенева и в салоне графини А. Г. Лаваль. «Действие удовлетворяло моему самолюбию», — писал историк жене. По воспоминаниям современника, на этих «домашних чтениях» «везде сыпались на автора похвалы, которые он принимал без услады и восторга, просто, с неподражаемой добродетелью»⁴³.

И все же, несмотря на успех чтений, главное — встреча с императором — откладывалась. Не раз доходили до Карамзина известия о том, что Александр I вот-вот готов принять его. И он весь день не выходил из дома, любезно предоставленного ему Е. П. Муравьевой, вдовой М. Н. Муравьева, но надежды и ожидание оказывались тщетными. Было понятно, что дело не только в занятости императора празднествами по случаю бракосочетания великой княгини и государственными делами. Сам Карамзин считал издание «Истории» делом не личным, а государственным и, не скрывая обиды, сообщал в письмах к жене, что его «держат здесь бесполезно и почти оскорбительным образом». Он демонстративно говорил «всем», что имеет «одну мысль — об отъезде». Наконец, написал жене, что около 10 марта собирается просить обер-гофмейстера о дозволении вернуться в Москву, к семье.

Тем временем граф Н. П. Румянцев, широко финансировавший исторические разыскания, публикацию исторических исследований и документов, предложил Карамзину, в случае отказа Александра I, издать на его средства «Историю» с единственным условием — поместить на титульном листе графский герб. В эти тяжелые для себя дни Карамзин решил все же отклонить столь лестное предложение, которое было бы большой честью для любого другого историка того времени. Он считал, что «честь» государственного историографа не позволяет печатать его труд на средства «частного лица», хотя и бывшего в недавнем прошлом государственным канцлером и министром. В письме жене он писал категорически: «Я рад, что у нас такие бояре, но скорее брошу свою Историю в огонь, нежели возьму 50 тысяч от партикулярного человека. Хочу единственно должного и справедливого, а не милостей и подарков»⁴⁴.

Обстановку этого полуторамесячного ожидания импе-

раторского приема рисуют воспоминания декабриста Ф. Н. Глинки, чиновника по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче. Он считал своим долгом сообщать Карамзину «взгляды разных партий и значительных единиц» на «Историю». Как писал Глинка, «об ином Николай Михайлович уже слышал и знал, о другом догадывался, а некоторые вещи были для него еще новы. Уже обе государыни были на стороне Карамзина, многие влиятельные особы стояли за него, но все чего-то недоставало»⁴⁵. А «недоставало», как свидетельствует Глинка и о чем говорили Карамзину его петербургские друзья, рекомендации всеильного временщика Аракчеева. Карамзин об этом прекрасно знал, но не спешил заручиться его поддержкой. Между тем у самого Аракчеева могли быть основания для неприязни к Карамзину. Вероятно, он был знаком с «Запиской о древней и новой России», где было высказано немало нелицезных слов и в адрес военного министра, пост которого занимал одно время Аракчеев.

Однако общественное мнение и заочная слава «Истории» сделали свое дело. Аракчеев сам пригласил уже вконец отчаявшегося историка. Встреча была короткой, но многообещающей: граф заявил, что будет ходатайствовать о приеме Карамзина императором. И все решилось. По-видимому, вскоре после приема Аракчеевым О. П. Ководавлев, давний литературный товарищ Карамзина, ставший министром внутренних дел, поспешил сообщить приятные новости: «Сверх денег на издание „Истории“ и сверх чина, думаю я, будете Вы пожалованы Кавалером св. Анны 1-го класса, т. е. через плечо»⁴⁶. И действительно, 16 марта Карамзин получил аудиенцию у Александра I, который был подчеркнуто деловит в решении волновавшего историка вопроса об издании «Истории». В тот же день историограф был произведен в статские советники, пожалован орденом и получил из средств Кабинета 60 тыс. руб. на издание восьми томов своего труда. Средства от его будущей продажи поступали в распоряжение автора. Кроме того, на лето ему с семьей предоставлялся дом в Царском Селе.

Несомненно, это был своеобразный политический жест императора, даже не прочитавшего в то время труд Карамзина. И он оказался верным. Щедрость Александра I произвела впечатление. И. И. Дмитриев много лет спустя

вспоминал, что «ни один из наших монархов не награждал с таким блеском авторские заслуги и ни один из наших писателей не был отличен столь почестью»⁴⁷. Поток «милостей» поразил современников. Как о сенсационной новости об этом сообщал даже в Лондон графу С. Р. Воронцову его петербургский корреспондент Н. М. Лонгинов⁴⁸.

В конце марта и в апреле в журналах появились объявления о завершении Карамзиным работы над восемью томами «Истории»⁴⁹. В мае семья историографа переехала в Петербург. Лето прошло в работе по подготовке рукописи к печати и в поисках типографии. Карамзин сообщал в июне друзьям, что «часто сидит с пером в руках». В августе он взялся пересматривать «ноты» — примечания к труду, тревожась, что они могут показаться «скучными» читателям. Тогда же он, очевидно, редактировал и свое «Предисловие». Об этом вспоминал А. С. Пушкин в письме к брату в 1824 г.: «Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие „Истории“ Карамзина. При мне он ее и переменил»⁵⁰. В пушкинском изложении эти строки очень близки «Мыслям об истории», написанным Карамзиным еще в 1800 г.: «Что Библия для Христиан, то История для народа»⁵¹. Это один из немногих известных примеров «автоцензуры» историографа, о чем размышлял Пушкин: «...государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности»⁵². Опасаясь недовольства деятелей церкви сравнением исторического сочинения и Библии, историограф посчитал за благо изменить эту (и только ли одну эту?) фразу.

Переговоры с типографщиками оказались делом нелегким: то не удовлетворяла высокая цена за печатание, то качество набора. сетования на это встречаем не только в переписке Карамзина. О том же писали и другие современники, с нетерпением ожидавшие выхода «Истории», в частности лицейский товарищ Пушкина А. М. Горчаков. В его письме имеется и интересное сообщение о том, что «некоторые из наших [т. е. лицейстов], читавшие из нее [«Истории»] отрывки, в восхищении»⁵³. Круг читателей-слушателей труда Карамзина, таким образом, продолжал расширяться до выхода его из печати. Историограф уже

был готов махнуть рукой на бесплодные переговоры с петербургскими книгоиздателями и возвратиться в Москву, где находилась хорошо известная ему типография С. А. Селивановского, одна из лучших в России. С этим издателем он начал переговоры, однако Александр I снова сделал широкий жест. По словам Карамзина, император без просьбы с его стороны «велел» печатать «Историю» в типографии Главного штаба, причем на тех условиях, которые могут устроить историографа.

Но и это распоряжение не устранило всех препятствий на пути карамзинского труда к читателю. Типография, по выражению историка, «смотрела медведем», «делала всякие досады». В уже упоминавшемся письме Лонгинова к Воронцову в Лондон приводятся яркие подробности переговоров историографа с типографией. «Недавно, — писал он, — я присутствовал на последнем урегулировании, сделанном Карамзиным и Закревским по изданию I тома „Истории“. Закревский особенно старательно заботился, чтобы выбрать мерзейшего качества бумагу и наиболее черную, на том основании, что она стоит только 13 рублей. Эта скупость меня возмутила»⁵⁴. Вскоре прибавились и новые «досады». То не было достаточного количества бумаги, то оказались малы типографские станки. Набор шел медленно. Отсутствовало необходимое количество шрифта, почему примечания к первым томам пришлось набирать разными шрифтами, корпусом и петитом. Только в начале октября стала поступать корректура первого тома.

Однако неожиданно после этого набор был остановлен генералом А. А. Закревским, потребовавшим цензурного разрешения. Письмо Карамзина к министру народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицыну от 14 октября 1816 г. отразило этот примечательный факт, связанный с изданием «Истории». Историограф, ссылаясь на высочайшее повеление и на то, что академики и профессора не отдадут своих сочинений в публичную цензуру, просил помощи в освобождении его труда «от плена татар». Государственный историограф, писал он, «должен разуметь *что* и *как* писать; собственная его ответственность не уступает цензурской, надеюсь, что в моей книге нет ничего против веры, государя и нравственности, но, может быть, что цензоры не позволят мне, например, говорить свободно о жестокостях царя Ивана Васильевича».

ча. В таком случае, что будет История»⁵⁵. Письмо возымело надлежащее действие: 23 октября Голицын сообщил, что император «высочайше указать соизволили печатать оную [«Историю»] без цензуры, каковая высочайшая воля сообщена уже мною кому следовало для исполнения»⁵⁶.

В конце месяца Карамзин по-прежнему жаловался, что «История печатается худо и весьма худо». Для ускорения издания он передал сначала второй, а затем и ряд других томов в типографии Медицинского департамента и Сената. К весне 1817 г. в наборе было уже шесть томов, но только в мае был полностью напечатан первый том «на простой белой бумаге». Издание «веленевых экземпляров» еще не было завершено. Выходящие тома посылались Дмитриеву с просьбой их «никому не давать» и сообщать «дружеские замечания». Судя по письмам Карамзина, его друг сделал ряд замечаний, преимущественно литературного характера. Историограф отвечал: «Винюсь: едва ли не умышленно отступал я от *формы* в дедикции, для *краткости!*» В первых трех томах скоро обнаружился типографский брак, поэтому отдельные страницы пришлось перепечатывать заново. По словам Карамзина, эти «вставные листочки» доставляли ему много хлопот.

Еще летом 1816 г. историограф попытался продолжить работу над очередным томом «Истории», но потом жаловался, что, переехав в Петербург из Царского Села, «не прибавил ни строки к IX тому!». Заботы по изданию отнимали все свободное время. К тому же Карамзин отвлекался и другими делами. Он не оставлял мысли добиться права на подготовку истории Отечественной войны и осенью 1816 г., по-видимому, подал записку об этом Александру I⁵⁷. О непосредственной реакции на нее ничего не известно. Но о решении императора можно судить по косвенным данным. В ноябре этого года А. Жюмини, известному французскому военному теоретику и историку, перешедшему на русскую службу, было поручено подготовить на французском языке описание военной кампании 1812—1815 гг., уделив преимущественное внимание зарубежным походам русской армии. Намерения Карамзина подробно рассмотреть причины наполеоновских войн и сосредоточиться на «достопамятной кампании» 1812 г., изобразив подвиги русской армии в Германии и во Франции «краткими, но сильными чертами»⁵⁸,

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

Изданіе второе, исправленное.

Издано въ Москвѣ у братьевъ Сениныхъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Греча.

1818.

*Титульный лист I тома второго издания
«Истории государства Российского»
(1818 г.)*

расходились с замыслами Александра I, рассчитывавшего па прославление своей роли освободителя Европы. В следующем, 1817 г. Карамзин потратил «несколько времени» на составление для императорской семьи «Записки о московских достопамятностях», где в остропублицистической форме затронул ряд злободневных проблем общественной жизни России после войны 1812 г.

В конце 1817 г. журнал «Сын Отечества» объявил, что «Русская история» Карамзина будет отпечатана «месяца через два» и желающие могут на нее подписаться. Редактор журнала счел необходимым опровергнуть толки «невещд», думавших, что «История» «написана тем же самым слогом», как «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и другие ранние повести Карамзина. В номере, подписанном 4 января 1818 г., читатели извещались о выходе в свет восьми томов⁵⁹. 28 января Карамзин написал Дмитриеву о своей поездке в Москву к находившемуся там императору, чтобы поднести ему свой труд. А в известиях «Сына Отечества», датированных 1 февраля, уже объявлялось о продаже «Истории» «в Захарьевской улице, близ Литейного двора, в доме Баженова, во флигеле у комиссионера Александра Косматова». В следующем номере появилась и первая, пока еще краткая, печатная оценка труда, предваряющая бурную полемику, вскоре развернувшуюся на страницах русской периодики и в обществе⁶⁰.

Читательский и книготорговый успех «Истории» хорошо известен. Ярче всего передают своего рода ажиотаж, который охватил русское общество, знаменитые строки Пушкина. Дмитриев сообщал в Варшаву князю Вяземскому: «История нашего любезного историографа у всех на руках и на устах: у просвещенных и профанов, у словесников и словесных, а у автора уже нет ни одного экземпляра. Примерное торжество русского умоделия»⁶¹. Огромный для того времени тираж серьезного исторического сочинения — 3 тыс. экземпляров — был реализован меньше чем за месяц. Это «беспримерное» явление поразило современников и даже самого автора. Исторические исследования в те годы выходили тиражом от 300 до 1200 экземпляров, обычный же тираж составлял около 600 экземпляров. Чаще всего и такие тиражи расходились далеко не полностью, в том числе и образцовые научные исследования участников Румянцевского кружка⁶². Цена издания — 55 руб. за восемь томов — приблизи-

тельно соответствовала средним ценам на книжном рынке России 1810—1820 гг. Вскоре достать «Историю» можно было только «с великим трудом и за двойную почти цену»⁶³.

Этот феномен объясняется тем, что труд Карамзина нашел читателя во всех слоях образованной части русского общества. Его с жадностью читали не только взрослые, но и юные читатели. Об этом вспоминал декабрист Н. В. Басаргин, учившийся в Московском училище колонновожатых⁶⁴⁻⁶⁵. Конечно, основным читателем были дворяне, но на «Историю» подписалось немало купцов, хотя большинство из них были книготорговцами и приобретали «Историю» главным образом для перепродажи. Среди подписчиков оказались и читатели из народа. Об этом не без удивления писал Карамзин 27 февраля 1818 г. В. Н. Каразину: «Вообразите, что в числе сибирских подписчиков [подписчиков] были крестьяне и солдаты отставные!», объясняя такой интерес к своему сочинению «любопытством публики или успехами нашего образования»⁶⁶. Хотя, вероятно, основная часть тиража поступила в непосредственную продажу в Петербурге, география подписки на первое издание оказалась необычайно широкой. В декабре 1817 г. насчитывалось уже свыше 400 «иногородних» подписчиков (без Москвы). 50 экземпляров выписали в Иркутске и 2 — в Париже. Не менее 25 экземпляров закупило Министерство иностранных дел для рассылки в русские посольства и миссии за границей⁶⁷.

Тираж первого издания не смог полностью удовлетворить спрос. Сверх него были получены заявки еще на 600 экземпляров, поэтому в апреле 1818 г., по предложению петербургских книготорговцев братьев Слѣниных, Карамзин продал им за 50 тыс руб. права на второе издание с рассрочкой выплаты на пять лет. Он писал, что пошел на это «неохотно», скептически оценивая перспективы сбыта второго издания. В целом оба издания принесли и должны были еще приносить несколько лет доход, успокоив «экономическую заботливость» историографа.

В мае 1818 г. в известной петербургской частной типографии Н. И. Греча начали набирать второе издание. Снова Карамзин занялся корректурами, одновременно проводя существенную стилистическую правку «Истории», внося дополнения, устраняя фактические ошибки, обнаруженные друзьями и доброжелательными критиками

К. Ф. Калайдовичем, А. Ф. Малиновским, З. Я. Ходаковским и другими современниками. Первые три тома второго издания вышли в свет уже в 1818 г., последний, восьмой — в начале 1821 г. На это издание также объявлялась подписка. Продажа книги производилась не только в Петербурге, но и в Москве и Киеве, где она стоила дороже, от 75 до 85 руб. Реализация «Истории» оказалась уже не столь успешной. Часть тиража «осела» у Слённых и была окончательно распродана только после их смерти (правда, имеется свидетельство, что из 3000 экземпляров второго издания, «несмотря на дорогую цену», у книгопродавцев осталось всего сотни две с небольшим)⁶⁸.

Вскоре к этим издательским хлопотам добавились новые. Сразу же после выхода в свет первых восьми томов первого издания известный немецкий писатель и драматург А. Коцебу опубликовал перевод отрывков из «Истории» в издававшемся им журнале «Literarisches Wochenblatt»⁶⁹ и обратился к Карамзину с предложением перевести на немецкий язык весь его труд. Почти одновременно аналогичное предложение поступило от французских литераторов Фюсси-Лаисне и А. Жюльена. К переводу на французский язык «Истории» приступили и два французских педагога, живших в России, — Сен-Тома и Жоффре. Их перевод начал выходить в свет в Париже в 1819 г.⁷⁰ На немецкий язык «Историю» изъявил желание перевести брауншвейгский писатель Д. В. Солтау, но историограф предпочел дать разрешение на такой перевод (со второго издания) директору Царскосельского лицея Ф.-Л.-А. Гауеншильду и учителю немецкого языка в Благородном пансионе при Лицее В. А. Эртелю (двоюродному брату поэта Е. А. Баратынского). В работе принимал участие также писатель, переводчик и журналист А. Ольдекоп. Перевод начал выходить в Риге с 1819 г.⁷¹

В августе 1818 г. Карамзин писал Дмитриеву: «Не знаю, куда деваться от переводчиков моей „Истории“, немецких и французских: я не искал их»⁷². Беспокоясь за точность передачи своих мыслей, он решил принять посильное участие в работе над переводами. По совету историка, во французское и немецкое издания были внесены изменения, особенно в «Предисловие». В 1820-е годы полностью или частично труд Карамзина переводился на итальянский⁷³ и китайский⁷⁴ языки. «История» издавалась на славянских языках — сначала на польском⁷⁵,

а в 1826 г. известный сербский общественный деятель Г. Магарешевич, напечатав свой перевод третьей главы первого тома труда Карамзина, предложил издать все тома ⁷⁶. Подобного успеха за рубежом до этого не знало ни одно сочинение русского историка.

Общественный и литературный резонанс первых восьми томов «Истории» в России и за рубежом оказался настолько велик, что даже Российская Академия, давний оплот литературных противников Карамзина, вынуждена была признать его заслуги. В июле 1818 г. историограф был избран в ее состав на «упалое место» (т. е. вместо умершего Г. Р. Державина). 5 декабря по предложению президента академии А. С. Шишкова Карамзин выступил с речью на торжественном годичном собрании Академии. Высоко оценив предшествующую деятельность Российской Академии, он предложил ее членам сосредоточить усилия на «систематическом образовании» русского языка, критическом обзоре российской словесности, воспитании вкуса, «ума и чувства народного», развитии самобытности в отечественной литературе ⁷⁷.

Читательский успех первых восьми томов «Истории» придал Карамзину новые силы для дальнейшей работы. Но условия, в которых он раньше жил и писал свой труд, изменились. «Затворничество» историка кончилось. Огненные имя и труд Карамзина на долгие годы стали сопровождать журнальная полемика, споры, эпиграммные битвы. «Тишины» и уединения не было ни в петербургской квартире, ни в Царском Селе. Тяготила близость к царскому двору. «Я не придворный!» — не раз заявлял в переписке Карамзин. В разговорах с глазу на глаз с Александром I он не скрывал своего критического отношения ко многим мероприятиям и решениям правительства, в духе «Записки о древней и новой России» ⁷⁸. А после подачи в 1819 г. императору еще одного публицистического сочинения «О Польше» и многочасового спора с ним Карамзин посчитал, что «навек» расстался с Александром I. Но до разрыва вновь не дошло.

А работа над продолжением девятого тома «об Ивашке», которую историограф с нетерпением предвкушал еще в 1811 г., затянулась. В письмах Карамзин не раз жаловался, что том лишь «изредка пишется», «в месяц не прибавил ни строки». И одновременно он не мог освободиться от сомнений в возможности его издания. «В самом деле, —

писал историк Дмитриеву, — мне трудно решиться на издание 9-го тома: в нем ужасы, а цензурою моя совесть. Я говорил об этом с *Государем*: он не расположен мешать исторической откровенности, но меня что-то останавливает. Дух времени не есть ли ветер? А ветер переменяется. Вопреки твоему мнению, нельзя писать так, чтобы невозможно было прицепиться» ⁷⁹.

Карамзин вновь рискнул устроить публичное чтение уже девятого тома «Истории». Поводом стало награждение его золотой медалью Российской Академии. 8 января 1820 г. он больше часа читал «о перемене Иоаннова царствования, о начале тиранства, о верности и геройстве россиян, терзаемых мучителем». Чтение произвело огромное, но неоднозначное впечатление, особенно в официальных кругах. Присутствовавший на заседании митрополит Филарет вспоминал: «Читающий и чтение были привлекательны, но читаемое страшно». Он считал, что история выполнила бы свою обязанность, осветив лишь лучшую часть царствования Грозного, а не рисовала бы «многими мрачными, резкими чертами» русского царя ⁸⁰.

В 1820 г. работа по подготовке второго издания закончилась и Карамзин смог полностью посвятить себя описанию царствования Ивана IV, мечтая завершить его к лету. Переписка с директором Московского архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновским, его добросовестным помощником, заполнена в этот год просьбами прислать новые и новые источники. В Петербург почти каждый месяц прибывали ящики с «архивскими бумагами». В июне 1820 г. Карамзин приступил к описанию истории присоединения Сибири. «Пишу о *твоем* Герое Ермаке, — сообщал он Дмитриеву, — но жалуюсь на худые материалы: ищю и не нахожу ничего характерного; все бездушно, — а выдумывать нельзя» ⁸¹. К счастью, усилия Карамзина по розыску новых источников увенчались успехом: в библиотеке графа Н. П. Румянцева и в коллекции историка Г. И. Спасского обнаружили сибирские летописи.

Работа над девятым томом благополучно пошла к завершению. В сентябре на него была объявлена подписка ⁸². Однако вновь встал вопрос о цензуре. Новый министр внутренних дел В. П. Кочубей потребовал цензурного разрешения на издание, но, ознакомившись с письмом Голицына 1816 г. о «высочайшем распоряжении»,

9 ноября сообщил Карамзину, что «дано уже содержанию типографии господину Гречу надлежащее указание»⁸³.

В январе 1821 г. рукопись была передана в типографию, а 21 мая девятый том поступил в продажу по цене 15 руб. Вместе с первыми восемью томами второго издания он стоил 87 руб. в Петербурге, 95 — в Москве и 100 руб. — в других городах. Общественный резонанс девятого тома был не меньший, если не больший, чем первых восьми томов. Декабрист Н. И. Лорер в своих воспоминаниях передал слова одного из очевидцев, который говорил, что «в Петербурге оттого только такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного»⁸⁴. Многие современники считали этот том лучшим из всех написанных к тому времени: по стилю, усилению эмоционального, литературно-художественного начала. Здесь преодолеваются «летописные» стилиевые тенденции прозы первых томов, их внутренняя замкнутость, изолированность отдельных фрагментов текста⁸⁵. Изменяются и акценты в историческом повествовании. В центре внимания историка теперь оказывались русские государи-тираны, по его словам, «бедствие для человечества».

Заканчивая том об Иване IV, Карамзин уже торопил Малиновского с присылкой материалов для следующего. Он «спешил к цели», желая «посадить Романова на трон и взглянуть на его потомство до нашего времени, даже произнести имя Екатерины, Павла и Александра с историческою скромностью»⁸⁶. В первых числах марта 1821 г. «несколько строк» десятого тома было уже написано. В августе Карамзин «весь в Годунове» («вот характер исторически-трагический!»), в сентябре пишет об «убиении Дмитрия». Томимый предчувствиями близости смерти, он торопит себя и добровольных помощников: «... ибо могу умереть или сделаться неспособным к работе; могут перемениться и обстоятельства, а не худо, по моему удостоверению, чтобы вышло еще тома два моей „Истории“»⁸⁷.

Круг «соревнователей» — историков и коллекционеров, почитавших за честь сообщить Карамзину новые интересные рукописи, документы, уточнить факты, — все эти годы расширялся. Появилась и техническая подмога. В Остафьеве текст «Истории» переписывала жена историкографа. В Петербурге в этом помогали чиновники,

присланные А. И. Тургеневым, а в переводах — К. С. Сербинович.

Новый 1822 год Карамзин встретил в работе над историей «Феодорова царствования», а осенью приступил к описанию событий Смутного времени («голод, разбои и явление Самозванца: это ужаснее Батыева нашествия»). Историкограф рассчитывал закончить десятый том зимой 1822/23 г., и 30 октября он поделился с Дмитриевым своими размышлениями: «Лучше, кажется, дописать историю Самозванца» и тогда уже «выдать» полную историю Смуты, т. е. десятый и одиннадцатый тома вместе. Несмотря на возражения друга, Карамзин, завершив подготовку десятого тома в январе 1823 г., отложил его издание до осени. И на этот раз историк не упускал возможностей для публичного чтения отрывков из написанного. В октябре 1822 г. глава об избрании на царство Бориса Годунова читалась в присутствии Марии Федоровны («вместо главы из романа Вальтер-Скотова»), и «гатчинское общество не дремало». А 14 декабря следующего года состоялось чтение в Российской Академии глав о смерти царевича Дмитрия и об избрании Годунова. Если не обеспокоенный, то уж, во всяком случае, заинтригованный толками о содержании этого тома, Александр I напомнил о своих правах «державного цензора». В декабре 1822 г. Карамзин сообщал Дмитриеву, что император «записал» свои замечания на десятый том, а в сентябре и ноябре следующего о том, что он «опять» взял в дорогу «несколько тетрадей» о Годунове и «Расстриге». Они задержались у Александра I, почему их пришлось переписывать для набора в типографии в январе 1823 г.⁸⁸

Три или четыре «выражения» историкографа вызвали у императора «некоторые сомнения... о их правильности», но о содержании его замечаний можно судить только по отрывочным данным, так как Александр I считал «неудобным» сообщить их в письме⁸⁹. Некоторые из них касались сюжетов, имевших острое политическое звучание. Об одном из таких замечаний историкограф сообщил Дмитриеву, рассчитывая, что старый друг поймет его с полуслова. Дело в том, что описание царствования Федора Ивановича некоторыми своими чертами напоминало первые годы правления Александра I. И слабовольный Федор мог вызвать у читателя ассоциации с Александром I, а путь к власти Бориса Годунова — с положением

и карьерой М. М. Сперанского до его падения в 1812 г. В 1820-х годах император все больше увлекался мистицизмом, а на правительственный курс оказывало сильное влияние реакционное духовенство во главе с петербургским митрополитом Серафимом и настоятелем новгородского Юрьева монастыря Фотием. Отношение Карамзина к «мистической вздорологии», над которой он смеялся «про себя», было однозначно отрицательным. И потому, вряд ли случайно в тексте десятого тома «Истории» появилась фраза о том, что «слабый Федор должен был зависеть от вельмож или монахов». Царю преподносился «урок» истории. И это не прошло мимо внимания Александра. «Последнее,— писал он, по словам историографа,— не оскорбит ли нашего черного духовенства?» В печатном тексте это место чуть изменено, но основной смысл фразы сохранен. По «высочайшим замечаниям» Карамзин взялся сделать поправки только в двух местах, отстаивая свою точку зрения в других. Он писал Александру I: «Следуя вашему милостивому замечанию, я с особенным вниманием просмотрел те места, где говорилось о поляках, союзниках Лжедмитрия; нет, кажется, ни слова обидного для *народа*, описываются только худые дела лиц и так, как сами польские историки описывали их или судили: ссылаюсь на 522 примечание... Я не щадил и русских, когда они злодействовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя ляхов для того, что оно короче, приятнее для слуха и в сие время (то есть в XVI и в XVII вв.) обыкновенно употреблялось в России»⁹⁰.

Во время работы над десятым томом «Истории» Карамзин уже отчетливо представлял структуру оставшейся части своего труда. Десятый том посвящался царствованию Федора Ивановича и включал главу о состоянии России в XVI в., одиннадцатый должен был освещать правления Бориса Годунова, Лжедмитрия и избрание Василия Шуйского на трон. Последний, двенадцатый, том намечалось посвятить рассказу о царствовании Шуйского, междуцарствию в начале XVII в., избранию на царство Михаила Романова. Дальше, писал Карамзин, «*сюр d'oeil* [взгляд] до наших времен, для роскоши»⁹¹.

В ноябре 1823 г. десятый и одиннадцатый тома были сданы в типографию Н. И. Греча (хотя еще дописывались примечания «к Самозванцу»). Недовольный медленным по-

ступлением платежей от Слёниных, Карамзин решил издавать их за свой счет. Снова пошли корректуры и остановилось написание очередного тома. В начале марта оба тома были напечатаны и вскоре поступили в продажу «на Моховой улице в доме Межуева у комиссионера Афанасия Иванова» ценою, в зависимости от качества бумаги, по 20 и 30 руб. ⁹².

О распродаже этих томов существуют противоречивые известия. 14 марта 1824 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина Истории. Уже 900 экземпляров в три дня продано». Но уже 25 марта он сообщал своему корреспонденту о том, что Карамзин «очень огорчен холодным разбором его двух томов и в досаде говорил, что перестанет писать Историю. Вообрази себе, что по четыре, по пяти экземпляров в день разбирают... Он принужден уступать на срок книгопродавцам» ⁹³. 13 июня сам историограф сообщал Дмитриеву: «История моя худо продается; говорят, что все худо продается». Судя по словам Карамзина, что он будет писать двенадцатый том «для двух тысяч современников», к середине 1824 г. было продано именно столько экземпляров десятого и одиннадцатого томов ⁹⁴. Оставшуюся часть тиража он был вынужден сдать на комиссию в книжные лавки Л. Л. Свешникова, И. В. Слёнина, И. И. и М. И. Заикиных по 50—100 экземпляров со скидкой 4% с рубля (обычная же книготорговая скидка в те годы была не меньше 10—15%) ⁹⁵.

Таким образом, несмотря на высокую оценку этих томов Пушкиным, А. Бестужевым, Д. И. Языковым и другими современниками, книготорговый (и читательский) успех последних томов снизился. Но это на фоне феноменального интереса к первым восьми томам. Сказался, видимо, и общий спад в книготорговом деле. Только одна книжная новинка — декабристский альманах «Полярная звезда» — произвела сенсацию в читательском мире в 1823—1824 гг.. «В три недели раскуплено 1500 экземпляров — единственный пример в русской литературе, ибо, исключая Историю Гос. Российского г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не знал подобного успеха», — говорилось в «Литературных листках» ⁹⁶. Об этом не без доли ревности сообщал и сам Карамзин: «Мало надежды, чтобы и два тома „Истории“ поправили наши финансы: книги не продаются, кроме „Полярной звезды“».

В 1824 г. историограф получил «повышение за Годунова и Самозванца» — пожалован в действительные статские советники. В октябре он закончил вторую главу двенадцатого тома (о Шуйском), оставалось, по его словам, «еще главы три с обзорением до нынешнего времени, и поклон всему миру...»⁹⁷. В марте 1825 г. была готова третья глава, но Карамзин спешил и решился даже не писать примечаний, «чтобы скорее управиться с текстом». К середине декабря были завершены четыре главы и начата пятая. «Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега», — писал Карамзин.

Смерть Александра I и восстание декабристов отодвинули работу над историей. 14 декабря Карамзин на Сенатской площади снова наблюдал важнейшее событие современности, решительно осудив его участников, в числе которых находились и хорошо знакомые ему люди. Простудившись на улице в день восстания, историограф только 11 января 1826 г. снова начал «заниматься делом, т. е. историей». Но врачи уверяли, что надежду на выздоровление может дать только Италия. Постоянная «экономическая заботливость» Карамзина не принесла твердого материального достатка, и для поездки на лечение и жизни за границей у него не оказалось необходимых средств. Выходом из этого положения казалось место русского дипломатического представителя во Флоренции. В прошении на имя нового царя Карамзин писал, что как государственный историограф он не получал жалованья от государства⁹⁸. Николай I между допросами декабристов и предстоящими казнями счел необходимым проявить подчеркнутое «благоволение» к Карамзину и в своей щедрости превзойти покойного брата. Историографу (а в случае его смерти его семье) выделялось по 50 тыс. руб. в год и предоставлялся специальный фрегат для выезда за границу. Понимая политическую подоплеку этого решения, Карамзин в письме с благодарностью Николаю I не удержался от замечания, что оказанное ему «благоденствие выше меры»⁹⁹. Отказаться от царских милостей его удержали жена и А. И. Тургенев, которым он отвечал: «Это значит, что я должен умереть»¹⁰⁰. И спустя неделю его не стало.

Собираясь в Италию и надеясь дописать там две главы последнего тома, Карамзин обращался к министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде с просьбой

сохранить за ним «книги и бумаги» из архива министерства ¹⁰¹. Тогда же он поручил Д. Н. Блудову вести все дела по будущему изданию двенадцатого тома. После смерти историографа для подготовки рукописи к печати был привлечен Сербинович. Им были составлены примечания к этому тому по указаниям Карамзина в черновой рукописи, после чего они были просмотрены и сличены с текстом «Истории» Блудовым. Все это задержало издание последнего тома, отданного в типографию осенью 1828 г. и вышедшего из печати лишь весной следующего ¹⁰².

С выходом двенадцатого тома «Истории государства Российского» начался новый этап в судьбе труда Карамзина. Он становился классикой отечественной науки и культуры. Умножалось число переизданий, рассчитанных на разные слои русского общества, «для народного блага» печатались отдельные главы «Истории», ширился круг зарубежных читателей, знакомившихся с исторической прозой Карамзина. Последнее издание всех томов «Истории» вышло в 1915 году для массового читателя (без примечаний) в серии «Классическая библиотека» к 150-летию со дня рождения историка. В этой связи Академия Наук приняла решение опубликовать все произведения и часть переводов Карамзина. В 1914 году А. А. Шахматов в письме к президенту Академии сообщал, что «первое место в предложенном издании должно быть... отведено „Истории Государства Российского“ и другим историческим трудам великого историографа, до сих пор не появлявшимся в критико-научных изданиях». Их подготовку к печати начал В. С. Иконников. Но Министерство финансов, ввиду начавшейся войны, отказалось выделить средства «на нужды не являющиеся безусловно неотложными». И Академия решила вернуться к этому проекту «по миновании обстоятельств военного времени» ¹⁰³. В 1917 году она сумела выпустить первый том литературных произведений Карамзина. После Октябрьской революции однозначное восприятие «Истории государства Российского» как сочинения реакционно-монархического на долгие десятилетия закрывало ей путь к читателю.

¹ Копии с высочайших указов и грамот Н. М. Карамзину // Сын Отечества (далее — СО). 1816. Ч. 28. № 12. С. 238. Вопрос о денежном «пенсione» Карамзина остается неясным. Сам он ут-

верждал в письме Николаю I от 22 марта 1826 г., что «назывался Государственным историографом, но не получал никакого жалования от государства и никаких денежных наград, кроме суммы, выданной мне в 1816 году из Кабинета для платежа типографщикам... и кроме двух тысяч пенсии (ассигнациями), определенной мне, как почетному члену Московского университета» (Император Николай Павлович и Карамзин: Их переписка // Рус. архив. 1906. № 1. С. 123).

² Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 251.

³ Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в.: XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 28—32.

⁴ Карамзин Н. М. Рассуждение философа, историка и гражданина // Моск. ведомости. 1795. 5 дек. № 97. С. 1836.

⁵ Он же. Наталья, боярская дочь // Моск. журнал. 1792. Ч. VIII. С. 13.

⁶ Погodin М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 2. С. 1.

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252.

⁸ Высказывается аргументированное предположение о том, что рукопись «Писем» к концу 1792 г. «еще не существовала в окончательном виде и Н. М. Карамзину не совсем ясен был объем произведения» (Марченко Н. А. История текста «Писем русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 608).

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. VII. С. 134.

¹⁰ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 203.

¹¹ Он же. Сочинения. Пг., 1917. Т. I. С. 276.

¹² Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // Москвитин. 1845. Ч. 1. № 1. С. 1.

¹³ Переписка Н. М. Карамзина с 1799 по 1826 год // Атеней. 1858. Ч. 3. № 20. С. 252.

¹⁴ Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву. С. 2.

¹⁵ Адельунг Ф. П., Шторх А. К. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия — с 1801 по 1806 г. СПб., 1810—1811.

¹⁶ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 338—346.

¹⁷ Шевырев С. П. История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею [1755—1855]. М., 1855. С. 266—268.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 405. Д. 1.

¹⁹ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 303—304.

²⁰ Строев В. Н. Столетие собственной его имп. величества Канцелярии. СПб., 1912. С. 17—18.

²¹ Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву. С. 2.

²² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252—253.

- ²³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 281.
- ²⁴ См. примеч. 222 к третьему тому «Истории государства Российского».
- ²⁵ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин. С. 26.
- ²⁶ Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву. С. 13—16.
- ²⁷ Письмо Н. М. Карамзина к статс-секретарю Н. Н. Новосильцеву // *Москвитянин*. 1847. Ч. 1/2. С. 139—140.
- ²⁸ Переписка Н. М. Карамзина с 1799 по 1826 год. Ч. 3. № 23. С. 475.
- ²⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 141, 144, 153, 165.
- ³⁰ *Булгаков А. Я.* Воспоминание о 1812 годе и вечерних беседах у гр. Федора Васильевича Ростопчина // *Старина и повизна*. 1904. Кн. 7. С. 503—505.
- ³¹ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806—1826) // *Рус. старина*. 1898. Т. 97. № 1. С. 237.
- ³² Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Ивановичу Бегичеву. М., 1860. С. 3.
- ³³ Н. М. Карамзин в переписке с имп. Марией Федоровной // *Рус. старина*. 1896. № 10. С. 33.
- ³⁴ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // *Рус. старина*. 1898. Т. 97. № 2. С. 465.
- ³⁵ *Карамзин Н. М.* Сочинения. Пг., 1917. Т. I. С. 305—318, 478—480.
- ³⁶ *Полторацкий С. Л.* Русские биографические и библиографические летописи // *Сев. пчела*. 1846. № 2; ОР ГБЛ. Ф. Полторацкого. Карт. 1. Д. 59. Л. 1 об.
- ³⁷ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу. № 2. С. 468.
- ³⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 305—306; *Погодин М. П.* Ход исторических работ Карамзина в Петербурге, 1819—1826. М., 1865. С. 3.
- ³⁹ [*Голстая М. Н.*]. От издательницы // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. VIII. *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 254 и др.
- ⁴⁰ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 6.
- ⁴¹ Переписка Н. М. Карамзина с 1799 по 1826 год. // *Атеней*. 1858. Ч. 3. № 25. С. 604.
- ⁴² Письма Н. М. Карамзина к его супруге из Петербурга в Москву 1816 г. // *Рус. архив*. 1911. № 8. С. 569.
- ⁴³ *Стурдза А. С.* Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // *Москвитянин*. 1846. Ч. 5. С. 147.
- ⁴⁴ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. С. 143.
- ⁴⁵ *Глинка Ф. Н.* Мои воспоминания о Карамзине // *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С. 249.
- ⁴⁶ ЦГИА СССР. Ф. 951. Оп. 1. Д. 14.
- ⁴⁷ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 240.
- ⁴⁸ Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 23. С. 375—376.
- ⁴⁹ См., напр. СО, 1816. Ч. 28. № 12. С. 239.
- ⁵⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. X. С. 113.
- ⁵¹ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. С. 205.
- ⁵² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. VIII. С. 68

- ⁵³ Красный архив. 1936. № 6 (79). С. 193.
- ⁵⁴ Архив князя Воронцова. С. 375—376.
- ⁵⁵ Записка Н. М. Карамзина к неизвестному лицу // Рус. архив. 1866. № 11/12. С. 1765—1766; 1899. № 4. С. 234.
- ⁵⁶ ЦГИА СССР. Ф. 951. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ⁵⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 199, 217, 220.
- ⁵⁸ Письмо Д. В. Дашкова к Д. Н. Блудову и К. Н. Батюшкову от 28 октября 1814 г. // Пигарев К. В. Неосуществленный замысел Н. М. Карамзина // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 293. *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 163; *он же.* У истоков русской историографии 1812 года // История и историки: Историко-графический ежегодник. 1978. М. 1981. С. 80—84.
- ⁵⁹ СО. 1817. Ч. 41. № 40. С. 78; 1818. Ч. 43. № 1. С. 3—4.
- ⁶⁰ Там же. 1818. Ч. 43. № 5. С. 225; № 6. С. 251—252.
- ⁶¹ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810—1836 годов. СПб., 1898. С. 11.
- ⁶² *Гарелин Н. Ф.* Русское книжное издательство в начале XIX в. // Книга в России. М., 1925. Т. 2. С. 27—98; *Формозов А. А.* Тиражи исторических изданий в первой половине XIX в. в России // Вопр. истории. 1970. № 2. С. 194—197.
- ⁶³ СО. 1818. Ч. 43. № 6. С. 251.
- ^{64—65} *Басаргин Н. В.* Воспоминание об учебном заведении для колошновожатых и об учредителе его генерал-майоре Никите Николаевиче Муравьеве // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 154.
- ⁶⁶ Быстрая распродажа «Истории» Н. М. Карамзина // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 3. С. 684.
- ⁶⁷ Сев. пчела. 1818. № 10.
- ⁶⁸ *Полевой К. А.* Записки. СПб., 1888. С. 287; *Савельев Н.* О необходимости критического издания «Истории» Карамзина // СО. 1842. Ч. 1. № 1. Отд. 1. С. 37.
- ⁶⁹ *Karamsin's russische Geschichte* // *Literarisches Wochenblatt.* Weimar, 1818. Bd. 2, N 41. S. 324—326; N 44. S. 345—348.
- ⁷⁰ *Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin. Traduite par M. M. St. Thomas et Jauffret.* P., 1819—1826. T. 1—11; Проспект издания: *Souscription. Histoire de l'Empire de Russie par M. de Karamzin. Traduite sous les yeux de l'auteur et sur la deuxièmè édition revue et corrigée.* Par. M. M. St. Thomas et Jauffret. P., 1818; То же. СПб., 1818; *Le siège de Cazan, traduit de l'Histoire de Russie de Mr. Karamsine.* Par. P. H. M. ... SPb., 1818; *Russisches historisches Lesebuch aus Karamsins Geschichte Russlands:* Сокращение российской истории Н. М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речей на немецком и французском языках, и ссылками на грамматические правила. Von A. W. Tappé. SPb., 1819; 1824. Неполный перечень переводов «Истории», вышедших до конца 1850-х годов см.: *Пономарев С. И.* Материалы для библиографии литературы о Карамзине. СПб., 1883.
- ⁷¹ *Geschichte des russischen Reiches.* Riga; Leipzig, 1820—1833, Bd. 1—11; Другое немецкое изд. см.: *Geschichte Russlands Nebst vielen Erläuterungen und zu-sätzen von Dr. August Wilhelmi Tappé.*

Nach dessen Tode vallendet von C. V. Goldbach. Dresden; Leipzig, 1828—1831. Т. 1—2.

⁷² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 239, 247.

⁷³ Storia dell'imperio di Russia, scritta dal consigliere di Karamsin. Trad di Gion Moschini. Venezia, 1820—1824. Vol. 1—8. (Пер. с фр. изд.).

⁷⁴ См. *Пештич С. Л., Циперович И. Е.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина на китайском языке // Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 125 (перевод А. Л. Леонтьева остался в рукописи). Имеются сведения о еще одном переводе на китайский язык, сделанном З. Ф. Леонтьевским в Пекине, по-видимому, в 1820-е годы, так как рукопись его Леонтьевский передал в Публичную библиотеку уже в 1835 г. См.: *Лосия Го Чжи.* История Российского государства Карамзина / Пер. на кит. яз. 3-х т.— ОР ГПБ. Ф. 745; ЛО ИВАН. Разряд 1. Д. 219. Перевод стал известен китайским читателям см.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китасведения. М., 1977. С. 136.

⁷⁵ Historiya państwa rossijskiego / Przełożona na język polski przez G. Buczyńskiego. W-wa, 1824—1830. Т. I—XII.

⁷⁶ Перевод третьей главы первого тома см.: О физическом и нравственном характере старых Славян. Вера // Сербские летописи за год 1826. II. С. 148—182. См. также: *Вулетич В. Н. М. Карамзин и литература сербского Возрождения // Сравнительное изучение литератур.* Л., 1976. С. 108—110; *Вулетич В. Н. М. Карамзин и крѣпжевност српског препода // Годшњак филозофског факултета у Новом Саду.* 1974. Књ. XVII/2. С. 1—403.

⁷⁷ СО, 1819. Ч. 51. № 1. С. 3—32.

⁷⁸ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. С. 11—12.

⁷⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 270—271.

⁸⁰ Чтения ОИДР. 1880. Кн. IV. С. 12.

⁸¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 291.

⁸² СО. 1820. Ч. 59. № 5. С. 231—232.

⁸³ ЦГИА СССР. Ф. 951. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁸⁴ *Лорер Н. Н.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 60.

⁸⁵ *Макогоненко Г. П.* Литературная позиция Карамзина в XIX веке // Рус. лит. 1962. № 1. С. 100—101; *Лузянина Л. Н.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов»: (К проблеме характера летописца) // Рус. лит. 1971. № 1. С. 49—54.

⁸⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 340.

⁸⁷ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 59.

⁸⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 343, 357, 362; Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 67.

⁸⁹ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. С. 29.

⁹⁰ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения. С. 29; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 347. Подробнее см.: *Козлов В. П. Н. М. Карамзин о Борисе Годунове: (К характеристике общественно-политических и исторических взглядов) // Общественная мысль в России XIX в.* Л., 1986. С. 19—34.

⁹¹ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 69.

⁹² СО. 1824. № 11. С. 196.

⁹³ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Ч. 3. С. 19, 26.

- ⁹⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 374, 375.
⁹⁵ Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и в XX вв. М.; Л., 1931. С. 48.
⁹⁶ Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 2. С. 61—65.
⁹⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 380—382.
⁹⁸ Рус. архив. 1906. № 1. С. 123.
⁹⁹ Там же. С. 127.
¹⁰⁰ Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. 1814—1833 год. Пг., 1921. Т. 1. Вып. 6. С. 27—28.
¹⁰¹ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 82.
¹⁰² Сербинович К. С. Николай Михайлович Карамзин // Рус. старина. 1874. № 10. С. 270—271.
¹⁰³ ЛО Архива АН СССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1005. Л. 16—17, 3, 37, 38.

В. П. Козлов

«ПРИМЕЧАНИЯ» Н. М. КАРАМЗИНА
 К «ИСТОРИИ
 ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

В противоречивом потоке мнений современников и позднейших читателей «Истории государства Российского», породивших в конце концов многолетнюю и ожесточенную полемику, можно легко обнаружить одну интересную особенность. Как бы ни были восторженны или суровы отзывы о труде Карамзина и почитателей и оппонентов автора, в целом они были единодушны в высокой оценке той части «Истории государства Российского», которая самим Карамзиным была названа «Примечаниями».

Один из наиболее активных и умных защитников Карамзина, его друг и помощник П. А. Вяземский, в течение ряда лет наблюдавший за ходом подготовки «Истории», был убежден, что Карамзин «собрал все, что относится до материалов отечественной истории», включив их в «Примечания»¹. Высоко отзывались о «Примечаниях» и такие критики «Истории», как Й. Лелевель, М. П. Погодин, Н. А. Полевой. Последний, например, писал: «Скажут, что таково было стремление времени (вводить в общественный оборот исторические источники. — В. К.), но Карамзин угадал его, Карамзин шел впереди и делал всех более»². «Примечания» ставили Карамзину в заслугу декабристы. Пушкин, характеризуя «Примечания»,

заметил, что они «свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению»³. Более того, ряд современников рассматривал «Примечания» как своеобразное самоопровержение самодержавной концепции основного текста «Истории». Об этом, например, в 1829 г. писал французский историк А. Сен-При: «Есть однакож истина, которой не мог избежать и Карамзин в своем сочинении: она выводится из событий, рассказанных без пояснений, из хартий, буквально приведенных им, из исторических документов. Ее найдут не в самом сочинении его, а в примечаниях, многочисленных и наставительных»⁴. Даже такой непримиримый критик труда Карамзина, как историк Н. С. Арцыбашев, в своих многочисленных замечаниях на основной текст «Истории» неизменно широко пользовался «Примечаниями».

Перечень примеров высокой оценки «Примечаний» современниками Карамзина можно было бы продолжить. «Примечания» стали для них добротной сводкой фактического материала по отечественной истории до начала XVII в. Свое значение они не утратили на протяжении многих десятилетий. Показательно в этом отношении замечание такого знатока книжного и рукописного материала, как Н. В. Калачов, который более чем через тридцать лет после выхода «Истории», когда на книжных полках ученых уже стояли многочисленные фундаментальные публикации Общества истории и древностей Российских, Археографической комиссии, других научных учреждений страны, тем не менее признавал: «До сих пор „История государства Российского“ составляет еще настольную книгу для всех занимающихся отечественной историей как материал, стоящий иногда наравне с самими источниками»⁵.

Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что «Примечания» Карамзина стали выдающимся явлением в отечественной историографии, уникальным фактом в русской культуре и книжности.

«Примечания», вынесенные как бы «за скобки» основного текста «Истории», значительно превышающие его объем, уже внешне сделали непохожим труд историографа ни на исторические сочинения предшествующего времени,

ни на привычный для начала XIX в. тип исторической книги. Ничего подобного в этом отношении мы не найдем и в последующей исторической литературе.

Но дело не только во внешнем отличии. Во-первых, техническое отделение «Примечаний» от основного текста для Карамзина не исключало сложной системы взаимосвязей между ними, которую в полном объеме еще предстоит выявить исследователям. Во-вторых, в такой ситуации мы вправе видеть намерение Карамзина предложить своим читателям историческое повествование на двух уровнях: художественном и научном. Историограф как бы предпринял попытку преодолеть «разделение труда» между писателем и историком. Придавая «Истории» своего рода полифоничность, «Примечания» открывали для вдумчивого читателя возможность альтернативного карамзинскому рассказу взгляда на события и людей прошлого.

В русской культурной ситуации конца XVIII — начала XIX в. авторские примечания становятся характерным явлением и для художественной и научной литературы, и для эдиционнo-текстологической практики⁶. Они все чаще стали выступать как показатель фундированности художественного или научного рассказа (ссылки на литературу, источники, разбор мнений предшественников и т. д.), как своеобразная дополнительная форма диалога автора и читателя (дополнения, пояснения основного текста), наконец, как особый вид критического разбора литературного, публицистического или научного произведения, а также аналитического комментирования древних памятников при их публикации. В этой связи важно отметить, что уже во второй половине XVIII в. отечественная историческая мысль создала в ряду исторических сочинений произведения в форме критических примечаний, представлявшие подчас постраничный разбор выходявших трудов по истории. Наиболее известными среди них стали работы И. Н. Болтина, посвященные историческим сочинениям Н.-Ж. Леклерка и М. М. Щербатова⁷.

К идее своеобразной двухчастной «Истории» Карамзин пришел не без внутреннего колебания. Уже в начале своей работы он задался вопросом: какова должна быть организация имевшегося в его распоряжении исторического материала, чтобы удовлетворить тот круг читателей, которых занимал прежде всего исторический рассказ, повествование о том, «что было», и тот более узкий, но

уже заявивший о себе слой специалистов, который не мыслит такой рассказ без доказательств того, «что было» именно так, как повествует автор. Какое-то время Карамзин полагал, что обширные «Примечания» будут читать «немногие», они могут показаться его читателям-современникам ненужными «мудрствованиями», а раз так, то, может быть, и не стоит тратить силы и время на работу над ними, ограничившись традиционно сложившейся манерой ссылок на литературу и источники. Но добросовестность исследователя, оказавшегося обладателем уникальных, в том числе ранее неизвестных, материалов, а возможно, и более широкое понимание задуманного постепенно убеждали историографа в ином. Сознвая, что «Примечания» — это «тягостная жертва, приносимая достоверности», Карамзин в конце концов решил для себя, что они должны стать необходимой составной частью его труда.

Число и объем «Примечаний» увеличивались от тома к тому. Изменялся постепенно и их характер. Если к первым томам «Истории» они включают преимущественно источниковедческие, библиографические и историографические экскурсы, то в последующих томах «Примечания» все больше становятся своеобразной хрестоматией источников по русской истории, как бы дублируют рассказ основного текста «Истории» документальными данными. В декабре 1815 г., когда восемь томов «Истории» были уже подготовлены и со всей остротой встал вопрос об их издании, Карамзин, размышляя над итогами сделанного, в предисловии к ним постарался убедить в правильности своего окончательного решения и читателей. «Если бы все материалы, — писал он, — были у нас собраны, изданы, очищены Критикою: то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, согласено — надобно вооружиться терпением»⁸. Системой сносок Карамзин соединил основной текст и «Примечания», в которых то подтверждался, то продолжался, то дополнялся подробностями из источников и литературы исторический рассказ собственно «Истории».

«Примечания» — это прежде всего обширный и разнообразный свод исторических источников, использованных Карамзиным. Свой труд историограф писал в период заметного подъема отечественной археографии, связанного

в первую очередь с деятельностью Общества истории и древностей Российских, Румянцевского кружка, отдельных энтузиастов. Разыскания, описание, издание источников начали осуществляться в небывалых до того времени масштабах, на качественно новой организационной и научной основе. Приступая к своему труду, Карамзин обладал немалым числом исторических «припасов». Во время заграничного путешествия ему удалось приобрести ряд зарубежных изданий, касавшихся и русской истории. Личная библиотека историографа стала существенным подспорьем в его работе. После ее утраты в огне московского пожара 1812 г. Карамзин потратил немало средств на создание новой (К. С. Сербинович, составивший опись библиотеки после смерти Карамзина, указывает, что в ней было свыше 400 томов⁹). К услугам историка были и другие книжные собрания: Московского университета, Московского архива Коллегии иностранных дел, императорской Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук и т. д. Книгами Карамзина снабжали и друзья — А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, А. Я. Булгаков и др. Историк собрал значительную для того времени коллекцию рукописных источников, насчитывавшую около 200 номеров (летописи, хронографы, древнерусские сказания и повести). Большая часть этой коллекции во второй половине XIX в. была передана его сыновьями в Публичную библиотеку в Петербурге и в настоящее время известна¹⁰. Ряд рукописей оказался в Ульяновском Дворце книги им. В. И. Ленина.

Как «историограф Российской империи» Карамзин получил редчайшую для того времени возможность «невозбранно пользоваться» всеми архивохранилищами страны гражданского и церковного ведомств¹¹. После переезда в Петербург он был допущен по личному разрешению Александра I даже к секретным документам Верховного тайного совета. Историк поощрял архивные поиски современников, охотно обменивался с ними своими находками¹². В процессе подготовки «Истории» Карамзину удалось познакомиться с рукописными материалами более чем сорока отечественных и зарубежных хранилищ, на большинство из которых мы найдем ссылки в «Примечаниях». Это было как заочное (через друзей и добровольных помощников), так и непосредственное изучение архивохранилищ, часто по следам архивных разысканий

предшественников (М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, А. И. Мусина-Пушкина). Такого охвата рукописных собраний не знал до этого ни один труд по русской истории, хотя нельзя признать, что историограф использовал полностью все предоставленные ему указом императора возможности (вне его внимания остались такие, например, крупные и знакомые ученым хранилища, как библиотеки Соловецкого монастыря, Новгородского Софийского собора) ¹³.

Едва ли не первым после Щербатова Карамзин предпринял сплошной просмотр всех славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. В результате историограф получил в свое распоряжение несколько сотен первостепенных источников, в том числе 17 летописей, списки Правды Русской, других памятников древнерусского гражданского и церковного права, житийной, повествовательной литературы. Другое хранилище — Московский архив Коллегии иностранных дел, благодаря помощи Карамзину со стороны его служащих, прежде всего Н. Н. Вантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского, — обогатило источниковую базу «Истории» рядом летописей, а самое главное — актовым и дипломатическим материалом. Несколько ценных источников Карамзин обнаружил в библиотеках подмосковных монастырей. Из библиотеки семинарии Троице-Сергиевой лавры он получил пергаменную Троицкую летопись, в библиотеке Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря он нашел ранее неизвестное «Хожение» Афанасия Никитина.

Многое из неопубликованного, а подчас и неизвестного до этого материала, было почерпнуто Карамзиным из частных рукописных коллекций, с владельцами которых он оказался в близких, а порой и дружеских связях. Из коллекции графа Н. П. Румянцева, насчитывавшей свыше 800 рукописей, он получил не менее десяти различных источников, в числе которых находились список Черепановской летописи, копия Вольфенбюттельского списка «Хроники» К. Буссова, материалы Кенигсбергского, Копенгагенского и других зарубежных хранилищ. Большим подспорьем в работе Карамзина стала рукописная коллекция графа Ф. А. Толстого, число рукописей в которой доходило до тысячи (в разгар подготовки «Истории» она получила прекрасное научное описание, составленное К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым). Из

этого собрания историк использовал несколько летописей (в том числе Псковскую), хронографов, повестей и сказаний. Из частной московской коллекции, принадлежавшей графу А. И. Мусину-Пушкину, Карамзин получил не менее двух десятков рукописей, в числе которых были сборник со «Словом о полку Игореве», пергаменная Лаврентьевская летопись, актовый материал, житийная литература¹⁴. Ценными рукописными источниками снабдили историографа владельцы других московских коллекций — профессора Московского университета Ф. Г. Баузе и З. А. Горюшкин, а также коломенский купец П. К. Хлебников.

О документах петербургских хранилищ Карамзина сформировали директор императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленин и его сотрудник А. И. Ермолаев. Последний, например, передал ему сборник материалов периода польско-шведской интервенции, почти целиком использованный в «Примечаниях»¹⁵. Через А. И. Тургенева Карамзин получил возможность познакомиться с Академическим списком Ипатьевской летописи, оказавшимся среди «дефектов» Библиотеки Академии наук. С именами историков Калайдовича и Строева в «Примечаниях» связаны выписки из найденных ими Судебника 1497 г., сочинений древнерусских писателей Кирилла Туровского, Даниила Заточника, произведений болгарского ученого и писателя Иоанна экзарха и др.

Таким образом, благодаря собственным книжным и архивным разысканиям, заинтересованной помощи со стороны современников — историков, архивистов, археографов, Карамзин стал обладателем (в подлинниках и копиях) значительного собрания разнообразных исторических материалов. Часть их до этого была неизвестна или малодоступна ученым того времени. Подробный перечень источников, использованных Карамзиным, читатель увидит в настоящем издании «Истории государства Российского», поэтому здесь нет нужды останавливаться на них. Укажем лишь наиболее важные материалы, о которых сам Карамзин считал необходимым специально упомянуть в главе «Об источниках Российской истории до XVII века».

Сам факт появления такой главы в «Истории государства Российского» — примечательное, хотя и не уникальное, явление в отечественной историографии. Обзор источников содержался уже в трудах Татищева, Щербатова,

других историков. Однако по широте охвата источников, степени их упорядоченности такие обзоры уступали Карамзинскому. Историограф указывает, что ему известно 14 крупных групп источников (по неясной причине из их числа выпала широко использованная Карамзиным группа материалов гражданского и церковного права).

На первом месте среди своих источников Карамзин по традиции поставил летописи. Помимо опубликованных летописных источников, использованных уже его предшественниками, историк, по существу впервые в историографии, вводил в научный оборот Лаврентьевскую летопись (до него А. И. Мусин-Пушкин опубликовал из этого памятника только «Поучение» Владимира Мономаха), Троицкую летопись (в конце XVIII в. она также стала известна небольшой группе московских ученых), Хлебниковский и Академический списки Ипатьевской летописи, Новгородскую вторую летопись по списку, подаренному в 1811 г. А. Ф. Малиновским в Московский архив Коллегии иностранных дел, так называемую Ростовскую летопись, переданную в этот же архив Н. Н. Бантыш-Каменским, Толстовский (Карамзинский) список Псковской летописи, памятники сибирского, казанского летописания. Так, например, среди памятников сибирского летописания Карамзину были известны новые списки не только введенных ранее в научный оборот Есиповской и Ремезовской летописей, но и не менее двух списков до этого неизвестной Строгановской летописи.

На второе место в своем обзоре источников Карамзин поставил Степенную книгу. В распоряжении историографа оказался ряд списков Степенной книги с интересными добавлениями, бывшими до этого неизвестными. Так, в Степенной книге Московского архива Коллегии иностранных дел («Архивная Степенная книга Хрущева») он обнаружил текст речи Ивана Грозного на соборе 1551 г. Карамзин придавал чрезвычайно важное значение этой речи, хотя достоверность и подлинность ее позже были аргументированно оспорены. Так называемая Латухинская Степенная книга, список которой историк приобрел во время эвакуации в Нижний Новгород у балахнинского купца Латухина, дала ему возможность ввести ранее неизвестный материал по русской истории XVI—XVII вв.

В третьей группе источников — хронографах — Карамзин выделял «подробные современные известия, которых нет

в летописях». По меньшей мере четыре известных ныне хронографа хранились в собрании историографа¹⁶. Карамзин использовал в «Примечаниях» несколько хронографов библиотеки графа Ф. А. Толстого, а также два утраченных в огне московского пожара 1812 г. хронографа (один из них — Кубасовский) коллекции П. Г. Демидова.

Четвертое место в обзоре источников Карамзин отводил житиям святых. В этой группе наиболее интересны впервые использованные им житие великого князя Владимира и житие муромского князя Константина Святославича из рукописной коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. Обе рукописи сгорели в 1812 г.

Следующий комплекс источников Карамзин назвал «особенными дееписаниями», подразумевая под ними древнерусские сказания и повести. Эта группа материалов в отечественной историографии была впервые выделена Карамзиным. Собственно древнерусские сказания и повести представлены в «Примечаниях» Повестью о псковском князе Довмонте (по списку Синодальной библиотеки), Повестью о приходе литовского князя Стефана Батория на град Псков (по древнейшему из известных в то время списков из коллекции Карамзина), Повестью о Печерском монастыре (по спискам из коллекции графа Ф. А. Толстого и Синодальной библиотеки) и др. «Историей» или «повестью» Карамзин называет Сказание о Мамаевом побоище, известное ему по спискам Синодальной библиотеки и коллекции графа Ф. А. Толстого. К этой же группе источников историограф отнес² сочинение Авраамия Палицына, которое он называет в «Примечаниях» то «Летописью келаря Авраамия», то «Историей келаря Авраамия», то «Сказанием Авраамия Палицына», колеблясь в определении жанра этого источника, известного ему не только по публикации XVIII в., но и по двум спискам собственного собрания¹⁷. В группу «особенных дееписаний» Карамзин включил и «современные записки Курбского». «История» опального князя, а также его переписка с Иваном Грозным стали широко известны именно после выхода труда Карамзина. К этой же группе Карамзиным отнесены сочинения Кирилла Туровского, Даниила Заточника, по существу впервые ставшие известными русскому читателю первой четверти XIX в. В «Примечаниях» историограф использовал также ряд древнерусских переводных литературных произведений, входивших в состав погиб-

шего в 1812 г. сборника со «Словом о полку Игореве» из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. «Повестью» или «сказанием» историограф назвал Сказание о Максиме Греке, впервые введенное им в научный оборот по списку из библиотеки семинарии Троице-Сергиевой лавры¹⁸.

Широко привлек Карамзин и разрядные книги, которые он выделил в следующую группу источников. Они были введены в научный оборот еще в XVIII в. и поэтому были для историка, по словам Карамзина, «не редки». Историограф использовал первую публикацию разрядной книги 1556—1585 гг. в «Древней Российской Вивлиофике», разряды, хранившиеся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, четыре списка разрядных записей разных времен собственной коллекции¹⁹, так называемую Бекетовскую разрядную книгу и т. д.

В седьмую группу своего обзора источников Карамзин включил традиционно использовавшиеся в отечественной историографии родословные книги. В их числе историк впервые использовал Ярославскую родословную книгу из Синодальной библиотеки, а также привлек три списка родословных книг из собственной коллекции²⁰.

К восьмой группе историограф отнес «письменные каталоги митрополитов и епископов», т. е. списки церковных иерархов, имевшиеся в ряде известных ему летописей.

Девятую группу источников Карамзин назвал «посланиями святителей к князьям, духовенству и мирянам». Эти материалы историограф специально выделил, очевидно, под впечатлением от обнаруженного им в Синодальной библиотеке рукописного сборника XV в. Карамзин впервые почти целиком использовал этот сборник, включивший такие интересные памятники, как грамота российских епископов Дмитрию Шемяке, послание во Псков митрополита Фотия о стригольниках, грамота митрополита Геронтия к великому князю Ивану Васильевичу и др. В рукописях Синодальной библиотеки историограф обнаружил соборный ответ митрополита Симона 1503 г., выпись о втором браке великого князя Василия Ивановича, послание киевского митрополита Никифора к князю Владимиру Мономаху и др.

В следующую группу своих источников Карамзин включил «монеты, медали, надписи, сказки, песни, половицы», используя их в основном по известным к тому времени изданиям. В их числе — публикации Сборника

Кирши Данилова, надписей на Тмутараканском камне и в Десятинной церкви, на древнерусских монетах, в том числе из нумизматической коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина.

К одиннадцатой группе источников Карамзин отнес актовый материал. Еще Н. И. Новиков и М. М. Щербатов опубликовали уникальный комплекс древнерусских княжеских духовных и договорных грамот, других актов Московского архива Коллегии иностранных дел. В начале XIX в. кружок Н. П. Румянцева приступил к новой публикации этих и других актовых материалов. Основная часть этой монументальной публикации под названием «Собрание государственных грамот и договоров» увидела свет при жизни Карамзина. «Собрание» включило около тысячи документов — крестоцеловальные, жалованные, уставные, таможенные, духовные и договорные грамоты, акты земских соборов и т. д. Историограф широко использовал актовые материалы, помещенные в «Истории» Щербатова, «Древней Российской Вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров». Вместе с тем, не удовлетворенный изданием в «Древней Российской Вивлиофике», например, духовных и договорных грамот и не имея в работе над первыми томами «Истории государства Российского» «Собрания государственных грамот и договоров» (первый том которого поступил в продажу только в 1814 г.), Карамзин обратился непосредственно к подлинным актам Московского архива Коллегии иностранных дел. Уникальный актовый материал он обнаружил в сборнике новгородских и двинских грамот, находившемся в коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. Большая часть этих грамот ранее не была известна науке (копии, бывшие в распоряжении Карамзина, сохранились в его коллекции)²¹.

Двенадцатую группу источников Карамзин назвал «собранием так называемых статейных списков или Посольских дел и грамот» Московского архива Коллегии иностранных дел. В делопроизводстве архива сохранились учетные листы выдачи историку этих материалов²² (после его переезда в 1816 г. в Петербург подлинные документы архива непосредственно направлялись туда, до этого он также имел разрешение брать их на дом, что является случаем беспрецедентным в практике использования источников этого архива)²³. Листы учета выдачи материалов

свидетельствуют о том, что историограф просмотрел все основные комплексы документов архива, относящиеся к дипломатическим отношениям русского государства XV — начала XVII в. Посольские документы, раскрывающие связи России с европейскими и азиатскими государствами и с народами, позднее вошедшими в состав Российской империи, были в значительной степени впервые в отечественной историографии использованы Карамзиным.

Две последние группы «припасов» Карамзина объединили зарубежные по происхождению источники — «иностранные современные летописи» и «государственные бумаги иностранных архивов». Большую часть таких материалов историограф почерпнул из различных английских, французских, итальянских, немецких публикаций XV — начала XIX в. В их числе оказались сочинения Д. Флетчера, Ж. Маржерета, С. Герберштейна, П. Петрея, А. Контарини, А. Гваньини, Я. Длугоша, М. Стрыйковского, О. Далина и др.²⁴ Впервые в отечественной историографии Карамзин получил возможность использовать «Хронику» К. Буссова. По существу, также впервые из его труда в России стало известно так называемое собрание Альбертранди — сборник копий и выписок из Ватиканского архива, составленный аббатом Альбертранди в XVIII в., оказавшийся у русского дипломата Я. И. Булгакова и от него через А. И. Тургенева попавший к Карамзину. Акты, договоры, дипломатическая переписка Копенгагенского, Бременского, Шверинского и других иностранных архивов оказались доступными историографу благодаря разысканиям членов кружка Н. П. Румянцева. Особенно много подобного рода материалов он получил из Кенигсбергского архива. В начале XIX в. прибалтийское дворянство при поддержке русского правительства предприняло копирование документов этого хранилища. Один экземпляр копий направлялся министру внутренних дел О. П. Козодавлеву. От него копии поступали к Карамзину, который «после извлечения из оных всего нужного для сочинения Российской истории» передавал их в Московский архив Коллегии иностранных дел²⁵.

Несмотря на необъяснимое отсутствие в карамзинском обзоре указания на памятники гражданского и церковного права, историограф широко использовал их в «Примечаниях». В его распоряжении были четыре списка Правды Русской из Синодальной библиотеки, коллекций А. И. Му-

сина-Пушкина и З. А. Горюшкина. Эти списки (исключая Синодальный из пергаменной Кормчей XIII в.) впервые вводились им в научный оборот. Историограф первым использовал и Псковскую судную грамоту, фрагмент которой он обнаружил в Синодальном списке Уваровской летописи. В его распоряжении находилось не менее трех списков Судебника 1550 г. В 1817—1818 гг. он получил возможность ознакомиться с единственным известным и в настоящее время списком Судебника 1497 г., обнаруженным К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым. Карамзин первым ввел его в научный оборот (полная публикация памятника увидела свет только в 1819 г.). Использовал историограф и целый ряд материалов, отразивших правовые нормы взаимоотношений светской и духовной властей в России, а также памятники канонического права. Среди них оказались Устав великого князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных по известным ныне спискам Синодальной Кормчей XIII в. и пергаменному сборнику из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина. Из этих же рукописей Карамзин поместил в «Примечаниях» Уставную грамоту новгородского князя Святослава Ольговича церкви святой Софии в Новгороде, церковные правила митрополитов Киприана и Иоанна, Устав князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц, другие памятники.

Наконец, следует указать и на еще одну группу источников «Примечаний», никак не обозначенную Карамзиным в предисловии к своему труду. Речь идет о древнерусских и древнеславянских памятниках письменности и языка, в числе которых оказались такие уникальные источники, как «Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского в списке конца XII — начала XIII в. Синодальной библиотеки, Изборник Святослава в рукописях 1073 г. и 1076 г., так называемое «Галицкое Евангелие» 1144 г., «Остромирово Евангелие» 1056—1057 гг., Евангелие апракос 1307 г., Стихирарь минейный 1157 г., сочинение черноризца Храбра «О письменах» по списку XIV в. Синодальной библиотеки и др. Хотя большая часть этих памятников была уже известна, многие тексты из них приводились Карамзиным впервые.

Конечно, историограф понимал, что весь богатейший корпус источников, оказавшийся в его распоряжении, невозможно было поместить в «Примечания». Нужны

были какие-то критерии, принципы отбора. И при всей кажущейся, на первый взгляд, хаотичности использования источников можно заметить достаточно последовательное стремление Карамзина к определенной системе их помещения в «Примечаниях».

Здесь мы найдем ссылки практически на все наиболее крупные отечественные исследования и публикации источников и на наиболее известные зарубежные. Используя их, Карамзин не упускал возможности проверить точность воспроизведения в них текстов непосредственно по рукописям. Он, например, отметил «исправность» изданий Новгородской первой летописи по Синодальному и Академическому спискам (IV, 358)²⁶, Воскресенской летописи по Воскресенскому списку (II, 220), обратил внимание читателей на неверно прочитанные места в публикации текста договорной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с князем Михаилом Тверским в «Древней Российской Вивлиофике» (V, 35); сравнил публикацию Синодального списка Типографской летописи с рукописью, отметив в публикации «выпуски», «грубые ошибки», систематически указывал в «Примечаниях» расхождения с подлинным текстом в издании Кенигсбергской летописи (I, 152; II, 168, 182 и др.).

Из всего этого вытекает важное для характеристики «Примечаний» заключение: когда издания источников удовлетворяли Карамзина своей точностью воспроизведения подлинников, он предпочитал использовать в «Примечаниях» такие публикации, просто ссылаясь на них. Когда же издания не удовлетворяли историографа точностью передачи текстов оригиналов, он считал необходимым указать на это или заново воспроизводить источники непосредственно по их рукописям. Это, например, объясняет использование Карамзиным в «Примечаниях» не рукописи, а первого издания «Слова о полку Игореве», подтверждая не совсем ясное свидетельство о том, что историограф сравнивал подлинный текст древнерусской поэмы с ее первой публикацией и за исключением нескольких мест остался в целом удовлетворен точностью его передачи в первом издании²⁷.

Извиняясь перед читателем за обширность своих «Примечаний», Карамзин невольно раскрыл еще один, может быть самый главный, принцип помещения в них источников. В основе его — новизна, неопубликованность

оказавшегося в распоряжении историографа материала. Так, например, публикуя грамоту князя Василия Давыдовича Ярославского архимандриту Спасо-Преображенского монастыря Пимену, Карамзин прямо заявлял: «Сия грамота не была нигде напечатана, для того включаю оную здесь» (IV, 328). Именно по этой причине в «Примечаниях» обильно представлены тексты Лаврентьевской, Троицкой и других оставшихся неопубликованными летописей, актов, памятников права, дипломатических материалов.

С этим же связано и включение в «Примечания» текстов ранее опубликованных источников, но по спискам, которые, на взгляд Карамзина, были более «исправны» (прежде всего древнейшие или более пространные). Например, обнаружив в пергаменной рукописи из коллекции А. И. Мусина-Пушкина список договора Смоленска с Ригой 1229 г., ранее изданный в «Собрании государственных грамот и договоров» по рукописи Рижского городского архива, историограф включил в «Примечания» текст этого источника по найденному списку, справедливо заметив, что последний «объясняет некоторые места в Рижском [списке]» (III, 248).

Интерес Карамзина к текстологии памятников письменности отразил ростки нового подхода к историческому источнику, изучение которого уже не мыслилось без предварительного уяснения взаимосвязей всех дошедших его списков. Однако для него, как и для большинства исследователей начала XIX в., все списки источника представлялись равнозначными с точки зрения происхождения от недошедшего «подлинного» списка. Различия между такими списками характеризовались ими всего лишь степенью искажения утраченного оригинала. Возможность целенаправленной переработки памятника на разных этапах истории его текста, как правило, не учитывалась. Именно поэтому для Карамзина списки Краткой редакции Правды Русской представлялись всего-навсего «обезображенными» остатками недошедшего подробного «подлинника»²⁸. Точно так же историограф подходил и к летописям. Откликаясь в предисловии к «Истории» на дискутировавшиеся в литературе конца XVIII — начала XIX в. правила их издания, он заметил, что еще в XVIII в. «издержали» немало средств на издание отдельных летописей, но «не сделали нужнейшего: исправного ученого

свода летописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список, и только означить важные отмены, прибавления других? В десяти больших томах мы поместили бы все летописи от XI до XVII века, со включением и Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской»²⁹. Говоря словами М. Д. Приселкова, Карамзин мыслил издание летописей, в том числе и в своих «Примечаниях», «как практическое пособие для историка начала XIX в., совершенно не выставлявшего в отношении к летописям никаких иных ученых претензий и рассматривавшего летописи лишь как фонд известий, требующий перепроверки и выделения в них древнейшего изложения от позднейшего...»³⁰.

Для себя Карамзин определил и еще один критерий включения в «Примечания» источников. Они, по его мнению, должны служить здесь «иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением» основного текста «Истории». Поэтому значительная часть материалов «Примечаний» как бы продолжает повествование собственно «Истории», передает «подробности» того или иного события подлинным языком источников. Нередко здесь помещается оригинальный текст источника, пересказанный в основном тексте.

«Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности, дает повод к соображениям», — писал Карамзин в предисловии³¹. Действительно, в «Примечаниях» мы найдем тексты сочинений Кирилла Туровского, Даниила Заточника, «эпистолей» И. Пересветова и тех сказаний и повестей, которые историограф подчас считал недостоверными и отказывался использовать в качестве источников в основном тексте «Истории». Однако то, что смущало Карамзина-историка, не оставляло без внимания Карамзина-писателя. Публикуя в «Примечаниях» такие памятники, историограф обращался к тем «читателям любопытным», которые не были равнодушны к древнерусской литературе, стремился донести до них ставшие ему известными факты богатой литературной традиции в России. Выделив в своем обзоре источников памятники древнерусской литературы в группу «особенных дееписаний», Карамзин в «Примечаниях» попытался донести до читателей с их помощью образ мыслей, язык, литературные вкусы предков. В этой связи следует заметить,

что такой шаг был в определенной мере новаторским для своего времени и не для всех современников оказался понятным: Н. С. Арцыбашев, например, заявил, что «сказки для любопытных», помещенные Карамзиным в «Примечаниях», «не стоят любопытства и не могут служить доказательством в истории»³².

В «Примечаниях» Карамзин использовал несколько способов воспроизведения источников. Здесь можно обнаружить их публикации и «от слова до слова», и «с выпусками», и в виде кратких и пространных цитат, и в форме пересказа, и в виде сочетания пересказа и цитирования. Можно встретить в «Примечаниях» тематический или хронологический перечень фактических данных одного или даже нескольких источников — своего рода свод известий из них, который имел две основные разновидности: «остальные места» какой-либо летописи и «дополнительные известия» из разных источников о каком-либо периоде или эпизоде отечественной истории, не попавшие по разным причинам в основной текст сочинения (V, 137, 386; VI, 629 и др.).

Помещая в «Примечаниях» источники, Карамзин был в первую очередь озабочен передачей их содержания. Вот почему, несмотря на подчас суровую критику им неправильного воспроизведения текстов в различных предшествующих публикациях, в «Примечаниях» мы далеко не всегда встречаемся с точным, или, как тогда говорили, «дипломатическим», воспроизведением текстов памятников, даже тогда, когда известно, что их оригиналы находились в непосредственном распоряжении историографа. Здесь можно обнаружить и модернизацию правописания, и смысловые добавления, и пропуски целых слов и фраз, оговоренные, отмеченные отточиями, а нередко и вовсе никак не обозначенные. Так, например, в публикации Устава князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц (II, 108)³³ Карамзин расставляет знаки препинания, исключает вышедшие из употребления гражданского алфавита буквы и буквосочетания, вводит заглавные буквы, раскрывает без оговорок сокращенные написания слов, без оговорок модернизирует правописание («через» вместо «черес», «другими» вместо «другыми», «немецкого» вместо «немечкого»). Эти и другие особенности передачи текстов можно обнаружить, например, при анализе помещенных в «Примечаниях» Устава

князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (I, 506) и Уставной грамоты новгородского князя Святослава церкви святой Софии (II, 267)³⁴. Здесь можно встретить пропуск слова («от дании» — в Уставной грамоте князя Святослава), оговоренные в скобках и неоговоренные исправления, добавления предлогов («свободам» — на «слободам» в статье 7 Устава князя Владимира, включение предлогов «из» и «в» в 5-й и 7-й статьях Уставной грамоты князя Святослава). Имеются неверные прочтения или исправленные самим Карамзиным слова («зелинчство» вместо «зелии ничьство», «еретичьством» вместо «еретичьство», «се же» вместо «Еже», «ис весы» вместо «извесы» и др. — в Уставе князя Владимира; «даний» вместо «днии» — в Уставной грамоте князя Святослава), последовательное исключение знаков твердости и мягкости после согласных в середине слов, замена предлога «ис» на «из» и «ю» на «у» после шипящих, замена «и» на «ы» в конце слов после шипящих и т. д.

В других случаях мы обнаруживаем замену окончания «аго» на «ого», исключение знака мягкости в конце слов после согласных, изменения по смыслу окончаний, модернизацию написания («Андрей», «Мономах», «Тверь», «завтра», «берег», «себя», «ярлык» вместо «Ондрей», «Мономаш», «Тферь», «завтрея», «брег», «собя», «ерлык»), замену слов, вышедших из употребления, их современными формами («клятва» вместо «правда», «много ли их» вместо «кто чих ими» и др.). Эти и множество других примеров свидетельствуют о стремлении Карамзина приблизить текст источников к современному правописанию — явление, широко распространенное в археографической практике XVIII — начала XIX в.³⁵

Вместе с тем в «Примечаниях» мы встречаем и тенденцию к сохранению древнего правописания. Можно назвать по крайней мере две причины этого. Во-первых, сказывалось влияние археографических взглядов ряда современников историографа, которые отстаивали идею «дипломатической точности» при публикации источников. Не случайно в «Примечаниях» обычно точно передается текст именно тех источников, которые были сообщены Карамзину в копиях его добровольными помощниками³⁶. Во-вторых, сам Карамзин не смог, а подчас и не стремился к последовательной унификации правописания источников в «Примечаниях»: «в слогѣ нашем, — отмечал он, — загоре-

нела пестрота, освященная древностию, так, что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем: *злато и золото, глад и голод, младость и молодость, пью и пью*»³⁷.

Для характеристики текстологических приемов Карамзина в «Примечаниях» представляют интерес и пропуски в опубликованных им текстах. К ним он прибегал часто и широко, обозначая их, как правило, отточиями, а подчас и не отмечая свои конъектуры. Они касались, например, упоминаний времени, места действия или события, приведенных в основном тексте «Истории», исключения местоимений, частиц, устойчивых словосочетаний, смысловых повторов источников и т. д. Иногда пропуски были связаны с теми частями текстов источников, которые противоречили исторической конструкции Карамзина. Это были «текстологические лукавства» историографа, подмеченные уже его современниками — Н. И. Тургеневым, Н. С. Арцыбашевым, Ф. В. Булгариным, а затем указанные С. М. Соловьевым³⁸.

Допущенные сокращения вынуждали Карамзина проводить своего рода литературную обработку: ставить предлоги, местоимения, архаизировать или модернизировать тексты документов и даже вводить в них собственные дополнения (подчас без каких-либо оговорок). В результате в «Примечаниях» появлялся иногда совершенно новый, никогда не существовавший текст. Все это заставляет с большой осторожностью относиться к использованию источников, помещенных историографом в «Примечаниях», особенно когда их отличия от ныне известных оказываются настолько значительными, что заставляют предполагать наличие у Карамзина «неизвестных» списков отдельных памятников. Например, к их числу можно отнести список Устава князя Ярослава о церковных судах. Помещая его в «Примечания» (II, 108), историограф сделал оговорку, что текст публикуется «согласно с лучшими списками (впрочем, не имею ни одного харатейного и древнее XVI века)». Сравнение публикации Карамзина с сохранившимися списками Устава показывает ее текстуальную близость с так называемым Бальзеровским изводом Устава, представленным Бальзеровским списком и копией с него (Горюшкинский список), бывшей в распоряжении историографа. Все отличия от Горюшкинской копии полностью укладываются в ту систему поправок

подлинных текстов, которую практиковал Карамзин в других случаях³⁹.

Публикуя источники, историограф нередко дает им собственные заголовки, внося в них оценочный акцент («оухулительное письмо», «гневная грамота»), но часто воспроизводит и оригинальные заглавия источников, если они по какой-либо причине казались ему интересными. Карамзин последовательно и даже демонстративно приводит контрольно-справочные сведения об использованных им материалах, пытается индивидуализировать все имевшиеся в его распоряжении списки источников в зависимости от места их хранения («Архивная Киевская летопись», «Архивная Псковская летопись»), автора («Летопись попа Иоанна», «Демидовский хронограф, сочиненный Кубасовым»), бывшего или настоящего владельца («Столяровский хронограф», «Летопись Кривоборского», «Горюшкинский летописец»), древности и других особенностей («Харатейная Кормчая книга», «Новая летопись о зачале Москвы» и т. д.). В стремлении к тому, чтобы «письмена заговорили», историограф делает тексты источников более эмоциональными, ставя в самых неожиданных их местах точки, запятые, тире, двоеточия, вопросительные и восклицательные знаки, подчас вопреки распространенным в то время правилам пунктуации. Этой же цели он достигает и полиграфическими средствами — с помощью многочисленных курсивных выделений слов, фраз, целых предложений.

Все сказанное относится к источниковедческо-археологической части «Примечаний». Другая их часть — своего рода «заочный разговор» Карамзина со своими предшественниками и современниками — историографические экскурсии, которые он считал необходимым включить в «Примечания». В значительной части такие экскурсии носили традиционный характер: Карамзин доводил до читателей мнения предшественников по тем или иным историческим проблемам, сравнивал, оспаривал или опирался на них. Систематически, например, историограф спорил с В. Н. Татищевым, М. М. Щербатовым, И. Н. Болтиным, А. Л. Шлецером, неожиданно сурово отозвался о публикации Правды Русской, осуществленной кружком А. И. Мусина-Пушкина, и т. д. На первый взгляд кажется едва ли не пренебрежительным отношение историографа к трудам своих современников — ссылки на них крайне

скупы, а сам отбор таких трудов очень строг. Особенно поразительно, что внешне в «Примечаниях» не содержится каких-либо откликов Карамзина на те критические замечания, которые вызывал каждый выходивший в свет том его «Истории». Может показаться, что Карамзин оставался верен своему принципу терпимости критики и к критике («Где нет места для похвалы и критики, там скажем все — молчанием», — любил говорить он).

Однако не всегда дело обстояло так. В «Примечаниях» Карамзин находил возможность тонко и остроумно отвечать своим оппонентам. Так, не реагируя на пристрастную и грубую критику Н. С. Арцыбашевым первых томов «Истории», он приводит дополнения и замечания на свой труд К. Ф. Калайдовича и З. Я. Ходаковского, демонстрируя заинтересованность в доброжелательной и деловой помощи. В 1818 г. М. Т. Каченовский опубликовал критический разбор предисловия к «Истории», где, в частности, упрекнул Карамзина в недостаточном уважительном и объективном отношении к сочинениям немецких ученых по русской истории. Историограф немедленно отреагировал на это несправедливое замечание своего критика. В одном из примечаний к первому тому, помещенном в «Дополнениях к тому IX», он дал пространную историографическую оценку немецких исследователей русской истории. «Г. Эверс, — писал он, — принадлежит к числу тех ученых мужей Германии, коим наша История обязана многими удовлетворительными объяснениями и счастливыми мыслями. Имена Баера, Миллера, Шлецера, незабвенны. Мы не давно лишились Лерберга, трудолюбивого, основательного, проникательного Исследователя Древностей; но еще имеем Г. Круга: всем известны его прекрасные сочинения о Российских монетах, о Византийской Хронологии: ожидаем новых, не менее любопытных»⁴⁰.

Каким представляется сегодня значение карамзинских «Примечаний» в целом? Для своего времени это был добротный систематизированный склад материалов по русской истории с древнейших времен по начало XVII в., основанный на разнообразных источниках и исследованиях (отечественных и зарубежных). Значительная часть такого материала вводилась Карамзиным в научный оборот впервые. «Примечания» Карамзина как бы соединили работу отечественных «изыскателей древностей» (В. Н. Татищева,

Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, И. П. Елагина, Н. И. Новикова, А. И. Мусина-Пушкина и др.) с деятельностью той блестящей плеяды «колумбов российских древностей», которые занялись разысканием и публикацией источников во время и после подготовки историографом своего труда. Оттого, что после Карамзина отечественная историческая наука прошла путь, ознаменовавшийся многими замечательными открытиями и изданиями источников, ценность карамзинских «Примечаний» не уменьшилась. И сегодня они являются достаточно полной хрестоматией по русской истории, хотя с точки зрения современных требований помещенные здесь тексты источников требуют постоянной проверки. К этому следует добавить, что автор «Примечаний» был последним, кто видел и опубликовал полностью или частично ряд утраченных теперь источников — Троицкую летопись, рукописи из коллекции Мусина-Пушкина, библиотеки Московского университета. В этом смысле «Примечания» — незаменимый первоисточник для реконструкции таких материалов.

¹ Dixit [*Вяземский П. А.*] Несколько слов на Замечания г. Арцыбашева, перепечатанные в 19 и 20 номерах «Московского вестника» 1828 года // Моск. вестник. 1828. Ч. 12. № 21—22. С. 340.

² Н[иколай] П[олево́й]. [Рец. на I—XII тома «Истории государства Российского»] // Моск. телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 494.

³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 7. С. 62.

⁴ [Сен-При А.]. Об истории России и Петра Великого, сочиненной графом Сегюром // Моск. телеграф. Ч. 30. № 21. С. 72.

⁵ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1878. Кн. 1, отд. V. С. IV.

⁶ *Никифорова Л.* Авторские примечания в русской литературе XVIII — первой половине XIX века: (К постановке проблемы) // Тр. Киргизского гос. ун-та. Филол. науки. Сер. Вопросы поэтики-3. Вып. 21. Фрунзе, 1975. С. 3—19.

⁷ *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1—2; *Он же.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793; *Он же.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794.

⁸ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. I. С. XIII.

⁹ *Сербинович К. С.* Николай Михайлович Карамзин: Воспоминания // Рус. старина. 1874. № 9. С. 53.

¹⁰ Её описание см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1867 год. СПб., 1868. С. 55—110. То же за 1878 год. СПб., 1879. С. 9—19.

¹¹ О дозволении Н. М. Карамзину пользоваться рукописями,

хранящимися в монастырских архивах // Рус. старина. 1903. № 3. С. 518.

¹² См., например: *Ени Г. А. Н. М. Карамзин, Н. П. Румянцев и археография Прибалтики начала XIX в.* // Ист. архив. 1960. № 6. С. 178.

¹³ Подробнее см.: *Козлова Н. А., Козлов В. П.* Архивные разыскания Н. М. Карамзина // Сов. архивы. 1977. № 3. С. 63—67.

¹⁴ Подробнее о рукописях, использованных Карамзиным из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина, и их дальнейшей судьбе, см.: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII веке. М., 1988. С. 114—119.

¹⁵ *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов, 1926. Т. 5. С. 33.

¹⁶ ОР ГПБ. F.IV.595; F.IV.598; F.IV.599; F.IV.601.

¹⁷ Там же. F.IV.326; F.IV.343.

¹⁸ Копия, святая Карамзиным, см.: Там же. F.I.449.

¹⁹ Там же. F.IV.322; F.IV.595. Л. 643—660; Q.XVII.150. Л. 95—562; Q.XVII.30, Л. 162—243.

²⁰ Там же. Q.XVII.30. Л. 9—161; Q.XVII.150. Л. 1—94; F.IV.599.

²¹ Там же. F.IV.335.

²² ЦГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 53. Л. 1—7, 17—17 об.; Д. 54, Л. 2—3; Д. 55. Л. 2; Д. 58. Л. 1—6 и др.

²³ См. об этом: Там же. Оп. 1. Д. 79. Л. 545—545 об., 683—683 об., а также «отношение» МИДа от 24 марта 1816 г., в котором сказано, что «исторпограф Карамзин, намереваясь остаться здесь (т. е. в Петербурге.— В. К.) для напечатания сочиненной им Российской истории, просил о позволении ему перевезти сюда все исторические документы, кои он заимствовал из Московского архива иностранных дел. Его императорское величество, снисходя на таковое прошение... изволил на оное все милостивейшее свое соизволение...» (Там же. Д. 92. Л. 116).

²⁴ Подробнее см.: *Космолинская Г. А.* Об иностранных источниках «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Вопр. истории. 1986. № 3. С. 172—176.

²⁵ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Колумбы российск. древностей. 2-е изд. М., 1985. С. 53—54.

²⁶ Здесь и далее в скобках указываются номера томов и примечаний «Истории государства Российского».

²⁷ *Полевой Н.* Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 20.

²⁸ *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // Археогр. ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 150.

²⁹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. I. С. XVI.

³⁰ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 28.

³¹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. I. С. XIII.

³² *Арцыбашев Н.* Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным // Казанский вестн. 1822. Ч. 5. С. 47—48; 1823. Ч. 7. С. 37.

³³ Сравнение дается по: *Шапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 149—150.

³⁴ Там же. С. 22—24, 147—148.

³⁵ *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 68—75.

³⁶ Характерен такой пример. В 1806 г. А. Н. Оленин, пересылая Карамзину выписку из «Остромирова Евангелия», сделанную А. И. Ермолаевым (она опубликована в «Примечаниях»), подчеркивал, что ермолаевская копия сделана «страница в страницу, строка в строку, слово в слово, буква в букву» (ЦГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. Д. 23. Л. 4).

³⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. СПб., 1842. Т. V. С. 240.

³⁸ *Соловьев С. М.* Н. М. Карамзин и его «История государства Российского» // Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., [б. г.]. С. 1420—1540.

³⁹ Ср.: *Шапов Я. Н.* Указ. соч. С. 120—125.

⁴⁰ См. настоящее издание. Т. I. С. 320.

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ-СОВРЕМЕННОКОВ НА «ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

«История государства Российского» Н. М. Карамзина сразу же вызвала у современников широкий общественный резонанс. Выход каждого нового тома рождал волны откликов в отечественной и зарубежной периодике. «История» стала предметом рассмотрения в научных и литературных кругах. Как и сам труд Карамзина, «толки» о нем, по словам читателей-современников, стали «феноменом небывалым». Только в журналах и альманахах 10—20-х годов XIX в. было помещено около трехсот прямых откликов на «Историю» — серьезных рецензий, писем читателей, восторженных стихотворений, колких эпиграмм и т. д. Различные взгляды на труд Карамзина, отклики на него нашли отражение в мемуарах, дневниках, письмах современников.

Со временем восприятие читателями «Истории» вылилось в многолетнюю и ожесточенную полемику, в которой оформились лагеря защитников и критиков исторической концепции, политических идей, языковых и литературных новаций Карамзина. Однако практически с самого начала полемика вышла за границы оценки достоинств или недостатков собственно «Истории». В ходе ее был поставлен ряд более широких общественных проблем: о судьбах российского самодержавия, крепостничества, взаимоотношениях народа и власти и т. д. Одновременно шел серьезный разговор о методах исторического познания, принципах исторического повест-

вования, нравственной позиции историка при освещении прошлого, и т. д. В полемике приняли участие сотни лиц: писатели, ученые, журналисты, рядовые читатели, государственные и общественные деятели.

Ниже помещена библиография наиболее интересных сткликов на «Историю», в основном опубликованных на страницах отечественной периодики 10—20-х годов. Здесь представлен весь спектр мнений о труде Карамзина его читателей-современников из разных общественных лагерей, затрагивающих разные стороны достоинств и недостатков «Истории».

- [Греч Н. И.]. О русской истории Н. М. Карамзина // *Сын Отечества*. 1817. Ч. 41. № 40. С. 78.
- К[нязь] Ш[алико]в. Новость // Там же. 1818. Ч. 44. № 10. С. 158—159. *Он же*. Московские записки // *Вестн. Европы*. 1818. Ч. 97. № 4. С. 307—309.
- Н. Н. О переводах «Истории Российского государства» // Там же. 1818. Ч. 98. № 38. С. 255—261.
- Ф. От Киевского жителя к его другу // *Вестник Европы*. 1819. Ч. 103. № 2. С. 117—132; № 4. С. 289—298; Ч. 104. № 6. С. 115—124.
- Писарев Н. И. Письмо к П. И. Ш[алико]ву // *Сын Отечества*. 1819. Ч. 57. № 42. С. 81—86.
- Руссов С. В. Обзорение критики Ходаковского на историю Российского государства, сочинение Н. М. Карамзина. СПб., 1820.
- П. Петербургские записки // *Благонамеренный*. 1820. Ч. 9. № 1. С. 64—65.
- Ал[ександр] Бес[ту]жев. Торжественное заседание императорской Российской Академии // *Соревнователь просвещения и благотворения*. 1821. Ч. 13. С. 309—310.
- [Арцыбашев Н. С.]. О степени доверия к «Истории», сочиненной князем Курбским // *Вестник Европы*. 1821. Ч. 118. № 12. С. 278—317.
- Арцыбашев Н. С. О свойствах царя Иоанна Васильевича // Там же. 1821. Ч. 120. № 18. С. 126—141; № 19. С. 184—200.
- Любороссов Н. Нечто об отрывке из Леклерка // Там же. 1821. Ч. 121. № 23. С. 191—199.
- Арцыбашев Н. С. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания, издвением братьев Слѣнных. СПб., 1818 года // *Казанский вестник*. 1822. Ч. 5. Кн. 5. С. 3—30; Ч. 6. Кн. 9. С. 45—67; Кн. 11. С. 145—172; 1823. Ч. 7. Кн. 1. С. 17—45; Кн. 2. С. 77—107.
- Архипов Ф. Письмо к издателю // *Сын Отечества*. 1823. Ч. 83. № 3. С. 139.

- Свиньин П. П.* Письмо издателя к его превосходительству Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому о торжественном собрании, бывшем сего 14 января в императорской Российской Академии // Отечественные записки. 1823. Ч. 13. С. 154—163.
- Лелевель Й.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. Ч. 4. С. 402—434, 486—506; 1823. Ч. 5. С. 91—100; Ч. 8. С. 52—80, 147—160, 287—297; Ч. 9. С. 41—57, 91—103, 163—172; Ч. 11. С. 132—143, 187—195; Ч. 12. С. 47—53; 1825. Ч. 13. С. 60—84, 182—201, 271—278; Ч. 14. С. 176—197, 362—372.
- [*Булгарин Ф. В.*]. Критический взгляд на X и XI тома «Истории государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным // Там же. 1825. Ч. 13. С. 60—84, 182—201; Ч. 14. С. 176—197, 362—372.
- Зубарев Д.* Исторические справки // Вестник Европы. 1825. Ч. 140. № 11. С. 187—217.
- Булгарин Ф. В.* Замечания на статью, помещенную в № 11 «Вестника Европы» под заглавием «Исторические справки» // Северный архив. 1825. Ч. 16. С. 151—172.
- [*Полевой Н. А.*]. О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным: (Статья первая) // Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 15. С. 234—343.
- Зубарев Д.* В защиту новейших критических замечаний: (Ответ на статью, помещенную в № 15 «Московского телеграфа» под названием «О новейших критических замечаниях на „Историю государства Российского“, сочиненную Н. М. Карамзиным») // Вестник Европы. 1825. Ч. 145. № 21. С. 17—29.
- М.* Литературное воспоминание // Отечественные записки. 1825. Ч. 24. № 67. С. 316—324.
- Спор в немецких журналах об «Истории государства Российского» // Московский телеграф. 1827. Ч. 18. № 23. С. 207—220.
- Гусятников М.* Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным: О титуле великого князя // Там же. 1828. Ч. 7. № 4. С. 203—209.
- Погодин М. П.* Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале Российского государства: (отрывок из замечаний на I том «Истории государства Российского») // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 483—490.
- Арцыбашев Н. С.* Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания // Там же. 1828. Ч. 11. № 19/20. С. 285—318; Ч. 12. № 21/22. С. 52—91; № 23/24. С. 254—285.

- Дмитриев М.* О противниках и защитниках историографа Карамзина. Писано по случаю замечаний на «Историю государства Российского», помещенных в «Московском вестнике» // Атеней. 1829. № 3. С. 295—312; № 4. С. 424—444; № 5. С. 524—535.
- Арцыбашев Н. С.* Замечания на II том «Истории государства Российского» // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 29—67.
- Солов О.* Хладнокровные замечания на толки гг. критиков «Истории государства Российского» и их сопричетников // Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 2. С. 338—347.
- К[аченовск]ий [М. Т.].* История государства Российского. Т. XII // Вестник Европы. 1829. № 17. С. 3—15; № 18. С. 94—212.
- Руссов С. В.* О критике г. Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным. СПб., 1829.
- Полевой Н. А.* [Рецензия на I—XII тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина] // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 467—500.
- [Войков А. Ф.]* Мои мысли о критике сочинителя «Истории русского народа» на «Историю государства Российского» // Славянин. 1829. Ч. 12. № 48/49. С. 375—394.
- [Сен-При А.]* Об истории России и Петра Великого, сочиненной графом Сегюром // Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 21. С. 62—84; № 22. С. 205—226.
- В[асилий] К[аннист] (?)* Нечто о критике г. Полевого на сочинения Н. М. Карамзина // Галатея. 1829. Ч. 28. С. 199—216.

УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ I «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН**

- Абдерахман, сарацинский кн. 191
Абу-ль-Газн-Бахадур (Абульгазп-Баядур), хивинский хан, автор соч. по истории 185, 192, 264, 273, 301, 348, 353
Абу-ль-Фарадж (Абульфарагия, Абульфарах, Бар-Еврей), сирийский, арабский хронист 119, 268, 322, 353
Абу-ль-фида (Абульфеда), арабский географ, летописец 118, 204, 206, 208, 268, 322, 353
Август Гай Октавий, римский имп. 207, 214
Августул, легенд. брат римского имп. Августа 207
Авдура-Диунаудга, дочь датского кор. Ивара 209
Авехасан, легенд. кн. славян. 196, 197
Авиен, римский поэт, писатель 180, 353
Авиценна см. Ибн Сина
Авраам, библ. 176
Авраам, немецкий мастер-художник 288, 327
Авраамий, архим. ростовский, св. 247, 291
Авраамий (Аверкий Иванович) Палицын, келарь Троице-Сергиева мон., писатель-публицист 27, 301, 341, 559
Аврелий Марк, римский имп. 36
Агамемнон, др.-греч. миф. царь 278
Агафий, византийский историк и поэт 185, 353
Агафон, еп. моравский, посол в Германии 239
Агрипина (Аграфена), св. 81
Агрипина Випсанья, жена римского полководца Германика 16
Адельберт (Адельберт), еп. пражский 216, 275, 364, 396
Адам Бременский, еп. германский, хронист 78, 81, 170, 200, 201, 208, 220, 221, 226, 306, 353
Адвинда, легенд. кнг., жена в. кн. киевского Владимира I Святославича 23
Аделунг Федор Павлович, русский историк, археограф 288, 353, 547
Адриан, монах 297
Адриан Тит Элий, римский имп. 273
Адриан II, папа римский 236
Аким, архиеп. курсунский 291
Актутруян, русский посол в Византии 106
Акун, русский кн. 114, 265
Александр, болгарский царь 235
Александр, византийский имп.

* Указатели отражают текст всей книги.

** *Приняты сокращения:* архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, б-н — боярин, в.— великая, великий, воев.— воевода, ген.— генерал, гр.— граф, др.-греч.— древнегреческий, др.-рим.— древнеримский, друж.— дружинник, еп.— епископ, зап.— записки, иг.— игумен, имп.— император, императрица, кн.— князь, кнг.— княгиня, кор.— король, легенд.— легендарный, митр.— митрополит, миф.— мифический, мон.— монастырь, св.— святой, славян.— славянский, соч.— сочинение, язык.— языческий.

- 106, 109, 252, 254, 258—260, 262
- Александр, еп. блуцкихский 288, 327
- Александр, митр. новгородский 327
- Александр I Павлович, имп. 11, 21, 338, 413, 417, 418, 421, 430, 434, 436, 437, 470, 471, 498—500, 503, 506, 507, 509, 510, 514, 516—518, 519, 522, 524, 526, 528—531, 533, 534, 536, 539, 541—543, 545, 555
- Александр Великий Македонский, царь 35, 48, 139, 177, 184, 194, 196, 197, 285
- Александр Попович, русский богатырь 161, 297
- Александр Ярославич Невский, в. кн. владимиро-суздальский 15, 27, 200, 307, 336, 340, 341, 435, 449
- Александра Павловна, в. кнг., дочь имп. Павла I 253
- Алексеев И., переводчик 362
- Алексей Михайлович, царь 16, 25, 26, 172, 247, 310, 336, 350, 351, 508, 520
- Али, ширванский хан 268
- Аль-Бакуви (Бакуи), арабский писатель, географ 199, 355
- Альбертранди, аббат 562
- Аль-Гассан, сарацинский воев. 126, 272
- Аль-Макин (Эльмакин), арабский историк 24, 113, 265, 270, 287, 353, 379
- Аль-Рашид *см.* Гарун аль-Рашид
- Альм, венгерский воев. 251—253
- Альмвейга (Альфния), легенд. кнг. русская 209
- Альфред Великий, английский кор. 221, 376
- Аль-Эдризи *см.* Шериф аль-Эдризи
- Аммиан Марцелин, римский историк 36, 178, 183, 237, 353
- Амос, библ. 279, 342, 349
- Анастасий I, византийский имп. 189
- Анастасий, византийский историк церкви 190, 353
- Анастасий (Анастас), курсунянин, еп. киевский 151, 153, 156, 290, 293, 294
- Анастасия (в монашестве) *см.* Рогнеда-Горислава
- Анастасия Романовна (урожд. Захарьина-Юрьева), царица, жена Ивана IV Васильевича 436, 454
- Анахарсис, философ, последователь Солона 35, 278
- Анвиль Жан-Батист де (д'Анвиль), французский географ, картограф 203, 206, 309, 353, 354
- Андрей, апостол, библ. 47, 192, 193, 195, 198
- Андрей Коза, псковский дьяк, переписчик летописи 25
- Андрей (Козьма) Колодинский, дьякон, переводчик 285, 354, 374
- Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. владимирский, сын в. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 291, 295, 432, 453
- Андрих, чешский кор. *см.* Олдрих
- Андрьян (Андреян) *см.* Адриан
- Андроник, библ. 254
- Анемас, византийский витязь 136, 277, 278
- Анна, легенд. болгарская царица 24
- Анна, греческая царица, в. кнг., жена в. кн. киевского Владимира I Святославича 23, 24, 152, 159, 160, 259, 287, 291, 297, 299, 302, 320
- Анна Ивановна, имп. 17, 300, 437
- Анна Комнина, греческая царица, дочь византийского имп. Алексея I, автор соч. 192, 206, 211, 263, 354
- Антенор, кн. венетов 180
- Антерос, языч. славян. 228
- Антон Карл Готтлиб, немецкий историк 182, 194, 220, 222, 225—227, 230, 237, 354, 357, 367
- Антоний Далматин, переводчик, издатель глаголических книг 348

- Антоновский М. Н., историк, переводчик 518
- Ануширван *см.* Хозрой
- Аполлоний Родосский, др.-греч. поэт 175, 354
- Аракчеев Алексей Андреевич, гр., ген. 529, 531
- Аргонавты, др.-греч. миф. 31, 175
- Аристотель, др.-греч. философ 5
- Арлогия, легенд. кнг. русская 298
- Ардт Иоганн Готфрид, издатель др. ливонской хроники 361
- Арпад, венгерский воев. 251
- Арриан Флавий, др.-греч. историк, писатель 177, 278, 354
- Арсений (Алексей) Могилянский, митр. киевский, писатель 299
- Архипов Ф., автор 575
- Арцыбашев Николай Сергеевич, историк 345, 552, 567, 569, 571—573, 575—577
- Асан, легенд. кн. славянский 196, 197
- Аскольд¹ (Оскольд, Скальд), киевский кн. 93, 95—100, 102, 108, 110, 230, 243—248, 255, 267, 283, 295, 394
- Асмуд, киевский воев. 120, 122, 269
- Аспарух, болгарский кн. 45, 193
- Ассемани Г.-С., историк-ориенталист 207, 237, 238, 246, 271, 275, 338, 354, 372, 373, 381, 382
- Астарта, др.-греч. миф. 176
- Астрида, норвежская королева 159, 297, 298
- Аттила, вождь гуннов 39, 40, 42, 53, 184, 252
- Аугмунд, норвежский кн. 209
- Афанасий *см.* Мефодий
- Афанасий архиеп. александрийский 284
- Афанасьева М. И., библиограф 4, 320, 414
- Афет, библ. 6, 192
- Афиани В. Ю., историк 4, 330, 400, 514
- Ахенвалл Готтфрид, историк, автор соч. 348
- Ахилл (Ахиллес), др.-греч. миф. 278
- Ахмат, хан Золотой Орды 436, 472
- Бабич Яков, вилленский бургомистр 311
- Багрянский М. И., масон 486¹
- Байер (Баер) Готтлиб Зигфрид, историк, филолог, академик 175, 179—181, 193, 194, 199—201, 203, 205, 206, 210—212, 217, 221, 228, 243—246, 259, 264, 278, 274, 282, 304—306, 320, 354, 355, 365, 371, 378, 571
- Баккаревич М. Н., адъютант Московск. ун-та 518
- Бакуй *см.* Аль-Бакуви
- Баламбер, гуннский царь 39
- Бангерт (Бангер) Генрих, историк, издатель хроники 210, 228, 355
- Бандури Ансельм, историк, переводчик, издатель византийских авторов 191, 195, 205, 206, 287, 250, 251, 255, 258, 263, 264, 266, 274, 283, 304, 333, 355, 356, 362, 366
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич, историк, археограф 24, 300, 335, 337, 338, 556, 558
- Баранов Д. О., сенатор 505
- Баратынский Евгений Абрамович, поэт 538
- Бар-Еврей (Гебрей) *см.* Абу-ль-фарадж
- Бароний Цезарь, кардинал, историк церкви 245, 246, 274, 298, 356, 372
- Барсков Яков Лазаревич, историк 512
- Басаргин Николай Васильевич, поручик, декабрист, автор записок 537, 549
- Батый (Бату), монгольский хан, основатель Золотой Орды 11, 15, 21, 191, 294, 299, 521, 542
- Батюшков Константин Николаевич, поэт 549

- Баузе Федор Григорьевич, историк права, собиратель памятников др.-русской письменности 333, 339, 557
- Бахус, рим. миф., бог вина 221
- Баядур-хан-Абул-гази см. Абуль-Гази Бахадур
- Баян, аварский хан 42, 43, 62, 63, 71, 190, 223
- Бегичев Степан Иванович, писатель, декабрист 548
- Бегнер Ханьш, брашевский жупан 225
- Бекетов Платон Петрович, книгоиздатель, иконограф 334
- Бекман Иоганн Христоф, историк 222, 229, 356
- Бела III, венгерский кор. 251, 252, 368
- Белинский Виссарион Григорьевич, критик, публицист 461, 463, 464, 479
- Беншуна, арабский автор 206
- Беребист Храбрый, вождь гетов 35, 177
- Бержерон Пьер, французск. путешественник, автор соч. 193, 203, 250, 273, 301, 307, 356, 365, 374
- Берков П. Н., литературовед 548
- Берстукки, языч. славян. см. Парстукки
- Берта (Евдокия), византийская имп-ца 270
- Бестужев Александр Александрович, писатель, декабрист 575
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, гр., гос. деятель, канцлер 334, 437, 544
- Биартмар, гр. альдейгабургский 209
- Биндони Франческо, издатель 347
- Бирон Эрнст Иоганн, герцог, фаворит имп. Анны Иоанновны 437
- Битнер Христиан Вильгельм, немецкий историк 235, 356
- Бишинг (Бюшинг) Антон Фридерик, историк 187, 193, 200, 204, 208, 251, 276, 283, 286, 353, 355, 375, 376
- Блуд, киевский воев. в. кн. Ярополка Святославича 141, 142, 274, 280, 281
- Блудов Дмитрий Николаевич, гр. 401, 546, 549
- Блудовы, княжеский род 281
- Бова, легенд. королевич 208
- Богомил-Соловей, новгородский волхв 291
- Богорис см. Борис I
- Богуфал, польский хронист 194, 356
- Вой (Боус), легенд. кн., сын готского царя Одина 208, 209
- Бокс, вождь антов 39
- Болгар, легенд. кн. 196
- Болеслав I Храбрый, польский кор. 293, 296, 299
- Болотников Иван Исаевич, руководитель восстания крестьян 1606—07 г. 445
- Болотов Андрей Тимофеевич, писатель, ученый агроном 489
- Болтин Иван Никитич, историк 6, 177, 185, 198—201, 203, 208, 214, 216, 256, 258, 265, 273, 276, 280, 292, 295, 296, 342, 349, 387, 389, 398, 423, 424, 465, 519, 553, 570, 572
- Бонне (Боннет) Шарль, философ 482
- Бонифатий (Вонифатий), легенд. римский монах, св. 220, 298, 357
- Боняк, половецкий хан 448
- Боплан Гийом Левассер де, франц. инженер, автор. соч. о России 305, 357
- Борис I (Богорис), болгарский царь 131, 134, 277, 283, 327
- Борис (Давид) Владимирович, кн. ростовский, сын в. кн. киевского Владимира Святославича 24, 27, 145, 154, 160, 291, 299
- Борис Федорович Годунов, б-ц, коношый, затем царь 15, 301, 432, 436, 440, 448, 452, 454, 455, 457, 460, 469, 475, 477, 478, 541—543, 545
- Бороздин Александр Корнилович, историк, издатель 346

- Бравалин, легенд. кн. русский 247
- Бринг, шведский историк 202, 357
- Брут Марк Юний, римский полит. деятель 104
- Брячислав, богемский герцог 83
- Брячислав Изяславич, кн. полоцкий, сын кн. Изяслава Владимировича 292
- Була, козарский владетель 204
- Булгаков Александр Яковлевич, писатель, член «Арзамаса», сенатор 548, 555
- Булгаков Яков Иванович, дипломат 562
- Булгарин Фаддей Венедиктович, журналист, писатель 476, 569, 576
- Буле Иоганн Феофил, проф. права и теории искусств Московского ун-та 176, 343
- Булосуд (Бульц), венгерский кн. 253
- Бурбоны, династия королей французских 496
- Буривой, легенд. кн. русский 23
- Бурхан, легенд. бог. 226
- Буссов Конрад, немецкий ландскнехт, автор соч. о России 556, 562
- Буат Л.-Г. де, гр., французский историк 187, 188, 357, 360
- Вадим Храбрый, новгородец 95
- Валентиниан I, римский имп. 184
- Валерпап Публий Лициний, римский имп. 41
- Валк С. Н.*, историк, археограф 573
- Вальдемар II, датский кор. 83
- Ванадис, язгч. славян. 78
- Вавдал, легенд. славянский кн. 23
- Ванзмут, немецкий художник 288
- Вар Публий Квинтилий, римский полководец 16
- Варда Склир, византийский полководец 132, 152, 277, 278, 287
- Варда Патрикий Константин, византийский полководец 113, 132
- Варлаам Яцкий, монах 477
- Варяжко, друж. в. кн. Ярополка Святославича 142, 281
- Василий, архиеп. новгородский 288
- Василий, византийский полководец 277
- Василий, летописец XI в. 24
- Василий Великий, архиеп. кесарийский, церковный деятель 223, 325, 341
- Василий Давыдович, кн. ярославский 565
- Василий I Македонский, византийский имп. 97, 231, 244—246
- Василий II, византийский имп. 24, 137, 150—152, 259, 284, 287, 320
- Василий I Дмитриевич, в. кн. московский 25, 26, 343, 432, 450
- Василий II Темный, в. кн. московский 432
- Василий III Иванович, в. кн. всея Руси 228, 307, 432, 436, 454, 457, 472, 475, 526, 560
- Василий Иванович Шуйский, кн., б-н, затем царь 248, 353, 432, 436, 445, 454, 543, 545
- Василий (Василько) Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 15, 24, 453
- Василич, славянин 109
- Васко да Гама, португальский мореплаватель 444, 447
- Ватвай, болгарский кн. 45
- Вацуро В. Э.*, литературовед 399
- Велес, язгч. славян. 197, 247
- Великосан, легенд. славянский кн. 196, 197
- Велисарий, римский воев. 41, 62
- Венд, легенд. польский кн. 281
- Венера, рим. миф. 197, 227, 228
- Вениамин, монах 23, 24
- Венус, др.-рим. миф 197
- Венцеслав, богемский кор. 307

- Верелий Олав (Олоф), шведский автор соч. 175, 357
- Веремид (Веремунд), русский посол в Византии 105, 106, 211
- Вернадский В. И., ученый, академик, геохимик 5
- Веспазий, легенд. русский царь 208
- Видвут, латышский кн. 52, 202, 216
- Видекинд Иохан, шведский историк, автор соч. о России 215, 357
- Визини, легенд. русский богатырь 209
- Викман, еп. магдебургский 288, 327
- Виланд Христофор Мартин, немецкий писатель 482
- Вильгельм I Завоеватель, английский кор. 55
- Винитар, готский кн. 38, 39, 184
- Виноградов В. В.*, академик, языковед, литературовед 463, 480
- Витт, св. 77, 226
- Витзен (Витсен) Николай Корнелий, голландский ученый, автор соч. 288, 357
- Витовт Кейстутович, в. кн. литовский 457
- Витсерк, королевич, сын датского кор. Регнера 210
- Вишоватый (Виссоватий) Венедикт, польский богослов, переводчик 285, 357, 374
- Владимир, кн., сын легенд. кн. Вандала 23
- Владимир (Василий) Всеволодович Мономах, в. кн. киевский 15, 16, 290, 308, 333, 350, 426, 449, 450, 452, 453, 455, 472, 521, 558, 560, 563, 568
- Владимир I (Василий) Святославич, в. кн. киевский, сын в. кн. Святослава Игоревича 21, 23, 24, 26, 27, 80, 86, 88, 92, 127, 130, 131, 140—167, 169—174, 195, 216, 228, 238, 242, 246, 253, 258, 269, 274—276, 280—283, 286—304, 306, 313, 314, 320, 334, 335, 336, 340, 343, 344, 347, 351, 352, 374, 383, 391, 395, 396, 430, 474, 521, 559
- Владимир (Владимирко) Ярославич, галицкий кн. 281
- Владислав III, польский кор., сын Сигизмунда III Вазы 450
- Владислав (Володислав), русский посол 265
- Владислав Святой, венгерский кор. 260
- Власий, еп. севастиийский 227, 228
- Влахерн, византийский кн. 245
- Водан, языч. славян. 78
- Воейков А. Ф., публицист 577
- Волк, воев. в. кн. киевского Святослава Игоревича 276
- Володарь Ростиславич, кн., сын кн. Ростислава Владимировича 453
- Волос, языч. славян. 80, 105, 137, 228
- Волхов и Волховец, легенд. дети кн. Славена 196
- Волчий Хвост, воев. киевский в. кн. Владимира I Святославича 146
- Волынский Артемий Петрович, гос. деятель, обер-егермейстер 270, 337
- Вольтер Франсуа-Мари Аруэ, французский мыслитель, писатель 19, 61, 395, 421, 465, 482, 483, 485, 487, 489, 512
- Вонифатий *см.* Бонифатий
- Воронов С., переводчик 377
- Воронцов Семен Романович, гр., дипломат 532, 533
- Всеволод Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I 145, 154, 289, 292
- Всеволод III Юрьевич, в. кн. киевский и владимиро-суздальский, сын в. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 24, 291
- Всеслав Васильевич, кн. витебский, сын кн. Василия Брячиславича 193
- Всеслав Изяславич, кн., сын кн. Изяслава Владимировича 159, 220, 296, 297
- Вуефаст, русский посол 265

- Вук Стефанович *см.* Караджич
 Вулетич В. Х., литературовед
 550
 Вульфстан, путешественник,
 автор соч. 202, 221, 357, 376
 Вышеслав Владимирович, кн.
 новгородский, сын в. кн.
 Владимира I Святославича
 145, 154, 292
 Вяземские, князья 521
 Вяземский Петр Андреевич, кн.,
 поэт, критик 404, 414, 420,
 461—463, 476, 479, 500, 507,
 508, 514, 521, 529, 536, 544,
 549, 551, 555, 572
 Вялова С. О., историк 332
 Вятко, легенд. кн., родона-
 чальник славян-вятичей 48, 194
 Гаврилопул, славянин 109
 Гагек (Гагеций) Васлав, чеш-
 ский историк 188, 194, 322,
 357, 362
 Газе Карл-Бенедикт, фран-
 цузский историк, перевод-
 чик, издатель хроники Льва
 Дякона 274, 336, 357, 367
 Гакан, шведский кор. 58, 215
 Галлус Мартин *см.* Мартин Гал-
 лус
 Гальвий, грек 245
 Гальдан, датский кор. 209
 Гальфдан, норвежский кор. 209
 Гандуван, легенд. царь 208
 Ганкенштейн Иоганн Алоус,
 историк 310, 311, 357, 358
 Гаральд I Блотанд, датский кор.
 202, 210
 Гаральд, норвежский кор. 211,
 269
 Гардорик, легенд. кн. славян-
 ский 23
 Гарелин Н. Ф., библиофил 549
 Гарткнох Христоф, немецкий
 историк 181, 216, 221, 228,
 298, 358
 Гарун аль-Рашид (Гарун эр-
 Рашид), арабский халиф 323
 Гатгерер Иоганн Христоф, не-
 мецкий историк 176—178, 181,
 183, 187, 188, 191, 193, 201,
 202, 215, 217, 218, 231, 236,
 251, 252, 263, 264, 301, 358,
 359, 380, 381
 Гауеншильд Ф.-Л.-А., перевод-
 чик 538
 Гаукал *см.* Ибн Гаукаль
 Гваньини (Гванин) Александр,
 польский хронист 227, 228,
 307, 359, 562
 Гебгарди Людвиг Альбрехт,
 немецкий историк 182, 185,
 186, 190, 198, 203, 219—222,
 224—227, 229, 230, 239, 250,
 252, 253, 275, 359, 366, 379,
 382
 Гегель Георг Вильгельм Фрид-
 рих, философ 465, 467, 480
 Геденон Балабан, еп. галицкий
 309
 Гейдерих (Гейдрик), сканди-
 навский кор. 209, 211
 Гейза, венгерский кор. 253
 Гейне Христиан Готлоб, автор
 соч. 181, 359
 Гейнцельман, ученый естествен-
 ник, автор соч. 182
 Гейрравд, легенд. русский кн.
 209
 Гейррида, легенд. русская кнг.
 209
 Гекатей Милетский, др.-греч.
 географ 234, 359
 Гелазий, богемский хронист, из-
 данный Г. Добнером 191, 359
 Гельмольд, немецкий миссио-
 нер, хронист 67, 77, 195, 208,
 210, 219—222, 224—227, 229,
 230, 306, 355, 359, 370
 Генил, язык. славян. 79
 Георгий, библ. 258, 308
 Георгий Амартол (Георгий мо-
 нах), византийский хронист
 244, 245, 259, 360
 Георгиш Петр, автор соч. 212,
 360
 Гербер Иоганн Густав, автор соч.
 185, 191, 360
 Герберштейн Сигизмунд, им-
 перский барон, дипломат,
 автор соч. о России 175, 201,
 208, 214, 240, 241, 250, 282,
 288, 291, 303, 307, 353, 360,
 562
 Герборг, легенд. русская царица
 209
 Гервазий, др. германский хро-
 нист 201, 360

- Гергейр, альдейгабургский владетель 209
- Гергерда, легенд. русская кнг. 209
- Гердер Иоганн Готфрид, немецкий философ, писатель-просветитель 474, 482
- Герен Арнольд Герман Людвиг, немецкий историк 235, 360
- Геркен Филипп Вильгельм, немецкий историк 190, 360
- Герлавг, легенд. русский кн. 209
- Германарх (Эрманарих), вождь готов 37, 38, 40, 62, 179, 183, 199, 204
- Германик, римский полководец, консул 16
- Геровит (Яровид), языч. славян. 79
- Геродот (Иродот), др.-греч. историк 13, 15, 32—36, 48, 151, 176—179, 182, 201, 234, 273, 293, 343, 421, 464
- Геронтий, митр. московский 560
- Геснер Иоганн Матиас, немецкий филолог 180, 271, 343, 360
- Гете Иоганн Вольфганг, фон 482
- Гиармати Самуэль, филолог 250, 360
- Гиббон Эдуард, английский историк 187, 188, 258, 304, 305, 360, 465, 516, 520
- Гизо Франсуа-Пьер, французский историк 393
- Гиль, венгерский кн. 253
- Гиллельсон М. Н.*, литературовед 399
- Гильденштедт Иоганн Антон, географ, этнограф 251, 267, 273, 361
- Гименей, др.-греч. миф. 227, 228
- Гитсим, ширваншах 268
- Глазырина Г. В.*, историк 332
- Глеб (Роман) Владимирович, кн. муромский, сын в. кн. Владимира Святославича 24, 27, 145, 154, 291
- Глебов С., историк, переводчик соч. Плутарха 372
- Глика Мишель, историк 205, 206, 361
- Глинка Сергей Николаевич, писатель, журналист 547
- Глинка Федор Николаевич, поэт, публицист, декабрист 531, 548
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович, писатель 529
- Голицын Александр Николаевич, кн., министр народного просвещения и духовных дел 533, 534, 540
- Гольбах Поль-Анри, французский философ, просветитель 395
- Гомер, др.-греч. поэт 16, 31, 32, 68, 139, 175, 180, 233, 361, 492
- Гонория, греческая царица 184
- Гораздос, архиеп. болгарский 239
- Гордиан, св., мученик 91
- Горихвостов, помещик 289
- Горчаков Александр Михайлович, кн., дипломат, канцлер 532
- Горюшкин З. А., проф. Московс. ун-та, коллекционер 557, 563, 569
- Гостомысл, легенд. кн. русский 23
- Гостомысл, новгородский посадник 25, 94, 197, 207, 240
- Готброд, шведский кор. 209
- Готер, шведский кор. 209
- Готфрид, ютландский кор. 258
- Грацианский И., переводчик, издатель 377
- Греков Б. Д.*, историк, академик 390
- Греч Николай Иванович, журналист, филолог 537, 541, 543, 575
- Грибоедов Александр Сергеевич, писатель, поэт 548
- Григорий, еп. турецкий, автор соч. 208, 361
- Григорий, киевский священник 124
- Гроллавг, легенд. русский царь 209
- Гроций Гуго де Гроот, голландский социолог, юрист 50

- Грубер Иоганн Даниель, немецкий историк, издатель 208, 361
- Губерти Н. В., историк 512
- Гуды, русский посол в Византии 106
- Гуковский Г. А., литературовед 414, 474
- Гульга А. В., философ 4, 460
- Гунигар, легенд. славянский кн. 23
- Гупель Август Вильгельм, автор соч. 215, 361
- Густав I Ваза, шведский кор. 528
- Гусятников М., историк 576
- Давид, библ. 223
- Давид Игоревич, кн. владимиоровольнский, сын кн. Игоря Ярославича 24
- Давид Лука, хронист 216, 217, 361
- Давор, языкч. славян. 80
- Дагоберт, франкский кор. 45
- Дажебог, языкч. славян. 80
- Даксон, ливонский кор. 210
- Далин Улоф, шведский историк, писатель 18, 178, 179, 208, 210, 214—216, 218, 243, 246, 288, 302, 328, 361, 562
- Дамор, языкч. славян 80
- Даниель, историк 19
- Даниил, иг., паломник 444
- Даниил, пророк, библ. 311
- Даниил Заточник, др.-русский писатель 449, 557, 559, 566
- Данцлов Кириша, фольклорист 343, 561
- Дантон Жорж-Жак, деятель Великой Французской революции 439
- Дарий I Гистасп, персидский царь 32, 252
- Дашков Дмитрий Васильевич, гос. деятель, дипломат 549
- Дворниченко А. Ю., историк 399
- Дегип Жозеф, историк-ориенталист 178, 183, 189, 190, 196, 206, 301, 355, 361, 362
- Делиль Гилайме де, географ, картограф 195, 205, 206, 356, 362
- Демидов Павел Григорьевич, коллекционер др. рукописей 334, 559
- Державин Гаврила Романович, поэт 483, 539
- Децебал, царь Дакии 177
- Деций см. Траян Деций
- Джаксон Т. Н., историк 332, 399
- Джиллис Джон, английский писатель 516
- Дзидзилия, языкч. славян. 80
- Диан, ливонский кор. 210
- Диана, др.-рим. миф. 37, 80
- Дида, языкч. славян. 228
- Дидилад, мордовский кн. 197
- Дизавул, турецкий хан 42, 189
- Димитрий (Туптало Даниил Саввич), митр. ростовский, св. 25, 27, 347
- Димитрий Солунский, св. 256
- Диодор Сицилийский, др.-греч. историк 35, 176, 177, 180, 362
- Диоклеас, летописец 185, 362, 368, 377
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий, римский имп. 226
- Дион Кассий Коккеян, др.-греч. историк 177, 362
- Дион Хризостом, греческий философ 176—178, 362
- Дионисий Харакский см. Исидор Харакский
- Дир, киевский кн. 93, 95—100, 102, 108, 110, 230, 243—248, 255, 283, 394
- Дитмар, еп. мерзбургский, хронист 24, 83, 87, 91, 170, 220, 224, 225, 227, 229, 230, 275, 286, 287, 297, 299, 300, 306, 362
- Диюлель, мордовский кн. 197
- Длугош Ян, польский историк 198, 214, 227, 228, 230, 241, 271, 281, 282, 293, 296, 299, 362, 374, 562
- Дмитриев Иван Иванович, поэт, гос. деятель 433, 460, 483, 488, 501, 512, 513, 517, 521, 524, 531, 534, 536, 538, 540, 542, 544, 548—551
- Дмитриев Л. А., историк др.-русской литературы 351
- Дмитриев М., публицист 577
- Дмитрий Александрович, в. кн. новгородский, сын в. кн. Алея-

- сандра Ярославича Невского 21, 302, 307, 336, 340, 341
- Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана IV и Марии Нагой 452, 454, 478, 541, 542
- Дмитрий Иванович Молодой, в. кн. московский, внук Ивана III 436
- Дмитрий Иванович Донской, в. кн. московский и владимирский, сын в. кн. Ивана II Ивановича 11, 15, 21, 308, 343, 417, 430, 432, 435, 436, 449, 472, 522, 564
- Добнер Гелазий, историк 188, 194, 195, 219, 224, 225, 235, 237—239, 338, 362, 363, 376
- Добрая Фрихия, язык. славян. 80
- Добровский Йосеф, чешский историк, славист 186, 187, 199, 200, 222—225, 231, 237, 312, 313, 321, 323, 326, 357, 358, 363
- Доброслав, сербский кор. 74
- Добрыня, богатырь 161
- Добрыня, киевский воев., дядя в. кн. Владимира I Святославича 130, 131, 145—147, 162, 276, 280, 282, 283, 290, 291
- Добрянков Андрих, воин 297
- Довмонт-Тимофей, псковский кн. 27, 559
- Додон, легенд. русский кор. 208
- Долгорукая Нектария Борисовна, кнг., монахиня 299, 300
- Долгоруке, князя 506
- Долнинский Иван, переводчик 347
- Домажирич, новгородский казначей 307
- Домициан Тит Флавий, римский имп. 177
- Дорофей Моневмасийский, византийский хронист 333
- Досифей, митр. сучавский 309
- Достоевский Федор Михайлович, писатель 5
- Дубов И. В., историк 399
- Дукс, монах 236
- Дурих Фортунат, историк 187, 225, 364
- Дюканж Шарль, французский византист 181, 245, 255, 257, 258, 262, 264, 270, 271, 276, 364
- Дю-Барри, фаворитка короля Людовика XV 496
- Дюшен Андре, историк, издатель франкских летописей 57, 190, 210, 246, 257, 356, 364, 365, 380
- Евгений Булгар (Булгарис), архиеп. славенский, херсонский, автор соч. 270, 344
- Евдокья см. Берта
- Евфимий, константинопольский патриарх 260
- Едигей, эмир Ногайской Орды 450
- Екатерина I, имп-ца 17
- Екатерина II, имп-ца 21, 26, 229, 237, 334, 335, 340, 418, 429, 432, 436, 437, 471, 487, 488, 490, 494, 496—506, 509, 514, 541
- Екатерина Павловна, в. кнг. 522, 524, 528
- Елагин Иван Перфильевич, гос. деятель 247, 254, 276, 297, 344, 572
- Елена Васильевна Глинская, в. кнг., жена Василия III 455, 457
- Елизавета Петровна, имп-ца 17, 172, 310, 342, 347, 351, 437
- Ениш Г. А., историк 573
- Епифаний Славинецкий, писатель, составитель греко-латин. словаря 325, 341
- Ермак Тимофеевич (Василий Тимофеевич Аленин), казачий атаман 476, 540
- Ермолаев Александр Иванович, археолог, нумизмат 261, 335, 345, 557, 574
- Еферий (Елевферий), св. 116, 266
- Жеблень Антуан, французский филолог 118, 364
- Живов В. М., филолог 4, 403
- Жилотуг, легенд. кн. 196
- Жолкевский Станислав Станиславич, коронный гетман Речи Посполитой 450

- Жомилину Антуан-Апри, военный теоретик, историк 534
- Жоффре, французский педагог на службе в России 538
- Жюльен А., французский писатель 538
- Заикины И. И. и М. И., книготорговцы 544
- Закревский А. А., ген. 533
- Земарх, греческий посол 189, 190
- Зенодокс, ученый, космограф 181
- Зибог (Зембог), языч. славян. 79
- Зиваго, языч. славян. 80
- Зивония (Зиванна), языч. славян. 80
- Зигурлам, легенд. русский кн. 209
- Зимстерла (Зимперла), языч. славян. 228, 229
- Зонара Иоанн, византийский хронист 24, 245, 253, 258, 264, 277, 364, 397
- Зосима, архим. киево-печерский 299, 335
- Зоя, византийская имп-ца, дочь имп. Константина VIII 260
- Зубарев Д., историк 576
- Зув Василий Федорович, естествоиспытатель, автор зап. 206, 254, 805
- Зыбата, новгородец 291
- Иаков, монах, автор жития 335
- Иафет (Афет, Иафеф), библ. 22, 189, 196
- Ибн-аль-Асир (Ибн-уль-Азир), арабский историк 320, 323, 335, 840
- Ибн Гаукаль, арабский географ 168, 205, 305, 377, 379, 380
- Ибн Сина (Авиценна), арабский философ, врач 5
- Ибн Фадлан (Фодлан, Фодлан) Ахмет, арабский историк 316, 317, 323, 335, 340, 341
- Иван I Данилович Калита, в. кн. московский 432, 433
- Иван (Иоанн) III Васильевич, в. кн. московский 15, 21, 26, 27, 392, 429, 430, 432, 433, 436, 443, 447, 451, 454, 456, 472—474, 521, 524, 560
- Иван IV Васильевич Грозный, в. кн. московский, затем царь 15, 17, 25, 26, 271, 288, 307, 308, 327, 328, 333, 346, 351, 432, 436, 448, 450, 454, 455, 457, 469, 472, 475, 476, 478, 508, 526, 528, 540, 541, 558, 559, 575
- Иван Иванович Молодой, в. кн., сын Ивана III Васильевича 432
- Иван Поп, переписчик летописи 25
- Иванов Афанасий, книготорговец 544
- Ивар, русский посол 265
- Ивар Видфадме, датский кор. 209, 210, 218
- Игнатий, патриарх константинопольский 97, 244, 246
- Игорь, в. кн. киевский 15, 97—100, 102, 103, 108, 111—114, 116—118, 120—122, 131, 138, 140, 158, 163, 164, 166, 167, 169, 230, 245—248, 250, 254, 255, 257, 258, 260, 263—265, 267, 268, 272, 273, 276, 277, 279, 281, 300, 302, 305, 307, 316, 322
- Игорь (Георгий) Святославич, кн. новгород-северский, сын кн. Святослава Ольговича 173, 193, 227, 228, 246, 258, 259, 275, 289, 350, 351, 557, 560, 564, 573
- Иезекииль, библ. 217, 342, 349
- Иероним, римский богослов, св. 92, 237
- Иерофей, монах, еп. венгерский 253
- Избор, легенд. кн. славян. 23, 24, 197
- Измаил, библ. 206
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын в. кн. Владимира Святославича 145, 147, 154, 159, 220, 283, 292, 296
- Изяслав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 453
- Изяслав Ярославич, в. кн. киев-

- ский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 453
 Исус Сирах, библ. 325, 326, 342, 349
 Исус Христос, библ. 31, 32, 35, 37, 88, 97, 154, 208, 285, 310
 Ижмор, киевский воев. в. кн. Святослава Игоревича 135, 277
 Иконников В. С., историк 546
 Илдей, печенежский кн. 280
 Иллирик, легенд. брат римского имп. Августа 207
 Илия, св., библ. 246, 310
 Ильмера, легенд. кнг. 196
 Илья Муромец, русский богатырь 161, 300
 Имилькон, карфагенец 180
 Ингвар, альдейгабургский кн. 209
 Ингелот (Инегельд) Қари, русский посол в Византии 106, 211
 Ингигерда, альдейгабургская кнг. 209
 Иннокентий (Гизель), автор соч. 350
 Иоаким, еп. новгородский, летописец 23, 24, 265, 278, 275, 290, 291, 293, 335
 Иоанн, новгородский священник, летописец 240, 308, 346, 348, 570
 Иоанн Варяг, мученик 146, 282
 Иоанн, византийский воев. 113
 Иоанн, иллирийский воев. 190
 Иоанн, еп. мекленбургский 226
 Иоанн, византийский магистр 135, 277
 Иоанн, митр. новгородский 27, 240, 563
 Иоанн, болгарский эвзарх, богослов 223, 236, 325, 336, 341, 557, 563
 Иоанн I, митр. киевский 295, 297
 Иоанн II, митр. киевский 26
 Иоанн VIII, папа римский 236, 364
 Иоанн XIII, папа римский 92, 239, 365, 366
 Иоанн I Цимисхий, византийский имп. 131—138, 152, 271, 274, 276, 278, 279, 327
 Иоанн II Комнин, византийский имп. 309
 Иоанн Богослов, евангелист, легенд. автор Апокалипсиса 236, 309
 Иоанн Дамаскин, византийский богослов, философ 236, 336, 563
 Иоанн Златоуст, патриарх константинопольский, писатель 284
 Иоанн Леванда, киевский протоиерей 294, 300, 335
 Иоанн Предтеча, библ. 81, 309, 310
 Иоанн (Ян) Святославич, легенд. кн., сын в. кн. Святослава Игоревича 297
 Иоасаф, патриарх константинопольский 333
 Иов, св., библ. 311
 Иордан Христофор (Иорнанд), готский историк 37, 38, 52, 62, 89, 179, 180, 183—187, 196, 199—201, 221, 240, 313, 365, 450
 Ипабог, языч. славян. 79
 Ипцион, легенд. брат римского имп. Августа 207
 Ишполит, ученик св. Иринея 193, 365
 Иракий, византийский имп. 191, 203, 250, 318
 Ире Иоханн, историк 202, 210, 211, 234, 266, 365, 376, 378, 382
 Иринея, св. 193
 Иродот Аликарнский см. Геродот
 Исаия, еп. ростовский, св. 230, 344, 348
 Исидор (Дионисий) Харакский, автор соч. 178, 362
 Истер, легенд. кн., правнук Иафета 196
 Иустиниан см. Юстиниан II
 Якут (Якут), арабский географ, автор словаря 315, 317, 320, 323, 340
 Каверин Константин Дмитриевич, историк, публицист 386
 Кадлубек (Кадлубко) Висент,

- польский хронист 194, 195, 227, 281, 282, 365
- Кадм, финикийец 180, 235
- Казимир IV, польский кор., в. кн. литовский 313, 334
- Калайдович Константин Федорович, историк, археограф 223, 234, 236, 325, 334, 336, 339, 341, 342, 538, 556, 557, 563, 570
- Калачов Николай Васильевич, историк 552
- Калигула Гай Цезарь, римский имп. 448
- Каллиник, грек 264
- Калокир, греческий воев. 127, 131, 133, 274, 276
- Каменевич-Рвовский Тимофей, дьякон Афанасьевского мон. 207, 270, 335, 336, 338
- Камерариус Иоахим, немецкий гуманист, теолог 359, 365
- Кандид, грек 245
- Каницар, русский посол 265
- Кант Иммануил, немецкий философ 482
- Кантемир Дмитрий Константинович, молдавский кн., ученый, политич. деятель 193, 203, 228, 256, 345, 355, 365
- Капнист В., писатель 577
- Караджич Вук Стефанович, сербский филолог, фольклорист 222, 223, 320, 357
- Карамзин Владимир Николаевич, сын историка 333, 339, 342, 346, 347, 349, 352, 537
- Карл Великий, франкский кор. 55, 67, 68, 71, 161, 188, 210, 218, 222, 225, 230, 239, 293, 365
- Карл Ингельот (Инегельд), русский посол в Византии 105, 106, 211
- Карл II Лысый (Плешивый), франкский кор. 257
- Карл III Толстый (Тучный), франкский кор. 258
- Карл V, германский имп., испанский кор. 17
- Карл-Филипп, шведский принц, сын кор. Карла IX 215
- Карломан, сын кор. германского Людовика 257
- Кармент, др.-рим. миф. 91
- Карн, русский посол в Византии 106
- Карпин Джiovани Плато, папский посол, путешественник 185, 250, 301, 365, 450
- Кархан, венгерский воев. 251
- Карышковский П. О., историк 399
- Кастор, др.-греч. миф. 227, 228
- Каченовский Михаил Трофимович, историк, публицист 463, 571, 577
- Кедрин Георгий, византийский историк, хронист 24, 206, 211, 245, 253, 259, 262—264, 270, 277, 287, 297, 345, 365, 397
- Келер Генрих Карл, археолог 176, 343, 366
- Кентавр, греч. миф. 229
- Кий, легенд. кн., основатель г. Киева 49, 198, 199, 203, 243, 247, 336
- Киннам Иоанн, византийский летописец 192, 301, 366
- Киприан, архим. хутынский, тобольский архиеп. 215
- Киприан, митр. киевский и всея Руси, писатель, переводчик 26, 237, 351, 563
- Кир, византийский философ см. Константин
- Кир, персидский царь 32
- Кир II Великий, первый царь гос-ва Ахеменидов 32, 34, 252
- Кирилл, архиеп. александрийский, богослов 284
- Кирилл, еп. туровский, церковный деятель 449, 557, 559, 566
- Кирилл (Константин), славянский просветитель, создатель азбуки, философ 89, 92, 97, 108, 154, 171, 172, 206, 207, 235—238, 284, 313, 344, 347
- Кириный, легенд. брат римского имп. Августа 207
- Кирпичников А. Н., историк 399
- Кислягина Л. Г., историк 4, 480
- Клапрот Генрих Юлий, немецкий историк-ориенталист 205, 267, 366, 369
- Климент, папа римский, св. 153, 288, 300

- Клодий Кай, римский полководец 273
- Клошток Фридрих Готлиб, немецкий поэт 489
- Клотарий, франкский кор. 211
- Клочков Михаил Васильевич, историк 513
- Ключевский Василий Осипович, историк 458, 468, 471, 472, 480
- Книв, готский кор. 199
- Ковтунова И. И.*, литературовед 464, 480
- Кодин Георгий, византийский историк 264, 287, 366
- Козар, легенд. кн. 249
- Козлов В. П.*, историк 4, 330, 399, 400, 514, 550, 551, 573
- Козлова Н. А.*, историк 573
- Козма Прагский, чешский хронист 220, 221, 224, 229, 230, 239, 365, 366
- Козодавлев О. П., министр внутренних дел 531, 562
- Колумб (Коломб) Христофор, мореплаватель 6, 55, 447
- Колумбан, св., проповедник христианства 88, 230, 354, 382
- Коль Иоганн Петер, историк др.-русск. литературы 235, 237, 313, 366
- Коляда, языч. славян. 81, 87
- Коман, легенд. кн. 196
- Комосария, боспорская царица 176, 343
- Кондратович Кирьяк Андреевич, переводчик, составитель словаря русск. яз. 355
- Конрад Николай Иосифович*, академик, востоковед 466, 480
- Константин (Кипр), византийский богослов, философ 149, 283, 288
- Константин I Великий, римский имп. 166, 181, 211, 217, 244—246, 286
- Константин VII Багрянородный, византийский имп., писатель 57, 73, 82, 97, 103, 109, 117, 123—126, 167, 168, 170, 191, 195, 199, 205, 206, 211—213, 224, 231, 245, 250, 251, 254, 257, 259, 260, 262—267, 270, 271, 273, 274, 287, 304, 305, 313, 323, 326, 356, 366
- Константин Копроним, византийский имп. 106, 114, 191
- Константин IX, византийский имп. 24, 137, 152, 259, 260, 320
- Константин Константинович, кн. острожский 172, 310
- Константин Павлович, в. кн. 368
- Константин Святославич, кн. муромский, св. 229, 230, 247, 291, 335, 336, 344, 349, 559
- Контарини Амброзио, венецианский посол в России 562
- Конфуций (Кун-цзы), др.-китайский мыслитель 5
- Косматов Александр, книготорговец 536
- Космолинская Г. А.*, историк 4, 330, 573
- Коссен де Персеваль Жан-Жак, французский историк-ориенталист, переводчик 272, 366, 371
- Котраг, болгарский кн. 45
- Коцебу Август Фридрих, немецкий писатель 538
- Коцель, моравский кн. 92
- Кочубей Виктор Павлович, кн., дипломат, министр внутренних дел 540
- Крак, легенд. польский кн. 281
- Кранц Альберт, богослов, историк 221, 239, 366
- Крашенинников Степан Петрович, путешественник, академик 217
- Криве (Криво), первосвященник латышей 52, 81, 216
- Крод, легенд. славянский кн. 227
- Кромвель Оливер, деятель Английской буржуазной революции 448, 457
- Кромер Марсин, польский историк 214, 227, 228, 282, 286, 366
- Круг Иоганн Филипп, историк, археограф 246, 255, 257, 259—263, 266, 270, 271, 308, 320, 326, 366, 367, 571
- Крум, болгарский царь 280

- Круминг А. А.*, историк, библиограф 322, 342, 347, 348
Ксамольксид, философ 278
Ксеркс I, персидский царь 175
Кубасов Сергей, тобольский сын боярский, автор хронографа 334, 570
Куврат, болгарский кн. 45, 53, 193
Кузан, роев. венгерский 251
Кузьмин А. Г., историк 399
Кулешев, гр. 176
Кулав, витязь 267
Купала, языч. славян. 81, 87, 227, 228
Купидон, рим. миф. 227, 228
Курбский Андрей Михайлович, воев., б-н, писатель-публицист 27, 450, 451, 559, 575
Куря, печенежский кн. 139, 280
Кутузов Алексей Михайлович, друг Н. М. Карамзина 486
Кучюг, печенежский кн. 293
Кущева Е. Н., историк 573
- Лаблеттери Ян-Филипп-Рене де*, французский историк 235, 367
Лаваль А. Г., графиня 530
Лавр, св. 230
Лаврентий, монах, летописец 235
Лавритас, славянский кн. 43, 63, 190, 219
Лагарп Фредерик-Сезар де, швейцарский полит. деятель 517
Ладислав, венгерский кор. 260
Ладо (Лада), языч. славян. 80, 84, 87, 227—229
Ладона (Ляда), языч. славян. 80
Лалакон Феодор, византийский воин 277
Лалох см. Лях
Ламбашер (Ламб) Филипп, историк 288, 367
Ламберт Ашафенбургский, автор соч. 275, 281, 367
Ланкло Нинон де, хозяйка литературного салона 272
Ласло I, венгерский кор. 380
Латухин, балахнинский купец 313, 339, 558
- Лафатер Иоганн-Каспар*, швейцарский ученый 482, 489
Лакерн, славянский кн. 197
Лебедев В. И., переводчик 347
Лебедев Г. С., историк 399
Лебедий, венгерский воев. 251
Лев III Исаврийский, византийский имп. 204
Лев IV Козарский, византийский имп. 204
Лев (Леон) VI Мудрый (Македонский), византийский имп. 104, 106, 219, 245, 255, 258—260, 367, 368
Лев Грамматик, византийский писатель 244, 245, 259, 260, 262, 264, 367
Лев Диакон Калойский, византийский историк, хронист 274, 276—278, 327, 336, 367, 397
Левек Пьер-Шарль, французский историк 234, 282, 367, 515
Левшин Василий Алексеевич, писатель, переводчик 345
Леда, др.-греч. миф. 227
Лейбниц Готфрид Вильгельм, немецкий языковед, философ 50, 202, 217, 306, 360, 367, 368, 374, 405¹
Леклерк Николай Гавриил, французский врач на службе в России, автор зап. 225, 398, 423, 553, 575
Лелевель Иоахим, польский писатель 551, 576
Лель (Поледь), языч. славян. 80, 227, 228
Леонтий (Леон), митр. киевский 166, 298—295, 297, 302, 337, 339
Леонтьев А. Л., переводчик 550
Леонтьевский З. Ф., переводчик 550
Лепехин Иван Иванович, путешественник, натуралист, академик 201, 228, 346
Лерберг Арон Христиан, историк 212, 213, 320, 323, 368, 571
Лжедмитрий I (Дмитрий Иванович самозванец), царь 15,

- 215, 445, 452, 457, 475, 477, 542, 543, 545
- Ливий Тит, римский историк 15, 16, 18, 19, 196, 368, 421
- Лидульфост, русский посол в Византии 106
- Линде Самуил Богумил, польский филолог 256, 368
- Линденброг Ф., историк 365, 371, 380
- Линней Карл, шведский ученый естественный испытатель 179, 182, 368
- Литаврин Г. Г.*, историк 399
- Люттрауд, еп. кремонский 56, 113, 264—266, 304, 368, 371
- Лихачев Д. С.*, литературовед, академик 574
- Ловмянский Х.*, польский историк 390, 399
- Ломоносов Михаил Васильевич, ученый, историк, академик 213, 214, 217, 225, 228, 229, 254, 260, 278, 327, 346, 389, 423, 461, 465, 572
- Лонгинов Михаил Николаевич, библиограф, историк 532, 533
- Лорер Николай Иванович, майор, декабрист 541, 550
- Лосия Го Чжи, китайский историк, переводчик 550
- Лот, библ. 301
- Лотарь I (Лотарий), франкский кор. 241
- Лэтман Ю. М.*, литературовед 406, 414, 479,
- Лудевиг Иоганн Петер, историк 226, 368
- Лузянина Л. Н.*, литературовед 475, 550
- Лукреций Тит Лукреций Кар, др.-рим. поэт, философ 149
- Луций Иоанн, автор трактата 224, 368, 377
- Лыбедь, легенд. сестра кн. Кия 40, 198, 243
- Львов Николай Александрович, издатель, поэт, архитектор 242, 346, 349, 483
- Любовицкие, помещики 269
- Любороссов Н., автор 575
- Людовик I Благочестивый, французский кор. 57, 58, 211, 215, 216, 226
- Людовик XI, французский кор. 448
- Людовик, венгерский (богемский) кор. 312
- Лют, сын киевского воев. Свенельда 140
- Ляда см. Ладона
- Ляпунов Прокопий Петрович, думный дворянин, участник 4-го земского ополчения 1611 г. 445
- Лях (Лалох, Мамох), легенд. польский кн. 194, 197, 281
- Мабли Габриэль-Бонно де, аббат 17
- Маврикий, византийский имп. 62, 219—221, 368
- Мавр (Мавро) Урбин (Орбини Мавро), итальянский историк 77, 182, 194, 229, 346
- Магарешевич Г., сербский переводчик 539
- Магницкий Леонтий Филиппович, математик, автор первого учебника «Арифметика» 249, 346
- Магомет II, турецкий султан 104, 255
- Макаддеси см. Мукаддаси ал-Мақдиси
- Макарий, архиеп. новгородский, митр. московский 26, 27, 207, 208, 247, 288, 327, 335, 351
- Макарий, иеромонах, печатник 344
- Макнавёлли Никколо, итальянский мыслитель, историк 19, 421
- Макогоненко Г. П.*, литературовед 414, 547, 550
- Максим Грек (Михаил Триволлис), монах, писатель-публицист, переводчик 349, 560
- Мал, древлянский кн. 118, 120, 121
- Малиновский Алексей Федорович, сенатор 24, 25, 333, 337, 525, 538, 540, 541, 548, 550, 551, 556, 558
- Малк, любчанин 130
- Маллет Пауль-Генри, французский ученый 19, 179, 202,

- 208, 214, 229, 234, 243, 247, 302, 369, 379
- Малов В. Н.*, историк 332
- Малуша, ключница в. кнг. киевской Ольги 130, 275
- Мальфрида (Мальфреда) Чехиня, жена в. кн. Владимира I Святославича 159, 296
- Мамай, татарский темник, хан Золотой Орды 15, 443, 454
- Мамох *см.* Лях
- Манкиев Алексей Ильич, историк 352, 465
- Маннерт Конрад, историк, географ 175, 177, 178, 181, 188, 192, 193, 286, 369, 371, 372
- Маржарет Жак, французский ландскнехт, автор соч. 477, 562
- Марзана (Церера), языч. славян. 80
- Марий Гай, римский имп., полководец, консул 176
- Марк Аврелий *см.* Аврелий Марк
- Мария, библия. 285
- Мария Федоровна, имп-ца 526, 529, 542, 548
- Марк, македонский философ 292
- Маркиан, римский имп. 39, 96
- Маркс К. 512
- Марс, др.-рим. миф. 80
- Мартин Галлус, автор древнейшей польской хроники 218, 282, 369
- Мартос Иван Петрович, скульптор 477
- Марциана Ульпия, сестра византийского имп. Траяна Марка 274
- Марченко Н. А.*, литературовед 547
- Масков Иоханн Якоб, немецкий историк 18, 176, 219, 221, 369
- Масуди, арабский историк, путешественник 118, 196, 204, 205, 267, 369, 381
- Маш Андреас Готлиб, немецкий историк 221, 222, 224, 226, 227, 229, 369
- Мезамир, антский кн. 42
- Мезоникт Феодосий, грек 327
- Мела Помпоний, историк, географ 175—177, 183, 370
- Мельхиседек, архим. 23
- Менандр, византийский летописец 185, 189, 190, 370
- Менкен И. Б., проф., издатель 224, 365, 366
- Меркурий, др.-рим. миф. 91
- Метигай (Метимагак), печенежский кн. 289
- Мефодий, славянский просветитель, еп. 89, 92, 154, 172, 207, 235, 236, 238, 239, 283, 284, 313, 344, 347
- Меховский Мацей, польский хронист 286, 307, 370
- Мечислав I, польский кор. 145, 161, 293
- Мещерский Н. П., кн. 514
- Миллер Герард Фридрих, историк, археолог, академик 177, 185, 191, 194—197, 199—201, 208, 212, 216—218, 235, 240, 242—244, 254, 282, 288, 298, 320, 327, 336, 344—347, 351, 360, 368, 370, 389, 423, 518, 571, 572
- Милорадович М. А., гр., петербургский ген.-губернатор 531
- Минин Сухорукий Кузьма, нижегородский земский староста 477
- Мисаил, монах 477
- Мислаский Симеон Григорьевич *см.* Самуил
- Мистивой, мекленбургский кн. 224
- Мистиша (Мстиша), сын воев. 269
- Митридат Евпатор, понтийский царь 31, 32, 35, 177, 178, 182, 286
- Михаил, митр. киевский 289, 293—295
- Михаил III, византийский имп. 59, 92, 96, 206, 218, 235, 236, 244—247, 326
- Михаил VII Дука, византийский имп. 223
- Михаил Федорович Романов, царь 15, 520, 541, 543
- Михаил Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский 15, 406, 564
- Могута, богатырь, разбойник 297

- Модерах К. Ф., переводчик 347
 Мозгейм Иоганн Лоренц, историк 231, 370
 Моисей, библ. 181, 204, 230, 310, 342, 345
 Моисей Хоренский, армянский хронист 178, 186, 189, 203, 370
 Мокош, язык. славян. 80, 228
 Монтень Мишель де, французский философ, писатель 5, 525
 Монтеस्कье Шарль-Луи, французский философ, просветитель 482, 500
 Монфокоп Бернард де, французский историк, палеограф 238, 370
 Мориц Карл Филипп, немецкий писатель 482
 Мрнавич Иван Томко, сербский писатель 338
 Мстислав Владимирович Великий, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 453
 Мстислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын в. кн. Владимира I Святославича 145, 154, 300, 383
 Мстислав Давидович, кн. смоленский 308, 334
 Мстислав Мстиславич Удалой, кн. торопецкий, сын кн. Мстислава Ростиславича Храброго 15
 Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, сын кн. Ростислава Мстиславича 15
 Мукаддаси ал-Макдиси (Макаддеси), арабский географ 315, 337, 340
 Муктедир, багдадский халиф 316
 Мунимир, далматский кор. 225
 Муравьев Михаил Никитич, поэт, обществен. деятель, педагог 363, 517, 519, 521, 530, 547, 548
 Муравьев Никита Михайлович, капитан, декабрист 476
 Муравьев Никита Николаевич, ген.-майор 549
 Муравьева Е. П., жена М. Н. Муравьева 530
 Муратов М. В., литературовед 551
 Муратори Лодовико Антонио, историк, издатель 368, 371, 373, 381
 Мусин-Пушкин Алексей Иванович, гр., историк, археограф, коллекционер 25, 216, 224, 289, 333, 334, 335, 338, 342—344, 350, 351, 556—563, 565, 570, 572, 573
 Мустафий, правитель г. Барда 268
 Мюллер Иоани, швейцарский историк 19, 421, 465
 Наполеон I Бонапарт, имп. Франции 418—420, 422, 437, 438, 495—497, 525
 Нартов Андрей, переводчик 343
 Нарушевич Адам Станислав, польский историк 195, 356, 371, 518
 Нарышкин Семен Васильевич, писатель, переводчик 351
 Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович, поэт 483
 Немиза, язык. славян. 79
 Немировский Е. Л., историк 349
 Неофит, еп. черниговский 293
 Нептун, миф. 228
 Нергес, др.-греч. миф. 176
 Нерон Клавдий Цезарь, римский имп. 96, 180, 245, 448
 Нессельроде К. В., гр., министр иностранных дел 545
 Нестор, монах Киево-Печерского мон., летописец XI в. 23—25, 47, 49—55, 57—60, 66, 75, 77, 80, 84, 85, 88, 93—98, 100, 102, 104, 106, 110, 112, 113, 120, 123, 130—132, 138—140, 146, 147, 153, 157—159, 162, 165, 167, 169, 172—174, 185, 191—195, 197—199, 201, 203, 204, 206—208, 211, 213, 214, 216—221, 224—230, 235—237, 240—244, 246—251, 254—260, 262, 264—267, 269—274, 277—283, 286—300, 304—307, 313—315, 320, 326, 334, 337, 338, 340, 344, 345, 347, 348, 351

- Ниенштедт (Нейштет) Франц, ливонский хронист 307, 361 371
- Никита, еп. белгородский 293
- Никита, патриарх константинопольский 262
- Никита Хониатский, византийский летописец 193, 371
- Никитин Афанасий, тверской купец, путешественник 444, 473, 556
- Никифор, болгарский б-н 276
- Никифор I, патриарх константинопольский 193, 224, 336, 337, 371
- Никифор, митр. киевский 27, 450, 560
- Никифор Григора, византийский историк, ученый 185, 217, 371
- Никифор Сторас, византийский имп. 280
- Никифор Фока, византийский имп. 126, 127, 131, 133, 272, 276
- Никифорова Л.*, литературовед 572
- Николаева М. В.*, историк 349
- Николаи Фридрих, немецкий книгоиздатель, просветитель 482
- Николай I Павлович, русский имп. 545
- Николай IX, папа римский 236
- Николай, переписчик псалтыри 238, 239
- Николай Хрисовергий, патриарх константинопольский 150, 283
- Никон, иг. киево-печерский 274 344, 348
- Никсы, патриарх всея Руси 26, 343
- Нифонт, новгородский еп. 24, 27
- Ния, языч. славян. 30
- Новайри Ахмет (Эби-Абд-аль-Вегаб), арабский историк 126, 272, 371, 379
- Новиков Николай Иванович, просветитель, писатель, издатель 422, 481, 483, 488, 490, 556, 561, 572
- Новосельцев А. П.*, историк 398, 399
- Новосильцев Николай Николаевич, ир., государств. деятель 519, 521, 548
- Ной, библ. 182
- Нотарий кор. Велы, венгерский безымянный летописец 251—253, 368, 371, 377
- Оболенский Михаил Андреевич, кн., историк, директор моск. архива МИД 345
- Овчина Телепнев-Оболенский А., кн. 455
- Огус-Хан, татарский хан 192
- Одд Овар, норвежский витязь 209, 263
- Один (Отин), готский царь 178—180, 208, 209, 243
- Один, языч. славян. 78, 98, 246
- Одиссей, др.-греч. миф. герой 31, 175
- Озерецковский Николай Яковлевич, историк, академик 182, 299, 348
- Олдрих (Андрих, Ульрик, Удальрик), чешский кор., герцог богемский 293, 296, 299
- Олеарий Адам, немецкий путешественник, автор соч. о России 280, 371
- Олег I, кн. киевский 15, 16, 52, 75, 80, 98—107, 109—112, 114, 115, 118, 128, 126, 145, 156, 163, 164, 169—171, 174, 195, 211, 230, 243, 247—250, 252, 254—264, 266, 269, 274, 299, 301, 302, 304—806, 322, 326, 394, 427, 474, 477
- Олег Иванович, в. кн. рязанский 454
- Олег Святославич, кн. древлянский, сын в. кн. Святослава Игоревича 130, 140—142, 230, 280
- Олег Святославич, кн. черниговский, сын кн. Святослава Ярославича 453
- Оленин Алексей Николаевич, ученый, историк, археограф 333, 335, 342, 357, 557, 574
- Олимар, легенд. царь 209
- Олимпиада, византийская имп-ца 197, 252

- Олоф Святой, принц, кор. норвежский 159, 297, 298
- Ольга (Елена), в. кнг. киевская, жена в. кн. Игоря I 23, 102, 114, 117, 120—126, 128—130, 141, 148, 150, 170, 171, 174, 246, 254—256, 265, 268—272, 275, 276, 294, 302, 326, 335, 343, 344, 349, 396, 397, 399
- Ольговичи, князья 453, 455
- Ольдекоп Август, писатель, переводчик, журналист 538
- Ольма, киевлянин 100, 248
- Ольденбургский Г. П. Ф., принц 522
- Ономакрит, др.-греч. поэт 175, 371
- Орвар, легенд. рыцарь 263
- Ориген, богослов, автор соч. 193, 371
- Орлай Иван Семенович, историк, автор соч. 253, 348
- Орлов Михаил Федорович, ген.-майор, декабрист 476
- Орфей, др.-греч. миф. поэт 31, 175, 371
- Оскольд см. Аскольд
- Отер, норвежский мореплаватель, автор соч. 51, 202, 371, 376
- Оттон, св., еп. 84, 221, 222, 224, 225, 227, 229, 230, 382
- Оттон I Великий, германский кор., имп. 130, 143, 275, 281, 396
- Оттон III, германский имп. 287, 298
- Павел I, имп. 418, 422, 438, 497, 498, 501, 503, 504, 506, 541
- Павел, апостол, библ. 254, 286, 287, 297
- Павел, византийский ученый, философ, богослов 293, 328
- Павел Дьямон, летописец 180, 371
- Павловский Л., историк, переводчик 375
- Паган, болгарский кн. 224
- Пагжи (Паги) А., историк, автор соч. 259, 274, 367, 372
- Паламед, грек 235
- Паллас Петр Симон, естествоиспытатель, академик, автор соч. 251, 286, 287, 372
- Палицын Авраамий, см. Авраамий Палицын
- Памва (Павел) Берында, ученый, лексикограф 226, 262, 274, 345
- Панин Петр Иванович, гр., сенатор, ген.-аншеф 503
- Парисад, боспорский царь 177
- Парстуки (Берстуки), язык. славян. 78
- Пасини Маффео, печатник 347
- Патрикий Петр, византийский полководец 277
- Пашков Истома Иванович, один из руководителей отряда И. И. Болотникова 445
- Пашуто В. Т.*, историк 390, 398, 399
- Певтингер К., владелец географической карты I—V вв. 372
- Пекарский П. П., историк 547
- Пелконен И.*, историк 332
- Пеллутье Симон, историк 234, 872
- Пельцель (Пельцль) Франтишек Мартин, чешский историк, лингвист 190, 372, 377
- Переверзев Иван Афанасьевич, историк 348
- Передслава, русская кнг. 114, 265
- Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в. 566
- Переяслав, русский богатырь 293
- Перкун, язык. славян. 78, 227
- Перун, язык. славян. 80, 85, 105, 114, 117, 137, 144, 145, 153, 154, 174, 196, 226, 227, 274, 281, 289—291, 326
- Першерон, монах, издатель географии Равенского 216, 359, 372
- Пестель Павел Иванович, декабрист 393
- Петр, апостол, библ. 226, 297, 342, 351
- Петр, болгарский царь 127
- Петр, митр. московский 26
- Петр I Великий, царь, затем имп. 15, 17, 21, 25, 172, 203, 249, 308, 346, 429, 430, 432,

- 436, 437, 448, 454, 468, 470, 472, 487, 501, 502, 505, 509
- Петр II, имп. 17
- Петр Могила, митр. киевский 299
- Петрей Петр, шведский дипломат, хронист 562
- Петров А. А., писатель, поэт 488
- Пештич С. Л., историк 550
- Пиаст *см.* Пяст
- Пигарев К. В.*, литературовед 549
- Пик, язык. славян. 80
- Пимен, архим. ярославский 565
- Пимен, митр. киевский и всея Руси 206, 347, 352
- Писарев Н. И., писатель 575
- Питирим, еп. нижегородский 349
- Пифеас, путешественник, автор географического соч. 179—181, 372
- Плагинон, экзарх 309
- Платон, др.-греч. философ 32
- Платон (Левшин Петр Егорович), митр. московский, историк церкви 193, 287, 349
- Платонов Сергей Федорович, историк, академик 458
- Плещеевы, друзья Н. М. Карамзина 490
- Плимак Е. Г.*, историк 399
- Плиний Старший Гай Секунд, др.-рим. писатель, ученый 14, 38, 175—181, 189, 201, 221, 235, 305, 322, 323, 362, 370, 372, 426
- Плутарх, др.-греч. историк, философ 234, 372, 461, 516
- Плутон, др.-греч. миф. 80
- Погода (Посвист, Похвист), язык. славян. 80, 228
- Погодин Михаил Петрович, историк, публицист 437, 513, 547, 548, 551, 576
- Подага, язык. славян. 79
- Пожарские, князья 506
- Пожарский Дмитрий Михайлович, воев., один из руководителей 2-го земского ополчения 14, 426, 477
- Позвизд Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I Святославича 154, 291, 292
- Полевой Николай Алексеевич, историк, писатель, журналист 351, 393, 400, 474, 549, 551, 572, 573, 575—577
- Полель, язык. славян. 227
- Полиевкт, патриарх константинопольский 270
- Поликарп, архим. печерский 27, 348
- Поликлит, ученый космограф 181
- Полиста, легенд. княжна 196
- Полкан, легенд. божество 229
- Полторацкий Дмитрий Маркович 526
- Полторацкий Сергей Дмитриевич, библиофил, библиограф 548
- Полунин Федор Афанасьевич, автор географического словаря 346
- Поллукс, др.-греч. миф. 227, 228
- Поляков Э. Л., историк 332
- Помпадур Антуанетта Пуассон, маркиза де, фаворитка кор. Людовика XV 496
- Пономарев С. И., библиограф 549
- Попов Д. И., переводчик соч. Льва Диякона 337
- Попов И. В., московский книготорговец 516]
- Попов Нил Александрович, историк, славист 217, 341
- Попович Иоганн Сигмунд Валентион, австрийский ученый 231, 234, 372
- Поревит, язык. славян. 78, 226, 321
- Поренут, язык. славян. 78, 226
- Порусья, легенд. кнг. русская 196
- Посвист *см.* Погода
- Потоцкий Иваци, гр., автор соч. 199, 222, 226, 227, 372, 373
- Похвист *см.* Погода
- Прай Георг, историк 206, 250—252, 273, 373
- Прастен, русский посол 265
- Предслава, дочь кор. венгерского 275

- Претич, киевский воев. 128, 304
 Преторий Матвей, автор соч. 181, 202, 373
 Приап, др.-греч. миф. 79
 Припеала, языч. славян. 79
 Приселков М. Д., историк 345, 566, 573
 Приск, византийский историк 184, 185, 221, 373
 Пров, языч. славян. 79, 86
 Продолжатель Константина Багрянородного, византийский летописец 206, 245, 259, 373
 Продолжатель Регинона, немецкий летописец 271, 275, 354, 373, 380, 396
 Прокопий Кесарийский, византийский историк, писатель VI в. 62, 69, 76, 178, 183, 185, 186, 189, 204, 207, 218, 222, 225, 231, 373
 Прокопович Феофан, церковный деятель, писатель 349
 Прокопович-Антонский А. А., обществен. деятель, писатель 576
 Прометей, др.-греч. миф. 31
 Прусс, легенд. брат имп. Августа I 207
 Птолемей Клавдий Александрийский, др.-греч. астроном, географ 38, 178, 179, 181, 188, 189, 234, 323, 373
 Пугачев Емельян Иванович, руководитель Крест. войны 1773—75 гг. 446
 Путята, новгородский воев. 291
 Пуффендорф Самуил, историк 348
 Пушкин Александр Сергеевич 6, 8, 401, 405, 406, 424, 425, 452, 457, 461—464, 468, 477—480, 515, 532, 536, 544, 547, 548, 551, 572
 Пушкин М., гр. 289
 Пяст (Пиаст), польский кн. 281
 Рабо де Сент-Этьен Жан Поль 490
 Равенский, географ 58, 216, 217, 359
 Радбард, легенд. русский кн. 210
 Радегаст, языч. славян. 78, 226
 Радим, легенд. кн. радимичей 48, 194
 Радишевский Онисим Михайлович, автор соч. 352
 Радищев Александр Николаевич, писатель, мыслитель 422, 508
 Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крест. войны 1670—71 гг. 446
 Раич Йован, историк, автор соч. о славянах 182, 194, 219, 224, 228, 229, 349
 Рамлер Карл Вильгельм, немецкий поэт, переводчик 482
 Рандвер, легенд. русский кн. 210
 Рахдай Удалой, русский богатырь 161, 297
 Регинон, летописец 271, 275, 354, 373, 380, 396
 Регнальд, легенд. кн. 210
 Регнер Лотброк (Рангар Лодброк), датский кор. 210, 218
 Рейнегс Якоб, автор соч. о Кавказе 198, 373
 Рейске Йоганн Яков, немецкий филолог-античник, автор соч. 261, 353, 366, 373
 Рейц Александр Магнус, историк русского права 386
 Рерик, скандинав 56, 214
 Ридигер И. Х. см. Рюдигер И. Х.
 Риквин, мастер 288
 Ринда, русская княжна 208, 209
 Риттер Йоганн Даниель, немецкий географ, автор соч. 256, 373
 Робертсон Вильям, английский историк 17, 421, 516, 520
 Робеспьер Максимилиан-Мари-Изидор, деятель Великой Французск. революции 439
 Роголод, полоцкий кн. 141, 164, 280, 292
 Рогнеда-Горислава, кнг., дочь кн. полоцкого Роголода, жена в. кн. Владимира I Святославича (в монашестве Анастасия) 141, 143—145, 147, 159, 283, 290, 291
 Родман, печенежский кн. 297
 Роллен Шарль, французский историк 515

- Роман I Лакапин, византийский имп. 113, 114, 125, 126, 263—265
- Роман II, византийский имп. 270, 271, 275, 276, 279, 287, 320, 326
- Романовы, боярский род 520, 522
- Ромул, легенд. основатель г. Рим 184
- Рорик, кор. норманнов 211
- Ростислав, моравский кн. 92, 286
- Ростиславичи, князья 453
- Ростоцин Федор Васильевич, гр. 548
- Руальд, русский посол в Византии 106, 221
- Рубан В. Г., издатель 352
- Ругевит, языч. славян. 226
- Рудбек Олоф, шведский историк 175, 176, 373
- Рузброк (Рубруквис) Виллем, монах, французский посол, автор зап. 185, 192, 250, 301, 307, 323, 373, 374
- Рулав, русский посол в Византии 105, 214
- Румянцев Николай Петрович, гр., гос. деятель, коллекционер 339—341, 530, 540, 556, 561, 562
- Рурик, скандинав 56
- Рус, легенд. кн. 196, 320, 338
- Руссо Жан-Жак, французский философ, писатель 493, 494
- Руссов Степан Васильевич, автор зап. 269, 280, 350, 575, 577
- Рыбаков Б. А., археолог, историк, академик 390, 398, 399
- Ругевич см. Рюгевит
- Рыдзевская Е. А., историк 390
- Рыков Ю. Д., историк 332
- Рылеев Кондратий Федорович, поэт, декабрист 476, 480
- Рычков Николай Петрович, автор зап., путешественник 200, 350
- Рычков Петр Иванович, историк, экономист, автор соч. 200, 350
- Рюар, русский посол в Византии 106
- Рюгевит (Ругевич), языч. славян. 77
- Рюдигер (Ридигер) Иоганн Христиан, филолог 231, 373
- Рюрик I, кн. русский 21, 23, 52, 56—59, 75, 93—95, 97—100, 110, 122, 159, 164, 168, 207, 214—216, 219, 225, 239—244, 247, 265, 280, 292, 298, 299, 344, 346, 391, 392, 430, 476, 521
- Рюрик II Ростиславич, в. кн. киевский, сын кн. Ростислава Мстиславича 24
- Савельев Н. В., историк, археолог 549
- Саксон Грамматин, датский хронист, летописец 55, 56, 77, 208—210, 214, 225, 226, 229, 230, 302, 374
- Салмуц, воев. венгерский 250
- Салтан, воев. венгерский 251
- Самаргла (Семаргла, Симаргла), языч. славян. 80, 228, 229
- Само, легенд. кор. богемский 44, 190
- Самуил (Миславский Симеон Григорьевич), историк 344, 345
- Сандий Христофор, историк церкви, автор соч. 285, 374
- Сарницкий Станислав, польский историк 194, 374
- Сахаров А. Н., историк 4, 8, 383, 399, 415
- Сваиндр, русский посол 265
- Свенельд (Сфеннал, Сфагел), воев. киевский в. кн. Игоря I и Святослава Игоревича 117, 120, 122, 133, 135, 137—140, 167, 267, 268, 277—279, 327
- Свердлов М. В., историк 4, 383
- Свешников Л. Л., книготорговец 544
- Свиньин П. П., писатель, издатель 576
- Святовид, языч. славян. 77, 86, 226
- Святополк, моравский кн. 92, 236, 364
- Святополк Изяславич, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Ярославича 453

- Святополк Ярополкович, кн. ту-
ровский 21, 145, 154, 160, 281,
291, 299, 429
- Святослав Владимирович, кн.
древлянскій, сын в. кн. Вла-
димира I Святославича 145,
154, 296, 297
- Святослав Всеволодович, в. кн.
владимирский, сын в. кн. Все-
волода Юрьевича 291
- Святослав Игоревич, в. кн. киев-
ский, сын в. кн. Игоря I
15, 28, 24, 114, 120, 122,
123, 126—140, 142, 155, 158,
163, 164, 170, 171, 174, 225,
249, 254, 265, 268—270, 272—
279, 281, 282, 286, 302, 304,
307, 322, 327, 339, 391, 395,
406, 474
- Святослав Ольгович, кн. нов-
городский 307, 336, 340, 563,
568
- Святослав Ярославич, в. кн.
киевский, сын в. кн. Яросла-
ва I Владимировича 224
- Сегюр д'Агессо Луи-Филипп де,
французский дипломат, писа-
тель 572, 577
- Селивановский С. А., издатель
533
- Семаргла *см.* Самаргла
- Сен-При А., французский исто-
рик 552, 572, 577
- Сен-Тома М. М., французский
педагог на службе в России
538
- Серафим, митр. петербургский
543
- Сербинович Константин Степа-
нович, литератор, секретарь
и биограф Н. М. Карамзина
331, 356, 360, 363, 364, 366—
368, 380, 381, 401, 505, 509,
542, 546, 551, 555, 572
- Сергий, патриарх константино-
польский 283, 290
- Сечени Франциск, венгерский
гр. 253
- Сива (Жива), языч. славян. 78
- Сигеберт, франкский кор. 42
- Сигизмунд I Казимирович, поль-
ский кор., в. кн. литовский
312
- Сигтригг, легенд. царь 209
- Сигурд, русский кн. 159, 298
- Сигурт, датский кор. 210
- Сигфрид, ютландский кор. 258
- Сидоровский И. И., переводчик
345
- Силкизифа, легенд. кнг. 209
- Сим, сын Ноя, библ. 213, 301,
305
- Симаргла *см.* Самаргла
- Симеон, болгарский царь 195.
223, 263
- Симеон Иванович Гордый,
в. кн. московский и владимир-
ский 432
- Симеон Логофет, византийский
хронист 244, 245, 259, 374
- Симеон Столпник, св., библ.
310
- Симон, еп. владимирский 27,
270, 337, 339, 348, 560
- Симонид, греческий поэт 235
- Синеус, варяжский кн. 56, 93—
95, 98, 214, 241—243
- Синий, скандинавский вигязь
56
- Сиповский Василий Васильевич,
историк, литературовед 406,
414
- Скальд *см.* Аскольд
- Скачков П. Е., сторик 550
- Скилиций Иоанн, византийский
летописец 206, 253, 259, 374
- Скиф, легенд. правнук Иафета
196
- Склир *см.* Варда Склир
- Скопин-Шуйский Михаил Ва-
сильевич, кн. 445, 449
- Скорина Франциск, издатель
311, 312, 328, 342, 343, 350
- Скотт Вальтер, английский пи-
сатель 542
- Скусеви, русский посол 265
- Славен (Словен), легенд. пра-
внук Иафета 23, 24, 196, 197,
338
- Слѣнин И. В., книготорговец
544
- Слѣнины, книготорговцы 537,
538, 544, 575
- Смера Иоанн, медик в. кн.
Владимира I Святославича
285, 286, 374

- Снио, скандинавский витязь 56
 Собакин Василий Никифорович, стольник 24
 Соколов П. П., переводчик 344
 Солин Гай Юлий, др.-рим. писатель, географ, автор соч. 175, 370, 374
 Соловьев Сергей Михайлович, историк, академик 386, 400, 430, 451, 458, 569, 574
 Соломон, библ. 145, 158
 Солон, афинский архонт 35
 Солтау Д. В., брауншвейгский писатель 538
 Сомов О. М., писатель, публицист 577
 Софокл, др.-греч. поэт, драматург 16
 Спасский Григорий Иванович, историк, археолог Сибири 540
 Сперанский Михаил Михайлович, госуд. деятель 422, 519, 522, 543
 Станислав Август Понятовский, польский кор. 517
 Станислав Владимирович, кн. смоленский, сын в. кн. Владимира I Святославича 154, 291, 292
 Старктер, датский витязь 209
 Стемид, русский посол в Византии 105, 106
 Стефан, византийский имп. 114, 265
 Стефан, еп. волицкий 292, 293
 Стефан, иг. киево-печерский 344, 348
 Стефан I, венгерский кор. 296, 299
 Стефан IV (Урош) Душан, сербский кор. 223, 224, 349, 352
 Стефан Баторий, польский кор., в. кн. литовский 559
 Стефан Истрианин, переводчик с хорватского яз. 348
 Стефан Сурожский, архиеп., св. 247
 Стирнг Иоханн, шведский историк 301, 302, 374
 Столпосвят, легенд. кн. русский 23
 Страбон, др.-греч. географ и историк 91, 175—180, 218, 234, 235, 286, 372, 375
 Стрибог, языч. славян. 80, 227
 Стриковский Матвей см. Стрыйковский
 Строев В. Н., историк 547
 Строев Павел Михайлович, историк, археограф 339, 556, 557, 563
 Струбе (Штрубе) де Пирмонт Фридрих Генрих, историк, автор соч. 212, 213, 217, 218, 296, 351, 367, 374, 375, 380, 381
 Струвий, собиратель немецких летописей 275
 Стрыйковский (Стриковский) Матвей, польский историк, автор хроники 80, 185, 198, 202, 214, 227, 228, 241, 248, 258, 276, 280, 282, 288, 290, 291, 293, 294, 299, 307, 339, 341, 450, 562
 Стурдза А. С., писатель, дипломат 548
 Стурлавг Трудолюбивый, кн. 209
 Стурлусон Снорри (Стурлезон Снорро), исландский историк, издатель свода саг 145, 159, 179, 201, 214, 243, 269, 282, 297—299, 306, 326, 374, 375, 382
 Судислав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I Святославича 154, 291, 292
 Сукайло В. А., историк, краевед 332
 Сульцер Иоганн Георг, географ, картограф 375
 Сульцер Франц Иосиф, историк, автор соч. о Дакии 193, 228, 375
 Сумароков Александр Петрович, русский писатель, поэт 254, 481
 Сфагел, воев. см. Свенельд
 Сфенкал, воев. см. Свенельд
 Сципион Публий Корнелий Старший (Африкан), римский полководец 14, 104, 426
 Сципионы, римские полководцы 104
 Тартаковский А. Г., историк 549

- Татищев Василий Никитич, историк 6, 23—26, 177, 185, 194, 195, 198, 200, 203, 207, 213, 217, 235, 242, 243, 245, 254, 256, 260—262, 265—268, 270, 272—274, 276, 279—282, 287—289, 291—294, 296, 297, 299, 335, 337, 338, 341, 351, 389, 423, 424, 465, 557, 570, 571
- Тауберт И. К., переводчик 354
- Тацит Публий Корнелий, др.-рим. историк 16, 17, 19, 36, 38, 50, 55, 67, 177, 178, 180—183, 187, 189, 201, 213, 219, 235, 304, 322, 323, 367, 375, 421, 507, 508, 520, 525
- Темир, печенежский кн. 297
- Тиберий (Тиверий) Клавдий Нерон, римский имп. 43, 190, 204
- Тиберин, римлянин 196
- Тимофей, пономарь, переписчик летописи 25
- Тит Ливий см. Ливий Тит
- Тихомиров Михаил Николаевич*, историк, академик 336, 337, 390
- Толстая М. Н., гр. 548
- Толстой Лев Николаевич, писатель 5, 461
- Толстой Н. И.*, литературовед 414
- Толстой Федор Андреевич, гр., коллекционер 24, 312, 352, 556, 559
- Томашевский Борис Викторович*, литературовед 462, 479
- Томира (Томирис), масагетская царица 176
- Торфей Ф., норвежский летописец 175, 201, 202, 208—210, 214, 218, 262, 299, 306, 375
- Тотила, готский кор. 41
- Тохтамыш, хан Золотой Орды 436
- Траннон, легенд. русский царь 208
- Траян Деций Гай Мессий Квинт, римский имп. 199
- Траян Марк Ульпий, римский имп. 32, 37, 47, 48, 90, 176—179, 193, 274
- Тредиаковский Василий Кириллович, поэт, филолог, переводчик 353, 515
- Греер (Граер) Готлиб Самуэл, немецкий историк 287, 375
- Триглав, языч. славян. 79
- Трог Помпей, римский историк 177, 375
- Тропинский Дмитрий Прокофьевич, статс-секретарь, министр уделов 498
- Трубер Примус, издатель 348
- Трувар (Трувр), скандинав 56
- Трувор, варяжский кн. 56, 93—95, 98, 214, 241—243
- Тубер Лудовик, аббат далматский, автор соч. 238, 375, 377
- Туллиан, римский полководец 41
- Тулун (Турун), татарский кн., первый каган 203
- Тунман Ханс Эрих, историк, автор соч. 177, 178, 180, 181, 185, 187, 189, 191—193, 195, 202, 203, 212, 215, 218, 222, 224, 226, 227, 229, 234, 235, 250—252, 263, 274, 283, 301, 375—377
- Тур, варяжский кн. 155, 292
- Тургенев Александр Ивакович, историк, писатель, обществен. деятель 333, 363, 368, 370, 377, 526, 528, 530, 542, 544, 545, 548, 551, 555, 557, 562
- Тургенев Иван Сергеевич, писатель 464
- Тургенев Николай Иванович, публицист, писатель, декабрист 569
- Турилов А. А.*, историк 332
- Турк, легенд. сын Иафета 320
- Тьерри Огюстен, французский историк 393
- Угонай, новгородский тысяцкий 291
- Удальрик см. Олдрих
- Улеб, русский кн. 114, 265
- Ульфила, еп. готский, переводчик Евангелия 91, 234
- Унгнад Ганс, издатель 348
- Ундольский В. М., историк 334
- Урзикус Иоганн Генрих, историк, переводчик 230, 362, 376

- Усмар, богатырь 313
 Усмей-Авар, аварский кн. 191
Успенский Б. А., литературовед 406, 414, 464, 480
- Фарлаф (Фарлов), русский посол в Византии 104, 106
 Фаустина, римская жрица 273
 Феб, др.-греч. миф. 226
 Федор (Феодор), еп. владимирский 290, 293
 Федор Алексеевич, царь 350
 Федор Иванович, царь, сын Ивана IV Васильевича Грозного 342, 460, 468, 478, 542, 543
 Федоров Иван, дьякон, первопечатник 348
 Фемистокл, афинский полководец 14, 426
 Феодор, воев. византийский 278
 Феодор, еп. ростовский 293
 Феодор, еп. салонский 238
 Феодор Варяг, св. 146, 282, 290
 Феодор Стратилат, св. 137, 278
 Феодора, византийская имп-ца 244
 Феодосий I Великий Флавий, римский имп. 41
 Феодосий II, римский имп. 199
 Феодосий Печерский, основатель, иг. Киево-Печерского мон. 23, 27
 Феодот, ученый, космограф 181
 Феопемпт, митр. киевский 295
 Теофан, византийский летописец 189, 190, 217, 376
 Теофан, византийский воев. 113, 264, 265
 Теофан (Феофил), синкел, византийский вельможа 137, 279
 Теофания, византийская имп-ца 270
 Феофил, византийский имп. 54, 57, 58, 206, 215, 216, 271
 Феофилакт, византийский летописец 185, 190, 191, 876
 Феофилакт (Полиевкт), патриарх константинопольский 270
 Фергюсон (Фергусон) Адам, английский историк 516
 Феррерас Хуан, испанский историк 19
 Фива, св. 153
 Фидий, др.-греч. скульптор 16
- Филарет, митр. петербургский, 436, 540
 Филарет (Федор Никитич Романов), митр., затем патриарх всея Руси 15
 Филлимер, легенд. готский царь 183
 Филипп II, македонский царь 35, 177, 182, 197, 252
 Филипп Кольчев, иг. соловецкий, московский митр. 27, 269
 Филиппик, византийский имп. 204
 Филофей, еп. болгарский 276
 Фюль (Феоль) Швайпольт, ученый, историк 313, 349, 352
 Фишер Иоанн Эбергард, историк, академик 175, 201, 217, 352, 370
 Флелав, русский посол в Византии 106
 Флетчер Джильс, английский посол в России, автор соч. 562
 Флинц, легенд. славян. 227
 Флокк, легенд. кн. русский 209
 Флор, св. 230
 Флора, др.-рим. миф. 228
 Фойт, др.-египетское божество 91
 Фойт А., автор соч. 348, 371, 382
 Фока, византийский полководец 152, 287
 Фома, архидиакон, спалатрский хронист 238, 368, 369, 376, 377
 Фома, грек 255
 Фома, еп. ростовский 290
Фонкич Б. Л., историк 332, 337
Формозов А. А., археолог, историк 549
 Форстер Иоханн Рейнгольд, историк, автор соч. 202, 208, 221, 376
 Фортунатус, поэт 234, 376
 Фотий, патриарх константинопольский 96, 97, 166, 239, 244—246, 255, 270, 283, 289, 290, 293, 295, 302, 376, 381
 Фотий, митр. московский 560
 Фотий, настоятель новгородского Юрьева мон. 543
 Фодлан Ахмет *см.* Ибн Фадлан
 Фрамор, кн. альдейгабургский 209

- Фредегарий Схоластик, франкский хронист 190, 191, 219, 364, 376
- Френ Христиан Мартин Иоахим, востоковед, академик 315, 323, 340, 341, 376
- Френздорф Ф. И., бар., губернатор 270
- Фридлев, датский кор. 209
- Фридрих II Великий, прусский кор. 419
- Фридрих Вильгельм I, прусский кор. 487
- Фрихия (Фрея), языч. славян. 78, 80
- Фриш Иоганн Леонард, немецкий лингвист 237, 376
- Фронто I, датский кор. 208, 302
- Фротон III, датский кор. 209
- Фротон IV, датский кор. 209
- Фроянов И. Я., историк 391, 399
- Фукидид, др.-греч. историк 15—17, 19, 421, 464
- Фундаминский М. И., историк 332
- Фюсси-Лаисне, французский литератор 538
- Хавдас, арабский вождь 270
- Хам, сын Ноя, библ. 305
- Хариольд, кн. порманнов 211
- Херасков Михаил Матвеевич, писатель, поэт 481, 488
- Хилков Андрей Яковлевич, кн., стольник 288, 352
- Хилковы, князья 352
- Хильвуд, римский полководец 41
- Хитрова 300
- Хлебников Петр Кириллович, коломенский купец 23, 25, 333, 557
- Хлопко, предводитель восстания холопов и крестьян 445
- Ходаковский З. Я., историк 327, 341, 538, 571, 575
- Хозрой (Хоздрой), персидский царь 53, 54, 203, 262
- Хорив, легенд. кн. 49, 198, 243, 247
- Хорс, языч. славян. 80, 228
- Храбр, монах болгарский, автор соч. 235, 339, 341, 563
- Хрущов А. Ф., коллекционер др. рукописей 293, 341, 558
- Церера см. Марзана
- Циперович И. Е., историк 550
- Цяловская Т. Г., литературовед, пушкинист 463
- Черепнин Л. В., историк, академик 390, 398, 399
- Чернобог, языч. славян. 76, 77, 226
- Чимбах (Чинбег), легенд. кн. русский 216
- Чингисхан (Темучин), основатель и великий хан Монгольской империи 185, 189, 264, 443
- Числобог, языч. славян. 79
- Чудин (Чюдин), киевский б-в 306
- Чулков Михаил Дмитриевич, историк, этнограф 341
- Чур, языч. славян. 228
- Шаликов П. И. кн., писатель, поэт 575
- Шаскольский И. П., историк 399
- Шатобриан Франсуа Рене де, французский писатель 191, 377
- Шахматов Алексей Александрович, историк, академик 546
- Швандтнер Иоганн Георг, издатель 238, 252, 359, 368, 375, 377
- Шевалье Джон Баптист, автор соч. 255, 377
- Шевырев С. П., историк 547
- Шекспир Уильям, английский драматург, поэт 5, 477
- Шелона, легенд. кн. 196
- Шемс-ад-дин Абу-Абд-ула (Шемс-уд-дин), арабский космограф 320, 340, 341
- Шемяка (Шемячич) Дмитрий, кн. 27, 560
- Шенинг Герхард, автор соч. 181, 377, 378
- Шереметев, гр. 520
- Шерер Иоганн Бенедикт, немецкий историк 308, 377
- Шериф ал-Эдриси, нубийский географ 205, 274, 371, 377

- Шеффер И., издатель 219, 369
 Шинхбер, русский посол 265
 Ширакаци Ананий, автор географии армянской (VII в.) 370
 Шишков Александр Семенович, гос. деятель, адмирал, писатель, президент Российской Академии 539
 Шлегель Фридрих, немецкий языковед, писатель 231, 377
 Шлецер Август Людвиг, историк, филолог 6, 21, 179, 180, 182, 187, 189, 198, 200—204, 208, 210, 211, 214—216, 219, 221, 224, 228, 231, 232, 234—237, 243—246, 248, 251—253, 255, 258, 259, 262—264, 272, 275, 298, 307, 308, 320, 326, 343, 352, 354, 357, 365, 368, 377, 378, 380—382, 423, 429, 430, 446, 519, 570, 571
 Шонберг Д., прусский посланник в России 338
 Шперлинг Отто, историк 202, 378
 Шповгольд, немецкий нумизмат 325, 326
 Шпренгель Матиас Кристиан, немецкий историк 180, 181, 199, 285, 341, 353, 355, 378
 Шреттер Франц Фердинанд, автор соч. 225, 378
 Шторх А. К., историк 547
 Штраленберг Филипп Иоанн, географ 175, 185, 378
 Штриттер (Стриттер) Иоанн Готлиб, историк, издатель 178, 190, 191, 213, 217, 218, 244, 282, 352, 366, 373, 379
 Штрубе *см.* Штрубе де Пирмон Ф. Г.
 Шувалов Петр Иванович, гр., ген.-фельдмаршал, сенатор 437
 Шуйские, князья 457
 Шурцфлейш Конрад Самуел, историк 224, 379
 Шушарин В. П., историк 398, 399

Щапов Я. Н., историк 398, 399, 573, 574
 Щек, легенд. кн. 49, 198, 243, 247
 Щекатов Афанасий, географ 343
 Щербатов Михаил Михайлович, кн., историк 6, 198, 237, 248, 258, 276, 280, 296, 339, 342, 352, 423, 465, 520, 553, 556, 557, 561, 570, 572
 Эби-Абдаль-Вегаб Ахмет *см.* Новайри
 Эвельгерд, легенд. брат имп. Августа 207
 Эверс Иоганн Филипп Густав, историк др.-русского гос-ва и права 320, 386, 571
 Эдда, др.-исландский миф. 179, 180, 222, 379
 Эйдельман Н. Я., историк 460, 479
 Эйзенштейн С. М., кинорежиссер 457
 Эймунд, легенд. русский царь 209
 Эйнгард, деятель «Каролингского возрождения», автор соч. 365
 Эйнерлинг И., книгоиздатель 401, 402, 480
 Эльмакин *см.* Аль-Макин
 Энгельс Ф. 484, 512
 Эней, др.-греч. миф. 180
 Эол, др.-греч. миф. 227
 Эпикур, др.-греч. философ-материалист 149
 Эпифаний, телохранитель имп. 266
 Эрбелот Бартедем, историк 185, 186, 189, 203, 204, 249, 282, 287, 320, 379
 Эрик, датский кор. 211
 Эрик, норвежский принц 159
 Эрик Рефильсон, шведский кор. 218
 Эрик Биернсон, легенд. шведский принц 214
 Эрманарих *см.* Германарих
 Эртель В. А., учитель немецкого языка, переводчик 538
 Эсистейн, трандийский кор. 209
 Эсфирь, библия. 311
 Эфик Космограф, автор. соч. 181, 379
 Эфор, историк 35, 182, 234

- Юлиан (Иулиан), монах, путешественник 250
- Юлий Цезарь Кай, римский император 180, 181, 221, 229, 234, 377
- Юм Дэвид, английский историк, философ 19, 263, 296, 301, 328, 379, 421, 465, 520
- Юниус Францискус, автор соч. 234, 379
- Юпитер, др.-рим. миф. 80, 184, 197, 228
- Юрий Александрович, кн. московский, сын в. кн. Александра Ярославича Невского 435
- Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, в. кн. киевский и суздальский 435
- Юстин Марк Юниан (II в.), римский историк 177, 375
- Юстиниан I, византийский имп. 40—42, 189, 204
- Юстиниан II (Иустиниан), византийский имп. 191, 204, 262
- Языков Д. И., переводчик 377, 544
- Яковлева О. Я., историк 337
- Якут *см.* Йакут
- Ян Святославич, кн., сын кн. Святослава Владимировича 297
- Ян Усмошвец, богатырь 161, 297
- Янус, рим. миф. 228
- Яр, язык. славян. 80
- Ярмерик, датский кор. 209
- Яровит *см.* Геровит
- Ярополк Святославич, в. кн. киевский, сын в. кн. Святослава Игоревича 24, 130, 140—143, 145, 274, 280, 281, 286, 301, 423
- Ярослав (Георгий) I Владимирович Мудрый, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира Святославича 21, 25, 100, 145, 154, 157, 160, 165, 248, 260, 261, 269, 290, 292, 295, 299, 300, 303, 304, 308, 346, 350, 352, 383, 429, 432, 435, 563, 567, 569
- Ярослав Всеволодович, в. кн. владими́ро-суздальский, сын в. кн. Всеволода Юрьевича 334
- Ярославна, кнг., жена кн. новгород-северского Игоря Святославича 228
- Ясса (Ясна), язык. славян. 80
- 'Abd ar-Rashīd ibn Sālih ibn Nūrī al-Bākuvī *см.* Аль-Бакуви
- Abu'l-Chazī Bāhādūr Khān *см.* Абу-ль-Гази Бахадур-хан
- Abu l-Fidā, Ismā'il *см.* Абу-ль-Фида
- Adamus Bremensis *см.* Адам Бременский
- Adelung Friedrich von *см.* Аделунг Ф. П.
- Agathias (X s.) *см.* Агафий
- Al-Makīn al-'Amid, Djirdjis *см.* Альмакин
- Al-Nuwairi Shihāb-al Dīn Ahmad ben' Abd al-Wahhab al-Bakru *см.* Новайри Ахмет
- Anonymi Belae regis notarii *см.* Нотарий кор. Бельи
- Ammianus Marcellinus *см.* Аммиан Марцеллин
- Anastasius Bibliothecarius *см.* Анастасий
- Anton Karl Gottlob von *см.* Антон Карл
- Anville Jean Baptiste Bourguignon d' *см.* Анвиль Ж. де
- Apollonius Rhodius *см.* Аполлоний Родосский
- Arndt Johann Gottfried *см.* Арндт И. Г.
- Arrianus, Flavius *см.* Арриан Флавий
- Assemani Giuseppe Simonio *см.* Ассемани Г. С.
- Avienus, Rufus Festus *см.* Авниен
- Ballet (Bullet) Jean Baptiste 232, 380
- Banduri Anselmo *см.* Бандури А.
- Bangert Heinrich *см.* Бангерт Г.
- Banier Antoine 381
- Baronio Cesare *см.* Бароний Цезарь
- Bayer Gottlieb Siegfried *см.* Байер Г. З.

- Beauplan Guillaume Levasseur de *см.* Боплан Г. Л.
 Besmann Johann Christoph *см.* Бекман И. X.
 Bergeron Pierre *см.* Бержерон П.
 Boguphal *см.* Богуфал
 Büsching Anton Friedrich *см.* Бишпиг А. Ф.
 Buczyński G. 550
 Büttner Christian Wilhelm *см.* Битнер X. В.
 Caesar Cajus Julius *см.* Юлий Цезарь Кай
 Carpine Giovanni da Piandel *см.* Карпин Д. П.
 Cedrenos Georgius *см.* Кедрин Г.
 Cinnamus Joannes *см.* Киннам И.
 Chateaubriand François René *см.* Шатобриан Ф. Р.
 Chevalier Jean Baptiste *см.* Шевалье Я. Б.
 Codinus Georgius *см.* Кодин Г.
 Columbanus s. *см.* Колумбан, св.
 Comnena Anna *см.* Комнина Анна
 Constantinus Porphyrogenetus *см.* Константин Багрянородный
 Continuator Constantini Porphyrogeneti *см.* Продолжатель Константина Багрянородного
 Continuator Reginonis *см.* Продолжатель Регинона
 Cosmas Pragensis *см.* Козма Прагский
 Dalin Olof van *см.* Далин У.
 David Lucas *см.* Давид Лука
 Delisle Guillaume de *см.* Делиль Г. де
 Dimashki-*al* Şams al-din Abū *см.* Шемс ад-дин Абу
 Dio Chrysostomus *см.* Дион Хризостом
 Dio Coccejanus Cassius *см.* Дион Кассий Коккеян
 Diodorus Siculus *см.* Диодор Сицилийский
 Diocleas *см.* Диоклеас
 Długosz Jan *см.* Длугош Ян
 Dobner Gelasius *см.* Добнер Гелазий
 Dobrovský Josef *см.* Добровский Йосеф
 Dubuat Nançay Louis Gabrid *см.* Вюат Л. Г.
 Du Cande Charles du Fresne *см.* Дюканж Ш.
 Duchesne André *см.* Дюшен А.
 Dupuy Louis 380
 Durich Fortunat *см.* Дурих Ф.
 Ebn Haukal *см.* Ибн Гаукаль
 Eckart J. G. 374
 Forster Johann Reinhold *см.* Форстер И. Р.
 Fortunatus Venantius Honorius Clementianus *см.* Фортунатус
 Fraehn Christian Joachim *см.* Френ X. И.
 Frisch Johann Leonhard *см.* Фриш И. Л.
 Gallus Anonymus *см.* Мартин Галлус
 Gärber Johann Gustav *см.* Гербер И. Г.
 Gatterer Johann Christoph *см.* Гаттерер И. X.
 Gebelin de Court Antoine *см.* Жеблень А.
 Gebhardi Ludwig Albrecht *см.* Гебгарди Л. А.
 Gedoyn Nicolas 381
 Georgisch Peter *см.* Георгиш П.
 Georgius Amartolus *см.* Георгий Амартол
 Gerken Philipp Wilhelm *см.* Геркен Ф. В.
 Gervasius Tilburiensis *см.* Гervasий
 Gesner Johann Matthias *см.* Геснер И. М.
 Gibbon Edward *см.* Гиббон Э.
 Glycos Michaelis *см.* Глика М.
 Goldbach C. V. 550
 Gregorius Turonensis *см.* Григорий Турский
 Gruber Johann Daniel *см.* Грубер И. Д.
 Guagnini Alessandro *см.* Гваньини А.
 Guignes Joseph de *см.* Дегин И.
 Gildenstädt Johann Anton *см.* Гильденштедт И. А.

- Gyarmathi Samuel *см.* Гиарматти С.
- Hajek Václav *см.* Гаяек В.
- Hanke von Hankenstein Johann Aloys *см.* Ганкенштейн И. А.
- Hartknoch Christoph *см.* Гарткнох Х.
- Hase Karl Benedict *см.* Газе К. Б.
- Hecataeus Milesius *см.* Гекатей Милетский
- Heeren Arnold Hermann *см.* Герен А. Г.
- Heineccii J. G. 360
- Helmoldus *см.* Гельмольд
- Herbelot Barthelemy d' *см.* Эрбелот Б.
- Herberstein Siegmund Freiherr von *см.* Герберштейн С.
- Heyhe Christian Gottlob *см.* Гейне Х. Г.
- Hume David *см.* Юм Д.
- Hupel August Wilhelm *см.* Гупель А. В.
- Ibn al-Athir *см.* Ибн-аль-Асир
- Ibn-Fadlan Ahmad *см.* Ибн-Фадлан
- Ibnal-ibri Grīghor Abū l-Faradj *см.* Абу-ль-фарадж
- Ihre Johan *см.* Ире И.
- Isidorus Characenus *см.* Исидор Харакский
- Jagič V. 338, 370
- Jauffret *см.* Жоффре
- Joannes VIII (papa) *см.* Иоанн VIII
- Jordnandes Johann Christoph von *см.* Иордан И. Х.
- Junius Franciscus *см.* Юниус Ф.
- Juslenius Daniel 381
- Justinus *см.* Юстин М. Ю.
- Kadłubek Wicenty *см.* Кадлубек В.
- Klaproth J. H. *см.* Клапрот Г. Ю.
- Koehler Heinrich-Karl-Ernst *см.* Келер Г. К.
- Kohl Johann Peter *см.* Коль И. П.
- Krantzii A. *см.* Кранц А.
- Kromeri M. *см.* Кромер М.
- Krug Johann Philipp *см.* Круг Ф. И.
- La Bletterie Jean Philipp René de *см.* Лаблеттери Я. Ф. Р. де
- Lagerbring Sven *см.* Бринг
- Lambacher Philipp *см.* Ламбашер Ф.
- Lambertus Hersfeldensis *см.* Ламберт Ашаффенбургский
- Lászlo I *см.* Ласло I
- Leibniz G. W. von *см.* Лейбниц Г. В.
- Leichius J. H. 367
- Lehrberg Aron Christian *см.* Лерберг А. Х.
- Leo Diaconus *см.* Лев Днакон Калойский
- Leo Grammaticus (XI s.) *см.* Лев Грамматик
- Leo VI Sapiens *см.* Лев VI Мудрый
- Levesque Pierre Charles *см.* Левек П. Ш.
- Linde Samuel Bogumił *см.* Линде С. Б.
- Lindenbrog E. 353
- Linné Karl *см.* Линней К.
- Liudprandus *см.* Лиутпранд
- Livius Titus *см.* Ливий Тит
- Lucio Giovanni *см.* Луций И.
- Ludewig Johann Peter *см.* Лудевиг И. П.
- Maciej z Miechowa *см.* Меховский М.
- Mallet Paul-Henri *см.* Маллет П. Г.
- Mannert Konrad *см.* Маннерт К.
- Martin Jacques 381
- March Andreas Gottlieb *см.* Марш А. Г.
- Mascov Johann Jakob *см.* Масков И. Я.
- Mas'udī Abu'l-Hasan *см.* Масуди
- Mela Pomponius *см.* Мела Помпоний
- Menander Protector *см.* Менандр
- Menken J. B. *см.* Менкен И. В.
- Miller K. 372

- Montfaucon Bernard *см.* Мон-
фонкон Б.
Moschini Gion 500
Moses Chorenensis *см.* Моисей
Хоренский
Moshelm Johann Lorenz *см.* Моз-
гейм И. Л.
Mukaddasi-al *см.* Мукаддаси-
аль-Макдиси
Müller Gerhard Friedrich *см.*
Миллер Г. Ф.
Muratori Lodovico Antonio *см.*
Муратори Л. А.
Naruszewicz Adam Stanisław *см.*
Нарушевич А. С.
Nicephorus I *см.* Никифор I
Nicephorus Gregoras *см.* Ники-
фор Григора
Nicetas Choniates *см.* Никита
Хониатский
Nyenstede Franz *см.* Ниен-
штедт Ф.
Olearius Adam *см.* Олеарий А.
Onomacritus (VI s.) *см.* Оно-
макрит
Origenes *см.* Ориген
Ouseley W. 380
Pagi Antoine *см.* Паджи А.
Pallas Peter Simon *см.* Пал-
лас П. С.
Pelloutier Simon *см.* Пеллутье С.
Pelzel Franz Martin *см.* Пель-
цель Ф. М.
Photius *см.* Фотий
Pingre Alexandre Gui 380
Pistorius Johann 359
Plinius Secundus Cajus *см.* Пли-
ний Старший
Plutarchus *см.* Плутарх
Porowitzch Johann Siegmund
Valention *см.* Попо-
вич И. С. В.
Potocki Jan *см.* Потоцкий И.
Praetorius Matthaeus *см.* Прето-
рий Матвей
Pray Georg *см.* Прай Г.
Priscus (V s.) *см.* Приск
Procopius Caesariensis *см.* Про-
копий Кесарийский
Ptolemaeus Claudius *см.* Птоле-
мей Клавдий
Pytheas Massiliensis *см.* Пифеас
Ravennas Anonymus *см.* Равен-
ский
Reiskius J. J. *см.* Рейске И. Я.
Reineggs Jacob *см.* Рейнегс
Якоб
Riedesel J. H. le Baron de 272
Ritter Johann Daniel *см.* Рит-
тер И. Д.
Rudbeck Olof *см.* Рудбек О.
Rüdiger Johann Christian Chris-
toph *см.* Рюдигер И. Х.
Ruysbroeck Willem *см.* Руз-
брок В.
Sacy Antoine Isaak Silvestre de
204, 205, 381
Sammlung 251
S and Christoph *см.* Сандий Х.
Sarnicki Stanisław *см.* Сарниц-
кий С.
Saxo Grammaticus *см.* Саксон
Грамматик
Scheffer J. *см.* Шеффер И.
Schening Gerhard *см.* Шенинг Г.
Scherer Johann Benedict *см.*
Шерер И. Б.
Scherif al-Idrīsi *см.* Шериф аль-
Эдризи
Schlegel Friedrich *см.* Шле-
гель Ф.
Schlözer August Ludwig von *см.*
Шлоцер А. Л.
Schröder F. E. 373
Schrötter Franz Ferdinand von
см. Шреттер Ф. Ф.
Schurzfleisch Konrad Samuel *см.*
Шурифлейш К. С.
Schwandtner Johann Georg von
см. Швандтнер И. Г.
Scylitzes Joannes *см.* Скили-
ций И.
Severini s. 219, 382
Siestrzenczewicz Stanisław Wo-
husz 251, 382
Simeon Logothetes *см.* Симеон
Логофет
Snorri Sturlusson *см.* Стурлусон
Снорри
Sonnerat Pierre 382
Sperling Otto *см.* Шперлинг
Отто
Sprengel Mattias Christian *см.*
Шпренгель М. К.
Stjernhöök Johan *см.* Стирнг И.

- Stokes A. D. 399
 Strabonis Rerum *см.* Страбон
 Stralenberg Philipp Johan Tab-
 bert von *см.* Штраленберг
 Ф. И.
 Stritter Johann Gotthelf *см.*
 Штриггер И. Г.
 Strube de Pyrmont Friedrich
см. Струбе де Пирмон Ф. Г.
 Strykowski M. *см.* Стрыйков-
 ский М.
 Sulzer Johann Georg *см.* Суль-
 цер И. Г.
 Sulzer Franz Joseph *см.* Суль-
 цер Ф. И.
 Tacitus Cornelius *см.* Тацит
 Публий Корнелий
 Tappe August Wilhelm 549
 Theophanes Homologetes *см.*
 Теофан
 Theophylactus Simocattes
 (VII s.) *см.* Теофилакт
 Thietmarus Merseburgensis *см.*
 Дитмар
 Thomas Spalatensis *см.* Фома
 Спалатрскій
 Thomas St. M. M. *см.* Сен-
 Тома М. М.
 Thunmann Hans Erich *см.* Тун-
 ман Х. Э.
 Toustain Charles François 376
 Torfaeus Thormodus *см.* Тор-
 фей Ф.
 Treuer Gottlieb Samuel *см.*
 Треер Г. С.
 Trogus Pompejus *см.* Трог П.
 Tubero Ludovicus *см.* Тубер
 Лудовик
 Ursinus Johann Heinrich *см.*
 Урзинус И. Г.
 Verelius Olaus *см.* Вереллий О.
 Voigt Adauct 235, 237, 382
 Vuk Stefanovič *см.* Вук Стефа-
 нович
 Widekindi Johann *см.* Виде-
 кинд И.
 Witsen Nicolaas Corneliszoon *см.*
 Витзен Н. К.
 Yäkut *см.* Якут
 Zonaras Joannes (XII s.) *см.*
 Зонара И.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абиссиния 14, 426
 Авары (аварины, обры), нар.
 31, 41—45, 47, 52, 54, 62,
 71, 111, 171, 189—193, 198,
 202, 203, 222, 251, 263
 Ави, нар. 175
 Авксим, г. 62
 Австрия 73, 192
 Агаряны, нар. 96
 Агафирсы, нар. 33
 Агьяне *см.* Англичане
 Агриппей, нар. 33, 34, 176
 Адорбиган, г. 268
 Адрианополи, г. 132, 327
 Адриатическое море 45, 180
 Азербайджан (Адзарбайджан)
 268
 Азгард, легенд. стр. 179
 Азиатская Россия 35, 179,
 186
 Азии, нар. 53, 179
 Азия 31, 32, 35—39, 42, 45, 50,
 53, 54, 119, 131, 148, 176,
 178, 180, 182, 183, 188, 201,
 234, 274, 398, 443, 447
 Азия Малая 113, 176
 Азия Средняя 384
 Азия Южная 32, 53, 176
 Азов (Тана, Танаис), г. 31, 32,
 179, 263
 Азовское (Меотис, Меотисское,
 Нитис, Сурожское) море 31,
 33, 34, 36, 37, 39, 45, 53,
 119, 127, 176, 178, 183, 188,
 189, 205, 217, 218, 251, 267,
 320, 323
 Аквитаны, нар. 234
 Аккерман *см.* Белгород-Днест-
 ровский
 Акрополь в г. Константинополе
 255
 Алазоны, нар. 33
 Алания, обл. на Кавказе 264
 Аланы, нар. 31, 36—39, 119,
 127, 178, 184, 185, 268, 273,
 322, 384
 Александрия, г. 188, 197, 285
 Алута, р. 40, 111, 187
 Альбаида, г. 205
 Альдаген (Альда, Альдеск) *см.*
 Ладожское оз.
 Альдейгабург (Альдейгиабург),
 г. 159, 209, 298
 Альдога, г. *см.* Ладога
 Альта, р. 453
 Альтайские горы (Имай) 42,
 178
 Амазонки, нар. 177, 201
 Америка 6, 15, 55, 208, 444
 Америка Северная 55, 93
 Амстердам, г. 354
 Анас, р. 234
 Ангерское оз. 200
 Англичане (англы, агьяне), нар.
 211, 213, 222, 263, 301
 Англия (Англианские земли) 19,
 55, 191, 210, 213, 229, 239,
 389, 418, 447, 485, 486, 499,
 500
 Андалузия, обл. 55
 Андрофаги, нар. 33, 35, 47, 193
 Антиохия, г. 285
 Анты, нар. 31, 38—43, 62, 76,
 179, 183, 184, 186, 187, 190,
 384

* *Приимты сокращения:* вол.— волость, г.— город, гос-во — государство, губ.— губерния, д.— деревня, дв.— двор, др.— древнее, княж-во — княжество, креп.— крепость, легенд.— легендарный, м.— местечко, мон.— монастырь, нар.— народ, о-в — остров, оз.— озеро, обл.— область, п-ов — полуостров, р.—река, с.—село, стр.— страна, терр.— территория, у.— уезд., уроч.— урочище

- Аорсы, пар. 37, 176
 Аравы (аравитяпе, мавры, сарацины), нар. 53, 148, 190, 239, 255, 318
 Аракс, р. *см.* Волга
 Араратская гора, библ. 182
 Аримаспы, нар. 176
 Аркадцы, пар. 91
 Аркона, г. на о. Рюген 67, 77, 83, 84, 86, 389
 Армения, стр. 37, 53, 186
 Армяне (армены), нар. 272, 323
 Аррап (Арранская), обл. 118, 119, 322
 Арга, г. 305, 306
 Артанас, р. 191
 Артаны (артаи), нар. 305
 Архангельск, г. 308
 Архангельская губ. 51, 81, 163, 200
 Асмид, г. 205
 Астекуп, г. 268
 Астраханская губ. 205
 Астраханские степи 33, 53
 Астрахань, г. 15, 206, 528
 Атель (Балангиар, Итиль), г. 54, 118, 205, 267, 268, 320, 323—325
 Атель, р. *см.* Волга
 Атмоны, нар. 218
 Атика, обл. 234
 Атики, нар. 234
 Аустерлиц, г. 413
 Афины, г. 16, 37, 232, 426
 Афонская (Святая) гора 223
 Африка 14, 234
 Аэифар, Азивар *см.* Неасит, днепровский порог

 Бабундш, земля 325
 Бавария, земля 195
 Баварцы, нар. 45, 195
 Багдад, г. 316
 Бака (Нефата), г. 268
 Бактрия, стр. 301
 Балангиар *см.* Атель
 Балтийский (Венедский) залив 181
 Балтийское (Венедское, Варяжское, Варанское) море 37—40, 44, 45, 47, 50, 52, 55—59, 67, 88, 91, 145, 163, 179—182, 184, 187, 188, 197, 200, 208, 211, 213, 214, 217, 218, 298, 305
 Балтия (Базилия), о-в 181
 Баннат Темесварский, обл. 178
 Барда (Берда), г. 118, 268, 316, 322
 Баруфорос *см.* Вульнипраг
 Бастарны, нар. 188
 Башкиры (башкирцы), нар. 192, 200, 250
 Башкирия (Башкирская земля), обл. 182, 185, 192, 200, 250
 Белая Вежа (Саркел), г.-креп. 54, 127, 206, 273
 Белая Вежа, г. на р. Остер 273, 304
 Белая Венгрия *см.* Венгрия
 Белая земля *см.* Витландия
 Белая Сербия *см.* Сербия
 Белая Церковь, г. 281
 Белгород-Днестровский (Белый город, Аккерман), г. 194
 Белгород-Киевский (Белой), г.-креп. 155, 158, 292, 293, 297, 304, 314
 Белгород Курский (Белой), г. 266
 Белгородцы, жит. г. Белгорода Киевского 164
 Беленджер (Белендшер), г. 323
 Белобережье, м. в устье Днепра 116, 138, 273
 Белгородка (Белгород), с. близ Киева 145, 292
 Белое (Белые воды, Тиннос), оз. *см.* Белоозеро
 Белое море (Гандвик) 51, 201
 Белое море (Пропонтида) 255
 Белой, г. *см.* Белгород-Днестровский
 Белоозеро (Белозерск, Белые воды), г. 50, 51, 94, 95, 103, 110, 197, 241, 242
 Белосток (Белый Сток), г. 300
 Белые угры *см.* Венгры
 Белый, г. в Смоленской губ. 305
 Бельгийцы (бельгский), нар. 234
 Бельск, г. 300
 Беневентцы, нар. 281
 Берда, г. 205
 Березань (св. Еферия о-в, Борисфен в антич. время), о-в в Черном море в устье Днепра 116, 266

- Берендеи, нар. *см.* Черные клубки
- Берстовое, с. 160, 292, 299
- Берестовское легенд. княж-во 292
- Берлин, г. 482
- Бертасы *см.* Бургасы
- Бессарабия, обл. 15, 102, 104, 111, 130, 194
- Бессы *см.* Печенеги
- Бетпка, обл. в Испании 234
- Бетский, нар. в Испании 91
- Бешикташ, дер. 255
- Биармия *см.* Пермь
- Биссены *см.* Печенеги
- Биссы, нар. 188
- Блухиц г. 288
- Богемия, обл. 40, 42, 45, 72, 73, 77, 79, 83, 86, 87, 89, 92, 187, 225, 230, 275
- Богемцы *см.* Чехи
- Богуслав, г. 281
- Божьск *см.* Бужск
- Болгар (Болгары), г. волжско-камских болгар 268, 282
- Болгария Дунайская (Великая, Черная, Старая) 23, 31, 45, 92, 100, 104, 114, 116, 127, 130, 131, 133, 137, 138, 145, 149, 168, 185, 191—193, 216, 231, 235, 236, 238, 250, 268, 275—278, 285, 304, 305, 326
- Болгары дунайские (черные), нар. 31, 39—42, 47, 53, 111—113, 116, 127, 131, 134, 150, 174, 185, 186, 188, 189, 191—193, 197, 213, 231, 240, 246, 250—252, 263, 274, 276, 281—283, 293, 301, 316, 317, 327, 328, 384
- Болгария (Булгария) Волжско-Камская 144, 146, 147, 250, 301, 305, 323, 324
- Болгары волжско-камские, нар. 39, 146—148, 163, 168, 192, 263, 264, 282, 292, 293, 297, 301
- Большая орда *см.* Орда
- Боричев (Зборичев взвоз), в Кисе 49, 289
- Боронишино, сел. 289
- Босния, обл. 45, 225
- Боспор (Воспор) Киммерийский, пролив 31, 32, 127, 163, 276
- Боспор (Воспор) Фракийский, пролив 31, 96, 255, 258, 264, 265
- Боспорское (Воспорское) царство в Северном Причерноморье 32, 35, 43, 53, 113, 127, 176, 245, 248, 255
- Бранденбургская (Бранденбург), обл. 73, 89, 187
- Брауншвейгская обл. 229
- Брашев (Брасковия, Кронштат), г. в Трансильвании 225
- Брест, г., порт на Западе Франции 222
- Бризаны, нар. 188
- Британия (Касситерские острова) 179, 180, 218, 234, 372
- Буг Западный, р. 48, 163, 194
- Буг Южный (др. Гипсани), р. 33, 34, 52, 112, 225, 274
- Бугский лиман 176
- Будины, нар. 33
- Будутино, с. 275
- Бужане, нар. 47, 48, 188, 194
- Булгар, р. *см.* Волга
- Булгары, нар. *см.* Болгары
- Бургасы (Бертасы), нар. и земля 205, 268, 305
- Вабия, о-в 316
- Вавилон, г. 297
- Вагивария *см.* Карпатские горы
- Вагрия, обл. 79, 86, 227
- Валахи (Волохи, Влахи, Румунье), нар. 47, 191, 192, 195, 252
- Валахия (Волошская земля), обл. 81, 92, 102, 111, 130, 178, 192, 193, 221, 312
- Ванай (Ванакиле), г. 200
- Вандалы, германские племена 39, 181
- Варанк, нар. 208
- Варанкское море *см.* Балтийское море
- Варна, р. 168
- Варуфорос *см.* Вульнипраг
- Варшава, г. 418, 536
- Варяги (вараиги, порманны, фарганы), нар. 23, 25, 47, 53—59, 75, 93—100, 103, 104, 108, 109, 113, 141, 144, 160,

- 161, 163—169, 192, 198, 199, 207, 208, 210—218, 240—244, 246—249, 255, 257, 263, 266, 267, 281, 296, 299, 320, 322, 340, 387—391, 394, 429, 448, 451
- Варяжская земля 141, 207, 241, 305
- Варяжское море *см.* Балтийское море
- Василёв (Васильков), г. 157, 287, 295
- Веймар, г. 482
- Великая Татария *см.* Татария
- Великий водный путь из Варяг в Греки 103, 104, 168, 305
- Великий Переяслав *см.* Переяславец Болгарский
- Вельняне *см.* Волинцы
- Вена, г. 312
- Венедский залив *см.* Балтийский залив
- Венгрия (Угорская земля) Белая и Черная 39, 40, 42, 45, 47, 89, 92, 148, 178, 186, 191, 192, 194, 195, 203, 250, 252, 253, 275, 301, 396, 443, 452, 454
- Венгры (гунигары, маджары, кутригуры, угры, угуры, унугуры, гунигуры, уроги, огоры, сарагуры), нар. 31, 39, 40, 42, 53, 101, 111, 112, 127, 129, 132, 185, 186, 188, 197, 198, 203, 250—254, 263, 264, 274, 275, 281, 283, 287, 298, 323, 384, 394
- Венден (Кесь), г. 181
- Венедское море *см.* Балтийское море
- Венеды (венды, венеты), нар. 31, 37—39, 47, 50, 52, 62, 65, 67—70, 73, 77—79, 83, 88, 90, 91, 179, 180—183, 186, 187, 189, 201, 219, 220, 222, 229, 230, 322, 326, 384, 389, Венецианский залив 227
- Венеция, г. 239, 312, 347
- Венналены, нар. *см.* Русские
- Веручи (Леант), днепровский порог 212
- Веспазия, г. 208
- Вестфалия, обл. 229
- Весь, нар. 50, 51, 94, 98, 99, 101, 197, 201, 240, 242, 280, 442
- Видварии *см.* Латыши
- Византия, Византийская (Восточная Римская) империя 41, 49, 57, 58, 63, 68, 69, 71, 93, 96, 99, 103, 104, 112—114, 117, 118, 124, 130, 137, 152, 168, 170, 199, 239, 240, 245, 388, 396
- Византия, г. *см.* Константинополь
- Вильцы, нар. *см.* Поморяне
- Виндау (Вдов), г. 181, 200
- Виндавская граница 200
- Виндландия *см.* Финляндия
- Винландия *см.* Америка
- Виннета (Юлин), г. в устье р. Одер 67, 68, 79, 82, 169, 221
- Висла, р. 38, 44, 48, 52, 58, 179, 181, 186, 187, 191, 194, 196, 202, 217, 227
- Витебск, г. 305
- Витебская губ. 48, 101, 148, 239
- Витичев, г. 167, 305
- Витлацкия (Белая земля) *см.* Пруссия
- Вифинция, обл. 37, 45, 113, 191, 265
- Владимир Волинский (Лодомир), г. 154, 194, 252, 253, 292, 293, 299
- Владимир Залесский на Клязьме, г. 14, 24, 290—292, 301, 442, 453
- Владимирская губ. 288, 307, 327
- Вогулчи (гогуличи), нар. 201, 250
- Водь (вожане), нар. 200
- Воинь, р. и сел. 267
- Волга (Атель, Булгар, Итиль, Ра, Этель), р. 32, 39, 42, 43, 48, 50, 53, 111, 119, 127, 128, 146, 147, 176, 185, 186, 189, 190, 195, 199, 200, 205, 206, 216, 250, 264, 268, 270, 273, 282, 297, 301, 305, 317, 323
- Волгаст, г. в Померании 67, 79, 221
- Волжская орда *см.* Орда
- Вологодская губ. 51, 163, 200

- Волок Днепровский 305
 Волоковский (Волковский) лес
 см. Оковский
 Волотово, с. под Новгородом
 207
 Волохи, нар. см. Валахи
 Волошская земля см. Валахия
 Волоцкий округ, обл. Рому-
 наци 187
 Волхов (Мутная), р. 14, 80, 85,
 110, 145, 196, 197, 241, 291,
 299, 305
 Волховец, р., проток р. Волхов
 196
 Воляния (Волянь), обл. 24,
 101, 194
 Волинская губ. 48, 101, 194,
 267, 280
 Волянь, г. 194
 Воляницы (вельняне), нар. 88,
 194
 Воронеж, г. 54, 206
 Воронежская губ. 300
 Ворота Железные см. Дербент
 Воротиславль, дв. в Киеве 306
 Воспор Киммерийский см. Бос-
 пор Киммерийский
 Воспор Фракийский см. Бос-
 пор Фракийский
 Воспорское царство см. Боспор-
 ское царство
 Восток 33, 98, 163, 185, 209, 213,
 240, 250, 274, 394, 447, 450
 Восточная Римская империя
 см. Византия
 Восточно-Европейская равнина
 384¹
 Восточное море см. Балтийское
 море
 Востугна, р. см. Стугна
 Вотяки, нар. 50, 200
 Вручий (Вручев), г. см. Овруч
 Встр, р. см. Остер
 Вульнипраг (Баруфорос, Ва-
 руфорос), днепровский порог
 212
 Вусеград, г. см. Вышегород
 Выборг (Выбор), г. 23
 Выбут (Выбутское), с. близ
 Пскова 102
 Выдубичи (Выдибычи), м. под
 Киевом 289
 Вызь, р. 201
 Вычегда, р. 201
 Вышегород (Вышгород) Киев-
 ский, г. 123, 145, 164, 167,
 198, 199, 269
 Вятчи, нар. 47, 48, 53, 66, 87,
 88, 127, 145, 155, 167, 194, 204,
 221, 241, 249, 254, 273, 282,
 289, 291, 292,
 Вятская губ. 51, 163, 200
 Гаага, г. 354
 Гавельберг, г. 79
 Гадес, г. см. Кадикс
 Гадран, г. 205
 Газневиды, нар. см. Турки
 Галата (Галатская башня)
 в Константинополе 255, 258
 Галатия, стр. 37
 Галинды прусские, нар. 189
 Галиция (Червенная, Красная
 Россия), обл. 101, 112, 144,
 145, 155, 195, 250, 252, 293,
 300
 Галицко-Волинское княж-во
 194, 443
 Галич Костромской, г. 14
 Галич, г. 253
 Галлия и Галлы, обл. и нар.
 55, 91, 180, 192, 234, 239, 372
 Гамаксоби, нар. 182, 183
 Гамская земля см. Финляндия
 Гандвик см. Белое море
 Ганджа (Кенжа), г. 119, 322
 Гардарикья см. Россия
 Гардятин, дв. в Киеве 306
 Гевельды, нар. 188
 Геландри, днепровский порог
 212
 Геллеспонт см. Дарданеллы
 Гелоны, нар. 33
 Генуэзцы, нар. 286
 Гепиды, нар. 39, 40—42, 184,
 190
 Германия (Германская империя)
 36, 40, 46, 58, 83, 88, 91, 130,
 140, 141, 143, 176, 180, 186,
 187, 211, 216—218, 222, 231,
 234, 235, 238, 320, 534
 Германцы (германские племена)
 36—38, 44, 67, 90, 91, 95, 104,
 105, 177, 178, 180, 187, 218,
 221, 234, 235, 239, 276, 296,
 322
 Герулы, нар. 37, 40, 179, 221
 Геты (Даки), нар. 31, 35, 47,

- 48, 177, 182, 192, 194, 202, 214
- Гипербореи, нар. 32, 175, 383
- Гиперборейские горы 175, 189
- Гиппанис *см.* Буг Южный
- Гиркия *см.* Россия
- Гирры, нар. 181
- Гитоны *см.* Готфы
- Гнезно, г. 80
- Говос, лес 252
- Гогуличи *см.* Вогуличи
- Голштейнское герцогство 227
- Гольмгард *см.* Россия
- Гольмгардская обл. *см.* Новгородская обл.
- Горы Киевские 49, 198, 247, 306, 307
- Городище, м. под Новгородом 197
- Городище Каганово (Козарское), г. 54, 205, 206
- Горские народы *см.* Черкесы
- Готланд (Готландия, Готский берег), о-в 57, 334, 450
- Готландцы, нар. 57, 213
- Готфы (готы, готоны, гутоны), восточные и западные, нар. 31, 37—41, 47, 50, 52, 55, 57, 63, 78, 91, 92, 178, 179, 181, 184, 186, 187, 198, 202—204, 208, 213, 218, 234, 238, 384
- Гоцы, нар. *см.* Узы
- Греки (византийцы), нар. 14, 19, 31—35, 37—40, 42—44, 61—65, 75, 80, 82, 83, 87, 88, 90, 99, 103—109, 111—118, 125—129, 131—138, 149, 150—152, 156, 164—167, 169, 174, 175, 178—180, 184, 185, 188, 203, 210, 213, 216, 222, 224, 226, 228, 232, 234, 235, 244, 246, 247, 255—257, 259—262, 264—266, 271—274, 276—279, 281, 284—286, 289—301, 304, 322, 325, 327, 384, 426
- Гренландия, о-в. 208
- Греция (Эллада) 15, 37, 40, 41, 43, 45, 49, 53, 54, 56, 62, 66, 68, 69, 79, 90, 91, 96, 99—101, 103—108, 111—115, 125, 126, 127, 137, 144, 159, 161, 163, 167, 168, 170, 189, 190, 196, 210, 216, 217, 234, 235, 248, 263, 266, 267, 273, 275, 278, 282, 284, 285, 292, 298, 306, 365, 438, 446
- Греческая земля 107, 108, 190, 196, 197, 247, 261
- Григория св. о-в. *см.* Хортица
- Грикия *см.* Россия
- Гросвальден, с. в Натангене 202
- Грузины, нар. 203, 323
- Грузия (Иверия), обл. 53, 191
- Гульворси *см.* Островунипраг
- Гунаб, г. 305
- Гуннивар, стр. гуннов 39
- Гунны (Хунны), нар. 31, 38—42, 44, 47, 53, 54, 63, 104, 111, 178, 183—185, 189, 190, 198, 199, 205, 208, 210, 219, 251, 263, 384, 385
- Гунигуры, гуногуры (гунпагары), нар. *см.* Венгры
- Гутоны *см.* Готфы
- Гучва, р. 327
- Дагестан, обл. 118, 127, 273
- Даки *см.* Геты
- Дакция, обл. 36—40, 42, 43, 45, 47, 48, 52, 66, 67, 69, 72, 78, 90, 93, 177—179, 181, 188, 190, 192, 202, 221, 228, 273
- Далекарлия, стр. 210
- Далмация, обл. 43, 45, 69, 73, 189, 191, 225, 227, 237
- Далматы, нар. 73, 92, 188, 225, 238
- Дамаск (Шам), г. 320
- Дания 50, 55, 56, 148, 209, 210, 218, 396
- Данциг, г. 52
- Дарданеллы (Гелеспонт), пролив 31, 191
- Дардания, обл. 45, 231
- Датчане, нар. 51, 55—57, 188, 208, 211, 213, 214, 217, 281, 299
- Двина Западная, р. 48, 95, 163, 180, 195, 213, 239, 300, 305, 343
- Двина Северная, р. 51, 201, 308
- Двинская земля 200
- Дедичное, с. 269
- Дедяков (Гетяков), г. в Дагестане 273
- Деместиков, дв. в Киеве 306
- Демин, г. 67, 221

- Дербент, г. 185, 203, 205
 Дербентская дория *см.* Каспийское море
 Деревя *см.* Древлянская обл.
 Деревская пятина Новгородской обл. 194
 Десна, р. 48, 154, 269, 270
 Дилем, г. 268
 Дистра *см.* Доростол
 Дицина, р. 168
 Днепр (Борисфен), р. 14, 32—35, 40, 48, 49, 53, 96, 99, 100, 102, 112, 116, 119, 127, 128, 142, 153, 167, 168, 178, 186, 189, 190, 194, 198, 218, 234, 243, 244, 247—249, 252, 266, 267, 269, 270, 272—274, 276, 281, 289, 290, 300, 305, 307, 383, 385
 Днепровская гора 289
 Днепровские пороги 57, 103, 112, 138, 163, 168, 251, 254, 266, 274, 300, 305
 Днепровские страны 98, 99
 Днестр (Тирис), р. 34, 39, 45, 110, 187, 194, 196, 250, 274, 276, 293
 Дон (др. Танаис), р. 14, 32—35, 37, 45, 54, 102, 111, 119, 127, 146, 176, 178, 179, 183, 185, 189, 205, 206, 218, 268, 273, 274, 283 300
 Донец Северский, р. 206
 Дори, обл. 203, 204
 Дорогичин *см.* Дрогичин
 Дорогобуж, г. 195
 Дорогожич, уроч. под Киевом 280
 Доростол (Дистра, Дрествин, Дристрон), г. 134—136, 277—279, 327
 Дортштат, г. 211
 Древляне, нар. 47, 48, 52, 66, 101, 111, 117, 118, 120—123, 129, 167, 188, 194, 195, 203, 225, 243, 247, 249, 256, 263, 267, 269, 276, 306, 321
 Древлянская земля (Дерева), обл. 123, 130, 140, 141, 143, 154, 164, 230
 Древлянское княж-во 280
 Дреговичи, нар. 47, 48, 195, 203
 Дрествин *см.* Доростол
 Дристрон *см.* Доростол
 Дрогичин (Дорогичин, Дрочев), г. 195, 300
 Другувиты, м. в Фессалонике 195
 Друзино, с. близ Новгорода 193
 Дулебы, нар. 47—49, 52, 101, 103, 194, 203
 Дунай (др. Истр), р. 32, 34—36, 39—42, 45, 47, 49, 54, 63, 69, 112, 114, 127, 128, 133—135, 138, 168, 186—188, 190—194, 197, 208, 218, 234, 240, 241, 253, 264, 274, 276, 277, 391
 Дунайские страны, обл. 36, 39, 47
 Дшелабе, нар. 305
 Евксинский порт *см.* Черное море
 Евразия 446
 Евреи (иудеи), нар. 148, 202, 204, 235, 293, 323, 324
 Европа 11, 14—17, 31, 36—43, 46, 50, 53, 55, 56, 68, 88—91, 93, 95, 111, 119, 129, 141, 148, 166, 174, 176, 178—180, 182, 183, 200, 201, 234, 239, 253, 257, 264, 276, 292, 328, 384, 389, 418, 421, 422, 426, 438, 443, 446—448, 453, 461, 475, 485, 487, 494, 499, 522, 525, 526, 536
 Европа Восточная 204, 385, 394
 Европа Западная 93, 104, 163, 393, 447, 480, 482, 486
 Европа Северная 179, 180, 218, 394
 Европа Северо-Восточная 34
 Европа Центральная 394
 Европа Юго-Восточная 31
 Европа Южная 91, 93
 Европейская Россия 35, 37, 52
 Европейский Север 50, 91
 Европейцы 38, 62
 Египет 69, 91, 181, 188, 196, 204, 286, 297, 305
 Едиль *см.* Волга
 Екатеринославская губ. 32, 254, 267
 Елец, г. 14
 Емсе, с. 200
 Емская земля *см.* Финляндия

- Емь (ямь), финские племена 50,
200, 213, 300, 323, 442
Енисей, р. 189, 200
Еридан, р. *см.* Эридан
Еферня (Елевферия) св. о-в *см.*
Березань
Ефес, г. *см.* Эфес
Ефривьская пустыня *см.* Эт-
верская пустыня
- Жемоить** *см.* Жмудь
Женева, г. 482, 490
Жилотуг, проток р. Волховец
196
Житомир, г. 194, 350
Жмудь (Самогития), обл. и нар.
80, 81, 201
- Заволочье *см.* Двинская земля
Задонье *см.* Дон
Закавказье 384
Зальцбург, г. 377
Запад 98, 102, 161, 163, 435, 447,
448, 465, 480
Западная империя, основанная
имп. Карлом Великим 239
Западный океан *см.* Балтийское
море
Заслав *см.* Изяславль
Заяцкой о-в 269
Зборичев взвоз *см.* Боричев
взвоз
Зевксишповы бани в Константи-
нополе 258
Зимгала, нар. *см.* Семигалы
Золотая Орда 452, 454, 456, 471
Золотая (Златая) палата во двор-
це в Константинополе 271
Зунд (Сунд), пролив Босфор
255, 326
Зыряне (сыряне), нар. 50, 201
- Иатр, о-в 244
Ивановское оз. 176
Иверия *см.* Грузия
Игуры *см.* Уйгуры
Иерусалим г. 148, 196, 283, 285,
297, 444
Ижорцы (ижеряне), нар. 200
Изборск, г. 47, 49, 50, 94, 123,
197, 199, 241, 242, 254
Изяславль (Заслав), г. Минского
повета 148, 283, 290
Илион, г. *см.* Троя
- Иллирийцы, нар. 194, 237
Иллирик (Иллирия), обл. 39,
41, 45, 46, 65, 92, 184, 190,
194, 237
Ильинское, с. 176
Ильмень (Илмен, Ильмер), оз.
47, 48, 195, 196, 208, 240, 241,
305, 348
Имай *см.* Алтайские горы
Империя готов (Восточная и
Западная) 37
Ингул (Ингулец), р. 251
Индия (Индостан) 14, 35, 37,
65, 301, 426, 444, 473
Ионический залив 41
Иотунгейм, легенд. стр. 51, 218
Иоты, нар. 213
Ирак, г. 268
Иран *см.* Персия
Ирки, нар. 33, 176
Иркутск, г. 537
Ирландия 55, 229
Иргыш, р. 43, 111, 183, 185, 189,
200
Иса, р. 242
Исаборг *см.* Изборск
Искоростень *см.* Коростень
Исландия, о-в 202
Испания 39, 91, 179, 184, 205,
234, 239, 372, 447
Испанцы, нар. 91
Исседоны, нар. 34, 176
Истр *см.* Дунай
Истрия, о-в 227
Италия 41, 43, 45, 55, 90, 91,
112, 141, 179, 180, 192, 213,
234, 239, 545
Итальянцы, нар. 192, 281
Итиль, г. *см.* Атель
Итиль, р. *см.* Волга
Иудеи *см.* Евреи
- Кавказ 14, 31, 37, 178
Кавказская губ. 251, 264
Кавказская стена 53, 203
Кавказская страна 35, 305
Кавказские горы (Черкесские,
Яские) 127, 185, 186, 190,
191, 273
Кадикс (Гадес), г. 91, 180
Казанские болгары *см.* Болгары
Волжские
Казанское царство (ханство) 200,
473

- Казань, г. 15, 528
 Казары *см.* Козары
 Каллипиды, нар. 33, 177
 Калмыки, нар. 33, 168, 183
 Калуга, г. 308, 445
 Калужская губ. 48
 Кама, р. 146
 Каменец, г. в Подолии 309
 Каменный пояс *см.* Уральские горы
 Кангары, нар. *см.* Печенеги
 Кангли (кангиты, хвалисы), нар. 163, 203, 301
 Капичь, уроч. под Киевом 280
 Каппадокия, обл. 37
 Кара Декси *см.* Черное море
 Карвошы, легенд. нар. 188
 Кареоты, легенд. нар. 188
 Каринтия, обл. 45, 74, 89, 191, 192
 Карпатские (Угорские) горы 48, 110, 163, 186, 195, 227, 253, 254, 293
 Карпато-Россы, нар. 253
 Картли *см.* Грузия
 Карфагенская провинция 184
 Касахпя, стр. 127, 273
 Касоги (Косоги), нар. 127, 274
 Каспийское море (Хазарское, Хвалижское, Хвалынское) 32, 34, 36, 40, 53, 118, 119, 146, 148, 163, 178, 182, 184, 189, 197, 203, 251, 268, 301, 305, 322, 323
 Касситерские острова *см.* Британия
 Кассубия, обл. 92
 Кафа (Феодосия), г. 286
 Качалинская станица 119
 Каяния *см.* Квенландия
 Кведлинбург, г. 143, 281
 Квенландия 51, 201
 Кельн, г. 285
 Кельтика, обл. 234
 Кельты (кельтиберцы), нар. 35, 91, 192, 234
 Кенжа, г. *см.* Ганджа
 Кенигсберг, г. 482
 Керас, залив 255
 Кеслин, г. 487
 Кесь *см.* Венден
 Киев (Киова, Куява, Кыев), г. 14, 24, 33, 47—49, 80, 85, 92, 93, 96—103, 105, 108, 109, 111, 112, 114, 117, 118, 120—125, 127—130, 133, 138—148, 150, 153, 154, 156, 157, 160, 163, 167, 168, 170, 174, 195, 198, 199, 210, 214, 216, 221, 230, 240, 241, 243—245, 247, 248, 250—252, 254, 257, 258, 262, 267, 269, 270, 272, 274, 276, 282, 286, 287, 290, 292—295, 297, 299, 301, 304—306, 315, 322, 324, 335, 336, 339, 344, 345, 349, 394, 396, 442, 452, 453, 538
 Киевец, городище на р. Дунае 49
 Киевляне (кияне), жит. 142, 146, 170, 173, 221, 244, 248, 249, 252, 258, 261, 274
 Киевская губ. 48, 281, 283, 292, 295
 Киевская Русь, земля, обл., воев. 248, 251, 394, 444
 Киевские горы 47, 306, 307
 Киевское вел. княж-во, гос. 140, 155, 292, 383
 Кизылбаши *см.* Персия
 Киликия, обл. 217
 Кимвры (Цимбры), нар. 32, 176
 Киммерийский пролив 176
 Киммерийский Воспор *см.* Боспор Киммерийский
 Киммерион, г. 31
 Киммерия, стр. 176
 Киммерияне, нар. 31—33, 176, 384
 Кинбурн, г. 178
 Киова, г. *см.* Киев
 Киргизские степи 34
 Киргизы, нар. 33, 42, 168, 190, 201
 Кириаландия, обл. 51, 201
 Китай, Китайская империя (Хина) 38, 42, 43, 93, 178, 183
 Китайская стена 183
 Китайцы, нар. 183, 190
 Клецино оз. (Плещеево, Переславское) 50, 199, 249
 Ключи Славянские *см.* Славянские ключи
 Клязьма, р. 292
 Козаки 54
 Козария, Козарская земля (Хазария) 148, 167, 168, 199, 205, 206, 250, 264, 267, 273, 305, 306, 320, 322

- Козарское городище близ Воронежа 54
 Козарское море *см.* Каспийское море
 Козары (хазары), нар. 47, 53, 54, 96, 98, 101, 112, 130, 151, 171, 173, 183, 188, 191, 203—207, 215, 216, 236, 240, 243, 249, 250, 263, 264, 266, 268, 273, 274, 287, 308, 320, 321—324, 325, 340, 442
 Козельск г. 14
 Колодезь Каганский, городище 206
 Коломенское, с. под Москвой 445
 Колхида, обл. 31
 Команы, нар. *см.* Половцы
 Комарово, с. 327
 Коногардия, легенд. русская земля 209
 Конопа, г. 168
 Константинополь (Царьград), г. 39—41, 43, 45, 49, 53, 56—59, 63, 65, 82, 96—107, 112, 114, 115, 124, 125, 130—133, 135, 137, 150—152, 154, 166, 167, 169—171, 181, 189, 192, 199, 204, 206, 211, 212, 215, 216, 219, 236, 243—247, 253—255, 257, 258, 261, 263—266, 270, 271, 275—278, 284, 295, 304, 305, 320, 325, 327, 356, 372, 394, 396
 Констанция, г. 168
 Копорье, г.-креп. 200
 Кор, р. 268
 Корела (Кексгольм), г. 247
 Корелы, нар. 200
 Коростень (Искоростень), г. 118, 121—123, 194, 267, 269, 313
 Корсунь *см.* Херсон
 Корсь, литовское племя 51
 Костромская губ. 300
 Крайна, обл. 73, 89, 92, 191, 192
 Краков, г. 313, 349
 Крайский перевоз, на р. Днепре 168
 Красная Россия *см.* Галиция
 Кривы *см.* Кривичи
 Кременец, г. 472
 Крещатик, источник в г. Киеве 290
 Кривичи (Кривы), нар. 47, 48, 50, 54—56, 81, 87, 88, 94, 99—101, 103, 141, 155, 167, 195, 197, 199, 239, 240, 242, 247—249, 280, 291, 292
 Кривская земля, княж-во *см.* Полоцкое княж-во
 Крит, о-в. 257, 272
 Кроаты, нар. *см.* Хорваты
 Кроакия *см.* Хорватия
 Кронштат, г. *см.* Брашев
 Крылос, слоб. 309
 Крым (Таврида) 22, 33, 34, 37, 40, 48, 53, 54, 100, 101, 127, 148, 151, 176, 206, 263, 273, 286. *См.* также Козария
 Кубеша (Кубачи), д. на Кавказе 185, 357
 Кудма, р. 308
 Кума, р. 251
 Куманы *см.* Половцы
 Кумо, р. 322
 Кура (Кур), р. 119, 322
 Куран (Кур), г. в Козарии 205
 Курляндия 51, 52, 81, 146, 181, 200, 201
 Курская губ. 206
 Курский залив (Русна) 58, 216
 Курсюм (Кульсюм) *см.* Каспийское море
 Кутригуры *см.* Венгры
 Куява *см.* Киев
 Лаба, р. *см.* Эльба
 Ладога (Альдога), г. 159, 176, 200, 241, 242, 262, 298, 299
 Ладожане, жит. 200
 Ладожское оз. (Альдаген, Альдеск, Альда, Нево, Ново) 50, 98, 132, 200, 208, 213, 241, 298, 299, 305, 348
 Лазги (лесяги), нар. 268, 321
 Лапландия (Лопарье, Лопь), обл. 15, 213, 300
 Лапландцы (лопари, лопь), нар. 50, 51, 197
 Латыши (видиварин), нар. 47, 51, 52, 58, 81, 200, 202, 214, 221, 227, 239, 282, 385
 Лауенбургское герцогство 227
 Лаузица, обл. 69, 73, 87, 92, 187, 188, 224, 226
 Лациум, обл. 91, 235
 Леанти *см.* Веручи

- Лебедин, г. 101
 Лебедин лес 251
 Лебедия, легенд. стр. 101, 111, 250, 251, 264
 Ледовитое море *см.* Северный Ледовитый океан
 Лезги (лезгинцы), нар. 119, 268, 322
 Ленинград, г. 331
 Лесяги *см.* Лазги
 Летгалия (Летландия), обл. 52, 202
 Летголы, нар. 51, 52, 442
 Ливония (Лифляндия) 50, 145, 169, 181, 200, 202, 208—210, 242, 282, 300, 306, 485
 Ливонцы (ливы, ливь, либь), нар. 50, 200, 307
 Лиман Днепровский 103, 194, 266, 273, 286
 Лины, нар. 188
 Лион, г. 490
 Литва, обл. 40, 51, 52, 80, 89, 145, 180, 185, 201, 228, 292, 342, 432, 443, 452, 454
 Литовцы (литва), нар. 40, 51, 195, 282, 300, 307, 341
 Лифляндская губ. 200
 Лифляндия *см.* Ливония
 Ловать (Ловоть), р. 305
 Лодомир, г. *см.* Владимир Во льинский
 Лозанна, г. 482
 Ломбардия, обл. 266
 Лонгобарды-немцы, нар. 40, 42, 43
 Лондон, г. 482, 532
 Лопари *см.* Лапландцы
 Лопарье *см.* Лапландия
 Лопь *см.* Лапландцы
 Лотыгола *см.* Летгалия
 Луга, р. и обл. 123
 Луговая сторона *см.* Волга
 Луза, р. 269
 Лузитанская провинция 184
 Лукания, обл. 41
 Лутичи (луцаи), нар. 47—49, 187, 194, 195, 249
 Лутовиска, г. 194
 Лутта, р. *см.* Русса
 Луцк (Луческ), г. 167, 195, 292
 Лучане, нар. 167, 195, 304
 Лыбедь, г. легенд. 198
 Лыбедь, р. в Киеве 49, 147, 199, 274
 Львов, г. 194
 Любеч, г. 47, 49, 50, 99, 105, 167, 170, 199, 248, 249, 275
 Люнебург, обл. 69, 89
 Лютичи, нар. 188
 Ляхи *см.* Поляки
 Мавры *см.* Аравы
 Маджарское, оз. 251
 Маджары (Маджар-Юна), г. 251
 Маджары (мажары, мадзары, маддиары, мазары), нар. *см.* Венгры
 Мадшудша, нар. легенд. 325
 Мазовия, мазовшане, обл. и нар. 216
 Мазуры, нар. 307
 Майноты, нар. 191
 Македония, обл. 37, 39
 Македонцы, нар. 202
 Макровии, нар. 175
 Малая Азия *см.* Азия Малая
 Малороссия (Малая Россия) 99
 Малороссияне, жит. 325
 Мальдивские острова 170
 Мальтийцы, нар. 91
 Мамы св., предместье Константинополя 105, 115, 265
 Манси *см.* Остяки
 Мари *см.* Меря
 Марселия (Марсель), обл., г. 91
 Марцианополь *см.* Переяславец Болгарский
 Массагеты, нар. 32, 34, 36, 176, 178, 183, 189
 Матарха (Метраха, Метреха) *см.* Тмутаракань
 Машфат, г. близ Козарии 199
 Медведица, р. 206
 Мезень, р. 201
 Мейсен, обл. 89
 Мекленбург, Мекленбургское герцогство 68, 72, 89, 187, 229
 Мексика 14, 426
 Меланхлены, нар. 33, 35, 47, 48, 176, 193
 Меларское оз. 169
 Мемель *см.* Неман
 Меотис, море *см.* Азовское море
 Меотис, оз. 278
 Мерзебург, г. 79
 Мери (Ростовская), обл. 199, 300

- Меря, финно-угорский нар. 50,
 51, 55, 56, 58, 95, 98, 99, 101,
 103, 179, 197, 199, 201, 242,
 243, 249, 300, 387, 442
 Месимврия, г. 168
 Метанасты *см.* Язиги
 Мещера, нар. 50, 193, 442
 Мещерская земля 199
 Мещеры, нар. 200
 Мидия, Мидийская империя 32,
 37, 53
 Мизия (Мисия), обл. 36, 40,
 45—47, 128, 185, 187, 193,
 263, 285, 327
 Милет, др. г. в Ионии (Малая
 Азия) 32
 Милиниска, г. 199
 Мильцы, нар. 188
 Минск, г. 283
 Минская губ. 48, 154
 Миотисское море *см.* Азовское
 море
 Мирмакион, г. 278
 Могилевская губ. 48, 282
 Моголы *см.* Татары
 Модеаны, нар. 267
 Мойск, оз. 196
 Мокша, р. 200
 Мокшане (мордва), нар. 199
 Молдаване *см.* Валахи
 Молдавия (Угровлахия), обл.
 81, 92, 102, 111, 112, 130,
 178, 193—195, 221, 228, 251,
 264, 309, 312, 344, 345
 Молога, г. 336
 Молога, р. 207, 270, 288, 336
 Мологский у. Ярославской губ.
 289
 Монастыри:
 Александровский *см.* Успен-
 ский
 Влахернский в Константино-
 поле 197
 Воскресенский, в г. Новом
 Иерусалиме 26, 224, 339,
 343, 556
 Выдубицкий *см.* Михайлов-
 ский на Выдубичах
 Георгиевский (Юрьев) в
 В. Новгороде 543
 Зосимосавватиев *см.* Соловец-
 кий
 Ирининский, в Киеве 100, 248
 Киево-Печерский Федосиев
 23, 248, 295, 299, 300, 344,
 345, 559
 Киево-Фроловский 299
 Костромской Ипатьевский 25
 Кутейнский 261, 345
 Лебединский под Киевом 251
 Мамы св. в Константинополе
 258
 Михайловский на Выдубичах
 (Всеволож) в Киеве 289
 Михайловский Златоверхий
 289
 Николаевский Пустынный, в
 Киеве 100
 Сербский Преображения, на
 Афонской горе 223
 Соловецкий на Белом оз. 269,
 346, 556
 Спасо-Евфимиев, в Суздале
 349
 Спасо-Преображенский, в
 Ярославле 565
 Спасский, Перемышльской
 обл. 285
 Троице-Сергиев, в Радонеже
 25, 327, 335, 340, 341, 347,
 454, 556, 560
 Успенский Александровский
 женский Владимирской губ.
 288, 307, 327
 Холопий (Афанасьевский) на
 р. Мологе 207, 336
 Морава, р. 40, 191
 Моравийск *см.* Моровск
 Моравия, обл. 40, 89, 92, 97,
 108, 172, 187, 235, 236, 237,
 239, 312
 Моравы (морваны), нар. 43,
 187, 188, 231
 Мордва, нар. 50, 163, 179, 197,
 199, 201, 264, 442
 Мордовия, Мордовская земля
 199, 264
 Морея *см.* Пелопоннес
 Морлахи, нар. 79, 227
 Морлахия, обл. 227
 Моровск, г. 270
 Москва, г. 15, 25, 240, 242, 247,
 255, 307, 308, 331, 336, 419,
 432, 443—445, 452—454, 471,
 473, 475, 482, 483, 521, 524,
 525, 529, 530, 533, 536—538,
 541, 570
 Москва, р. 247

- Москвичи, жит. 445, 508
 Московская губ. 249
 Московское княж-во, царство 444, 471
 Мста, р. 123, 269
 Музианское оз. 187, 196
 Мукриты, нар. 187, 189
 Мунгалы *см.* Моголы
 Мурманская земля *см.* Норвегия
 Мурманцы *см.* Норвежцы
 Мурманское Лопарье *см.* Лапландия
 Мурманское море *см.* Северный Ледовитый океан
 Муром, г. 51, 95, 154, 164, 199, 247, 291
 Мурома, финно-угорский нар. 50, 51, 95, 98, 101, 199, 201, 243, 442
 Мутная, р. *см.* Волхов

 Напрези (Струвун, Струбун) днепровский порог 212
 Нарва (Ругодив), г. 50, 200
 Нарва, нар. 50, 442
 Натанген, обл. 202
 Неаполитанское королевство 55
 Неасит (Аэифар, Аэивар, Аифар, Аиевар), днепровский порог 212, 325
 Нева, р. 200, 253, 299, 529
 Нево, оз. *см.* Ладожское оз.
 Невры, нар. 33, 48
 Невские пороги 298, 299
 Неглинная, р. 247
 Нежин (Унеж), г. 273
 Нейбранденбург, г. 222
 Нейтра, обл. 239
 Неман (Немен, Мемель), р. 58, 524
 Неметы (немцы), нар. 186
 Немоград, г. *см.* В. Новгород
 Немцы, нар. 40, 90, 180, 181, 186—188, 192, 221, 222, 226, 231, 280
 Немецкая земля *см.* Германия
 Неясыйский (Неясит, Неасит, Аифар), днепровский порог 168, 254, 305
 Нессупи (Эсупи), днепровский порог 212
 Нефата, г. *см.* Бака
 Нея, г. *см.* Новый-город
 Нижегородская губ. 95, 199
 Нижний Новгород, г. 199, 339, 524, 525, 558
 Низ, Низовская земля 282
 Нил, р. 34
 Нитис *см.* Азовское море
 Нифов двор, в Киеве 306
 Новгород Великий (Новгород, Новгород), г. 14, 15, 24, 48, 58, 80, 94—96, 98, 100, 101, 110, 131, 140, 141, 145, 154, 158, 160, 162, 163, 167—170, 193, 195—197, 199, 200, 203, 214, 216, 239, 241—244, 247, 249, 255, 262, 269, 288, 290—293, 296, 298, 299, 301, 306—308, 319, 327, 334, 336, 340, 341, 351, 394, 443, 456
 Новгородская губ. 94, 239
 Новгородская земля, обл. 58, 123, 194, 200, 209, 217, 243, 269, 280, 290, 308, 394
 Новгородское княж-во 443
 Новгородцы, жит. 54, 94, 99, 103, 130, 141, 147, 155, 163, 164, 169, 195, 200, 207, 221, 240, 242, 243, 249, 288, 291, 300, 308, 334, 389, 456
 Ново, оз. *см.* Ладожское оз.
 Новый-город (Неа, Нове), г. в Мизии 187, 196, 197, 315
 Новый Иерусалим, г. 339, 556
 Норвегия 50, 55, 56, 148, 175, 210, 214, 300, 396
 Норвежцы (нурмане, мурмане, урмане), нар. 51, 57, 201, 207, 208, 213, 299
 Норд-Кап *см.* Северный мыс
 Норрики (норици), нар. 192
 Нормандия, обл. 55, 211, 212
 Норманны (северные люди) *см.* Варяги
 Нортумберланд, обл. 218
 Нукбард (Нукирад), земля 196
 Нурманское Лопарье *см.* Лапландия
 Нурманы *см.* Норвежцы

 Оботриты, северные и восточные, нар. 187, 188
 Обры *см.* Авары
 Обь, р. 50, 196, 200, 201, 250
 Овруч (Вручев), г. 140, 194, 280
 Огоры, нар. 31, 42, 190, 191
 Огузы, нар. *см.* Узы

- Одер, р. 67, 89
 Ока, р. 48, 50, 53, 54, 98, 110, 127, 273, 297
 Оковский (Волоковский, Волковский) лес 305
 Олегова (Ольгова) могила, м. в Киеве 88, 110, 230
 Олонецкая губ. 51
 Олтава *см.* Полтава
 Ольвия, г. 31—33, 176, 273.
 Ольгина гора 270
 Ольгин камень 270
 Ольжицы (Ольжичи), с. на р. Десна 269, 270
 Ольмин, дв. в Киеве 100, 248
 Онега, р. 176
 Онежское оз. 182, 348
 Онсициум, г. 191
 Оранненбаумский округ 200
 Орда Царская (Главная), сарматов 32, 33
 Ординцы *см.* Моголы
 Ордисс, р. *см.* Серет
 Орел, г. 4 5
 Орловская губ. 48
 Орель (Ерел, Угл), р. 267
 Осии, легенд. нар. 188
 Османы, нар. *см.* Турки
 Оссы (оссетинцы), нар. 127, 267, 273
 Остафьево, имение под Москвой 420, 521, 524, 525, 541
 Осташковский, у. 305
 Остер (Встр), р. 155, 273, 292
 Острагард, Острогард *см.* Россия
 Островунипраг (Ульворси, Гульворси), днепровский порог 212
 Острог, г. 348
 Остяки (уштяки), нар. 50, 201 250
 Оссы *см.* Оссы
 Офлоны, легенд. нар. 188
 Охват, оз. 305
 Охсенфурт, г. 198
 Пагириты, легенд. нар. 188
 Палестина 181
 Паннония, обл. 39, 42, 45, 47, 72, 91, 111, 194, 199, 235, 236, 252, 274, 285
 Пантикапея, г. 31, 32
 Париж, г. 187, 257, 274, 354, 438, 482, 490, 537, 538
 Пасынча беседа (Пасынков беседа), ул. в Киеве 267, 326
 Пафлагония, обл. 265
 Пачинаки, нар. *см.* Печенеги
 Певк, о-в. на р. Дунай 218
 Певки, нар. 181, 218
 Пейпус *см.* Чудское оз.
 Пекин, г. 550
 Пеласги (пелазги), нар. 90, 91, 234, 235
 Пеласгия *см.* Греция
 Плещеєво оз. *см.* Клецино оз.
 Пелопоннес, п-ов 37, 45, 91, 92, 109, 191
 Пеп, оз. в Осташковском у. 305
 Пензенская губ. 199
 Пера, г. 96
 Перевесище, м. под Киевом 306
 Перевоз Каганский, городище 206
 Перекоп (Перекопский перешеек) 283
 Перемышль, г. Червенский 145
 Перемышльская обл. 285
 Пересечен, г. 267
 Переславское оз. *см.* Клецино оз.
 Переяславль Залесский (Суздальский), г. 292
 Переяславль Киевский (русский), г. 105, 156, 257, 258, 267, 283, 293, 297
 Переяславец Болгарский (Великий Переяслав, Перфлав, Преслава, Марцианополь), г. 128—130, 133, 138, 274, 276, 278, 297, 304, 327
 Переяславльцы (киевские), жит. 105, 258
 Пермская губ. 50, 51, 200
 Пермь (Биармия), др. терр. 51, 210, 242, 315
 Пермь, нар. 50, 51, 201, 442
 Перна, р. 200
 Персия (Иран, Кизылбаш), стр. 42, 43, 53, 102, 146, 179, 203, 251, 301
 Персы (персияне), нар. 42, 176, 179, 186, 190, 272
 Перынь, м. под Новгородом 196, 291
 Петербург (Ленинград), г. 25, 26, 237, 298, 326, 331, 334, 336, 340, 351, 419, 488, 526,

- 529, 532, 534, 537, 538, 540, 541, 555, 561
- Петербургская губ. 94
- Печенеги (печенацы, пединеги, папинаки, папинакиты, бeссы, биссены), нар. 102, 111—114, 118, 128—130, 132, 138, 142, 144, 147, 151, 155—161, 164, 168, 205, 206, 246, 247, 250, 251, 263, 264, 266, 268, 273, 274, 280, 281, 283, 292, 293, 296, 297, 299, 300, 301, 304, 309, 314
- Печерская креп. в Киеве 248
- Печора (Печера), р., вол. 50, 51, 201, 422
- Печора, нар. 50, 201, 442
- Пещан, р. *см.* Пищана
- Пидба, м. близ Новгорода 291
- Пиеннаты, нар. 188
- Пиренейские горы 39
- Пищана (Пещан), р. 146, 171, 282
- Плат, о-в 244
- Плесков (Плесньск) *см.* Псков
- Плещеево оз. *см.* Клецино оз.
- Плиса, р. *см.* Полиста
- Плоцк *см.* Блуцих
- По, р. 180
- Побужье (побожье), *см.* Буг Южный
- Повсложье, обл. по р. Волге 216
- Поднепровье, терр. 394
- Подол, окраина Киева 170, 248, 306
- Подольская губ. (Подоллия) 101, 250
- Подунавье, терр. 385
- Полабы, нар. 227
- Полиста (Плиса), р. 196, 208
- Половцы (команы, куманы), нар. 205, 206, 251, 252, 263, 267, 283, 286, 297, 300, 301, 453
- Полота, р. 48, 195
- Полоцк, Полотск (Полтеск, Пелтиск), г. 47, 49, 50, 94, 95, 105, 141, 154, 164, 199, 208, 247, 257, 292, 311
- Полоцкая губ. 239
- Полоцкая (Полотская, Кривская), обл., земля 141, 154, 292
- Полоцкое княж-во 443
- Полочане, нар. 47, 48, 95, 195, 243, 246
- Полтавская губ. 48
- Польша, Польское гос-во, королевство, земля 33, 40, 47, 48, 73, 87, 89, 92, 145, 148, 186, 187, 282, 292, 307, 452, 500, 518
- Поляки (ляхи), нар. 48, 92, 145, 194, 208, 213, 249, 256, 281, 307, 325, 338, 341, 543
- Поляне, нар. 47—49, 52, 66, 98, 103, 188, 194, 197, 198, 203, 204, 207, 240
- Померания, обл. 67, 89, 187
- Поморье Балтийское 216
- Поморяне (вильцы), нар. 73, 187, 188, 219
- Понизовые города *см.* Низ
- Понизье *см.* Подолия
- Понт Эвксинский *см.* Черное море
- Пората *см.* Прут
- Португалия 39
- Порусье, обл. по р. Руссе 58
- Порусья, р. 196, 208
- Посемье *см.* Семь
- Посульцы *см.* Суличи
- Почайна, р. 125, 289, 290
- Прага, г. 311, 312
- Предславино, с. 147, 283
- Преслава (Перфлав), г. *см.* Переславец Болгарский
- Прибалтика 385, 394
- Прильвиц, г. 68, 222
- Припять, р. 48, 101
- Причерноморье, обл. 384, 442
- Пропонтида *см.* Белое море
- Пруссия (Витландия), обл., земля 37, 40, 52, 58, 89, 181, 193, 207, 214, 216, 217, 221, 298, 338, 485, 487
- Пруская ул. (Пруссы), в В. Новгороде 58, 216
- Пруссы (прусь), нар. 51, 188, 208, 214, 216, 389
- Прут (др. Пората), р. 34, 193
- Псков (Плесков), г. 24, 102, 123, 242, 254, 269, 270, 292, 475, 559, 560
- Псковитяне (псковичи) 288
- Псковская губ. 48, 94, 239
- Псковское оз. *см.* Чудское оз.

- Ра см. Волга
 Рава, г. 235
 Рагуза, г. 189
 Радимичи, нар. 47, 48, 53, 66, 87, 101, 103, 144, 146, 167, 171, 221, 240, 249, 306, 308
 Раска, р. 231
 Радсия, обл. 231
 Ратцебург, г. 78, 222, 227
 Рейн, р. 39, 56, 211, 234
 Ререфенны, нар. 217
 Ретра, г. 72, 78, 82, 84, 86, 224, 229
 Ретрское оз. см. Толлензское оз.
 Реция, обл. 235
 Рига, г. 334, 450, 538, 565
 Рижский залив 200
 Ризаландия, земля 218
 Рим, г. 69, 178, 181, 193, 236, 239, 283, 284, 288, 293, 297, 305
 Римская империя, гос-во (Рим) 14, 15, 32, 35—38, 40, 41, 43, 49, 52, 90, 93, 97, 184, 190, 195, 438, 446, 499, 500, 507, 508
 Римские провинции, владения 39, 92, 176
 Римляне, нар. 14, 16, 19, 31, 35—38, 45, 63, 67, 70, 83, 177, 178, 181, 182, 184—186, 188, 190, 192, 202, 211, 214, 235, 277, 285, 301, 327, 384, 426, 508
 Рион, р. см. Фазис
 Ригта, р. см. Русса
 Рифейские горы 32, 175, 189, 234
 Рог, залив, гавань в Константинополе 255
 Родна, г. 142, 171
 Роксоланы, нар. 36, 39, 58, 177, 217, 218
 Ромны (Ромен), г. 273
 Ромова, м. в Пруссии 52, 202
 Ромунаци, обл. 187
 Росс, г. 217
 Россия (Русия, Русь, Гардарикия, Гиркия, Гольмгард, Острагард, Хунгард) 6—8, 11, 14—16, 21—24, 26, 31, 33, 35, 38, 40, 46—48, 50, 51, 54—56, 59, 60, 75, 80—82, 85, 86, 88, 92—95, 97—101, 103, 105—108, 110—112, 115—120, 123, 126—131, 138, 141—148, 152, 154—165, 167—171, 173, 178, 180, 182, 187—189, 191, 193—195, 198, 201, 203, 205, 207—211, 213, 216, 218, 223, 228, 229, 237, 238, 240—243, 246, 248, 252, 257, 262, 264, 266, 273, 275, 278, 280, 282, 284—286, 292—294, 297, 298, 300, 305—310, 313, 321—324, 325, 337, 341, 383, 384, 387—397, 404, 417—419, 421—423, 425, 426, 429—437, 439, 441—443, 446—448, 450—452, 454, 458, 461, 464, 465, 470, 474, 480, 481, 485—488, 490, 493, 494, 500—504, 506, 508, 510—512, 515, 516, 518, 519—522, 524, 525, 528, 533, 536—539, 543, 562, 566
 Россия Красная (Червенская) см. Галиция
 Россия Малая см. Малороссия
 Россия Северо-Восточная 471
 Россия Северо-Западная (Прибалтийская) 141, 296, 389
 Россия Северная 123, 146, 189, 214
 Россия Юго-Восточная 36—38
 Россия Юго-Западная 24
 Россия (Русь) Южная 31, 32, 36, 39, 155, 453
 Росская (Рослаген), приморская обл. Швеции 57, 58, 214
 Россы (ротсы, руотсы), нар. 57, 58, 215
 Ростов, г. 50, 51, 56, 58, 95, 105, 110, 154, 164, 247, 290—293
 Ростовская обл. 154, 164, 230, 290, 300
 Ростовское княж-во 154, 164, 300
 Рось (Рус, Рша), р. 142, 281, 283
 Ротсы см. Россы
 Ротала, г. 208
 Руан, г. 222
 Руген см. Рюген
 Ругодив, г. см. Нарва
 Румунненская обл. 187, 192
 Румунье, нар. см. Валахи

- Рун, о-в 200
 Руотсы *см.* Россы
 Рупина, р. 292
 Руса, г. 196, 197
 Руснон, г. 217
 Русия, г. 320
 Русна *см.* Курский залив
 Русса (Лутта, Руса, Ритта), р., приток Немана 58, 216, 217
 Русская гора, в Финляндии 213
 Русская, Российская земля 53, 114, 116, 164, 174, 197, 207, 209, 213, 219, 261, 269, 277, 302
 Русские, россияне (россы, руссы, русь), нар. 15, 17, 25, 37, 42, 47, 49, 50, 52, 55—59, 69, 70, 80, 81, 96, 97, 99, 101, 103—109, 112—119, 125, 127, 129, 130, 132—139, 147, 150, 151, 153, 154, 156, 157, 161, 163, 166, 167—169, 171—174, 180, 188, 191, 192, 194, 196, 199—201, 204, 208, 209, 213—217, 219, 228, 230, 238, 239, 244—250, 252—254, 256—261, 264—268, 272—278, 281, 282, 284, 286—288, 291, 296, 298, 301, 305—307, 320, 322, 327, 394, 396, 418, 426, 451, 456, 473—475, 499, 503, 509, 540, 543
 Русское море *см.* Черное море
 Русское централизованное государство (Российская имп.) 388, 395, 444, 447, 486, 562
 Русь *см.* Россия
 Ручай *см.* Лыбедь
 Рша, р. *см.* Рось
 Рюген, о-в 67, 77, 226, 231, 275, 389
 Савиры, нар. 186
 Савойя, обл. во Франции 485
 Савроматы *см.* Сарматы
 Садил, г. 205
 Саки, нар. 176, 183, 189
 Саксен, г. Лауенбургского герцогства 227
 Саксония, обл. 40, 87, 187, 218
 Саксония Верхняя 73, 187
 Саксонцы (саксоны), нар. 68, 77, 213, 217
 Салис, р. 200
 Салы, нар. 188
 Самандар, г. 205
 Самбор, г. 285
 Самватас, г. *см.* Киев
 Самогития *см.* Жмудь
 Самоеды (самоядь), нар. 201
 Сарагуры, нар. *см.* Венгры
 Саратовская губ. 301
 Саратовские степи 111
 Сарацины *см.* Аравы
 Саркел *см.* Белая Вежа
 Сарматия, стр. 36, 177, 181, 188
 Сарматы (савроматы), нар. 31, 33, 35—37, 39—41, 67, 177, 181, 183, 184, 187, 194, 195, 202, 217, 384
 Свания, обл. 305
 Сварики, нар. 217
 Свевы, германские племена 39, 187, 326
 Свеи, Свеоны *см.* Шведы
 Святая гора *см.* Афонская гора
 Святое (Святославле), оз. 270
 Севастополь (Севастопольский мыс), г. 33, 151, 286
 Север 32—34, 36, 44, 53, 54, 56, 62, 93, 96, 98, 101, 163, 169, 184, 188, 189, 217, 218, 244
 Северное Причерноморье *см.* Причерноморье
 Северный мыс (Норд-Кап) 51, 55
 Северный Ледовитый океан (Мурманское, Студеное море) 37, 50, 182, 196, 208, 217, 218, 234
 Северская обл. (Севера) 194
 Северский Донец, р. *см.* Донец
 Северяне (севера, севрюки), нар. 47, 48, 50, 53, 66, 87, 99, 101, 103, 188, 193—195, 204, 221, 249
 Сегесан, г. 205
 Седмиградская обл. *см.* Трансильвания
 Сейм, р. *см.* Семь
 Селиврия, г. 189
 Селина, р., приток р. Дунай 168
 Сельчуки *см.* Турки
 Семендер, г. 323
 Семигалия и Семигалы (Земгола), обл. и нар. 51, 442

- Семь (Сейм, Посемье, Семичи), р. и вол. 48
- Сербия (Сервия) Западная, Восточная, обл. 45, 73, 74, 92, 188, 189, 191, 225, 226, 231, 285, 313
- Сербы (сервы, сорабы, сорбы), нар. 79, 81, 186, 187, 191, 197, 229, 238, 282, 313, 321
- Сервица, г. 313
- Серет (др. Ордисс), р. 34
- Серип, стр. 205, 305
- Серклия, г. 206
- Сибирское ханство 442
- Сибирь (Южная) 15, 34, 42, 50, 182, 196, 352, 540
- Сидеры, стр. 197
- Сидоняны, нар. 218
- Силезия (Шлезия), обл. 87, 89, 92
- Силезцы (силезийцы), нар. 188
- Силистрия *см.* Доростол
- Симбирская губ. 199
- Синай, гора 91
- Синоп, г. 193
- Сираки, нар. 37
- Сирия 45, 113, 168, 191, 276, 283
- Ситины, нар. 188
- Сицилия, о-в 125, 126, 269, 272, 389
- Скавица, гора *см.* Шековица
- Скалавацы *см.* Славяне
- Скандинавия 56, 58, 95, 165, 179, 208, 210, 211, 214, 240, 243, 302
- Скандинавы, нар. 51, 55—57, 91, 105, 168, 179, 210—214, 216, 217, 302, 388
- Скирры, нар. 181
- Скифия, гос-во 31, 34, 35, 47, 176—178, 182, 193, 234, 252, 385
- Скифы (сколоты), нар. 31—36, 67, 96, 151, 176—178, 182, 187, 191, 197, 200—202, 205, 214, 217, 234, 252, 278, 327, 384, 410
- Склады, склавны *см.* Славяне
- Скоты *см.* Шотландцы
- Скридефенны, нар. 217
- Скуруев, г. 247
- Скутари *см.* Суд, гавань в Константинополе
- Славенская (Словенская) земля 197, 207, 241
- Славония, обл. 45, 89, 231
- Славяне (словени, словаки, склавы, соланы), нар. 31, 37, 38, 40—45, 47—50, 52—79, 80—95, 97, 98, 100, 101, 103, 108, 109, 118, 119, 145, 149, 156, 163, 165—167, 170, 171, 173, 179, 180, 182, 183, 185—199, 202—204, 207, 208, 210, 212—214, 216, 218—228, 230, 231, 235—243, 245, 248, 250, 252—254, 256, 258, 263, 267, 268, 275, 279—281, 285, 291, 292, 304, 315, 316, 319—322, 323—326, 340, 384—389, 396—398, 404, 431, 474, 476, 521
- Славяне балтийские 44, 62, 72, 76, 77, 84, 86, 195, 385, 389
- Славяне богемские 44, 91
- Славяне болгарские 72
- Славяне восточные 384, 385, 387, 398, 431
- Славяне волынские 88
- Славяне греческие 157
- Славяне далматские 78, 92
- Славяне дунайские 43, 45, 49, 62, 64, 66, 82, 193, 223, 394
- Славяне иллирические 77, 79, 91, 231, 232, 325
- Славяне ильменские 48, 55, 101, 207, 387, 389, 394
- Славяне киевские 49, 52, 88, 204
- Славяне немецкие 82, 87, 173, 220, 225
- Славяне новгородские 47, 48, 58, 94, 207
- Славяне польские 220, 281
- Славяне северные 223
- Славяне южные 223
- Славянск (Словенск), г. 23, 196, 197
- Славянские ключи, р. 94, 110
- Смельдингп, нар. 188
- Смирна, г. 182
- Смоленск (Смолинск), г. 47, 49, 50, 94, 99, 110, 167, 170, 181, 199, 243, 247, 248, 292, 308, 450, 565
- Смоленская губ. 48, 193, 239, 305
- Сожа (Сожа), р. 48, 101, 282
- Солунь *см.* Фессалоники

- Сорабы, сорбы *см.* Сербы
 Сосва, р. 50, 201, 250
 Сочава (Сучава), г. 309
 Спарта, др.-греч. полис 16, 426
 Средиземное море 91
 Ставаны, нар. 188, 189
 Станово, с. 289
 Старый город в Киеве 49, 99, 199, 248, 294
 Старый Крым *см.* Крым
 Стеколна *см.* Стокгольм
 Стамбульская дориа *см.* Черное море
 Стена г. Константинополя 265
 Стетин, г. *см.* Штетин
 Стирия, обл. *см.* Штирия
 Стокгольм (Стокзунд, Штокгольм), г. 169, 322
 Стримон, р. 45
 Струбун, Струвун *см.* Напрези, днепровский порог
 Стugna р. 155, 157, 283, 292
 Студеное море *см.* Северный Ледовитый океан
 Суд, гавань в Константинополе 125, 244, 255, 265, 272, 326
 Судак (Сурож), г. 247, 286
 Судины, нар. 188
 Суздаль (Суждаль), г. 250, 252, 282
 Суздальская земля, обл. 290
 Сула, р. 48, 101, 110, 155, 249, 292
 Сулавы, нар. 188
 Суличи (посульцы), нар. 188, 249, 267
 Сумь, суома *см.* Финны
 Сурож, г. *см.* Судак
 Сурожское море *см.* Азовское море
 Сучава, г. *см.* Сочава
 Сыряне *см.* Зыряне
 Сысва, р. 201
 Сысола (Сычола), р. 201
 Сычовка, г. 305
 Табаристап 268
 Тавастландия 200
 Тавр, гора легенд. 96, 244
 Таврида *см.* Крым
 Таврические владения 216
 Тавры, нар. 31, 33
 Тамань (Таман), п-ов 274, 335
 Таматарха *см.* Тмутаракань
 Тамбовская губ. 199, 200
 Тана, Танаис *см.* Азов
 Тартесс, г. 91
 Таруса *см.* Торуса
 Татария (Великая) 34, 42, 182, 183, 185, 251
 Татары (моголы), нар. 21, 183, 189, 200, 201, 250, 251, 273, 274, 299, 301, 429, 432, 443, 447, 452, 473, 522
 Таугаст, стр. 189
 Тверская губ. 48, 239, 305
 Тверское княж-во 26
 Тверь, г. 522, 524
 Телиуца, г. 199
 Темесварский Баннат, обл. 178
 Темир-Кабы *см.* Дербент
 Теплое море *см.* Черное море
 Тептери, нар. 200
 Теревинф, о-в 244
 Теремный дв. (Теремец), в Киеве 121, 142
 Тетракситы *см.* Готфы
 Тибинген, г. *см.* Тюбинген
 Тибиска, р. *см.* Тиса
 Тибр, р. в Италии 14, 196
 Тиверцы (Тивирцы), нар. 47—49, 101, 103, 194, 195, 249, 250
 Тивянцы, нар. 194, 195
 Тинное, оз. *см.* Белое оз.
 Тирава, г. 194
 Тирис *см.* Днестр
 Тириты, нар. 34
 Тиса (Тибиска), р. 36, 40, 194
 Тмутаракань (Матарха, Метраха, Таматарха), г. и обл. 127, 154, 274, 300, 383
 Тмутараканский о-в. *см.* Тамань
 Тмутараканское княж-во 127, 266, 344, 345
 Тобол, р. 111, 189, 200
 Тобольская губ. 178
 Толленза, р. 72
 Толлензское (Петрское) оз. 68, 82, 91
 Томские остяки *см.* Остяки
 Торки (узы), нар. 144, 146, 147, 206, 283. *См. также* Узы
 Тосканцы *см.* Этрурийцы
 Трансильвания (Седмиградская

- обл.) 33, 47, 112, 155, 178, 225, 273
 Триполь (Треполь), г. 305
 Троя (Илион), г. 180
 Трубуж Южный, р. 155, 156, 257, 292, 293
 Тула, г. 445
 Туле, о-в 179, 211
 Тульская губ. 48, 176
 Турдетаны, нар. 91, 235
 Турецкая обл. 190
 Туркестан (Ясси), стр. 189, 301
 Турки (туркоманы, османы), нар. 31, 42, 43, 53, 111, 147, 175, 176, 189—192, 206, 250, 255, 268, 283, 315, 320, 323, 324
 Туров, г. 154, 292
 Туровцы, жпт. 292
 Турпеш см. Черные клубуки
 Тышовцы, с. 327
 Турция, турецкие народы 195, 251, 276
 Тюбинген (Тибинген), г. 239, 348
 Тюринген, г. 371
 Тюрингия, обл. 187
 Угл, р. см. Орель
 Углич, г. 478
 Угличи (Суличи), нар. 188, 247, 263, 267
 Угорская земля см. Венгрия
 Угорские горы см. Карпатские горы
 Угорское, м. под Киевом 102
 Угра, р. 472, 473
 Угровлахия см. Молдавия
 Угры см. Венгры
 Узы (гоцы, огузы), нар. 111, 205, 206, 263, 264, 268
 Уйгуры (угуры), нар. 185
 Укры, нар. 187
 Ульворси см. Островунипраг, днепровский порог
 Ульмиганы (ульмигеры), нар. 58
 Ульяновск, г. 331
 Унгуры, уногуры см. Венгры
 Унеж см. Нежин
 Упландия, обл. 214
 Упсала, г. 78, 226
 Урал (Янк), р. 43, 50, 111, 189, 206, 250, 264
 Урал, Уральские горы (Каменный пояс, Камень) 33, 39, 101, 175, 178, 201, 250, 263, 264
 Урмяне см. Норвежцы
 Уроги (утигуры) см. Венгры
 Уфимская губ. 185
 Ухани, м. на р. Гучва 282, 327
 Уша (Ушь), р. 194, 267, 280
 Ушевенде, г. 181
 Ушица, г. 194
 Уштяки см. Остяки
 Фазис (Рион), р. 31
 Фанагория, г. 31, 32, 53, 127
 Фанарский мыс 286
 Фара (маяк) при Боспоре 113, 264
 Фарганы см. Варяги
 Феодосиева стена в Константинополе 41
 Феодосия, г. см. Кафа
 Феруз-Капад, г. 205
 Фессалия, обл. 278
 Фессалоники (Солунь), г. 45, 92, 172, 195, 313
 Финикиане, нар. 37, 64, 90, 91, 180, 181
 Финикия, стр. 235
 Финляндия (Гамская, Емьская земля, Виндландия), обл. 50, 55, 163, 200, 209, 210, 213
 Финляндская губ. 51
 Финны (финляндцы, сумь, суома), финно-угорские племена 50—52, 57, 93, 94, 98, 103, 180, 188, 200—202, 212, 213, 216, 239—241, 250, 251, 300, 385, 387
 Финский залив Балтики 51, 146, 179, 200, 213, 298
 Фиссагеты, нар. 33
 Фландрия, обл. 56
 Флоренция, г. 545
 Фраки, фракийцы, нар. 90, 192, 234
 Фракийский Воспор см. Боспор
 Фракия, обл. 36—38, 40, 41, 43—45, 62, 90, 109, 113, 132, 175, 191, 217, 234
 Франки (французы), нар. 205, 211, 213, 217, 222, 255
 Франкская империя 388
 Франкфурт-на-Майне, г. 198, 489

- Франция 55, 205, 213, 418, 447;
481, 489—491, 493—497, 499,
501, 534
- Фригия, обл. 45, 180
- Фризы, нар. 217
- Фрисландия, обл. 257
- Фриули, обл. 191
- Фуле *см.* Туле
- Хазария (Хазар) *см.* Козария
- Хазарское море *см.* Каспийское море
- Хазары (хизирь) *см.* Козары
- Хамлидш, г. 323
- Харьков, г. 54, 206, 348
- Харьковская губ. 101, 251
- Харьковские степи 106
- Хвалижское (Хвалынское) море
см. Каспийское море
- Хвалисы *см.* Кангли
- Хвалынск, г. 301
- Хельм, г. *см.* Холм
- Херсон (Херсонес; Корсунь), г.
в Крыму 23, 31, 32, 43, 100,
101, 151—153, 156, 159, 176,
203, 247, 266, 286—290, 294,
304, 443
- Херсонцы (корсуняне), жит. 113,
116, 151, 168, 264, 266, 273,
286
- Херсонская губ. 32, 101
- Херсонская обл. 116, 137
- Херсонский залив (лиман) 151,
286
- Хива (Хорезм), стр. 183, 323
- Хина *см.* Китай
- Хингил, р. 251
- Холм (Хелм), г. Галицкий 145,
282
- Холопий (Старый Холопий), г.
288, 289
- Хоразы (хивинцы), нар. 183
- Хорасан (Хорусаний), обл. 205,
323
- Хорватские горы *см.* Карпат-
ские горы
- Хорватия (Кроация), обл. 45,
73, 191, 195, 250, 293
- Хорваты (кроаты, хорутяне),
нар. 47, 48, 70, 89, 101, 103,
144, 155, 188, 191, 195, 263,
293, 323}
- Хорезм, хорезмцы, нар. 323
- Хоривица, гора в Киеве 49, 198
- Хоровица, г. легенд. *см.* Хо-
ривица, гора
- Хортица (св. Григория о-в),
о-в 82, 168, 229
- Хорусаний *см.* Хорасан
- Хунигард *см.* Россия
- Хунны *см.* Гунны
- Царицын, г. 206
- Царское Село 531, 534, 539
- Царьград *см.* Константинополь
- Церкви и соборы:
- В Васильеве:
Спасопретворенская 157
- В Владимире-Залесском:
Успенская златоверхая (деся-
тинная), собор 290
- В Галиче Червенском:
Успенская, в Крылосе 309
- В Киеве:
Андреевская 153, 294
- Богородицы Рождества деся-
тинная, собор 92, 153, 156,
159, 160, 174, 290, 292—
294, 299, 300, 302, 306,
326, 335, 561
- Борисоглебская 289
- Василия св. 154, 290
- Георгиевская 290
- Ильи, св. соборная 117, 266,
267
- Ирины, св. 100, 248
- Николая, св. 100, 248, 267
- Михаила Архистратига 289
- Петровская 289;
- Петра и Павла 297;
- Софийский собор 272, 287, 300
- В Константинополе:
Влахернская 96, 245
- Ильи св., соборная 116, 266
- Мамы св. 258
- Софийский собор 150, 170,
257, 284
- В Новгороде Великом:
Софийский собор (св. Софий)
288, 327, 336, 338, 340, 341,
556, 563, 568
- Андрея Первозванного 193
- В Овруче:
Васильевская 280
- В Переславле Киевском:
Крестовоздвиженская 297

- В Рпме:
 Климентия св. 236
 Теревинфская, на о-ве Теревинф 244
 В Херсоне:
 Василия св. 152, 287
 Иаковлевская 287
 Софии св. 287
 Цимбры *см.* Кимвры
- Червен (Червнь, Червоноград, Чермно), г.-креп. 145, 282, 300, 327, 341
 Червенная (Червоная) Россия *см.* Галиция
 Червенная (Червоная) Хорватия *см.* Хорватия
 Черемисская земля 199, 473
 Черкасские горы *см.* Кавказские горы
 Черемисы, пар. 50, 197, 199, 200, 442
 Черкасы *см.* Черные клубуки
 Черкесы (черкасы горские, ка-сахы), пар. 127, 191, 251, 273
 Чермно (Чермо, Червопоград), д. *см.* Червен
 Черная, р. 96, 200
 Черная (Кумо), р., в Финляндии 200, 323
 Черная Болгария *см.* Болгария
 Черная Венгрия *см.* Венгрия
 Чернебог, гора в Верхней Лаузице 226
 Чернее (Червеп), сел. близ Хелма 282
 Чернигов (Чернегов), г. 47, 49, 50, 105, 167, 170, 199, 258, 270, 293, 452, 453
 Черниговская губ. 48, 101, 193, 248, 270
 Черниговское княж-во 300, 443
 Черниговцы, жит. 101, 258
 Чернобожский, г. в Сербии 226
 Черное море (Русское, Теплое море, Эвксинский Понт, Стембульская дорья) 31—33, 35—41, 53, 96, 98, 112, 113, 119, 127, 138, 151, 168, 169, 175, 176, 178, 182, 184, 188, 189, 191, 196, 203, 205, 240, 243, 245, 255, 264, 265, 305, 320, 322
 Черноморские земли 43
 Черноморское побережье 187, 250
 Черные клубуки (черкасы, берендеи, торки, турпен), пар. 147, 206, 283
 Чертово беремище, гора 289
 Чехи (богемцы), пар. 42, 43, 45, 68, 72, 129, 187, 221, 223, 231, 275
 Чуваши (ветке), пар. 50, 194, 200, 201
 Чудин дв., в Киеве 306
 Чудская земля 58, 217, 241
 Чудское оз. (Пейпус, Псковское оз.) 98
 Чудь (эсты, чухни), пар. 47, 50, 55, 56, 59, 93, 94, 99, 141, 155, 163, 197, 200, 201, 213, 214, 240, 242, 280, 292, 296, 385, 387, 442
 Чудь заволоцкая *см.* Движане
- Шалавония, обл. 181
 Шам, г. *см.* Дамаск
 Шартр, г. 246
 Шатрицы, д. 269
 Шведы (свей, свеоны), пар. 51, 55, 57, 58, 208, 211, 213—216, 222, 299, 319, 326, 388
 Швейцария 484, 485, 489, 499
 Швеция, Шведское королевство (Свейская земля) 50, 55—58, 93, 148, 159, 209, 210, 214—216, 218, 352, 396, 443, 452
 Шексна, р. 242
 Шелонь (Шолона), р. 196
 Ширван, г. 118, 119
 Ширванское царство 268
 Шклов (Склов), г. 186
 Шотландия 55
 Штеттин (Стетин), г. 82, 84, 86, 221
 Штирия (Стирия), обл. 89, 187, 191, 192
 Штокзунд *см.* Стокгольм
 Шулявшино, м. под Киевом 199
- Щековица (Скавица), гора в Киеве 49, 110, 198
 Щековца, г. легенд. 198
 Шулявшино *см.* Шулявшино
- Эвксинский Понт *см.* Черное море,

- Эгиры, г. 267, 270
 Эллада (Еллада) *см.* Греция
 Эльба (Лаба), р. 14, 40, 43, 45, 56, 186, 188, 191, 211, 213, 218
 Эпидавр, г. 189
 Эридан, р. 37, 180
 Эссекские (Мурсийские) болота 187
 Эссупи *см.* Нессупи
 Эстляндия 179, 282, 298, 306, 485,
 Эстляндская губ. 94
 Эстония (Эстия) 50, 55, 94, 110, 209, 211, 315
 Эсты (есты, эстонцы, эстляндцы), нар. 37, 179—181, 187, 200
 Этверская пустыня 283
 Этель, р. *см.* Волга
 Этрурийцы (тосканцы), нар. 91
 Эфес (Ефес), г. 37
 Эфиопия (Ефиопия) 35, 305
 Эфиопы, нар. 234
- Юг, р. 201
 Югра (Югорская земля) 201, 250
- Югры (югричи), нар. 50, 201, 442
 Юлин, г. *см.* Виннета
 Юстинианова палата (зал, храмина) 124, 271
 Ютландия, п-ов 181, 258
- Ядшудша (Мадшудша, Гог и Магог), нар. легенд. 325
 Язвинги *см.* Ятвяги
 Язиги-метанасты, нар. 36, 39, 177, 178, 273
 Яик, р. *см.* Урал
 Ямь *см.* Емь
 Ярославская губ. 95, 270, 289, 300
 Ярославль, г. 334, 524, 525
 Ясси *см.* Туркестан
 Яские горы *см.* Кавказские горы
 Ясы, нар. 127, 185, 273, 274.
См. также Аланы
 Ятвяги (язвинги), нар. 145, 161, 281, 300
 Ятр *см.* Иатр, о-в
 Ятунгейм, стр. *см.* Иотунгейм
 Яуза, р. 247

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
------------------------	---

Н. М. Карамзин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ПОСВЯЩЕНИЕ	11
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА	23

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Том I

Глава I

О НАРОДАХ ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения Греков о России. Путешествие Аргонатов. Тавры и Киммеряне. Гипербореи. Поселенцы Греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полуночных. Описание Скифии. Реки известные грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, Геты. Сарматы, Алане, Готфы, Вепеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: их подвиги. Авары, Турки, Огоры. Расселение славян. Падение Аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов Славянских	31
---	----

Глава II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение Славян Российских. Поляне. Радимичи и Вятчи. Древляне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Северяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или Чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия Славян Российских. Господство и гибель Обров. Козары. Варяги. Русь	47
--	----

Глава III

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ
СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы Славян Российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота 61

Глава IV

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879

Призвание Князей Варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение Россиян на Империю. Начало Христианства в Киеве. Смерть Рюрика . . . 93

Глава V

ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ. Г. 879—912

Завоевания Олеговы. Нашествие Угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с Греками. Договор с Империею. Кончина Олега 99

Глава VI

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Г. 912—945

Бунт Древлян. Явление Печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с Греками. Убиение Игоря 111

Глава VII

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Г. 945—972

Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие Печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые Уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с Греками. Наружность Святослава. Кончина его 120

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК. Г. 972—980

Междоусобие князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы Российские в Германию 140

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ. Г. 980—1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые Христианские мученики в Киеве. Бунт Радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение Государства. Строение городов. Война с Хорватами и Печенегами. Церковь Десятинная. Набег Печенегов. Пирь Владимировы. Милосердие. Осада Белгорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри 144

Глава X

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы. Правление. Законы гражданские. Воинское искусство. Флоты. Чинопочаение и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы 163

ПРИМЕЧАНИЯ К I ТОМУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» 175

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ 315

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ I «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

М. И. Афанасьева, В. Ю. Афиани, В. П. Козлов, Г. А. Космолинская

Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях» 330

А. Н. Сахаров, М. Б. Свердлов

Послесловие. Начальный период отечественной истории в освещении Н. М. Карамзина 383

ПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМАМ I—XII «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

В. Ю. Афиани, В. М. Живов, В. П. Козлов

Научные принципы издания 400

А. Н. Сахаров

Уроки «бессмертного историографа» 415

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. В. Гулыга</i>	
Великий памятник культуры	460
<i>Л. Г. Кислягина</i>	
Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина	480
<i>В. Ю. Афиани, В. П. Козлов</i>	
От замысла к изданию «Истории государства Российского»	514
<i>В. П. Козлов</i>	
«Примечания» Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского»	551
Отклики читателей-современников на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина	574
УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ I «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОС- СИЙСКОГО»	
Указатель имен	578
Указатель географических и этнических названий	612

Карамзин Н. М.

К21 История государства Российского в 12-ти томах.
Т. I/Под ред. А. Н. Сахарова.—М.: Наука, 1989.—
640 с., ил.

ISBN 5-02-009550-8

Настоящим томом открывается публикация «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Том включает повествование о древнейших народах, населявших территорию Восточной Европы, славянских племенах, образовании древнерусского государства в IX—XI вв.

Публикация тома «Истории» сопровождается рядом статей, комментариями и указателями.

К $\frac{0503020200-074}{042(02)-89}$ Подписное

ББК 63.3(2)41

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

в двенадцати томах

Том I

Редактор издательства
Г. Д. Капустина

Художник
М. В. Большаков

Художественный редактор
В. В. Алексеев

Технический редактор
Н. Н. Кокина

Корректоры
Т. П. Вдов, Н. П. Гаврикова

ИБ № 39238

Сдано в набор 20.12.88

Подписано к печати 21.04.89

А-03882. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 33,7. Усл. кр. отт. 33,7

Уч.-изд. л. 42,9

Гираж 350 000 экз (II завод 50 001 — 125 000 экз.)

Тип. зак. 3633

Цена 5 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

